

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 27. № 5

2022

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 27. No. 5

2022

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index (RSCI, Web of Science)**, **CrossRef (USA)**, **DOAJ (Sweden)**, **EBSCO (USA)**, **Google Scholar (USA)**, **JournalSeek (USA)**, **MIAR (Spain)**, **OCLC WorldCat® (USA)**, **ProQuest (USA)**, **Research Bible (Japan)**, **ROAD (France)**, **SHERPA/RoMEO (Spain)**, **SSOAR (Germany)**, **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (USA)**, **Western Theological Seminary (Holland)**, **ZDB (Germany)**, **CyberLeninka (Russia)**, etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova,*
Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina
Editor of English texts *D.A. Novak*
Making up and technical editing:
E.S. Reshetnikova, O.N. Yadykina

Passed for printing Oct. 10, 2022.
Date of publication: Nov. 30, 2022. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 25.4. Published pages 27.3.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–30). Order 129. «С» 31.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index (RSCI, Web of Science)**, **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef (США)**, **DOAJ (Швеция)**, **EBSCO (США)**, **Google Scholar (США)**, **JournalSeek (США)**, **MIAR (Испания)**, **OCLC WorldCat® (США)**, **ProQuest (США)**, **Research Bible (Япония)**, **ROAD (Франция)**, **SHERPA/RoMEO (Испания)**, **SSOAR (Германия)**, **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (США)**, **Western Theological Seminary (Голландия)**, **ZDB (Германия)**, **КиберЛенинка (Россия)** и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*
Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование
Е.С. Решетниковой, О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 05.10.2022 г.
Дата выхода в свет: 30.11.2022 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 27,3.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 129. «С» 31.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022

Том 27. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2022

Volume 27. No. 5

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2022. Vol. 27. No. 5

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Volgograd);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
PhD (History) *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022. Т. 27. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮГ РОССИИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ:

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

- Перерва Е.В.* Кочевники раннего железного века (IX–VII и VI–IV вв. до н. э.): сравнительный анализ по данным палеопатологии 6
- Слепченко С.М., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Филимонова М.О., Свиркина Н.Г.* Новые данные по археопаразитологии Северного Причерноморья (по материалам некрополя Фанагории) 27
- Ходырева Д.С., Гончарова Н.Н., Бужилова А.П., Березина Н.Я.* Эффективность определения пола по останкам неполовозрелых индивидов методами морфологии (на примере средневековой серии Мамисондон, Северная Осетия) 39

РОССИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

- Башнин Н.В.* Становление культуры делопроизводства в России XIV – начала XVI века 52
- Рыбалко Н.В.* Челобитные пермичей 1605–1608 гг. как источник по истории центрального и местного управления Московского государства (по материалам Соликамского архива) 68
- Нольте Г.Г.* Неправославный труд в России раннего Нового времени [На англ. яз.] 84
- Вовина-Лебедева В.Г.* Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII века 96
- Рыблова М.А.* Артельное начало в организации рыболовного и охотничьего промыслов у русского населения Дона и Нижней Волги 108

РЕЛИГИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Шадрина А.В.* Старообрядчество в Области войска Донского в начале XX в. по данным клировых ведомостей Донской и Новочеркасской епархии [На англ. яз.] 120
- Якунин В.Н.* Религиозная ситуация в Тольятти на примере Русской православной церкви (1988–1997 гг.) 136

- Ефанова Е.В., Дринова Е.М., Веремеев Н.Ю.* Политическая стабильность Латинскоамериканского региона в условиях политизации института религии [На англ. яз.] 149

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Селиверстов С.В.* Две тенденции понимания «трех миров» в раннеевразийском дискурсе: В.И. Ламанский и И. Гаспринский (вторая половина XIX – начало XX в.) 160

ЕВРОПА И АЗИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

- Атапин Е.А.* Эволюция британского евроскептицизма во второй половине XX века [На англ. яз.] 171
- Карадже Т.В., Чан Тхи Ми Нгок.* Участие женщин в органах государственной власти современного Вьетнама: проблемы и перспективы 184

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Усте А.Н., Санылы Айдын У.* Этнические конфликты или экономические преимущества? Контент-анализ сообщений СМИ о железнодорожном пути Баку – Тбилиси – Карс как части Транскаспийского транспортного коридора [На англ. яз.] 194
- Виньо А., Байков А.А., Калюжнова Е.* Международные сети на службе устойчивого развития: Всемирный банк и российское законодательство в области сжигания попутного природного газа [На англ. яз.] 206

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

- Скорик А.П., Бондарев В.А., Матишов Г.Г.* Казачество Юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования 219
- Елохина А.К., Стельник Е.В.* Реконструкция первых боев за центральный железнодорожный вокзал города Сталинграда 14–15 сентября 1942 года 237
- Золотовский В.А., Лысиков П.И.* К вопросу о методике оценки ресурсного потенциала археологических объектов в системе средств популяризации историко-культурного наследия регионов РФ [На англ. яз.] 254

ИСТОРИКИ И ИСТОРИЯ В XXI ВЕКЕ

- Кузнецов О.В.* К 80-летию профессора В.А. Китаева 265

CONTENTS

RUSSIAN SOUTH IN THE EARLY IRON AGE AND MIDDLE AGES: ANTHROPOLOGICAL RECONSTRUCTIONS

- Pererva E.V.* Nomads of Early Iron Age
of 9th– 7th and 6th– 4th Centuries BC:
Comparative Paleopathology Data Analysis 6
- Slepchenko S.M., Voroshilov A.N., Voroshilova O.M.,
Filimonova M.O., Svirkina N.G.* New Data
on the Archaeoparasitology
of the Northern Black Sea Region
(The Phanagoria Necropolis Materials) 27
- Khodyreva D.S., Goncharova N.N., Buzhilova A.P.,
Berezina N.Ya.* The Effectiveness of Sex Determination
of Immature Individuals by Morphological Methods
(A Case Study of Medieval Mamisondon Series,
North Ossetia) 39

RUSSIA IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

- Bashnin N.V.* The Formation of the Culture
of Clerical Work in Russia
of the 14th– Beginning of the 16th Century 52
- Rybalko N.V.* Petitions of the Perm People
in 1605–1608 as a Source on the History
of the Central and Local Government
of the Moscow State
(By the Materials of the Solikamsk Archive) 68
- Nolte H.-H.* Non-Orthodox Labour
in Early Modern Russia 84
- Vovina-Lebedeva V.G.* Formation of Big Peasant Clans
in the Russian North Based on the State Descriptions
of the Vazhsky District
from 17th to the Early 18th Century 96
- Ryblova M.A.* The Organization
of Fishing and Hunting Crafts
Among the Russian Population of the Don
and Lower Volga Area: Its Artel Roots 108

RELIGION IN HISTORICAL PROCESSES AND MODERN SOCIETY

- Shadrina A.V.* The Old Believers’ “Schism”
in the Don Cossack Host Region
in the Early 20th Century
According to the Clergy Records
of the Don and Novochoerkassk Diocese 120

- Yakunin V.N.* Religious Situation in Togliatti
on the Example of the Russian Orthodox Church
(1988–1997) 136

- Efanova E.V., Drinova E.M., Veremeev N.Yu.*
Political Stability of the Latin American Region
in the Context of the Politicization
of Religious Institution 149

INTELLECTUAL HISTORY

- Seliverstov S.V.* Two Tendencies of Understanding
the “Three Worlds” in the Early Eurasian Discourse:
V.I. Lamansky and I. Gasprinsky
(Second Half of the 19th – Early 20th Century) 160

EUROPE AND ASIA: THE EVOLUTION OF POLITICAL INSTITUTIONS

- Atapin E.A.* Evolution of British Euroscepticism
in the Second Half of the 20th Century 171
- Karazhe T.V., Chan Thi Mi Ngoc.* Women’s Participation
in the State Authorities of Modern Vietnam:
Problems and Prospects 184

MODERN TOOLS

OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Uste A.N., Sanili Aydin U.* Ethnic Conflicts
or Economic Benefits? A Media Content Analysis
About the Baku-Tbilisi-Kars Railway
as a Part of the Trans-Caspian Transport Corridor 194
- Crowley-Vigneau A., Baykov A.A., Kalyuzhnova Ye.*
International Networks for Sustainable Development:
The World Bank and Russian Flaring Legislation 206

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Skorik A.P., Bondarev V.A., Matishov G.G.* Cossacks
of the South of Russia in the Soviet Era:
Problems and Prospects of Scientific Research 219
- Elokhina A.K., Stelnik E.V.* Reconstruction
of the First Battles for the Central Railway Station
of Stalingrad on September 14–15, 1942 237
- Zolotovskiy V.A., Lysikov P.I.* On the Issue
of Methodology for Evaluating Resource Potential
of Archaeological Sites in the System of Means Aimed
at to Popularize Historical and Cultural Heritage
of Russia’s Regions 254

HISTORY AND HISTORIANS

IN THE 21st CENTURY

- Kuznetsov O.V.* To the 80th Anniversary
of Professor V.A. Kitaev 265

www.volsu.ru

ЮГ РОССИИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ:

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>

UDC 930.26(470.4):340.624

LBC 63.48(235.4)-52

Submitted: 30.05.2022

Accepted: 15.09.2022

NOMADS OF EARLY IRON AGE OF 9th – 7th AND 6th – 4th CENTURIES BC: COMPARATIVE PALEOPATHOLOGY DATA ANALYSIS ¹

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper reveals comparative analysis results of the anthropological nomads' series of the Pre-Sauromat and Sauromat times, originating from under-kurgan burials of the Lower Volga region. *Methods.* The samples were compared regarding pathological abnormalities and stress markers frequencies found on the bone remains. Fourteen individuals' remains were attributed to 9th – 7th centuries BC nomads. Twenty individuals' remains were attributed to the Sauromate series of the 6th – early 4th centuries BC. The standard assessment program of paleopathological conditions developed on the postcranial skeleton and skull was applied in the course of examination of the anthropological material. *Analysis.* As a result of the conducted study, it was established that there were no significant differences between the series when comparing frequencies of stress markers and pathological conditions occurrence. The studied groups are close to each other in terms of lifestyle regardless of cultural affiliation. *Results.* The series of Pre-Sauromat and Sauromat times is characterized by a specific pathological complex, which description is based on the anthropological materials of Early and Middle Bronze Age nomadic pastoralists, Sarmatians and nomads from the Lower Volga region of the late 13th – 14th centuries. The high level of traumatism found in groups testifies to the difficult social and political situation in the southern Russian steppes in the 9th – 4th centuries BC. The pre-Sauromat and Sauromat population recorded cases of unintentional lullaby deformation associated with traditions common in Central and Central Asia nomadic cultures of the 1st millennium BC.

Key words: nomads, Early Iron Age, paleopathology, unintentional cranial deformation, stress markers, traumas.

Citation. Pererva E. V. Nomads of Early Iron Age of 9th – 7th and 6th – 4th Centuries BC: Comparative Paleopathology Data Analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 6-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>

УДК 930.26(470.4):340.624

ББК 63.48(235.4)-52

Дата поступления статьи: 30.05.2022

Дата принятия статьи: 15.09.2022

КОЧЕВНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (IX–VII И VI–IV вв. до н. э.): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОПАТОЛОГИИ ¹

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Работа посвящена сравнительному анализу антропологических серий кочевников предсавроматского и савроматского времени, происходящих из подкурганых захоронений Нижнего

© Перерва Е.В., 2022

Поволжья. *Методы и материалы.* Выборки сопоставлялись по частотам встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса, выявленных на костных останках. Группа кочевников IX–VII вв. до н. э. представлена 14 индивидами, а серия савроматов VI – первой половины IV в. до н. э. – 20 индивидами. В процессе работы использовалась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний на костях посткраниального скелета и черепа. *Анализ.* В результате проведенного исследования удалось установить, что при сравнении частот встречаемости маркеров стресса и патологических состояний случаев достоверно значимых различий между сериями зафиксировано не было. *Результаты.* Группы, вне зависимости от культурной принадлежности, близки друг к другу по происхождению, образу жизни. Для серии предсавроматского и савроматского времени характерен специфический патологический комплекс, который был описан на антропологических материалах кочевников-скотоводов эпохи ранней и средней бронзы, сарматов и кочевников Нижнего Поволжья второй половины XIII – XIV века. Высокий уровень травматизма, обнаруженный в группах, свидетельствует о сложной социально-политической обстановке в южнорусских степях в IX–IV в. до н. э. У населения предсавроматского и савроматского времени зафиксированы случаи непреднамеренной колыбельной деформации, появление которой связано с традициями, распространенными в кочевых культурах Средней и Центральной Азии I тыс. до н. э.

Ключевые слова: кочевники, ранний железный век, палеопатология, непреднамеренная деформация черепа, маркеры стресса, травмы.

Цитирование. Перерва Е. В. Кочевники раннего железного века (IX–VII и VI–IV вв. до н. э.): сравнительный анализ по данным палеопатологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 6–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>

Введение. В конце бронзового – начале раннего железного века в Нижнем Поволжье происходят социально-культурные изменения, связанные с появлением нового населения. Видимо, новации в металлургии и изменения климатических условий, связанные с процессом обширной аридизации, определили облик хозяйственно-экономического развития исторических общностей и культур Нижневолжского региона IX–VII вв. до н. э. [30, с. 84]. Исследователи до сих пор затрудняются ответить на вопрос, какой народ или племена жили на территории Нижнего Поволжья в начале раннего железного века, поэтому данный исторический этап принято обозначать обобщающим термином «предсавроматский период» [22].

Работ, посвященных изучению антропологии населения предсавроматского времени с территории южнорусских степей, крайне мало. Прежде всего, это исследования М.А. Балабановой [3, с. 167–168] и Е.Ф. Батиевой [5, с. 22].

Общее представление о кочевниках VI – первой половины IV в. до н. э., известных как савроматы, можно получить из письменных источников. По их данным савроматы кочевали восточнее скифов за рекой Танаисом [12, IV, гл. 21].

Антропологические материалы по кочевникам VI – первой половины IV в. до н. э. Ниж-

него Поволжья более репрезентативны. Исследования были начаты еще в XX веке. Несмотря на это, только работа Б.В. Фирштейн [31] дает представление об антропологическом типе данного населения, так как в других материалах встречается лишь публикация отдельных черепов.

Более полное представление о населении савроматского времени Нижнего Поволжья дают работы М.А. Балабановой [2; 4], которая характеризует их как носителей типа древних восточных европеоидов и отмечает внутригрупповую неоднородность.

Кроме определения антропологического типа, в разное время осуществлялись исследования, касающиеся патологического состояния костяков населения предсавроматского и савроматского этапов [23; 27]. В представленном же ниже исследовании впервые предпринимается попытка проведения сравнительного анализа этих двух групп ранних кочевников Нижнего Поволжья, основанного на фиксации патологических отклонений на костных останках, оценка которых позволит уточнить особенности образа жизни ранних кочевников железного века.

Методы и материалы. В процессе работы с антропологическим материалом применялась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний на

костях посткраниального скелета и черепа [10]. Расчет половозрастных характеристик проводился на основании построения таблиц, разбитых на 10-летние когорты. Возрастная шкала ограничена интервалом 56+ и более лет. При отнесении индивидов в возрастные группы применялся интервальный подход, а также принцип простой скользящей средней, разработанный и апробированный Д. Богатенковым [7].

Статистические расчеты осуществлялись в оболочке StatSoft, Inc. (2011) STATISTICA (data analysis software system), version 10 (www.statsoft.com), с использованием критерия χ^2 (хи квадрат) Пирсона для сопоставления частот встречаемости маркеров стресса и патологических отклонений.

Материалом исследования послужили серии, полученные из погребений двух хронологических периодов: IX–VII вв. до н. э. – 14 индивидов и VI – первой половины IV в. до н. э. – 20 индивидов. Группы представляют собой случайные и малочисленные выборки, состоящие из костных останков, полученных в результате археологических раскопок курганных захоронений с территории Волгоградской области (см. рис. 1).

Анализ. Сравнительный анализ проводился на основе таблиц, в которых представлена цифровая информация по основным патологическим состояниям (см. табл. 1–3).

Прежде чем перейти к сравнительному анализу хронологических групп по данным демографии следует отметить, что невозможно полноценно провести этот процесс, так как обе серии крайне малочисленные и носят случайный характер. В связи с этим будут указаны лишь общие тенденции. Так, в обеих группах наблюдается отсутствие детей, превалирование мужской части населения над женской. В серии предсавроматского времени соотношение по полу составляет 64,3 : 35,7 %, а савроматское – 88,2 : 11,8 %. Обе группы имеют достаточно близкие показатели среднего возраста смерти у мужчин – 36,4–35,2 года.

Относительно серии предсавроматского времени сравнительных материалов по данным палеодемографии немного. Можно лишь указать на работу М.А. Балабановой, которая изучила серию предскифского времени

восточноевропейских степей, состоявшую из 24 индивидов – 20 мужчин и 4 женщин. Детские костные останки исследователем не изучались [3].

Е.Ф. Батиевой удалось оценить палеодемографические особенности населения Нижнего Дона в киммерийское время. Она отметила отсутствие младенческих погребений, а частота встречаемости детей достигает 18,7 %. Соотношение по полу также в пользу преобладания мужчин (45,8 %) над женщинами (16,7 %). Продолжительность жизни у женщин ниже 28 лет, а у мужчин находится на уровне 34,2 года [5, с. 19]. Таким образом, можно сказать, что нижневолжская группа IX–VII вв. до н. э. по половозрастным показателям близка известным в настоящий момент изученным ранее синхронным сериям.

По серии савроматского времени Нижнего Поволжья имеется больше сравнительных данных с синхронными древними группами. Так, известно, что в курганном могильнике Казыбаба с территории Юго-Западного Приаралья чаще погребались мужчины (47), чем женщины (34 индивида), юношеских захоронений так же мало, всего 10 костяков, что составляет 12,3 % от общей численности савроматских захоронений [1, с. 78–79].

Суммарная серия савроматского времени из Доно-Волго-Уральского междуречья, изученная М.А. Балабановой, насчитывала 64 черепа, из них 46 мужских и только 18 женских. Материал этого автора также сборный, и так как она изучала краниологию данного населения, то нет данных по детским костякам [2].

Еще одна серия савроматского времени, где указывается половозрастной состав погребенных, происходит из Волго-Уральского региона. Ее изучала группа исследователей под руководством М. Барнабей [6]. В результате удалось установить, что в группе из уральских могильников на 113 мужских захоронений приходится 97 женских и 19 детских. Половозрастная структура по могильникам Волго-Донского региона состоит из 78 мужских, 28 женских и только 22 детских захоронений [6, с. 165–171].

Практически во всех синхронных курганных могильниках скифского времени с территории Воронежской области (Терновое-Колбино),

Ставропольского края (могильник Новозаведенное II), могильников Нижнего Дона (кочевнические погребения, Елизаветовский могильник) и степей Украины (могильники Фронтное I, Толстая могила) в погребениях преобладают мужчины над женщинами, а процент встречаемости детских захоронений низкий [5; 17; 19; 21].

Таким образом, преобладание мужских захоронений у ранних кочевников Нижнего Поволжья может указывать на доминирование патрилинейной системы родства, которая характерна и для большей части современных кочевых сообществ [41].

Относительно незначительного количества детей в погребениях савроматского времени в научной литературе писали мало. Эта же проблема, как мы видим, существует и для скифских могильников VII–IV вв. до н. э. До сих пор этот вопрос однозначно не решен. С.И. Круц высказала мнение, что, возможно, скифские дети погребались по иному обряду [19].

М.В. Добровольская указала, что низкое количество детей в скифском могильнике Терновое-Колбино может быть следствием как культурных традиций кочевых обществ раннего железного века, так и результатом воздействия биологических факторов, связанных с развитием гормональных нарушений у кочевого населения, которые могут воздействовать и на репродуктивную систему, в особенности у мужчин [17, с. 47].

Теперь обратимся к патологическим признакам, зафиксированным на костных останках ранних кочевников IX–IV вв. до н. э. Прежде всего следует отметить, что сравнительный анализ не выявил ни одного признака патологического состояния с достоверно значимым различием, поэтому ниже рассматриваются общие показатели встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса в исследуемых сериях ранних кочевников Нижнего Поволжья.

Сравнительные данные по зубочелюстным патологиям в обеих диахронных группах показывают отсутствие кариеса, а также для них характерны низкие частоты встречаемости абсцессов и в связи с этим средние значения прижизненной утраты зубов. В то же время следует указать, что для обеих групп свойственны высокие показате-

ли зубного камня и заболеваний пародонта в виде пародонтита.

Практически все болезни зубочелюстной системы: абсцессы, пародонтиты, а также такие состояния, как прижизненная утрата зубов и сколы эмали имеют четкую возрастную зависимость в обеих группах.

Аналогичный специфический комплекс патологий зубочелюстной системы, характеризующийся высокими частотами встречаемости минерализованных отложений, заболеваний пародонта, сколов эмали и в то же время низкими показателями кариеса и абсцессов, был определен и у кочевников сарматских культур IV–I вв. до н. э., I–II вв. н. э. и II–IV вв. н. э. и скотоводов эпохи ранней и средней бронзы Нижнего Поволжья, а также у кочевников эпохи средневековья XIII–XIV вв. [25; 26].

В исследованных сериях, в особенности в группе предсавроматского времени, обнаружены очень высокие показатели встречаемости такого маркера стресса, как эмалевая гипоплазия (табл. 3). Нарушение формирования эмали происходит на ранних этапах постнатального онтогенеза человека [11, с. 52]. Возникнув единожды, эмалевая гипоплазия на зубах не пропадает, а остается на всю жизнь, поэтому и является наиболее точным индикатором детского стресса. В подавляющем большинстве случаев наиболее вероятными факторами, вызывающими такие состояния организма, могут быть: инфекции, глистные инвазии, общие отравления, заболевания желудочно-кишечного тракта у детей, голод [37, р. 503].

При оценке распространения данного маркера стресса следует обратить внимание на то обстоятельство, что, несмотря на малочисленность серий, в обоих случаях наблюдается общая тенденция, связанная с тем фактом, что задержка в развитии эмали на зубах характерна для молодых индивидов в возрасте до 35 лет (см. табл. 3). Таким образом, периоды тяжелого стресса в детском возрасте переносило более половины всех кочевников предсавроматского времени и четверть населения савроматской эпохи, что существенным образом оказывало влияние на возможность дожить до старческого возраста. Данный факт подтверждает предположение С. Ятаутиса с соавторами о существенном влиянии уровня детско-

го здоровья на возможность выживаемости взрослых в древности [39, р. 63].

Несмотря на то что сравнение серий предсавроматского и савроматского времени не выявило значимых различий и по индикаторам стресса (табл. 3), различия имеются. В наибольшей степени они наблюдаются по такому признаку, как «*cibra orbitalia*», поскольку в группе взрослых савроматского времени данное отклонение не обнаружено, то различие немного не доходит до уровня статистической достоверности. В то же время следует обратить внимание на то обстоятельство, что «*cibra orbitalia*» все-таки зафиксирована в группе савроматского времени, правда, только у неполовозрелых индивидов. В связи с тем, что гиперостоз орбит и гиперостоз костей свода черепа возникает в детском или подростковом возрасте, то наличие его следов на костях взрослых людей является результатом неполного восстановления костной ткани после перенесенного специфического заболевания в детстве [8, с. 230; 48, р. 119]. Эти данные подтверждаются изучением костных аномалий у больных анемией, показывая, что формирование поротического гиперостоза не происходит у половозрелых индивидов [44, р. 257–263], поэтому можно сказать, что и по характеру распространения данного признака серии очень близки.

Отдельно следует отметить, что в сериях ранних кочевников Нижнего Поволжья частоты встречаемости маркера стресса, связанного с развитием анемий, в виде поротического гиперостоза орбит или костей свода черепа крайне низки (табл. 4). Аналогичные тенденции характерны и для таких показателей, как воспалительные процессы и маркеры нехватки микроэлементов в организме в виде пористости костей свода черепа. Данные отклонения проявляются в основном на материалах неполовозрелых индивидов, в группе савроматского времени.

В обеих хронологических группах в единичных случаях отмечаются, но все же ярко выражены, следы внутреннего лобного гиперостоза (далее – ВЛГ). В целом показатели не высокие, но оба раза патология присутствует на черепах мужчин, что заслуживает отдельного внимания. Этиология лобного гиперостоза до сих пор точно не установлена.

Появление данного состояния исследователи связывают с разными причинами: расстройством половой системы, диабетом, гиперпаратиреозом [38, р. 322–323]. На эндокринную природу данного синдрома указывали И. Гершкович с соавторами [38], Х. Май [42], Ф. Атанасио [35] и другие. Существует предположение о генетической предрасположенности к развитию ВЛГ [40, р. 1078]. Есть мнение, что недостаток женского полового гормона у женщин и избыток его у мужчин может стимулировать проявление изменений на лобной кости [9, с. 36–37].

Ряд исследователей указали, что ВЛГ является половозрастным феноменом, так как признаки данного отклонения клинические врачи и палеопатологи чаще встречают у зрелых женщин [36, р. 703] в постменопаузальный период [40, р. 1078; 47, р. 17]. В то же время синдром отмечается и у мужчин [45, р. 250].

Различными исследователями подчеркивается связь между возникновением ВЛГ и нарушениями обмена веществ, такими как дисфункция метаболизма глюкозы (сахарный диабет 2-го типа) [34], нарушениями функции гипоталамуса, где располагаются центры голода и насыщения [46]. Сегодня в палеопатологии этот признак используется как индикатор нарушений общего обмена веществ, в контексте с другими источниками используется для анализа биологического родства и реконструкции специфической диеты с завышенной долей жиров и углеводов [10].

Если рассматривать синхронные выборки, то ВЛГ обнаружен у скифского населения из могильника Терновое-Колбино [9]. На фоне же групп раннего железного века Волги и Дона исследуемые серии ранних кочевников особо не выделяются, и даже близки группам сарматского времени с территории Нижнего Поволжья не только по процентному соотношению, но и по половой направленности, встречаясь чаще в мужских выборках [24] (см. рис. 5).

Частота встречаемости внутреннего лобного гиперостоза в предсавроматской и савроматской группах несколько выше величин на материалах Западной Европы [10, с. 87]. Вероятно, близкие значения с сарматскими группами и наличие общей тенденции распространения ВЛГ среди мужчин кочевников яв-

ляются отражением влияния на гормональный статус и обмен веществ специфического образа жизни, которую вело население раннего железного века. Об этом же свидетельствуют и индикаторы воздействия на организм низких температур в виде васкуляризации костной ткани по типу «апельсиновой корки», которые широко распространены в сериях ранних кочевников, так же, как и у скотоводческих и кочевых групп Нижнего Поволжья эпохи бронзы и раннего железного века (см. рис. 6). Причем васкулярная реакция, доминируя у мужчин, присутствует и у женщин, указывая на то, что население в независимости от пола и возраста достаточно длительное время своей жизни проводило на открытом воздухе.

Необходимо обратить внимание на пока единственный случай трепанации у населения савроматского времени, обнаруженный у мужчины 30–35 лет из погребения 4 кургана 13 могильника Быково (рис. 4,2). Наряду с данной трепанацией, которая нами уже подробно описана [28], на материалах савромато-сарматских культур с территории Нижнего Поволжья известна еще одна трепанация терапевтического характера, изученная Д.Г. Рохлиным [29]. Прижизненные манипуляции на синхронных материалах сопредельной территории, завершившиеся удачно и имеющие терапевтическое значение, были описаны ранее в научной литературе. Так, Э. Мерфи исследовала случай трепанации черепа женщины из могильника Аймырлыг Тувы [43]. Т.А. Чикишева вместе с соавторами описала три операции терапевтического назначения на черепах из погребений пазырыкской культуры IV–III вв. до н. э. (могильники Бике III, Казыл-Джар IV и Казыл-Джар V), с территории Горного Алтая [18, с. 132–139].

Е.П. Китов и А.З. Бейсенов исследовали трепанацию у женщины из кургана 25 могильника Бирлик, относящейся к тасмолинской культуре VII–V вв. до н. э., территории Республики Казахстан [15].

Еще несколько случаев хирургических трепанаций описано Е.П. Китовым с соавторами на материалах сакских культур Притяньшанья – могильники Джель-арык и Чалчик-Булак [16, с. 181–182].

Все эти случаи объединены тем, что манипуляции имели медицинское назначение,

а индивиды после проведенных трепанаций выжили. О медицинских знаниях и практиках савроматов и скифов известно очень мало. В письменных источниках есть упоминания о скифских врачах асклеиадах, которые очень высоко ценились у древних греков [20, с. 302]. В связи с этим, вероятно, следует поддержать предположение Т.А. Чикишевой с соавторами о том, что проникновение медицинских навыков на территорию Волго-Уральского региона и Центральной Азии связано с активным взаимодействием греческого и кочевого – варварского мира [18].

Что касается показателей встречаемости травматических повреждений, то эти дефекты были зафиксированы и на черепе, и на костях посткраниального скелета. Чаще всего разнообразного рода переломы выявляются на останках мужчин. Только у одной женщины из могильника Веселый, курган 8, погребение 3, датирующегося IX–VII вв. до н. э., зафиксирован травматический дефект, явно насильственного характера.

Несмотря на малочисленность групп, следует указать, что общие показатели встречаемости травматических повреждений в группах достаточно высоки: 30,8 % – в группе предсавроматского времени и 35,3 % – савроматского времени. На фоне известных выборов скифской культуры и сарматских серий раннего железного века это очень высокие значения, что, с одной стороны, может быть следствием случайности и малочисленности групп, а с другой – отражать объективную картину сложной социально-политической обстановки в Восточноевропейских степях и соответственно агрессивности кочевого населения первой половины I тыс. до н. э.

В обеих группах зафиксированы случаи непреднамеренной искусственной деформации теменно-затылочного типа. Такая модификация головы возникает при длительном лежании ребенка на спине. Объясняется это использованием колыбелей по типу «бешик». Распространение затылочной деформации, как и люльки «бешик», зафиксировано и в Старом, и Новом Свете [14, с. 37].

Череп с колыбельной или теменно-затылочной деформацией ранее не описывались на материалах киммерийского или предскифского времени, но такая деформация зафик-

сирована исследователями на черепках из скифских памятников: на черепе из Александропольского кургана [32] и на черепе из Южной Гробницы № 4 с территории Северного Причерноморья [19, с. 130]. Аналогичная деформация черепа выявлена и на сакских материалах Восточного Приаралья в могильниках Южного Тагискена, Бабишмулы, Чирик-рабата [33, с. 38], на черепках из Приаральских могильников Сакар-Чага I [13], а также на черепках саков Притяньшанья.

Все исследователи согласны с предположением о том, что появление такого типа деформации связано с использованием колыбели-бешика, которая применялась для фиксации ребенка в качестве необходимости, в связи с подвижным образом жизни при перемещениях на большие расстояния [16, с. 169]. Вероятно, данный способ транспортировки детей грудного возраста был наиболее рационален и удобен для групп, ведущих кочевой образ жизни у сарматов.

Результаты. Подводя итоги вышеприведенного анализа, следует выделить несколько моментов.

1. Несмотря на малочисленность исследуемых серий, половозрастные показатели отражают общие тенденции, которые характерны для кочевых групп IX–VII вв. до н. э. и VI – первой половины IV в. до н. э. Для них свойственно доминирование в захоронениях мужчин над женщинами, низкая встречаемость детских и подростковых погребений, в особенности в предсавроматское время, что в целом типично для большей части кочевых групп восточноевропейских степей раннего железного века и эпохи средневековья.

2. При сравнении исследованных серий не было зафиксировано случаев достоверно значимых различий во встречаемости патологических состояний и маркеров стресса. Это указывает на то, что группы вне зависимости от культурной принадлежности близки друг к другу по происхождению и вели схожий образ жизни, который обуславливался экологическими особенностями региона обитания.

3. Для серий предсавроматского и савроматского времени характерен специфический патологический комплекс: низкие частоты встречаемости кариеса, абсцессов, признаков воспалительных процессов и инфекций, а также маркеров развития заболеваний, связанных с нехваткой микроэлементов в организме у взрослых людей, и высокие показатели встречаемости зубного камня, заболеваний пародонта, васкулярной реакции костной ткани по типу «апельсиновой корки», эмалевой гипоплазии, травм и внутреннего лобного гиперостоза, обнаруженного у мужчин.

4. Выявленные показатели высокого уровня травматизма указывают на сложную социально-политическую обстановку в южно-русских степях, с которой пришлось столкнуться племенам, осваивающим новую для себя территорию сначала в IX–VII вв. до н. э., а затем в VI – первой половине IV в. до н. э.

5. На пришлый характер носителей кочевых культур Нижнего Поволжья предсавроматского и савроматского времени указывают не только данные краниологии, но и случаи фиксации черепов со следами непреднамеренной колыбельной деформации, истоки которой следует искать у населения Средней и Центральной Азии в первой половине I тыс. до н. э.

6. На широкие культурные связи ранних кочевников Нижневолжского региона с цивилизационными центрами Северного Причерноморья может указывать пока единственный случай терапевтической операции на савроматском черепе из могильника Быково.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-29-01020 «Генетическая структура савромато-раннесарматских популяций Южного Приуралья и Нижнего Поволжья».

The article was prepared with the support of the RFBR grant, project № 20-29-01020 “Genetic structure of the Savromatian – Early Sarmatian population in the Southern Cis-Urals and the Lower Volga region”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Половозрастные особенности серий предсавроматского и савроматского времени с территории Нижнего Поволжья

Table 1. Sex and age features of the Pre-Sauromatian and Sauromatian time series from the territory of the Lower Volga region

Возраст	Предсавроматское время			
	♂/9	♀/5	Взрослые (пол не определен) /–	n/14
Adultus I	2	2	0	4
Adultus II	2	1	0	3
Adultus II – Maturus I	2	–	0	2
Maturus I	1	2	0	3
Maturus II	2	–	0	2
Основные палеодемографические характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Взрослые
Реальный объем выборки (N)	14	9	5	14
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	35	36,4	32,4	35
Процент детской смертности (PCD)	0	–	–	–
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	64,3	35,7	–
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	–	–	–	–
Возраст	Савроматское время			
	♂/15	♀/2	Взрослые (пол не определен) /–	n/20
Infantilis I	0	–	0	2
Infantilis II	0	–	0	1
Adultus I	3	–	0	3
Adultus II	5	–	0	5
Adultus II – Maturus I	1	–	0	1
Maturus I	5	–	0	5
Maturus II	1	2	0	3
Основные палеодемографические характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Взрослые
Реальный объем выборки (N)	20	15	2	17
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	36,7	35,2	47,9	36,7
Процент детской смертности (PCD)	15	–	–	–
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	88,2	11,8	–
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	0	0	0	0

Таблица 2. Частоты встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса у ранних кочевников железного века Нижнего Поволжья

Table 2. Frequencies of occurrence of pathological abnormalities and stress markers in the early nomads of the Lower Volga region

Признаки	Предсавроматское время						Chi-square ¹		Савроматское время								
	Взрослые		Женщины		Adultus		p-value ¹	Matusus	Взрослые		Женщины		Adultus		Matusus		
	N, %	Мужчины	N, %	Женщины	N, %	Adultus			N, %	Adultus	N, %	Женщины	N, %	Adultus	N, %	Adultus	N, %
N	14(13,5)	9(8,5)	5(5,1)	6(2)	6(3)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Кариес	0(0%)	0(0%)	(%)	0(0%)	0(0%)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Абсцесс	2(17%)	1(13%)	1(20%)	1(17%)	1(17%)	0,006	0,940754	0,006	0,940754	0,006	0,940754	0,006	0,940754	0,006	0,940754	0,006	0,940754
Зубной камень	13(100%)	8(100%)	5(100%)	6(100%)	6(100%)	0,0026	0,959668	0,0026	0,959668	0,0026	0,959668	0,0026	0,959668	0,0026	0,959668	0,0026	0,959668
Эмалевая гипоплазия	9(69%)	6(75%)	3(60%)	6(100%)	3(50%)	2,778	0,095547	2,778	0,095547	2,778	0,095547	2,778	0,095547	2,778	0,095547	2,778	0,095547
Потеря зуба	5(38%)	3(38%)	2(40%)	0(0%)	5(83%)	0,277	0,598702	0,277	0,598702	0,277	0,598702	0,277	0,598702	0,277	0,598702	0,277	0,598702
Заболевания пародонта	8(62%)	5(63%)	3(60%)	2(33%)	6(100%)	0,024	0,875948	0,024	0,875948	0,024	0,875948	0,024	0,875948	0,024	0,875948	0,024	0,875948
Слом коронки, сколы эмали	5(38%)	4(50%)	1(20%)	0(0%)	5(83%)	0,056	0,812126	0,056	0,812126	0,056	0,812126	0,056	0,812126	0,056	0,812126	0,056	0,812126
Интерпроксимальные желобки	2(15%)	2(25%)	0(0%)	0(0%)	2(33%)	0,006	0,940754	0,006	0,940754	0,006	0,940754	0,006	0,940754	0,006	0,940754	0,006	0,940754
Дегенеративные изменения нижнечелюстного сустава	5(38%)	3(38%)	2(50%)	0(0%)	0(0%)	0,895	0,344085	0,895	0,344085	0,895	0,344085	0,895	0,344085	0,895	0,344085	0,895	0,344085
Васкулярная реакция костной ткани	11(85%)	8(100%)	3(60%)	6(100%)	5(83%)	0,333	0,564144	0,333	0,564144	0,333	0,564144	0,333	0,564144	0,333	0,564144	0,333	0,564144
Striba orbitalia	3(23%)	0(0%)	3(60%)	1(17%)	2(33%)	3,585	0,058298	3,585	0,058298	3,585	0,058298	3,585	0,058298	3,585	0,058298	3,585	0,058298
ПГКСЧ	1(8%)	0(0%)	1(20%)	1(17%)	0(0%)	0,003	0,959668	0,003	0,959668	0,003	0,959668	0,003	0,959668	0,003	0,959668	0,003	0,959668
Пористость костей	0(0%)	0(0%)	0(0%)	0(0%)	1(50%)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Внутренний лобный гиперостоз	1(8%)	1(13%)	0(0%)	1(17%)	0(0%)	0,0025	0,959668	0,0025	0,959668	0,0025	0,959668	0,0025	0,959668	0,0025	0,959668	0,0025	0,959668
Воспаления черепа	1(8%)	1(13%)	0(0%)	1(17%)	0(0%)	1,109	0,292149	1,109	0,292149	1,109	0,292149	1,109	0,292149	1,109	0,292149	1,109	0,292149
Ушной экзостоз	0(0%)	0(0%)	0(0%)	0(0%)	0(0%)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Воспаления посткран.	0(0%)	0(0%)	0(0%)	0(0%)	0(0%)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Артрозы	5(83%)	4(80%)	1(100%)	2(100%)	2(67%)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Патология позвоночника	2(33%)	(%)	0(0%)	2(100%)	0(0%)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Деформация черепа	1(8%)	1(13%)	0(0%)	–	–	1,007	0,315691	1,007	0,315691	1,007	0,315691	1,007	0,315691	1,007	0,315691	1,007	0,315691
Травмы костей свода черепа	1(8%)	0(0%)	1(20%)	0(0%)	1(17%)	0,299	0,584380	0,299	0,584380	0,299	0,584380	0,299	0,584380	0,299	0,584380	0,299	0,584380
Травмы лицевого отдела черепа	1(8%)	1(13%)	0(0%)	0(0%)	1(17%)	0,2992	0,584380	0,2992	0,584380	0,2992	0,584380	0,2992	0,584380	0,2992	0,584380	0,2992	0,584380
Посткраниальный скелет травмы	2(33%)	2(40%)	(00%)	0(0%)	2(67%)	0,0767	0,781793	0,0767	0,781793	0,0767	0,781793	0,0767	0,781793	0,0767	0,781793	0,0767	0,781793

Примечание. ¹ – цифры отражают сравнение частот встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса между суммарными сериями взрослых индивидов предсавроматского и савроматского времени.

Таблица 3. Травматические повреждения у населения предсавроматского и савроматского времени Нижнего Поволжья

Table 3. Traumatic injuries in the population of the Pre-Sauromatian and Sauromatian times of the Lower Volga region

Предсавроматское время	Взрослые			Мужчины			Женщины		
	n	N	%	n	N	%	n	N	%
Свод черепа	12	1	8	8	0	0	4	1	25
Травмы носа	12	1	8	8	1	13	4	0	0
Посткраниальный скелет травмы	5	2	40	5	2	40	0	0	0
Вдавленные (компрессионные) переломы костей свода черепа	12	1	8,3	8	0	0	4	0	0
Прижизненные травмы	13	4	30,8	9	3	33,3	4	1	25
Индивидов с травмами всего	13	4	30,8	9	3	33,3	4	1	25
Савроматское время									
Савроматское время	Взрослые			Мужчины			Женщины		
	n	N	%	n	N	%	n	N	%
Свод черепа	15	2	13	13	2	15	2	0	0
Травмы носа	15	2	13	13	2	15	2	0	0
Посткраниальный скелет травмы	5	2	40	4	2	50	1	0	0
Комплексные дефекты (более 1 травмы у 1 человека)	17	1	0	15	1	6,7	2	0	0
Вдавленные (компрессионные) переломы костей свода черепа	15	2	13	13	2	15,4	2	0	0
Прижизненные травмы	15	6	40	15	6	40	2	0	0
Индивидов с травмами всего	17	6	35,3	15	6	40	2	0	0

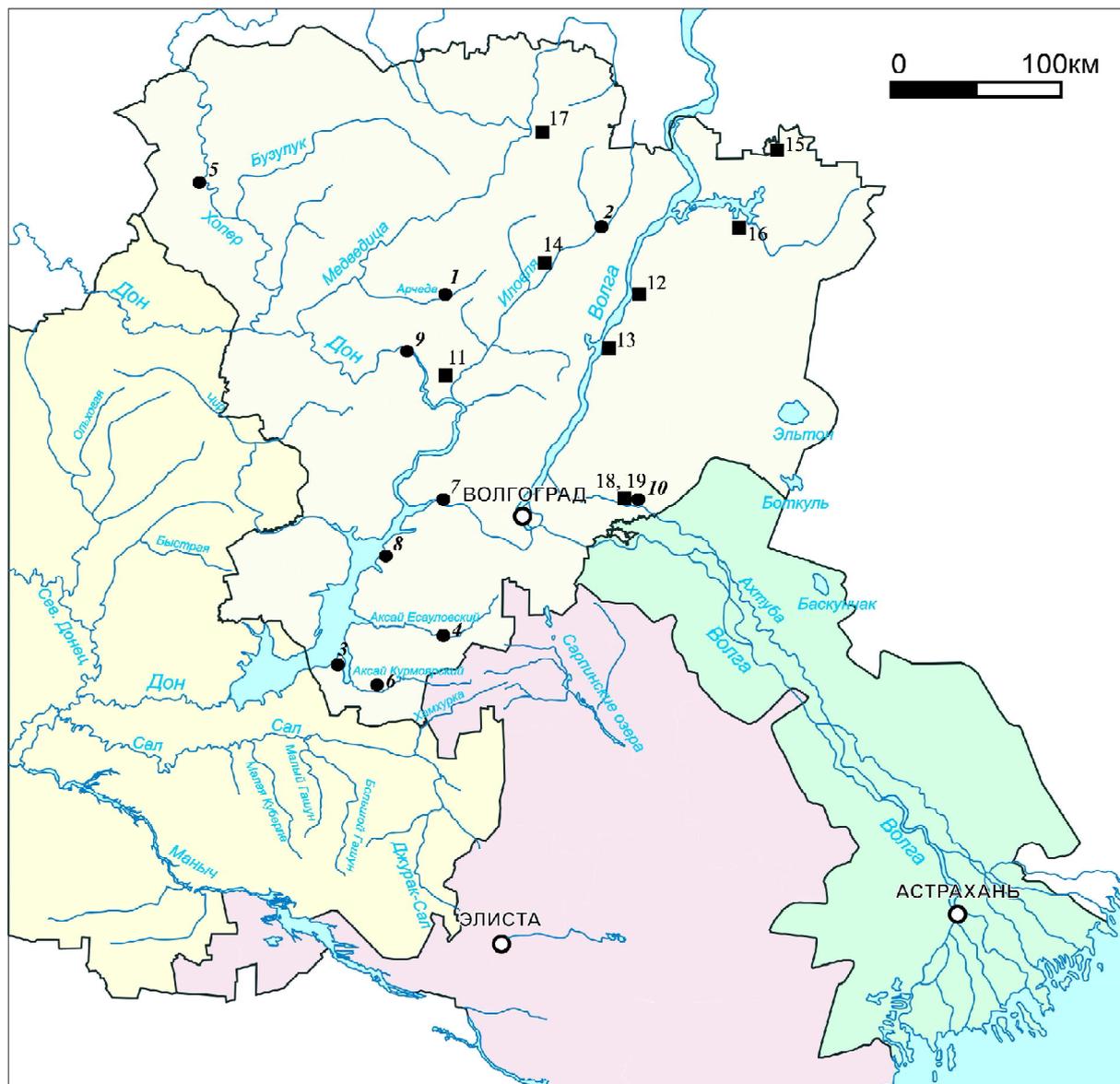

Рис. 1. Карта расположения могильников, из которых происходят антропологические материалы:

- – материалы предсавроматского времени; ■ – материалы савроматского времени

Fig. 1. Map of burial grounds location from which anthropological materials originated:

- – Pre-Sauromat time materials; ■ – Sauromat time materials

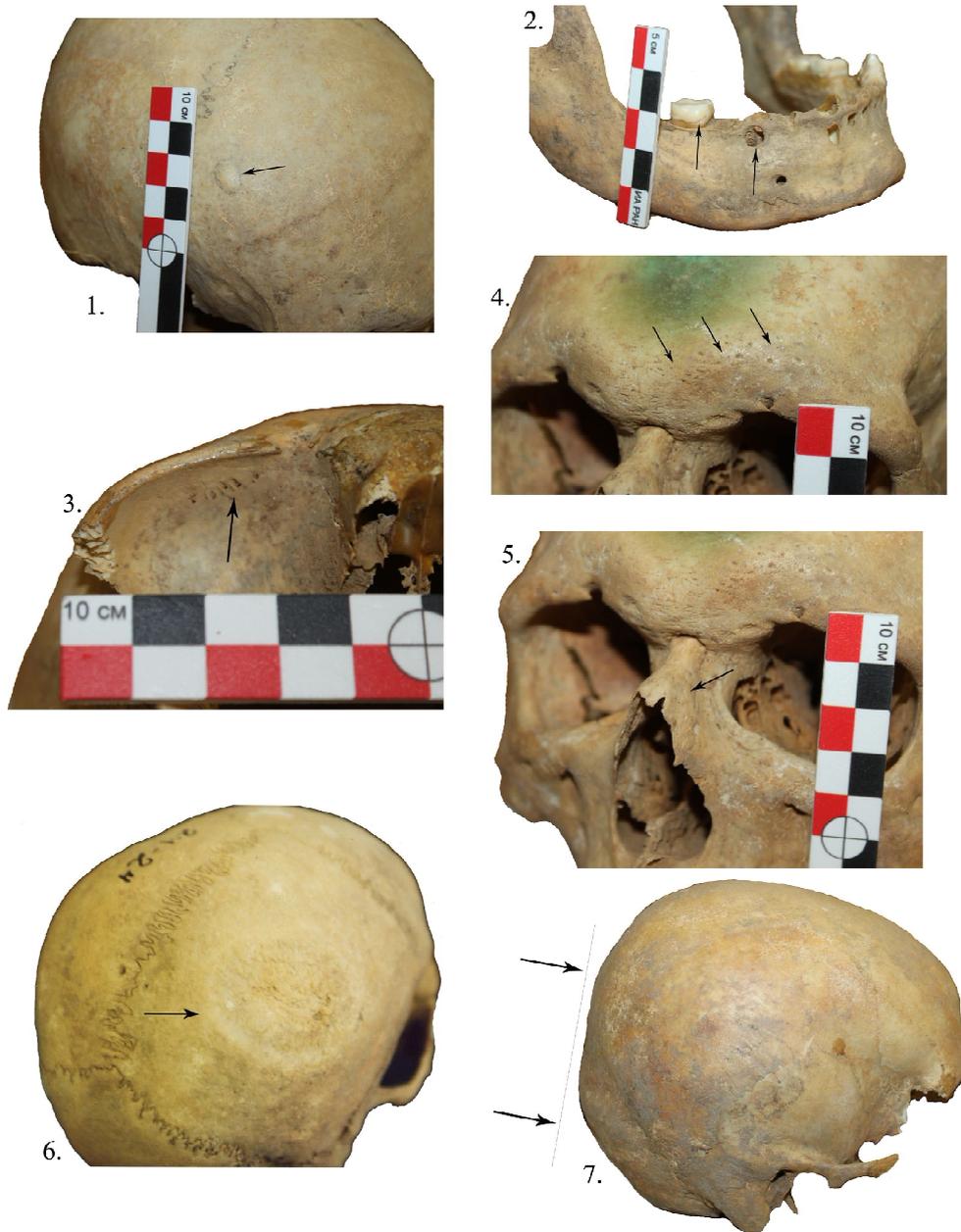

Рис. 2: 1 – остеома на черепе мужчины из могильника Первомайский VIII, курган 5, погребение 1; 2 – следы зубного камня и отверстие от абсцесса на нижней челюсти у женщины 25–30 лет из погребения 8 кургана 46 могильника Первомайский VII; 3 – следы заживающей «cribraorbitalia» в орбите женщины 25–30 лет из погребения 8 кургана 46 могильника Первомайский VII; 4 – следы васкулярной реакции на лобной кости мужчины 40 лет из могильника Мариновка, курган 1, погребение 17; 5 – травма носа у мужчины 40 лет из могильника Мариновка, курган 1, погребение 17; 6 – травма черепа женщины 35–45 лет из могильника Веселый, курган 8, погребение 3; 7 – череп мужчины 45–50 лет из погребения 1 кургана 5 могильника Первомайский VIII, со следами непреднамеренной затылочной деформации

Fig. 2: 1 – osteoma on the male skull from the Pervomaisky burial ground VIII, kurgan 5, burial 1; 2 – traces of tartar and a hole from an abscess on the lower jaw of a 25–30-year-old female from burial 8, kurgan 46, Pervomaisky VII burial ground; 3 – traces of a healing “cribraorbitalia” in the orbit of a 25–30-year-old female from burial 8, kurgan 46, Pervomaisky VII burial ground; 4 – vascular reaction traces on the frontal bone of a 40-year-old male from the burial ground of Marinovka, kurgan 1, burial 17; 5 – nose injury in a 40-year-old male from the Marinovka burial ground, kurgan 1, burial 17; 6 – skull injury of a 35–45-year-old woman from the Vesley burial ground, kurgan 8, burial 3; 7 – skull with traces of unintentional occipital deformity of a 45–50-year-old male from burial 1, kurgan 5, Pervomaisky VIII

Рис. 3: 1 – интерпроксимальные желобки у мужчины 45–50 лет из погребения 3 кургана 3 могильника Лятошинка; 2 – горизонтально ориентированная линия эмалевой гипоплазии на моляре мужчины из погребения 3 кургана 16 могильника Авиловский II; 3 – следы пороза костной ткани, переходящего в «cribraorbitalia» у ребенка 2 лет из погребения 2 кургана 16 могильника Авиловский II; 4 – пороз верхнего альвеолярного отростка у ребенка из погребения 2 кургана 16 могильника Авиловский II; 5 – пороз твердого неба у ребенка из погребения 2 кургана 16 могильника Авиловский II; 6 – пороз внутренней поверхности нижней челюсти у ребенка из погребения 2 кургана 16 могильника Авиловский II

Fig. 3: 1 – interproximal grooves in a 45–50-year-old man from burial 3, kurgan 3, Lyatoshinka burial ground; 2 – horizontally oriented line of enamel hypoplasia on the molar of a male from burial 3, kurgan 16, Avilovsky II burial ground; 3 – traces of bone tissue porosity turning into “cribraorbitalia” in a 2-year-old child from burial 2, kurgan 16 of the Avilovsky II burial ground; 4 – porosity of the upper alveolar process in a child from burial 2, kurgan 16, Avilovsky II burial ground; 5 – porosity of the hard palate in a child from burial 2, kurgan 16, Avilovsky II burial ground; 6 – porosity of the inner surface of the lower jaw in a child from burial 2, kurgan 16, Avilovsky II burial ground

Рис. 4: 1 – признаки внутреннего лобного гиперостоза у мужчины 40–50 лет из погребения 3 кургана 3 могильника Лятошинка; 2 – трепанация черепа у мужчины 30–35 лет из погребения 4 кургана 13 могильника Быково; 3 – травма носа у мужчины из погребения 3 кургана 16 могильника Авиловский II

Fig. 4: 1 – internal frontal hyperostosis signs in a 40–50-year-old male from burial 3, kurgan 3, Lyatoshinka burial ground; 2 – craniotomy of a 30–35-year-old male from burial 4, kurgan 13, Bykovo burial ground; 3 – nose injury in a male from burial 3, kurgan 16 of the Avilovsky II burial ground

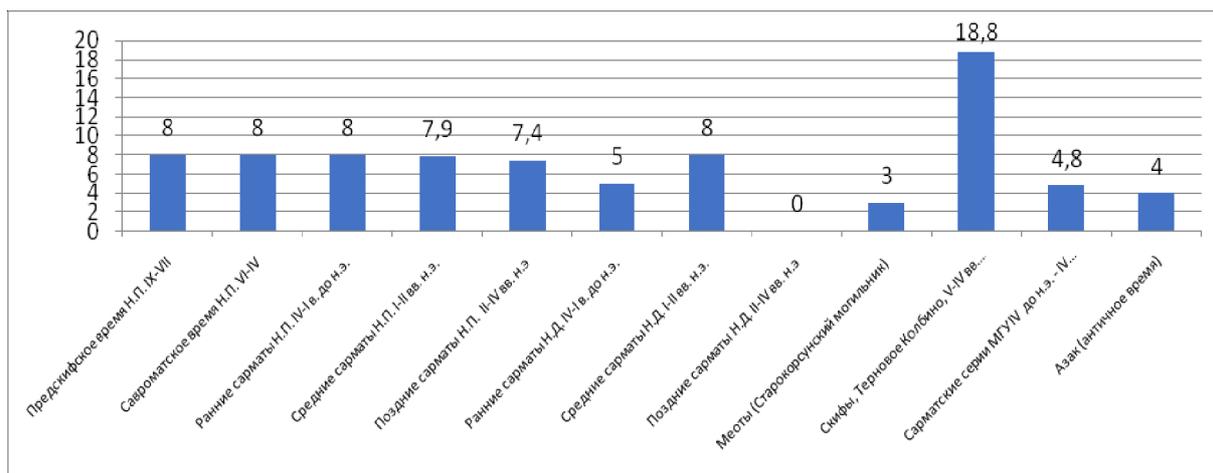

Рис. 5. Частоты встречаемости внутреннего лобного гиперостоза в сериях раннего железного века
 Fig. 5. Frequencies of internal frontal hyperostosis occurrence in Early Iron Age series

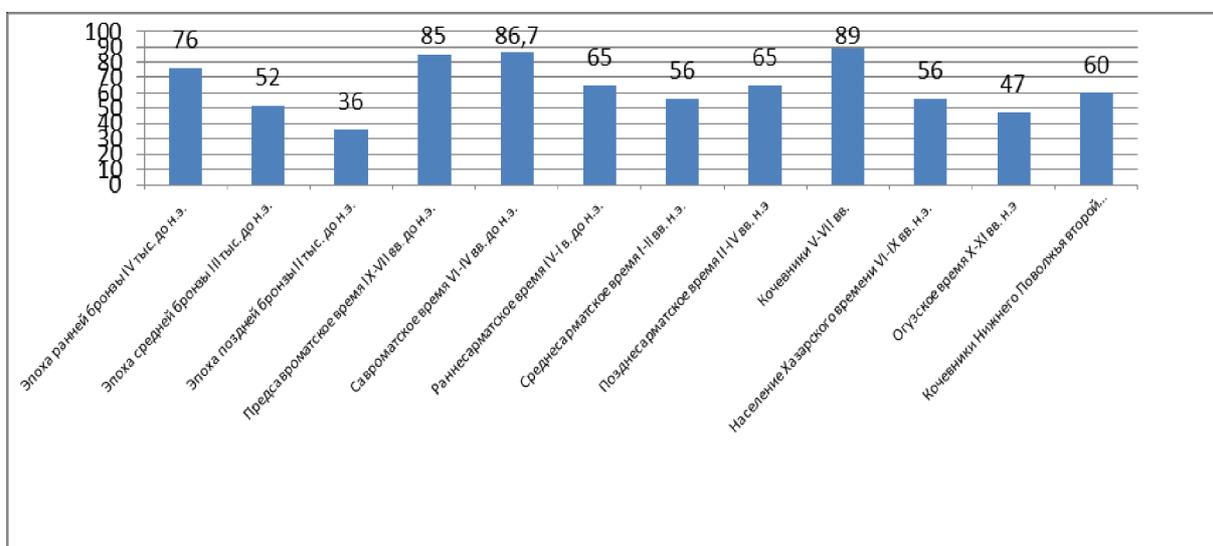

Рис. 6. Частоты встречаемости признаков васкулярной реакции в кочевых группах Нижнего Поволжья
 Fig. 6. Frequency of signs of a vascular reaction occurrence in the nomadic groups of the Lower Volga region

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарова, Н. А. Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казыбаба) / Н. А. Багдасарова // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Серия «Этническая антропология Средней Азии». – М. : Старый сад, 2000. – С. 113–125.
2. Балабанова, М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век / М. А. Балабанова. – М. : Наука, 2000. – 133 с.
3. Балабанова, М. А. Антропология населения Восточноевропейских степей в предскифское время / М. А. Балабанова // II Городцовские чтения : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. – М., 2005. – С. 156–170.
4. Балабанова, М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов / М. А. Балабанова // Российская археология. – 2010. – № 2. – С. 67–77.
5. Батиева, Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование) / Е. Ф. Батиева. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 160 с.
6. Бернабей, М. Социальная структура кочевников савроматского времени / М. Бернабей, Л. Бондиоли, А. Гуиди // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I : Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н. э.). – М. : Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 159–184.
7. Богатенков, Д. В. Палеодемография могильников Николаевка (Казачьё), Золотая Балка, Неаполь Скифский / Д. В. Богатенков // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология : сб. ст. – М. : Ин-т археологии РАН, 2000. – С. 27–35.
8. Бужилова, А. П. Анемия у древнего населения как один из индикаторов среды / А. П. Бужилова // Вестник антропологии. – 2001. – Т. 7. – С. 227–236.
9. Бужилова, А. П. Были ли скифы тучными? : (Антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) / А. П. Бужилова, М. В. Козловская // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология : сб. ст. – М. : Ин-т археологии РАН, 2000. – С. 36–38.
10. Бужилова, А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях / А. П. Бужилова // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. – М. : Старый сад, 1998. – С. 87–147.
11. Бужилова, А. П. Частота встречаемости признаков эмалевого гипоплазии у представителей контрастных климато-географических зон / А. П. Бужилова, Н. М. Карасева // Вестник Московского университета. Серия 23, Антропология. – 2019. – № 2. – С. 51–60.
12. Геродот. История / Геродот. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. – 435 с.
13. Итина, М. А. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) / М. А. Итина, Л. Т. Яблонский – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1997. – 187 с.
14. Касимова, Р. М. О влиянии различных типов колыбели на антропологические признаки в раннем детском возрасте в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа / Р. М. Касимова. – Баку : Элм, 1980. – 81 с.
15. Китов, Е. П. Черепа с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки / Е. П. Китов, А. З. Бейсенов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII : Антропология. – 2015. – № 1. – С. 37–48.
16. Китов, Е. П. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н. э.) / Е. П. Китов, С. С. Тур, С. С. Иванов. – Алматы : Хикари, 2019. – 300 с.
17. Козловская, М. В. Об образе жизни среднедонского населения скифского времени / М. В. Козловская // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология : сб. ст. – М. : Ин-т археологии РАН, 2000. – С. 45–50.
18. Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая / Т. А. Чикишева, А. В. Зубова, А. Л. Кривошапкин [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1. – С. 130–141.
19. Круц, С. И. Скифы степей Украины по антропологическим данным / С. И. Круц. – Киев ; Берлин : Видавель Олег Філюк, 2017. – («Курганы Украины» ; т. 5). – 202 с.
20. Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В. В. Латышев // ВДИ. – 1948. – № 1. – С. 221–315.
21. Медникова, М. Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведенное II / М. Б. Медникова // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология : сб. ст. – М. : Ин-т археологии РАН, 2000. – С. 51–58.
22. Мелюкова, А. И. Предскифский период в степях Северного Причерноморья / А. И. Мелюкова // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М. : Наука, 1989. – С. 10–32.
23. Перерва, Е. В. Антропология населения предсавроматского времени из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) / Е. В. Перерва // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 8. – С. 81–93. – DOI: 10.25136/2409-868X.2018.8.26917

24. Перерва, Е. В. Внутренний лобный гиперостоз на костных останках сарматов Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (к вопросу о причинах проявления эндокринных нарушений у кочевников раннего железного века) / Е. В. Перерва, В. И. Моисеев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 6. – С. 18–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.2>
25. Перерва, Е. В. К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV–I вв. до н. э. с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона / Е. В. Перерва // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 5 (35). – С. 53–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.6>
26. Перерва, Е. В. Маркеры стресса у сарматов I–II вв. н. э. Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) / Е. В. Перерва // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 8 (112). – С. 218–230.
27. Перерва, Е. В. Палеопатологические особенности кочевников савроматского времени с территории Нижнего Поволжья / Е. В. Перерва // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 12. – С. 171–183. – DOI: [10.25136/2409-868X.2020.12.34412](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.12.34412)
28. Перерва, Е. В. Трепанации савромато-сарматского времени по материалам с территории Нижнего Поволжья / Е. В. Перерва, Н. Я. Березина, М. В. Кривошеев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 2. – С. 140–148.
29. Рохлин, Д. Г. Болезни древних людей / Д. Г. Рохлин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 302 с.
30. Скрипкин, А. С. Ранний железный век / А. С. Скрипкин, В. М. Клепиков // Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея. – Волгоград : Издатель, 2013. – 288 с.
31. Фирштейн, Б. В. Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) / Б. В. Фирштейн // Труды института этнографии АН СССР. – 1961. – Т. 71. – С. 53–81.
32. Фирштейн, Б. В. Черепа из Александропольского скифского кургана / Б. В. Фирштейн // Вопросы антропологии. – 1966. – Вып. 22. – С. 62–76.
33. Ходжайов, Т. К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии / Т. К. Ходжайов // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. – М. : Старый сад, 2000. – С. 22–45.
34. Armelagos, G. J. Hyperostosis frontalis interna: A Nubian case / G. J. Armelagos, O. D. Chrisman // American Journal of Physical Anthropology. – 1988. – № 76. – P. 25–28.
35. Attanasio, F. Full Penetrance of Morgagni – Stewart – Morel Syndrome in a 75-Year-Old Woman: Case Report and Review of the Literature / F. Attanasio // J. Clin. Endocrinol. Metab. – 2013. – № 98 (2). – P. 453–457.
36. Caughey, J. E. The Etiology of Hyperostosis Cram! (Metabolic Craniopathy) / J. E. Caughey // The Journal of Bone and Joint Surgery. – 1958. – Vol. 40 B, № 4. – P. 701–721.
37. Goodman, A. H. The Chronological Distribution of Enamel Hypoplasia in Human Permanent Incisor and Canine Teeth / A. H. Goodman, G. J. Armelagos // Archs Oral Biol. – 1985. – Vol. 30, № 6. – P. 503–507.
38. Hershkovitz, I. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective / I. Hershkovitz [et al.] // American Journal of Physical Anthropology. – 1999. – № 109. – P. 303–325.
39. Jatautis, S. Analysis of Cribra Orbitalia in the Earliest Inhabitants of Medieval Vilnius / S. Jatautis, I. Mitokaitė, R. Jankauskas // Anthropological Review. – 2011. – Vol. 74. – P. 57–68.
40. Korja, M. Hyperostosis Frontalis Interna as a Novel Finding in Unverricht – Lundborg Disease / M. Korja // Neurology. – 2007. – Mar. 27. – P. 1077–1078.
41. Krader, L. Principles and Structures in the Organization of the Asiatic Steppe-Pastoralist / L. Krader // Southwestern Journal of Anthropology. – 1955. – Vol. 11, № 2. – P. 67–92.
42. May, H. Intracranial Volume, Cranial Thickness, and Hyperostosis Frontalis Interna in the Elderly / H. May // American Journal of Human Biology. – 2012. – № 24. – P. 812–819.
43. Murphy, E. M. Trepanations and Perforated Crania from Iron Age South Siberia: An Exercise in Differential Diagnosis / E. M. Murphy // Trepanation: History, Discovery, Theory. – Lisse : Swets & Zeitlinger Publishers, 2003. – P. 209–221.
44. Ortner, D. J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains / D. J. Ortner, W. G. J. Putschar. – Washington : Smithsonian Institution Press, 1981. – 479 p.
45. Roberts, Ch. The Archaeology of Disease / Ch. Roberts, K. Manchester. Third Edition. – [S. l.] : The History Press, 2012. – 338 p.
46. Ruhli, F. J. Hyperostosis Frontalis Interna: Archaeological Evidence of Possible Microevolution of Human Sex Steroids? / F. J. Ruhli, T. Boni, M. Henneberg // HOMO – Journal of Comparative Human Biology. – 2004. – № 55. – P. 91–99.
47. Singh, K. Hyperostosis Frontalis Interna – A Rare Benign Incidental Finding / K. Singh, S. Shrinivasan, R. Chidambaram // Indian Journal of Medical Case Reports. – 2017. – Vol. 6 (2). – P. 15–17.
48. The Causes of Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: A Reappraisal of the Iron-Deficiency-Anemia Hypothesis / P. L. Walker, R. R. Bathurst, R. Richman, T. Gjerdrum, V. F. Andrushko // American

REFERENCES

1. Bagdasarova N.A. Odontologicheskaia kharakteristika kochevnikov Ustiyurta savromato-sarmatskogo vremeni (po materialam mogilnika Kazybaba) [Odontological Characteristics of the Nomads of Ustyurt in the Savromato-Sarmatian Period (Based on Materials from the Kazybaba Burial Ground)]. *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniia o naselenii Srednei Azii. Seriiia «Etnicheskaia antropologiiia Srednei Azii»* [Anthropological and Ethnographic Information About the Population of Central Asia. Series “Ethnic Anthropology of Central Asia”]. Moscow, Saryi sad Publ., 2000, pp. 113-125.
2. Balabanova M.A. *Antropologiiia drevnego naseleniia Iuzhnogo Priuralia i Nizhnego Povolzhia. Rannii zheleznyi vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 133 p.
3. Balabanova M.A. Antropologiiia naseleniia Vostochnoevropeiskikh stepei v predskifskoe vremia [Anthropology of the Population of the Eastern European Steppes in Pre-Scythian Times]. *II Gorodtsovskie chteniia: materialy nauch. konf., posviashch. 100-letiiu deiatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. April 2003 g.* [The 2nd Gorodtsov’s Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov’s Activity at the State Historical Museum. April, 2003]. Moscow, 2005, pp. 156-170.
4. Balabanova M.A. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov [New Data on the Anthropological Type of the Sarmatians]. *Rossiiskaia arkheologiiia* [Russian Archeology], 2010, no. 2, pp. 67-77.
5. Batieva E.F. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The Population of the Lower Don Region in the 9th Century BC – 4th Century AD (Paleoanthropological Study)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 160 p.
6. Bernabei M., Bondioli L., Guidi A. Sotsialnaia struktura kochevnikov savromatskogo vremeni [The Social Structure of the Nomads of the Sauromatian Time]. *Statisticheskaia obrabotka pogrebalnykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii. Vyp. I: Savromatskaia epokha (VI–IV vv. do n.e.)* [Statistical Processing of Funerary Monuments of Asiatic Sarmatia. Iss. I: Savromat Era (6th–4th Centuries BC)]. Moscow, In-t Arkheologii RAN, 1994, pp. 159-184.
7. Bogatenkov D.V. Paleodemografiia mogilnikov Nikolaevka (Kazatskoe), Zolotaia Balka, Neapol Skifskii [Paleodemography of the Burial Grounds of Nikolaevka (Kazatskoe), Zolotaya Balka, Scythian Naples]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiiia, antropologiiia i arkheologiiia: sb. st.* [Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archeology. Collection of Articles]. Moscow, In-t arkheologii RAN, 2000, pp. 27-35.
8. Buzhilova A.P. Anemiia u drevnego naseleniia kak odin iz indikatorov sredy [Anemia in the Ancient Population as One of the Environmental Indicators]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2001, vol. 7, pp. 227-236.
9. Buzhilova A.P., Kozlovskaiia M.V. Byli li skify tuchnymi?: (Antropologicheskii analiz kremirovannykh ostankov iz skifskogo pogrebeniia) [Were the Scythians Obese? (Anthropological Analysis of Cremated Remains from a Scythian Burial)]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiiia, antropologiiia i arkheologiiia: sb. st.* [Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archeology. Collection of Articles]. Moscow, In-t arkheologii RAN, 2000, pp. 36-38.
10. Buzhilova A.P. Paleopatologiiia v bio-arkheologicheskikh rekonstruktsiiaakh [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. *Istoricheskaia ekologiiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniia* [Historical Ecology of Man. Methods of Biological Research]. Moscow, Saryi sad Publ., 1998, pp. 87-147.
11. Buzhilova A.P., Karaseva N.M. Chastota vstrechaemosti priznakov emalevoi gipoplazii u predstavitelei kontrastnykh klimato-geograficheskikh zon [The Frequency of Occurrence of Signs of Enamel Hypoplasia in Representatives of Contrasting Climatic and Geographical Zones]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 23, Antropologiiia* [The Moscow University Herald. Series 23. Anthropology], 2019, no. 2, pp. 51-60.
12. Gerodot. *Istoriia* [History]. Moscow, OLMA-PRESS Invest Publ., 2004. 435 p.
13. Itina M.A., Iablonskii L.T. *Saki Nizhnei Syrdari (po materialam mogilnika Iuzhnyi Tagisken)* [Sakas of the Lower Syr Darya (Based on Materials from the Southern Tagisken Burial Ground)]. Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 1997. 187 p.
14. Kasimova R.M. *O vliianii razlichnykh tipov kolybeli na antropologicheskie priznaki v rannem detskom vozraste v sviazi s izucheniem etnogeneza azerbaidzhanskogo naroda* [On the Influence of Different Types of Cradles on Anthropological Features in Early Childhood in Connection with the Study of the Ethnogenesis of the Azerbaijani People]. Baku, Elm Publ., 1980. 81 p.

15. Kitov E.P., Beisenov A.Z. Cherepa s trepanatsiami iz kurganov rannego zheleznogo veka Saryarki [Skulls with Trepanations from Barrows of the Early Iron Age of Saryarka]. *Vestnik Moscovskogo universiteta. Seria. XXIII: Antropologiya* [The Moscow University Herald. Series 23: Anthropology], 2015, no. 1, pp. 37-48.

16. Kitov E.P., Tur S.S., Ivanov S.S. *Paleoantropologiya sakskikh kultur Pritianshanii (VIII – pervaya polovina II v. do n.e.)* [Paleoanthropology of the Saka Cultures of Tien Shan Region (8th – First Half of 2nd Century BC)]. Almaty, Khikari Publ., 2019. 300 p.

17. Kozlovskaya M.V. Ob obraze zhizni srednedonskogo naseleniya skifskogo vremeni [On the Way of Life of the Middle Don Population of the Scythian Time]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya: sb. st.* [Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archeology. Collection of Articles]. Moscow, In-t arkheologii RAN, 2000, pp. 45-50.

18. Chikisheva T.A., Zubova A.V., Krivoshekin A.L., Kurbatov V.P., Volkov P.V., Titov T.A. Kompleksnoe issledovanie trepanatsii u rannikh kochevnikov Gornogo Altaia [Comprehensive Study of Trepanations in the Early Nomads of the Altai Mountains]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2014, no. 1, pp. 130-141.

19. Kruts S.I. *Skify stepei Ukrainy po antropologicheskim dannym* [Scythians of the Steppes of Ukraine According to Anthropological Data]. Kiev, Berlin, Vidavets Oleg Filiuk, 2017. 202 p. (Kurgany Ukrainy [Ukraine's Barrows]; vol. 5).

20. Latyshev V.V. Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze [News of Ancient Writers About Scythia and the Caucasus]. *Vestnik drevnei istorii* [Herald of Ancient History], 1948, no. 1, pp. 201-315.

21. Mednikova M.B. Zhizn rannikh skifov: rekonstruktsiya po antropologicheskim materialam mogilnika Novozavedennoe II [The Life of the Early Scythians: Reconstruction Based on Anthropological Materials of the Novozavedennoe II Burial Ground]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya: sb. st.* [Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archeology. Collection of Articles]. Moscow, In-t arkheologii RAN, 2000, pp. 51-58.

22. Melnikova A.I. Predskifskii period v stepiakh Severnogo Prichernomoria [Pre-Scythian Period in the Steppes of the Northern Black Sea Region]. *Arkheologiya SSSR. Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* [Archeology of the USSR. Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 10-32.

23. Pererva E.V. Antropologiya naseleniya predsavromatskogo vremeni iz podkurgannykh zahoroneniĭ s territorii Nizhnego Povolzhya (paleopatologicheskij aspekt) [Anthropology of the Population of the Pre-Sauromatian Time from Burial Mounds from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2018, no. 8, pp. 81-93. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.8.26917

24. Pererva E.V., Moiseev V.I. Vnutrennii lobnyi giperostoz na kostnykh ostankakh sarmatov Nizhnego Povolzhya i Nizhnego Dona (k voprosu o prichinakh proiavlennii endokrinnykh narushenii u kochevnikov rannego zheleznogo veka) [Hyperostosis Frontalis Interna on the Skeletal Remains of the Sarmatians of the Lower Volga and the Lower Don (to the Question of Causes of the Endocrine Disorders in the Early Iron Age)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 18-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.2>

25. Pererva E.V. K voprosu o paleopatologicheskikh osobennostiakh u sarmatov IV–I vv. do n.e. s territorii Nizhnego Povolzhya i Nizhnego Dona [On the Paleopathological Features of the Sarmatian Population of the Lower Volga and the Lower Don Regions in the 4th–1st Centuries B.C.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2015, no. 5 (35), pp. 53-66. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.6>

26. Pererva E.V. Markery stressa u sarmatov I–II vv. n.e. Nizhnego Povolzhya (paleopatologicheskii aspekt) [Markers of Stress of the Sarmatians in the 1st–2nd Centuries BC in the Lower Volga Region (Paleontological Aspect)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 8 (122), pp. 218-230.

27. Pererva E.V. Paleopatologicheskie osobennosti kochevnikov savromatskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzhya [Paleopathological Features of Sarmatian Nomads from the Territory of the Lower Volga Region]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2020, no. 12, pp. 171-183. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34412

28. Pererva E.V., Berezina N.Ia., Krivosheev M.V. Trepanatsii savromato-sarmatskogo vremeni po materialam s territorii Nizhnego Povolzhya [Trepanations in Sauromato-Sarmatian Crania from the Lower Volga]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya*

Evrarii [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2020, vol. 48, no. 2, pp. 140-148.

29. Rokhlin D.G. *Bolezni drevnikh liudei* [Diseases of Ancient People]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 302 p.

30. Skripkin A.S., Klepikov V.M. Rannii zheleznyi vek [Early Iron Age]. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoi oblasti. K 100-letiiu Volgogradskogo kraevedcheskogo muzeia* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Museum of Local Lore]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013. 288 p.

31. Firshtein B.V. Savromaty Nizhnego Povolzhia (po antropologicheskim materialam iz raskopok v nizoviakh r. Eruslan Stalingradskoi oblasti) [Savromats of the Lower Volga Region (Based on Anthropological Materials from Excavations on the Lower Reaches of the Yeruslan River, Stalingrad Region)]. *Trudy instituta etnografii AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR], 1961, vol. 71, pp. 53-81.

32. Firshtein B.V. Cherepa iz Aleksandropolskogo skifskogo kurgana [Skulls from the Alexandropol Scythian Barrow]. *Voprosy antropologii* [Anthropological Issues], 1966, vol. 22, pp. 62-76.

33. Khodzhaiov T.K. Obychai prednamerennoi deformatsii golovy v Srednei Azii [The Custom of Deliberate Deformation of the Head in Central Asia]. *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniia o naselenii Srednei Azii* [Anthropological and Ethnographic Information About the Population of Central Asia]. Moscow, Staryi sad Publ., 2000, pp. 22-45.

34. Armelagos G.J., Chrisman O.D. Hyperostosis Frontalis Interna: A Nubian Case. *American Journal of Physical Anthropology*, 1988, no. 76, pp. 25-28.

35. Attanasio F. Full Penetrance of Morgagni – Stewart – Morel Syndrome in a 75-Year-Old Woman: Case Report and Review of the Literature. *J. Clin. Endocrinol. Metab*, 2013, no. 98 (2), pp. 453-457.

36. Caughey J.E. The Etiology of Hyperostosis Cram! (Metabolic Craniopathy). *The Journal of Bone and Joint Surgery*, 1958, vol. 40 B, no. 4, pp. 701-721.

37. Goodman A.H., Armelagos G.J. The Chronological Distribution of Enamel Hypoplasia in

Human Permanent Incisor and Canine Teeth. *Archs Oral Biol.*, 1985, vol. 30, no. 6, pp. 503-507.

38. Hershkovitz I. et al. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective. *American Journal of Physical Anthropology*, 1999, no. 109, pp. 303-325.

39. Jatautis S., Mitokaitė I., Jankauskas R. Analysis of Cribra Orbitalia in the Earliest Inhabitants of Medieval Vilnius. *Anthropological Review*, 2011, vol. 74, pp. 57-68.

40. Korja M. Hyperostosis Frontalis Interna as a Novel Finding in Unverricht – Lundborg Disease. *Neurology*, 2007, March 27, pp. 1077-1078.

41. Krader L. Principles and Structures in the Organization of the Asiatic Steppe-Pastoralist. *Southwestern Journal of Anthropology*, 1955, vol. 11, no. 2, pp. 67-92.

42. May H. Intracranial Volume, Cranial Thickness, and Hyperostosis Frontalis Interna in the Elderly. *American Journal of Human Biology*, 2012, no. 24, pp. 812-819.

43. Murphy E.M. Trepanations and Perforated Crania from Iron Age South Siberia: An Exercise in Differential Diagnosis. *Trepanation: History, Discovery, Theory*. Lisse, Swets & Zeitlinger Publishers, 2003, pp. 209-221.

44. Ortner D.J., Putschar W.G.J. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington, Smithsonian Institution Press, 1981. 479 p.

45. Roberts Ch., Manchester K. *The Archaeology of Disease*. S.I., The History Press, 2012. 338 p.

46. Ruhli F.J., Boni T., Henneberg M. Hyperostosis Frontalis Interna: Archaeological Evidence of Possible Microevolution of Human Sex Steroids? *HOMO – Journal of Comparative Human Biology*, 2004, no. 55, pp. 91-99.

47. Singh K., Shrinuvasan S., Chidambaram R. Hyperostosis Frontalis Interna – A Rare Benign Incidental Finding. *Indian Journal of Medical Case Reports*, 2017, vol. 6 (2), pp. 15-17.

48. Walker P.L., Bathurst R.R., Richman R., Gjerdrum T., Andrushko V.F. The Causes of Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: A Reappraisal of the Iron-Deficiency-Anemia Hypothesis. *American Journal of Physical Anthropology*, 2009, no. 139, pp. 109-125.

Information About the Author

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

**NEW DATA ON THE ARCHAEOPARASITOLOGY
OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION
(THE PHANAGORIA NECROPOLIS MATERIALS)¹**

Sergey M. Slepchenko

Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

Alexei N. Voroshilov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Olga M. Voroshilova

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Maria O. Filimonova

Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

Natalia G. Svirkina

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article presents the results of archaeoparasitological analysis of the Phanagoria necropolis materials. *Methods and materials.* We studied soil samples obtained during the processing of anthropological material (sacrum) from 45 individuals. *Results.* The eggs of two species of intestinal parasites - human whipworm (*Trichuris trichiura*) and broad tapeworm (*Diphyllobothrium latum*) were found. *Analysis.* Consideration of the obtained data in the historical and cultural context has shown that similar, relatively high frequency of parasitosis caused by human whipworm is observed virtually in all investigated archaeological monuments from the Mediterranean, which are synchronic to the studied period of existence of Phanagoria. This may indicate the absence of fundamental differences in the causes of the incidence of trichuriasis between the “ancient centers” and their periphery. The absence of statistically reliable differences in the incidence of trichuriasis between epochs, and also between gender and age groups, indicate the same intensity of the factors leading to the infection of the ancient population of Phanagoria with this pathogen in all studied time periods of the city, regardless of gender and age. The same route of transmission of human worms and a number of intestinal infections also indicates the assumed high frequency of the latter. The detection of *Diphyllobothrium latum* eggs indicates the presence of freshwater fish in the diet, which led to the assumption of a high importance of the latter for the fishery in Phanagoria. Diphyllobothriasis infestation in more remote areas also cannot be ruled out, given the presence of roads and the ability to move to other river basins. *Authors' contribution.* S.M. Slepchenko organized the study, conducted microscopy, processed and interpreted obtained data. Writing of the article. A.N. and O.M. Voroshilov conducted excavations, composited archaeological context, involved in interpreting the data. M.O. Filimonova performed laboratory processing of the crosses and microscopy of the material. N.G. Svirkina carried out the selection of sacrum stored in the museum of the Phanagoria Reserve.

Key words: Northern Black Sea Region, archaeoparasitology, Phanagoria, parasitosis, bioarchaeological reconstruction, garum.

Citation. Slepchenko S.M., Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Filimonova M.O., Svirkina N.G. New Data on the Archaeoparasitology of the Northern Black Sea Region (The Phanagoria Necropolis Materials). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 27-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.2>

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОПАРАЗИТОЛОГИИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ) ¹****Сергей Михайлович Слепченко**

Тюменский научный центр, Сибирское отделение РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Алексей Николаевич Ворошилов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Ольга Михайловна Ворошилова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мария Олеговна Филимонова

Тюменский научный центр, Сибирское отделение РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Наталья Геннадиевна Свиркина

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты археопаразитологического анализа материалов некрополя Фанагории. Изучены образцы грунта, полученные при обработке антропологического материала (крестцов) от 45 индивидуумов. Обнаружены яйца двух видов кишечных паразитов – человеческого власоглава (*Trichuris trichiura*) и широкого лентеца (*Diphyllobothrium latum*). Рассмотрение полученных данных в историко-культурном контексте показало, что подобная относительно высокая частота паразитоза, вызванного человеческим власоглавом, наблюдается практически во всех исследованных археологических памятниках с территории Средиземноморья, синхронных исследованным периодам существования Фанагории. Это может свидетельствовать о несущественности различий в причинах заболеваемости трихуриазом между «античным центром» и периферией. Отсутствие статистически достоверных различий по распространенности трихуриазом между эпохами, а также между полом и возрастными группами может говорить об одинаковой интенсивности воздействия факторов, приводивших к заражению древнего населения Фанагории данным паразитозом во все изученные периоды существования города, вне зависимости от пола и возраста. Идентичный путь передачи человеческого власоглава и ряда кишечных инфекций также может свидетельствовать о предполагаемой высокой частоте последних в изученной популяции. Обнаружение яиц лентеца *Diphyllobothrium latum* указывает на наличие в питании пресноводной рыбы, что позволило выдвинуть предположение о высокой значимости последних для рыболовства в Фанагории. Учитывая наличие дорог и возможности перемещаться в бассейны других рек, нельзя исключить и заражение дифиллоботриозом жителей Фанагории на более отдаленных территориях. *Вклад авторов.* С.М. Слепченко организовано исследование, проведено микроскопирование, обработка и интерпретация полученных данных. А.Н. и О.М. Ворошиловы – руководители раскопок, написание археологического контекста, участие в интерпретации данных. М.О. Филимоновой осуществлена лабораторная обработка крестцов и микроскопирование материала. Н.Г. Свиркиной проведен отбор крестцов, находившихся на хранении в музее-заповеднике «Фанагория».

Ключевые слова: Северное Причерноморье, археопаразитология, Фанагория, паразитозы, биоархеологические реконструкции, гарум.

Цитирование. Слепченко С. М., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Филимонова М. О., Свиркина Н. Г. Новые данные по археопаразитологии Северного Причерноморья (по материалам некрополя Фанагории) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 27–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.2>

Введение. Фанагория с точки зрения археологии является одним из самых изученных древнегреческих городов Северного Причерноморья. Широкое междисциплинарное исследование памятника специалистами разных профилей позволило получить большой объем информации, важной для понимания древней истории в целом [3; 4].

В то же время Фанагория, как и подавляющее большинство древних городов Северного Причерноморья, остается археопаразитологически не изученной областью. При этом данные, получаемые при археопаразитологическом исследовании, имея универсальный характер, могут выступать и в качестве независимого источника информации, позволяющего дополнить, подтвердить, а также реконструировать некоторые аспекты образа жизни человека, связанные с культурно-хозяйственным типом, приоритетами в диете, способами приготовления пищи, санитарно-гигиеническим состоянием поселений, контактами и миграциями древних популяций и т. д. [21].

Цель данного исследования – определить паразитарный спектр у части населения, погребенного в некрополе Фанагории, интерпретировать полученные результаты в широком историко-археологическом контексте, получить новые данные о паразитарных заболеваниях, состоянии здоровья, питании и гигиене в исследуемой популяции.

Археологический контекст. Фанагорию с трех сторон окружает самый крупный античный некрополь на территории Азиатского Боспора (рис. 1). Исторически сложилось, что его принято делить относительно городища на три основных участка – Восточный, Западный и Южный. Основу предлагаемого читателю исследования составляют материалы, полученные преимущественно в ходе масштабных и систематических исследований на Восточном некрополе, который начинается от городских стен и тянется на 3 км вдоль побережья Таманского залива и древних дорог, идущих в восточном направлении от города. На всем этом протяжении находились курганы, возведенные на ровных плато и отчасти на холмообразных естественных возвышенностях. Насыпи многих из этих курганов незаметны на современной дневной поверхнос-

ти. Большинство естественных плато и возвышенностей, а также межкурганное пространство древнего кладбища Фанагории заняты грунтовым некрополем. Значительная часть территории Фанагории свободна от современной застройки [1]. Очевидно, что систематичное исследование этого насыщенного погребальными комплексами и огромного по площади некрополя является обязательным условием полноценного изучения столицы Азиатского Боспора.

В последние полтора десятилетия изучение некрополя Фанагории приобрело качественно новый масштаб, исследования характеризуются системностью и применением самых современных методик работы с погребальными древностями, в том числе и антропологическими материалами. Раскопки проводятся большими площадями, что позволяет получить недоступную ранее информацию об организации пространства некрополя Фанагории, проследить эволюцию ландшафта древнего кладбища и в некоторых случаях реконструировать историю использования отдельных территорий некрополя.

Основные усилия некропольского отряда Фанагорийской экспедиции направлены на изучение территории Восточного некрополя у западной окраины пос. Сенной, где запланировано строительство здания археологического музея. Ставшие традиционными работы на этом насыщенном погребальными комплексами участке некрополя ежегодно пополняют научную базу десятками исследованных на современном научном уровне захоронений. Эти изыскания приносят массу интересных открытий и находок. Хронология найденных здесь погребений весьма широка: наиболее ранние комплексы датируются эпохой эллинизма (IV в. до н. э.), последние захоронения совершались здесь в позднеантичную эпоху (IV–V вв. н. э.).

Разнообразием отличаются не только хронологические позиции открытых гробниц, но и их конструкция. Большинство исследованных комплексов имело не самое простое устройство. Обычные могилы немногочисленны. Это компенсируется значительным числом захоронений в могилах с подбоем и перекрытием, что, вероятно, связано со спецификой использования этой территории некропо-

ля. Количество грунтовых склепов также весьма велико, относятся они к разным эпохам (эллинистический, римский и позднеантичный), варьируется и их устройство. Самыми яркими, но и самыми редкими являются каменные погребальные сооружения – ящики и склепы [2, с. 11–15].

В результате научных изысканий, проводившихся на некрополе Фанагории с 1936 г., было открыто более полутора тысяч погребальных комплексов. Большую часть из них составляют погребения римского и позднего эллинистического времени [1; 2, с. 10–12].

Материалы и методы. Основой для исследования послужили пробы грунта, полученные при обработке антропологического материала (крестцов) некрополя Фанагории. Хронологические рамки исследования продиктованы материалом и укладываются в период III в. до н. э. – V в. н. э.

В условиях антропологического хранилища были отобраны 15 условно целых крестцов – имевших не менее трех сочлененных между собой крестцовых позвонков. Из скелетных останков 30 индивидов для проведения исследования были взяты фрагментированные крестцы, состоявшие из отдельных крестцовых позвонков и/или их частей. В общей сложности для исследования был использован материал 45 костяков, который упаковывался в индивидуальные пластиковые пакеты, маркировался и транспортировался для дальнейшей работы в Тюменский научный центр².

Две контрольные пробы были отобраны в межмогильном пространстве некрополя Фанагории при раскопках 2021 года.

Половозрастные определения индивидов, крестцы которых были использованы для археопаразитологического анализа, были взяты из ранее опубликованного каталога палеоантропологических материалов [4, с. 51–62].

Индивиды были сгруппированы по полу и возрасту. У детей, подростков и пяти взрослых пол не установлен. В зависимости от хронологического периода все пробы были разделены на три группы: эпохи эллинизма, римского времени и позднеантичного периода (табл. 1). В лабораторных условиях обработка крестцов и их фрагментов проводилась по разработанной и принятой в ТюмНЦ мето-

дике с применением трисодиум фосфата 0,5%-ного и ультразвука [12].

Из каждой пробы было приготовлено не менее 20 микропрепаратов, которые просматривались при помощи микроскопов AxioSkop 40 и MicMed 2 var.2. с увеличением в 100 и 400 раз. Для измерения использовали программы AxioVision 4.6 и Scope Photo 3.0.

Распространенность (Pr, %) паразитозов в популяции, доверительные интервалы, определение и сравнение между собой данных о распространенности, проверка наличия / отсутствия статистически значимых различий между группами – все это было рассчитано с помощью программного обеспечения Quantitative Parasitology 3.0 [11; 20].

Для определения видовой принадлежности яиц паразитов человека использовали руководство Ash and Orihel [10].

Результаты. В ходе исследования образцов, полученных при обработке человеческих крестцов и их фрагментов, были выявлены яйца паразитов двух типов.

Основная масса яиц паразитов (96,2 % от общего количества обнаруженных яиц) в образцах была представлена яйцами, имевшими характерную удлиненную бочкообразную форму, сужающуюся к полюсам, с устьями и толстую с двойным контуром оболочку. Пробочки на полюсах у всех яиц отсутствовали, значительное количество яиц подверглось деградации. Исходя из морфологических и метрических характеристик, а также из контекста отбора проб, обнаруженные яйца принадлежат нематодам вида *Trichuris trichiura* (рис. 2,б).

Яйца второго типа были представлены в образцах в единичных экземплярах (3,8 % от общего количества обнаруженных яиц) и имели овальную форму, светло-коричневый цвет, однослойную плотную оболочку. Крышечка отсутствовала. На противоположном от места прикрепления оперкулума полюсе у яиц этого типа имелся четко выраженный скорлуповидный штырек. Размер яиц составил 55,9–55,1 × 43,7–42,9 мкм. Комплекс морфологических признаков, контекст отбора проб указывают на их принадлежность широкому лентецу (рис. 2,а).

Данные о частоте и доверительные интервалы распространенности паразитозов,

вызванных нематодами рода *Trichuris* и лентецами семейства дифиллоботриид, в исследуемой популяции в целом, в разные хронологические периоды, в зависимости от пола и возраста показаны в таблицах 1 и 2.

При попарном сравнении распространенности кишечных паразитов между периодом эллинизма, с одной стороны, римским и позднеантичным периодами – с другой, статистических различий не выявлено ($F = 0.437$ и $F = 0.437$ соответственно; $p \geq 0.05$). Также не обнаружено различий между римским и позднеантичным периодами ($F = 0.437$).

При сравнении по распространенности кишечных паразитов когорты детей – подростков со взрослыми различий не выявлено ($F = 0.285904$; $p \geq 0.05$). Отсутствуют различия и при сравнении между собой групп мужчин и женщин ($F = 0.717$; $p \geq 0.05$).

Обсуждение. По археопаразитологическим данным, трихуриаз, наряду с аскари-

дозом, вероятно, был одним из самых распространенных паразитарных инвазий в древности. Значительная частота этого гельминтоза у древнего населения и обсемененность его яйцами культурных слоев поселений и городов отмечена при исследовании археологических памятников с территории Европы, хронологически близких к исследованному могильнику [16; 18]. Пилотные исследования на территории Юга России продемонстрировали присутствие паразитов в среде античного населения: яйца власоглава обнаружены и в пробах грунта с поверхности крестцов индивидов из погребений эллинистического времени могильника Волна I, и у индивида из могильника Ковалевка I среднесарматского периода [7; 9].

Причинами широкого распространения трихуриаза в древности, на наш взгляд, являлось сочетание благоприятных природно-климатических условий на территориях, на кото-

Таблица 1. Встречаемость и доверительные интервалы паразитозов у населения города Фанагория с эпохи эллинизма по позднеантичный период

Table 1. Occurrence and confidence intervals of parasites found in the population of Phanagoria city from the Hellenistic era to the late antique period

	N	Общая		<i>Diphyllobothriidae</i>		<i>Trichuris</i>	
		n	Pr,% [95% conf]	n	Pr,% [95% conf]	n	Pr,% [95% conf]
Эпоха эллинизма	19	6	31.6% [14.7 – 55.4]	1	5.3% [0.27 – 25.7]	5	26.3% [11.0 – 50.0]
Римский период	21	6	28.6% [13.3 – 50.6]	–	–	6	28.6% [13.3 – 50.6]
Позднеантичный период	5	2	40.0% [7.6 – 80.1]	–	–	–	40.0% [7.6 – 80.1]
Итого	45	14	31.1% [18.5 – 46.6]	1	2.2% [0.12 – 11.8]	13	28.9% [17.5 – 44.0]

Примечание. N – общее число исследованных погребений; n – число индивидов, зараженных паразитами; Pr, % – распространенность.

Note. N – total number of studied burials; n – number of individuals infected with parasites; Pr, % – prevalence.

Таблица 2. Встречаемость и доверительные интервалы паразитозов у населения города Фанагория в зависимости от пола и возраста

Table 2. Occurrence and confidence intervals of parasites found in the population of Phanagoria city depending on sex and age

	N	Общая	
		n	Pr,% [95% conf]
дети	11	2	18.2% [3.3 – 50.0]
женщины	12	4	33.0% [12.3 – 63.0]
мужчины	17	7	41.2% [19.6 – 65.0]

рых располагались исследованные археологические памятники, и ряда факторов, связанных с человеком и его деятельностью. Так, практически на всей территории Римской империи и распространения греков в древности, за исключением высокогорий, пустынь и полупустынь, имелись условия для осуществления жизненного цикла геогельминтов, в частности власоглава. Это фоновое условие (влажный субтропический и тропический климат) в совокупности с человеческой деятельностью по орошению территорий, созданию акведуков, общественных мест сбора воды, а также скопление мусора на улицах и приусадебных участках, переполненные дренажные коллекторы в городах, скученность населения и другие факторы способствовали, на наш взгляд, усилению риска заражения геогельминтозами [22; 23]. Еще одним постоянным фактором риска, вероятно, являлось использование фекалий человека и животных для удобрения полей, на которых выращивались овощи и т. д. [14; 17, р. 89–90; 22].

Подобная ситуация являлась не только постоянной угрозой инвазирования людей геогельминтозами. Наличие яиц человеческого власоглава отражает распространенность и желудочно-кишечных инфекций, вызванных некоторыми вирусами, бактериями и простейшими. При одинаковом – фекально-оральном пути передачи высокая частота паразитозов, как правило, четко коррелирует с высокой частотой инфекций, вызванных этими возбудителями [13; 14].

Несмотря на то что в Древней Греции и Римской империи получили распространение общественные туалеты с личными гигиеническими палочками, регулярное мытье в общественных, отапливаемых банях, вывоз человеческих отходов из городов и поселков в сельскую местность, вероятно, не могли предотвратить высокую частоту геогельминтозов и кишечных инфекций.

Благоприятные природно-климатические условия местности, на которой располагалась Фанагория, сходство культурных традиций и хозяйственного уклада с Древней Грецией и Римской империей, которые мы привели выше, могли обусловить относительно высокую заболеваемость трихуриазом населения Фанагории (пораженность мини-

мум 17,5 % населения). Сходная частота трихуриаза (11,1 %) отмечена и у населения Таманского полуострова эллинистического времени, оставившего могильник Волна I [7]. Высокая встречаемость трихуриаза отмечена и при исследовании хронологически синхронных памятников с территории Средиземноморья, что может свидетельствовать об отсутствии кардинальных различий по заболеваемости трихуриазом между «античным центром» и его периферией.

Нами не обнаружено статистически достоверных различий в распространенности трихуриаза у населения Фанагории между исследованными периодами, что, вероятно, отражает устойчивость во времени факторов риска высокой заболеваемости не только этим паразитозом, но и другими геогельминтозами и некоторыми кишечными инфекциями. Отсутствие различий между взрослыми и детьми, мужчинами и женщинами по распространенности трихуриаза показывает, что причины высокой заболеваемости данным паразитозом действовали с одинаковой интенсивностью во все изученные периоды существования города и не имели половозрастных различий.

Обнаружения яиц широкого лентеца также не являются редкостью в археопаразитологических исследованиях и фиксируются с периода неолита [19]. Находки оболочек яиц паразитов этого семейства чаще обнаруживаются при изучении материала с археологических памятников, расположенных в циркумполярной и умеренной зонах земного шара, что совпадает с природными очагами этой группы зооантропонозных биогельминтозов. Однако яйца дифиллоботриид найдены и вне природных очагов, являясь, вероятно, свидетельством перемещения населения [7].

На территории Юга России яйца широкого лентеца обнаружены у сармата из погребения № 1 кургана 16 могильника Ковалевка I, расположенного на территории Волгоградской области и датированного I–II вв. до н. э. [9]. Имеются данные об обнаружении яиц широкого лентеца у человека в древности на территории Таманского полуострова. Дифиллоботриоз обнаружен у индивида из погребения эллинистического периода могильника Волна I [7]. Яйца *Diphyllobothrium* sp. были

найлены в образцах из водовода, обнаруженного на «Нижнем раскопе» средневековой Фанагории, датированного VIII–IX вв. н. э. (неопубликованные данные). Несмотря на слабую изученность территорий Юга России и всего Северного Причерноморья в отношении археопаразитологии, можно отметить, что заболеваемость дифиллоботриозом на данной территории, вероятно, не являлась казуистикой.

Как известно, человек заражается лентецом при употреблении в пищу сушеной, слабосоленой рыбы и т. д. Исследования ихтиофауны с раскопок «Верхнего города» Фанагории показали, что в рационе питания жителей города, практически во все время его существования, присутствовала пресноводная рыба (судак, щука), которая могла стать источником заражения дифиллоботриозом [8].

Вызывает интерес и тот факт, что при исследовании костных останков рыб из культурных слоев столицы Азиатского Боспора, располагавшейся на берегу моря, практически не найдено морских видов рыб [8]. В то же время письменные, эпиграфические и археологические источники свидетельствуют о важной роли рыболовного промысла на Боспоре [6].

Обнаружение яиц лентеца *Diphilobothrium latum*, обилие костей пресноводных проходных и полупроходных рыб при минимальном количестве морских видов, позволяет выдвинуть предположение о высокой значимости пресноводных видов рыб для рыболовства Фанагории. Местами рыбной ловли могли быть река Кубань, прибрежные воды и лиманы, которыми изобилует территория Азиатского Боспора. Нельзя исключить и заражение дифиллоботриозом на более отдаленных территориях, учитывая наличие дорог и возможности перемещаться в бассейны других рек, например Дона [7].

Об употреблении рыбы свидетельствуют и данные анализа стабильных изотопов коллагена костной ткани индивидов из погребений фанагорийского некрополя [4, с. 37, 44]. Примечательно, что высокие значения дельты азота, которые маркируют присутствие в рационе рыбы, прежде всего характерны для эллинистического времени. Отметим, что случаи обнаружения дифиллоботриоза у жителей Фанагории и населения, оставившего могиль-

ник Волна I, относятся к тому же историческому периоду.

Интересную версию о причинах увеличения частоты дифиллоботриоза на территории Римской империи, по сравнению с более ранними эпохами, выдвинул Митчелл. По мнению автора, такой рост частоты инвазии широким лентецом, в основном на северных окраинах Римской империи, на которых отмечалось употребление в пищу сырой рыбы, мог быть связан с распространением в питании населения такого продукта, как рыбный соус, известный как гарум, ликвамен или мурия [15]. Как указывает автор, первоначально гарум происходил с территории Средиземноморья и изготавливался из морской рыбы, но со временем был распространен и на севере Европы, где его производили, в том числе, и из пресноводной рыбы. По мнению автора, гарум, произведенный на эндемичных по дифиллоботриозу территориях, мог распространяться по империи и быть фактором риска заражения дифиллоботриозом [18].

На территории Северного Причерноморья также производился гарум, как правило – из морских видов рыбы [5, с. 55–56]. Одним из главных центров производства гарума являлся город Херсонес Таврический, располагавшийся на территории современного города Севастополь [5]. На территории Фанагории пока не обнаружено свидетельств приготовления гарума, но он мог доставляться в город из других полисов Северного Причерноморья и более отдаленных территорий. Однако мы не можем поддержать идею о том, что гарум мог быть серьезным фактором распространения дифиллоботриоза как в Северном Причерноморье, так и в Римской империи в целом. На наш взгляд, при использовании соли в достаточной концентрации (на 8 частей рыбы приходилась 1 часть соли), ферментации белков под воздействием желчи и протеолитических ферментов, содержащихся в кишках рыбы, длительном выдерживании продукта в емкостях для закваски, процеживании и транспортировке гарума вероятность сохранения инвазивности плероцеркоидов широкого лентеца представляется маловероятной.

Заключение. Археопаразитология – актуальное направление в контексте совре-

менных комплексных междисциплинарных подходов к изучению древних сообществ. Проведенное исследование продемонстрировало возможность использования крестцов из палеоантропологических коллекций для извлечения образцов грунта. Однако это не отменяет необходимость пробоотбора с поверхности крестцов непосредственно во время раскопок.

Определение разнообразия паразитарных заболеваний у населения Фанагории, рассмотрение полученных данных в историко-культурном контексте позволило расширить наши представления о состоянии здоровья и гигиене жителей города, обозначив возможные причины относительно высокой частоты геогельминтозов (*Trichuris trichiura*) в популяции. Обнаружение яиц лентеца *Diphilobothrium latum* указывает на наличие в питании пресноводной рыбы, что позволило выдвинуть предположение о высокой значимости данных видов рыб для рыболовства в Фанагории.

Расширение источниковой базы позволит перейти к обсуждению широкого спектра тем:

от состояния здоровья конкретного индивида до влияния природной и культурной среды на людей, населявших территорию Северного Причерноморья в разные исторические отрезки времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 21-18-00263 «Археопаразитологические спектры древнего и средневекового населения Северного Причерноморья и юга Русской равнины: новый подход в биоархеологических реконструкциях».

Research supported by the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00263 “Archaeoparasitological spectra of the ancient and medieval population of the Northern Black Sea region and the south of the Russian Plain: a new approach in bioarchaeological reconstructions”.

² Два образца происходят из захоронений Южного некрополя эллинистического и римского времени, остальные – из Восточного некрополя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

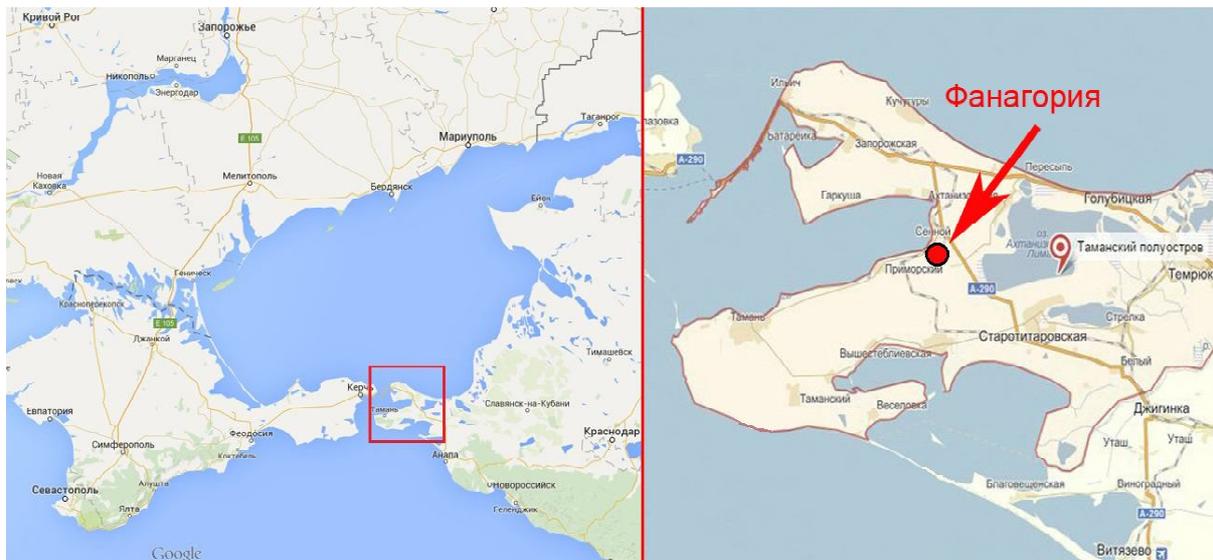

Рис. 1. Локализация некрополя Фанагории
Fig. 1. Localization of the Phanagoria necropolis

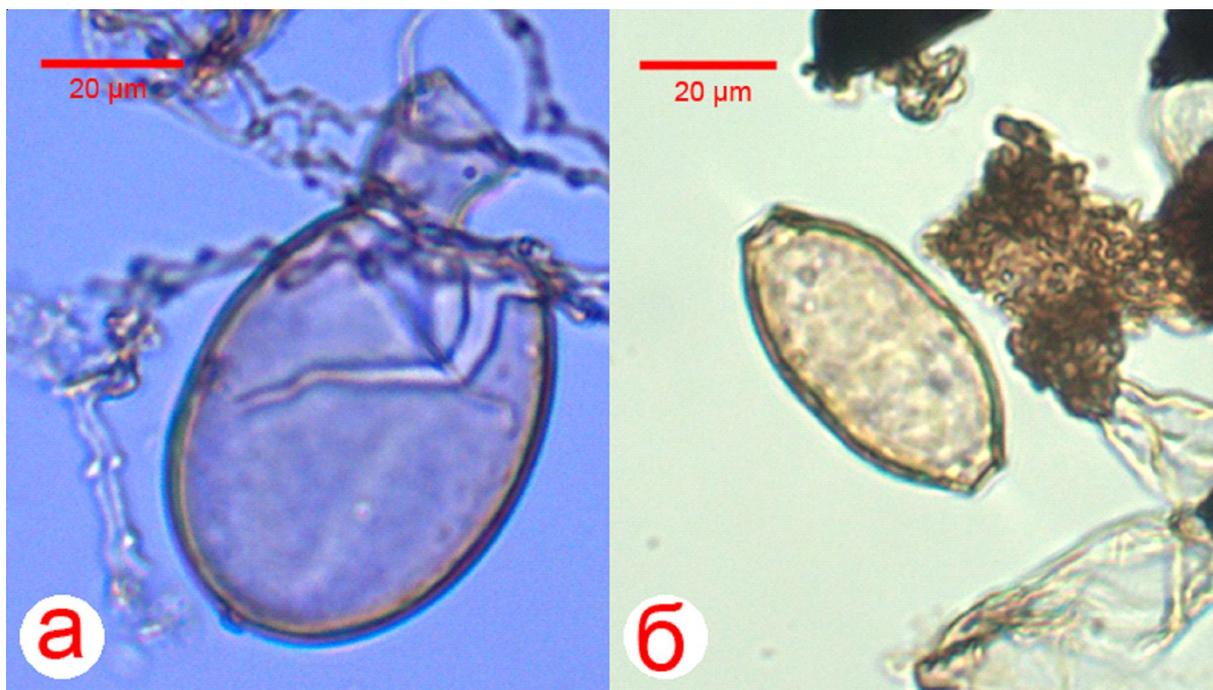

Рис. 2. Яйца паразитов, обнаруженные при исследовании проб грунта из погребений некрополя Фанагории:

а) яйцо власоглава; б) яйцо широкого лентеца

Fig. 2. Parasite eggs found in soil samples from the necropolis of Phanagoria

а) *Trichuris trichiura*; б) *Diphyllobothrium* sp.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворошилова, О. М. История исследования некрополя Фанагории / О. М. Ворошилова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 3 (29). – С. 37–54.

2. Ворошилова, О. М. Некрополь Фанагории в I в. до н.э. – V в. н.э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора : дис. ... канд. ист. наук / Ворошилова Ольга Михайловна. – М. : ИА РАН, 2012. – 626 с.

3. Добровольская, Е. В. Костные остатки зверей и птиц из объектов на «Верхнем городе» Фанагории / Е. В. Добровольская, А. А. Завойкин // Фанагория : Результаты археологических исследований. – М. : Ин-т археологии РАН, 2016. – С. 83–92.

4. Добровольская, М. В. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам) / М. В. Добровольская, Н. Г. Свиркина. – М. : Т-во науч. изданий КМК, 2018. – 233 с.

5. Кадеев, В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.) / В. И. Кадеев. – Харьков : Бизнес Информ, 1996. – 131 с.

6. Кругликова, И. Т. Сельское хозяйство и промыслы / И. Т. Кругликова // Античные государства Северного Причерноморья. – М. : Наука, 1984. – С. 154–161.

7. Первые результаты археопаразитологического исследования грунтового могильника Волна 1 (Темрюкский район, Краснодарский край) / С. М. Слеченко [и др.] // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 4 (55). – С. 125–136.

8. Юрцева, А. О. Кости рыб из Фанагории (раскопки 2006–2013 гг.) / А. О. Юрцева // Фанагория. Результаты археологических исследований : Материалы по археологии истории Фанагории. – М. : Ин-т археологии РАН, 2016. – Т. 4, вып. 2. – С. 353–360.

9. Archaeoparasitological Analysis of Soil Samples from Sarmatian Burial Ground Kovalevka I, 2nd–1st Centuries BCE, Russia / S. M. Slepchenko [et al.] // Journal of Archaeological Science: Reports. – 2019. – № 26. – DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.101874

10. Ash, L. R. Atlas of Human Parasitology / L. R. Ash, T. C. Orihel. – Chicago : American Society for Clinical Pathology Press, 2007. – 540 p.

11. Biostatistics for Parasitologists – A Primer to Quantitative Parasitology / J. Reiczigel [et al.] // Trends in Parasitology. – 2020. – № 35. – P. 277–281. – DOI: 10.1016/j.pt.2019.01.003

12. Filimonova, M. O. Using Sacrum Stored in Museums and Anthropological Depositories for Archaeoparasitological Research / M. O. Filimonova, S. M. Slepchenko // Journal of Archaeological Science: Reports. – 2021. – № 39. – DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.103173

13. Fletcher, S. M. Prevalence of Gastrointestinal Pathogens in Developed and Developing Countries: Systematic Review and Meta-Analysis / S. M. Fletcher, M. L. McLaws, J. T. Ellis // Journal of Public Health Research. – 2013. – № 2 (1). – P. 42–53.

14. Gastrointestinal Infection in Italy During the Roman Imperial and Longobard Periods: A Paleoparasitological Analysis of Sediment from Skeletal Remains and Sewer Drains / M. L. Ledger [et al.] // International Journal of Paleopathology. – 2021. – № 33. – P. 61–71.

15. Grainger, S. The Story of Garum: Fermented Fish Sauce and Salted Fish in the Ancient World / S. Grainger // Routledge. – 2020. – P. 418–420. – DOI: 10.4324/9781315269825

16. Infectious Disease in the Ancient Aegean: Intestinal Parasitic Worms in the Neolithic to Roman Period Inhabitants of Kea, Greece / E. Anastasiou [et al.] // Journal of Archaeological Science: Reports. – 2018. – № 17. – P. 860–864. – DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.11.006

17. Koloski-Ostrow, A. O. The Archaeology of Sanitation in Roman Italy: Toilets, Sewers, and Water Systems / A. O. Koloski-Ostrow. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2015. – 286 p.

18. Mitchell, P. D. Human Parasites in the Roman World: Health Consequences of Conquering an Empire / P. D. Mitchell // Parasitology. – 2016. – № 8. – P. 1–11. – DOI: 10.1017/S0031182015001651

19. Paleoparasitological Investigations on the Neolithic Lakeside Settlement of la draga (lake Banyoles, Spain) / C. Maicher [et al.] // Holocene. – 2017. – № 27 (11). – P. 1659–1668. – DOI: 10.1177/0959683617702236

20. Reiczigel, J. Quantitative Parasitology 3.0 (Internet) / J. Reiczigel, L. Rózsa. – Budapest, Hungary, 2005. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.zoologia.hu/qp/qp.html> (date of access: 12.04.2022). – Title from screen.

21. Reinhard, K. J. Parasitology as an Interpretive Tool in Archaeology / K. J. Reinhard // American Antiquity. – 1992. – № 57 (2). – P. 231–245.

22. Scheidel, W. Disease and Death in the Ancient City of Rome / W. Scheidel // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. – 2009. – DOI: 10.2139/ssrn.1347510

23. Scobie, A. Slums, Sanitation, and Mortality in the Roman World / A. Scobie // Klio. – 1986. – № 2. – P. 399–433. – DOI: 10.1524/klio.1986.68.68.399

REFERENCES

1. Voroshilova O.M. Istorija issledovaniya nekropolja Fanagorii [The History of the Study of the Phanagoria Necropolis]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2010, no. 3 (29), pp. 37-54.

2. Voroshilova O.M. *Nekropol Fanagorii v I v. do n.e. – V v. n.e. kak istochnik po istorii naselenija stolicy Aziatskogo Bospora: dis. ... kand. ist. nauk* [The Necropolis of Phanagoria in the 1st Century BC – 5th Century AD as a Source on the History of the Population of the Capital of the Asian Bosporus. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, IA RAN, 2012. 626 p.
3. Dobrovolskaja E.V., Zavojkin A.A. Kostnye ostatki zverej i ptic iz obyektov na «Verhnem gorode» Fanagorii [Bone Remains of Animals and Birds from Objects on the “Upper City” of Phanagoria]. *Fanagorija: Rezultaty arheologicheskikh issledovanij* [Phanagoria: Results of Archaeological Research]. Moscow, In-t Arkheologii RAN, 2016, pp. 83-92.
4. Dobrovolskaja M.V., Svirkina N.G. *Zhiteli antichnoj Fanagorii (rekonstrukcija obraza zhizni po paleoantropologicheskim materialam)* [Inhabitants of Ancient Phanagoria (Lifestyle Reconstruction Based on Paleoanthropological Materials)]. Moscow, T-vo nauch. izdanij KMK, 2018. 233 p.
5. Kadeev V.I. *Hersones Tavricheskij. Byt i kultura (I–III vv. n. je.)* [Chersonese Tauride. Life and Culture (I – III Centuries AD)]. Kharkiv, Business Inform Publ., 1996. 131 p.
6. Kruglikova I.T. Selskoe hozjajstvo i promysly [Agriculture and Crafts]. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomorja* [Ancient States of the Northern Black Sea Coast]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 154-161.
7. Slepchenko S.M., et al. Pervye rezul'taty arheoparazitologicheskogo issledovanija gruntovogo mogilnika Volna 1 (Temrjukskij rajon, Krasnodarskij kraj) [The First Results of the Archaeoparasitological Study of the Volna 1 Underground Burial Ground (Temryuksy District, Krasnodar Krai)]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2021, no. 4 (55), pp. 125-136.
8. Jurceva A.O. Kosti ryb iz Fanagorii (raskopki 2006–2013 gg.) [Fish Bones from Phanagoria (Excavations in 2006–2013)]. *Fanagorija. Rezultaty arheologicheskikh issledovanij: Materialy po arheologii istorii Fanagorii*. [Phanagoria. The Results of Archaeological Research. Materials on the Archaeology of the History of Phanagoria]. Moscow, In-t arkheologii RAN, 2016, vol. 4, iss. 2, pp. 353-360.
9. Slepchenko S.M., Pererva E.V., Ivanov S.N., Klepikov V.M. Archaeoparasitological Analysis of Soil Samples from Sarmatian Burial Ground Kovalevka I, 2nd – 1st Centuries BCE, Russia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2019, no. 26. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.101874
10. Ash L.R., Orihel T.C. *Atlas of Human Parasitology*. Chicago, American Society for Clinical Pathology Press, 2007. 540 p.
11. Reiczigel J., Marozzi M., Fábíán I., Rózsa L. Biostatistics for Parasitologists – A Primer to Quantitative Parasitology. *Trends in Parasitology*, 2020, no. 35, pp. 277-281. DOI: 10.1016/j.pt.2019.01.003
12. Filimonova M.O., Slepchenko S.M. Using Sacrum Stored in Museums and Anthropological Depositories for Archaeoparasitological Research. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2021, no. 39. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.103173
13. Fletcher S.M., McLaws M.L., Ellis J.T. Prevalence of Gastrointestinal Pathogens in Developed and Developing Countries: Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Public Health Research*, 2013, no. 2 (1), pp. 42-53.
14. Ledger M.L., Micarelli I., Ward D., Prowse T.L., Carroll M., Killgrove K., Mitchell P.D. Gastrointestinal Infection in Italy During the Roman Imperial and Longobard Periods: A Paleoparasitological Analysis of Sediment from Skeletal Remains and Sewer Drains. *International Journal of Paleopathology*, 2021, no. 33, pp. 61-71.
15. Grainger S. The Story of Garum: Fermented Fish Sauce and Salted Fish in the Ancient World. *Routledge*, 2020, pp. 418-420. DOI: 10.4324/9781315269825
16. Anastasiou E., Papathanasiou A., Schepartz L.A., Mitchell P.D. Infectious Disease in the Ancient Aegean: Intestinal Parasitic Worms in the Neolithic to Roman Period Inhabitants of Kea, Greece. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2018, no. 17, pp. 860-864. DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.11.006
17. Koloski-Ostrow A.O. *The Archaeology of Sanitation in Roman Italy: Toilets, Sewers, and Water Systems*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2015. 286 p.
18. Mitchell P.D. Human Parasites in the Roman World: Health Consequences of Conquering an Empire. *Parasitology*, 2016, no. 8, pp. 1-11. DOI: 10.1017/S0031182015001651
19. Maicher C., Hoffmann A., Côté N.M.L., Palomo Pérez A., Saña Seguí M., Le Bailly M. Paleoparasitological Investigations on the Neolithic Lakeside Settlement of la draga (Lake of Banyoles, Spain). *Holocene*, 2017, no. 27 (11), pp. 1659-1668. DOI: 10.1177/0959683617702236
20. Reiczigel J., Ryzsa L. *Quantitative Parasitology 3.0 (Internet)*. Budapest, Hungary, 2005. URL: <http://www.zoologia.hu/qp/qp.html> (accessed 12 April 2022).
21. Reinhard K.J. Parasitology as an Interpretive Tool in Archaeology. *American Antiquity*, 1992, no. 57 (2), pp. 231-245.
22. Scheidel W. Disease and Death in the Ancient City of Rome. *Princeton/Stanford Working Papers in Classics*, 2009. DOI: 10.2139/ssrn.1347510
23. Scobie A. Slums, Sanitation, and Mortality in the Roman World. *Klio*, 1986, no. 2, pp. 399-433. DOI: 10.1524/klio.1986.68.68.399

Information About the Authors

Sergey M. Slepchenko, Candidate of Science (Biology), Leading Researcher, Department of Physical Anthropology, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chervishevsky Trakt, 13, 625008 Tyumen, Russian Federation, s_slepchenko@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9365-3849>

Alexei N. Voroshilov, Candidate of Science (History), Researcher, Department of Scientific Information and Preparation of Publications, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Krzhizhanovskogo St, 14, Bld. 2, 117218 Moscow, Russian Federation, voroshilov.aleksej@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-8114>

Olga M. Voroshilova, Candidate of Science (History), Researcher, Department of Classical Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Krzhizhanovskogo St, 14, Bld. 2, 117218 Moscow, Russian Federation, helga-mir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9789-9168>

Maria O. Filimonova, Junior Researcher, Department of Physical Anthropology, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chervishevsky Trakt, 13, 625008 Tyumen, Russian Federation, mashaofilimonova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9478-8449>

Natalia G. Svirkina, Candidate of Science (History), Junior Researcher, Laboratory of Contextual Anthropology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, D. Ulyanov St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, svirkina.natalia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5712-5953>

Информация об авторах

Сергей Михайлович Слепченко, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник сектора физической антропологии, Тюменский научный центр, Сибирское отделение РАН, Червишевский тракт, 13, 625008 г. Тюмень, Российская Федерация, s_slepchenko@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9365-3849>

Алексей Николаевич Ворошилов, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной информации и подготовки публикаций, Институт археологии РАН, ул. Кржижановского, 14, корп. 2, 117218 г. Москва, Российская Федерация, voroshilov.aleksej@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-8114>

Ольга Михайловна Ворошилова, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии, Институт археологии РАН, ул. Кржижановского, 14, корп. 2, 117218 г. Москва, Российская Федерация, helga-mir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9789-9168>

Мария Олеговна Филимонова, младший научный сотрудник сектора физической антропологии, Тюменский научный центр, Сибирское отделение РАН, Червишевский тракт, 13, 625008 г. Тюмень, Российская Федерация, mashaofilimonova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9478-8449>

Наталья Геннадиевна Сvirкина, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории контекстуальной антропологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, svirkina.natalia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5712-5953>

**THE EFFECTIVENESS OF SEX DETERMINATION
OF IMMATURE INDIVIDUALS BY MORPHOLOGICAL METHODS
(A CASE STUDY OF MEDIEVAL MAMISONDON SERIES, NORTH OSSETIA)¹**

Daria S. Khodyreva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Natalia N. Goncharova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Research Center of Medical Genetics, Moscow, Russian Federation

Alexandra P. Buzhilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Natalia Ya. Berezina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* One of the main issues in the analysis of human remains in paleoanthropology and forensic examination is the sex determination. A large number of reliable methods for sex determination in adult individuals exist. However, when examining the remains of children and adolescents, the problem of sex determination is much more complicate. Various methods of such determination have been developed. All of them have different degrees of accuracy, applicable to different osteological series. *Methods and materials.* The early Medieval Mamisondon series (North Ossetia) was chosen for the study, in which the sex of the buried, including children, determined the location of the corpse. Genetic analysis and peptide analysis of tooth enamel were carried out to confirm the connection of body location with sex. Three methods of morphological sex determination in children's skeletons have been tested: the use of discriminant functions for the size of the teeth and the use of descriptive characteristics of the mandible and pelvis shape. Mesiodistal and bucco-lingual tooth sizes were measured in 60 adults and 43 children. Morphological features of the mandible were evaluated in 37 individuals and the ilium in 33. The evaluation of the descriptive characteristics of the postcranial skeleton was carried out by the blind method, and then the data obtained were compared with sex determination data confirmed by laboratory methods. *Analysis.* By the method of step-by-step discriminant analysis, the characters were selected that most successfully dividing individuals by sex in our series. *Results.* We have built several discriminant equations based on deciduous and permanent molars, which allow us to determine sex with an accuracy of 70–80%. In our work, we especially note the importance of the first permanent molar for sex determination in children, since it appears first among permanent teeth, which are more dimorphic than deciduous teeth. We consider this method to be promising, however, due to the unequal level of sexual dimorphism and the size of teeth in different populations, the discriminant functions created by us are not universal and are applicable only specifically to our series, or to another series with the same level of sexual dimorphism and dimensional characteristics of the teeth. The descriptive characteristics studied in the work showed a low percentage of correct decisions in determining sex. *Authors' contribution:* D. Khodyreva – experimental research, data analysis, writing original draft; N. Goncharova – methodology of statistical analysis, formal analysis, review and editing; A. Buzhilova – methodology of the research algorithm, review and editing, critical revision in order to improve the content; N. Berezina – the concept of the research algorithm, methodology, writing, review and editing.

Key words: sex determination, odontometrics, osteoscopy, craniology, discriminant analysis, children and adolescents.

Citation. Khodyreva D.S., Goncharova N.N., Buzhilova A.P., Berezina N.Ya. The Effectiveness of Sex Determination of Immature Individuals by Morphological Methods (A Case Study of Medieval Mamisondon Series, North Ossetia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 39-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.3>

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛА ПО ОСТАНКАМ
НЕПОЛОВОЗРЕЛЫХ ИНДИВИДОВ МЕТОДАМИ МОРФОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРИИ МАМИСОНДОН,
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ)¹**

Дарья Сергеевна Ходырева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Наталья Николаевна Гончарова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Медико-генетический научный центр им. акад. Н.П. Бочкова, г. Москва, Российская Федерация

Александра Петровна Бужилова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Наталья Яковлевна Березина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Одним из основных вопросов при анализе человеческих останков в палеоантропологии и судебной экспертизе является определение пола погребенных. Существует большое количество надежных методов определения пола у взрослых индивидов, тем не менее, проблема определения пола у детей и подростков по морфологическим критериям весьма актуальна. На данный момент разработано несколько методик, имеющих разную степень точности применимо к различным остеологическим сериям. *Методы и материалы.* Для проведения исследования была выбрана раннесредневековая серия Мамисондон (Северная Осетия), в которой пол погребенных, включая детей, определял позу погребенного. Для подтверждения связи позы погребенного с полом были проведены генетический анализ и пептидомный анализ эмали зубов. В публикации приведены результаты тестирования трех наиболее популярных методик морфологического определения пола у детей: использование дискриминантных функций для размеров зубов и применение описательных характеристик нижней челюсти и подвздошной кости таза. Измерения мезиодистальных и вестибуло-лингвальных размеров зубов были проведены у 60 взрослых и 43 детей. Морфологические особенности нижней челюсти оценивались у 37 индивидов, а подвздошной кости – у 33. Оценка описательных характеристик посткраниального скелета проводилась слепым методом, затем полученные данные сравнивались с данными по определению пола, подтвержденными лабораторными методами. *Анализ.* Методом пошагового дискриминантного анализа были отобраны параметры, наиболее успешно разделяющие детей и подростков по полу в нашей серии. *Результаты.* Описательные характеристики, изученные в работе, показали низкий процент правильных решений при определении пола. В результате исследования размеров молочных и постоянных моляров был построен ряд дискриминантных уравнений, которые позволили определять пол с точностью 70–80 %. В данной работе отмечается важность изучения размеров первого постоянного моляра для определения пола у детей, поскольку он появляется первым среди постоянных зубов, которые более диморфны, чем молочные зубы. Вероятно, разработанные для серии Мамисондон дискриминантные уравнения будут с неодинаковой эффективностью работать для других серий, сильно отличающихся от нашей выборки. *Вклад авторов:* Д.С. Ходырева – экспериментальное исследование, анализ данных, написание текста статьи; Н.Н. Гончарова – методология статистического анализа, анализ данных, редактирование текста; А.П. Бужилова – методология исследовательского алгоритма, редактирование текста, критическая доработка с целью улучшения содержания; Н.Я. Березина – концепция алгоритма исследования, методология, написание и редактирование текста.

Ключевые слова: определение пола, одонтометрия, остеоскопия, краниоскопия, дискриминантный анализ, дети и подростки.

Цитирование. Ходырева Д. С., Гончарова Н. Н., Бужилова А. П., Березина Н. Я. Эффективность определения пола по останкам неполовозрелых индивидов методами морфологии (на примере средневековой серии Мамисондон, Северная Осетия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 39–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.3>

Введение. Половые различия в размерах тела между мальчиками и девочками наблюдаются уже с рождения. По статистике мальчики рождаются более крупными, чем девочки. Это связано с интенсивной выработкой гормона тестостерона на этапе внутриутробного развития [15; 16]. На возрастном интервале от рождения до 7 лет величина полового диморфизма размеров тела детей постепенно уменьшается от грудного и раннего возрастов к возрасту первого детства. Существенно половой диморфизм начинает проявляться в период полового созревания, когда генерализованные процессы взросления отражаются на костной системе [5]. Для определения пола по морфологическим особенностям скелета, начиная с позднего подросткового возраста, разработано большое количество методик, позволяющих с высокой долей достоверности проводить идентификацию [2; 3; 8; 12]. Для палеоантропологических и биоархеологических исследований пол индивида, как и его возраст, являются базовыми характеристиками, на которых строятся все дальнейшие реконструкции. До недавнего времени, когда был разработан анализ палеоДНК, пол ювенильных индивидов оставался белым пятном в палеоантропологических исследованиях. Поставленную задачу на разных сериях пытались решить как судебные медики, так и антропологи, используя паспортизованные коллекции [19; 23; 28; 31; 32]. Разработанные на паспортизованных сериях или современных коллекциях признаки идентификации пола у детей имеют неодинаковую степень точности, которая в том числе зависит и от биологических особенностей использованной выборки.

Одним из самых известных исследований по определению пола у детей является работа Х. Шутковски [28], позже повторенная Р. Саттером [29] на другой серии костей. Исследуя подвздошные кости таза, Х. Шутковски выделил форму большой седалищной вырезки, глубину и величину угла, которой он связал с полом. Данный признак, по мнению

автора работы, распознается на ранних стадиях развития плода и хорошо сохраняется в человеческих останках. Работы Х. Шутковски [28] показывают, что достоверность данного метода составляет 71,4–95 %, в публикации Р. Саттера [29] эффективность этой же методики составляет 79–80,7 %, при этом диагностика пола у индивидов мужского пола в обоих исследованиях показывала более высокую точность, чем у индивидов женского пола. Однако применение этой методики на паспортизованной коллекции Лиссабона показало эффективность правильного определения пола только в 61 % случаев [30].

Другой популярной методикой, разработанной Х. Шутковски [28] и получившей развитие в работе С. Лот и М. Хеннеберг [25], является определение пола детей по морфологическим и метрическим особенностям нижней челюсти. С. Лот исследовала некоторые метрические признаки нижней челюсти (выступление подбородка, нижнечелюстной угол, подбородочный симфиз), получив результат с невысокой достоверностью распределения индивидов по полу: 33 % для признака выступления подбородка и 37 % для угла нижней челюсти. Позже С. Лот и М. Хеннеберг исследовали выборку детей возрастом от 7 месяцев до 3,5 лет посредством слепых тестов и получили среднюю точность метода 81 %.

Третьим кластером методик по определению пола у детей является одонтометрическая дифференциация [10; 18; 20; 24]. Коронки зубов имеют массу преимуществ перед костями черепа и посткраниального скелета: рано появляются, слабо меняются со временем, устойчивы к воздействию тафономических процессов. Ограничениями метода могут являться прижизненные изменения нормальных размеров зубов, например, физиологическая стертость или патологические состояния. Достоинствами данной методики является простота исполнения, что позволяет применять ее в любых условиях,

а также использование метрических признаков, которые не опираются на субъективное мнение исследователя. Различия в размерах зубов у мужчин и женщин могут объясняться разным соотношением толщины эмали и дентина, которое определяется генами половых хромосом [27].

Среди российских антропологов вопросы идентификации пола по детским останкам поднимались в работах Н.А. Дубовой [7], на материалах могильника Гонур-депе, эпоха бронзы, Туркменистан, и В.В. Куфтерина [11], на материалах могильника Селивановский II, эпоха бронзы, Республика Башкортостан. Данные работы не выявили существенного диморфизма по размерам зубов. Кроме того, разработкой методик занимались также отечественные судебные медики [9; 14].

Целью данного исследования стала оценка достоверности наиболее распространенных методик определения пола по морфологическим признакам детских скелетов с известной половой принадлежностью на локальной антропологической серии Мамисондон.

Для достижения поставленной цели была проведена работа по изучению существующих методик идентификации пола по скелетным останкам неполовозрелых индивидов, отобраны самые распространенные и эффективные из них. Была проведена оценка успешности определения пола у детей по морфологическим признакам подвздошных костей и нижней челюсти с учетом данных археологии и пептидного анализа. Был изучен половой диморфизм в размерах зубов молочной и постоянной генераций у детей и взрослых с известной половой принадлежностью. С помощью дискриминантного анализа была разработана система уравнений для определения пола по размерам зубов у детей и взрослых.

Материалы и методы. В работе была исследована коллекция раннесредневекового могильника Мамисондон (Алагирский район Республики Северная Осетия – Алания), датирующаяся VII–IX вв. н. э. [1; 6].

Особенностью данной коллекции, позволившей провести такого рода исследование на детских костяках, является возможность независимой половой идентификации по погребальному обряду. Захоронения мужчин и женщин производились в разных позах: мужские

погребения совершались в вытянутом положении на спине, женские – в скорченном положении на боку. Аналогичный обряд характерен и для детских костяков.

Для проверки универсальности погребального обряда данные по положению тела в погребении сравнивались с данными по антропологии и генетике для взрослых индивидов и с результатами пептидного анализа белков зубной эмали, как для взрослых, так и для детско-подростковой части выборки [13]. Таким образом, серию Мамисондон можно считать паспортизованной коллекцией для исследования морфологических критериев пола.

В процессе работы было изучено 43 детских и 60 взрослых скелетов.

Все признаки изучались слепым методом, без учета известных данных о половой принадлежности.

Для проверки методик, использующих неметрические признаки, нами были отобраны 38 детских костяков, которые имели необходимые части скелета. Из них 33 скелета имели хотя бы одну подвздошную кость с хорошей сохранностью большой седалищной вырезки; 37 скелетов имели хотя бы частично сохранившуюся нижнюю челюсть, на которой можно было зафиксировать хотя бы один из исследуемых признаков.

Большая седалищная вырезка и признаки нижней челюсти были исследованы у детских скелетов по методике Х. Шутковски [28].

Для определения глубины большой седалищной вырезки кость располагали дорзальной стороной к себе, затем ставили на ровную поверхность таким образом, чтобы она опиралась на нижнюю заднюю подвздошную ость и седалищную ость. Глубина вырезки определялась визуально. У индивидов женского пола она менее глубокая, у индивидов мужского пола – более глубокая.

Для определения угла большой седалищной вырезки кость располагали вентральной стороной к себе таким образом, чтобы сторона большой седалищной вырезки, которая находится ближе к седалищной ости, была выровнена по вертикали. Угол оценивался визуально ($>90^\circ$ у индивидов женского пола и $<90^\circ$ у индивидов мужского пола).

Согласно используемой методике, подбородочный выступ у девочек не выражен, при взгляде сверху сужен и сглажен. У мальчиков более выражен, он угловатый и сглаженный в области симфиза. Форма альвеолярной дуги определялась визуально при взгляде сверху. Девочки имеют V-образную альвеолярную дугу, а мальчики – U-образную. Эверсия области гониона (выступление углов нижней челюсти) определялась визуально.

Для проверки методик, использующих для половой идентификации метрические признаки зубов, были измерены некоторые постоянные зубы у детей и взрослых, а также все зубы молочной смены у детей. Среди зубов постоянной смены были отобраны те, которые в ряде работ показали высокий уровень полового диморфизма: клыки, первые и вторые моляры.

Для каждого зуба измерялись мезио-дистальный (или передне-задний) и вестибуло-лингвальный (или щечно-язычный) диаметры. В случае, когда это было возможно, перед измерением зубы вынимались из альвеол. Это позволило получить более точные размеры зуба, так как соседние зубы часто препятствуют измерениям в альвеоле.

Существует большое количество методик измерения зубов. В своих работах А.А. Зубов [10] полностью опирается на методику Р. Мартина [26], который измеряет мезио-дистальный диаметр между наиболее удаленными (контактными) точками аппроксимальных поверхностей, а вестибуло-лингвальный – между точками наибольшей выпуклости вестибулярной и язычной поверхностей.

В данной работе для измерения резцов, клыков и нижних моляров применялась методика С. Хиллсона [22]. В отличие от Р. Мартина, С. Хиллсон предлагает считать максимальным диаметром коронки расстояние между двумя параллельными плоскостями, которые являются касательными к самым мезиальной и дистальной точкам (в случае мезио-дистального диаметра) или вестибулярной и лингвальной точкам (в случае вестибуло-лингвального диаметра).

Моляры верхней челюсти характеризуются нестандартной формой и положением в альвеолярной дуге. В зависимости от числа бугорков их очертания могут варьировать

от квадратных и ромбовидных до треугольных. В связи с этим для нахождения размеров верхних моляров в работе была использована предложенная С. Хиллсоном методика измерения диагональных диаметров моляров. Все верхние моляры измерялись следующим образом: мезио-дистальный диаметр измерялся как максимальный диагональный размер коронки, а вестибуло-лингвальный как максимальный размер коронки, перпендикулярный первому диаметру (см. рисунок).

Для повышения точности анализа из выборки были исключены зубы, которые не отвечали требованиям по сохранности, то есть зубы с поврежденной эмалью. Кроме того, размер не брался в случае, если доступ к точкам на коронке зуба, которые задействованы в измерениях, был ограничен другими зубами.

Полученные размерные характеристики были обработаны в пакете программ STATISTICA 12.

Результаты. Определение пола по описательным признакам нижней челюсти и подвздошной кости таза. Пол был определен по следующим признакам: форма альвеолярной дуги, выступание подбородка и эверсия гонионов на нижней челюсти, и форма и глубина большой седалищной вырезки на подвздошной кости. По всем пяти признакам был оценен пол для каждого индивида, причем решение принималось в пользу пола, подтвержденного наибольшим количеством методик. Результаты были сведены в единую таблицу и сопоставлены с полом, известным по комплексу проведенных ранее исследований.

В случае спорной ситуации, когда половина признаков идентифицирует индивида как мужчину, а половина как женщину, при принятии решения необходимо учитывать значимость каждого признака. Тогда признаки, точнее определяющие пол, будут иметь больший вес при оценке половой принадлежности, и в случае спорной ситуации они и будут определять пол.

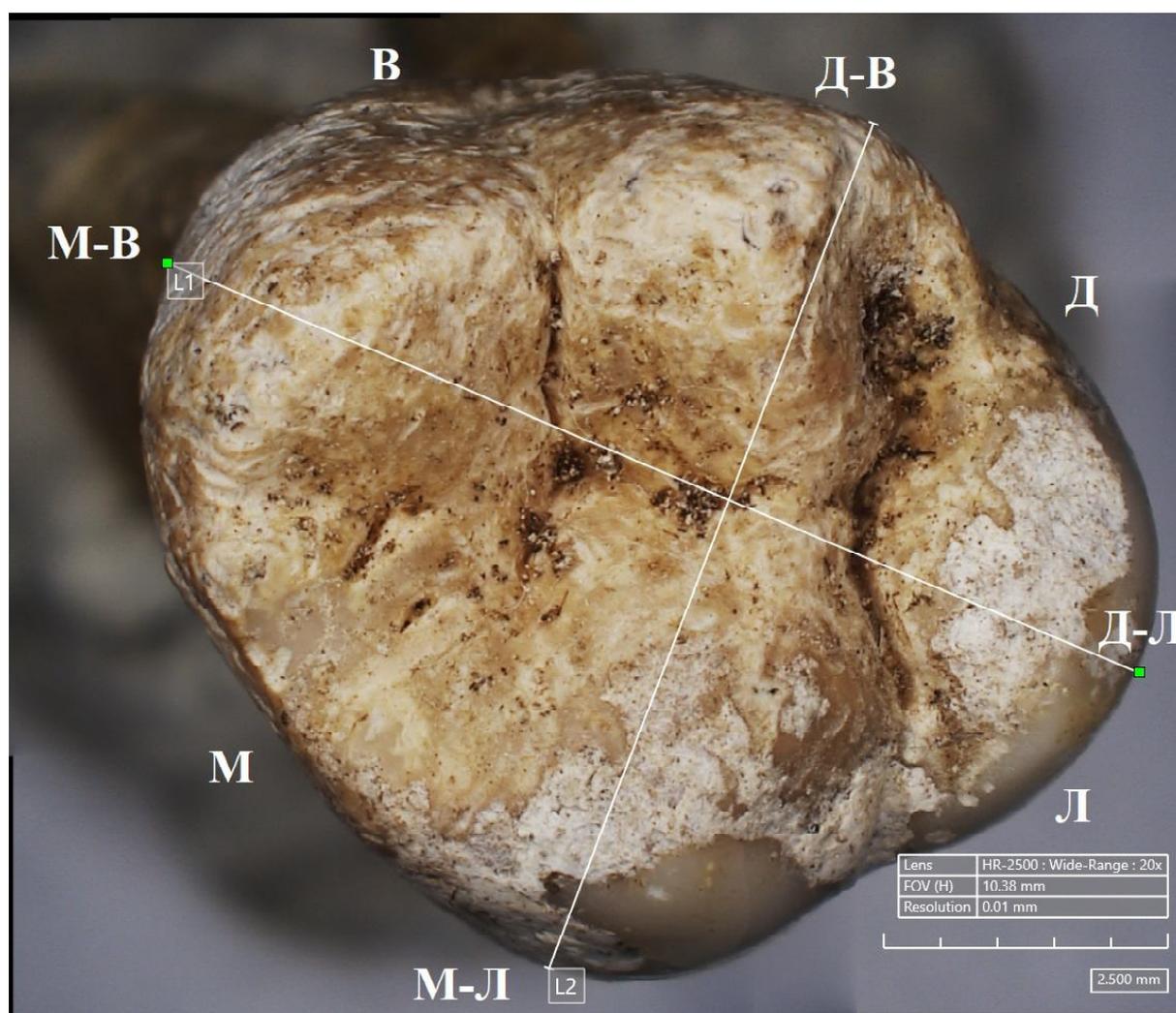
Для установления значимости для каждого признака было подсчитано число случаев, когда пол был определен верно, и рассчитан процент верных решений. Признак эверсии гонионов показал низкую эффективность

для определения пола у детей (менее 50 % верных решений). Остальные признаки идентифицируют пол с точностью 57–63 %. Применение комплекса признаков позволяет верно определять пол в 61 % случаев.

Для описательных признаков была построена корреляционная таблица, которая позволила выявить зависимость признаков друг от друга. Наиболее скоррелированными оказались форма

альвеолярной дуги и форма подбородочного выступа (коэффициент корреляции 1,0).

Исключение из программы определения пола нерабочего признака эверсии гонионов и признака выступления подбородка, который полностью скоррелирован с формой альвеолярной дуги, позволило незначительно повысить вероятность правильной половой идентификации (табл. 1).

Измерения мезио-дистального (L1) и вестибуло-лингвального (L2) размеров постоянного второго моляра верхней челюсти слева (М – мезиальный край коронки, Д – дистальный край коронки, В – вестибулярная сторона зуба, Л – лингвальная сторона зуба, М-В – мезио-вестибулярный угол, М-Л – мезио-лингвальный угол, Д-В – дистально-вестибулярный угол, Д-Л – дистально-лингвальный угол).

Автор иллюстрации: Д.С. Ходырева

Measurements of mesio-distal (L1) and vestibulo-lingual (L2) dimensions of the permanent second molar of the upper jaw from the left (М – mesial edge of the crown, Д – distal edge of the crown, В – vestibular side of the tooth, Л – lingual side of the tooth, М-В – mesio-vestibular angle, М-Л – mesio-lingual angle, Д-В – distal-vestibular angle, Д-Л – distal-lingual angle). The author of the illustration: D.S. Khodyreva

Построение дискриминантных уравнений для идентификации пола по размерам зубов. В работе Д.С. Ходыревой с соавторами [17] по первичным данным, полученным в результате измерений, были рассчитаны основные размерные характеристики зубов для детей и взрослых, а также проведено сравнение средних по размерам зубов. Выявленные признаки, по которым *t*-критерий показал наличие достоверных различий по полу, были далее использованы в пошаговом дискриминантном анализе.

Для увеличения численности серии измеренных зубов была проведена проверка равенства размеров зубов-антимеров при помощи *t*-критерия Стьюдента. Проведенный анализ не показал значимых различий в размерах между зубами-антимерами, что позволяет использовать в уравнении парный зуб с другой стороны челюсти вместо отсутствующего.

Дискриминантные уравнения были разработаны как для молочных (табл. 2), так и для постоянных зубов (табл. 3).

Дискриминантные функции для вестибуло-лингвального размера молочного 2-го моляра верхней челюсти имеют вид:

- ПОЛ 1 = $54,640 \times X_1 - 271,655$,
- ПОЛ 2 = $51,150 \times X_1 - 238,009$,

где ПОЛ 1 – мужской; ПОЛ 2 – женский; X_1 – вестибуло-лингвальный размер 2-го моляра молочной смены зубов на верхней челюсти.

В соответствии с принципами дискриминантного анализа, для определения пола необходимо подставить в приведенные уравнения размеры зуба неизвестного индивида, после получения числового результата выбрать большее из двух значений. Уравнение, в котором получилось большее значение, и определяет группу, к которой относится индивид.

Дискриминантные функции для мезио-дистального размера постоянного верхнего правого 2-го моляра имеют вид:

- ПОЛ 1 = $36,992 \times X_1 - 224,232$,
- ПОЛ 2 = $34,569 \times X_1 - 195,910$,

где ПОЛ 1 – мужской; ПОЛ 2 – женский; X_1 – мезио-дистальный размер 2-го моляра постоянной смены зубов на правой половине верхней челюсти.

Таблица 1. Точность идентификации пола по описательным признакам нижней челюсти и подвздошной кости таза

Table 1. Accuracy of sex identification by descriptive features of the mandible and iliac bone of the pelvis

	Форма альвеолярной дуги	Угол большой седалищной вырезки	Глубина большой седалищной вырезки	По всем признакам
Определены верно	22	21	19	27
Определены неверно	13	12	14	16
Общее число измерений	35	33	33	43
Процент верных решений	62,9	63,6	57,6	62,8

Таблица 2. Классификационная матрица для вестибуло-лингвального размера молочного 2-го моляра верхней челюсти

Table 2. Classification matrix for bucco-lingual diameter of the deciduous second molar of the upper jaw

Группа	Процент верных решений	Определены как мужчины	Определены как женщины	Всего
Мужчины	76,5	13	4	17
Женщины	85,0	3	17	20
Общее	81,1	16	21	37

Наиболее перспективным для определения пола у детей является первый постоянный моляр, ввиду раннего возраста закладки и прорезывания. Дискриминантные уравнения были разработаны по вестибуло-лингвальному размеру постоянного 1-го моляра нижней челюсти (табл. 4).

Дискриминантные функции для вестибуло-лингвального размера постоянного 1-го моляра нижней челюсти имеют вид:

- ПОЛ 1 = $71,128 \times X_1 - 377,419$,
- ПОЛ 2 = $68,028 \times X_1 - 345,295$,

где ПОЛ 1 – мужской; ПОЛ 2 – женский; X_1 – вестибуло-лингвальный размер 1-го моляра постоянной смены зубов на нижней челюсти.

Обсуждение. Изученные в работе описательные признаки показали невысокий процент верных решений при определении пола и имеют недостаточно высокую надежность (табл. 1). Такие признаки, как глубина, угол большой седалищной вырезки и выступание подбородка позволяют определить пол верно с вероятностью до 63 %, тогда как признак эверсии углов нижней челюсти дает верный результат только в 45 % случаев. Это означает, что данный признак не может использоваться для определения пола у детей при отсутствии других признаков на нижней челюсти.

Вероятно, низкая точность этого метода связана с тем, что использующиеся для определения пола признаки формируются в онтогенезе в более позднем возрасте. Тогда как выборка, на которой проводилось исследование, в основном состоит из детей в возрасте до семи лет. Наши исследования показали, что необходимо с большой осторожностью использовать описательные признаки для определения пола у детей раннего возраста (до периода второго ростового спурта) [5].

Два признака – выступание подбородка и форма альвеолярной дуги – оказались тесно связаны друг с другом. Коэффициент корреляции этих признаков оказался равен единице, что может быть связано с влиянием одного из признаков (форма подбородочного выступа) на другой (форма альвеолярной дуги). Это, с одной стороны, приводит к возможности использовать любой из двух признаков при плохой сохранности изучаемого материала, с другой – снижает их идентификационную ценность.

С учетом исключения недостаточно надежного для половой идентификации признака эверсии гонионов и признака выступления подбородка, дублирующего определение пола по другому признаку, точность определения пола по программе, включающей все остальные признаки, не превысила 63 %. Следовательно, даже совместное использование этих признаков не повышает точности половой идентификации.

Таблица 3. Классификационная матрица для мезио-дистального размера постоянного верхнего правого 2-го моляра

Table 3. Classification matrix for mesio-distal diameter of the permanent right second molar of the upper jaw

Группа	Процент верных решений	Определены как мужчины	Определены как женщины	Всего
Мужчины	80,0	16	4	20
Женщины	76,2	5	16	21
Общее	78,0	21	20	41

Таблица 4. Классификационная матрица для вестибуло-лингвального размера постоянного 1-го моляра нижней челюсти

Table 4. Classification matrix for bucco-lingual diameter of the permanent first molar of the lower jaw

Группа	Процент верных решений	Определены как мужчины	Определены как женщины	Всего
Мужчины	74,4	32	11	43
Женщины	69,6	14	32	46
Общее	71,9	46	43	89

Необходимо добавить, что описательные признаки любой методики основаны на субъективной оценке исследователя и требуют определенного опыта в их применении.

Методики, основанные на метрических характеристиках зубов, показали хорошие результаты половой дифференциации. Анализ основных размерных характеристик зубов и сравнение средних по t -критерию позволили выявить ценные для половой идентификации признаки.

Была отмечена высокая вариабельность размеров некоторых молочных зубов и верхних постоянных моляров, что снижает их идентификационную ценность.

Дискриминантные уравнения, разработанные по вестибуло-лингвальному размеру вторых молочных моляров верхней челюсти, позволяют определять пол у индивидов исследуемой серии с высокой точностью – до 81,8 %.

Наибольшей способностью к дискриминации среди постоянных зубов обладает второй верхний постоянный моляр. Разработанные на его основе дискриминантные уравнения идентифицируют пол верно в 78 % случаев. Однако стоит отметить, что другие зубы постоянной смены также показали наличие статистических различий и являются пригодными для построения дискриминантных уравнений.

В соответствии с биологическими закономерностями, половой диморфизм усиливается в размерах постоянных зубов по сравнению с молочными. Это связано с более поздними сроками закладки, когда на формирование зуба начинают оказывать влияние гормоны. В связи с этим возрастает ценность первого постоянного моляра для идентификации пола. Разработанные на основе его размеров дискриминантные уравнения позволяют определять пол ребенка с 6–8 лет с точностью до 71,9 %.

Следует оговорить, что дискриминантные модели хорошо работают для идентификации индивидов той группы, на которой они разработаны. Это связано с различиями в уровне полового диморфизма разных популяций. В работе Э. Харриса [21] был изучен половой диморфизм четырех групп (австралийские аборигены, афроамериканцы, мексиканцы и коренные жители Южной Америки). В случае первых трех групп половой димор-

физм размеров зубов был высоким, а последняя группа характеризовалась почти полным его отсутствием. В различных популяциях также могут быть неодинаковыми классы зубов, имеющих дифференцирующую ценность. Кроме того, по мнению В.П. Алексеева, эпохальная грацилизация могла способствовать снижению полового диморфизма [4]. В связи с этим мы считаем, что применение дискриминантных уравнений в межгрупповых исследованиях, в случае если группы значительно отличаются друг от друга по уровню полового диморфизма, может привести к серьезным ошибкам в идентификации пола. По этой причине для каждой новой исследуемой выборки детей актуально предварительно разрабатывать дискриминантные уравнения по размерам зубов взрослых индивидов из той же выборки. Это повышает точность определения пола у детей старше 6 лет, то есть после прорезывания первого постоянного моляра. Что касается младшей возрастной группы, на данный момент достоверное определение пола возможно только при помощи лабораторных методов – генетического анализа и пептидомного анализа белков зубной эмали.

Заключение. В результате исследования было установлено, что методики, основанные на описательных признаках нижней челюсти и подвздошной кости, в изученной детской выборке работают недостаточно надежно. Наиболее высокую точность половой идентификации показали методы дискриминантного анализа с использованием одонтометрических признаков. Для определения пола детей позднего препубертатного и раннего пубертатного возраста можно применять дискриминантные уравнения, построенные для размеров вторых постоянных моляров, так как они характеризуются наиболее высокой точностью. В случае их отсутствия допускается определение пола по дискриминантным уравнениям, разработанным для первого постоянного моляра. Ввиду слабой изученности полиморфизма одонтометрических признаков, мы рекомендуем использовать данную методику только при внутригрупповом определении пола. Дискриминантные уравнения для непаспортизованных серий должны разрабатываться на основании размеров постоянных зубов взрослых индивидов с ясными морфологическими критериями пола.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке Минобрнауки России, системный номер № 075-10-2020-116 (номер гранта 13.1902.21.0023). Исследование проводилось при поддержке ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование», национального проекта «Наука» и Программы развития МГУ.

This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, system number 075-10-2020-116 (grant number 13.1902.21.0023). The study was supported by the Center for Collective Use of Moscow State University “Technologies for obtaining new nanostructured materials and their comprehensive study”, the national project “Science” and the Development Program of Moscow State University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Албегова, З. Х. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС / З. Х. Албегова, Л. И. Верещинский-Бабайлов. – М. : Ин-т археологии РАН : ТАУС, 2010. – 492 с. – (Материалы охраняемых археологических исследований ; т. 11).
2. Алексеев, В. П. Краниметрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. – М. : Наука, 1964. – 128 с.
3. Алексеев, В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 198 с.
4. Алексеев, В. П. Человек. Эволюция и таксономия (некоторые теоретические вопросы) / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1985. – 286 с.
5. Антропология / В. М. Харитонов, А. П. Ожигова, Е. З. Година, Е. Н. Хрисанфова, В. А. Бацевич. – М. : ВЛАДОС, 2004. – 272 с.
6. Березина, Н. Я. Раннесредневековое население Центрального Кавказа по данным антропологии (на примере изучения могильника Мамисондон) : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Березина Наталия Яковлевна. – М., 2018. – 32 с.
7. Дубова, Н. А. Палеодемография Гонурдепе / Н. А. Дубова, Г. В. Рыкушина // Человек в культурной и природной среде : тр. Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева, Москва, 15–17 ноября 2004 г. / Ин-т археологии РАН ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; НИИ и музей антропологии МГУ ; Рос. отд-ние Европ. ассоциации антропологов. – М. : Наука, 2007. – С. 310–319.
8. Звягин, В. Н. Методика краниоскопической диагностики пола человека / В. Н. Звягин // Судебно-медицинская экспертиза. – 1983. – № 3. – С. 15–17.
9. Звягин, В. Н. Текущие проблемы медико-криминалистической идентификации личности / В. Н. Звягин // Проблемы экспертизы в медицине. – 2012. – Т. 12, № 3–4 (47–48). – С. 39–43.
10. Зубов, А. А. Половые различия в размерах и строении постоянных коренных зубов человека / А. А. Зубов // Вопросы антропологии. – 1963. – № 15. – С. 71–90.
11. Куфтерин, В. В. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского II могильника (Южное Зауралье) / В. В. Куфтерин, А. И. Нечвалода // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 4 (35). – С. 79–89. – DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089>
12. Мамонова, Н. Н. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях / Н. Н. Мамонова, Г. П. Романова, В. М. Харитонов // Методика полевых археологических исследований. – Л., 1989. – С. 50–83.
13. Оптимизация метода идентификации пола человека пептидомным анализом эмали зубов различной биологической генерации, археологического возраста и тафономической сохранности / Р. Х. Зиганшин, Н. Я. Березина, П. Л. Александров, В. В. Рябинин, А. П. Бужилова // Биохимия. – 2020. – № 5. – С. 718–728. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0320972520050103>
14. Пашкова, В. И. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам / В. И. Пашкова, Б. Д. Резников. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 320 с.
15. Сергеева, К. М. Физиология и патология периода новорожденности / К. М. Сергеева, Н. Н. Смирнова, А. П. Суворцева. – СПб. : Изд-во СПбГМУ, 2008. – 22 с.
16. Современный взгляд на физиологические эффекты тестостерона у мужчин / Е. А. Ефремов, С. Ю. Шеховцов, А. О. Бутов, Х. З. Хизриев, Ю. В. Кастрикин, И. С. Толстов // Экспериментальная и клиническая урология. – 2017. – № 3. – С. 64–69.
17. Ходырева, Д. С. Методические вопросы идентификации пола неполовозрелых индивидов на примере раннесредневековой остеологической выборки Мамисондон (Северная Осетия) / Д. С. Ходырева, Н. Я. Березина, Н. Н. Гончарова // Российский журнал физической антропологии. – 2022. – № 2. – С. 96–113. – DOI: [10.33876/2782-5000/2022-2-2/96-113](https://doi.org/10.33876/2782-5000/2022-2-2/96-113)
18. Black III, T. K. Sexual Dimorphism in the Toothcrown Diameters of the Deciduous Teeth / T. K. Black III // American Journal of Physical Anthropology. – 1978. – Vol. 48, № 1. – P. 77–82. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.22036>

19. Boucher, B. J. Sex Differences in the Fetal Pelvis / B. J. Boucher // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1957. – Iss. 15. – P. 581–600. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330150409>
20. Garn, S. M. Sex Difference in Tooth Size / S. M. Garn, A. B. Lewis, R. S. Kerewsky // *J. Dent Res*. – 1964. – Vol. 43, iss. 2. – P. 306. – DOI: <https://doi.org/10.1177/00220345640430022401>
21. Harris, E. F. Tooth Size of Ticuna Indians, Colombia, with Phenetic Comparisons to Other Amerindian / E. F. Harris, M. T. Nweeia // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1980. – Vol. 53, № 1. – P. 81–91. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330530112>
22. Hillson, S. Alternative Dental Measurements: Proposals and Relationships with Other Measurements / S. Hillson, C. FitzGerald, H. Flinn // *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists*. – 2005. – Vol. 126, № 4. – P. 413–426. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.10430>
23. Lateral Angle: A Method for Sexing Using the Petrous Bone / A. Noren, N. Lynnerup, A. Czarnetzki, M. Graw // *Am J Phys Anthropol*. – 2005. – Vol. 128, iss. 2. – P. 318–323. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.20245>
24. Litha, H. C. Gender Determination by Odontometric Method / H. C. Litha, S. Murgod, J. K. Savita // *Journal of Forensic Dental Sciences*. – 2017. – Vol. 9, № 1. – P. 44. – DOI: https://doi.org/10.4103/jfo.jfids_96_15
25. Loth, S. Sexually Dimorphic Mandibular Morphology in the First Few Years of Life / S. Loth, M. Henneberg // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2001. – Vol. 115, iss. 2. – P. 179–186. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1067>
26. Martin, R. *Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung: Mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden für Studierende Ärzte und Forschungsreisende* / R. Martin. – Jena : G. Fischer, 1914. – 1181 p.
27. Schwartz, G. T. Sexual Dimorphism in Modern Human Permanent Teeth / G. T. Schwartz, M. C. Dean // *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists*. – 2005. – Vol. 128, № 2. – P. 312–317. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.20211>
28. Schutkowski, H. Sex Determination of Infant and Juvenile Skeletons: I. Morphognostic Features / H. Schutkowski // *Am J Phys Anthropol*. – 1993. – Vol. 90, iss. 2. – P. 199–205. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330900206>
29. Sutter, R. C. Nonmetric Subadult Skeletal Sexing Traits: I. A Blind Test of the Accuracy of Eight Previously Proposed Methods Using Prehistoric Known-Sex Mummies from Northern Chile / R. C. Sutter // *J. Forens Sci*. – 2003. – Vol. 48, iss. 5. – P. 927–935. – DOI: <https://doi.org/10.1520/JFS2002302>
30. Vlak, D. Greater Sciatic Notch as a Sex Indicator in Juveniles / D. Vlak, M. Roksandic, M. Schillaci // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2008. – Vol. 137, № 3. – P. 309–315. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.2087>
31. Weaver, D. Sex Differences in the Iliac of a Known Sex and Age Sample of Fetal and Infant Skeletons / D. Weaver // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1980. – Vol. 52, iss. 2. – P. 191–195. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330520205>
32. Wilson, L. Morphometric criteria for sexing juvenile human skeletons using the ilium / L. Wilson, B. MacLeod, L. Humphrey // *Journal of Forensic Science*. – 2008. – Vol. 53, iss. 2. – P. 269–278. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00656.x>

REFERENCES

1. Albegova Z.H., Vereshchinsky-Babailov L.I. *Rannesrednevekovyj mogilnik Mamisondon: rezultaty arheologicheskogo issledovaniya 2007–2008 gg. v zone stroitelstva vodohranilishcha Zaramagskih GES* [The Early Medieval Burial Ground of Mamisondon: The Results of Archaeological Studies in 2007–2008 in the Construction Zone of the Zaramagsky Hydroelectric Power Station Reservoir]. Moscow, In-t arheologii RAN, TAUS Publ., 2010. 492 p. (Materials of Conservation Archaeological Research; vol. 11).
2. Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Cranio-metry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 128 p.
3. Alekseev V.P. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Osteometry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 198 p.
4. Alekseev V.P. *Chelovek. Evolyuciya i taksonomiya (nekotorye teoreticheskie voprosy)* [Man. Evolution and Taxonomy (Some Theoretical Questions)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 286 p.
5. Kharitonov V.M., Ozhigova A.P., Godina E.Z., Hrisanfova E.N., Batsevich V.A. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow, VLADOS Publ., 2004. 272 p.
6. Berezina N.Ya. *Rannesrednevekovoe naselenie Centralnogo Kavkaza po dannym antropologii (na primere izucheniya mogilnika Mamisondon): avtoref. dis. ... kand. biol. nauk* [The Early Medieval Population of the Central Caucasus According to Anthropology (On the Example of Studying the Mamisondon Burial Ground). Cand. biol. sci. abs. diss.]. Moscow, s.n., 2018. 32 p.
7. Dubova N.A., Rykushina G.V. *Paleodemografiya Gonur-depe* [Paleodemography of Gonur Depe]. *Chelovek v kulturnoj i prirodnoj srede: tr. Tretyih antropologicheskikh chtenij k 75-letiyu so dnya*

rozhdeniya akademika V.P. Alekseeva. Moskva, 15–17 noyabrya 2004 g. [Man in the Cultural and Natural Environment. Proceedings of the Third Anthropological Readings to the 75th Anniversary of the Birth of Academician V.P. Alekseev. Moscow, November 15–17, 2004]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 310-319.

8. Zvyagin V.N. Metodika kranioskopicheskoy diagnostiki pola cheloveka [Methodology of Cranioscopic Diagnosis of Human Sex]. *Sudebno-medicinskaya ekspertiza* [Forensic Medical Examination], 1983, no. 3, pp. 15-17.

9. Zvyagin V.N. Tekushchie problemy mediko-kriminalisticheskoy identifikatsii lichnosti [Current Problems of Medical and Forensic Identification of the Individual]. *Problemy ekspertizy v medicine* [Problems of Expertise in Medicine], 2012, vol. 12, no. 3-4 (47-48), pp. 39-43.

10. Zubov A.A. Polovye razlichiya v razmerah i stroenii postoyannykh korennykh zubov cheloveka [Sexual Differences in the Size and Structure of Permanent Human Molars]. *Voprosy antropologii*, 1963, no. 15, pp. 71-90.

11. Kufterin V.V., Nechvaloda A.I. Antropologicheskoe issledovanie skeletov iz srubno-alakulskogo kurgana Selivanovskogo II mogilnika (Yuzhnoe Zauralye) [Bioanthropological Research of Human Skeletal Remains from the Srubno-Alakul Mound at Selivanovka II Cemetery (Southern Trans-Urals)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2016, no. 4 (35), pp. 79-89. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089>

12. Mamonova N.N., Romanova G.P., Haritonov V.M. Pervichnaya obrabotka i opredelenie antropologicheskogo materiala v polevykh usloviyakh [Primary Processing and Determination of Anthropological Material in the Field]. *Metodika polevykh arheologicheskikh issledovaniy* [Methodology of Field Archaeological Research]. Leningrad, 1989, pp. 50-83.

13. Ziganshin R.H., Berezina N.Ya., Alexandrov P.L., Ryabinin V.V., Buzhilova A.P. Optimizatsiya metoda identifikatsii pola cheloveka peptidomnym analizom emali zubov razlichnoy biologicheskoy generatsii, arheologicheskogo vozrasta i tafonomicheskoy sohrannosti [Optimization of the Method of Human Sex Identification by Peptidomic Analysis of Tooth Enamel of Various Biological Generation, Archaeological Age and Taphonomic Preservation]. *Biohimiya* [Biochemistry], 2020, no. 5, pp. 718-728. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0320972520050103>

14. Pashkova V.I., Reznikov B.D. *Sudebno-medicinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam* [Forensic Identification of a Person by Bone Remains]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 320 p.

15. Sergeeva K.M., Smirnova N.N., Surovceva A.P. *Fiziologiya i patologiya perioda novorozhdenosti*

[Physiology and Pathology of the Newborn Period]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGMU, 2008. 22 p.

16. Efremov E.A., Shekhovtsov S. Yu., Butov A.O., Khizriev H.Z., Kastrikin Yu.V., Tolstov I.S. Sovremennyy vzglyad na fiziologicheskie efekty testosterona u muzhchin [Physiological Effects of Testosterone: A Modern View]. *Eksperimentalnaya i klinicheskaya urologiya* [Experimental and Clinical Urology], 2017, no. 3, pp. 64-69.

17. Khodyreva D.S., Berezina N.Ya., Goncharova N.N. Metodicheskie voprosy identifikatsii pola nepolovozrelykh individov na primere rannesrednevekovoy osteologicheskoy vyborki Mamisondon (Severnaya Osetiya) [Methodological Issues of Sex Identification of Subadults Based on the Early Medieval Osteological Collection from Mamisondon (North Ossetia)]. *Rossiyskiy zhurnal fizicheskoy antropologii* [Russian Journal of Physical Anthropology], 2022, no. 2, pp. 96-113. DOI: [10.33876/2782-5000/2022-2-2/96-113](https://doi.org/10.33876/2782-5000/2022-2-2/96-113)

18. Black III T.K. Sexual Dimorphism in the Toothcrown Diameters of the Deciduous Teeth. *American Journal of Physical Anthropology*, 1978, vol. 48, no. 1, pp. 77-82. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.22036>

19. Boucher B.J. Sex Differences in the Fetal Pelvis. *American Journal of Physical Anthropology*, 1957, iss. 15, pp. 581-600. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330150409>

20. Garn S.M., Lewis A.B., Kerewsky R.S. Sex Difference in Tooth Size. *J. Dent Res*, 1964, vol. 43, iss. 2, p. 306. DOI: <https://doi.org/10.1177/00220345640430022401>

21. Harris E.F., Nweeia M.T. Tooth Size of Ticuna Indians, Colombia, with Phenetic Comparisons to Other Amerindian. *American Journal of Physical Anthropology*, 1980, vol. 53, no. 1, pp. 81-91. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330530112>

22. Hillson S., FitzGerald C., Flinn H. Alternative Dental Measurements: Proposals and Relationships with Other Measurements. *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists*, 2005, vol. 126, no. 4, pp. 413-426. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.10430>

23. Noren A., Lynnerup N., Czarnetzki A., Graw M. Lateral Angle: A Method for Sexing Using the Petrous Bone. *Am J Phys Anthropol*, 2005, vol. 128, iss. 2, pp. 318-323. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.20245>

24. Litha H.C., Murgod S., Savita J.K. Gender Determination by Odontometric Method. *Journal of Forensic Dental Sciences*, 2017, vol. 9, no. 1, p. 44. DOI: https://doi.org/10.4103/jfo.jfds_96_15

25. Loth S., Henneberg M. Sexually Dimorphic Mandibular Morphology in the First Few Years of Life. *American Journal of Physical Anthropology*, 2001, vol. 115, iss. 2, pp. 179-186. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1067>

26. Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung: Mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden für Studierende Ärzte und Forschungsreisende*. Jena, G. Fischer, 1914. 1181 S.

27. Schwartz G.T., Dean M.C. Sexual Dimorphism in Modern Human Permanent Teeth. *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists*, 2005, vol. 128, no. 2, pp. 312-317. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.20211>

28. Schutkowski H. Sex Determination of Infant and Juvenile Skeletons: I. Morphognostic Features. *Am J Phys Anthropol*, 1993, vol. 90, iss. 2, pp. 199-205. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330900206>

29. Sutter R.C. Nonmetric Subadult Skeletal Sexing Traits: I. A Blind Test of the Accuracy of Eight Previously

Proposed Methods Using Prehistoric Known-Sex Mummies from Northern Chile. *J Forens Sci*, 2003, vol. 48, iss. 5, pp. 927-935. DOI: <https://doi.org/10.1520/JFS2002302>

30. Vlak D., Roksandic M., Schillaci M. Greater Sciatic Notch as a Sex Indicator in Juveniles. *American Journal of Physical Anthropology*, 2008, vol. 137, no. 3, pp. 309-315. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.2087>

31. Weaver D. Sex Differences in the Iliac of a Known Sex and Age Sample of Fetal and Infant Skeletons. *American Journal of Physical Anthropology*, 1980, vol. 52, iss. 2, pp. 191-195. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330520205>

32. Wilson L., MacLeod B., Humphrey L. Morphometric Criteria for Sexing Juvenile Human Skeletons Using the Ilium. *Journal of Forensic Science*, 2008, vol. 53, iss. 2, pp. 269-278. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00656.x>

Information About the Authors

Daria S. Khodyreva, Master Student, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St, 11, 125009 Moscow, Russian Federation, khodyrevads@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9344-0042>

Natalia N. Goncharova, Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, Department of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, Bld. 12, 119234 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Laboratory of Human Population Genetics, Research Center for Medical Genetics, Moskvorechye St, 1, 115522 Moscow, Russian Federation, 1455008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8504-1175>

Alexandra P. Buzhilova, Doctor of Sciences (History), Academician, Director, Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, Mokhovaya, 11, 125009 Moscow, Russian Federation, albu_pa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6398-2177>

Natalia Ya. Berezina, Candidate of Sciences (Biology), Researcher, Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya, 11, 125009 Moscow, Russian Federation, berezina.natalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5704-9153>

Информация об авторах

Дарья Сергеевна Ходырева, магистр, биологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, 125009 г. Москва, Российская Федерация, khodyrevads@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9344-0042>

Наталья Николаевна Гончарова, кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии биологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 12, 119234 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник лаборатории популяционной генетики человека, Медико-генетический научный центр им. акад. Н.П. Бочкова, ул. Москворечье, 1, 115522 г. Москва, Российская Федерация, 1455008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8504-1175>

Александра Петровна Бужилова, доктор исторических наук, академик, директор НИИ и Музея антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, 125009 г. Москва, Российская Федерация, albu_pa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6398-2177>

Наталья Яковлевна Березина, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, 125009 г. Москва, Российская Федерация, berezina.natalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5704-9153>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.4>

UDC 94(470)“08/16”
LBC 63.3(2)45

Submitted: 08.09.2021
Accepted: 01.06.2022

THE FORMATION OF THE CULTURE OF CLERICAL WORK IN RUSSIA OF THE 14th – BEGINNING OF THE 16th CENTURY¹

Nikita V. Bashnin

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Writing, as a special sign system, provides a link between the past and the present is one of the main ways of transmitting cultural tradition. This article deals with a special form of clerical work in Medieval Russia – scrolls and columns. *Materials.* A column with a border is a narrow strip of paper, about 16–17 cm wide and up to 45 cm long, or 14–15 cm wide and up to 35 cm long. They were glued together along a narrow edge with each other, resulting in documents up to several tens of meters long – columns. Such documents were kept twisted, in scrolls. *Analysis.* In the second half of the 15th century, the Grand ducal chancery became the center of administrative power. There were a transformation and development of clerical work in it. The conducted research suggests that the appearance of the column form of clerical work was due to political, socio-economic and cultural reasons. The appearance of the columns dates back to the second half of the 15th century. The disappearance of the column form of clerical work occurred in 1700–1702. Peter I initiated a revolution in clerical work by ordering to switch to conducting business in a notebook form. The innovation did not spread immediately; the old traditions of document processing were preserved in the monasteries for several years. *Results.* The appearance of the columnar form of clerical work coincided with the emergence of a single centralized state under Ivan III, the increasing importance of the clerical apparatus. The disappearance was due to the reforms of Peter I, the formation of the Russian Empire and the replacement of orders by colleges. It is obvious that the emergence and disappearance of such a specific form of office work are associated with large-scale national changes.

Key words: Medieval Russia, Ivan III, columns, clerks, history of writing, clerical work, source studies.

Citation. Bashnin N.V. The Formation of the Culture of Clerical Work in Russia of the 14th–Beginning of the 16th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 52-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.4>

УДК 94(470)“08/16”
ББК 63.3(2)45

Дата поступления статьи: 08.09.2021
Дата принятия статьи: 01.06.2022

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ XIV – НАЧАЛА XVI ВЕКА¹

Никита Викторович Башнин

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Письмо как особая знаковая система обеспечивает связь между прошлым и настоящим, является одним из основных способов передачи культурной традиции. В данной статье речь идет об особой форме делопроизводства в средневековой Руси – свитках и столбцах. *Материалы.* Столбец, став – это узкая полоска бумаги шириной около 16–17 см и длиной до 45 см или 14–15 см в ширину и до 35 в длину.

Их склеивали по узкому краю друг с другом, в результате чего появлялись документы длиной до нескольких десятков метров – столбцы. Такие документы хранили скрученными, в свитках. *Анализ.* Во второй половине XV в. великокняжеская канцелярия становится центром административной власти, в ней происходила трансформация и развитие делопроизводства. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что появление столбцовой формы делопроизводства было обусловлено политическими, социально-экономическими и культурными причинами. Распространение столбцов датируется второй половиной XV века. Исчезновение столбцовой формы делопроизводства произошло в 1700–1702 годах. Петр I инициировал революцию в делопроизводстве, приказав перейти на ведение дел в тетрадной форме. Нововведение распространилось не сразу, в монастырях несколько лет сохранялись старые традиции оформления документов. *Результаты.* Распространение столбцовой формы делопроизводства совпало с возникновением единого централизованного государства при Иване III, повышением значимости дьяческого аппарата, унаследовавшего уйгурские делопроизводственные традиции.

Ключевые слова: средневековая Русь, Иван III, столбцы, дьяки, история письменности, делопроизводство, источниковедение.

Цитирование. Башнин Н. В. Становление культуры делопроизводства в России XIV – начала XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 52–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.4>

Введение. Письмо как особая знаковая система обеспечивает связь между прошлым и настоящим, является одним из основных способов передачи культурной традиции [35]. В средневековой Руси делопроизводство развивалось в великокняжеских, удельных, воеводских, патриаршей, архиерейских и монастырских канцеляриях, московских приказах, а также в воеводских, земских, таможенных и приказных избах [26; 51–53; 55; 70]. Л.В. Мошкова определяет канцелярию как постоянно действующий орган, состоящий из людей (дьяки, подьячие), занимающихся оформлением, хранением и упорядочиванием документации, как изданной тем или иным князем, так и поступившей к нему [43]. В данной статье речь идет об особой форме делопроизводства в средневековой Руси – свитках или столбцах, которые были широко распространены в XV–XVII веках. Когда же на Руси появились столбцы и с какими событиями это связано?

Дискуссия. Общая характеристика столбцовой формы делопроизводства как разъяснение вопросов организации разбора и описания столбцов была дана И.Ф. Колесниковым [29]. Однако вопрос о причине появления столбцов ученый не затронул.

Л.В. Черепнин отметил, что свитки или столбцы на Руси становятся распространенной формой делопроизводства и в XIV–XV вв. на склеенных столбцах бумаги написаны разные документы [65, с. 231]. О причинах появления столбцов на Руси и их широком распро-

странении в центральных и местных органах власти, монастырях и архиерейских домах ученый пишет отрывочно в разных частях своей книги. Суммируем его наблюдения о переменах в социально-экономических и политических процессах, повлиявших на письменную культуру: 1) в XII–XV вв. «приобретала большое значение документация на земли и феодально-зависимых людей»; 2) «в процессе образования Русского централизованного государства большое значение приобрела деятельность московской великокняжеской канцелярии» [65, с. 187]; 3) «письмо все более и более применяется в практических целях, приобретает деловой характер»; 4) появление нового типа письма – скорописи; 5) «образование системы приказного управления, создание сложного канцелярского делопроизводства»; 6) «появление публичного нотариата (площадные подьячие)» в середине XVI в. [65, с. 190]; 7) «в процессе феодализации письменный документ (акт) все более внедрялся в повседневную практику, юридически оформляя производственные отношения в феодальном обществе, обслуживая потребности государственного аппарата» [65, с. 191]. Также Л.В. Черепнин отмечает, что во второй половине XIV в. представители русской церкви стали чаще бывать в Константинополе, Малой Азии, на Балканском полуострове и Афоне. В конце XIV – начале XV в. болгары и сербы начинают эмигрировать в Россию, после 1453 г. этот поток увеличился. Происходит взаимное обогащение в сфере письменной культуры [65, с. 213–

214]. Основным выводом Л.В. Черепнина является следующее наблюдение: «В XVI–XVII вв. постепенно сложилась и определилась “столбцовая” (или “столпцовая”) форма приказного делопроизводства, были выработаны твердая классификация и устойчивая терминология делопроизводственных документов и т. д.» [65, с. 292].

М.Н. Тихомиров сначала предполагал, что в обиход столбцы вошли в начале XVI в., но потом привел аргументы о том, что на Руси столбцы (свитки) были уже в XIV веке. Ученый ссылается на упоминание в духовной Ивана Калиты 1339 г. «великого свертка», в докончании вел. кн. Дмитрия Ивановича с двоюродным братом Владимиром Андреевичем ок. 1367 г. говорится о «давном свертке», а в постановлении вел. кн. Василия Дмитриевича вместе с митрополитом Киприаном 1402 г. указывает на следующую фразу: «Списан бы бысть сий сверток...» [60, с. 357–358]. М.Н. Тихомиров отметил, что столбцы также были известны в делопроизводственной практике Казанского и среднеазиатских ханств, и пришел к выводу, что столбцовая форма не могла появиться внезапно, «наши столбцы, если не были заимствованы, то, во всяком случае, принадлежат к восточной традиции... На Востоке бумага хлопчатная употреблялась раньше, чем в Западной Европе» [60, с. 358]. С точкой зрения М.Н. Тихомирова согласились П. Браун и Д. Островски [47, с. 150; 71, р. 147].

С.М. Каштанов изучил отечественную и зарубежную историографию по дипломатике, предложил классификацию русских актов, исследовал внутреннюю и внешнюю форму актовых источников [25; 27; 28]. Однако ученый не обратил внимания на изменение формата бумаги при составлении актов в XV веке.

К документам XV – начала XVI в. обратились Ю.Г. Алексеев, Д.А. Морозов, Л.В. Мошкова и А.Л. Грязнов в связи с изучением монограмм дьяков [12, с. 181–264, 300–315; 17; 20; 41; 42]. Однако ученые также не обратили внимания на проблему зарождения столбцов.

С. Франклин, изучая письменное наследие России, ввел в научный оборот понятие «графосфера» [72] и дал следующее определение: «Графосфера означает пространство

видимого, т. е. графически представленного слова». При этом, по мнению ученого, «каждая конкретная графосфера, или графосфера вообще, возникает тогда, когда слова кодируются, записываются, хранятся, распространяются и представляются на обозрение в форме видимых знаков» [62, с. 9]. За хронологическую точку отсчета С. Франклин берет 1450 г. и обосновывает это политическими событиями (1439 г. – Москва отвергла Флорентийскую унию; 1453 г. – падение Константинополя), а также культурными (во второй половине XV в. бумага становится основным материалом для создания рукописей) [62, с. 91–126] и социальными (появление «особого административного персонала», начальная стадия возникновения государственной бюрократии) [49, с. 28–29]. Ученый отметил «взрывной рост» рукописных текстов монастырей, приказов и приказных изб с XV в. из-за необходимости фиксировать и защищать свои материальные интересы в контексте расширяющихся требований государственного делопроизводства [62, с. 44, 56]. С этой точкой зрения согласиться нельзя: не только крупные монастыри, но и все остальные обитатели вели документацию по близким, общепринятым традициям делопроизводства [10; 13; 56; 67; 69].

Анализ историографии показывает, что ученые обратили внимание на социальные и делопроизводственные изменения, связанные со становлением Московского государства, однако проблема возникновения столбцовой формы делопроизводства в связи с политическими, экономическими и культурными событиями была поставлена только М.Н. Тихомировым, но полностью не решена.

Материалы. Русские свитки (столбцы) сохранились в приказных и монастырских архивах. Сстав – это узкая полоска бумаги шириной около 16–17 см и длиной до 45 см (в случае, когда лист бумаги разрезался пополам в длину) или 14–15 см в ширину и до 35 в длину (лист бумаги разрезался на три полосы в ширину) [32, с. 32]. Их склеивали по узкому краю друг с другом (склейка), в результате чего появлялись документы, посвященные одному делу, длиной до нескольких десятков метров – столбцы. Такие документы хранили скрученными, в свитках. На обороте по склейкам дьяк

или подъячий скрепляли документ, перенося свою подпись по слогам. В самих источниках склейка именовалась сставом [7]. В чистовом экземпляре текст документа находился на одной стороне бумаги, а на второй могли располагаться адрес, дьяческие пометы, скрепы. Бумага, на которой содержалось изложение дела, после потери им актуальности использовалась вторично для написания черновиков на чистой стороне, а текст предыдущего документа зачеркивали [57; 65, с. 342–343]. Эта особенность позволяет изучать проблему вторичного делопроизводства и выявлять ранние документы, утраченные в подлинниках, а также сравнивать черновики и чистовой текст акта [24; 30]. Соборное уложение 1649 г. сохранилось в свитке, изучению которого посвящены работы нескольких поколений историков [14; 15]. Столбцы использовались не только для светского делопроизводства, но и в «церковной письменности» для богослужебных текстов и постановлений Освященных соборов [65, с. 344]. Слово «став (сстав)», «состав» многозначное и насчитывает 26 значений в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», в данном случае речь идет о 14, 16 и 17-м значениях понятия: «составная часть», «соединение, шов, стык», «склейка листов в столбце» [59, с. 200].

Анализ. Для ответа на вопрос о том, с чем связано появление на Руси свитков (столбцов), обратимся к предыстории этого способа оформления документов. Особенность выделывания материала для письма из растения папирус привела к появлению длинных полос (длиной до 18 метров), на которых в Древнем Египте писали кистью. Позднее греки и римляне усовершенствовали технологию производства папируса – типичным стал таинаисский папирус, ширина свитка которого составляла 15–18 см, длина до 2–3 метра [35, с. 52]. Важно, что свитки из папируса использовали горизонтально. По мнению О.А. Добаш-Рождественской, происхождение свитка относится ко времени появления папируса, листы склеивали и получали длинную полосу, которую скручивали на валик (*volumen*), затем в средневековой Европе появились пергаменные свитки (*rotuli*), сшитые из листов пергамена [21, с. 29]. В Западной Европе понятие «столбец» не использовалось, а назы-

вали такую форму документов свитками и рулонами (на латыни *rotulus, rotuli*; старофранцузский – *escroe*) [37]. В отличие от Древней Руси, это явление зафиксировано в раннее Средневековье (V–VI в.), а вместо бумаги использовали куски пергамена, которые сшивались (иногда склеивались) друг с другом. Позднее, в XV в. свитки применяли для составления финансовых документов [73].

Согласно определению ученых-востоковедов, «свиток – один из наиболее архаичных способов брошюровки древних восточных рукописей. Свитками пользовались древние греки и римляне, копты и народы Ближнего Востока (здесь в виде свитков в основном изготавливались документы). На Дальнем Востоке и в Центральной Азии свитки как форма брошюровки рукописей, очевидно, возникли независимо от Европы и Ближнего Востока» [16, с. 496].

Бумага появилась около 105 г. н.э. в Китае [40, с. 103–104], формат бумаги в эпоху династии Тан (VII–X вв.) при разной ширине листа был до 48 см в длину, что соответствует формату ранней европейской бумаги (28 × 48 см) и совпадает по времени с проникновением бумаги на Запад [33, с. 382]. Понятие «бумага» используется в русском языке, хотя у южных славян и западноевропейских народов употребляют слова (*raper, papier*), корни которых восходят к термину «папирус». Согласно Н.П. Лихачеву, слово «бумага» происходит из восточных языков: татарское – «бумуг», «бумбуг»; тюркское – «памбук» [34, с. 4]. Бумага в Русское государство поступала в XIV–XV вв. из Европы, Средней Азии и Ирана.

В Китае свиток (*цзюань*) – первоначально «свиток рукописей, картин, схем на шелку. Существовали также соединенные шнуром в свиток книги из бамбуковых планок. После изобретения бумаги свиток стал преобладающей формой книги и оставался таковым до распространения книгопечатания (ок. IX в.), когда его заменили книга-гармоника (*чжэбэнь*) и книга-бабочка (*худечжуан*). После этого *цзюань* становится единицей книжной номенклатуры. *Цзюани-свитки* состояли из бумажной полосы (склеенной из листов бумаги) с текстом на одной стороне, бумажного листа-обертки в начале свитка, оси *чжоу* для намотки свитка, лучинки, вклеенной в передний край для его укрепления,

и завязки дай. Соединялись в связки чжи, чжицзы по десять» [16, с. 499]. Свитки были длиной до 8–10 метров, но встречаются и более длинные – до 30 метров [40, с. 119]. В конце цзюани переписчик мог указать свое имя, реже – имя сверщика и сведения о заказчике и других лицах, причастных к изготовлению рукописи [40, с. 119–120]. На обороте свитка по склейкам ставилась печать, которая фиксировала порядок листов в рукописи [40, с. 120]. Параллельно со свитками существовали небольшие тетради, которые заполнены небольшими текстами, выполненными часто неискренними почерками. С IX в. происходит появление новых книжных форм (книга-тетрадь, книга-потхи, книги-гармоники), обусловленных потребностью быстро искать информацию [40, с. 123–127]. В XII в. в Китае распространяется книгопечатание, тиражи достигают 100 тыс. экземпляров [40, с. 222].

Уйгуры переняли у китайцев свитки и делопроизводственную культуру. После распада Уйгурского каганата в IX в. уйгуры уходят с берегов рек Толы и Селенги. Часть народа обосновалась в Турфанском оазисе и создала государство Кочо, которое просуществовало до середины XIII в. (потом уйгурское письмо было вытеснено арабским). Это место стало столкновением культур Ближнего Востока, Индии и Китая [61, с. 358]. Л.Ю. Тугушева отмечает высокую грамотность в среде уйгуров, которые не только переписывали религиозные сочинения, но и оставили после себя много актов, фиксирующих договоры купли-продажи, найма рабов, скота, займ денег, а также распоряжения представителей власти. Часто эти записи были на отдельных листах [61, с. 359, 367]. Уйгуры среди книжных форм использовали свитки. Так, известен свиток с хозяйственными записями длиной около 3 м, состоящий из полосок бумаги 19,5 × 41 см [61, с. 366]. Уйгурская письменность и книжная культура были приняты монголами, при этом они, в отличие от большинства народов, сразу познакомились не только с рукописной традицией и письмом, но и с книгопечатанием [57, с. 423]. В Пекине во второй половине XIII – начале XIV в. печатаются ксилографы на уйгуро-монгольской графике [57, с. 430].

Согласно наблюдениям М.Н. Тихомирова, именно в XIV в. на Руси уже оформлялись

документы в форме свитков [60, с. 357–358]. Ученый предположил, что это связано с влиянием делопроизводственной культуры Востока. Прежде чем высказать гипотезу о появлении столбцов на Руси, приведем некоторые сведения о событиях XV века. Во время великого княжения Василия II «закладывались основы торжества московского самодержавия» [22, с. 5]. При Иване III было сброшено ордынское иго, продолжалось объединение русских земель и «началось строительство единого государственного аппарата, формировались основные направления внешней политики России» [23, с. 7]. Во второй половине XV в. великокняжеская канцелярия становится центром административной власти Русского государства. Очевидно, что при Василии II зарождаются делопроизводственные традиции, при Иване III происходит становление государственного делопроизводства, а в годы княжения Василия III этот процесс получил дальнейшее развитие.

Л.В. Черепнин показал рост поземельных судебных споров в 1460–90-х годах. Ученый полагал, что это обусловлено захватом крестьянских земель в годы феодальной войны [66]. Н.Н. Покровский исследовал борьбу черносошного крестьянства за свои земли в этот же период [49]. В связи с этим подчеркнул, что при Иване III началось государственное описание земель, в том числе вновь присоединенных [63; 64]. Очевидно, что в таких социально-экономических условиях происходила трансформация и развитие делопроизводства. Дьякам приходилось много писать и оформлять документы.

Своеобразным рубежом в развитии государственного делопроизводства стала вторая половина XV века. Одним из видных дьяков этой эпохи был Стефан Бородатый [12, с. 161–162; 45, с. 92–94]. Крест, который он воздвиг в память о сыне Илье, по мнению С. Франклина, «может послужить эмблемой начала эпохи дьяков и, шире, подъема бюрократии, занимавшейся преимущественно производством документов» [62, с. 57]. Согласно Л.В. Черепнину, акты XIV–XV вв. преимущественно сохранились в списках, известно до 1 500 документов этого времени [66, с. 58–59]. На основании этого факта ученый делает вывод о том, что «письменные документы глупо

боку проникли в юридическую практику феодалного общества Руси» [65, с. 196]. По мнению М.М. Крома, в России в XV–XVI вв. не существовало единой государственной канцелярии, что приводит к трудностям при подсчете общего количества выданных актов [31, с. 364–365]. Однако это невозможно – речь идет лишь о трудоемкости процесса. А.Л. Грязнов и Л.В. Мошкова, анализируя работу канцелярии угличского князя Андрея Большого, обратились к 17 подлинникам сохранившихся документов, хронологически это 1462–1491 годы. Вот как они охарактеризовали внешний вид актов: «Большинство грамот написано на разрезанном поперек листе бумаги (этот формат можно с некоторой долей условности назвать «столбцовым»), т. е. ширина документа составляет примерно 14–15 см. К исследуемому периоду (в отличие от более раннего времени) данный способ подготовки бумажного листа стал привычным» [18, с. 32]. Ученые пришли к выводу, что только правые грамоты написаны преимущественно на развернутом листе бумаги. При этом «исключением является правая грамота 1462–1469 гг., которая написана на разрезанном листе (ее формат 42 × 14,6 см)» [18, с. 32].

А.Л. Грязнов и Л.В. Мошкова отмечают, что «все рассмотренные подлинники имеют хорошо видные поля, в отличие от документов более раннего времени, текст на которых мог располагаться почти вплотную к краю листа (в чем можно увидеть наследие предыдущего “пергаменного” периода экономии писчего материала). Левое поле всегда более четко выражено, поскольку каждая строка начинается одинаковым отступом, а окончание строк вариативно, но всегда есть принятый минимум и для ширины правого поля» [18, с. 34]. Также ученые пришли к выводу, что «по подлинникам хорошо видна утилитарная функция создававшихся в канцеляриях документов, в том числе и жалованных грамот» [19].

Наблюдения А.Л. Грязнова и Л.В. Мошковой показывают, что именно во второй половине XV в. распространяется столбцовая форма делопроизводства, хотя прямо они об этом не пишут. Дополним их наблюдения. В описи казны Спасо-Прилуцкого монастыря, составленной в июле 1701 г. стольником

В.И. Кошелевым, приведены монастырские акты XV – начала XVI века [8]. Семь описаний опубликовал С.М. Каштанов [27, с. 381–384]. Из них три грамоты 1464/65 – 1481 гг. описаны с упоминанием понятия «столбец», а четыре – 1481–1503 гг. – «в лист». Приведем примеры: «Грамота великого князя Ивана Васильевича, жалованная Тимофею Матафтину на деревню Бурдуковскую с пустошми 6973 году. Позади у подписи припись дьяка Федора Мячкова. Писана в столбец. Ветха гораздо, исподклеена»; «Другая ево ж Тимофея Никифорова обыскная межевая судная записка на ту ж землю того ж году. Позади у подписки припись дьяка Василья Кулешина. Писана в лист же. Ветха гораздо и подклеивана» [27, с. 481, 484]. Подчеркнем, что при описании тем же стольником архивов Вологодского архиерейского дома, Спасо-Каменного и Сянжемского Евфимьева монастырей в 1701–1702 гг. понятия «столбец» и «лист» не использованы; впрочем, также нет сведений о систематизации документов в Спасо-Прилуцком монастыре (грамоты распределены по ящикам, внутри ящиков по «пучкам», разделены по объектам недвижимости и промыслам; ящики имеют сплошную нумерацию, а внутри ящиков и своя сплошная нумерация актов) [46, с. 216–270; 48, с. 150–153, 250–251]. Однако в описи казны Тверского архиерейского дома, сделанной осенью 1701 г. стольником М.Ф. Пушкиным, находим разнообразные сведения о внешнем виде документов: «выпись... переплетена в коже», «выпись... в тетратех», «выпись... в столпцах», «великого государя грамота... в столпцах» [39]. Эти термины использованы не во всех случаях, а преимущественно для описания документов на архиерейские земли и царских грамот. Однако сведений о внешнем виде документов не находим при описании монастырей в Коломенской епархии в 1701 году [68]. Таким образом, в делопроизводстве конца XVII – начала XVIII в. разграничивали понятия «столбец» и «тетрадь», но эта характеристика не была обязательной при описании архивов. Подчеркнем, что при описании документов второй половины XV в. фигурируют понятия «столбец» и «лист».

Эти наблюдения не позволяют полностью согласиться с Л.В. Черепниным, который пи-

сал, что в период феодальной раздробленности размеры «кусков материала, употреблявшихся для написания различных грамот, были самыми разнообразными» [65, с. 230].

Одновременно со столбцами распространяется скоропись. По мнению Л.В. Черепнина, это относится ко «времени, когда происходит процесс ликвидации феодальной раздробленности и складывания Русского централизованного государства. В связи с этим функции и задачи письменности усложняются. Росла хозяйственная, административно-правительственная, судебная переписка, увеличивалась документация, касающаяся растущих международных связей... В скорописи важным стимулом становится стремление обеспечить быстрые темпы письма, добиться максимальной экономии времени» [65, с. 247].

Согласно наблюдениям Л.В. Мошковой над актовым материалом XV – первой трети XVI в., «с появлением рукоприкладств пропадают печати» [44, с. 13], что, очевидно, упрощало и ускоряло составление документа. Еще одно новшество состояло в следующем: постепенно исчезли дьяческие монограммы, а на смену им пришли личные подписи дьяков. А.Л. Грязнов полагает, что это нововведение появилось уже при Иване III [17, с. 68]. Инновация постепенно внедрялась в делопроизводственную практику в конце XV – первой трети XVI века. Новые дьяки, взятые на службу, не оставляли на актах своих монограмм, а подписывались, тогда как старые дьяки использовали привычный им способ идентификации. Так, на ряде грамот князя Юрия Ивановича Дмитровского, великого князя Ивана III, Ивана Молодого встречается монограмма дьяка Василия Долматова [20, с. 18–19]. Он продолжил свою службу в дьяках и у великого князя Василия III. Жалованная грамота Ивана III Троице-Сергиеву монастырю, выданная в 1486 г., была подтверждена Василием III и подписана великокняжеским дьяком Данилом Киприяновым в 1531 году [1]. В отличие от Киприянова, Федор Остафьев сын Сытин, дьяк князя Юрия Ивановича Дмитровского, во время всей своей службы в конце XV – начале XVI в. использовал монограмму, которая сейчас расшифрована [11, с. 12; 20, с. 16–17]. Микула

Александрович Воронин, дьяк князя Ивана Борисовича Рузского, а затем после его смерти в 1503 г. князя Федора Борисовича Волоцкого, также в конце XV – начале XVI в. использовал монограмму [2].

Иван Цыпля – дьяк великого князя Ивана III, его монограмма встречается более 10 раз в белозерских актах. Благодаря тому что на жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю он оставил свою подпись, монограмма сейчас расшифрована [20, с. 11–12]. Сын этого дьяка, Ципляев Елизар Иванов сын (1492–1546/47 г.), использовал другой способ удостоверения актов – ставил свою подпись [3]. Таким образом, смена поколений в этом дьяческом роде совпала с изменением делопроизводственной традиции.

Небезызвестен дьяк Василия III Федор Мишуриин [38; 54]. В 1521 г. была выдана грамота о невзимании оброка с покосов Спасо-Прилуцкого монастыря, которую подтвердил от имени Ивана IV Федор Мишуриин 5 февраля 1534 года [4]. В 1529 г. от имени великого князя Ивана Васильевича была составлена грамота на владения Успенской Ворониной пустыни в Череповецкой волости [5]. При этом на обороте значится подпись великого князя Василия Ивановича. Является ли эта грамота подлинной или же это плод деятельности Ф.М. Мишурина, который подписался на ней 18 мая 1534 г., еще предстоит выяснить. В 1531 г. Василий III освободил Печерский Вознесенский монастырь от взимания пошлин с монастырской вотчины в Нижегородском и Суздальском уездах на 3 года. Документ об этом был подтвержден от имени Ивана IV 22 февраля 1535 г. Ф.М. Мишуриным [6].

Если в середине XV в. для определения персоны дьяка и, соответственно, его полномочий необходимо было знать различные монограммы [17, с. 69], то в конце XV – первой трети XVI в. в связи с увеличением документооборота, бюрократизацией управления, возрастанием численности приказного аппарата потребовалось заменить старый способ идентификации дьяка на его личную подпись. Это было одним из следствий процесса обезличивания и унификации делопроизводства.

Важно подчеркнуть, что, по мнению М.М. Крома, особые канцелярские приемы позволяли экономить время, силы и бумагу. При

подтверждении грамоты новым государем «вместо выдачи грамотчику нового документа... дьяком просто делалась подтверждающая надпись на обороте старой грамоты» [31, с. 375]. Когда места на акте оказывалось недостаточно, к грамоте приклеивали следующий лист (сстав), на котором обычно в течение XVI–XVII вв. собирали подтверждения [13, с. 523–526].

В приведенных выше сведениях о русском делопроизводстве XV – начала XVI в. не хватает сведений о том, откуда возникла традиция монограмм на актах. Почему документы склеивали в свитки, кто мог привнести делопроизводственные традиции на Русь или серьезно повлиять на них, при условии того, что кодекс (книжная форма) был уже известен в течение нескольких столетий? Кем были по происхождению дьяки, писавшие сложные монограммы? Как уже было отмечено выше, высокая делопроизводственная культура уйгуров была воспринята в Монгольской империи, но после принятия ханом Узбеком ислама в 1312 г. нужда в уйгурских чиновниках-христианах сократилась [41, с. 192]. Судя по всему, многие из них уехали в Московское княжество, так как были вытеснены персами, прибывшими из Ирана. К таким выводам пришел Д.А. Морозов, изучив уйгурские надписи на русских актах XV века [41]. При этом ученый приводит сведения о том, что в Житии Стефана Пермского рубежа XIV–XV вв. упоминается уйгурская письменность. Д.А. Морозов заключает, что «одним из источников формирования российской бюрократии стала уйгурская интеллектуальная элита, хотя число представителей последней было, конечно, невелико» [41, с. 192].

В совокупности приведенные данные позволяют уточнить мнение ученых о появлении свитков (столбцов) на Руси и развитии делопроизводства во второй половине XV века. Возникновение столбцовой формы делопроизводства было обусловлено не только политическими, социально-экономическими причинами, но и традицией делопроизводства уйгуров, которые восприняли ее в Китае, сохранили в Монгольской империи и принесли на Русь в XIV в., а их потомки оставляли вертикальные пометы на актах в XV веке. Подчеркнем, что столбцы на Руси в большинстве

своем использовались вертикально, в отличие от папирусов. Саму идею хранения документов в свитках и их транспортировку в таком виде могли подсказать не только сведения о византийских (греческих, римских) папирусах (о них на Руси могли знать как в домонгольское время, так и после), уйгурские канцелярские традиции, но и использование бересты для составления документов (береста как материал для письма использовалась в Китае, Средней Азии, Северной Индии). Березовая кора, как известно, высыхая, естественным образом сворачивается в трубочку. Заметим, что при оформлении документов на нескольких листах быстрее и проще подклеить один к другому и поставить скрепу, чем создавать кодекс / тетрадь. Особенно это касается документов XVII в., большинство из которых содержали текущее делопроизводство и не рассматривались как документы постоянного хранения.

Исчезновение столбцовой формы делопроизводства произошло в начале XVIII века. В именном указе от 12 июня 1700 г. сказано: «В Поместном приказе всякие дела писать в дестевья тетради по кераксе, а в столбцах не писать», так как они «пропадают подъяческим небрежением, а иные и промыслом челобитчиковым» [50, с. 59]. 25 августа 1700 г. в Поместном приказе также вводилась «тетрадная бумага» [9, с. 278]. В указе от 11 декабря 1700 г. в Сибирский приказ сформулированы недостатки столбцовой формы делопроизводства: 1) «исходило бумаги много»; 2) «дела клеили в столбцы и собирали в годовые большие столбы», которые расклеивались, в них жили мыши; 3) при наведении справок происходило «разбивание с краев и в серединах те большие столбы дрались», а значит происходили потери документов; 4) поиск документов приводил к потере времени «мешкоты и остановки от того чинились» [50, с. 86; 65, с. 469–470]. Таким образом Петр I инициировал революцию в делопроизводстве, поэтому принципиальным является различие листа и тетрадной формы делопроизводства от столба, столбца, сстава, склейки и столбцовой формы ведения дел. По мнению В.Н. Автократова, именно в Сибири (во главе Сибирского приказа был А.А. Виниус, и отмена столбцов могла быть его инициативой) впервые пред-

приняли опыт перехода на тетрадную форму ведения документов. Окончательный переход на тетрадное делопроизводство произошел после распоряжений в марте 1702 г. с учетом экономической составляющей (закончилась гербовая бумага одного формата и были подняты цены на гербовую бумагу нового формата) [9, с. 283–284; 36].

Результаты. Таким образом, вторая половина XV в. – это эпоха развития и перемен в канцелярской культуре: распространение и исчезновение монограмм, уйгурских надписей, возникновение подписей, появление подтверждений на обороте документа, а затем на подклеиваемом сставе. Возросший вал документов привел к тому, что дьяк начинает ставить подпись вместо князя. Как показали исследования, укрепилось социальное положение дьяков и их детей [19]. С. Франклин полагает, что широкое распространение бумаги в России во второй половине XV в. следует связывать с институализацией документов, которые оформлялись ранее без участия государства [62, с. 43]. В целом видно, что процесс появления столбцовой формы делопроизводства и ее развития растянут во времени (XIV–XVI вв.) и не был единовременным явлением, чего нельзя сказать про запрет этого формата документа, которое произошло одновременно в начале XVIII в., хотя и встречаются дела в столбцах и после 1702 г. (многие из них были начаты еще в XVII в.) [58].

Появление свитков на Руси датируется XIV в. и связано с уйгурскими делопроизводственными традициями, рост использования и распространение столбцов совпадают с возникновением единого централизованного государства при Иване III, повышением значимости дьяческого аппарата, а исчезновение (запрет) столбцов было обусловлено реформами Петра I, становлением Российской империи и заменой приказов коллегиями. Очевидно, что возникновение и исчезновение такой специфической формы делопроизводства связано с масштабными общегосударственными изменениями. Эпоха столбцов – вторая половина XV – XVII в. – это время Московской Руси, а их исчезновение – своеобразный рубеж, после которого возникает и растет Российская империя вместе с трансформированным Петром I бюрократическим аппаратом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № 075-15-2020-786 «История письма Европейской цивилизации».

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies as part of Project No. 075-15-2020-786 “History of Writing in European Civilization”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1486 г. Жалованная грамота великого князя Ивана III Троице-Сергиеву монастырю // Российский государственный архив древних актов. – Ф. 281. – Ед. хр. 864.

2. 1495 г. января 1–30. Жалованная тарханная грамота кн. Ивана Борисовича (Рузского) архимандриту Симонова монастыря Феогносту на монастырские села в Рузе Коринское и Кусачкинское с деревнями и Богородицкое Васильевское село Неверово с деревнями // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). – Кол. 41. – Ед. хр. 38.

3. 1507 г. Купчая грамота на покупку деревень И.Д. Бобровым у брата В.Д. Боброва // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 303. – Оп. 1. – Ед. хр. 244.

4. 1521 г. февраля 18. – Грамота «с прочетом» великого князя Василия III на Вологду городскому приказчику Алексею Филимонову о невзимании оброка с сенных покосов Спасо-Прилуцкого монастыря // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 41. – Ед. хр. 48.

5. 1529 г. января 20. Жалованная тарханная грамота великого князя Ивана Васильевича строителю Успенского монастыря в Белозерском уезде в Череповенцкой волости на Конечном лесу (Успенская Воронина пустынь) Марку на монастырские владения // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 41. – Ед. хр. 53.

6. 1531 г. сентября 19. Жалованная льготная грамота великого князя Василия III священнику Печерского Вознесенского монастыря Андреяну и дьякону Якиму с братией о невзимании пошлин с монастырских сел и деревень в Нижегородском и Суздальском уездах в течение трех лет // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 41. – Ед. хр. 54.

7. 1690 г. августа 3–28. Отписка священника Кольского острога церкви Воскресения Христова Петра Иванова архиепископу Холмогорскому и Важскому Афанасию о том, чтобы архиепископ учинил указ по челобитной 1690 г. августа 3 посад-

ских людей и стрельцов Колы // Архив СПбИИ РАН. – Ф. 47. – Оп. 2. – Ед. хр. 331.

8. 1701 г. Опись казны Спасо-Прилуцкого монастыря // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 550. – Ф. IV.734.

9. Автократов, В. Н. К истории замены столбцовой формы делопроизводства – тетрадной в начале XVIII в. / В. Н. Автократов // Проблемы источниковедения. – М. : АН СССР, 1959. – Т. 7. – С. 274–286.

10. Адаменко, О. Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII веках : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Адаменко Ольга Николаевна. – Череповец, 2008. – 22 с.

11. Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / сост.: С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2007. – 247 с.

12. Алексеев, Ю. Г. У кормила Российского государства : Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. / Ю. Г. Алексеев. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. – 347 с.

13. Башнин, Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: исследование и тексты / Н. В. Башнин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2016. – 1298 с.

14. Волочкова, М. А. Реставрация и исследование столбца-свитка «Соборное уложение 1649 г.» / М. А. Волочкова // Художественное наследие. – 2013. – № 26 (56). – С. 93–100.

15. Волочкова, М. А. Столбец-свиток Соборного уложения 1649 г.: история бытования, реставрация и исследование / М. А. Волочкова, Б. Н. Морозов, Ю. М. Эскин // Отечественные архивы. – 2013. – № 1. – С. 44–54.

16. Воробьева-Десятковская, М. И. Глоссарий терминов, имеющих отношение к книжному делу и упоминаемых в книге / М. И. Воробьева-Десятковская, Л. Н. Меньшиков // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Кн. 2. – М. : Наука, 1988. – С. 488–502.

17. Грязнов, А. Л. Дьяческие монограммы на актах из фондов ГКЭ / А. Л. Грязнов // Вестник «Альянс-Архео». – 2017. – Вып. 18. – С. 31–84.

18. Грязнов, А. Л. Канцелярия угличского князя Андрея Большого / А. Л. Грязнов, Л. В. Мошкова // История и культура Ростовской земли. 2020. – Ростов : Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2021. – С. 29–45.

19. Грязнов, А. Л. Организация работы канцелярий князей Московского дома в середине – второй половине XV в. / А. Л. Грязнов // Источниковедение в современной медиевистике : сб. материалов Всерос. науч. конф., Москва, 2020–2021 гг. / отв. ред. И. Г. Коновалова и Е. Н. Кириллова. – М. : ИВИ РАН, 2020. – С. 114–117.

20. Грязнов, А. Л. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – начала XVI в. / А. Л. Гряз-

нов, Л. В. Мошкова // Вестник «Альянс-Архео». – 2017. – Вып. 19. – С. 3–24.

21. Добиаш-Рождественская, О. А. История письма в Средние века. Руководство к изучению латинской палеографии / О. А. Добиаш-Рождественская. – Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 159 с.

22. Зимин, А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1991. – 286 с.

23. Зимин, А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории) / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1982. – 333 с.

24. К истории восстания И. И. Болотникова / подгот. В. И. Корецкий // Исторический архив. – 1956. – № 2. – С. 126–145.

25. Каштанов, С. М. Актовая археография / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 1998. – 318 с.

26. Каштанов, С. М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 2014. – 673 с.

27. Каштанов, С. М. Очерки русской дипломатики / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 1970. – 498 с.

28. Каштанов, С. М. Русская дипломатика : учеб. пособие для вузов по специальности «История» / С. М. Каштанов. – М. : Высш. шк., 1988. – 229 с.

29. Колесников, И. Ф. Столбцы (к методике работ по систематизации описанию) / И. Ф. Колесников // Архивное дело. – 1939. – № 2. – С. 28–59.

30. Корецкий, В. И. Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства XVI–XVII вв. / В. И. Корецкий // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин : тез. докл. 4 Все-союз. конф., Днепропетровск, 31 окт. – 2 нояб. 1983 г. – М. : [Б. и.], 1983. – С. 155–161.

31. Кром, М. М. «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века / М. М. Кром. – М. : НЛЮ, 2010. – 887 с.

32. Крушельницкая, Е. В. Палеография / Е. В. Крушельницкая // Специальные исторические дисциплины : учеб. пособие / сост. М. М. Кром. – СПб. : Дм. Буланин, 2003. – С. 32–93.

33. Кычанов, Е. И. Тангутская рукописная книга (вторая половина XII – первая четверть XIII в.) / Е. И. Кычанов // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Кн. 2. – М. : Наука, 1988. – С. 373–422.

34. Лихачев, Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: историко-археографический очерк / Н. П. Лихачев. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1891. – 106 с.

35. Лоукотка, Ч. Развитие письма / Ч. Лоукотка. – М. : Изд-во иностр. лит., 1950. – 320 с.

36. Лукашевич, А. А. Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII века

- / А. А. Лукашевич // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода : сб. ст. / отв. ред. В. А. Кучкин. – М. : ИРИ, 1993. – С. 189–210.
37. Люблинская, А. Д. Источниковедение истории средних веков / А. Д. Люблинская. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 374 с.
38. Мазуров, А. Б. Род дьяков Мишуриных в XVI в. / А. Б. Мазуров // Российская история. – 2013. – № 5. – С. 105–110.
39. Матисон, А. В. «Писано в сих книгах ниже сего имянно по статьям». Опись архива Тверского архиерейского дома стольника Михаила Федоровича Пушкина. 1701–1702 гг. / А. В. Матисон // Исторический архив. – 2019. – № 3. – С. 148–187.
40. Меньшиков, Л. Н. Рукописная книга в Китае I тысячелетия н.э. / Л. Н. Меньшиков // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Кн. 2. – М., 1988. – С. 103–222.
41. Морозов, Д. А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) / Д. А. Морозов // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. – М. : Древлехранилище, 2006. – С. 173–199.
42. Мошкова, Л. В. Грамоты XV – первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья первая) / Л. В. Мошкова // Вестник «Альянс-Архео». – 2016. – Вып. 17. – С. 40–89.
43. Мошкова, Л. В. Проблемы изучения княжеских канцелярий второй половины XV – начала XVI в. / Л. В. Мошкова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXIII Междунар. науч. конф. – М., 2020. – М. : ИВИ РАН, 2020. – С. 289–290.
44. Мошкова, Л. В. Рукоприкладства на грамотах XV – первой трети XVI в. (предварительные наблюдения) / Л. В. Мошкова // Отечественные архивы. – 2015. – № 4. – С. 12–18.
45. Николаева, Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. / Т. В. Николаева. – М. : Наука, 1971. – 194 с.
46. Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII – начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2020. – 357 с.
47. Островски, Д. Монгольские корни русских государственных учреждений / Д. Островски // Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси : Антология. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2001. – С. 143–171.
48. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / сост. О. Н. Адаменко, Н. В. Башнин, М. С. Черкасова; отв. ред. М. С. Черкасова. – Вологда : Древности севера, 2011. – 495 с.
49. Покровский, Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России в XIV – начале XVI в. / Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Наука, 1973. – 229 с.
50. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – СПб. : Тип. II Отд-ния собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. IV. – 890 с.
51. Русский архив гетмана Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа / И. О. Тюменцев [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 340 с.
52. Рыбалко, Н. В. Российская приказная бюрократия в Смуту начала XVII века / Н. В. Рыбалко. – М. : Квадрига, 2011. – 656 с.
53. Рыбалко, Н. В. Соликамский архив Смутного времени: реконструкция и источниковедческий анализ / Н. В. Рыбалко, С. Г. Дмитриева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 317 с.
54. Савосичев, А. Ю. Дьяк Федор Мишурин: Судьба приказного бюрократа XVI в. / А. Ю. Савосичев // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2009. – № 3. – С. 76–87.
55. Савосичев, А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования / А. Ю. Савосичев. – Орел : ОГУ, 2013. – 519 с.
56. Сазонова, Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь как социокультурное явление средневековой жизни Московского государства (1540-е – 1660-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сазонова Татьяна Викторовна. – СПб., 2005. – 26 с.
57. Сазыкин, А. Г. Рукописная книга в истории культуры монгольских народов / А. Г. Сазыкин // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). – Кн. 2. – М. : Наука, 1988. – С. 423–464.
58. Седов, П. В. Успенский Тихвинский монастырь и его архимандрит Боголеп накануне и в первые годы Северной войны / П. В. Седов. – СПб. : Нестор-история, 2018. – 187 с.
59. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. (Снурь – Спарывати). – М. : Наука, 2002. – 277 с.
60. Тихомиров, М. Н. Российское государство XV–XVII веков / М. Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1973. – 422 с.
61. Тугушева, Л. Ю. Раннесредневековая уйгурская рукописная книга / Л. Ю. Тугушева // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Кн. 2. – М. : Наука, 1988. – С. 358–372.
62. Франклин, С. Русская графосфера, 1450–1850 / С. Франклин. – СПб. : Дм. Буланин, 2020. – 592 с.
63. Фролов, А. А. Конфискации вотчин Новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV в. / А. А. Фролов // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2004. – № 4 (18). – С. 54–62.

64. Фролов, А. А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования / А. А. Фролов. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2017. – 648 с.

65. Черепнин, Л. В. Русская палеография / Л. В. Черепнин. – М. : Политиздат, 1956. – 616 с.

66. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. II. / Л. В. Черепнин. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 427 с.

67. Шамина, И. Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства : автореф. дис.... канд. ист. наук / Шамина Ирина Николаевна. – М., 2003. – 32 с.

68. Шамина, И. Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3-4 (47-48). – С. 96–226.

69. Шамина, И. Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2009. – № 1-2 (13-14). – С. 26–99.

70. Шмидт, С. О. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.: учеб. пособие / С. О. Шмидт, С. Е. Князьков. – М. : МГИАИ, 1985. – 102 с.

71. Brown, P. Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution of the Chancellery System from Ivan III to Peter the Great, 1478–1717 : Ph. D. dissertation / P. Brown. Chicago, 1978. – 1404 p.

72. Franklin, S. Mapping the Graphosphere: Cultures of Writing in Early Nineteenth Century Russia (and Before) / S. Franklin // Kritika. – 2011. – Vol. 12, № 3. – P. 531–560.

73. Nosova, E. I. A Codicological Approach to the Auditing Process: The Duke of Burgundy's Household Accounts During the Swiss Campaign (1476) / E. I. Nosova // Accounts and Accountability in Late Medieval Europe: Records, Procedures, and Socio-Political Impact. Utrecht Studies in Medieval Literacy. – 2020. – Vol. 50. – P. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.1484/M.USML-EB.5.120742>

REFERENCES

1. 1486 g. Zhalovannaya gramota velikogo knyazya Ivana III Troice-Sergievu monastyryu [Letters Patent from Grand Prince Ivan Vasilevich to the Trinity-Sergius Monastery. 1486 August 17]. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 281, dep. item 864.

2. 1495 g. yanvarya 1–30. Zhalovannaya tarhannaya gramota kn. Ivana Borisovicha (Ruzskogo) arhimandritu Simonova monastyrya Feognostu na monastyrskie sela v Ruze Korinskoe i Kusachkinskoe s derevnyami i Bogorodickoe Vasilevskoe selo

Neverovo s derevnyami [The Tarkhannaya Charter of Prince Ivan Borisovich (Ruzsky) to the Archimandrite of the Simonov Monastery Feognost for the Monastic Villages in Ruz Korinskoye and Kusachkinskoye with Villages and Bogoroditskoye Vasilevsky Village of Neverovo with Villages]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk (dalee – Arhiv SPbII RAN)* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], coll. 41, dep. item 38.

3. 1507 g. Kupchaya gramota na pokupku dereven' I.D. Bobrovym u brata V. D. Bobrova [Bill of Sale Certificate for the Purchase of Villages by I.D. Bobrov Beaver Brother V.D. Bobrov]. *Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian State Library], f. 303, inv. 1, dep. item 244.

4. 1521 g. fevralya 18. Gramota «s prochetom» velikogo knyazya Vasiliya III na Vologdu gorodovomu prikazchiku Alekseju Filimonovu o nevzimanii obroka s sennyh pokosov Spaso-Priluckogo monastyrya [Letters Patent from Grand Prince Vasiliy Ivanovich to Vologda. 1521 February 18]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], f. 41, dep. item 48.

5. 1529 g. yanvarya 20. Zhalovannaya tarhannaya gramota velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha stroitelyu Uspenskogo monastyrya v Belozerskom uезде v Cherepovenckoj volosti na Konechnom lesu (Uspenskaya Voronina pustyn') Marku na monastyrskie vladeniya [Letters Patent from Grand Prince Vasiliy Ivanovich to the Uspenskii Voronin Monastery. 1531 January 20]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], coll. 41., dep. item 53.

6. 1531 g. sentyabrya 19. Zhalovannaya l'gotnaya gramota velikogo knyazya Vasiliya III svyashchenniku Pecherskogo Voznesenskogo monastyrya Andreyanu i d'yakonu YAKimu s bratiej o nevzimanii poshlin s monastyrskih sel i dereven' v Nizhegorodskom i Suzdal'skom uездah v techenie trekh let [Letters Patent from Grand Prince Vasiliy Ivanovich to the Pecherskii Nigegorodskii Monastery. 1531 September 19]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], coll. 41, dep. item 54.

7. 1690 g. avgusta 3–28. Otpiska svyashchennika Kol'skogo ostroga cerkvi Voskreseniya Hristova Petra Ivanova arhiepiskopu Holmogorskому i Vazhskому Afanasiyu o tom, chtoby arhiepiskop uchinil ukaz po chelobitnoj 1690 g. avgusta 3 posadskih lyudej i strel'cov Koly [1690 August 3–28. The Reply of the Priest of the Kola Prison of the Church of the Resurrection of Christ Peter Ivanov to Archbishop Athanasius of Kholmogorsky and Vazhsky that the Archbishop Should Make a Decree on the Petition of

August 1690 of 3 Posadsky People and Streltsy of Kola]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], f. 47, inv. 2, dep. item 331.

8. 1701 g. Opis' kazny Spaso-Priluckogo monastyrya [1701. Inventory of the Treasury of the Spaso-Prilutsky Monastery]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 550, no. F. IV.734.

9. Avtokratov V.N. K istorii zameny stolbcovoj formy deloproizvodstva – tetradnoj v nachale XVIII v. [On the History of Replacing the Columnar form of Office Work – A Notebook at the Beginning of the 18th Century]. *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of Source Studies]. Moscow, AN SSSR, 1959, vol. 7, pp. 274-286.

10. Adamenko O.N. *Zemlevladienie i hozyajstvo Spaso-Kamennogo monastyrya v XV–XVII vekah: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Land Ownership and Economy of the Spaso-Kamenny Monastery in the 15th – 17th centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Cherepovets, 2008. 22 p.

11. Kisterev S.N., Timoshina L.A., eds. *Akty Troickogo Kaljazina monastyrya XVI v.* [Acts of the Trinity Kalyazin Monastery of the XVI Century]. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arheo Publ., 2007. 247 p.

12. Alekseev Ju.G. *U kormila Rossijskogo gosudarstva. Oчерk razvitiya apparata upravleniya XIV–XV vv.* [At the Helm of the Russian State. Essay on the Development of the Administrative Apparatus of the 14th–15th Centuries]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1998. 347 p.

13. Bashnin N.V. *Dionisiev-Glushickij monastyr' i ego arhiv v XV–XVII vv.: issledovanie i teksty* [Dionysiev-Glushitsky Monastery and Its Archive in the 15th – 17th Centuries. Research and Texts]. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arheo Publ., 2016. 1298 p.

14. Volochkova M.A. Restavraciya i issledovanie stolbca-svitka «Sobornoe ulozhenie 1649 g.» [Restoration and Research of the Scroll Column “Codex of 1649”]. *Hudozhestvennoe nasledie* [Artistic Heritage], 2013, no. 26 (56), pp. 93-100.

15. Volochkova M.A., Morozov B.N., Eskin Yu.M. Stolbec-svitok Sobornogo ulozheniya 1649 g.: istoriya bytovaniya, restavraciya i issledovanie [Column-Scroll of the Codex of 1649. The History of Existence, Restoration and Research]. *Otechestvennye arhivy* [Domestic Archives], 2013, no. 1, pp. 44-54.

16. Vorob'eva-Desyatovskaya M.I., Men'shikov L.N. Glossarij terminov, imeyushchih otnoshenie k knizhnomu delu i upominaemyh v knige [Glossary of Terms Related to the Book Business and Mentioned in the Book]. *Rukopisnaya kniga v*

kul'ture narodov Vostoka (oчерki). Kn. 2. [Manuscript Book in the Culture of the Peoples of the East (essays). Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 488-502.

17. Grjaznov A.L. D'jacheskie monogrammy na aktah iz fondov GKE [Clerks Monograms on Acts from the Funds of GKE]. *Vestnik «Al'yans-Arheo»* [Bulletin of the “Alliance-Archeo”], 2017, iss. 18, pp. 31-84.

18. Gryaznov A.L., Moshkova L.V. Kanceljariya uglicskogo knyazya Andreyja Bol'shogo [The Office of Prince Andrew the Great of Uglich]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. 2020* [History and Culture of the Rostov Land. 2020]. Rostov, Gos. muzey-zapovednik «Rostovskiy kreml», 2021, pp. 29-45.

19. Gryaznov A.L. Organizaciya raboty kanceljarij knyazej Moskovskogo doma v seredine – vtoroj polovine XV v. [Organization of the Work of the Offices of the Princes of the Moscow House in the Middle-Second Half of the 15th Century]. *Istochnikovedenie v sovremennoj medievistike: sb. materialov Vseros. nauch. konf., Moskva, 2020–2021 gg.* [Source Studies in Modern Medieval Studies: Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference, Moscow 2020–2021]. Moscow, IVIRAN, 2020, pp. 114-117.

20. Grjaznov A.L., Moshkova L.V. Principy chteniya d'jacheskih monogramm na aktah XV – nachala XVI v. [Principles of Reading the Clerks Monograms on the Acts of the XVth – early XVIth Centuries]. *Vestnik «Al'yans-Arheo»* [Bulletin of the “Alliance-Archeo”], 2017, iss. 19, pp. 3-24.

21. Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. *Istoriya pis'ma v Srednie veka. Rukovodstvo k izucheniyu latinskoj paleografii* [The History of Writing in the Middle Ages. A Guide to the Study of Latin Paleography]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1936. 159 p.

22. Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'e. Feodal'naya vojna v Rossii XV v.* [The Knight at the Crossroads. Feudal War in Russia of the 15th Century]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 286 p.

23. Zimin A.A. *Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletij (oчерki social'no-politicheskoj istorii)* [Russia at the Turn of the XV–XVI Centuries (Essays on Socio-Political History)]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 333 p.

24. Koreckij V.I., ed. K istorii vosstaniya I. I. Bolotnikova [On the History of the I. I. Bolotnikov Uprising]. *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive], 1956, no. 2, pp. 126-145.

25. Kashtanov S.M. *Aktovaya arheografiya* [Acts Archeography]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 318 p.

26. Kashtanov S.M. *Issledovaniya po istorii knyazheskih kanceljarij srednevekovoj Rusi* [Studies on the History of Princely Offices of Medieval Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2014. 673 p.

27. Kashtanov S.M. *Ocherki russkoj diplomatiki* [Essays on Russian Diplomacy]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 498 p.
28. Kashtanov S.M. *Russkaya diplomatika: ucheb. posobie dlya vuzov po special'nosti «Istoriya»* [Russian Diplomatic. A Textbook for Universities in the Specialty “History”]. Moscow, Vyssh. shk., 1988. 229 p.
29. Kolesnikov I.F. Stolbcy (k metodike rabot po sistematizacii opisaniyu) [Columns (To the Methodology of Works on Systematization of Description)]. *Arhivnoe delo* [Archival Business], 1939, no. 2, pp. 28-59.
30. Koreckij V.I. Metodika vyyavleniya unikal'nyh dokumentov iz stolbcov prikaznogo deloproizvodstva XVI–XVII vv. [The Methodology for Identifying Unique Documents from Columns of Writ Records Management of the 16th–17th Centuries]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya i special'nyh istoricheskikh disciplin: tez. dokl. 4 Vsesoyuz. konf., Dnepropetrovsk, 31 okt. – 2 noyab. 1983 g.* [Actual Problems of Source Studies and Special Historical Disciplines. Abstracts of Reports of the 4th All-Union Conference. Dnepropetrovsk, October 31 – November 2, 1983]. Moscow, s. n., 1983, pp. 155-161.
31. Krom M.M. «Vdovstvuyushchee carstvo»: *Politicheskij krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“The Dowager Kingdom”: The Political Crisis in Russia in the 30–40s of the XVI Century]. Moscow, NLO Publ., 2010. 887 p.
32. Krushel'nickaya E.V. Paleografiya [Paleography]. *Special'nye istoricheskie discipliny: ucheb. posobie* [Special Historical Disciplines. A Textbook]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2003, pp. 32-93.
33. Kychanov E.I. Tangutskaya rukopisnaya kniga (vtoraya polovina XII – pervaya chetvert' XIII v.) [Tangut Manuscript Book (The Second Half of the 12th – First Quarter of the 13th Century)]. *Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka (ocherki). Kn. 2.* [Manuscript Book in the Culture of the Peoples of the East (essays). Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 373-422.
34. Lihachev N.P. *Bumaga i drevnejshie bumazhnye mel'nicy v Moskovskom gosudarstve: istoriko-arheograficheskij ocherk* [Paper and the Oldest Paper Mills in the Moscow State: Historical and Archeographic Essay]. Sant Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1891. 106 p.
35. Loukotka Ch. *Razvitie pis'ma* [The Development of Writing]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1950. 320 p.
36. Lukashevich A.A. Modernizaciya formulyara dokumenta gosudarstvennogo deloproizvodstva zakonodatel'stvom pervoj chetverti XVIII veka [Modernization of the Form of the Document of State Record Keeping by the Legislation of the First Quarter of the 18th Century]. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii dooktyabr'skogo perioda: sbornik statej* [Studies on the Source Study of the History of Russia Before the October Period. A Collection of Articles]. Moscow, IRI, 1993, pp. 189-210.
37. Lyublinskaya A.D. *Istochnikovedenie istorii srednih vekov* [Source Studies of the History of the Middle Ages]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1955. 374 p.
38. Mazurov A.B. Rod d'jakov Mishurinyh v XVI v. [The Genus of the the Mishurins Clerks in the 16th Century]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2013, no. 5, pp. 105-110.
39. Matison A.V. «Pisano v sih knigah nizhe sego imyanno po stat'yam». Opis' arhiva Tverskogo arhierijskogo doma stol'nika Mihaila Fedorovicha Pushkina. 1701–1702 gg. [“It is Written in These Books Below this Name According to the Articles.” Inventory of the archive of the Tver Episcopal House of stolnik Mikhail Fedorovich Pushkin. 1701–1702]. *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive], 2019, no. 3, pp. 148-187.
40. Men'shikova L.N. Rukopisnaya kniga v Kitae I tysyacheletiya n.e. [Handwritten Book in China of the I Millennium A.D.]. *Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka (ocherki). Kn. 2.* [Handwritten Book in the Culture of the Peoples of the East (Essays). Book 2]. M., 1988, pp. 103-222.
41. Morozov D.A. Ujgurskie avtografy moskovskih d'yakov (dopolnenie k drevnerusskoj diplomatike) [Uyghur Autographs of Moscow Clerks (Supplement to Old Russian Diplomacy)]. *Pamyati Lukicheva. Sbornik statej po istorii i istochnikovedeniyu* [In memory of Lukichev. Collection of Articles on History and Source Studies]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2006, pp. 173-199.
42. Moshkova L.V. Gramoty XV – pervoj treti XVI v. iz f. 281 RGADA: paleograficheskie zametki (Stat'ya pervaya) [Diplomas of XVth – the First Third of the XVIth Century from f. 281 RGADA: Paleographic Notes (Article 1)]. *Vestnik «Al'yans-Arheo»* [Bulletin of the “Alliance-Archeo”], 2016, vol. 17, pp. 40-89.
43. Moshkova L. V. Problemy izucheniya knyazheskih kancelyarij vtoroj poloviny XV – nachala XVI v. [Problems of studying princely offices of the second half of the 15th – beginning of the 16th century]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii: materialy XXXIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge. Materials of the XXXIII International Scientific Conference. Moscow, 2020]. Moscow, IVIRAN, 2020, pp. 289-290.
44. Moshkova L.V. Rukoprikladstva na gramotah XV – pervoj treti XVI v. (predvaritel'nye nablyudeniya) [Assault on the Letters of the 15th – First Third of the 16th Century (Preliminary Observations)].

Otechestvennye arhivy [Domestic Archives], 2015, no. 4, pp. 12-18.

45. Nikolaeva T.V. *Proizvedeniya russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisyami XV – pervoj chetverti XVI v.* [Works of Russian Applied Art with Inscriptions of the 15th – First Quarter of the 16th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 194 p.

46. *Opisi Vologodskogo arkhiejskogo doma Sv. Sofii vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII v.* [Inventories of the Vologda Episcopal House of St. Sophia of the Second Half of the XVII – Beginning of the XVIII Century]. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arheo, 2020. 357 p.

47. Ostrovski D. Mongol'skie korni russkih gosudarstvennyh uchrezhdenij [Mongolian Roots of Russian State Institutions]. *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Period Kievskoj i Moskovskoj Rusi: Antologiya* [American Russian Studies: Milestones of Historiography of Recent Years. The Period of Kievan and Moscow Rus. An Anthology]. Samara, Izd-vo Samar. un-ta, 2001, pp. 143-171.

48. Adamenko O.N., Bashnin N.V., Cherkasova M.S., eds. *Perepisnye knigi vologodskih monastyrej XVI–XVIII vv.: issledovanie i teksty* [Census Books of Vologda Monasteries of the XVI–XVIII Centuries: Research and Texts]. Vologda, Drevnosti severa, 2011. 495 p.

49. Pokrovskij N. N. *Aktovyie istochniki po istorii chernososhnogo zemlevladieniya v Rossii v XIV – nachala XVI v.* [Act Sources on the History of Chernososhny Land Ownership in Russia in the 14th – Beginning of the 16th Century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1973. 229 p.

50. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 g.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire from 1649]. Sankt Petersburg, Tip. II Otd-niya sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1830. Vol. IV. 890 p.

51. Tyumencev I.O., Mirskij S.V., Rybalko N.V., Tupikova N.A., Tyumenceva N.E. *Russkij arhiv getmana Jana Sapiegi 1608–1611 godov: opyt rekonstrukcii i istochnikovedcheskogo analiza* [The Russian Archive of Hetman Jan Sapieha of 1608–1611: The Experience of Reconstruction and Source Analysis]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2005. 340 p.

52. Rybalko N.V. *Rossijskaya prikaznaya byurokratiya v Smutu nachala XVII veka* [The Russian Office Bureaucracy in the Time of Trouble of the Early 17th Century]. Moscow, Kvadriga Publ., 2011. 656 p.

53. Rybalko N.V., Dmitrieva S.G. *Solikamskij arhiv Smutnogo vremeni: rekonstrukciya i istochnikovedcheskij analiz* [Solikamsk Archive of the Time of Troubles: Reconstruction and Source Analysis]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 317 p.

54. Savosichev A.Yu. D'yak Fedor Mishurin: Sud'ba prikaznogo byurokrata XVI v. [Clerk Fyodor Mishurin: The Fate of a Clerical Bureaucrat of the XVI Century]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii* [Bulletin of the RUDN. The History of Russia Series], 2009, no. 3, pp. 76-87.

55. Savosichev A.Yu. *D'yaki i pod'yachie XIV – pervoj tretii XVI vv.: proiskhozhdenie i social'nye svyazi. Opyt prosopograficheskogo issledovaniya* [Clerks and Clerks of the XIV – First Third of the XVI Centuries: Origin and Social Ties. Prosopographic Research Experience]. Orel, OGU, 2013. 519 p.

56. Sazonova T.V. *Kirillo-Novoezerskij monastyr' kak sociokul'turnoe yavlenie srednevekovoj zhizni Moskovskogo gosudarstva (1540-e – 1660-e gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Kirillo-Novoezersky Monastery as a Socio-Cultural Phenomenon of the Medieval Life of the Moscow State (1540s–1660s). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2005. 26 p.

57. Sazykin A.G. *Rukopisnaya kniga v istorii kul'tury mongol'skih narodov* [A Handwritten Book in the Cultural History of the Mongolian Nations]. *Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka (ocherki). Kn. 2* [Manuscript Book in the Culture of the Peoples of the East (Essays). Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 423-464.

58. Sedov P.V. *Uspenskij Tihvinskij monastyr' i ego arhimandrit Bogolep nakanune i v pervye gody Severnoj vojny* [The Assumption Tikhvin Monastery and its Archimandrite Bogolep on the Eve and in the First Years of the Northern War]. Saint Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2018. 187 p.

59. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 26. (Snur" – Sparyvati)* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries. Vol. 26. (Snur-Sparyvati)]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 277 p.

60. Tihomirov M.N. *Rossijskoe gosudarstvo XV–XVII vekov* [The Russian State of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 422 p.

61. Tugusheva L.Yu. *Rannesrednevekovaya uigurskaya rukopisnaya kniga* [Early Medieval Uighur Manuscript Book]. *Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka (ocherki). Kn. 2.* [Handwritten Book in the Culture of the Peoples of the East (Essays). Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 358-372.

62. Franklin S. *Russkaya grafosfera, 1450–1850* [Russian Graphosphere, 1450–1850]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2020. 592 p.

63. Frolov A.A. *Konfiskacii votchin Novgorodskogo vладыki i monastyrej v poslednej chetverti XV v.* [Confiscation of the Patrimony of the Novgorod Bishop and Monasteries in the Last Quarter of the 15th Century]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Russia: Questions of Medieval Studies], 2004, vol. 4 (18), pp. 54-62.

64. Frolov A.A. *Novgorodskie piscovye knigi: istochniki i metody issledovaniya* [Novgorod Cadaster Books: Sources and Research Methods]. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arheo, 2017. 648 p.

65. Cherepnin L.V. *Russkie feodal'nye arhivy XIV–XV vv. Chast' II* [Russian Feudal Archives of the 14th – 15th Centuries. Part II]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 427 p.

66. Cherepnin L.V. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Moscow, Politizdat, 1956. 616 p.

67. Shamina I.N. *Monastyri Vologodskogo uezda v XVI–XVII vv.: zemlevladienie i organizaciya hozyajstva: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Monasteries of the Vologda District in the 16th – 17th Centuries Land Ownership and Organization of the Economy. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2003. 32 p.

68. Shamina I.N. *Perepisnye knigi kolomenskikh Spaso-Preobrazhenskogo, Golutvina, Bobreneva i Brusenskogo monastyrey 1701 g.* [Census Books of the Kolomna Spaso-Preobrazhensky, Golutvin, Bobrenev and Brusensk Monasteries of 1701]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Herald of Church History], 2017, no. 3-4 (47-48), pp. 96-226.

69. Shamina I.N. *Prepodobnyy Innokentiy Komelskiy i osnovannyi im monastyr* [St. Innokentii

of Komela and His Monastery]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Herald of Church History], 2009, no. 1-2 (13-14), pp. 26-99.

70. Shmidt S.O., Knyaz'kov S.E. *Dokumenty deloproizvodstva pravitel'stvennykh uchrezhdenij Rossii XVI–XVII vv.: ucheb. posobie* [Documents of Office Work of Government Institutions of Russia of the 16th – 17th Centuries: Textbook]. Moscow, MGIAI, 1985. 102 p.

71. Brown P. *Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution of the Chancellery System from Ivan III to Peter the Great, 1478–1717*. Ph. D. dissertation, Chicago, 1978. 1404 p.

72. Franklin S. Mapping the Graphosphere: Cultures of Writing in Early Nineteenth Century Russia (and Before). *Kritika*, 2011, Summer, Vol. 12.3, pp. 531-560.

73. Nosova E.I. A Codicological Approach to the Auditing Process: The Duke of Burgundy's Household Accounts During the Swiss Campaign (1476). *Accounts and Accountability in Late Medieval Europe: Records, Procedures, and Socio-Political Impact. Utrecht Studies in Medieval Literacy*, 2020, vol. 50, pp. 165-181. DOI: <https://doi.org/10.1484/M.USML-EB.5.120742>

Information About the Author

Nikita V. Bashnin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, nvbashnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2209-8750>

Информация об авторе

Никита Викторович Башнин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, nvbashnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2209-8750>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.5>

UDC 94(470.53)“1605/1608”
LBC 63.3(2Рос-4Пер)44-3

Submitted: 01.07.2022
Accepted: 01.09.2022

**PETITIONS OF THE PERM PEOPLE IN 1605–1608 AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF THE CENTRAL AND LOCAL GOVERNMENT
OF THE MOSCOW STATE (BY THE MATERIALS OF THE SOLIKAMSK ARCHIVE)**

Natalia V. Rybalko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the issues of the functioning of central and local government in the Muscovite state at the beginning of the 17th century, mainly during the reign of V.I. Shuisky. The study was carried out on the example of Great Perm – a region that was remote from the main military events of the Time of Troubles and had a developed system of zemstvo self-government. *Methods and materials.* It is based on 44 petitions of Perm. Information about them was reconstructed by the method of mutual correspondence of documents according to references in other documents of office work of the Perm order hut. This is fund No. 122 “Acts of Solikamsk” of the Archives of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. *Analysis.* The petitions are divided into 3 groups according to their origin: laymen, officials and private individuals. Each document is given titles according to their self-designations and content. These are notification, claim, appeal, denunciation, confession petitions. The circumstances of the cases in which the petitions were filed are revealed, authorship is established (on whose behalf the document came), as well as the outcome of the cases. *Results.* The authors of the petitions were people from different social groups: peasants, townspeople, zemstvo elders and kissers, customs deacons, yasak voguls, coachmen, merchants, priests, Cossacks or residents of Perm without indicating social status. 29 petitions were submitted to Moscow in the Nizhny Novgorod and Novgorod chetvertnoy prikaz, 15 were considered in Great Perm. For most issues, the petitioner first received a decree in Moscow, and then brought a ready-made solution for execution to Great Perm. Zemsky worlds participated in the investigation of robberies, thefts and interpersonal conflicts, but as a result, the clerks had to write a formal reply to Moscow. Thus, at the beginning of the 17th century, the Muscovite state sought to implement a model of strict centralization of power through control by the prikazes of Moscow.

Key words: petitions, Time of Troubles, Great Perm, beginning of the 17th century, history of Russia, central and local government.

Citation. Rybalko N.V. Petitions of the Perm People in 1605–1608 as a Source on the History of the Central and Local Government of the Moscow State (By the Materials of the Solikamsk Archive). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 68-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.5>

УДК 94(470.53)“1605/1608”
ББК 63.3(2Рос-4Пер)44-3

Дата поступления статьи: 01.07.2022
Дата принятия статьи: 01.09.2022

**ЧЕЛОБИТНЫЕ ПЕРМИЧЕЙ 1605–1608 гг. КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЛИКАМСКОГО АРХИВА)**

Наталья Владимировна Рыбалко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуются вопросы функционирования центрального и местного управления в Московском государстве начала XVII в. преимущественно в правление В.И. Шуйского. Изучение проведено на примере Перми Великой – региона, который был отдален от основных военных событий периода Смуты и имел развитую систему земского самоуправления. *Методы и материалы.* В основу положены 44 челобитные пермичей, информация о которых реконструирована методом взаимного соответствия документов по упоминаниям о них в других документах делопроизводства Пермской приказной избы фонда № 122 «Акты соликамские» Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. *Анализ.* Челобитные разделены на 3 группы по происхождению: мирские, должностных лиц и частных лиц, каждому документу даны названия в соответствии с их самоназваниями и содержанием. Это явочные, исковые, наносные, изветная, повинная челобитные. Выявлены обстоятельства дел, по которым подавались челобитные, установлено авторство (от чьего лица исходил документ), а также исход дел. *Результаты.* Авторами челобитных были люди из разных социальных групп: крестьяне, посадские люди, земские старосты и целовальники, таможенные дьячки, ясачные вогуличи, ямщики, торговые люди, священники, казаки или жители разных уездов Перми Великой без указания социального статуса. 29 челобитных было подано в Москву в Нижегородский, а позже Новгородский четвертной приказ, 15 было рассмотрено в Перми Великой. По большинству вопросов челобитчик сначала получал указную грамоту в Москве, а в Пермь Великую привозил готовое решение для исполнения. Земские миры участвовали в расследовании разбоев, краж и межличностных конфликтов, но по итогу приказные люди должны были написать отписку в Москву. Таким образом, в начале XVII в. Московское государство стремилось реализовать модель строгой централизации власти через контроль со стороны приказных ведомств Москвы.

Ключевые слова: челобитные, Смутное время, Пермь Великая, начало XVII в., история России, центральное и местное управление.

Цитирование. Рыбалко Н. В. Челобитные пермичей 1605–1608 гг. как источник по истории центрального и местного управления Московского государства (по материалам Соликамского архива) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 68–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.5>

Введение. Пермь Великая – стратегически важный регион для Московского государства начала XVII века. Ввиду отдаленного расположения от эпицентра бурных политических событий периода Смуты Пермская земля не подвергалась разорению со стороны тушинцев и польско-литовских отрядов. Это давало возможность выполнять главную экономическую функцию – пополнять государеву казну за счет сбора налогов и пошлин, обеспечивать взаимосвязь с территорией Сибири. Актуальность представляет вопрос, какие проблемы испытывало местное население в начале XVII в., кто и с какими просьбами обращался к представителям власти, и какие решения принимались. Анализ челобитных и тех документов, где отражена информация о них, позволяет выяснить практику делопроизводства, получить представление о функционировании системы центрального и местного управления.

Обсуждение. К настоящему моменту в исторической науке и, в частности, дипломатике как научной дисциплине, накоплен богатый опыт изучения актового материала, что обстоятельно показано С.М. Каштановым [8,

с. 26–145]. Наиболее вовлеченными в научный оборот являются документы, относящиеся к великокняжескому, государеву, приказному, монастырскому делопроизводству. Челобитные поначалу привлекались в основном для иллюстрации фактической стороны происходивших событий. В конце XX – начале XXI в. ученые стали все чаще проявлять интерес к изучению челобитных различных категорий жителей Московского государства. Однако большей частью исследованию подвергаются челобитные начиная со второй четверти XVII в., когда этот жанр делопроизводственных актов становится более распространенным. Что касается начала XVII в., то здесь можно привести примеры изучения челобитных для исследования системы государственного управления [1; 5], политической истории [3; 16; 17], истории церкви [10], историко-антропологических аспектов исторической демографии [22], лингвистических вопросов [6; 7]. Здесь приведены лишь некоторые примеры научных работ. Актуальным представляется выяснение социальных категорий челобитчиков, процедуры рассмотрения жалоб, разновидностей челобитных, их формуляра, эволю-

ции делового языка, региональных особенностей системы управления, введение в научный оборот новых документов.

Челобитные пермичей начала XVII в. до сих пор не являлись предметом специального научного исследования: это было недостижимо без предварительной реконструкции Соликамского архива. В литературе затрагивались лишь отчасти некоторые их сюжеты [4, с. 70–85].

Методы и материалы. Большая часть документов Московских приказов периода Смуты погибла в пожаре 1626 г., как и многие документы Новгородского четвертного приказа, к которому территориально относилась Пермь Великая. Поэтому особую ценность имеют акты, сохранившиеся в приказных избах городов, по которым можно восстановить деятельность аппарата центрального управления. Однако если грамоты, памяти и отписки составлялись в черновиках и беловиках, и шансов дойти до наших дней какой-нибудь из версий документа больше, то челобитные – только беловики. Соответственно, при гибели архива учреждения, куда они подавались и где в последующем хранились [11, с. 14], восстановить информацию об их содержании можно зачастую только по упоминаниям.

Источниковую базу данного исследования составляет коллекция документов, хранящихся в Архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, фонд № 122 «Акты соликамские». Первая часть комплекса за 1605–1608 гг. в количестве 125 документов по описи № 1 и 22 документов по описи № 2 содержит акты, посвященные решению самых разнообразных вопросов экономического, хозяйственного, правового характера, отражает функционирование системы управления в мирный период. В это время сообщение с Москвой проходило регулярно, территория Перми Великой еще не была вовлечена в военные события гражданской войны эпохи Смуты. В нашем распоряжении указные грамоты от имени государя из Нижегородского, а затем Новгородского четвертных приказов, памяти и отписки и памяти приказных людей Перми Великой, земских старост и волостных судей Чердынско-го, Соликамского (Усольского), Кайгородско-го уездов Перми Великой, челобитные. В ходе

изучения 147 актов методом взаимного соответствия документов удалось реконструировать информацию еще о 104 утраченных [13]. Всего, таким образом, 251 документ. Из них 44 – это челобитные. 5 челобитных дошли в подлинниках, 39 – реконструированы по упоминаниям. Эти челобитные составили основной предмет исследования. Информации, извлеченной из связанных с челобитными документов, достаточно, чтобы выяснить обстоятельства дела, кто, когда и кому подавал челобитную, какое решение было принято. Датировка челобитных производилась чаще всего с учетом даты выдачи указной грамоты путем расчета продолжительности пути между населенными пунктами и в зависимости от сезона.

Анализ. Территория Перми Великой в начале XVII в. состояла из Пермского, Усольского (Соли Камской), Кайгородского, Вымского уездов с главным городом в Чердыни. В царствование Б.Ф. Годунова Пермская земля была в ведении Нижегородской чети, в правление Лжедмитрия I и В.И. Шуйского – Новгородской чети. Приказное управление в Перми Великой осуществляли приказные люди, назначаемые из Москвы: один возглавлял избу, второй – подьячий – помогал в управлении. До 1610 г. института воеводства в Перми Великой не было [14]. Местное управление осуществляли выборные земские старосты и целовальники.

В соответствии с классификацией, предложенной С.М. Каштановым, челобитные относятся к частно-публичным документам просительного и просительно-апелляционного вида [8, с. 154]. Челобитные можно также определить как жанр документов актового делопроизводства. Вопрос о классификации разновидностей челобитных учеными еще не достаточно хорошо разработан ввиду малой их изученности. В учебном пособии С.О. Шмидта, С.Е. Князькова выделены 2 группы: частные лица и корпорации, а затем перечислены названия без какой-либо градации: заручная, словесная, явочная и т. д. [23, с. 40]. В подобном несистематизированном виде информация повторяется и у других авторов [2]. Однако интерпретация челобитных как жанра с его разновидностями имеет особую важность. На это обратил внимание филолог А.Н. Качал-

кин, описав метод исследования: через определенные жанры тематически однородных документов (инварианты) анализируется индивидуальность конкретного документа (варианты), а «...движение документа по каналам документооборота раскрывает его коммуникативную структуру» [6, с. 11, 13]. В процессе изучения актов делового письма допетровской эпохи А.Н. Качалкину удалось выявить 1 870 разных самоназваний [7, с. 26]. Ученый подчеркнул, что «в допетровское время приходится говорить именно о самоназвании документа», когда в другом тексте упоминаются названия документа в предельно сжатой форме с сообщением о его содержании. Обретение названий документов происходило постепенно, в том числе через кодифицированное законодательство [6, с. 9]. Но «в документах могут встретиться и неправильно употребленные термины, что проявляется в изобретении канцеляристом собственного названия» [7, с. 28–29].

В проводимом исследовании к жанру челобитной документы отнесены по наличию формулы «челом бьет». При дальнейшей классификации и отнесении челобитной к той или иной жанровой разновидности возникают сложности. Крайне редко в изучаемых документах формула челобитья определяет разновидность челобитной. Особая трудность состоит в определении признака, по какому можно было бы разграничить, к примеру, изветные и явочные челобитные. Глаголы «извещает» или «являет», за редким исключением, в документах, где упомянуты и пересказаны реконструированные челобитные, отсутствуют. Брать за основу приходится смысл и назначение документа, что определяет разновидности жанровых групп. Группировать челобитные по разновидностям, тем не менее, было бы не логично: встречаются случаи, когда один исторический эпизод включает несколько разновидностей челобитных, рассматривать которые нужно в совокупности друг с другом.

Из 44 челобитных, составивших основу исследования, 4 челобитные относятся ко времени правления Б.Ф. Годунова (упоминания), 12 челобитных от царствования Лжедмитрия I (упоминания), 28 челобитных – ко времени царствования В.И. Шуйского (5 – подлинники, 23 – упоминания).

Челобитные объединены в 3 группы по происхождению: мирские (коллективные), должностных лиц и частных лиц; внутри этих групп – по тематике.

I. Мирские челобитные¹

О налогах и сборах

1) *Мирская явочная челобитная*². В Москву. Устьвымские крестьяне ок. 4 декабря 1604 г. подали «челобитье» [13, № 5, с. 22] с просьбой «о сборе за них с Перми Великой [Чердыни], с Усолья Камского и с Кайгородка сибирских хлебных запасов на жалование государевым сибирским служивым людям» [13, № 1, с. 21]. Подана челобитная на имя царя Б.Ф. Годунова в Нижегородскую четь. Кто отвозил челобитную в Москву – информации нет. В Москве в Нижегородском четвертном приказе была дана указная грамота в Пермь Великую приказному П.В. Пивову с положительным решением [13, № 2, с. 21]. 14 февраля 1605 г. запасы были собраны в Соли Камской и Кайгородке для отправки на Верхотурье [13, № 2, с. 21; № 8, с. 22]. Данное обращение демонстрирует бедственное экономическое положение крестьян в Усть Выми в 1604 г., невозможность собрать ежегодный налог.

2) *Мирская явочная челобитная*. В Перми. Чердынские земские старосты и целовальники от имени всех чердынских земских людей в 1601/02 г. подали «челобитье» [13, № 20, с. 26] пермскому приказному человеку Андрею Безобразову на кайгородцев о произволе во взимании кормовых денег с чердынского целовальника [13, № 16, с. 26]. А. Безобразов составил отписку об этом в Нижегородскую четь [13, № 17, с. 26]. Решение из Москвы – пересчитать расходы по мировым записям [13, № 18, с. 26] – исполнено.

3) *Мирская наносная челобитная*³. В Москву. В ответ кайгородский земский староста Степан Шеин от всех кайгородских посадских людей в конце февраля 1606 г. «бил челом» государю Лжедмитрию I, в Новгородскую четь, на чердынских земских старост и целовальников, на их «ложное челобитье» и произвол прежнего приказного человека А. Безобразова [13, № 19, с. 26]. Реше-

ние – пермскому приказному С.Ю. Вяземскому и подьячему И. Федорову провести расследование [13, № 20, с. 26]. Кто привез грамоту – не известно.

4) *Мирская явочная челобитная*. В Москву. Крестьянин Зюздинской волости (Верхняя Кама) Пермского уезда Васька Игумнов «с товарищи» ок. 10 февраля 1607 г. «бил челом» государю В.И. Шуйскому в Новгородскую четь, просил разрешить им выбрать своего волостного старосту и платить с Зюздинского погоста денежные сборы «за посадские службы» и «за сибирские отпуски» напрямую, без кагородцев из-за бесчинств и притеснений с их стороны [13, № 75, с. 46]. То есть речь идет о необходимости изменения принципа выбора волостного старосты (просили выбрать из своей среды) и системы уплаты налогов для наведения порядка. Решение положительное: приказному Перми Великой кн. С.Ю. Вяземскому велено платить денежные сборы в государеву казну в Новгородскую четь по 60 рублей 1 раз в год. Указную грамоту привез сам челобитчик Васька Игумнов [13, № 76, с. 46].

5) *Мирская явочная челобитная*. В Москву. Вишерские ясачные вогуличи десятник Бурундук Авин «с товарищи» между 1 сентября 1606 г. и 27 января 1607 г. «били челом» о бесчинствах и превышении установленных размеров сбора ясака со стороны служилых людей Верхотурья с просьбой о наведении порядка [13, № 85, с. 51]. «Челобитье» [13, № 88, с. 51] было подано на имя царя В.И. Шуйского в приказ Казанского и Мещерского дворца, в ведении которого находилась территория Сибири. «Сибирскую государеву казну» отправляли в Москву через Пермь Великую. 27 февраля 1607 г. из приказа Казанского и Мещерского дворца указная грамота была дана кн. С.Ю. Вяземскому и подьячему И. Федорову: собирать ясак с вогуличей по установленной норме в Перми Великой [13, № 86, с. 51]. Приказный человек Перми Великой кн. С.Ю. Вяземский в одной из отписок упоминал: «Грамоты из иных приказов слушать не велено» [13, с. 79]. Поэтому факт получения указной грамоты из другого ведомства – редкий случай. Привез указную грамоту в Пермь Великую сам истец, Бурундук Авин.

О заемных кабалах

6) *Мирская исковая челобитная*⁴. В Перми. Кайгородский земский староста (предположительно, Степан Яковлев, если он был тогда в этой должности) от всех кайгородцев в 1603 г. «подал челобитную» на чердынских старост и целовальников, на земских посадских людей и уездных крестьян приказному человеку А. Безобразову, в том, что они не отдают деньги по кабальной грамоте [13, № 59, с. 40; № 64, с. 41]. Решение А. Безобразова отрицательное: «денег править не велел».

7) *Мирская исковая челобитная*. В Москву. Вероятно, кайгородский земский староста написал вторую челобитную, теперь уже в московский приказ. О ней упоминаний нет, но есть положительное решение: в 1603/04 г. кайгородцы привезли из Москвы судимую грамоту к пермскому таможенному голове о правее денег [13, № 60, с. 40; № 64, с. 41]. Грамота не исполнена.

8) и 9) *Мирские исковые челобитные*. В Москву. В продолжение кайгородский земский староста Степан Яковлев от всех кайгородцев до апреля 1606 г. «бил челом» государю Лжедмитрию I в Новгородскую четь на чердынцев о том, что не расплатились по кабальной грамоте [13, № 63, с. 41] и «на чердынцов и на усольцов соликамских», что за 1603/04 и 1604/05 гг. с ними «в сибирских отпусках не считались и за расходы не расплачивались» [13, № 61, с. 40]. Решение из чети – две указные грамоты от 8 июня 1606 г. приказному кн. С.Ю. Вяземскому и подьячему И. Федорову: удовлетворить просьбы [13, № 62, с. 40; № 64, с. 41]. Кто привез – не известно.

О грабежах и разбое

10) *Мирская явочная челобитная*. В Москву. Кайгородский земский староста Степан Яковлев «и во всех кайгородцев место» между 1 сентября 1605 г. и февралем 1606 г. «бил челом» государю Лжедмитрию I в Большую четь (Новгородскую) на «пермичь», на чердынских посадских людей Иванка Яковлева сына Могильникова и Михалка Иванова сына Ванкова, действовавших изна-

чально по поручению пермского приказного человека А. Безобразова. Они учинили в «Осподино говенье» (в августе) 1602 г. побои кайгородцам за то, что те не дали ставить застав в «морское поветрие», которого, по словам кайгородцев, у них не было, и устроили грабеж кайгородских мирских денег [13, № 23, с. 27]. Решение от 8 июня 1606 г.: пермскому приказному кн. С.Ю. Вяземскому разобраться, провести очную ставку и «суд учинить» [13, № 24, с. 27]. Кто привез – не известно.

11) *Мирская явочная челобитная*. В Москву. Пермский староста Ивашко Могильников «и во всех пермичей место» ок. 13 апреля 1606 г. «бил челом» государю в Новгородскую четь на служилых людей, «на насильство и неуплату, учиняемую пермским гаенским крестьянам», используемым в качестве гребцов по пути в Сибирь, с просьбой дать предписание сольвычегодским судовым гребцам возить служилых людей по подорожным до Соли Камской [13, № 65, с. 41]. Решение 26 июня 1606 г. – положительное, привез указную грамоту истец, Ивашко Могильников [13, № 66, с. 41].

12) *Мирская явочная челобитная*. В Перми. Пермские старосты и целовальники и все земские люди вскоре в апреле 1608 г. «били челом» царю В. И. Шуйскому, а «подали челобитную» в Чердынь приказному человеку кн. С.Ю. Вяземскому на произвол, чинимый приехавшими 10 апреля 1607 г. детьми боярскими и всякими людьми, следовавшими на Верхотурье, с большим грузом по государеву наказу [13, № 101, с. 57]. Результат: кн. С.Ю. Вяземский сам поехал в Соль Камскую разбираться в ситуации [13, № 109, с. 61].

13) *Мирская явочная челобитная. Подлинник*. В Перми. Посадские люди Соли Камской Трофим Иванов сын «с товарищи» «били челом» государю В.И. Шуйскому, писали: «Жалоба, государь, нам на сибирских казаков...», на то, что по пути в Кайгородок для торговли по государеву делу были ограблены тарскими казаками, направлявшимися из Москвы в Сибирь [13, № 246, с. 108; 20]. Челобитная датируется по ответной памяти пермского приказного человека Ф.П. Акинфова: между 10 и 29 мая 1608 г. [13, № 247, с. 108], в самой челобитной упоминается только 7116 (1607/08) год.

В составе документов Соликамского архива до нас дошел подлинник челобитной, из чего можно сделать предположение, что челобитная в Москву не попала. К тому же указная грамота из Москвы в ответ на данную челобитную в соликамских бумагах не фигурирует. И хотя в памяти от 29 мая 1608 г. пермский приказный Ф.П. Акинфов дал распоряжение старосте Соли Камской Ивану Пядышеву, начиная словами: «По царскому указу...», можно предположить, что это он написал для придания веса документу и соблюдения делопроизводственной традиции. Соликамскому старосте было велено поставить истцов и ответчиков «с очи на очи, на ответчиках доправить». А если начнется спор, то их (ответчиков) надлежало прислать с усольскими приставами в Чердынь. По аналогии с предыдущими случаями, при получении царской грамоты пермские приказные люди должны были проводить очную ставку сами, а не перекладывать на земских старост. Это еще один аргумент в пользу того, что царской грамоты не было. В то же время жалобы о массовых грабежах в Перми Великой все же дошли до царя В.И. Шуйского, и Василию Зубову был дан наказ ехать в Сибирь до Верхотурья с сибирскими служивыми людьми, «сыскивать про воровство и указы чинить» [13, № 248, с. 108]. 31 мая 1608 г. Василий Зубов вызвал Ф.П. Акинфова из Чердыни в Соль Камскую лично разбираться по делу о грабежах тарских казаков [13, № 249, с. 108].

Об организации ямской службы

14) *Мирская явочная челобитная*. В Москву. Пермичи Ивашко Могильников и Михалко Ванков во второй половине мая 1606 г. «били челом» [13, № 91, с. 54] государю в Новгородскую четь об устройстве в Соли Камской яма [13, № 89, с. 53]. Решение – указная грамота от 11 июля 1606 г.: ям устроить [13, № 90, с. 53]. Привез истец Ивашко Могильников. Из других документов нам известно, что Ивашко Могильников – посадский человек [13, № 23, с. 27] и пермский староста в это время [13, № 65, с. 41]. В начальном протоколе формуляра грамоты, где упоминается челобитная, нет указания на «мир», но далее вопросы об устройстве яма реша-

лись через мирские челобитные, поэтому данная челобитная также отнесена к мирской по аналогии.

15) и 16) *Мирские явочные челобитные*. В Москву. В продолжение вопроса об устройстве Соликамского яма вятский земский староста Игнашка Морозов «и во всех вятские земли посадских и волостных людей место» дважды «бил челом» (по его «челобитью») [13, № 99, 100, с. 56; № 116, с. 63] (ок. 20 февраля 1607 г. и в конце мая – начале июня 1607 г.) царю В.И. Шуйскому на пермичей о том, что по царской грамоте вятским охотникам у Соли Камской дворов, пашен и сенных покосов безденежно не дают [13, № 95, с. 55], притеснения чинят [13, № 102, с. 57] с целью разогнать вятским ямских охотников, а пермичам самим «гонбу гоняти». 25 марта 1607 г. в указной грамоте получили решение: выдать дворы, пашни и сенные покосы, как ранее в грамоте было писано [13, № 34, с. 31], притеснения «не чинить» [13, № 103, с. 57; № 115, с. 63], привез грамоту Степан Иванов сын Попов (подробнее см.: [12]).

17) *Мирская явочная челобитная*. В Москву. Усольские ямщики староста Трофимко Андреев от всех ямщиков «охотников» в марте 1607 г. «били челом» царю В.И. Шуйскому, «а сказали» воеводы и дети боярские по пути в Сибирь в Соли Камской покупают продукты, сукно, тяжелые вьюки кладут на лошадей и сами садятся, перегружают лошадей и они (лошади) доходят до Верхотурья; а стрельцы и казаки берут подводы без подорожных, посылают подводы за беглецами и «без прогонов» и т. д. [13, № 97, с. 55]. В указной грамоте от 6 апреля 1607 г. установлена норма веса для вьючной клади, велено пермским приказным людям и усольским посадским следить за порядком, а если выявят нарушение – писать в Новгородскую четь, где на виновников – детей боярских или других каких проезжих – будут накладывать штраф и компенсировать ямщикам потери [13, № 103, с. 57]. Кто привез – не известно.

О беглых людях

18) *Мирские явочные заручные челобитные*⁵. В Перми. Пермские старосты и целовальники из Чердыни, Соли Камской и

Кайгородка между 1 сентября 1607 г. и январем 1608 г. «челобитные подали... за своими руками» пермскому приказному человеку кн. С.Ю. Вяземскому. В них объяснили, по какой причине из Туринского острога сбежали пермские ямщики и пашенные крестьяне, о которых был учинен сыск [13, № 167, с. 79]. Сколько подали челобитных – не известно. Фиксируем как один факт.

II. Челобитные должностных лиц

Об измене

1) *Явочная челобитная*. В Москву. 9 декабря 1606 г. сборщик ратных людей Петр Благово «подал челобитную» в Новгородский четвертной приказ об измене ратных пермских людей, которых он вел на государеву службу к Москве [13, № 41, с. 33]. Указная грамота из приказа дана в тот же день и отправлена в Пермь Великую приказным кн. С.Ю. Вяземскому и подьячему И. Федорову, велено собрать у себя всех старост, целовальников, посадских и крестьян, рассказать о случившейся измене ратных людей, которых они отправили в Москву (а ратные вернулись назад), забрать у них выданные им ранее за службу деньги. Предписано было также сказать, что наказания за измену им не будет с условием, что впредь этого не совершат, а обо всех изменах будут сообщать приказным в Перми [13, № 42, с. 33].

О нарушении должностных обязанностей

2) *Явочная челобитная. Подлинник*. В Перми. Таможенный целовальник из Чердыни, из Воцкого погоста, Андрейко Михайлов сын Михалев государю В.И. Шуйскому «биет челом и являет... – говорится в документе – на усольца на Ивана Анофриева», назначенного вместе с ним быть у сбора проезжей пошлины на Усть-Боровой, но не явившегося. А.М. Михалев обвинял И. Анофриева в том, что, «взяв 12 рублей денег», собранных А.М. Михалевым в качестве пошлины, тот не дал расписку. В челобитной изложена просьба дать государев указ, чтобы судетский староста И.Н. Пядышев в Соли Камской принял данную явку, а приказные люди в Перми Ве-

ликой призвали к ответу И. Онуфриева перед кабацким и таможенным головой С.В. Вологжаниновым [13, № 183, с. 85; 24]. Данная челобитная дошла в подлиннике, конечный протокол формуляра не содержит дату, но в тексте указано, что «тот Иван по мая по 14 число на Усть-Боровом государева дела не бывал», на этом основании датируем челобитную 14 мая 1608 года. Соответствующей указной грамоты из Москвы в соликамских документах нет, факт наличия подлинника дает основание предположить, что челобитная не была отвезена в Москву. Решение по этому вопросу не известно.

3) *Изветная челобитная*⁶. В Москву. Пермичин Усоля Камского Матюшка Карпов в 1605/06 г. «извещал» государю в Новгородскую четь на пермских таможенных и кабацких голов и целовальников Авдея Паламожново, Семена Новикова и на пермичей Олексея Дубровина «с товарищи», что они будучи «в головстве и в целовальниках» в 1605/06 и 1606/07 гг. украли из государевой таможенной и кабацкой казны больше 300 рублей. Из Москвы, из Новгородской чети, была дана грамота пермским приказным людям провести сыск, а Матюшке быть в Соли Камской в таможенных и кабацких дьячках. Ответчики часть вины признали, часть – нет, и чтобы их не пытали, дали взятку, и вопрос был решен в их пользу. Матюшку Карпова, «отставя от места», пытали и посадили «на смерть в тюрьму» [13, № 212, с. 95].

4) *Наносная челобитная*. В Москву. Пермичин таможенный и кабацкий дьячок Усоля Камского Матюшка ок. августа 1608 г. «бил челом» государю в Новгородскую четь на пермских приказных людей Ф.П. Акинфова и Н. Романова о незаконном заключении его в тюрьму [13, № 211, с. 95] и о том, что в тюрьме к нему присылали тюремных сторожей, чтобы он от прежней жалобы на пермских голов и целовальников отступился и «принес повинную челобитную». В указной грамоте из Новгородской чети к пермским приказным людям высказано недовольство, что решение о попытке и тюремном заключении Матюшки принято «не по государеву указу». Дано предписание выпустить Матюшку и разобраться с вопросом о расхищении казны, было это или нет, обо всем отписать в Новгородскую

четь [13, № 212, с. 95]. Привез указную грамоту Иванко Карпов – вероятно, брат Матюшки.

О налогах и сборах

5) *Исковая челобитная*. В Москву. Целовальник Пермского уезда Зюздинской волости Степанко Ефимов «бил челом» государю в Новгородскую четь ок. февраля 1608 г. на крестьянина той же волости Володю Клементьева сына Ведерникова в неуплате оброчных денег. Целовальник вынужден был взять деньги «в рост», вложив их в общую сумму оброка за В.К. Ведерникова, и остался в убытке [13, № 191, с. 88]. Решение: в указной грамоте от марта 1608 г. велено в Перми Великой приказным людям поставить истца и ответчика «очи на очи», провести сыск и судить безволочитно [13, № 192, с. 88]. Привез указную грамоту из Москвы истец Степан Ефимов. Данное дело демонстрирует факт личной материальной ответственности за исполнение государственной должности: если земскому выборному целовальнику не удавалось собрать установленную сумму оброка с податных людей, то он сам брал деньги в долг, а потом мог взыскать свои убытки через суд.

III. Челобитные частных лиц

О кабальных делах

1) *Исковая челобитная*. В Москву. Посадский человек Степанко Денисов сын Попов «бил челом» [13, № 224, с. 100] в Москву в четвертной приказ (в Нижегородский или Новгородский) о «доправке» кабальных денег на крестьянине Гришке Иконнике [13, № 221]. Было это в то время, когда приказным в Перми Великой служил П. Пивов (конец 1604 – март – апрель 1606 г.) [14, с. 105]. Степану дали указную грамоту, которую он привез в Пермь Великую приказным П. Пивову и И. Федорову, но приказные люди делу «управы не дали» [13, № 222, с. 99].

2) *Исковая челобитная*. В Москву. Посадский человек Степанко Денисов сын Попов ок. марта 1608 г. второй раз «бил челом» в Москву в Новгородскую четь о «доправке» кабальных денег на крестьянине Гришке Иконнике [13, № 223, с. 100]. 27 апреля 1608 г.

дана указная грамота в Пермь Великую приказным Ф.П. Акинфову и Н. Романову: поставить «истца» и ответчика «очи на очи» и кабалу положить, «а по кабале повинится» и будет кабала меньше 15 лет, то деньги «доправить», не повинится – «судить и сыски всякие сыскать... безволокитно» [13, № 224, с. 100]. Привез пермитин Гришка Меркурьев.

3) *Исковая челобитная*. В Москву. Кайгородец Ивашко Степанов сына Козицын не позднее марта 1607 г. «бил челом» в Новгородский четвертной приказ царю В.И. Шуйскому на чердынских ямских (в прошлом) целовальников Якунку Тарасова сына Щеплегина, Савку Мартынова сына Митухлея и усольца Микифора Максимова сына Булыча, что в 1599/1600 г. они взяли у него, Ивашки, денег в кабалу и еще не отдали [13, № 133, с. 69]. Решение из приказа 17 мая 1607 г.: пермским приказным людям провести очную ставку истца и ответчиков, деньги «доправить», а если не признаются, то произвести сыскные мероприятия, «да по суду своему меж ими управу учинить» [13, № 134, с. 69]. Указную грамоту привез из Москвы истец.

4) *Исковая челобитная*. В Москву. Торговый человек Яренского городка Сольвычегодского уезда Якушко Микитин сын Тентюков после мая 1607 г. «бил челом» царю В.И. Шуйскому на пермитина, чердынца, посадского человека Дмитрия Мартемьянова сына Негодяева о взыскании кабальных денег, взятых в кабалу 12 марта 1607 г. [13, № 137, с. 70]. Результатом стала указная грамота в Пермь Великую князю С.Ю. Вяземскому решить вопрос по месту жительства ответчика: поставить истца и ответчика «очи на очи» и «доправить» денег, а не признается ответчик – учинить сыск и «по суду своему управу учинить» [13, № 138, с. 70]. Привез грамоту сам истец. Эту грамоту и челобитье следует отнести к деятельности приказа Казанского и Мещерского дворца. Основанием является подпись по склейке: «дьяк Олексей...». В правление В.И. Шуйского в данном ведомстве служил дьяк Алексей Шапилов.

5) *Исковая челобитная*. В Перми. Пермитин Степан Щулепов между 1 и 27 сентября 1607 г. «бил челом» государю царю В.И. Шуйскому на четырех пермских ямщиков, находившихся в Соли Камской, о взыскании с них

5 рублей по кабальной записи [13, № 135, с. 69]. Данный документ, вероятно, не был отправлен в Москву, так как на его основании пермский приказный кн. С.Ю. Вяземский за своей печатью отправил память старосте Соли Камской. Сохранился черновой отпуск, в котором сначала было велено земскому старосте в Соли Камской разрешить их спор – «судить по своему суду и по сыску меж ими управу учинить... чтобы тот Степан о том государю... не бил челом», но потом эта фраза зачеркнута и велено взять их на поруку и прислать в приказную избу в Чердынь [13, № 136, с. 69].

6) *Исковая челобитная*. В Перми. Кайгородец Тренка Коровин 6 января 1608 г. «бил челом» [13, № 233, с. 102] государю царю Василию Ивановичу всея Руси на Ивана Мазуню и на его жену Окулинку по закладным кабалам [13, № 231, с. 102].

7) *Исковая челобитная*. В Перми. Кайгородец Тренка Коровин 6 января 1608 г. «бил челом» государю царю Василию Ивановичу всея Руси на Жихоря Кузнеца и на его жену Овдотьицу по закладным кабалам [13, № 232, с. 102].

В своей отписке в Чердынь кайгородский судья Худяк Светлоков указал, что суд по искам Тренки Коровина произведен, судные списки отправлены в Чердынь. Судья просил пермских приказных учинить о том указ, по судным спискам взять пошлины и прогоны [13, № 233, с. 103].

8) *Исковая челобитная*. В Москву. Пермитин Семейка Мартемьянов сын Негодяев Пермского уезда во второй половине января 1608 г. «бил челом» в Новгородскую четь «на вишерских ясашных вогулич» на Цыбу, Томина Михалова, Соловара Пиваснова о «доправке» кабальных денег [13, № 225, с. 100]. 22 февраля 1608 г. пермским приказным людям Ф.П. Акинфову и Науму Романову из чети дана указная грамота: поставить «истца» и ответчика «очи на очи» и кабалу положить, «а по кабале повинится» – «деньги доправить», если нет – то судить «и сыски сыскать» [13, № 226, с. 100]. Привез истец Семейка Негодяев.

9) *Исковая челобитная*. В Москву. Бараш Митка Холопов в марте – апреле 1608 г. «бил челом» на пермитина чердынца Сергущу Антонова сына Алина в Новгородскую четь о том, что взял он на Антонове отце де-

нег в кабалу, а отец умер, не заплатив, и сын его не платит [13, № 227, с. 101]. 8 апреля 1608 г. из чети дана указная грамота пермским приказным Ф.П. Акинфому и Н. Романову: устроить истцу и ответчику очную ставку, а не признается ответчик – то провести суд и «и сыски сыскать» [13, № 228, с. 101]. Кто привез – не указано.

О монастырских делах

10) *Явочная челобитная*. В Москву. Черный поп Иосиф из пермского «Вознесенского монастыря у Ивана Богослова» ок. середины июля 1606 г. «бил челом» царю В.И. Шуйскому о непристойной жизни чернцов монастыря: старцы живут не по-монастырски, ходят за монастырь к своим «посестреям», и те ходят к ним в кельи, пьют, вкладные деньги распределяют «по себе» без монастырской казны, деньги отдают в кабалы в рост и т. д., и «ни игумена, ни строителя в том монастыре нет» [13, № 170, с. 80]. Сам поп привез ответную грамоту из Новгородского приказа в Пермь приказному человеку кн. С.Ю. Вяземскому о его, попа, назначении строителем этого монастыря для наведения порядка [13, № 171, с. 80].

О личных делах (порча икотой)

11) *Явочная челобитная*. В Перми. Церковный дьячок Покчинского погоста Оничка Кичимов в 1605/06 г. «бил челом» на уездного крестьянина Тренку Васильева сына Талева о порче жены Онички Кичимова посредством икоты, «и челобитную подал» пермским приказным людям Якову Прокудину и подьячему Ивану Федорову [13, № 147, с. 74]. Приказные устроили пытку Тренке Талеву, «огнем жгли», «три встряски было» и посадили в тюрьму.

12) *Наносная челобитная*. В Москву. Пермичин Чердынского уезда крестьянин Тренка Васильев сын Талев в ответ на совершенные в отношении него действия ок. 14 мая 1606 г. «били челом» царю в Новгородскую четь, жаловался на произвол пермских приказных, действовавших «без указной грамоты», «без сыска», со слов крестьянина Т.В. Талева, «по ложному челобитью» и «но-

рочья Оничке по посулом» [13, № 148, с. 74]. 14 июля 1606 г. из чети велено приказным провести обыск «протопопов и попов по священству», «посадских старост и целовальников по крестному целованью». Если Т.В. Талев не виноват – выпустить из тюрьмы [13, № 149, с. 74]. Исходя из описываемых обстоятельств, Тренка Талев в момент подачи челобитной должен был быть в тюрьме, однако в отметке на указной грамоте мы видим, что именно он привез грамоту из Новгородской чети в Пермь 14 сентября 1606 года.

13) *Явочная челобитная*. В Москву. Чердынец посадский человек Семейка Калинин сын Ведерник ок. 21 мая 1606 г. «бил челом» государю в Новгородскую четь на пермитина, торгового человека Прокофейка Васильева сына Охлупина, будто бы П.В. Охлупин на торгового человека Богдана Норицына напустил икоту [13, № 152, с. 75]. Решение из Новгородской чети: приказному человеку С.Ю. Вяземскому провести обыск в среде священников, посадских и волостных крестьян, кроме родственников Прокофия. Если будет Прокофий не виновен, то Семейку выпустить за порукой [13, № 153, с. 75]. Указную грамоту, как и в вышеописанном случае, привез сам челобитчик, Семейка Ведерник, а он к тому моменту был посажен в тюрьму якобы за ложную сказку на торгового человека Прокофейку Васильева сына Охлупина, сказанную приказным людям в Перми [13, № 150, 151, с. 74].

О личных делах (о винокурении)

14) *Исковая челобитная*. В Москву. Пермичи торговые люди Якушко Могильников, Олешка Дубровин, Федка Охлупин, Митка Верещагин, Пуминко Максимов, Ивашко Внуков, Михалка Ванков ок. второй половины мая 1606 г. «били челом» царю В.И. Шуйскому в Новгородскую четь о дозволении им курить вино для домашнего обихода, как было ранее, при Б.Ф. Годунове [13, № 144, с. 72]. Решение в указной грамоте: пермскому приказному человеку С.Ю. Вяземскому выяснить, действительно ли у истцов есть такие грамоты, и если есть, то разрешили бы им курить вино «по праздникам для своего обихода, не на продажу» [13, № 145, с. 72]. Привез указную грамоту один из истцов Михалка Ванков.

О воровстве и разбое

15) *Явочная челобитная. Подлинник.* В Перми. Пермитин Чердынского уезда Могильниковой деревни Федор Трофимов сын Слальского «бил челом» в Пермь Великую о необходимости освидетельствования его, «битого человека», в присутствии старост и целовальников [13, № 238, с. 104; 21]. Дат в челобитной нет. По ответной памяти приставу документ датируется мартом 1608 года. Решение: приставу с 3–4 «лучшими людьми» и церковным дьяком ехать в деревню Могильникову, произвести освидетельствование и расспросы с понятыми [13, № 239, с. 104]. Челобитная дошла до нас в подлиннике.

16) *Исковая челобитная.* В Перми. Устюжанин Игнашко Филиппов между 24 марта и 22 апреля 1608 г. «искал по челобитной» на пермитине Исламке Барсукове из Кушпелева перед пермскими приказными людьми Ф.П. Акинфовым и Н. Романовым о присвоении им семи лосиных кож [13, № 240, с. 105]. Итог: по челобитной приказные люди произвели обыск и признали усольца Исламку Барсукова «по суду виноватым» [13, № 241, с. 105].

17) *Исковая челобитная. Подлинник.* В Перми. Пятуня Семенов сын Суслов с Камгорга погоста Перми Великой «бил челом» государю В.И. Шуйскому: «Жалоба, государь, мне на усольца Камской Соли Федора Елисева сына». Ф. Елисев отнял лошадь П.С. Сулова у проводника, отвозившего на Верхотурье государевы запасы, во время его возвращения. Истец просил устроить очную ставку у пермских приказных. Челобитная сохранилась в подлиннике [13, № 197, с. 91; 19]. На обороте есть помета: «116 году апреля в 19 день по сей челобитной дана к Соле память». Из этого делаем вывод, что в Москву челобитная не отправлялась. Память пермских приказных Ф.П. Акинфова и Н. Романова в Соль Камскую была дана старосте Ивану Пядышеву: прислать ответчика в Чердынь на поруку, встать перед ними, приказными, до 19 апреля 1608 г. [13, № 198, с. 91]. Соликамский староста «с товарищи» после получения памяти 22 апреля 1608 г. дали отписку об исполнении распоряжения [13, № 245, с. 106].

18) *Исковая челобитная.* В Перми. Филька Иванов сын губдорец «бил челом» на

Панкрашку колмогорца «в ысковом деле» ок. апреля 1608 г. [13, № 243, с. 105] (о чем именно – не сообщается). «Челобитье» подано пермским приказным людям Ф.П. Акинфому и Н. Романову. Решение: пермские приказные люди написали память в Соль Камскую прислать ответчика с чердынским приставом к ним в Чердынь. Соликамский староста «с товарищи» после получения памяти 22 апреля 1608 г. дали отписку об исполнении распоряжения [13, № 245, с. 106].

О бегстве человека, взятого на поруку

19) *Повинная челобитная*⁷. *Подлинник.* В Перми. Алешка Осипов сын Ременников «бил челом» на имя царя В.И. Шуйского до 5 апреля 1608 г. о необходимости поиска сбежавшего Дмитрия Иванова Попова, за которого он, А.О. Ременников, поручился государеву рассыльщику Дороге Сизимерову [13, № 131, с. 68; 18]. Документ небольшой по объему, датирован и отнесен к Перми Великой по времени и месту службы рассыльщика. Документ сохранился в подлиннике, не имеет связанных указных грамот, это дает основание считать его поданным в пермскую приказную избу.

О смене места жительства

20) *Исковая челобитная.* В Москву. Конный казак Ивашко Ожгибесов из Сибири, Тюменского города, ок. 14 декабря 1606 г. «бил челом» государю В.И. Шуйскому в Москву в Новгородский четвертной приказ об отпуске жены его с детьми, находившихся в Чердыни, к нему в Тюмень. На момент подачи челобитной его двор в Чердыни забрали за долги, а жена с детьми «волочились меж двор» [13, № 162, с. 78]. В указной грамоте просьба была удовлетворена – приказному Перми Великой С.Ю. Вяземскому велено жену и детей казака отпустить в Тюмень [13, № 163, с. 78]. Указную грамоту привез тюменский конный казак Исачко Федоров сын Луховец.

21) *Исковая челобитная.* В Москву. Посадский человек Верхотурского города Шестачко Шубин «бил челом» государю В.И. Шуйскому в Москву в Новгородский четвертной приказ между 1 сентября 1606 г.

и 19 февраля 1607 г. о выпуске из тюрьмы и отпуске из Соли Камской на Верхотурье жены его с детьми и принадлежащим им имуществом [13, № 164, с. 78]. Просьба была удовлетворена – из четверти была дана указная грамота приказному Перми Великой С.Ю. Вяземскому: велено жене Ш. Шубина из тюрьмы выпустить и разрешить уехать к мужу [13, № 165, с. 78]. Привез указную грамоту верхотурский жилец Афонька Елтышев.

Результаты. Анализируя информацию о челобитных, полученную с помощью их реконструкции по документам Соликамского архива за период с 1605 до 1608 г., можно резюмировать следующее.

Комплекс документов состоит из 3 групп:

1) 18 мирских челобитных, из них явочных – 13, исковых – 4 и 1 наносная, при этом 1 явочная является заручной;

2) 5 челобитных должностных лиц, из них явочных – 2, 1 исковая, 1 изветная, 1 наносная;

3) 21 челобитная частных лиц, из них явочных – 4, исковых – 15, 1 наносная, 1 повинная.

В целом из 44 челобитных 19 – явочные, 20 – исковые, 3 – наносные, 1 – изветная, 1 – повинная. То есть преобладают и в равной степени представлены явочные и исковые, а наносные, изветные и повинные являются единичными. Имеется только одно упоминание о мирской явочной заручной челобитной.

В качестве самоназваний встречаются выражения «бьет челом», «челобитье», «челобитная», «ложное челобитье», «повинная челобитная», что позволяет отнести описанные документы к жанру челобитных. В то время как глаголы «являет» и «извещает» встречаются только по одному разу. Чаще употребляются выражения «сказывал», «искал». Содержание челобитных позволяет отнести большинство из них к явочным и исковым.

Коллективный портрет челобитчиков Перми Великой начала XVII в. выглядит следующим образом.

Мирские челобитные писали крестьяне, посадские люди, земские старосты и целовальники от всех земских людей, кайгородцев, пермичей, ясачные вогуличи, усольские ямщики. Поднимались вопросы о налогах и пошлинных сборах, о выплатах по заемным

кабалам, о грабежах и разбое, об организации ямской службы, о беглых людях.

Авторами челобитных должностных лиц выступали сборщик ратных людей, целовальник, таможенный целовальник, таможенный и кабацкий дьячок, пермитин (без указания должности). Поднимались вопросы об измене ратных людей, о нарушении должностных обязанностей таможенным дьячком, кабацкими головами и целовальниками, о незаконно примененном наказании, о налогах и сборах.

Челобитные частных лиц подавали посадские люди, крестьяне, торговые люди, конный казак, бараш, черный поп, церковный дьячок. Но часто социальная принадлежность значения не имела, а указывалось территориальное место жительства: пермитин, кайгородец, устюжанин, губдорец, усалец. Подавались иски о кабальных делах, решались вопросы о монастырских делах, о порче иконой, о дозволении курить вино, о воровстве и разбое, об исполнении поручительства, о смене места жительства.

Все челобитные писались на имя государя. Удалось установить, что на рассмотрение в Москву в Нижегородский, а с 1606 г. в Новгородский четвертной приказ (и одна в приказ Казанского дворца) было подано 29 челобитных: 13 мирских, 4 – от должностных лиц, 12 – от частных лиц. На все челобитные были даны положительные решения. Удалось установить, что на 14 из 29 челобитных (4 мирским, 2 должностного лица и 8 от частных лиц) ответные указные грамоты привезли сами челобитчики, на 6 (2 мирским, 1 должностного лица, 3 от частных лиц) – другие люди. По 9 челобитным информации о том, кто доставил ответные грамоты, нет. То есть в большинстве случаев челобитчики сами ездили подавать челобитные в Москву. Но случалось, что передавали с другими людьми. При подаче челобитной в Москву челобитчик тратил много времени на поездку, а также собственные средства.

В Пермской приказной избе было рассмотрено 15 челобитных: 5 мирских, 1 – от должностного лица, 9 – от частных лиц.

Разделить тематически сферу деятельности Новгородского четвертного приказа и приказной избы в Перми Великой с учетом рассматриваемых вопросов по челобитным не представляется возможным. Проблемы,

изложенные в челобитных, могли решаться как в Москве, так и на местах. Межличностные споры часто начинали решать на месте, отсюда и чуть большее количество поданных в Перми челобитных от частных лиц. Если решение не устраивало истца – он подавал челобитную в Москву.

Решения вопросов в Перми Великой и действия, последовавшие за этими решениями, не устроили челобитчиков в шести случаях, после чего им пришлось продолжить отстаивать свои права в Москве. Так, пермским администраторам не удалось первоначально решить вопросы о произволе во взимании кормовых денег, о выплате кайгородцам денег чердынцами по кабальной грамоте, о массовых грабежах в Соли Камской со стороны проезжавших мимо сибирских казаков, о воровстве из государственной казны пермскими таможенными, кабацкими головами и целовальниками, о порче жены икотой. Челобитчики в Москве получали указную грамоту, и пермским администраторам приходилось снова заниматься этими вопросами. Но и здесь есть примеры, когда грамота из приказа не исполнялась, и истцу приходилось повторно ехать в Москву.

Анализ информации о бытовании челобитных как инициативных документов в системе делопроизводства Перми Великой позволяет сделать вывод о том, что в начале XVII в. государство стремилось реализовать модель строгой централизации власти через контроль со стороны приказных ведомств Москвы. Инициатива и собственные управленческие решения приказных людей Перми Великой в Москве не приветствовались, от них требовалось четко исполнить уже принятое решение. Новгородский приказ зачастую напрямую взаимодействовал с выборными представителями земских миров – старостами, целовальниками, таможенными дьячками, частными лицами, принимая от них челобитные и вынося решения, исполнять которые потом следовало приказным в Перми Великой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мирская челобитная – коллективная, от всего «мира», крестьянской, посадской общины и др. [9, с. 79; 23, с. 40].

² Явочная челобитная – сообщение учреждению или должностному лицу о каком-либо событии, происшествии [9, с. 79].

³ Наносная челобитная писалась в ситуации, когда обвиняемый выставлял несправедливыми предъявленные ему обвинения [23, с. 41].

⁴ Исковая челобитная – о каком-нибудь иске – денежном, имущественном и др. [9, с. 79].

⁵ Заручная челобитная – с подписями, «за руками» [9, с. 79; 23, с. 40].

⁶ Изветная челобитная – извещение о каком-либо противозаконном деянии [15, с. 370].

⁷ Повинная челобитная – это та, в которой челобитчик признавал свою вину [23, с. 41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев, Р. В. Проблемы уплаты государственных повинностей новгородскими крестьянами в 1611–1617 гг. в отражении челобитных грамот / Р. В. Болдырев // Европа в Средние века и Новое время : Общество. Власть. Культура. – Ижевск : Ин-т компьютер. исследований, 2018. – С. 178–186.
2. Волков, Л. В. Челобитная / Л. В. Волков // Государственность России : словарь-справочник. Кн. 6. Ч. 2. – М. : Наука, 2009. – С. 378–379.
3. Давыдов, М. И. Челобитные властей Суздальского Покровского монастыря вождам Второго ополчения и социально-политическая борьба в Суздале в 1611 – начале 1612 года / М. И. Давыдов // Мининские чтения : сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в. – Н. Новгород : Кварц, 2012. – С. 118–128.
4. Дмитриев, А. А. Первые годы после Ермака и Смутное время / А. А. Дмитриев // Пермская старина : сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VI. – Пермь : Тип. П. Ф. Камского, 1895. – С. 1–128.
5. Епифановский, П. В. Челобитные смолян к смоленским воеводам 1609–1610 годов по вопросам социального обеспечения / П. В. Епифановский // Известия Смоленского государственного университета. – 2013. – № 3 (23). – С. 178–185.
6. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Качалкин Анатолий Николаевич. – М., 1989. – 48 с.
7. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. В 2 ч. Ч. 2. Филологический метод анализа документов / А. Н. Качалкин. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.
8. Каштанов, С. М. Русская дипломатика : учеб. пособие для вузов / С. М. Каштанов. – М. : Высш. шк., 1988. – 231 с.

9. Краткий словарь видов и разновидностей документов / под ред. А. С. Малитникова. – М. : Б. и., 1974. – 80 с.

10. Маштафаров, А. В. Явочные челобитные 1568–1612 гг. из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря / А. В. Маштафаров // Русский дипломатарий. Вып. 9. – М. : Древлехранилище, 2003. – С. 273–338.

11. Описание дел приказа Новгородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г. // Чтения ОИДР. – 1905. – Кн. 1, разд. V. – С. 12–40.

12. Рыбалко, Н. В. Организация Соликамского яма и ямской службы в Перми Великой в 1607 году / Н. В. Рыбалко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Международные отношения. Регионоведение. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 120–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.11>

13. Рыбалко, Н. В. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605–1608 годы) / Н. В. Рыбалко, Е. Г. Дмитриева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 319 с.

14. Рыбалко, Н. В. Управление в Перми Великой конца XVI – начала XVII века: от приказных людей к воеводской власти / Н. В. Рыбалко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 100–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

15. Тихомиров, М. Н. Приказное делопроизводство в XVII в. / М. Н. Тихомиров // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVI веков. – М. : Наука, 1973. – С. 348–383.

16. Тупикова, Н. А. Новые челобитные жителей Переславля-Залесского и его уезда из русского архива Яна Сапеги / Н. А. Тупикова, Н. Е. Тюменцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 164–178. – DOI: [10.15688/jvolsu4.2022.3.11](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.11)

17. Тюменцев, И. О. Новые письма и челобитные Смутного времени из Троице-Сергиева монастыря и его вотчин / И. О. Тюменцев, Н. А. Тупикова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 935–948. – DOI: [10.21638/11701/spbu02.2018.317](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.317)

18. Челобитная Алексея Осипова Ременникова [царю В.И. Шуйскому] о задержании выреченного им и сбежавшего Дмитрия Иванова Попова, до 5 апреля 1608 г. // Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (АСПБ ИИ РАН). – Ф. 122. – Оп. 1. – № 82. – 1 л.

19. Челобитная Пятунни Семенова сына Сулова на усольца Федора Елисеева, завладевшего его лошадей, до 19 апреля 1608 г. // АСПБ ИИ РАН. – Ф. 122. – Оп. 1. – № 89. – 1 л.

20. Челобитная соликамских посадских людей, Трофима Иванова с товарищами о защите от тарских казаков, ограбивших их на пути в Кайгородок, между 10 и 29 мая 1608 г. // АСПБ ИИ РАН. – Ф. 122. – Оп. 1. – № 106. – 1 л.

21. Челобитная Федора Трофимова Слальского, «битаго человека», об освидетельствовании его в присутствии старост и целовальников, март 1608 г. // АСПБ ИИ РАН. – Ф. 122. – Оп. 1. – № 79. – 1 л.

22. Черкасова, М. С. Демографические события по челобитным служилых людей первой четверти XVII в. / М. С. Черкасова // Историческая демография. – 2017. – № 2 (20). – С. 93–96.

23. Шмидт, С. О. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. / С. О. Шмидт, С. Е. Князьков. – М. : МГИАИ, 1985. – 102 с.

24. Явочная челобитная чердынского таможенного целовальника Андрея Михайлова Михалева о вызове в Чердынь усольца Ивана Онуфриева, назначенного вместе с ним, но не явившегося, 14 мая 1608 г. // АСПБ ИИ РАН. – Ф. 122. – Оп. 1. – № 101. – 1 л.

REFERENCES

1. Boldyrev R.V. Problemy uplaty gosudarstvennyh povinnostej novgorodskimi krestyanami v 1611–1617 gg. v otrazhenii chelobitnyh gramot [Problems of Payment of State Duties by Novgorod Peasants in 1611–1617 in the Reflection of Petitions]. *Evropa v Srednie veka i Novoe vremya: Obshchestvo. Vlast. Kultura* [Europe in the Middle Ages and Modern Times: Society. Power. Culture]. Izhevsk, In-t kompyuter. issledovaniy, 2018, pp. 178–186.

2. Volkov L.V. Chelobitnaya [Petition]. *Gosudarstvennost Rossii: slovar-spravochnik* [Statehood of Russia. Dictionary Reference], book 6, pt. 2. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 378–379.

3. Davydov M.I. Chelobitnye vlastej Suzdalskogo Pokrovskogo monastyrya vozhdyam Vtorogo opolcheniya i socialno-politicheskaya borba v Suzdale v 1611 – nachale 1612 goda [Petitions of the Authorities of the Suzdal Pokrovsky Monastery to the Leaders of the Second Militia and the Socio-Political Struggle in Suzdal in 1611 – Early 1612]. *Mininskie chteniya: sb. nauch. tr. po istorii Smutnogo vremeni v Rossii nachala XVII v.* [Minin Readings: Collection of Scientific Works on the History of the Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th century]. Nizhny Novgorod, Quartz Publ., 2012, pp. 118–128.

4. Dmitriev A.A. Pervye gody posle Ermaka i Smutnoe vremya [The First Years After Yermak and

the Time of Troubles]. *Permskaya starina: sb. ist. st. i materialov preimushchestvenno o Permskom krae* [Perm Antiquity. Collection of Historical Articles and Materials Mainly About the Perm Region]. Perm, Tip. P.F. Kamenskogo, 1895, iss. 6, pp. 1-128.

5. Epifanovsky P.V. Chelobitnye smolyan k smolenskim voevodam 1609–1610 godov po voprosam socialnogo obespecheniya [Petitions of Smolensk People to the Smolensk Governors of 1609–1610 on Issues of Social Security]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Smolensk State University], 2013, no. 3 (23), pp. 178-185.

6. Kachalkin A.N. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoj epohi v istoriko-lingvisticheskom i istochnikovedcheskom osveshchenii: autoref. dis. ... d-ra philol. nauk* [Genres of the Russian Document of the Pre-Petrine Era in the Historical, Linguistic and Source Study. Dr. phil. sci. abs. diss.]. Moscow, 1989. 48 p.

7. Kachalkin A.N. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoj epohi. V 2 ch. Ch. 2. Filologicheskij metod analiza dokumentov* [Genres of the Russian Document of the Pre-Petrine Era. In 2 Parts. Part 2. Philological Method of Document Analysis]. Moscow, Izd-vo MGU, 1988. 120 p.

8. Kashtanov S.M. *Russkaya diplomatika: ucheb. posobie dlya vuzov* [Russian Diplomacy. Textbook for Higher Education]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1988. 231 p.

9. Malitnikov A.S., ed. *Kratkij slovar vidov i raznovidnostej dokumentov* [Brief Dictionary of Types and Varieties of Documents]. Moscow, s.n., 1974. 80 p.

10. Mashtafarov A.V. Yavochnye chelobitnye 1568–1612 gg. iz arhiva Suzdalskogo Pokrovskogo devichyego monastyrya [Petitions from the Archive of the Suzdal Pokrovsky Monastery]. *Russkij diplomatarij. Vyp. 9*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2003, pp. 273-338.

11. Opis del prikaza Novgorodskoj chetverti, vnesennyh v pozhar 1626 g. [Inventory of Cases of the Prikaz of the Novgorod Chetvert, Taken Out in the Fire of 1626]. *Chteniya O IDR*, 1905, book 1, sec. 5, pp. 12-40.

12. Rybalko N.V. Organizatsiya Solikamskogo yama i yamskoy sluzhby v Permi Velikoy v 1607 godu [Organizing Solikamsk Coach Station and Coachman Service in Great Perm in 1607]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya. Regionovedenie* [Science Journal of the Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 120-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.11>

13. Rybalko N.V., Dmitrieva E.G. *Solikamskij arhiv: rekonstrukciya i istochnikovedcheskij*

analiz (1605–1608 gody) [Solikamsk Archive: Reconstruction and Source Analysis (1605–1608)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 319 p.

14. Rybalko N.V. Upravlenie v Permi Velikoj konca XVI – nachala XVII veka: ot prikaznyh lyudej k vovodskoj vlasti [Great Perm Governance in the Late 16th – Early 17th Century: From Administrators to Voivodes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of the Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 100-112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

15. Tikhomirov M.N. Prikaznoe deloproizvodstvo v XVII v. [Prikaz Clerical Correspondence in the 17th Century]. *Rossijskoe gosudarstvo XV–XVI vekov* [The Russian State of the 15th – 16th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 348-383.

16. Tupikova N.A., Tyumentseva N.E. Novye chelobitnye zhitelej Pereslavlya-Zalesskogo i ego uezda iz russkogo arhiva Yana Sapegi [New Petitions of Residents of Pereslavl-Zalessky and Its County From the Russian Archive of Jan Sapieha]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of the Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 3, pp. 164-178. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.11>

17. Tyumentsev I.O., Tupikova N.A. Novye pisma i chelobitnye Cmutnogo vremeni iz Troice-Sergieva monastyrya i ego votchin [New Letters and Petitions of the Time of Troubles from the Trinity-Sergius Monastery and Its Estates]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2018, vol. 63, no. 3, pp. 935-948. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2018.317](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.317)

18. Chelobitnaya Alekseya Osipova Remennikova [tsaryu V.I. Shuyskomu] o zaderzhanii vyruchennogo im i sbezhavshego Dmitriya Ivanova Popova, do 5 aprelya 1608 g. [The Petition of Alexei Osipov Remennikov [to Tsar V.I. Shuisky] on the Detention of Dmitry Ivanov Popov, Who Had Been Rescued by Him and Who Had Escaped, Until April 5, 1608]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 122, inv. 1, d. 82. 1 l.

19. Chelobitnaya Pyatuni Semenova syna Suslova na usolca Fedora Eliseeva, zavladevshego ego loshadyu, do 19 aprelya 1608 g. [The Petition of Pyatunya, the Son of Semyon Suslov, Against Fyodor Eliseev, Who Took Possession of His Horse. Before April 19, 1608]. *ASPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 122, inv. 1, d. 89. 1 l.

20. Chelobitnaya solikamskih posadskih lyudej, Trofima Ivanova s tovarishchami o zashchite ot tarskih kazakov, ograbivshih ih na puti v Kajgorodok, mezhdru 10 i 29 maya 1608 g. [Petition of the Solikamsk Townspeople, Trofim Ivanov with His Comrades, on Protection Against the Tara Cossacks Who Robbed Them on the Way to Kaygorodok. Between May 10 and 29, 1608]. *ASPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 122, inv. 1, d. 106. 11.

21. Chelobitnaya Fedora Trofimova Slaskogo, «bitago cheloveka», ob osvidetelstvovanii ego v prisutstvii starost i celovalnikov, mart 1608 g. [Petition of Fyodor Trofimov Slasky, “a beaten man”, on His Examination in the Presence of Elders and Tselovalniks. March 1608]. *ASPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 122, inv. 1, d. 79. 11.

22. Cherkasova M.S. Demograficheskie sobytiya po chelobitnym sluzhilyh lyudej pervoj chetverti

XVII v. [Demographic Events According to Petitions of Service People in the First Quarter of the 17th Century]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2017, no. 2 (20), pp. 93-96.

23. Schmidt S.O., Knyazkov S.E. *Dokumenty deloproizvodstva pravitelstvennyh uchrezhdenij Rossii XVI–XVII vv.* [Clerical Documents in Russian Government Institutions of the 16th–17th Centuries]. Moscow, MGIAI, 1985. 102 p.

24. Yavochnaya chelobitnaya cherdynskogo tamozhennogo celovalnika Andrey a Mihajlova Mihaleva o vyzove v Cherdyn usolca Ivana Onufrieva, naznachennogo vmeste s nim, no ne yavivshegosya, 14 maya 1608 g. [Notification Petition of the Cherdyn Customs Tselovalnik Andrey Mikhailov Mihalev on the Call to Cherdyn for the Usolye Resident Ivan Onufriev, Who Was Appointed With Him, but Did Not Appear. May 14, 1608]. *ASPbII RAN* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 122, inv. 1, d. 101. 11.

Information About the Author

Natalia V. Rybalko, Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Department of Russian and General History, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, orcid.org/0000-0002-5141-0902

Информация об авторе

Наталья Владимировна Рыбалко, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.6>

UDC 94(470+571)“16”:323.34
LBC 63.3(2)45-2

Submitted: 14.06.2021
Accepted: 09.08.2021

NON-ORTHODOX LABOUR IN EARLY MODERN RUSSIA

Hans-Heinrich Nolte

Leibniz University Hannover, Hannover, Germany

Abstract. While the Tsardom Russia in Early Modern Times till the 18th century experienced a constant demographic loss to slavehunters supplying the markets of Muslim Empires, there also was an influx of Non-Orthodox Prisoners of War (from Muslim Tatars to Protestant Swedes) and socially weak people from annexed territories. Most Jasak-paying communities remained ethnically Non-Russian, but some Non-Orthodox “foreigners” by being sold or selling themselves left their communities and entered the status of peasants respectively kholops. These mostly were integrated into the Russian Orthodox flock. By prohibiting Orthodox people to serve in Non-Orthodox households clergy and government hoped to safeguard laypeople against other creeds, but strengthened the labour-market of Non-Orthodox servants. Muslim estate-owners, Armenian merchants, German doctors, Scottish officers etc. wanted servants in house and garden to care for their households and keep their social standings. Non-Orthodox servants, referred to but not regulated in the basic law of 1649, remained ethnically Non-Russian and confirmed Russia’s character as “multi-ethnic Empire”.

Key words: Non-Orthodox servants, Early-Modern Russia, 17th century, peasants, serfs.

Citation. Nolte H.-H. Non-Orthodox Labour in Early Modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 84-95. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.6>

УДК 94(470+571)“16”:323.34
ББК 63.3(2)45-2

Дата поступления статьи: 14.06.2021
Дата принятия статьи: 09.08.2021

НЕПРАВОСЛАВНЫЙ ТРУД В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ганс Генрих Нольте

Ганноверский университет им. Лейбница, г. Ганновер, Германия

Аннотация. В статье речь идет о статусе неправославных инородцев, находившихся на службе в России в XVII в., но начинается статья с рассмотрения положения православных холопов. Вопросы о крепостном праве в России, формах зависимости, функционировании рынка труда до сих пор остаются дискуссионными в исторической науке. Данным очерком автор вносит свой вклад в обсуждение проблемы рабства в России, используя источники религиозного характера, Соборное уложение 1649 г. и др., а также привлекая обширный круг исследований по русской истории. В то время как царская Россия раннего Нового времени до XVIII столетия испытывала постоянные демографические потери от «охотников за рабами», снабжавших рынки мусульманских империй, имел место приток иноверных полоняников (от татар-мусульман до шведов-протестантов) и социально слабых людей с присоединенных территорий. Большинство ясачных общин оставались этнически нерусскими, но некоторые неправославные «инородцы» путем продажи себя покидали свои общины и вступали в статус крестьян и, соответственно, холопов. В основном они были интегрированы в русскую православную паству. Запрещая православным служить в иноверных домах, духовенство и правительство надеялись оградить мирян от других вероисповеданий, но усилили рынок труда иноверцев. Мусульманские землевладельцы, армянские купцы, немецкие врачи, шотландские офицеры и т. д. нуждались в слугах в доме и в саду, чтобы заботиться о своем домашнем хозяйстве и поддерживать их социальное положение. Неправославные служащие, упомянутые, но не имевшие правового статуса в Соборном Уложении 1649 г., оставались этнически нерусскими и подтверждали характер России как «многонациональной Империи».

Ключевые слова: рабы-иноземцы, раннее Новое время в России, XVII век, крестьяне, крепостные.

Цитирование. Нольте Г. Г. Неправославный труд в России раннего Нового времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 84–95. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.6>

Introduction

Alessandro Stanziani has shown, that “serfdom as such was never introduced in Russia”, while “forms of dependence were no doubt extreme” and pleaded for looking more at the labour markets [67; 83, p. 158]. This text will concentrate on Non-Orthodox servants, but start with a sketch of Orthodox ones, hoping to add to the discussion on slavery in Russia [97, vol. 2, pp. 1173-1209]. To a large degree using sources from religious history [55] the text also offers a note to the history of ethnic groups in Russia.

The Ulozhenie, the basic law of the Russian Tsardom upon which the estates of the realm agreed in 1649, offers a symbolic picture of society starting with God, going on with the Tsar and ending with the Cossacks on the borders [11, 1985, vol. 3; 35; 46; 80]. A considerable part of the population was Non-Orthodox [56], mentioned in the Ulozhenie but without an own chapter. Especially Muslims in Russia [41] belonged to many social groups and legal statuses, from princes [69] via peasants to jasyry / polonjaniki (Prisoners of War) [52].

Peasants and Kholops

On peasants there is an own chapter [43, pp. 64-68; 46, pp. 173-183; 48]. At the end of a long process, they were ‘assigned to the soil’, but remained personally free. In the 17th century it was not legal to sell them, but the soil might be sold with peasants ‘fixed’ to it (krepostnyye) [50, S. 62-67; 79, pp. 63-65]. Their fiscal burden was increased in the Petrine reforms – they not only had to pay head taxes, but also to provide recruits. During the reign of Catherine II most peasants lost their right to appeal directly to the Empress, and their lords gained the right to send them to banishment (katorga). But despite of the tendency to minimize their status Russian peasants kept social agency. A common form of >negotiation< with the noble owners of land was to run away,

an extreme form to take part in the rebellions of the peripheries from Don to Jaik.

In 16th and 17th centuries Russia the main group of “subaltern people” consisted of indentured servants – kholops, who had to be registered with their IOU (Kabala) in the Kholopej Prikaz [40, p. 113]. Most were servants for a certain, limited time, but there were also kholops by birth. The government, instigated by the Church, promoted the limitation of kholopstvo; § 76 of the Sudebnik of 1555 required from all clerics and advised all lay people not to take interest from other Christians “in order to save the villages from falling empty” [11, 1985, vol. 2, p. 35]. But all legally free people of Russia, high and low nobility, serving people (sluzhilye ljudi) of all ranks, merchants and artisans (posadskie ljudi) as well as peasants and even kholops themselves could own the labour of a kholop, if for certain years or unlimited. The measurement of limited kholopstvo was in years.

Richard Hellie in his fundamental research called kholops ‘slaves’ [28, pp. 82-83]. He used two registers dated 1597 and 1603 comprising 5,575 kholops of whom about two-thirds had sold themselves, 15% were born into kholopstvo and only 148 became kholopy by captivity. In Hellie’s words, ‘most of Muscovy’s slaves were natives’. In the cases handled in the Prikaz during the seventeenth century and selected for publication by Iakovlev, only Orthodox people appear, although some names or definitions (like murza, batrak or tatarka polona) hint at non-Orthodox family backgrounds [33, pp. 323-327, 401-414, 496-512; 98]. In the lists on kholops of the first half of the seventeenth century analysed by Panejakh we find ‘he was a prisoner’ given as the reason for giving oneself into kholopstvo, but obviously these were Russians who had been captive in Poland or the South [62, pp. 80-86, 124-125; 63, pp. 513-562].

Since there were special “polonnye knigi” in the Prikaz for POWs of all kinds [87, vol. 4, p. 384 f.] the percentage of prisoners in the servants of Muscovy may only be estimated when these have been researched.

The legal position of kholops was defined by the Ulozhenie in chapter 20 [11, 1985, vol. 3, pp. 75-443; 35, pp. 103-117, 309-353]. Their daily labour was without limits, except those the Church had established with Sundays and feasts, daily prayers etc. They were entitled to being fed and married, but the Lord could decide, whom to marry. Kholops were subjects in jurisdiction, admitted to the oath, heard in the Kholopej Prikaz and able to fight successfully against being forced into kholopstvo [33, p. 513-562]. To kill a kholop was judged as murder, but a difference was made: in case he killed his master, he was to be sentenced to death “without mercy” – meaning he or she was to be tortured. A kholop had “honour” and was entitled to 1 Rouble compensation, in case that was hurt; a woman to 2 Roubles. Children of mixed marriages went to the lower status, also children might be sold into time limited kholopstvo by free parents.

To take part in labour was normal for children in Early Modern Times all over Europe [36, 2009, vol. 9, pp. 553-557] and many learned their trades by working with their parents [47, vol. 1, p. 233]. Giving or selling children into service also was common in Europe, but only in regions with bonded labour as in most to the east of the river Elbe and south of the Baltic Sea [77] was it possible to be born into bondage.

Iakovlev found that prices for kholops in Novgorod between 1593 and 1609, from children to adults, varied between one and five roubles [33, pp. 60-65]. Hellie found that the prices varied between four roubles for someone who had learned a white-collar job and two for a beggar. Comparing these prices with the sums they were entitled to receive in case their honour was hurt or the sum of two roubles a year prescribed for the labour of a youngster, it does seem, that the low price for kholops was reflecting the limitations there were for their uses.

In my judgement the term “slaves” for kholops, proposed by Hellie, is misleading. My proposal is to translate kholops in research as “indentured servants”, although that term does not fit for those 15% born into kholopstvo – a small part. If we make differences in the use of terms between research and presentation we might accept though the use of “slavery” in a global presentation of “slaveries” [97, vol. 2, pp. 928-931] – in case the differences for instance to plantation-slavery are kept in mind.

In daily life [5; 26] all kholops were protected by the Church. Since all Orthodox Christians were obliged to attend mass on Sundays, keep lent and confess regularly (legally enforced since 1716), nobody was able to evade Church-control easily. Orthodox parishes before Peter I. were small, comprising a couple of hundred men and women. This size made it easier for the priests to notice behaviour. Lords or masters were held responsible for it, that the servants kept Church-rules. The Ulozhenie ruled, that if a female kholop had sex with her master and they had a child, both man and woman were to be sent to the bishop for judgement. As all Christian churches Russian Orthodoxy prohibited sexual intercourse outside of marriage and sanctioned it.

The Domostroi [49] the Russian “Housebook” advised the head of the household to have the servants dressed and fed well, but also ensure obedience – by praising good work and only if necessary by punishing (which might include beating). The head of the household also was advised to lead his wife, children and servants to common prayer every evening, and to go to mass with them on Sundays. Probably a Non-Orthodox servant (Tatar or Swede) would have a difficult position in an Orthodox family, and many, like the father of Peter 1st vice-chancellor Shafirov, a captured Jew from Smolensk, converted to Orthodoxy [32, p. 429 ff.; 91, vol. 1, p. 64].

In Petrine times the status kholop was dissolved [28, pp. 695-701]. In 1704 the Kholopej prikaz was closed [4, S. 3, 117; 87, vol. 4, 2001, p. 184 ff.]. 1713 peasants and kholops – were ordered to pay the same head-tax and to deliver the same number of recruits per persons [56, S. 107 f.]. 1723 the status of kholop was abolished, which meant, that all servants of the nobility within towns and on estates belonged to the status peasants (krest’jane) now. Between 1676 and 1762 the percentage of this status in the population of Russia increased from 80% to 91%, while the percentage of townspeople decreased [47, vol. 1, pp. 116, 129 f.]. 11% fits, if quite roughly, to the percentage Hellie gives for kholops in the pre-Petrine society. The increase of the status “peasants” in the Russian population in the 18th century was a consequence of the politics of the government and did not indicate economic change to more people working in agriculture. Also the practice to sentence insolvent debtors to

forced labour for the creditors till the debt was repaid “za zhiv” (in real life) remained till 1834. Socially close were “workmen”, mostly caught runaway peasants controlled by the police and sometimes rented away to private enterprises, who in 1799 were included in the lowest category of townspeople (meshchane) [73].

Non-Orthodox Servants: Jasyry and others

In Early Modern Times in Russia there lived non-Orthodox [38; 56], especially traditionalist (“heathen”), Muslim [7; 41; 95] but also Western [2; 3; 18] as well as Eastern Christian, and since the 17th century Buddhist as well as Jewish people in considerable numbers, not only in the peripheries, but also in the centre of the country. Since the 14th century Tatars had been settled in central Russia [54], and since the 15th century “Germans” – Protestants from Northern Europe – lived in Muscovy. This practical (not theoretical) religious tolerance [36, vol. 9, pp. 687-697] was extensive – there were mosques and medresas, churches and places of sacrifice, Muslim troops and Lutheran officers in Russian ones. Religious and ethnical identities often correlated; Russians were Orthodox, Tatars Muslim, etc. All Non-Russians living in the Tsardom (Russkaja zemlja) were called “foreigners” (inozemcy) [58]. There were Non-Orthodox servants to Orthodox and to Non-Orthodox masters.

Non-Orthodox belonged to many social and legal groups, from princes and wealthy estate-owners to peasants, indentured servants and slaves. But a warrior could not fight at a frontier and care of his farm at the same time, and modern research has shown the amount of work to be done in households [39]. A wealthy or noble family in the Russian society was in need of labour of kinship or of serving people, therefore it bought Russian kholops, children or Non-Orthodox POWs (jasyry, polonjaniki) [52]. Russian as well as Tatar warriors of the Tsar brought prisoners home from campaigns for own uses or for sale. When Orthodox at capture or baptized, the POWs entered the status kholop. When a deal had been concluded between a buyer with a free person indenturing himself, with parents indenturing their children or with the owners of jasyry, the traded individuals were supposed to give a statement of indenture to their masters if they were free people

(vol’nye ljudi), or sign a purchase contract (kupchaja) if they were prisoners of war. Everybody in Russia could thus present to the Kholopej Prikaz a deed giving rights to the labour of Orthodox and non-Orthodox persons.

Orthodox mission was supported by the state via exemption from taxes for a period, gifts and sometimes even via giving money. Enforced baptism was prohibited. The state supported mission for religious reasons, only in the 18th century some understood mission as a step towards integration into Russian ethnicity. Mission against Muslims had little effects [24; 25; 57].

When Peter 1st invited western experts to serve in Russia 1702 he claimed, that all Christians were tolerated in Russia. This was correct - even if the usage of the Pufendorf-definitions on tolerance – “that We shall not usurp force against the consciences of men and happily admit, that every Christian look for his salvation on his own responsibility...” was Public Relation [59, Nr. 253, S. 94 f., citation p. 95; 91, vol. 1, pp. 265-267]. Peter by the way might have added Muslims – but since no Western state at that time tolerated Muslims, a reference to Russian practical tolerance against Muslims would not have had advertising effects in the West.

Liberating Christians from slavery was part of the agenda of the state. The Law Code of 1497 prescribed, that a kholop who escaped Tatar capture on own initiative was free [11, vol. 2, p. 61; 80, p. 82]. There was a special ransom-tax with an own chapter in the Ulozhenie for buying captured Orthodox people back [11, vol. 3, p. 97 f.; 29, p. 519]. Russia sent envoys for that job to Kaffa and Bukhara. The ransom-tax united Tsar and people in a common Christian obligation, and legitimized Russian military costs, not only the upkeep of the defence lines (cherty) south of the Oka [5, vol. 2, pp. 284-296] but also the campaigns of Muscovy against Muslim States. Sometimes Russian border-politics served other creeds also, for instance, in 1661 an Indian merchant, enslaved while travelling to Bukhara and sold to Tatars, escaped to a Russian border-post on the Jaik and was sent to the Indian community in Astrakhan [72, p. 134 ff.]. In wars against Muslims the difference between practical tolerance and religious propaganda led to difficulties though, for instance in the campaign

against the “Enemy of the Holy Cross and all Christianity”, the Ottoman Empire 1677 ff., when Muslim owners of estates did not arrive in the field and lost their estates [20, 1859, vol. 7, p. 89 f.; 56, p. 60 f.].

Many servants were *jasyry*, working in households or in rural estates, since there were no plantations in Russia as in the Americas or workhouses like the ‘*bagno*’ in the Maghreb [16]. In B.A. Grekov’s edition of the papers of Bojar B.I. Morozov, politician and entrepreneur in potash, for 1660 we find a claim of an estate-owner, that two Chereemis “after baptism” fled from him and to live “with your peasant[s]” (two names), obviously labour-hands. Morozov answered, that if these were “not tied to my estate” (*ne krepki*) he might fetch them back [27, 1940, vol. 2, p. 218]. And in A.A. Zimin’s edition of the records of the monastery in Volokolamsk we read the last will of the member of the lower nobility (boyar’s son) D.G. Pleshcheev 1558/9, in which he set free “my Kazan and German prisoners, men and women and boys and girls” [99, 1956, vol. 2, pp. 278-281, citation p. 281]. “German” prisoners from the Livonian war also might have been Estonians or Latvians.

Regarding peasants there was a long tradition, that Non-Orthodox noblemen serving the Tsar received an estate (*pomest’e*) with Orthodox peasants. Tatar noble families with Orthodox peasants lived in Muscovy since the 14th century [54; 69]. For instance in 1572 in the territory of former Novgorod Velikij Tatars serving Moscow received estates with 13 Russian people, of whom 6 “*bobyli*” did not have land and obviously were working on the land of the Tatar nobleman (*murza*) [75, 1909, vol. 2, p. 200]. As late as 1697 the Scottish general Patrick Gordon, a stout Catholic (as the government knew) was allowed to buy a Russian man with a woman and three sons for an estate he had received [66, p. 96].

Pososhkov noted 1712/18, that “not only Tatars, but also quite a lot of Russian people lived in the villages and estates of Tatars doing peasant work” and advised, to take the Russians away and set the Tatars workers free, when baptized. The Muslim nobility then also would accept Christianity, and in the end the “free Tatars” would follow [65, p. 327]. In 1740 Empress Elizabet started a program of wholesale mission in the Volga-region. It failed, most Muslims kept their

faith and the government was not able to safeguard civil security in the region, when the old local systems of social control were uprooted. A new separation was ordered: the newly baptized were settled in own villages [57]. Since in the 18th century the differences between servants and peasants were reduced though and the rule that Orthodox peasants should not work for Non-Orthodox estate owners, was better enforced, Muslim lords in Russia in fact lost control over their Orthodox peasants [37]. But they kept control of Muslim serfs and slaves in the Muslim sense of the word.

Regarding *kholops* very early there were religious conceptions, that Non-Orthodox people should not have Orthodox servants. Already Herberstein noted, that a servant who had run away from him, was not returned with the argument, that someone wanting to convert to Orthodoxy should not have a Catholic master [31, sheet H]. The Muscovy Company was not permitted to have Russian servants in their factories [71, S. 29]. Tsar Fjodr ordered in 1556, that Muslims in the Kasan-region should not have Christian servants [76, S. 396-401]. The Oprichnik Heinrich von Staden reported though, that a foreigner could have Russian servants, as long as he looked to it, that they received *lenten* food [23, p. 108 f.].

Following the services it had rendered Russia at the peace of Stolbovo 1617, the Muscovy Company asked for allowing to employ Lapps (and not Russians) for their whaling business and received permission [64, pp. 123-128]. In 1628 the Patriarch enforced though old separation-rules [45, p. 140; 46]. In 1643 Orthodox priests complained, that Non-Orthodox people bought courtyards in Moscow near Churches and kept Orthodox servants. In 1649 it was fixed legally that ‘non-baptized foreigners’ – >Foreigners< (*inozemcy*) in the seventeenth century included Muslims, Catholics and Protestants – had to turn to ‘foreigners of different creeds’ to be employed for work in their houses. No Russian was allowed to be in *kholopstvo* to Non-Orthodox people [11, 1985, vol. 3, p. 220 f.]. The Swedish Commissar Jan de Rodes informed his government 1652 and reported, that the Foreigners found it hard to live “without these people” [12, pp. 58-60, citation p. 58 backside]. Certainly in Russia many common people [51] and parts of the intelligentsia harboured some xenophobia [96, pp. 476-502], but the most obvious reason for these rules was religious.

Of the 150 suburbs (slobody) of Moscow 8 were designated for >foreigners< [1, vol. 4, pp. 182-183; 56, pp. 57-67; 68, pp. 67-74; 78, pp. 225-226]. Tatar noblemen and Westerners in Muscovy, living separately in their suburbs, employed and/or bought Non-Orthodox people [60]. Protestants bought many Tatars and Kalmyks and had them baptized. Already in Cvetaev's collection (of 1888) it was noted, that Turkish boys were bought by Pastor Georg Ochs [14, p. 185]. Jan Strauss reported, that one seaman of the "Adler" – a western built ship for travelling the Volga and the Caspi – in 1669 married a Calvinist Tatar girl in the Dutch Church in Moscow [84, S. 78 f.]. The Protestant Pastor Scharschmid in 1701 proposed to the Franckesche Stiftungen in Halle to "buy Tatar women and children for an orphanage and have them educated..." [90, S. 494] and wrote 1708, that he bought a Kalmyk child from an Italian captain on the Volga-river [22]. Büsching reported that the Protestant Communities in Kronstadt 1729/31 judged on cases of adultery and alms [10].

In the province also separation was enforced. When the Russian government commissioned lists of the Tatars in the Astrakhan-region in 1677, it also ordered to control, whether any "unfree Russian baptized people" were among the prisoners and set those free [20, 1859, vol. 7, pp. 267-270, citation p. 270]. But the government had problems defending the Tatars on the Russian side, not only against the Kalmyks, but also against the Cossacks – and when the Astrakhan Voevod demanded, that the Cossacks set the captured Tatars free, they simply answered, that "these were Tatar prisoners" [20, 1867, vol. 10, pp. 148-155, citation 149].

According to the religious bias in the rules prince Kaspulat Cherkasskij asked for permission to bring 20 Jasyry from Astrakhan south to Terek, stressing that these were "born as Nagajs and of Muslim creed" [20, 1859, vol. 7, p. 275]. In a statistic of 1678 from the Terekregion both Cossacks and "Cherkas" are given on equal terms – in the settlement of Olshanek for instance there lived 75 Cossacks plus 89 people belonging to them, plus "30 Cherkas, plus children and brothers and all theirs 18" and mentioning a third group: "Russians who live with the Cherkas 13, plus children and brothers and all theirs 12." As usual, the statistic does only count the men. We

may assume that there were more women, which would have to be counted as "theirs" [20, 1875, vol. 9, pp. 219-314, citation 279].

During the constant wars between Lithuania / Poland and Moscow not only Orthodox people (from Belorussia and the Ukraine) but also Catholics, Polish Tatars and Jews were made prisoners. If such people asked to be baptized, they had to be set free, and their masters received 15 roubles as compensation for the price they presumably had paid [11, 1985, vol. 3, p. 221; 86, S. 194].

In the continuous fights along the southern frontiers many prisoners were made. The frontiers were moved southward together with the "lines" of defences against the Crimean Tatars. These – similar to so many Portuguese, Dutch, English etc. traders in Africa – were professional Slave-hunters and -traders, who caught Non-Muslim persons to sell them into the Muslim Empires, mostly the Ottoman one [92; 93]. This slave trade went on in the 18th century; F.C. Weber reported, that following 1711 annual slave raids were made, and 1713 in 12,000 Russians were captured [88, S. 124 ff.]. But the trade in jasyry from the South within Muscovy also was considerable, and many captured Muslims were sold to Muslim households in Russia [52]. When Weber also reported, that in the "Tartarsche Slabodde" in St. Peterburg there were more affluent households than in Rome and Paris, without a doubt he reported on the effect of labour from servants [88, p. 462].

The situation in the East of the Empire, in Siberia, was different though. The Moscow administration – 1599 an own "table" for Siberia was installed within the Kazan-Prikaz, and in 1637 the Sibirskij Prikaz was founded [15; 42, pp. 1-19] – prohibited forcing baptism on indigenous people and selling them across the Ourals to Russia proper. It was not legal to own jasyry within Siberia, but also it was not allowed to send baptized persons back to their Non-Orthodox communities. Were these rules implemented in far-off Siberia? 1622 the Patriarch complained, that many Siberian Russians lived with "heathen" women, and even loaned these women to others, when they were off. Others forced kholopstvo on girls and sold them to "Poles, Germans and Tatars" [81, vol. 3, pp. 245-253; citation p. 245]. Many of the indigenous servants, especially women, had been sold by their parents or owners to begin with, and

to make such sales un retractable formal baptisms were frequent. The concept of the government was (1644) – to send clergy to serve the Russians and to prohibit, that officials “take foreigners (inozemcov), women and children on their courtyards for themselves, to buy them using force, baptize them and take them to Moscow... in order to save the Siberian land on the Lena from being depopulated” [20, 1946, vol. 2, pp. 264-274].

The attempt of the government to strengthen the cooperation with the Jasak paying communities did not serve the interests of Russian traders and hunters though. The Ulozhenie 1649 ruled against the government and allowed to buy, own and baptize Tatar children in Siberia and send these to Russia, excluding though officials from this trade, while enforcing kholopstvo on Tatars remained forbidden [11, 1985, vol. 3, p. 229 f.]. Anyway, in 1679 Jasak-paying Jakuts complained, that the Voevod of Jakutsk “took daughters and even women of living men for himself in kholopstvo and baptized them” [20, 1859, vol. 7, pp. 273 f., 265]. At the end of the 17th century, it was quite common for civilian Russians in Siberia to own jasyry, and there also was a trade with them, but state-officials still were not allowed to take part [42, pp. 102-104].

The description of the province Tobol'sk 1784–1785 [85] offers information on geography and climate, post offices and settlements, lakes and rivers, products of agriculture, fishing and hunting, institutions of the Orthodox Church and Muslim creed, numbers, ways of living of the different ethnic groups, history, taxes and tariffs. In the breakdown of the population of the Okrug Tobol'sk of a population of 51,195 persons there are noted 1.013 “people, who live in courtyards” of others (dvorovye ljudi). Quite often they were called “dvorovye” [34]. We might look for Nonorthodox servants in this group, which though is not diversified.

The Bashkir region on both sides of the Oural offers another example for Russian expansion and forced indigenous labour. Pjotr Rytschkow in his description of the Orenburg-territory published 1762, regularly reports on subpeasant groups (Bobyly) and gives the number of working-people in the Wolga-region “who travel the river continuously up and down or catch fish” as one million [74, S. 100]. He writes about ethnic and religious groups and regularly notes former

Orthodox slaves liberated during the Russian advance. But only by chance he offers information on servants, for instance in the report on the end of the Bashkir-uprising 1735–41, that captured women and children were brought to work in Russia [74, S. 60]. But there also were deeds on indentured services between Non-Orthodox – a Bashkir noblemen (Tarkhan) received one from a Cheremis 1706 [17, 1956, vol. 4, p. 21], a Tatar woman gave one 1707 “for housework” [17, 1956, vol. 4, p. 32] and 1711 a Bashkir woman gave her daughter to a Bashkir man to “do all kinds of housework” in his family [17, vol. 4, p. 71].

Or to pass on: 1776 a Russian merchant asked the Empress, whether he may take a Bashkir boy as a servant, whose father had sold him into indenture, because (the rest of) his family did not have anything to live on [17, 1960, vol. 5, p. 542]. 1778/9 two Tatar men and one woman protested against service for the governor for one year to free themselves from an indenture [17, 1960, vol. 5, p. 548]. 1779 the governor prohibited to sell Bashkir children into indentured labour [17, 1960, vol. 5, p. 549]. This decree was in line with the tradition of the politics of the government to protect the ethnical groups in Siberia; but the governor did not address the needs of poor Bashkir people.

To sum this point up: many poor parents or other people from traditionalist, Muslim or Buddhist communities sold themselves or their children; not only to Russians, but also to Non-Orthodox.

In the beginning of the 18th century the fates of Swedish POWs were broadly reported – alone following the battle of Poltava 1709 [70, p. 86] there were 19.000. The anonymous “The new state of Kazan, Astrakhan, Georgia etc. ... published in 1723 in Nürnberg even published a whole collection of letters of Swedish POWs [19]. In the 16th century POWs in the European system were considered personal booty of the victor, to be kept for ransom, used for labour, sold or killed. During 17th and 18th centuries killing was criticized, but killing “in the heat of the battle” still was considered legal [36, 2004, vol. 6, pp. 137-202, especially pp. 184-186]. Status made a difference: Officers were free to live on their own costs on parole, and when their means ran out, they were allowed to learn and use trades to support themselves. For the support of soldiers Sweden

twice paid, but when no more money was coming the soldiers had to support themselves by labour, either as labourers or as servants and serfs in Russian estates. A considerable number was sold to serve for the time of the War and to be set free afterwards, as the Dutchman Cornelius le Brun noted for the year 1702 [8] and Friedrich Christian Weber, an envoy from Hannover, described more extensively for 1716 [89, 1723, vol. 1, pp. 163-168]. Many reports informed about Swedish Prisoners brought to Siberia. In Tobol'sk the Franckesche Stiftung supported a Swedish school. Some Orthodox youth learned there, but when one young Ukrainian nobleman "wird erwecket" (was influenced by Halle-pietism), he is taken from the school [94, S. 548-600]. As Le Brun wrote, "most to be pitied" were those Swedes sold to "Tatars" and "carried into Slavery" plus those employed at the Works in Peterburg. These received some nourishment "and for the rest have liberty to beg" (See above: H.W. Ludolf: *Grammatica Russica*, Oxonii 1696-97, pp. 139 f.). Swedish prisoners who had been captured by Tatars, Kalmyks or Cossacks and were sold as slaves further into Asia, and the Khan of Bukhara bought some Swedish girls to import this >military race< into his domain [89, 1723, vol. 1, p. 223].

The main nourishment-problem of Non-Orthodox people in Russia was that the eating taboos differed. Muslims for instance were not allowed to use pork, which was offered cheaply in the winter, when frost made it possible to transport meat from the countryside. On the other side, veal, which a Muslim might eat, was considered "heathen" by many Russians [5, 1937, vol. 1, p. 223; 21]. As noted above, Orthodox communities were small and – in case the priest kept his duties – detection of abuses was probable, as also the constant complaints of the Russian clergy against Latin households who did not provide for Lenten food indicates.

What sources for further research?

The history of servants of different status, but Orthodox religion in Early Modern Russia is researched broadly. Legal and administrative records as well as reports have been researched. Outside of Russia Elena Smolarz, Gleb Kazakov, Andrej Gornostaev and Lisa Hellman have presented new approaches to the Bonn

workshop on Asymmetrical Dependencies September 2019 [13].

The history of Non-Orthodox slaves and/or servants, at least looking at it from outside Russia, offers a thread in the rope of Russia's development to an Empire [6; 9; 30; 38; 53]. Members of some Non-orthodox creeds were coopted into the Orthodox elites – Muslim noblemen and traditionalist "best men" from the 14th to the 17th century, Protestant merchants and doctors, entrepreneurs and officers 15th to 18th century, Catholic officers in the 17th, Baltic German nobility in the 18th century – to name a few. In case they received a pomest'e they were in need of people working their fields, and in case they kept households in Russian towns they were in need of manual serving labour to lead a life of the upper classes and keep their status. As a rule they were not allowed to have Orthodox servants, therefore they looked for Non-Orthodox. We do not have many data though as to what percentage of the leading groups of the Tsardom and later the Empire were not Orthodox, and yet less on the numbers of their servants.

For further research the "polonnye knigi" of the Kholopej Prikaz and Arab and Tatar sources are desiderata. Research of religious institutions as Muslim khadi's and Christian Churches respectively missions of all kinds, as the Franckesche Stiftungen does seem promising [56]. But also the Archives of the Russian-Orthodox Church should be researched [61]. Are there more [50, S. 125 f.] sources which allow to "let the subaltern speak", to borrow Gayatri Chakravorty Spivak's famous phrase [82]? In Ordnance-surveys like those from Rychkov rarely we find information's on the lowest group in the society, but deeds and Last Wills are promising, and many were edited in Russian and Soviet times. In Soviet times with the official aim to further the friendship between the ethnic groups of the USSR a number of editions appeared, in which more than governmental rulings were published. Internal family-histories of the nobility of Early Modern Times [59, S. 146-148] have been researched for patronage-systems and should be for servants. Also letters written by noble people in the 18th century [44] might be used for this aim. Some of the best researched sources for Russia in Early-Modern Times are travel reports, as known.

Conclusions

Hunting and trading slaves from Christian Peasant-countries in Early Modern Times was part of the economy of the peasant-nomad frontier. The number of Christian (Polish, Ukrainian, Russian) people enslaved by Muslim (Tatar, Ottoman) hunters for the markets of the Black Sea between 1500 and 1800 is estimated at 2.4 million [97, vol. 2, p. 788]. The numbers of the forced migrations in the other direction are not yet established. In case nobody paid ransom POW's were kept and traded as slaves, and Non-Orthodox children were sold by their parents. Sidestepping here many questions of conversion we put up the thesis, that since a child sold by his parents or a POW in a Russian household could improve his life by accepting baptism, many captured foreigners integrated into the Orthodox and Russian society [65, pp. 320-340].

The government defended the *jasak*-paying communities in Siberia against wishes to get servants via baptisms with limited success. It supported the Church in the separation between Orthodox servants and Non-Orthodox masters, who then bought or hired Non-Orthodox servants. That way some Tatars and Kalmyk's were integrated into Protestantism, but we may assume, that the number of Muslims integrated into the Muslim societies between Kasimov, Kasan and Astrakhan was more considerable. Although the numbers are unknown, we may put up as thesis, that the politics of religious separation strengthened Non-Orthodox ethnical groups.

Co-opting Non-Orthodox elites [38; 56] had a long tradition in Russia before Peter 1st. Was that a condition for becoming an Empire [6; 9; 30]? Would Russia's rise to power in early modern times have happened without Tatar, Dutch or German specialists on step-warfare, ocean-shipbuilding or science in the period of Academies? Or, as Peter put it 1702, without inviting "...skilled people not only for the military, but also for other fine sciences useful for the development of a state..." [59, S. 95]? Many came to Russia and stayed there.

At least these foreigners and their servants stabilised Russian religious tolerance and diversity, which put it into the global row of Empires with a dominant state-religion but practical tolerance of not all, but some other creeds. In this regard

Chinese, Moghul and Ottoman Empires had similarities. The "Holy Roman Empire" though only learned practical tolerance in a century of religious wars till 1648. But it started theorizing a la Pufendorf [55].

REFERENCES

1. *Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj Imperii Arheograficheskoj ekspedicii Imperatorskoj akademii nauk* [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences], vols. 1–4. Saint Peterburg, s.n., 1836.
2. Amburger E. *Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1968. 200 S.
3. Amburger E. *Die Pastoren der evangelischen Kirchen*. Lüneburg, s.n., 1998. 560 S.
4. Amburger E. *Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917*. Leiden, Brill, 1966. 622 S.
5. Arcikhovskij A.V., ed. *Očerki russkoj kultury XVI [i] XVII veka* [Essays on Russian Culture of the 16th – 17th Century], vols. 1–4. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1977–1979.
6. Aust M., Vulpius R., Miller A., eds. *Imperium inter pares: Rol transferov v istorii Rossijskoj Imperii (1700–1917)* [Imperium Inter Pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 389 p.
7. Bennigsen A., Wimbush S.E., eds. *Muslims of the Soviet Empire*. London, Hurst, 1985. 294 p.
8. Brun M. Le. *Observations on Russia. Weber Friedrich Christian: The Present State of Russia*, vol. 2. London, s.n., 1722, pp. 371–432.
9. Burbank J., Hagen M. von Remnev A., eds. *Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington / Indiana, Indiana Univ. Press, 2007.
10. Büsching A.F. *Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich*, vol. I. Hamburg, Altona, 1766. 336 S.
11. Chistjakov O.I., ed. *Rossijskoe zakonodatelstvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries], vols. 1–9. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984–1994.
12. Commissarien J. de Rodes, *Bref till kongl. Majestät. Stockhlm, Riksarkivet, Muscovitica*, vol. 600.
13. Conermann St., Bischoff J., eds. *Semantics and Lexical Fields of Slavery and other Forms of Asymmetrical Dependencies*. S.l., De Gruyter, 2022 (in Print).
14. Cvetaev D., ed. *Pamjatniki k istorii Protestantsva v Rossii* [Monuments to the History of Protestantism in Russia]. Moscow, s.n., 1888. 245 p.

15. Dahlmann D. *Sibirien*. Paderborn, Schöningh, 2006. 438 p.
16. Davis R.C., Slaves Ch., Masters M. *White Slavery in the Mediterranean, the Barbary Coast, and Italy, 1500–1800*. London, Palgrave Macmillan, 2004. 260 p.
17. Demidova N.F., ed. *Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR], vols. 1–5. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1936–1960.
18. Demkin A.V. *Zapadnoevropejskie kupcy v Rossii v XVII v.* [Western European Merchants in Russia in the 17th Century]. Moscow, s. n., 1992. 56 p.
19. Der allerneueste Staat von Casan, Astrachan, Georgien und vieler anderer dem Czaren. *Sultan und Schach zinsbaren und untertanen Tartarn Landschaften und Provinzien*. Nürnberg, s.n., 1723. 398 S.
20. *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoy komissiej* [Additions to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission], vols. 1–12. Saint Peterburg, s.n., 1846–1875.
21. Dukmeyer Fr., ed. *Korbs Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen*, vol. 2. Berlin, s.n., 1910. 356 S.
22. Einige Umstände wegen Enos, wann, wie und wo er in meine Hände kam. *Archiv der Franckeschen Stiftung Halle*, C 491:6.
23. Epstein F., ed. *Heinrich von Staden, Aufzeichnungen über den Moskauer Staat*. Hamburg, s.n., 1930. 372 S.
24. Glazik J. *Die Islammission der Russisch-Orthodoxen Kirche*. Münster, Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1959. 192 S.
25. Glazik J. *Die russisch-Orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Großen*. Münster, Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1954. 270 S.
26. Goehrke C. *Russischer Alltag*, vols. 1–3. Zürich, Chronos, 2003–2005.
27. Grekov B.A., ed. *Akty khozjajstva Bojarina B.I. Morozova* [Acts of the Economy of Boyarin V.I. Morozov], vols. 1–2. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk, 1936–1940.
28. Hellie R. *Slavery in Russia, 1450–1725*. Chicago UP, Chicago, Ill., 1982. 776 p.
29. Hellie R. *The Economy and Material Culture of Russia 1600–1725*. Chicago, Chicago Univ. Press, 1999. 671 p.
30. Hellmann M., Plaggenborg St., Schramm G. et al., eds. *Handbuch der Geschichte Russlands*, vols. 1–5. Stuttgart, Hiersemann, 1976–2003.
31. Herberstain Neyperg und Guetenhag: Sigmund Freyherr zu. *Moscovia die Hauptstat in Reissen*. Wien, s.n., 1557. 90 S.
32. Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven/Conn., Yale Univ. Press, 1998. 602 p.
33. Iakovlev A., ed. *Kholopstvo i khology v Moskovskom gosudarstve XVII veka* [Serfdom and Serfs in the Moscow State of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk, 1943. 564 p.
34. Ilizarova S.S., ed. *Akademik G.F. Miller – pervyj issledovatel Moskvyy i moskovskoj provincii* [Academician G.F. Miller is the First Explorer of Moscow and the Moscow Province]. Moscow, Janus Publ., 1996. 254 p.
35. Ivina L.I., ed. *Sobornoe Ulozhenie 1649 goda* [The Codex of 1649]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 448 p.
36. Jäger K.Fr., ed. *Enzyklopädie der Neuzeit*, vols. 1–16. Stuttgart, Metzler, 2002–2015.
37. Kappeler An. *Russlands erste Nationalitäten: das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert*. Köln, Böhlau, 1982. 571 S.
38. Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich*. Munich, Beck, 1992. 395 p.
39. Komlosy A. *Arbeit. Eine globalhistorische Perspektive*. Wien, Promedia, 2014. 208 S.
40. Kotoshikhin G. *O Rossii v carstvovanie Alekseja Mikhajlovicha* [About Russia in the Reign of Alexei Mikhailovich]. Saint Peterburg, s.n., 1906. 264 p.
41. Landa R.G. *Islam v istorii Rossii* [Islam in the History of Russia]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1995. 311 p.
42. Lantzeff G.V. *Siberia in the Seventeenth Century*. Berkeley Calif., University of California Publications, 1943. 235 p.
43. Mankov A.G., ed. *Akty Zemskikh soborov* [Acts of Zemsky Sobors]. *Rossijskoe zakonodatelstvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries], vol. 3. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985. 512 p.
44. Marasinova E.I. *Vlast i lichnost. Ocherki russkoj istorii XVIII veka* [Power and Personality. Essays on Russian History of the 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 458 p.
45. Medlin W.K. *Moscow and East Rome: A Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia*. Genf, s.n., 1952. 252 p.
46. Meiske Ch. *Das Sobornoe Ulozhenie von 1649*. Halle, Abt. Wissenschaftspublizistik der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 1985. 492 p.
47. Mironov N. *Socialnaja istorija Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russia (18th – the Beginning of the 20th Century)], vols. 1–2. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 1999.
48. Moon D. *The Russian Peasantry 1600–1930. The World the Peasants created*. London, Longman, 1999. 396 p.
49. Müller K., ed. *Altrussisches Hausbuch «Domostroi»*. Leipzig und Weimar, Kiepenheuer, 1987. 142 S.

50. Nolte H.-H. *Geschichte Russlands*. Stuttgart, Reclam, 2012. 576 S.
51. Nolte H.-H., Lemmink J.S., eds. Images of the West in Russian Peasant Uprisings. *De Nederlanden en het Balticum*. Nijmegen, 1990, pp. 249-262.
52. Nolte H.-H. Jasyry in Witzenrath Ch., ed. *Eurasian Slavery. Ransom and Abolition in World History 1200–1860*. Ashgate Farnham, 2015, pp. 247-254.
53. Nolte H.-H., Nolte Ch. *Kurze Geschichte der Imperien*. Wien, Boehlau, 2017. 464 S.
54. Nolte H.-H. Neuzeitlicher Kulturtransfer zwischen Islam und Christenheit: Politik, Militär, Religion. *Zeitschrift für Weltgeschichte*, 2007, Jg. 8, h. 1, pp. 105-130.
55. Nolte H.-H. *Religions in World- and Global History. A View from the German-language Discussion*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2015. 69 p. (Manuela Boatcă u.a. eds. *Worldregions, Migrations and Identities*, vol. 4). DOI: 10.3726/978-3-653-06291-5
56. Nolte H.-H. *Religiöse Toleranz in Russland 1600–1721*. Göttingen, Muster-Schmidt, 1969. 216 S.
57. Nolte H.-H. Umsiedlungen als Instrument der Mission im Wolgaraum 1740–1748. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 45, 1997/2, pp. 199-209.
58. Nolte H.-H. Verständnis und Bedeutung der religiösen Toleranz in Rußland. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 17, 1969, pp. 494-530.
59. Nolte H.-H., Schalhorn B., Bonwetsch B., eds. *Quellen zur Geschichte Russlands*. Stuttgart, Reclam, 2014. 566 S.
60. Olearius A. *Colligirte und viel vermehrte Reise-Beschreibung...* Hamburg, s.n., 1696. 371 S.
61. *Opisanie dokumentov i del khranjashchikhsja v arkhive Svjatejshego Pravitelstvujushchego Synoda* [Description of Documents and Cases Stored in the Archives of the Holy Governing Synod], vols. 1–5. Saint Petersburg, 1868–1897.
62. Panejakh V.M. *Kholopstvo v pervoj polovine XVII veka* [Serfdom in the First Half of the 17th Century]. Leningrad, Nauka [Publ.], 1984. 261 p.
63. Panejakh V.M. *Kholopstvo v XVI – nachale XVII veka* [Serfdom in the 16th Century – the Beginning of the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 268 p.
64. Phipps G. *Sir John Merrick, English Merchant-Diplomat in Seventeenth Century Russia*. Newtonville, Mass., Oriental Research Partners, 1983. 228 p.
65. Pososhkov I.T. *Zavechanie otecheskoe* [Father's Testament]. Saint Petersburg, s.n., 1893. 388 p.
66. Posselt M.C., ed. *Tagebuch des Generals Patrick Gordon*. Saint Petersburg, s.n., 1851. 735 p.
67. Pushkarev S.G. *Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917*. New Haven/Conn., Yale Univ. Press, 1970. 199 p.
68. Rabinovich M.G. *Ocherki etnografii Russkogo feodalnogo goroda: Gorozhane, ih obshchestvennyj i domashnij byt* [Essays on the Ethnography of a Russian Feudal City: Citizens, Their Social and Domestic Life]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 328 p.
69. Rakhimzjanov B. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.): ocherki istorii* [The Khanate of Kasimov (1445–1552): Essays on History]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo, 2009. 206 p.
70. Rostunov I.-I., Avdeev V.A., Osipova M.I., Sokolov Ju.F. *Istorija Severnoj Vojny 1700–1721 gg.* [History of the Northern War: 1700–1721]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 214 p.
71. Ruffmann K.H. *Das Russlandbild im England Shakespeares*. Göttingen, s.n., 1952. 185 S.
72. *Russko-Indejskie otnoshenja v XVII v.* [Russian-Indian Relations in the 17th Century]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1958. 455 p.
73. Ryndzjanskij P.G. *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii* [Urban Citizenship of Pre-Reform Russia]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk, 1958. 559 p.
74. Rytshkova P. *Orenburgische Topographie oder ausführliche Beschreibung des Gouvernements Orenburg aus dem Jahres 1762 Übertragen Alfred Anderle*. Leipzig, Kiepenheuer & Witsch, 1983. 230 S.
75. Samokvasov D.Ja., ed. *Archivnyj material. Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnnykh uchrezhdenij Moskovskogo gosudarstva XV–XVII stoletij* [Archival Material. Newly Discovered Documents of Estate-Patrimonial Institutions of the Moscow State of the 15th – 17th Centuries], vols. 1–2. Moscow, s.n., 1905–1909.
76. Sarkisyanz E. *Geschichte der orientalischen Völker Russlands*. München, s.n., 1961. 422 S.
77. Schmidt Ch. *Leibeigenschaft im Ostseeraum*. Köln, Böhlau, 1997. 167 S.
78. Schmidt Ch. *Sozialkontrolle in Moskau*. Stuttgart, Steiner, 1996. 500 p.
79. Smith R.E.F., ed. *The Enserfment of the Russian Peasantry*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1968. 180 p.
80. Smith R.F. *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1977. 289 p.
81. *Sobranie Gosudarstvennykh Gramot i Dogovorov* [Collection of State Letters and Treaties], vols. 1–4. Moscow, 1813–1828.
82. Spivak G.Ch., Nelso C., Grossberg L., eds. Can the Subaltern Speak? *Marxism and the Interpretation of Culture*. Basingstroke, Macmillan Education, 1988, pp. 271-313. URL: https://Abahlali.org/files/Can_the_Subaltern_speak.pdf (assessed 8 August 2021).
83. Stanziani Al. Serfs, Slaves or Wage Earners? The Legal Status of Labour in Russia from a Comparative Perspective. *Journal of Global History*, 2008, vol. 3, iss. 2, pp. 183-202.

84. Strauss Johann Jansen: *Reisen durch Griechenland, Moscau, Tartarey, Ostindien und andere Teile der Welt*. Amsterdam, s.n., 1678. 323 S.
85. Stroumova I.I., ed. *Opisanie Tobolskogo namestnichestva* [Description of the Tobolsk Governorship]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 320 p.
86. Struvens B.G., ed. *Allgemeines Russisches Land-Recht*. Danzig, s.n., 1723. 244 S.
87. Vladykina V.A., Kozlov O. F., Khimina N.N., Jankovskaja V.F., eds. *Gosudarstvennost Rossii. Slovar-Spravochnik* [Statehood of Russia. Dictionary-Reference], vols. 1–6. Moscow, Nauka Publ., 1998–2001.
88. Weber F.Ch. *Das veränderte Russland. welchen die jetzige Verfassung des Geis*. Frankfurt, s.n., 1721. 490 S.
89. Weber F.Ch. *The Present State of Russia*, vols. 1–2. London, s.n., 1722–1723.
90. Winter E. *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin, Deutsche Akademie der Wissenschaften, 1953. 502 S.
91. Wittram R. *Peter I. Czar und Kaiser*, vols. 1–2. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1964.
92. Witzernath Ch. *Cossacks and the Russian Empire*. New York, Routledge, 2007. 280 p.
93. Witzernath Ch., ed. *Eurasian Slavery, Ransom and Abolition in World History 1200–1860*. Ashgate, Farnham, 2015. 390 p.
94. Wreech C.F. von. *Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und in Sibirien*. Sorau, s.n., 1725. 861 S.
95. Zakiev Z.M. *Istorija Tatarskogo naroda (Etnicheskie korni, formirovanie i razvitie)* [History of the Tatar People (Ethnic Roots, Formation and Development)]. Moscow, INSAN Publ., 2008. 560 p.
96. Zelenin V.V., ed. *Jurij Krizhanich. Politika* [Yuri Krizhanich. Politics]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 735 p.
97. Zeuske M. *Handbuch Geschichte der Sklaverei*, vols. 1–2. Berlin, De Gruyter, 2019.
98. Zimin A.A. *Kholopy na Rusi (s drevnejshikh vremen do konca XV v.)* [Kholops in Russia (From Ancient Times to the End of the 15th Century)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 393 p.
99. Zimin A.A., Cherepnin L.V., ed. *Akty feodalnogo zemlevladienija i khozjastva* [Acts of Feudal Landownership and Economy], vols. 1–3. Moscow, Izd-vo Akad. nauk, 1951–1961.

Information About the Author

Hans-Heinrich Nolte, Dr. phil., Professor Emeritus for History of Eastern Europe, Leibniz University Hannover, Im Moore, 21, D-30167 Hannover, Germany, sekretariat@hist.uni-hannover.de, <https://orcid.org/0000-0003-2163-8903>

Информация об авторе

Ганс Генрих Нольте, доктор филологии, почетный профессор истории Восточной Европы, Ганноверский университет им. Лейбница, Im Moore, 21, D-30167 г. Ганновер, Германия, sekretariat@hist.uni-hannover.de, <https://orcid.org/0000-0003-2163-8903>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.7>

UDC 94(47)047, 94(47)05
LBC 63.3(2)45, 63.3(2)51

Submitted: 31.08.2021
Accepted: 28.03.2022

FORMATION OF BIG PEASANT CLANS IN THE RUSSIAN NORTH BASED ON THE STATE DESCRIPTIONS OF THE VAZHSKY DISTRICT FROM 17th TO THE EARLY 18th CENTURY¹

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* State descriptions of the northern peasant volosts of Russia demonstrate the features and techniques of business writing, typical for the Russian Middle Ages and early modern times. *Methods and materials.* The article analyzes scribal and census books for several villages of the volost Kurgomen of the Podvinskaya quarter of the Vazhsky district beyond the middle 17th – first half 18th centuries. On the basis of a microanalysis of peasant genealogies, several family clans of peasants living in neighboring villages were identified, the family surnames of the peasants were investigated. *Analysis.* The development or extinction of peasant clans, and some features of intra-family relations and the dynamics of population displacement at the village / volost level have been traced. The given data confirm the well-known fact that during the censuses, some of the peasants were hiding from the description. The period of Peter I caused heavy damage to the northern villages. The analyzed material shows that only large family clans were able to preserve themselves and their importance in the parish. *Results.* The results obtained in the article relate not only to the process of folding the branched peasant clans, which played a significant role in the volost and parish, defending, first of all, their own interests, but also the problems of the reliability of state descriptions.

Key words: Kurgomen, Russian North, palace volost, census books, sotsky headman, peasants Churakovs, pogost, peasant clans.

Citation. Vovina-Lebedeva V.G. Formation of Big Peasant Clans in the Russian North Based on the State Descriptions of the Vazhsky District from 17th to the Early 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 96-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.7>

УДК 94(47)047, 94(47)05
ББК 63.3(2)45, 63.3(2)51

Дата поступления статьи: 31.08.2021
Дата принятия статьи: 28.03.2022

СКЛАДЫВАНИЕ КРУПНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ РОДОВ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОПИСАНИЙ ВАЖСКОГО УЕЗДА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА¹

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Государственные описания северных крестьянских волостей демонстрируют особенности и приемы деловой письменности, характерные для русского Средневековья и Раннего Нового времени. В статье проанализированы писцовые и переписные книги по нескольким деревням волости Кургомень Подвинской четверти Важского уезда за период с середины XVII – 1-й половины XVIII века. На основе микроанализа крестьянских родословных было выявлено несколько семейных групп крестьян (предлагаем называть их крестьянскими кланами), обитавших в соседних деревнях, исследованы фамильные прозвища крестьян, прослежены развитие или угасание крестьянских родов, некоторые особенности внутрисемейных

отношений, а также динамика перемещения населения на уровне деревни / волости. Приведенные данные подтверждают известный факт, что во время переписей часть крестьян скрывалась от описания, и позволяют предложить объяснения. Петровское время нанесло тяжелый урон северной деревне. Проанализированный материал показывает, что только крупные семейные кланы смогли сохранить себя и свое значение в волости. Полученные в статье результаты касаются процесса складывания разветвленных крестьянских родов, которые играли значимую роль не только в волости, но и приходе, отстаивая в первую очередь свои собственные интересы. В статье разбираются также вопросы достоверности данных использованных государственных описаний.

Ключевые слова: Кургомень, Русский Север, дворцовая волость, переписные книги, сотский староста, крестьяне Чураковы, погост, крестьянские роды.

Цитирование. Вовина-Лебедева В. Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 96–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.7>

Введение. Известны выдающиеся работы по истории крестьян Русского Севера, написанные на основе обобщения большого документального материала в масштабах одного или нескольких уездов [1; 11; 12; 15]. Но на уровне отдельных деревень и живших там крестьянских семей можно увидеть явления, теряющиеся на макроуровне. Ниже изложены результаты сравнительного анализа государственных описаний нескольких дворцовых деревень Среднего Подвинья на протяжении ста лет. Это продолжение работы, уже начатой в отношении д. Калининской [6]. Были привлечены материалы по соседним деревням Кургоменской волости: д. Мырцовской, Ефремовской, а также д. Гавриловской. Цель работы – проследить динамику изменения состава населения данных деревень, выделить крупные крестьянские кланы с момента их зарождения и проследить этапы их формирования. После сравнительного изучения данных сохранившихся переписей появилась возможность выстроить крестьянские родословные за сто лет, проследить изменение численности и состава населения деревень, перемещения крестьян на жительство в пределах деревни / волости, определить родственные и семейные связи между ними, взвесить соотношение в деревнях старожилов и новоприходцев, определить время появления и распространения в данной местности крестьянских фамильных прозвищ.

Методы и материалы. Государственные описания северных крестьянских волостей демонстрируют особенности и приемы деловой письменности, характерные для русского Средневековья и Раннего Нового времени. Они

нуждаются в критическом подходе, в частности, необходимо проверять, насколько полно было описание, и не имело ли место сокрытие крестьян во время переписей. Это можно сделать путем сопоставления данных по одним и тем же деревням за длительный период времени. Источниками исследования стали сохранившиеся государственные описания Кургоменской волости за 1665 г. [13], 1678 г. [14], 1709 г. [6, с. 192–202], 1710 г. [6, с. 202–216], 1717 г. (ландратская перепись) [6, с. 216–241] и 1745 г. (2-я ревизия) [8]. Высказывалось мнение, что в тех случаях, когда сохранились как материалы государственных описаний, так и актовый материал по определенной местности, можно реконструировать некоторые истории крестьянских семей [15]. Иногда это можно сделать даже при отсутствии актового материала, если сохранилось несколько государственных описаний по одному месту, и временной промежуток между ними не превышает нескольких десятилетий. Пока не обнаружены материалы 1-й ревизии по Кургомени 1718 г., но их заменяют данные ландратского описания 1717 года. Важным условием является наличие у анализируемых крестьянских кланов устойчивого фамильного прозвища. В исследовании использованы некоторые приемы микроисторического анализа. На основе изучения событий в деревнях Русского Севера достигается лучшее понимание больших процессов, происходивших в России на протяжении ста лет.

Анализ. Важский уезд можно считать регионом, вписанным в историю Поморья [2]. В последние десятилетия большой вклад в его изучение внес Ю.С. Васильев [3]. Однако Подвинская четверть оказалась не в фокусе пре-

дыдущих исследований. Кургомская (Кургоминская) волость, расположенная по берегу Северной Двины между ее притоками реками Ундыш и Нондрус [5, с. 119], представляется средней по размеру, типичной волостью Среднего Подвинья. Ранние источники (XVI – 1-я половина XVII в.) по Кургомени не сохранились, но имеются материалы государственных описаний, следующих одно за другим с середины XVII до середины XVIII века.

В результате предварительной работы был получен материал, говорящий о наличии в Кургомени в исследуемое время нескольких крупных крестьянских кланов: Чураковых, Чулковых, позднее Валовых, Овчиных, Каториных, Бурмагиных и других. В данной статье остановимся на нескольких из них: Чураковых, Бурмагиных и Валовых. Главным крестьянским кланом Кургомени, с середины XVII в. имевшим родовое прозвище, были Чураковы (Чюраковы), более всего связанные с д. Калининской [7]. Е.Н. Швейковская обнаружила, что прозвище Чураков в 1606 г. имелось у крестьянина д. Долгий Прислон Учецкой волости соседнего с Важским Сольвычегодского уезда [15, с. 104]. Однако никаких связей с Чураковыми Важского уезда обнаружить пока не удалось.

В 1665 г. в д. Калининской имелось 5 крестьянских дворов и 3 бобыльских. Два двора занимали братья Чураковы, дети некоего Василия, к тому времени уже умершего: Тимошка и Никитка Васильевы Чураковы. Остальные 3 дворовладельца – крестьяне Федка Якимов с сыном, Елфанко Агафонов с сыном, вдова Маринка Митрофанова. Подробнее о составе д. Калининской смотри в отдельном исследовании на эту тему [7]. В деревне пахал наездом Ивашка Чураков из д. Мырцовской. Также в соседней д. Ефремовской жил Пронка Васильев Чураков. Об Ивашке Васильеве сообщалось, что ранее он жил на дворе брата, уже умершего Терешки Васильева. Итак, мы узнаем, что всего было пятеро братьев Чураковых: Тимошка, Никитка, Ивашка, Терешка и Пронка (Прошка). Итак, с самого начала Чураковы были связаны с несколькими близко расположенными деревнями волости.

За стандартными формулировками описаний иногда можно увидеть проблеск живой жизни и свидетельства отношений между кре-

стьянами, например, между Ивашкой и Терешкой Чураковыми, жившими в д. Мырцовской. Когда пришла пора идти в солдаты Ивашке (еще при жизни старшего брата Терешки), брат выставил вместо него «наемщика» (описание 1665 г. содержит данные о крестьянах, взятых на солдатскую службу [4]). Через год племяннику Ивашки, сыну уже умершего Терешки по имени Андрюшка, пришел черед идти в службу, и теперь уже дядя Ивашка выставил вместо него «наемщика». Руководствовался ли он, выкупая племянника, чувством благодарности покойному брату или экономической целесообразностью, не ясно. Но удержать Андрюшку на своем дворе Ивашке все же не удалось. Андрюшка в 1658 г. «сшел в Сибирь», и о нем более ничего не известно. Однако на дворе Ивашки Васильева оставался жить другой его племянник Коземко [13, л. 403 об.]. Другого населения в д. Мырцовской не было, хотя там пахали наездом Тимошка и Никитка Чураковы.

Через 12 лет в 1678 г. в д. Калининской было уже 8 крестьянских дворов и 1 бобыльский. Федка Якимов умер, сын его Васька «сбрел безвестно», а во дворе его жил (по закладной) Оска Максимов с сыновьями. Также в деревне жили Федка Аввакумов и Аввакумко Юрьев (пришедшие из д. Никитинской). Чураковых стало больше: кроме Тимошки и Никитки Васильевых с сыновьями сюда перешли жить Ульянко и Коземка Терентьевы, а также их дядя Ивашка Васильев с сыновьями. Очевидно, что Ульянко – брат Коземки, но где он был в 1665 г. и почему не учтен в описании этого года, неизвестно, поскольку при составлении переписной книги 1678 г. не ставилась цель обнаружить крестьян, укрывшихся ранее от переписи. Получается, что в д. Калининскую в конце 1670-х гг. стянулся весь крестьянский клан Чураковых (Чураковы из д. Ефремовской тогда уже покинули волость). Произошла консолидация рода. Остальные новоприходцы также были до того жителями Кургомени: чужаков не появилось, произошла лишь перегруппировка крестьян внутри волости.

Что касается д. Мырцовской, то уход из нее Чураковых привел к запустению и медленному ее умиранию. В 1677 г. там зафиксирован лишь 1 пустой двор и жеребий, и про-

должали традиционно пахать наездом крестьяне Чураковы из д. Калининской: Тимошка Васильев, Никитка Васильев, Ивашко Васильев и Коземка с Ульянком Терентьевы. Позднее, в 1709 г., там же пахал наездом Михайло Тимофеев Чураков (сын Тимошки Васильева). В 1710 и 1717 гг. д. Мырцовская значилась бездворной, а во время 2-й ревизии 1745 г., видимо, уже не существовала.

Во время переписи в 1709 г. в д. Калининской из прежних обитателей был обнаружен Иван Осипов, сын Оски Максимова, его брат Борис (по данным 1717 г. ранее живший в д. Никитинской) и сын Федор. Из новых обозначен был Артемий Иевлев 32 лет, с сыном Яковом. Он перешел сюда на житье из Заостровской вол., из д. Укорой, но чужаком не был, так как женился на дочери старого калининского крестьянина Федора Аввакумова. Из Чураковых все семейные линии этой деревни в 1709 г. были на месте: дворовладельцами записаны: Алексей Ульянов 26 годов, его брат Игнатий Козьмин 20-ти, владевшие двором «по наследию»; Михайло Никитин 27 годов; Михайло Тимофеев 43-х с сыном Тимофеем 10 годов; Матвей Никитин 45 годов с сыном; Козьма Гаврилов 23 годов (сын Гаврилки Иванова, внук Ивашки Васильева) и его сын 3 годов. Это все были дети и внуки братьев Терешки, Ивашки, Тимошки и Никитки Васильевых Чураковых, к тому времени уже умерших. Обратим внимание на одну из линий Чураковых из д. Мырцовской: в д. Калининской теперь был записан «двор пуст Козьмы Терентьева, запустел в 704-м году», хозяин ушел, неведомо куда, «от хлебной скудости». Это обстоятельство кажется немного странным, учитывая многочисленную родню Козьмы Терентьева, включая его племянника и сына, которые могли оказать ему поддержку. Его брат Ульян Терентьев, видимо, к тому времени умер. Когда Козьма Терентьев ушел из деревни, его надел и двор перешли к племяннику Алексею, хотя у Коземки был сын 14 лет. Мы опять видим в этом ответвлении рода Чураковых особенно тесные, покровительственные отношения между дядей и племянником, в данном случае между Козьмой Терентьевым и Алексеем Ульяновым.

В 1710 г. в деревне Калининской были записаны те же крестьяне, что и в 1709 г., за

единственным исключением, весьма любопытным. Одним из дворовладельцев оказался вовсе не отмеченный в 1709 г. Никита Тимофеев Чураков «штидесят годов, увечен, крив правым боком, у него жена Анна Гаврилова дочь пятидесяти пяти годов, у них сын Михайло тритцати четырех годов, у него жена Маремьяна Иванова дочь тритцати трех годов, у него дочь Матрона году» [6, с. 204]². Что касается записанного в 1709 г. Михайлы Никитина 27 лет, то в 1710 г. мы находим его уже 34 лет во дворе отца, упомянутого Никиты Тимофеева. К вопросу о том, почему Никита Тимофеев не был описан в 1709 г., а во дворе был записан только его сын, мы еще вернемся.

Обратимся к самому важному событию в жизни семейного клана Чураковых: Дмитрий Тимофеев Чураков был избран сотским старостой Кургоменской волости. В качестве сотского мы встречаем его упоминание в переписных книгах 1709, 1710 гг., а также в ряде других документов этого времени. Это единственный из Чураковых той эпохи, о деятельности которого можно сказать нечто, кроме того, что есть в материалах государственных описаний. Мы, разумеется, не можем определить, почему его избрали начальником над другими крестьянами: но он должен был быть уважаемым и в чем-то заслуженным человеком, обладал солидным возрастом и, видимо, достатком. Есть косвенные данные для предположения, что уже его отец Тимофей Васильев выделялся крепостью хозяйства среди братьев. Так, по данным книги 1665 г., Тимошка Васильев, обрабатывая свой тяглый жеребей в д. Калининской, пахал наездом еще в двух деревнях: Мырцовской и Никитинской, тогда как его братья – только в одной из них. Дмитрий Чураков не был единственным сыном Тимофея Васильева: на момент описаний 1709–1710 гг. были живы его старший брат Никита и младший Михаил, оба в д. Калининской.

Дмитрий Чураков решил перебраться от своей родни в опустевшую к тому времени д. Ефремовскую. Она запустела на протяжении второй половины XVII – начала XVIII века. Согласно описанию 1665 г. там было еще 5 дворов, то есть ее можно, как и д. Калининскую, считать в это время многодворной по меркам Кургоменской волости, где

во многих деревнях было по 1–2 двора. Во дворах жили: Пятко Васильев Орехов, Ивашка Иванов, Ивашка Васильев Зыков, Филка Аникеев и Пронка Васильев Чураков с сыновьями Панфилкой и Гаврилкой и подворником Елеской Григорьевым. Обратим внимание, что все крестьяне, кроме Пронки Чуракова, записаны одиночками, лишь у него была семья и дети. Это обстоятельство не могло не повлиять на будущее деревни. В 1678 г. там значилось 4 двора и 5 человек. Из новых обитателей появился Никон Зеновьев с сыновьями (в 1717 г. все они значились ушедшими в Сибирь), однако, нам не ясно, откуда и когда он появился в д. Ефремовской, как неизвестно, откуда явились Аврамко Миронов и Афонка Исаков. Из старых обитателей в 1678 г. значился только Филка Аникеев. Куда делись Пятко Васильев, Ивашка Иванов и Ивашка Зыков – неизвестно. Упомянут также пустой двор и тяглый жеребей «Петрошки Васильева» (очевидно, искаженное от «Прошки Васильева» (Чуракова), ошибка, перекочевавшая и в описание 1717 г.), ушедшего из деревни «от скудости» в 1676 г., «а жена ево и дети умре». Наездом в деревне пахал крестьянин д. Прокопьевской Лука Афанасьев. Итак, население д. Ефремовской на протяжении 12 лет изменилось, в отличие от д. Калининской, состав которой оставался устойчивым на протяжении многих десятилетий.

В 1709–1710 гг. в д. Ефремовской из 4 дворов убыло 3. Именно в этот момент там, в единственном жилом дворе, оказался записан ранее живший с отцом и братьями в д. Калининской Дмитрий Тимофеев Чураков 50 лет, а также его сын Василий 20 лет с пометой «увечен, глазами слеп». В деревне был записан пустой двор Петра Герасимова, неизвестного нам по предыдущим описаниям, погорелый двор Аврама Миронова, упомянутого в 1678 г. (сбрел от скудости «в ыные уезды» в 1706), пустой надел Луки Афанасьева (вероятно, сына известного по прежним описаниям Афонки Аникеева), двор умершей Стефаниды Аникеевой. По данным 1717 г. Филипп Аникеев, упомянутый в 1665 и 1678 г., ушел из деревни «от хлебной скудости», но неизвестно когда. Афанасий, Филипп и Стефанида Аникеевы, очевидно, были братьями и сестрой, но этот род в деревне прервался.

По данным 1717 г. Дмитрий Чураков с семьей жил во дворе Никона Зеновьева, известного по переписи 1678 г., приобретенном «по купчей». Кроме него в д. Ефремовской в 1717 г. жил бездетный Григорий Киприянов Конанов с женой и матерью. Он жил в старом дворе вдовы Степаниды Аникеевой, пустовавшем с 1709 г. и приобретенном также «по купчей». Правда, остается вопрос, у кого Григорий Киприянов Конанов мог купить этот двор, если вдова умерла, а ее сын «сшел для работы к Соли Камской»? Вместе с Григорием Конановым во дворе жили два бобыля, один из которых имел 2 сыновей. Итак, сотский Дмитрий Чураков купил пустой двор, вселился в д. Ефремовскую, через несколько лет там оказался еще один дворовладелец.

Однако интереснее всего то, как в 1717 г. был представлен состав семьи Дмитрия Тимофеева Чуракова: в его дворе вместе с ним был записан уже не увечный сын Василий (как в 1709 и 1710 г.), а сын Алексей 30 лет, имевший жену и сына Петра 4 лет. С ними во дворе жила также невестка, рекрутская жена «увечного» Василия по имени Федора Леонтьева и ее дочка. Василий был взят в рекруты в 1711 году. Кажется непонятным, во-первых, где был его брат Алексей в 1709 и 1710 гг. и почему не был включен в описание, и, во-вторых: почему в рекруты пошел младший по возрасту, женатый и «увечный» («слепой») Василий? Очевидно, старший сын, которому в 1717 г. оказалось 30 лет, следовательно, в 1709 г. должно было быть 23 года, просто был укрыт от переписи. Видимо, Дмитрий Тимофеев, будучи волостным старостой, спрятал от описания старшего здорового сына, второго же сына выставил больным (или же специально предъявил больного сына).

Вернемся теперь к отмеченной выше странности в описании д. Калининской в 1709 году. То, что Дмитрий Чураков стал сотским, главным лицом в волости, объясняет, как нам кажется, пропуск в 1709 г. его брата Никиты Тимофеева в д. Калининской. Никита Тимофеев не мог быть пропущен по ошибке, так как в описание был внесен его сын Михайло Никитин. Остается предположить, что по какой-то причине Никита Тимофеев или отсутствовал в деревне в 1709 г., или же был спрятан от переписи, а его брат Дмитрий Тимофе-

ев как начальник волости покрыл это, и, одновременно, в д. Ефремовской укрыл от описания своего старшего сына Алексея. В 1710 г., когда была объявлена новая перепись, по новым правилам, с более детальным указанием состава семьи, в том числе с указанием женщин, пришлось выставить к переписи Никиту Тимофеева в д. Калининской. Но Алексей Дмитриев в д. Ефремовской не был переписан и тогда. Это произошло лишь в 1717 г. во время ландратского описания, самой тщательной и подробной из всех переписей петровского времени. Дмитрий Тимофеев, видимо, уже не был в это время сотским старостой.

Как сотский Дмитрий Чураков упоминается в 1710 г. в «Книге збору денежных доходов в Важеском уезде с волостей с живущих дворов и с земель обежного числа» [10]. Он собирал и платил различные денежные подати с Кургоминской волости: «Военного приказа», «Адмиралтейского приказа на карабельное строение», «рекрутотом на жалованье», «Ямского приказа на наем подвод», «Дворцовой канцелярии на покупку конских кормов», «Ижерской канцелярии за ямскую гоньбу» (причем часть из них зачтена смолою, «которая поставлена в отпуск за море королевскому величеству Дацкому»); «с рыбных ловель оброк», «в банную канцелярию з бань». В копии книги записи рыбных ловель крестьян Важского уезда 1705 г. [9] сотским записан еще Иван Афанасьев. В 1677 г. такой крестьянин в Кургоменской волости не значился, можно лишь предположить (на основании отчества), что Иван Афанасьев был сыном Афонки Аникеева из д. Ефремовской. К 1709 г. сотским избрали Дмитрия Тимофеева Чуракова. Предположительно, Дмитрий Чураков отселился от остальной родни из д. Калининской в д. Ефремовскую после того, как стал сотским старостой. Но случайно ли он переселился именно туда? Напомним, что в 1665 г. в этой деревне жил его родной дядя Прошка Васильев Чураков. Дмитрий Тимофеев тогда еще не родился, но его брату Никитке было 9 лет. В момент ухода Прошки Васильева из д. Ефремовской Дмитрию Тимофееву должно было быть более 10 лет³, то есть он должен был хорошо помнить родственные связи своей семьи с этой деревней, в детстве, как мож-

но думать, ходил туда вместе с отцом, мог считать ее частью родственного владения.

Вернемся к истории с пропуском в 1709 г. Никиты Тимофеева Чуракова в д. Калининской. В 1717 г. он был обозначен как вдовец 65 лет (в 1665 г. записан 9 лет), имеющий сына Михайлу 46 лет (в 1709 г. тому было 27 лет), у которого были жена и сын. У них жил бо-быль Никита Гаврилов 50 лет с женой и дочерью. В этом же дворе (а не отдельно, как следовало по данным 1709 г.), оказывается, жил и младший брат Никиты Тимофеева Михаил с семьей. Таким образом, перед нами предстает крепкий и многонаселенный крестьянский двор, видимо, существовавший не один год.

Это подтверждается опросом населения, проводившимся в 1717 году. Прежним владельцем двора назван уже знакомый нам Козьма Терентьев, приходившийся Никите Тимофееву двоюродным братом. Если в 1709 г. о Козьме Терентьеве было записано, что он «сбрел безвестно» в 1704 г., а двор перешел его двоюродному племяннику Алексею Ульянову, то в 1717 г. выяснилось, что двор купил Никита Тимофеев. Следовательно, он приобрел его, скорее всего, у Алексея Ульянова, своего двоюродного брата, в период между описанием 1709 и 1710 годов. Во время описания 1709 г. сделка или уже произошла или готовилась. Мы сталкиваемся с фактом купли-продажи двора внутри родственного клана. Неизвестно, где жил Никита Тимофеев до 1709 года. Как старший сын он жил во дворе отца, и так записан в писцовой книге 1678 года. Но в 1717 г. в ходе опросов было выяснено, что Никита и Дмитрий Тимофеевы Чураковы после переписи 1678 г. из отцовского двора вышли и поселились один в д. Калининской, другой – в д. Ефремовской, но когда это произошло, не указано. То, что Никита Тимофеев был укрыт от описания, произошло, как можно предположить, не случайно. За несколько лет до того, в 1704 г., когда Дмитрий Тимофеев еще не был сотским, его и Никиты Тимофеева двоюродный брат Козьма Терентьев ушел из д. Калининской. Нечто, связанное с этим, в 1709 г., по-видимому, и было скрыто не без участия сотского. По данным 1709 г. Козьма Терентьев «сбрел безвестно», но в ландратской книге 1717 г. сказано, что он

«сшел в Сибирь», как за много лет до того сделал его родной брат Андриюшка. Можно высказать предположение, что эти два ухода как-то связаны: Терешка мог поддерживать связи с ушедшим в Сибирь братом и переселиться туда вслед за ним. Следовательно, в 1709 г. сотский Дмитрий Чураков фактически покрыл также уход своего двоюродного брата в Сибирь, что повлекло за собой необходимость вообще не упоминать о покупке в этот момент двора ушедшего крестьянина. Поэтому и покупатель (Никита Тимофеев) оказался вообще не записанным в книгу, а двор Терешки был обозначен как перешедший к Алексею Ульянову по родству. Таким образом, реальная картина оказалось существенным образом искажена, как и картина семейной жизни самого сотского старосты.

Обстоятельства покупки собственного двора в д. Ефремовской Дмитрий Тимофеев в 1709 и 1710 гг. также не раскрыл. И это не случайно. Опрос в 1717 г. показал: «А прежние в том дворе были и в переписных книгах написаны жителями, а имянно 186-го года Никон Зеновьев, у него два сына: Иван да Михайло. И после той переписки Никон и с детьми сошли в Сибирь все в давних летех. После их в тот двор от него по купчей поселился и владеет и в 710-м году написан, и ныне живет тое ж волости деревни Калининской крестьянин помянутой Дмитрей Тимофеев...» [6, с. 226]. Похоже на то, что Дмитрий Тимофеев, будучи в 1709 и 1710 гг. сотским старостой, скрыл также уход (неизвестно, когда точно имевший место, но после описания 1677/8 г.) в Сибирь Никона Зеновьева с сыновьями, как и то, что сам купил (непонятно, у кого: если у Никона, то должен был сделать это в момент ухода последнего) его двор в д. Ефремовской. Все это выяснилось в 1717 г., когда Дмитрий Тимофеев уже не был сотским старостой.

Итак, мы видим, что данные государственных описаний даже без привлечения актового материала дают возможность лучше понять некоторые стороны жизни крестьянских семей. Их сведения подтверждают известный факт, что во время переписей часть крестьян укрывалась от описания. Эти упущения были зафиксированы (но не во всех случаях!) в ходе составления ландратской книги 1717 года. Кроме того, давно предпо-

лагалось, что уход крестьян в Сибирь происходил на глазах мира и с его согласия. История с сотским Дмитрием Чураковым и его родней показывает, как именно это могло происходить и какую роль тут играло волостное начальство.

Возвращаясь к д. Калининской, отметим, что оказалось возможным проследить судьбу почти всех ее жителей с 1717 до 1745 года. Убыль населения в 1709–1710 гг. по сравнению с 1678 г. составила 15 душ мужского пола, все бобыльское население деревни исчезло, и только одна из старых семей, давно живших в этой деревне, не принадлежала к клану Чураковых. В петровское время население продолжали составлять наследники и потомки крестьян Чураковых, владевших дворами еще в момент предыдущих описаний. Остальные старые линии прервались, кроме линии Ивана Осипова. Таким образом, на протяжении более 60 лет в д. Калининской не появилось новых жителей, кроме крестьян, известных еще с середины XVII в., или их родственников.

В период между ландратской переписью 1717 г. и второй ревизией 1745 г. население д. Калининской существенно увеличилось. Потомство всех 4 братьев Васильевых Чураковых, известных с середины XVII в. (кроме Прошки Васильева), распространилось по разным деревням волости и продолжало населять более половины д. Калининской. Однако там появились и новые фамильные прозвища. Чураковы занимали 8 дворов, остальные жители – 7 дворов. Налицо был наплыв крестьян из других волостей Подвинской четверти: Осерецкой боярщины, Концгорской волости, Ростовской волости (в ревизских записях присутствует указание на то, откуда пришел каждый новый крестьянин). У пришельцев, которые появились в деревне в промежутке между 1-й (1718 г.) и 2-й (1745 г.) ревизиями, находим новые фамильные прозвища: Слинкины, Заколупины, Загваздины, Козицыны, Рашовы. Федор Иванов Спицын и Никифор Гаврилов Халилев отмечены как записанные в 1-ю перепись 1718 г., то есть относились к старым обитателям [8]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что Федор Иванов Спицын – это сын Ивана Осипова, бывший в описаниях 1709–1710 гг. 9 лет от роду, в 1717 г. – 14 лет, а в 1745 г. записан-

ный 57 лет. Таким образом, старый крестьянский род, издавна живущий в д. Калининской, к середине XVIII в. был записан с прозвищем Овцыны. Что касается Никифора Халилева, в 1717 г. во дворе Никиты Тимофеева Чуракова жил бобыль Никифор Гаврилов 50 лет. Вероятно, это и есть Никифор Гаврилов Халилев 79 лет, как сказано в переписи 1745 года. Таким образом, почти все крестьяне д. Калининской (как старые, так и новые обитатели) к середине XVIII в. получили фамильные прозвища.

К 1745 г. д. Ефремовская также разрослась – в ней была переписана 21 мужская душа. Основную роль играло потомство Дмитрия Чуракова: список жителей возглавлял Алексей Дмитриев сын Чураков 59 лет, его дети Петр 26-ти (в 1717 г. – 4 года) и более молодые Яков и Евмений. Следом в описании учтен Харитон Иванов сын Чураков 24 лет, сын, как помечено, умершего Ивана Гаврилова Чуракова (не упомянутого в 1717 г.), а также его братья Ануфрий Иванов 21 года и Иван 2 лет. Вероятно, что отцом упомянутых трех братьев был Иван Гаврилов, отмеченный в 1717 г. как перешедший из д. Калининской в д. Никитинскую, сын Гаврилы Иванова, внук Ивана Васильева Чуракова. Также в д. Ефремовской жил Сергей Иванов сын Чураков 42 лет и его сыновья Петр 21, Никифор 20-ти, Василей 17-ти, Дорофей 8-ми. Если возраст их отца указан верно, он должен был быть учтен во время переписи 1717 года. Однако обращение к переписным книгам 1709, 1710 и 1717 гг. не дает нам такого крестьянина. Единственный крестьянин под именем Сергей в 1717 г. – один из сыновей Домникии Кириловой из д. Самсоновской, вдовы Осипа Филипова. Другое отчество (Иванов, а не Осипов) можно объяснить, если допустить, что Сергей был сыном не Осипа, а предыдущего мужа Домникии из клана Чураковых. Правда, в 1717 г. по результатам расспросов крестьян было записано, что сыновья Домникии «сошли в Сибирь», но это могло быть ошибкой или сознательным искажением, по именам же сыновья Домникии в этом месте не названы.

В петровское время Чураковы, как мы видели, были уже не единственными крестьянами, представляющими большой клан и

имевшими фамильные прозвища в Кургомени. Продолжая обследование населения д. Ефремовской, мы обнаруживаем зарождение еще одного рода, сформировавшегося позже Чураковых. Он был представлен родственниками и потомками крестьян, обитавших в 1717 г. во дворе Григория Киприанова Конанова. Отмеченный в 1745 г. как записанный «в прежнюю перепись Сергеем» (то есть в 1718 г.) Семен Игнатъев сын Бурмагин 74 лет, это, несомненно, отмеченный во время ландратского описания 1717 г. 50-летний бобыль Семен Игнатъев. Тогда он был обозначен без прозвища, но оно было записано в 1745 г. – Бурмагин. Это первый из Бурмагиных – в дальнейшем известной в Кургоминской волости фамилии, дожившей до настоящего времени. Алексей Киприанов сын Конанов 66 лет (видимо, брат бобыля Григория Киприанова Конанова) был записан в 1717 г. с примечанием, что после 1710 г. поселился «по купчей» в один из пустых дворов. А записанный в 1745 г. «отданного в рекруты Кондратъя Семенова сына» сын Петр 12 лет также был связан со старыми обитателями этого двора. Вероятно, Кондратий Семенов – это записанный в 1717 г. Конаном Семеновым 3-летний сын бобыля Семена Игнатъева, жившего тогда на дворе Григория Киприанова Конанова. Обратим внимание на то, что у 12-летнего Петра не было в 1745 г. проставлено, в отличие от его деда, жившего в той же деревне, фамильного прозвища Бурмагин. Возможно, прозвище тогда было еще неустойчивым. Петр, после того как отца взяли в рекруты, видимо, жил на дворе с матерью, во всяком случае, дед был записан отдельно от них, и определить их родство между собой стало возможным лишь при сравнительном исследовании материалов 1745 г. и ландратского описания 1717 года. В отношении Семена Игнатъева в 1745 г. перед нами рисуется та же картина, что и в случае со Спицыным и Халилевым в д. Калининской: крестьяне, не имевшие фамильных прозвищ (или не указавшие их) в XVII – начале XVIII в., теперь их получили.

Итак, значительная часть крестьян д. Ефремовской в 1745 г. были потомками прежних ее обитателей, в основном Чураковых. В случае с Бурмагиным старый род обрел фамильное прозвище. В промежутке между

1718 и 1745 гг. в д. Ефремовскую вселились крестьяне с новыми фамильными прозвищами и своей историей, как и в д. Калининскую. Но в отличие от последней, крестьяне пришли в д. Ефремовскую не извне волости, а из других деревень Кургомени, и составляли небольшую часть жителей: занимали всего 2 двора. Поселившийся из д. Что была новинка Бетова Иван Михайлов сын Зыков 36-ти лет, а также его младший брат Иван были обозначены как дети «Михея Еремеева». Поскольку в 1717 г. такой крестьянин в описаниях не обнаруживается, остается предположить, что он поселился в д. Новинки между 1717 (ландратская перепись) и 1718 г. (1-я ревизия). С фамильным прозвищем записан в 1745 г. и переселившийся из д. Гавриловской Иван Афанасьев сын Валов 36 лет с сыновьями Осипом 12-ти, Никифором 4-х и годовалым Филиппом. Видимо, Иван был сыном Афанасия Артемьева, жившего в петровское время в д. Гавриловской.

Чтобы проследить зарождение Валовых, рода, обитавшего впоследствии во многих деревнях Кургоминской волости, обратимся к материалу описаний д. Гавриловской. В 1665 г. в д. Гавриловской дворами владели: Демидко Тимофеев с сыновьями, одинокий Ивашко Семенов, его брат Оферко, вдова Антонина Андреева дочь с сыном. В деревне пустовал тяглый жеребей Терешки Карпова, перешедший по купчей Ивашке Семенову. Наездом пахали землю Карпушка Никитин и Федка Иванов из д. Артемовской. В 1677 г. в д. Гавриловской сохранялись 4 двора, в которых жило 8 лиц мужского пола. Артемий Карпов с сыном Афанасием – сын Карпушки Никитина из д. Артемовской, брат хозяина пустого в 1665 г. двора Терешки Карпова. Видимо, родня вселилась в его двор, перебравшись из д. Артемовской, крестьяне которой давно пахали в д. Гавриловской наездом. Двором владели также Лучка Карпов, вероятно, еще один брат Артемия Карпова. В д. Артемовской остался Исак Карпов, взятый в солдаты. Именно тогда Герасим Ермолин из д. Гавриловской перешел на жительство в д. Артемовскую, в бывший двор Исачки Карпова.

Перед нами предстает устойчивый клан крестьян из д. Гавриловской и соседней с ней д. Артемовской, соединенных родственными

связями. В петровское время в д. Гавриловскую собрался весь род Карповых, детей и внуков Карпушки Никитина из д. Артемовской: Афанасий Артемьев 40 лет и его брат хромой Иван 20 лет и даже Исак Карпов, вернувшийся со службы и впоследствии «съехавший в Сибирь», очевидно, вслед за сыновьями. Его брат Лука Карпов покинул двор и жил с семьей у племянника Афанасия Артемьева «за хлебною и всякою скудостью». Другие же линии крестьян в этой деревне прервались. В 1745 г. у всех восьми крестьян д. Гавриловской появилось новое фамильное прозвище Валовы. Так, в 1745 г. упомянут Иван Артемьев сын Валов 67 лет, Никита Афанасьев сын Валов 30 лет, несомненно, сын Афанасия Артемьева, Федор Лукин сын Валов 69 лет и его сыновья. Кроме них в деревне жили «умершего Якова Валова дети». Мы знаем, что у Исачки Карпова было два сына по имени Яков, которые позднее ушли в Сибирь. Вероятно, кто-то из них был тем Яковом Валовым, который нас интересует. Тогда следует предположить, что он вернулся в Кургомень после 1717 года.

Результаты. Нами обследованы четыре деревни Кургоминской волости, прослежены судьбы их жителей на протяжении 80 лет. Оказалось возможным, за несколькими исключениями, проследить генеалогию всех крестьянских семей, установить родственные связи между крестьянами, внутри деревни, и их родство с жителями соседних деревень. Сплошное сравнительное исследование сохранившихся описаний позволило сделать вывод о высокой степени репрезентативности использованных материалов по Кургомени. В литературе уже в начале XX в. возникло критическое отношение к достоверности материалов государственных переписей, в частности, описания 1710 г., хотя оно стало меняться в 1970-х годах [6, с. 167–180]. Наше исследование показало, что данные по Кургомени 1665, 1678, 1709, 1710, 1717 и 1745 гг., за отмеченными исключениями, не противоречат друг другу, отражают реальную численность населения и состав крестьянских дворов.

Тем не менее мы обнаружили случаи, видимо, сознательного укрывательства сотским старостой Дмитрием Чураковым своего сына от переписи в 1709 и 1710 гг. и брата

в 1709 г., которые были выявлены при сравнении с переписью 1717 года. В 1709 г. Дмитрий Чураков предположительно покрыл также уход в Сибирь своего двоюродного брата и еще одного из соседей, поскольку такие действия не могли происходить в тайне от мира и волостного начальства.

В каждой из обследованных деревень были выявлены одна или несколько крепких родственных групп, члены которых поддерживали друг друга на протяжении длительного времени, стремились сойтись на жительство в одну деревню, брали к себе на двор престарелых или обнищавших родственников, помогали скрыть в некоторых случаях от описания нуждавшихся членов рода. В некоторых случаях материал позволяет судить о предполагаемой мотивации переселения крестьян из одной деревни в другую. Петровская эпоха нанесла по северным крестьянам жестокий удар. Смогли оправиться от него и выжить в основном именно сильные родственные группы, тогда как одиночные семьи, как можно судить по нашему материалу, начала XVIII в. не пережили.

Можно выявить определенные этапы в развитии изучаемых кланов. В исследованных случаях в начале их представители были сосредоточены по соседним деревням (в случае Чураковых – д. Калининская, Мырцовская, Ефремовская, в случае Бурмагиных – Ефремовская, в случае Валовых – Ефремовская, Гавриловская и Артемовская). Если позже (несмотря на уход крестьян в Сибирь, взятие их на государственных работы или смертность) род выживал, происходила его консолидация и схождение родственников на какой-то промежуток времени для жительства в одну или две близлежащие деревни. При этом те места, которые члены сильного клана покидали, часто приходили в упадок и исчезали. Жизнь поблизости друг от друга, видимо, помогала родственникам выжить и приводила к увеличению их численности. После этого наступал новый этап, когда сильный крестьянский род начинал более широко расселяться в пределах волости, его представители появлялись сразу во многих деревнях. В истории родов Чураковых, Бурмагиных и Валовых этот момент зафиксирован переписью 1745 г., а также описаниями более позднего времени, вплоть до начала XX века.

Сплошное исследование состава тех поселений Кургомени, которые не исчезли за рассматриваемый период, показывает, как правило, довольно высокую стабильность состава северной деревни. Выжившее и оставшееся на месте (не обнищавшее и не ушедшее в Сибирь) население на протяжении нескольких десятилетий состояло преимущественно из потомков лиц, известных еще с середины XVII в. (или их родственников). Единственным исключением был момент между первой и второй ревизиями, когда в некоторых деревнях волости вдруг появились пришлые из других волостей крестьяне, но это должно стать темой отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации в форме субсидий, проект № 075-15-2020-786 «История письма Европейской цивилизации».

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies as part of Project No. 075-15-2020-786 “History of Writing in European Civilization”.

² Описание 1710 г. было первым, когда учитывались женщины, как и в ходе описания 1717 года. Но они вновь не были учтены во время 2-й ревизии 1745 года.

³ Нужно постоянно учитывать неточность приводимых крестьянами данных о своем возрасте. Так, Дмитрий не упомянут среди сыновей Тимофея Васильева в 1665 г., следовательно, родился позже, но через 12 лет в 1677 г. обозначен уже 15 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная история северо-запада России XVII века. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. – 231 с.

2. Богословский, М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. / М. М. Богословский. – М. : Издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1909–1912. – Т. 1. – 321 с.

3. Васильев, Ю. С. Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI – первой половины XVII века : каталог / Ю. С. Васильев // Важский край: источниковедение, история,

культура: материалы и исследования. Вып. 3. – Вельск : Вельский краеведческий музей, 2006. – С. 135–156.

4. Вовина-Лебедева, В. Г. «Жена его вышла замуж...»: к вопросу о судьбах солдатских жен в XVII веке / В. Г. Вовина-Лебедева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 44–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.4>

5. Вовина-Лебедева, В. Г. «Съехали в Сибирь...»: Кургомнская волость в петровское время / В. Г. Вовина-Лебедева // Азиатская Россия: люди и структуры империи. – Омск : Полиграфический центр КАН, 2016. – С. 119–125.

6. Вовина-Лебедева, В. Г. Дворцовая волость Русского Севера в 1700-х годах / В. Г. Вовина-Лебедева // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. : сб. ст. к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского. Тр. СПбИИ РАН. Вып. 4 (20). – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 166–247.

7. Вовина-Лебедева, В. Г. Деревня Калининская Кургомнской волости в XVII–XVIII вв. / В. Г. Вовина-Лебедева // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 4. – С. 75–94.

8. Именная ведомость жителей волостей Подвинской четверти. Т. 1. 1745 // Государственный архив Архангельской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 3529. – Л. 241–271.

9. Книга записи рыбных ловель Важского уезда // Архив СПбИИ РАН. – Ф. 115. – Д. 313. – Л. 105–106 об.

10. Книга сбора денежных доходов в Важском уезде с волостей с живущих дворов и с земель бежного числа. 1710 // Архив СПбИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 34. – Л. 56–61.

11. Колесников, П. А. Северная Русь : Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. / П. А. Колесников. – Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т. Сев. отд-ние Археогр. комиссии АН СССР, 1971. – 208 с.

12. Копанев, А. И. Крестьянство Русского Севера в XVII в. / А. И. Копанев. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – 228 с.

13. Копия переписной тягольно-солдатской книги Важского уезда 1665 г. // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 115. – Д. 309. – Л. 402–411.

14. Копия переписной книги Подвинской четверти Важского уезда 1677/1678 г. письма Б.В. Яковлева и А. Карпова // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 115. – Д. 306. – Л. 144–160.

15. Швейковская, Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире : Северная деревня конца XVI – начала XVIII века / Е. Н. Швейковская. – М. : Индрик, 2012. – 368 с.

1. *Agrarnaya istoriya severo-zapada Rossii XVII veka* [Agrarian History of the North-West of Russia in the 17th Century]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1989. 231 p.

2. Bogoslovskij M.M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v.* [Zemstva in the Russian North in the 17th Century]. Moscow, Izdanie Imp. o-va istorii i drevnostej rossijskikh pri Mosk. un-te, 1909–1912, vol. 1. 321 p.

3. Vasilyev Yu.S. *Materialy piscovogo deloproizvodstva po Vazhskomu uezdu XVI – pervoj poloviny XVII veka: katalog* [The Materials of the Cadastres Records in Vazhskiy Uyezd of the 16th – First Half of the 17th Century. Catalog]. *Vazhskij kraj: istochnikovedenie, istoriya, kultura: materialy i issledovaniya* [Vazhsky Region: Source Study, History, Culture: Materials and Research], iss. 3. Velsk, Velskij kraevedcheskij muzej, 2006, pp. 135–156.

4. Vovina-Lebedeva V.G. «Zhena ego vyshla zamuzh...»: k voprosu o sudbah soldatskih zhen v XVII veke [“His Wife has Married”: To the Problem of the Fate of Soldiers’ Wives in the 17th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 44–58. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.4>

5. Vovina-Lebedeva V.G. «Syekhali v Sibir...»: Kurgomenskaya volost v petrovskoe vremya [Moved to Siberia: Kurgomenskaya Volost in the Peter’s the Great Time]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Russia: People and Empire]. Омск, Poligraficheskij centr KAN, 2016, pp. 119–125.

6. Vovina-Lebedeva V.G. *Dvortsovaya volost Russkogo Severa v 1700-h godah* [A Palace Volost of the Russian North in the 1700s]. *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shveciya v XVII–XVIII vv.: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Igorya Pavlovicha Shaskolskogo. Tr. SPbII RAN* [Novgorod Land, Saint Petersburg and Sweden in the 17th – 18th Centuries. Collection of Articles for the 100th Anniversary of Igor Pavlovich Shaskolsky. Proceedings of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], iss. 4 (20). Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 166–247.

7. Vovina-Lebedeva V. G. *Derevnya Kalininskaya Kurgomenskoj volosti v XVII–XVIII v.* [Kalininskaya Village, Kurgomenskaya Volost in the 17th–18th Centuries]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 4, pp. 75–94.

8. *Imennaya vedomost zhitel'ej volostej Podvinskoj chetverti. T. 1. 1745* [The Nominal List of Residents of the Volosts of the Podvinskaja Quarter.

Vol. 1. 1745]. *Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti* [State Archive of the Arkhangelsk Region], f. 1, inv. 1, vol. 3, d. 3529, l. 241-271.

9. Книга zapisi rybnyh lovel Vazhskogo uezda [Recording Book of Fish Catchers in Vazhsky Uyezd]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 115, d. 313, l. 105-106 r.

10. Книга sboru denezhnyh dohodov v Vazhskom uезде s volostej s zhivushchih dvorov i s zemel obezhnogo chisla. 1710 [The Book of Collection of Revenues in Vazhsky Uyezd from Volosts from Living Yards and from Lands of Obezheny Number. 1710]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 10, inv. 3, d. 34, l. 56-61.

11. Kolesnikov P. A. *Severnaya Rus: Arhivnye istochniki po istorii krestyanstva i selskogo hozyajstva XVII v.* [Northern Russia: Archival Sources on the History of the Peasantry and Agriculture of the 17th Cent.]. Vologda, Vologod. gos. ped. in-t. Sev. otd. nie Arheogr. komissii AN SSSR, 1971. 208 p.

12. Kopanev A.I. *Krestyanstvo Russkogo Severa v XVII v.* [The Peasantry of the Russian North in the 17th Cent.]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 228 p.

13. Kопiya perepisnoj tyagolno-soldatskoj knigi Vazhskogo uezda 1665 g. [The Copy of the Book on Taxes and Soldiers of 1665 in Vazhsky Uyezd]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], kol. 115, d. 309, l. 402-411.

14. Kопiya perepisnoj knigi Podvinskoj chetverti Vazhskogo uezda 1677/1678 g. pisma B.V. Yakovleva i A. Karpova [The Copy of the Census Book of the Podvinskaja Quarter of the Vazhsky Uyezd of 1677/1678 by B.V. Yakovlev and A. Karpov]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], kol. 115, d. 306, l. 144-160.

15. Shvejkovskaya E.N. *Russkij krestyanin v dome i mire: Severnaya derevnya konca XVI – nachala XVIII veka* [Russian Peasant at Home and in the World: Northern Village of the Late 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 368 p.

Information About the Author

Varvara G. Vovina-Lebedeva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

Информация об авторе

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.8>

UDC 334.7
LBC 63.52

Submitted: 15.03.2022
Accepted: 07.08.2022

THE ORGANIZATION OF FISHING AND HUNTING CRAFTS AMONG THE RUSSIAN POPULATION OF THE DON AND LOWER VOLGA AREA: ITS ARTEL ROOTS¹

Marina A. Ryblova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article reveals the peculiarities of the organization of fishing and hunting among the Russian population of the Lower Volga region and the Don in the 18th – 19th centuries, which were associated with the artel (collectivist) beginning. The author shows that the general principles of the organization of male fishing artels of fishermen and hunters find direct analogies with the organizational principles characteristic of archaic male, including military, traditions, for example, for the Cossack communities of the Don and Volga in the early period of their history. *Methods and materials.* The study was carried out on the basis of data from the periodical press of the 19th century, archival and field materials, reflecting both the fishing activities of the Russian population of the region and the forms of self-organization of the Don Cossacks in the early period of their history. This made it possible to conduct a historical and cultural comparison and identify common or similar norms and principles associated with archaic social institutions. *Analysis.* Conducting a comparative analysis, the author discovers that these similarities manifest themselves in the traditions of the free seizure of territories and ideas about their land and the common share, in the electability of the leaders of the artels, other officials and the presence of general meetings of its members, in the ways of dividing the loot, in the presence of unwritten law, rituals, prohibitions and regulations. *Results* Many of these principles and norms are opposed to those that were typical, for example, for agricultural communities, demonstrating a connection with such categories as “strength”, “luck”, “competitiveness” on the one hand, and the denial of equality in work and the division of production, on the other. Contrasted with those that were typical, for example, for agricultural communities, demonstrating a connection with such categories as “strength”, “luck”, “competitiveness” on the one hand, and the denial of equality in work and the division of prey, on the other. Russian colonization of the Don and the Lower Volga area, starting from the 16th century, was carried out mainly by free Cossacks (also engaged in hunting and fishing), and later – by the Russian commercial population. The formation of neighboring land communities in the region began much later (from the beginning of the 18th century). There is reason to assert that the people’s “Cossacks” and artel principles were subsequently periodically revived at a later time in the fishing activities of the male part of the population, consolidating in the public consciousness strong stereotypes of survival in extreme living conditions based on deep social and cultural archaism. The actual folk forms of self-organization existed along with official structures, representing a deep layer of social life, some elements of which survived until the end of the 20th century.

Key words: hunting and fishing, archaic principles of the organization of crafts, the artel principle, the idea of one’s territory and share, rituals and customary law in fishing artels.

Citation. Ryblova M.A. The Organization of Fishing and Hunting Crafts Among the Russian Population of the Don and Lower Volga Area: Its Artel Roots. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 108-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.8>

АРТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО В ОРГАНИЗАЦИИ РЫБОЛОВНОГО И ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛОВ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНА И НИЖНЕЙ ВОЛГИ¹

Марина Александровна Рыблова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье выявляются особенности организации рыболовного и охотничьего промыслов у русского населения Нижнего Поволжья и Дона в XVIII–XIX вв., связанных с артельным (коллективистским) началом. Автор показывает, что общие принципы организации мужских промысловых артелей рыбаков и охотников находят прямые аналогии с организационными принципами, характерными для архаичных мужских, в том числе воинских, традиций, например, для казачьих сообществ Дона и Волги в ранний период их истории. Проводя сравнительный анализ, автор обнаруживает, что эти сходства проявляются в традициях вольного захвата территорий и представлениях о «своей» земле и «общей доле», в выборности предводителей артелей, других должностных лиц и наличии общих собраний ее членов, в способах дележа добычи, в наличии норм неписанного права, обрядах, запретах и предписаниях. Многие из этих принципов и норм оказываются противопоставленными тем, что были характерны, например, для земледельческих общин, демонстрируя связь с такими категориями, как «сила», «удачливость», «состязательность» с одной стороны, и отрицание равенства в распределении работы и разделе добычи, с другой. Учитывая то обстоятельство, что колонизация русскими Дона и Нижнего Поволжья начиная с XVI в. осуществлялась преимущественно вольными казаками (занимавшимися также охотой и рыболовством), а позднее – русским промысловым населением, а формирование в регионе соседских поземельных общин началось гораздо позднее (с начала XVIII в.), есть основание утверждать, что народные принципы «казакования» и артельного начала, положенные в основу колонизации региона, впоследствии периодически возрождались в более позднее время в промысловой деятельности мужской части населения, закрепляя в общественном сознании прочные стереотипы выживания в экстремальных условиях жизни с опорой на глубокую социальную и культурную архаику. Собственно народные формы самоорганизации существовали наряду с официальными структурами, представляя собой глубинный пласт социальной жизни, отдельные элементы которого дожили до конца XX века.

Ключевые слова: охотничий и рыболовный промыслы, архаичные принципы организации промыслов, артельное начало, представление о своей территории и доле, обряды и обычное право в промысловых артелях.

Цитирование. Рыблова М. А. Артельное начало в организации рыболовного и охотничьего промыслов у русского населения Дона и Нижней Волги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 108–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.8>

Введение. Охота и рыболовство как виды промысловой деятельности русского населения Нижней Волги и Дона в связи с их артельной организацией нашли отражение в нескольких кандидатских диссертациях [1; 11; 21], а также в статьях, в том числе помещенных в «Этнографической энциклопедии Волгоградской области» [34, с. 79–89, 273–274; 35; 37]. При этом детальный анализ способов организации этих промыслов представлен лишь в одной из работ – в исследовании В.В. Когитина, кото-

рый выделил основные типы артелей рыбаков и охотников Нижнего Поволжья в середине XIX – начале XX в., основываясь на принципах имущественных отношений и способах раздела добычи [11, с. 10, 14]. В то же время многие аспекты именно артельного начала в организации промысловой деятельности населения региона остаются до сих пор не исследованными.

Между тем такое исследование позволило бы не только выявить региональную спе-

цифику промысловой организации в регионе, но и расширить наши представления о народных формах самоорганизации, а также соотнести их с характерными для этого региона традициями «казакования», на архаичные истоки которого уже указывали многие ученые [7; 17; 23]. Собственно, в этом и состояла авторская гипотеза, сформулированная перед началом этого исследования: и ранние мужские военизированные казачьи сообщества, и мужские артели промысловиков, занимавшиеся охотой и рыбной ловлей, в своих организационных формах вполне могли опираться на одни и те же архаичные социокультурные нормы, связанные с ситуациями ухода мужчин за пределы домашней жизни и необходимостью самоорганизации в условиях социальной аномии Дикого поля – реального и символического.

Актуальность такого исследования обусловлена как недостаточной степенью изученности именно промысловой деятельности населения Нижней Волги и Дона (при значительных научных наработках в области казаковедения), так и тем обстоятельством, что и в современных условиях жизни при возникновении экстремальных ситуаций отдельные социальные группы нередко начинают использовать весьма архаичные принципы организации, на что уже неоднократно обращали внимание этнографы и культурологи, например, при изучении российской армии, «зоны», браконьерских сообществ и других «экстремальных групп».

Методы и материалы. Исследование осуществлено на основе данных периодической печати XIX в., архивных и полевых материалов, отражающих как промысловую деятельность русского населения региона, так и формы самоорганизации донских казаков в ранний период их истории, что позволило провести историко-культурное сравнение и выявить общие или сходные нормы и принципы, связанные, в свою очередь, с архаичными социальными институтами.

Анализ. *Артели рыбаков и охотников Нижней Волги и Дона: общие принципы организации.* Рыболовством и охотой население Дона и Нижней Волги занималось с самого начала освоения этого региона (донские казаки с XVI в., русское промысловое насе-

ление – с XVII–XVIII вв.), однако значительную роль в хозяйстве промыслы приобрели лишь в отдельных зонах: рыболовство – на Волге (включая степное Заволжье), в низовьях Дона и на Каспийском море; охота – в среднем течении Дона (на лесных и степных зверей); в приволжских землях, в степных и полупустынных зонах Заволжья (на степных зверей и птиц). В водах Каспийского моря (на островах) получил распространение промысел по добыче тюленей.

Членов рыболовецких артелей на Волге называли *ловцáми*, организованных охотников – *промьшленниками* (на Волге) и *гулбщиками* (на Дону). При этом и рыболовы, и охотники делились на группы, каждая имела название в зависимости от того, какой вид птиц, рыб или зверей промышляла, а также от используемых орудий лова / охоты. Так, среди рыболовов выделялись: *плáвучи* (использовавшие плавные сети), *неводчики* (ловившие рыбу неводами), *эмбёнцы* (морские рыболовы, промышлявшие красной рыбой); среди охотников – *суслýтники*, *сúровщики*, *кабáнщики*, а также *полотнýтники* (охотившиеся на фазанов и куропаток с помощью полотна) и др. Промысловики, занимавшиеся боем тюленей в Каспии, назывались *тюлénщиками* / *бойцáми*. При этом выделялись тюленщики, которые осуществляли промысел в течение всего года (*зимóвичи*) и весной (*вёсниччи* или *гáгиччи*). Столь дробная специализация, стоящая за этими и другими терминами, свидетельствует о высоком уровне развития промыслового хозяйства в регионе в до-революционное время, а также о развитости ее артельных форм.

Артели рыболовов и охотников, как правило, формировались на сезон. При этом (по классификации В.В. Когитина) выделялись три их основных типа. Артели первого типа формировались на принципе относительного равноправия всех членов (*склáдчина*); второго – отличались наличием *хозяина* – владельца промысловой кооперации или арендатора вод; при этом рыбаки, заключавшие с ним договор, имели свои лодки, снасти и получали значительную прибыль. Для артелей третьего типа была характерна полная зависимость артельщиков от «хозяев», бывших владельцами основных орудий лова и охоты, а также

билетов, дающих право осуществлять промысел. Артели первого типа преобладали у рыбаков дельты Волги (а также у бурлаков); у донских казаков среди охотников-гулебщиков, а также у полотняников, кабанщиков и сусятников Нижней Волги. У астраханских казаков, а также у охотников на птиц (*душегубов*) и суровщиков преобладали артели второго типа (имели «хозяина», в зависимости от которого находились остальные члены артели). Артели третьего типа стали все более распространяться в Нижнем Поволжье по мере капитализации промыслов [11, с. 14].

Для нижневолжских рыбных промыслов была характерна и более сложная организационная система. При больших масштабах промысла несколько артелей объединялись в *стан* – в летнее время и в *кош* – в зимнее. Из числа всех, вступивших в объединение артельщиков, выбирался старшина (*кошевой*), которому все подчинялись беспрекословно [18, с. 93]. Становая и кошевая системы организации промыслов находят аналогии в казачьей и в целом в архаичных воинских традициях. Так, объединение в станы (*станыцы*) нескольких воинских артелей (*односумств*) было распространено у донских казаков в ранний период их истории и связано с понятием общей суммы для хранения артельного имущества. Кошевую систему имела организация войска у запорожских казаков. Первичные ячейки у них назывались *казанями* (соответствующие донским артелям-суммам), которые объединялись в «кош». «Кос» («кош») был также основной структурной единицей казахского ополчения, соотносимого в свою очередь с десяткой монгольского войска. Кос – это группа людей, питающихся из одного котла; человек, ответственный за приготовление и распределение пищи в косе, назывался *казанши* (букв. – распорядитель котла) [31, с. 80]. «Котлами» назывались у кавказских горцев подразделения военного отряда, члены которых были односельчанами [9, с. 122]. Таким образом, во всех перечисленных терминах, обозначающих принципы организации казачьих войск или промысловых объединений, фиксируется связь с понятием общего имущества-добычи. В свою очередь, сакрализация общего котла и суммы была связана с представлениями о них, как о символах об-

щей доли членов воинской или промысловой артели. Впрочем, к обоснованию значимости этой (важнейшей в русской народной традиции) категории для промысловиков Дона и Волги мы еще обратимся далее.

Иногда на короткое время две рыбацкие артели на Нижней Волге могли объединиться в *связку*. Этот термин указывает на такую норму, как созависимость всех ее членов, обязательное соответствие общественным нормам и принципам ее организации (зачастую – очень жестким). Часто в договорах с хозяином каждый член артели поручался за остальных товарищей: «если кто у них противно заключенному договору поступать будет, обязуются все отвечать за его преступления» [20, л. 2].

Обычно при организации рыболовного и охотничьего промыслов строго регулировались сроки начала охотничьего сезона. Так, ни одна из артелей тюленщиков не имела права начинать охоту до 13 апреля. За нарушение этого правила добыча провинившихся отбиралась и распределялась между прочими артелями [19]. Наем «на суслики» (сусятников) начинался с 1 марта («об Евдокии»), а заканчивались работы по истреблению грызунов «на Петров день» (29 июня) [28]. За этими и другими временными ограничениями стоял общий принцип соблюдения равенства прав всех участников промысла, а также представления о том, что природные ресурсы являются общими.

Народные принципы формирования территории промыслов. По мере развития промысловой деятельности населения Дона и Нижней Волги самые разные акторы (правительство, частные владельцы земель и вод) принимали активное участие в распределении зон этих промыслов и выработке правил их использования, однако параллельно существовали и воплощались на практике и собственно народные принципы формирования промысловых территорий, а также особые представления о «своей» земле. Так, на Нижней Волге в «вольных тюленьих водах» существовала практика захвата островов: в течение всего сезона какой-нибудь остров принадлежал той артели, которая «захватила» его первой. Закончив бой тюленя, артельщики оставляли на острове «караульщика», обязанностью кото-

рого было наблюдать за чистотой и не допускать на остров другие артели [16]. «Метку» своей территории практиковали и артели нижневолжских охотников: лисятники и выхухлятники недалеко от нор ставили особые знаки, а суровщики нанимали караульщиков для охраны своих территорий [6, с. 57; 2].

Вольный захват промысловой территории был характерен и для занимавшихся морским промыслом поморов Русского Севера в тот период, когда существовало изобилие незанятых промысловых участков. Захваченные промысловые участки поморы отмечали особым способом, например, *вытѣшивали* (вырубали пешней прорубь), *стáвили вѣхи* (втыкали палки, молодые деревца) или просто бросали на лед лопату, пешню, одежду, невод [3, с. 137]. Т.А. Бернштам считала эту традицию вольного захвата угодий важнейшей архаичной чертой севернорусской поморской общины и находила ее аналогии в земледельческих практиках населения Русского Севера, Урала и Сибири [3, с. 134]. Представляется возможным сделать уточнение: архаичные мужские практики захвата и освоения вольных земель со временем стали использоваться земледельческими общинами. Вообще отмечу, что традиция «метки территории» мужскими сообществами, находящимися за пределами «домашней зоны», является древней практикой и зафиксирована, как в фольклоре, так и в этнографических реалиях. Так, тюрко-монгольские народы для этой цели использовали вертикально поставленный шест с петлей (*урга*). У туркмен был распространен обычай втыкать в землю пику с навешенной тряпкой как знак готовности к военному набегу [4, с. 19]. Посохом с подвешенной на нем сумой «метили» свою территорию калики – добрые молодцы из русских былин, собираясь на «сход» [24, с. 15].

Принцип вольного захвата земельных угодий отмечен и у донских казаков в ранний период их истории, когда осваиваемые ими земли были «дикими», а на территории Донского войска существовал строгий запрет на земледелие. Именно «ничейная», вольная земля (в которую не вложен ни чей труд) почиталась казаками как Божья. «Застолбить» ее можно было разными способами, но преобладали среди них специфические – воинские, свя-

занные с демонстрацией молодецкой удали. Так, при межстаничных разделах земель «полагались на молодца, называемого “общей правдой”, который должен был плыть на коне с одного берега Дона на другой: “где выплывет, там и назначали рубеж”» [10, с. 10]. Еще больше ловкости и силы нужно было проявить при разделе сенокосных лугов: в некоторых станицах устраивались своеобразные «сенокосные скачки»: «кто в известное число секунд, что успел обскакать, сколько ему хотелось сенокосного поля, то он и считает своим, то он и обкашивает» [14, с. 9]. И лишь по мере сокращения земельных угодий казаки переходили от вольнозахватного к уравнительному переделу земель.

Организация внутренней жизни промысловых артелей. Внутренняя жизнь промысловых артелей также во многом соответствовала принципам организации мужских сообществ, находящихся за пределами домашней зоны, тех же воинских казачьих. Совпадает и система терминов, отражающих основные принципы таких организаций. Как и у казаков, у артельщиков-промысловиков существовали такие понятия, как *атаман*, *круг*, *дуван* и др. *Атамáном* назывался глава артели, который избирался из числа самых опытных и удачливых промысловиков. По свидетельству исследователей рыболовецких артелей на Каспии, атаман держал «своих подчиненных в полном страхе и в самой строгой дисциплине»; его решения были «безапелляционны», и каждый член артели выполнял их «без тени прекословия» [16]. Атаман распоряжался всеми работами, следил за порядком, мирил поссорившихся, наказывал виновных, отчитывался перед хозяином. В некоторых случаях он освобождался от определенных работ (например, от разделки туш), получая при этом свою долю. В исключительных случаях для принятия какого-либо ответственного решения собирался круг из числа самых опытных промысловиков [16]. *Завóдчиком* или *атамáном* (определявшим ход работ и следившим за порядком) назывался выбираемый рыбаками Нижнего Дона глава их ватаги.

Охотничьими ватагами, собиравшимися на Дону для охоты на волков или сайгаков в XIX в., руководил специально избираемый на это время *ватáжный атамáн* – из числа

опытных стариков или урядников [35]. При этом «ватажный» атаман обнаруживает сходство (по статусу и властным полномочиям) с «походным» атаманом, которого выбирали донские казаки на время воинского мероприятия (то есть в экстремальных условиях) и которому подчинялись также безоговорочно, в отличие от атамана станичного или наказного [30, с. 283].

Внутренняя структура промысловых артелей предполагала также наличие иерархии с выделением «неполноценных» их членов. Так, в артели тюленщиков иногда нанимались рабочие, выполнявшие за определенную плату «черную работу», которой признавалась гребля на веслах, засолка тюленьих шкур и пр. Каждый рыболов-артельщик имел помощника – *кебѣнщика*, который занимался ремонтом орудий лова, получая за это строго оговоренную и фиксированную плату [33]. По сути, ни чернорабочие, ни кебенщики не являлись членами артелей, не имели права голоса, права на долю добычи и пр. На рыбных ловлях в низовьях Дона также практиковался наем казаками-рыбаками чернорабочих из среды малороссов [26, с. 57]. Интересно, что и в казачьей воинской среде (в Смутное время) зафиксирована категория *чурѳв*, состоявших при опытных казаках и представлявших собой нечто среднее между оруженосцем и слугой [26, с. 137]. Среди донских казаков также были широко распространены представления о таких видах работы, которые «не достойны казака». В случаях неизбежности их выполнения прибегали к найму лиц, не являющихся членами казачьих сообществ [12, с. 17].

В рамках отдельных промысловых артелей регламентировались условия труда и отдыха. Во время промысла никто не имел права ни под каким предлогом отлучаться из артели. У эмбенцев во время зимнего лова после трех дней напряженного труда четвертый определялся в качестве «дня отдохновения» [15, с. 17]. Выбатывались внутри артелей и нормы обычного права. В первую очередь определялись запреты и прописывались способы наказания за нарушения и возмещения причиненных убытков. Так, за проверку чужих орудий лова нарушитель должен был возместить убыток отработкой или денежным штрафом. Пострадавший имел право на от-

дых в те дни, когда виновный выполнял за него работу. Воры изгонялись из артелей «без всякого изъятия» [20]. Особенно суровым наказаниям подвергались воры «со стороны», то есть те, кто не являлся членом артели. В качестве наказания, например, в рыболовецких артелях Нижней Волги использовали: избивание, протаскивание на шестах между двумя прорубями, иногда даже убийство [22]. В Войске Донском в середине XIX в. сложилась система фискальных и карательных мер, применявшихся к нарушителям казачьей рыбной монополии из числа малороссийских крестьян-хамов. Иногда противостояние принимало очень жесткий характер и нередко дело доходило до кровопролитных стычек [26, с. 56–57]. В низовьях Волги столь же жесткое противостояние в рыболовном промысле наблюдалось между русскими рыбаками и казаками Буковской Орды, которые нередко совершали набеги на промыслы, уводя лодки и забирая улов [13]. Организация охраны промыслов со стороны русских и погони за ворами здесь также была коллективной, основанной на тех же артельных принципах.

Раздел добычи, представления о доле.

Строго регулировался в рыболовных и охотничьих артелях и раздел добычи (заработка). Анализ этой процедуры позволит нам вновь вернуться к пониманию значения в промысловых сообществах концепта доли, связанного с древними обрядовыми практиками. Большинство артельщиков нанимались к хозяину, оговаривая условие «дележа добычи натурой по давнему обычаю». В таких случаях хозяин находился как бы в доле артели [16]. В XIX в. члены артелей рыболовов все чаще получали в конце сезона заранее оговоренную плату с вычетом «хозяйских харчей». Рыболовы и охотники, имевшие свои орудия лова, «рядились» к хозяину с условием покупки у них добычи по договорной цене. При этом строго учитывалось качество и значимость в промысле орудий лова и охоты, вносимых в общий пай. Так, владелец лодки (у рыбаков) получал пятую часть добычи, владелец невода – половину, владелец сетей (у *зайчатников*) – две трети. По заключении договора обязательно устраивался «праздник» со спиртными напитками.

В ватагах, которые формировались донскими казаками, занимавшимися ловом рыбы

в низовьях Дона, владелец волокуши был *хозяином* ватаги и при разделе наловленной рыбы получал три или четыре части «всего промысла». Каждый из забродчиков получал один пай. Показательно, что вся рыбная добыча имела название *дубан*, что указывает на связь рыболовецких ватаг с древним морским военным промыслом казаков и принципами их воинской организации [30, с. 369–373].

В военизированных сообществах донских казаков в ранний период их истории правилам дележа добычи вообще уделялось очень большое внимание. При этом исследователи уже опровергли мнение о наличии у казаков абсолютного равенства, показав на конкретных примерах, что при разделе полученной во время военных походов добычи – *дубана* – они учитывали не только место и роль каждого казака-воина в конкретном бою, но также и его социальный статус и воинский стаж. Не только атаман, но и опытные казаки вне зависимости от конкретного вклада в боевые действия получали больше, чем новички [29, с. 94]. Показательно, что и в артелях тюленьих бойцов при организации промысла и дележе добычи учитывался опыт его участников [33].

В охотничьих артелях донских казаков вырученные от продажи добычи деньги делились поровну между членами артели, но часть их шла на покупку вина, которое также распивалось сообща [35]. Пирь-беседы, устраиваемые казаками после удачной охоты, имели обрядовый характер. В более позднее время (XIX – начало XX в.) этот обычай сохранился в виде обязательных *магарычей*, всегда выставлявшихся в виде хмельных напитков. Магарыч, выставляемый при «приходе со службы или похода, охоты или набега на черкес и татар», назывался *спитьём с добычи* [23]. Во всех перечисленных случаях речь шла не о простых пьянках, а об имеющих явно выраженный обрядовый характер, к тому же с магической подоплекой (возврат части добытого для обеспечения возможности дальнейшего получения), связанной, в свою очередь, с понятием жертвы и раздела общей доли. В некоторых рыбацких и бурлацких артелях, которые нанимались к «хозяину» промысла, существовала традиция устраивать коллективную гулянку в шинке сразу после

получения от хозяина задатка. Такая гулянка называлась *запивать ряд* [5]. По материалам XIX в. известно, что коллективное распитие спиртных напитков практиковалось в казачьих общинах также при *растрясе лугов* – разделе по жребью сенокосных угодий. Для казаков-воинов, в ранний период своей истории не знавших ни земледелия, ни настоящей оседлости, именно спиртные напитки (первоначально – мед) выступали символами общей доли, в то время как в земледельческой традиции (в семейной зоне) такими символами обычно были изделия из зерен (выпечка и каши). В некоторых нижеволжских артелях при разделе добычи учитывался особый статус новичков. Так, в ватагах неводных рыбаков юноша, которого впервые приняли в артель, получал плату наравне со всеми, но был обязан поставить своим товарищам ведро водки в начале и в конце путины (тот же магарыч) [33, с. 27].

В практиках дележа охотничьей добычи или улова рыбы у казаков (астраханских и донских) просматривается и древний обычай передачи их части всем членам сообщества (в том числе и тем, кто не участвовал в промысле). Так, на Дону обычай предписывал после удачной охоты созывать друзей и соседей, чтобы *разъесть вместе зверя*. После этого следовал обход дворов, во время которого охотники делились с соседями остатками убитого зверя [28, с. 63]. В этом обычае явно просматриваются древние традиции раздела охотничьей добычи с сородичами и представления о земельных и водных ресурсах, как Божьих, подлежащих перераспределению между всеми членами сообщества.

В рыбном промысле особенно желательной была передача части рыбного улова малоимущим и «обделенным»: старым людям, вдовам, сиротам и пр. Так, у донских казаков зафиксирован обычай *рыбных роздач*, практикуемый старыми казаками, которые после выхода в отставку начинали заниматься рыбной ловлей и назывались *рыбальками*. При этом они никогда не продавали рыбный улов, а раздавали его всем желающим. В источниках особо оговаривается преимущественное занятие рыбной ловлей на Дону стариками, ушедшими из семей и посвятившими себя религиозным практикам [8]. Отношение к рыбной

ловле, как к делу духовному и коллективному, проявлялось на Дону и в обычае собираться в артели для лова рыбы, например, на престольные праздники [30, с. 379]. После лова также сообща варили уху в больших котлах для общей трапезы. И коллективная ловля рыбы, и общий стол с ухой, и безвозмездная раздача рыбы указывают на сакральность таких практик, понимаемых как коллективное перераспределение общей доли.

Использовался при разделе добычи у промысловиков и принцип состязательности, отмеченный уже при захвате территорий и также отражающий их мужской характер. Так, у тюленщиков в XIX в. добыча распределялась в зависимости от степени участия в охоте и количества убитых тюленей. Вместе с тем в этих артелях, применительно к XVIII в., зафиксирован и принцип состязательности при выявлении доли каждого артельщика, определяемый терминами *по ножу* и *на счастливого*. За этими терминами стояло состязание по разделу туш убитых тюленей: плата каждого определялась количеством разделанных туш (*обеловкой*). При этом закончивший обеловку туш на своем участке имел право взять тушку у своего соседа [32, с. 27]. По сути, «счастье» (то есть доля-часть добычи) каждого участника обеловки определялось его сноровкой и опытом. Показательно, что если в обеловке принимали участие чернорабочие, они не получали своей доли, так как не были полноправными членами артелей. При этом обелованные ими туши делились между бойцами поровну. Однако и здесь были исключения. Если промысел был особо удачным (число убитых тюленей превышало тысячу), то распределение всей добычи осуществлялось «по ножу» между всеми участниками охоты. Для соблюдения справедливости при соревновательном разделе тюленщики оставляли на тушах свои метки. Права на добычу лишались лица, нарушившие принятые в артели правила, например, тишину во время охоты или правила резки [36, с. 21].

Результаты. Проведенный сравнительно-исторический и культурологический анализ показал, что общие принципы организации мужских промысловых артелей рыбаков и охотников находят прямые аналогии с организационными принципами, характерными для

архаичных мужских, в том числе воинских, традиций, например, для казачьих сообществ Дона и Волги в ранний период их истории. И вольный захват территорий, и их охрана, и раздел добычи, часто осуществляемые на принципах состязательности, основанных на понятиях силы, ловкости и удачливости, отражали древние мужские стратегии и тактики поведения в неосвоенном (диком, вольном) пространстве и в экстремальных условиях существования. Своеобразными, уходящими корнями к древним родовым практикам, были и представления промысловиков о добыче, трактуемой как общая доля, часть которой должна перераспределяться среди односельчан, и запреты на прикосновение женщин к атрибутам промысла, и промысловая магия.

Внутренняя организация большинства промысловых артелей также во многом демонстрирует схожесть с принципами мужских военизированных сообществ (мужских союзов, казачьих братств) с их внутренней иерархией, выборностью предводителя (атамана) и других должностных лиц, с открытостью судебных процедур, наличием общего собрания (круга) и пр.

Т.А. Бернштам, изучавшая артельное начало в организации рыбных промыслов у поморов, отмечала, что их артельные объединения на длительных морских промыслах представляли собой своеобразные промысловые общины, состоявшие только из мужчин, а принципы их организации представляли собой сложный комплекс сочетания норм обычного права общины на берегу и далеко не всегда согласованных с ними традиций общины на промысле [3, с. 163]. Как показывают наши материалы, мужские промысловые артели на Дону и Нижней Волги включали в себя лишь очень архаичные принципы земледельческих общин, и нет никаких оснований считать, что они были заимствованы ими у них. Речь скорее должна идти о самостоятельности большинства принципов мужских промысловых артелей (в том числе и воинских казачьих), по многим пунктам противопоставленных принципам общин мирных земледельцев.

Учитывая то обстоятельство, что колонизация русскими Дона и Нижнего Поволжья начиная с XVI в. осуществлялась преимущественно вольными казаками (занимавшимися

также охотой и рыболовством), а позднее – русским промысловым населением, а формирование в регионе соседских поземельных общин началось гораздо позднее (с начала XVIII в.), есть основание утверждать, что народные принципы «казакования» и артельного начала, положенные в основу колонизации региона, впоследствии периодически возрождались в более позднее время в промысловой деятельности мужской части населения, закрепляя в общественном сознании прочные стереотипы выживания в экстремальных условиях с опорой на глубокую социальную и культурную архаику. Собственно народные формы самоорганизации существовали наряду с официальными структурами, представляя собой глубокий пласт социальной жизни, отдельные элементы которого дожили до конца XX века.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

The work was carried out within the framework of the implementation of the State Research Center of the Russian Academy of Sciences, project no. АААА-А20-120122990111-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова, Т. Б. Региональные традиции народных промыслов в культуре России: на примере Волгоградской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Антипова Татьяна Борисовна. – Волгоград, 2010. – 31 с.
2. Бабинов, В. Р. Выхухоловой промысел в Саратовском уезде / В. Р. Бабинов // Охотничья газета. – 1890. – № 11.
3. Бернштам, Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.
4. Ботяков, Ю. М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века) / Ю. М. Ботяков. – СПб. : МАЭ РАН, 2002. – 191 с.
5. Бурлачество // Саратовские губернские ведомости. – 1851. – № 7.
6. В.В.Щ. Очерк Астраханской охоты / В.В.Щ. // Природа и охота. – М., 1887. – № 12. – С. 57–58.
7. Дворниченко, А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа (к истории ранних казачьих сообществ) / А. Ю. Дворниченко // Дом Романовых в истории России. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – С. 124–133.
8. И.Т. Из Донской старины. Записки священника Пивоварова / И.Т. // Казачий вестник. – 1884. – № 14.
9. Карпов, Ю. Ю. Джигит и волк : Мужские союзы и социокультурные традиции горцев Кавказа / Ю. Ю. Карпов. – СПб. : МАЭ РАН, 1996. – 312 с.
10. Кательников, Е. Исторические сведения о Верхне-Курмоярской станице, составленные из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 г. декабря 31 дня / Е. Кательников. – Новочеркасск : Областная войска Донскаго типография, 1886. – 63 с.
11. Когитин, В. В. Традиционное хозяйство и промыслы русского населения Нижнего Поволжья (середина XIX – начало XX в) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Когитин Владимир Викторович. – Л., 1987. – 18 с.
12. Куц, О. Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Куц Олег Юрьевич. – СПб., 2000. – 25 с.
13. Леопольдов, А. Отношения русских к киргизам / А. Леопольдов // Саратовские губернские ведомости. – 1850. – № 43. – С. 197–200.
14. Мордовцев. Физическое строение, почвы и сельское хозяйство Донской области / Мордовцев // Живописная Россия. – М., 1899. – Т. VII, ч. II. – 381 с.
15. Небольсин, П. И. Ловецкие рассказы о Каспийском рыболовстве / П. И. Небольсин // Пантеон. – 1854. – Т. 14, кн. 3. – С. 10–25.
16. Небольсин, П. И. Ловецкие рассказы о Каспийском рыболовстве / П. И. Небольсин // Астраханские губернские ведомости. – 1854. – № 38.
17. Никитин, Н. И. О формационной природе ранних казачьих сообществ / Н. И. Никитин // Феодализм в России. – М. : Ин-т истории России, 1987. – С. 236–245.
18. Никольский, А. М. Астраханские морские ловцы / А. М. Никольский. – СПб. : Тип. мор. м-ва, 1898. – 174 с.
19. Об Астраханских рыболовных промыслах // Коммерческая газета. – 1831. – № 31.
20. Описание работы и жизни ватажных рыбаков // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 857. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 1–5.
21. Павленко, Ю. А. Хозяйственные занятия, быт и материальная культура русского населения Нижнего Поволжья в позднем средневековье – начале нового времени : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Павленко Юрий Алексеевич. – Йошкар-Ола, 2006. – 23 с.
22. Происшествия // Царицынский вестник. – 1910. – № 3475.

23. Родословная фамилия Мартыновых. Описание старинных увеселений в войске Донском. 1824 г. // Государственный архив Ростовской области. – Ф. 697. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 20.

24. Свод русского фольклора. В 25 т. Т. 1. Былины Печоры. – СПб. ; М. : Наука-Классика, 2001. – 772 с.

25. Скрынников, Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. / Р. Г. Скрынников. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 327 с.

26. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / Г. Г. Матишов, Т. Ю. Власкина, А. В. Венков, Н. А. Власкина. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 216 с.

27. Суслятники // Астраханские губернские ведомости. – 1875. – № 178.

28. Сухоруков, В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях / В. Д. Сухоруков. – Новочеркасск : Изд-во ред. газ. «Донская речь», 1892. – 93 с.

29. Усенко, О. Г. Некоторые черты массового сознания донского казачества в XVII – начале XVIII в. (субидеологические представления, установки, стереотипы) / О. Г. Усенко // Казачество России: прошлое и настоящее. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2006. – С. 85–108.

30. Харузин, М. Сведения о казацких общинах на Дону / М. Харузин. – М. : Тип. М. П. Щепкина, 1885. – 388 с.

31. Шаханова, Н. Ж. Специфика пищи в военно-кочевом быту казахов (XVII–XIX вв.) / Н. Ж. Шаханова // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. – М., 1990. – С. 79–91.

32. Шмидт, Н. Я. К гигиене рыбного промысла в устье реки Волги / Н. Я. Шмидт. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1895. – 73 с.

33. Шульц, А. Взгляд на Каспийские рыбные и тюленьи промыслы / А. Шульц // Астраханские губернские ведомости. – 1874. – № 44.

34. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 544 с.

35. Я.А. Из Бурацкой станицы (Хоперского округа) / Я.А. // Донская газета. – 1874. – № 16.

36. Яковлев, В. Е. Тюлений промысел в Каспийском море / В. Е. Яковлев // Природа. – 1875. – С. 20–24.

37. Ямсков, А. Н. Рыболовецкие сообщества и традиционное рыболовство на казачьем Юге России / А. Н. Ямсков, Т. Ю. Власкина // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 5. – С. 3–13.

Volgogradskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Regional Traditions of Folk Crafts in the Culture of Russia: On the Example of the Volgograd Region. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd. 31 p.

2. Babinov V.R. Vykukholevoy promysel v Saratovskom uyezde [The Russian Desman Hunting in Saratovsky Uyezd]. *Okhotnichia gazeta*, 1890, no. 11.

3. Bernshtam T.A. *Pomory: Formirovaniye gruppy i sistema khozyaystva* [Pomory: The Formation of a Group and the System of Economy]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 176 p.

4. Botyakov Yu.M. *Alaman. Sotsialno-ekonomicheskiye aspekty instituta nabega u turkmen (seredina XIX – pervaya polovina XX veka)* [Alaman. Socio-Economic Aspects of the Institute of the Turkmen Raid (Mid-19th – First Half of the 20th Century)]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2002. 191 p.

5. Burlachestvo [Burlaks]. *Saratovskiy gubernskiy vedomosti*, 1851, no. 7.

6. V.V.Shch. Ocherk Astrakhanskoy okhoty [An Essay of the Astrakhan Hunt]. *Priroda i okhota*. Moscow, 1887, no. 12, pp. 57–58.

7. Dvornichenko A.Yu. *Pervyye Romanovy i demokraticheskiye traditsii russkogo naroda (k istorii rannikh kazachikh soobshchestv)* [The First Romanovs and Democratic Traditions of the Russian People (On the History of Early Cossack Communities)]. *Dom Romanovykh v istorii Rossii*. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1995, pp. 124–133.

8. I.T. Iz Donskoy stariny. Zapiski svyashchennika Pivovarova [From the Don Antiquity. Notes of the Priest Pivovarov]. *Kazachiy vestnik*, 1884, no. 14.

9. Karpov Yu.Yu. *Dzhigit i volk: Muzhskiy soyuz i sotsiokulturnyye traditsii gortsev Kavkaza* [Dzhigit and the Wolf: Male Unions and Socio-Cultural Traditions of the Mountaineers of the Caucasus]. Saint Petersburg, MAE RAN, 1996. 312 p.

10. Katelnikov E. *Istoricheskiye svedeniya o Verkhne-Kurmoyarskoy stanitse, sostavlennoye iz skazaniy starozhilov i sobstvennykh primechaniy, 1818 g. dekabrya 31 dnya* [Historical Information About the Verkhne-Kurmoyarskaya Stanitsa, Composed of the Stories of Old Residents and Their Own Notes, December 31, 1818]. Novochechassk, Oblastnaya voyska Donskago tipografiya, 1886. 63 p.

11. Kogitin V.V., 1987. *Traditsionnoye khozyaystvo i promysly russkogo naseleniya Nizhnego Povolzhia (seredina XIX – nachalo XX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Traditional Economy and Crafts of the Russian Population of the Lower Volga Region (Mid-19th–Early 20th Centuries). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Leningrad. 18 p.

12. Kuts O.Yu., 2000. *Donskoye kazachestvo ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Don Cossacks

REFERENCES

1. Antipova T.B., 2010. *Regionalnyye traditsii narodnykh promyslov v kulture Rossii: na primere*

from the Capture of Azov to the Uprising of S. Razin (1637–1667). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 25 p.

13. Leopoldov A. Otnosheniya russkikh k kirgizam [Attitudes of Russians Toward the Kyrgyz]. *Saratovskiy gubernskiy vedomosti*, 1850, no. 43, pp. 197-200.

14. Mordovtsev. Fizicheskoye stroyeniye, pochvy i selskoye khozyaystvo Donskoy oblasti [Physical Structure, Soils and Agriculture of the Don Region]. *Zhivopisnaya Rossiya*. Moscow, 1899, vol. 7, pt. 2. 381 p.

15. Nebolsin P.I. Lovetskiye rasskazy o Kaspiyskom rybolovstve [Fishers' Stories About Caspian Fishing]. *Panteon*, 1854, vol. 14, book 3, pp. 10-25.

16. Nebolsin P.I. Lovetskiye rasskazy o Kaspiyskom rybolovstve [Fishers' Stories About Caspian Fishing]. *Astrakhanskiye gubernskiy vedomosti*, 1854, no. 38.

17. Nikitin N.I. O formatsionnoy prirode rannikh kazachikh soobshchestv [On the Formational Nature of Early Cossack Communities]. *Feodalizm v Rossii*. Moscow, In-t istorii Rossii, 1987, pp. 236-245.

18. Nikolskiy A.M. *Astrakhanskiye morskoye lovtzy* [Astrakhan Sea Hunters]. Saint Petersburg, Tip. mor. m-va, 1898. 174 p.

19. Ob Astrakhanskikh rybolovnykh promyslakh [About Astrakhan Fisheries]. *Kommercheskaya gazeta*, 1831, no. 31.

20. Opisaniye raboty i zhizni vatazhnykh rybakov [Description of the Work and Life of Fishing Artels]. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti*, f. 857, inv. 1, d. 116, l. 1-5.

21. Pavlenko Yu.A., 2006. *Khozyaystvennyye zanyatiya, byt i materialnaya kultura russkogo naseleniya Nizhnego Povolzhia v pozdnem srednevekovye – nachale novogo vremeni: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Economic Occupations, Life and Material Culture of the Russian Population of the Lower Volga Region in the Late Middle Ages – Early Modern Times. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Yoshkar-Ola. 23 p.

22. Proisshestviya [Incidents]. *Tsaritsynskiy vestnik*, 1910, no. 3475.

23. Rodoslovnaya familiya Martynovykh. Opisaniye starinnykh uveseleniy v voyske Donskom. 1824 g. [The Headlines of the Martynovs. Description of Ancient Amusements in the Don Army. 1824]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 697, inv. 2, d. 70, l. 20.

24. *Svod russkogo folklora. V 25 t. T. 1. Byliny Pechory* [The Corpus of Russian Folklore. In 25 vols. Vol. 1. The Epics of Pechora]. Saint Petersburg, Moscow, Nauka-Klassika Publ., 2001. 772 p.

25. Skrynnikov R.G. *Sotsialno-politicheskaya borba v Russkom gosudarstve v nachale XVII v.* [Socio-Political Struggle in the Russian State at the

Beginning of the 17th Century]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1985. 327 p.

26. Matishov G.G., Vlaskina T.Yu., Venkov A.V., Vlaskina N.A. *Sotsialno-istoricheskiy portret delty Dona: kazachiy khutor Donskoy* [Socio-Historical Portrait of the Don Delta: Donskoy Cossack Khutor]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2012. 216 p.

27. Suslyatniki [Exterminators of Gophers]. *Astrakhanskiye gubernskiy vedomosti*, 1875, no. 178.

28. Sukhorukov V.D. *Obshchezhitnye donskikh kazakov v XVII i XVIII stoletiyakh* [Co-Existence of the Don Cossacks in the 17th and 18th Centuries]. Novocherkassk, Izd-vo red. gaz. «Donskaya rech», 1892. 93 p.

29. Usenko O.G. Nekotoryye cherty massovogo soznaniya donsogo kazachestva v XVII – nachale XVIII v. (subideologicheskiye predstavleniya, ustanovki, stereotipy) [Some Features of the Mass Consciousness of the Don Cossacks in the 17th – Early 18th Century (Subideological Notions, Attitudes, Stereotypes)]. *Kazachestvo Rossii: proshloye i nastoyashcheye* [Cossacks of Russia: Past and Present]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN Publ., 2006, pp. 85-108.

30. Kharuzin M. *Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu* [Information About Cossack Communities on the Don]. Moscow, Tip. M.P. Shchepkina, 1885. 388 p.

31. Shakhanova N.Zh. Spetsifika pishchi v voyenno-kochevom bytu kazakhov (XVII–XIX vv.) [The Specifics of Food in the Military Nomadic Life of the Kazakhs (17th–19th Centuries)]. *Etnograficheskiye aspekty traditsionnoy voyennoy organizatsii narodov Kavkaza i Sredney Azii*. Moscow, 1990, pp. 79-91.

32. Shmidt N.Ya. *K gigiyene rybnogo promysla v ustye reki Volgi* [To the Hygiene of Fishing at the Mouth of the Volga River]. Moscow, Tip. M.G. Volchaninova, 1895. 73 p.

33. Shults A. Vzglyad na Kaspiyskiye rybnyye i tyuleni promysly [A Look at the Caspian Fish and Seal Fisheries]. *Astrakhanskiye gubernskiy vedomosti*, 1874, no. 44.

34. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 544 p.

35. Ya.A. Iz Buratskoy stanitsy (Khoperskogo okruga) [From Buratskaya Stanitsa (Khopersky District)]. *Donskaya gazeta*, 1874, no. 16.

36. Yakovlev V.E. Tyuleniye promysel v Kaspiyskom more [A Look at the Caspian Fish and Seal Fisheries]. *Priroda*, 1875, no. 2, pp. 20-24.

37. Yamskov A.N., Vlaskina T.Yu. Rybolovetskiye soobshchestva i traditsionnoye rybolovstvo na kazachyem Yuge Rossii [Fishers' Communities and Traditional Fishing in the Cossack South of Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2013, no. 5, pp. 3-13.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Kazachestvo, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Researcher, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

РЕЛИГИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.9>

UDC 94(47)
LBC 63.3

Submitted: 04.03.2021
Accepted: 23.04.2021

THE OLD BELIEVERS' "SCHISM" IN THE DON COSSACK HOST REGION IN THE EARLY 20th CENTURY ACCORDING TO THE CLERGY RECORDS OF THE DON AND NOVOCHERKASSK DIOCESE¹

Alla V. Shadrina

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article represents an analysis of the state of the Old Believers' "schism" in the Don Cossack Host Region (Province or *Oblast*) in the early 20th century: determining the Old Believers' concords existing in the region, as well as their numbers and localization. *Methods and materials.* The empirical base of this article consists of a complex of archival documents, the clergy records, which represent the clerical documentation of the churches of the Don and Novocherkassk Diocese of the Russian Orthodox Church. The member churches, as well as the numbers of the Old Believers and their belonging to different concords, were recorded in those documents on an annual basis. This is the first time that the statistical component of the complex of those sources is introduced into the scientific operation. The methodological base of this article is represented by the principles of scientific objectivism and systematicity, which are traditional for historical science. Based on those principles, we could reveal and correctly determine the complex of historical sources, while their systematic study provided the opportunity to make conclusions on the state of the Old Believers' community of the Don Region in the early 20th century, to reveal the Old Believers' concords (persuasions), which were popular in the Don Cossack Host Region in the period under examination, and to determine their localization peculiarities). *Analysis and results.* As a result of the analysis, it was found out that in the territory of the Don Cossack Host Region there lived representatives of both concords: those who recognized the hierarchy ("Popovtsy", i.e. priesthood followers) and those who did not ("Bespopovtsy", i.e. not following priesthood). The former were represented by "Beglopopovtsy", i.e. fugitive priesthood followers, and the Austrian (Belaya Krinitza) concord, with the latter divided into "Okruzhniki", i.e. followers of the 1862 Epistle, and "Neokruzhniki", i.e. those who did not recognize it. The "Bespopovtsy", along with a large group whose membership was not provided, were divided into "Pomortsy" (coastal church followers), "Pomortsy-Brachniki" (coastal church followers recognizing the marriage), and "Sredniki" (Wednesday tradition followers). As compared to the results of the First General Census of the Russian Empire, the Old Believers' population had decreased in the region, still comprising more than 5% of the total number of the local residents. The major part of the Old Believers was localized in the First and the Second Don Okrugs (districts). Most representatives of all concords lived in the Cossack *yurt* (small settlement) in the stanitsa (Cossack village) of Nizhny Chir. The characteristic feature of the Old Believers of the Don Region was their conflict-free living side by side with representatives of the Russian Orthodox Church, with co-believers, and with those following different concords.

Key words: Don Cossack Host Region, Old Believers' "schism", localization of the Old Believers' population, Beglopopovtsy, Belokrinitskaya Hierarchy, Bespopovtsy, Pomortsy.

Citation. Shadrina A. V. The Old Believers' "Schism" in the Don Cossack Host Region in the Early 20th Century According to the Clergy Records of the Don and Novochoerkassk Diocese. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 120-135. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.9>

УДК 94(47)
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 04.03.2021
Дата принятия статьи: 23.04.2021

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В НАЧАЛЕ XX в. ПО ДАННЫМ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ ДОНСКОЙ И НОВОЧЕРКАССКОЙ ЕПАРХИИ¹

Алла Валерьевна Шадрина

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния старообрядческого раскола в Области войска Донского в начале XX в.: определению старообрядческих согласий, существовавших в регионе, их численности и локализации. Эмпирическую базу настоящей статьи составляет комплекс архивных документов – клировых ведомостей, представляющий собой делопроизводственную документацию церквей Донской и Новочеркасской епархии Православной российской церкви, в которой ежегодно фиксировался состав приходов, в том числе численность старообрядческого населения и его принадлежность к различным согласиям (толкам). Статистическая составляющая комплекса данных источников вводится в научный оборот впервые. Методологическая основа статьи – традиционные для исторической науки принципы научной объективности и системности. Опора на данные принципы позволила выявить и корректно сформировать комплекс исторических источников, системное изучение которых позволило сделать выводы о состоянии старообрядческого сообщества донского региона в начале XX в., выявить старообрядческие согласия, распространенные в Области войска Донского в исследуемый период и особенности их локализации. В результате проведенного исследования было выяснено, что на территории Области войска Донского проживали представители согласий, признающих иерархию (поповцы) и не признающих (беспоповцы). Первые были представлены беглопоповцами и Австрийским (Белокриницким) согласием, делившимся на окружников и неокружников. Беспоповцы, помимо большой группы, принадлежность которых не была указана, делились на поморцев, поморцев-брачников и средников. По сравнению с результатами Первой всеобщей переписи населения Российской империи численность старообрядческого населения в регионе уменьшилась, но продолжала составлять более 5 % от общего числа жителей региона. Основная часть старообрядческого населения локализовалась во 2-м Донском и 1-м Донском округах. Наибольшее количество представителей всех согласий проживало в юрте станицы Нижне-Чирской.

Ключевые слова: Область войска Донского, старообрядчество, локализация старообрядческого населения, беглопоповцы, Австрийское (Белокриницкое) согласие, беспоповцы, поморцы.

Цитирование. Шадрина А. В. Старообрядчество в Области войска Донского в начале XX в. по данным клировых ведомостей Донской и Новочеркасской епархии // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 120–135. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.9>

Introduction. Overcoming the Old Believers' "schism" had been one of the priorities of the Russian Empire domestic policy during the late third of the 17th century and the beginning of the 20th century. The measures implemented by the Russian government during this period did not produce the desired results, and by the beginning of the 20th century, the number of Old Believers

remained significant. Before the 1890s the majority of the Old Belief practitioners lived in the Don Cossack Host Region (more in text DCHR). According to the results of the First General Census of 1897, the Don Region was the second most populated after the Perm Governorate (Province). Despite the considerable number of the Old Believers, it is still unclear what

concorde were common in the Don Region at the beginning of the 20th century, what their total population was, and what okrugs (districts) had the largest number of the Old Belief practitioners. The absence of the published statistical data, which could help determine the state of the Old Believers "schism" in the DCHR at the beginning of the 20th century, makes it relevant to address the problem.

The purpose of the present article is to analyze the state of the Old Believers' "schism" in the DCHR, basing on the statistical data introduced into scholarly discourse for the first time. The data are contained in clergy records of the churches of the Don and Novocheerkassk Diocese, which are kept in the State Archive of the Rostov Region. The purpose of the article is to determine which groups (concorde, persuasions) represented the Old Belief creed in the Don Region; to identify the numerical strength of each one of the groups; determine the location features of the Old Believers in 1908–1916.

The study is chronologically limited to 1908–1916 which is explained by the state of the source base. The spatial framework is the DCHR boundaries before 1887. The Old Believers population in the Rostov Okrug, where churches remained part of the Yekaterinoslavl and Taganrog Diocese up to 1919 after becoming part of the DCHR, cannot be examined due to the loss of the Yekaterinoslavl Spiritual Consistory archives during the Civil War. The clergy records fragments of individual churches of Rostov-on-Don and Taganrog, preserved in the State Archive of the Rostov Region, fail to indicate the number and location of the Old Believers population in Rostov Okrug of the DCHR as these records do not constitute a complete source base.

Methods and materials. The study is based on the methodological base traditional for historical science, i.e. principles of scientific objectivism and systematicity. The principle of scientific objectivity helped to identify and form properly a complex of historical sources, which having been systematically studied, helped us make conclusions about the state of the Old Belief community in the Don Region at the beginning of the 20th century. The systematicity principle had revealed the Old Believers' concorde (persuasions), which were widespread in the

DCHR at the period under the investigation, as well as their location features.

The study is based on the archives examination. However, the previously conducted studies focused on the issue are also an integral part of this research. The legislative acts that aimed at addressing the status of the Old Believers in the Russian Empire are of the utmost importance for the Old Belief studies. "Compilations of church and civil and church regulations of the Orthodox Confession Department" edited by T.B. Barsov [1] and a compilation of decrees issued by the Minister of Internal Affairs "on the schism issue" [65] are significant. The publications by S.A. Zenkovski [4], A.S. Prugavin [59], and N.I. Subbotin [68] are of particular importance among the pre-revolutionary publications devoted to the analysis of the causes of the Old Belief spreading in the Russian Empire and its specific features. The works of N.I. Ivanovskiy [5], K.N. Nikolaev [54], and N.I. Subbotin [67] are devoted to the history of individual concorde and persuasions of the Old Belief. Research studies of St. Petersburg historian V.G. Druzinin [2] and representatives of pedagogical association of the Don Theological Seminary N.P. Snesarev [63] and Ye.P. Ovsyannikov [55] fully cover the emergence and development of the Old Believers' "schism" in the Don Region, where the majority of the Old Belief practitioners lived during the 18th and 19th centuries. However, the imperfections of the 19th century statistical system prevented the scholars from systematizing the data on the concorde and persuasions spread in the DCHR and on their number. The works of M.K. Konstantinova [46] and K.A. Kuzoro [50] cover this issue. Studies conducted by V.V. Mashkovtsev [52] and O.P. Yershova [3] are devoted to the relationship development between Old Believers and the Imperial authority. The regional studies devoted to the Old Belief in the Don Region are the most relevant to the present study. The early period of the Old Believers' "schism" development in the Don Region was studied by N.A. Mininkov [53] and D.V. Sen' [62]. The Old Belief creed development in the 18th century is covered in the works of O.Yu. Redkina [61] and O.C. Krotov [49]. The study by D.M. Lunochkin devoted to the Old Belief among the Cossacks in the context of historiography of the Old Belief in Russia [51] and "The Old Believers of the Lower

Volga and Don in the late 19th and the early 20th cc." is of particular interest as well [60].

A complex of annual internal clerical documentation, i.e. the clergy records of the churches of the Don and Novochoerkassk Dioceses in 1908–1916, forms a source base for this study. Every record was to contain information about the strength of a congregation. After 1906 the recording of the number of the Old Believers of different persuasions and cult followers of various groups became obligatory. The source appears to be a representative one as the clergy records underwent annual checks by the Don Spiritual Consistory, and in case of any inaccuracies, administrative penalties were implemented. The completion of missing (lost) clergy records during the period explains the eight years' scope of the sources. The complex includes: 2 clergy records for 1908 (the later sources concerning the region had been lost), 4 records for 1909, 6 for 1910, 4 for 1911, 9 for 1912, 3 for 1913, 2 for 1914, 4 for 1915, 2 for 1916. The eight years' scope does not imply an absolute accuracy of the statistical data. However, considering the little changes in the Old Believer population dynamics in the region, which had mostly been due to natural processes, such as birth and mortality rates, the data allow determining the most populated Old Believers groups (concord, persuasions), as well as their location features.

Analysis. Since the Old Believers are insignificant in number nowadays and are not a noticeable part of the Russian society, we need to clarify some terms concerning the names of the Old Believers conCORDS and persuasions of the second half of the 19th century and the early 20th century, as well as their characteristics.

The Old Belief as a whole is considered a movement developed within the Russian Orthodox Church as a protest against the newly acquired rites, which were focused on the Constantinopolitan Patriarchy and did not have a creedal character. According to the "*Khristianstvo*" (Christianity) Dictionary, edited by S.S. Averintsev, "the Old Belief is following the old rites, when these rites concern not the essence of the faith, but the formal part of the church life" [66].

The term *Beglopovtsy* ("beglo" – fugitive, "pop" – priest) means the Old Rites

practitioners who accepted the priests turned from the official (State) church to the Old Belief [57, p. 416].

The Austrian (Belaya Krinitza) concord consisted of the Old Believers, who recognized the hierarchy that had been reintroduced by Greek Metropolitan Ambrosios and his ordinands in the city of Belaya Krinitza (Austria-Hungary in the 19th century). Metropolitan Ambrosios had joined the Old Belief in 1846 via the confirmation and denial of "heresy" [47, p. 543]. After the 1862 Epistle had been published on 24 February by the Austrian (Belaya Krinitza) hierarchs, the concord split into *Okruzhniki*, i.e. followers of the 1862 Epistle, and *Neokruzhniki* or *Protivookruzhniki*, i.e. those who did not recognize it. The Epistle condemned the *Bespopovtsy* and the "fallacies" of the Russian Orthodox Church, who caused the "schism". The Epistle attempted to unify the Belaya Krinitza concord doctrine [47, p. 542, 547]. The most controversial part of the Epistle, which caused debates between the *Okruzhniki* and the *Neokruzhniki*, was the statement that "the dominant church of Russia, as well as the church of Greece, believes not in other God, but the God we believe in" [47, p. 547].

The term *Bespopovtsy* means the Old Believers who did not recognize the hierarchy. The main feature of their doctrine was "the idea that Antichrist had taken the throne and that the grace of priesthood had been lost, what led to the church hierarchy termination" [70, p. 702]. As a result, the *Bespopovtsy* refused to accept any priests [70, p. 702].

One of the most significant groups in terms of conCORDS number was the *Pomortsy*. The name is derived from *Pomorje* (coastland; the territory beside the White Sea) where they had originated [58]. They are characterized by a denial of hierarchy and believed that some Sacraments can be administered by laypeople (their reasons were based on Avvakum's approval) [58, p. 365]. Moreover, they demanded a complete break with the State Church and re-baptizing of the ones who joined the *Pomortsy* and denied marriages. In 1762 half of the *Pomortsy* began to recognize marriages. The part who recognized marriages included the *Novozhony* (novo – newly, zhony – weds) i.e. those who married in the church according to the old rites with the help of the Russian Orthodox Church priests, the

Polubrachniki (*polu* – half, *brak* – marriage), i.e. the Pomortsy who married outside the Church by mutual agreement of a couple [58, p. 366], and the *Brachniki*, i.e. the Pomortsy who recognized marriages without any participation of priests.

Sredniki (“sreda” – Wednesday) were the Bespopovtsy pertained to the self-baptized concord. They celebrated Easter and Sundays on Wednesdays as they followed the Alexandrian Chronology System [70, p. 715].

The DCHR had to keep annual records of the Old Belief population, just as the other regions of the Russian Empire. However, nowadays we have only fragments of the data on the number of the Old Believers in the Don Region over the 19th century. The reason is that the institutes concerning statistical data collection began to form only in the second half of the 19th century [45, p. 125].

According to O.S. Krotov’s calculations, in 1801 there lived approximately 18,924 Old Rites practitioners in the Don Cossack Host Zemlya (the DCHR after 1870) [48, p. 36]. The annual Don Army status reports to the Emperor by the appointed hetman during the Crimean War of 1853–1856 stated that in 1854 of the total population of 831,665 [6, p. 47], 66,396 (or 7.9%) were the Old Believers, including 61,006 of those who recognized the hierarchy and 5,390 of the ones who did not (the Bespopovtsy) [6, p. 49]. In 1855, there were 66,608 (7.8%) Old Believers of the total DCHR population of 848,405 [6, p. 76], including 61,378 of those who recognized hierarchy and 5,221 of those who did not [6, p. 79]. In 1856, there were 67,127 (7.8 %) Old Believers of the total Don Cossack Host Region population of 860,300 [6, p. 98], including 61,918 of those who recognized hierarchy and 5,209 of those who did not [6, p. 101].

In 1870, N.P. Snesarev writing about the launch of the Orthodox Missionary Society in the Don Region mentioned that “The Don diocese has more than 80,000 of Old Believers. All of them pertain to different persuasions and parties” [64, p. 401].

The First General Census of the Russian Empire in 1897 played an instrumental role in determining the number of the Old Belief population in the DCHR. According to the Census data, 2,564,238 people were living in the DCHR

[56, p. III]; of 2,314,222 Orthodox Christians (including the Yedinovertsy) [56, p. 82] there were 130,450 Old Believers [56, p. 82], which is 5% of the Don Region population.

According to the Don periodicals, at the beginning of the 20th century, there were about 130,000 Old Believers in 1903, from 129,000 to 140,000 in 1909 in the DCHR [60, p. 16]. Even the rough statistics published in periodicals suggests that the Old Belief population in the Don Region in the early 20th century remained relatively stable. Even if there was any population growth, it was insignificant and mostly due to the natural increase connected with childbirth. At the same time, the proportion of the Old Belief population to the total population of the DCHR did not exceed 5.6%.

The statistical data collected by the Russian Orthodox clergy of the Don and Novochoerkassk Dioceses and documented in clergy records allow characterizing the state of the Old Believers’ “schism” in the DCHR in 1908–1916. It should be stated that considering the particularities of the source, the statistical data will be examined in groups (concord, persuasions) widespread in the Don Region. The first group will consider the Old Believers, who cannot be identified as members of any persuasion or concord as there is no correspondent data in the records. This is most likely due to omissions made by psalmists responsible for keeping the church records [69, p. 11]. The group also includes an insignificant in number category which the sources refer to as the “*Popovtsy*”, as both the Beglopopovtsy and Austrian concord representatives could be referred to as the Popovtsy. The rest of the groups will be analyzed according to the con cords (persuasions) their representatives pertained to.

The study of the statistical data from the clergy records showed that only an insignificant amount of con cords represented the Old Believers in the DCHR. Among those who recognized the hierarchy were the Beglopopovtsy (traditionally widespread in the region). They accepted the priests who left the Russian Church and joined the Old Belief Church of their own will. Since the clergy of the Don and Novochoerkassk Diocese (before 1842 Novochoerkassk and Georgievsk Diocese) was under strict control, after the “Regulations on the Administration of the Don Host” had been implemented in 1836 and the

clergy records of the Don Spiritual Consistory did not contain any data on "fugitive" priests, it may be assumed that the Beglopovtsy in the Don Region were the ones from other regions. Besides the Beglopovtsy, the Old Believers of the Austrian (Belaya Krinitza) concord were also widespread in the DCHR in the 1860s. It was important for the Don Cossacks, whose worldview was defined by a military discipline, to have a priest formally entitled to administer some common Sacraments, such as the Sacrament of Baptism, the Sacrament of Marriage, as well as perform a requiem.

Among the *Bespopovtsy* who lived in the Don Region and did not recognize the hierarchy were the ones who were not classified in a particular persuasion in the clergy records. Besides the *Bespopovtsy*, the sources comprise the information about the *Pomortsy*, who came from Saratov, Saratov Governorate or Astrakhan [70, p. 709], where they lived in large communities. The *Pomortsy* from Saratov Governorate and Astrakhan had preserved their traditions of the Vygovskoye Obshchezhitel'stvo (shared household), prayed for the Tsar, and denied marriages [70, p. 709]. The opportunity to pray for the Tsar recognized by the *Pomortsy* concord was of the utmost importance for the Don Cossacks as their ideology was based on military service and a motto "For Faith, Tzar, and Country".

Apart from the *Pomortsy*, there were the *Pomortsy-Brachniki* and *Sredniki* concords which were not widespread in the Don Region.

The analysis of the statistical data contained in the clergy records concerning the Old Believers who were not classified to any concord (persuasion) showed (see Table 1) the following results: the Old Belief practitioners lived in all okrugs of the DCHR. The majority of the Old Believers of an unspecified concord were located in the Donetsk Okrug and the Second Don Okrug. At the same time, the Nizhniy Chir Blagochinie in the Second Don Okrug was inhabited by the "Raskolniks" ever since the 18th century. The First Don Okrug was a "traditional" place for the Old Belief creed in the Lower Don Region. The total number of the Old Believers of unspecified concord (persuasion) was 39,602.

The *Beglopovtsy* was the most extensive concord among the Old Believers' concords

identified in the clergy records. Their total number reached 21,753 in 1908–1916. The majority of the *Beglopovtsy* were in the Second Don Okrug, 7,496 of them lived in the Nizhniy Chir Blagochinie [26, sht. 11 rev., 20 rev., 28 rev., 54 rev., 56, 202 rev., 217 rev., 227 rev., 240 rev.] and 664 in Chernyshevskaya Blagochinie [44, sht. 77, 147, 197, 249, 251]. Interestingly, there are no records on the *Beglopovtsy* in Oblivskaya and Potemkinskaya blagochinies of the Second Don Okrug. 22 people were referred to the Kachalinskaya Blagochinie [21, sht. 243]. A considerable amount of the *Beglopovtsy* (7,322) was located in Ust-Medveditsk Okrug of the DCHR. At the same time, 5079 Old Believers lived in Glazunskaya Blagochinie [15, sht. 22, 64, 99, 112, 233, 320, 335], 1 573 in the Ust-Medveditskaya Blagochinie [41, sht. 56, 77, 140, 187] and 670 in Berezovskaya Blagochinie. The First Don Okrug was the third most populated with the beglopovtsy, where the Old Believers thrived since the 18th century. Thus there were 5,880 representatives of the beglopovtsy in the Lower Don Region in 1908–1916; 2,311 of them were classified to the Semikarakorskaya Blagochinie [38, sht. 18 rev., 43 rev., 54 rev., 96 rev., 131 rev., 175 rev., 183 rev., 206 rev.] and 3,111 to the Tsimlyanskaya Blagochinie [43, sht. 66 rev., 147 rev., 159 rev., 224 rev., 233 rev., 240 rev.] (hereinafter the names of settlements and the names of blagochinies derived from them are given in accordance with their historical names). There are no records on the *Bespopovtsy* in Yermakovskaya Blagochinie [16], Konstantinovskaya Blagochinie [22, sht. 6 rev.–208] and Razdorskaya Blagochinie [35, sht. 13–203]. An insignificant amount of the *Beglopovtsy* lived in Cherkassk Okrug (50 people in Aksayskaya Blagochinie [7, sht. 29 rev., 95 rev., 118 rev.]), Donetsk Okrug (293 people in Milyutinskaya Blagochinie [24, sht. 39, 226]) and 26 people in Salsk Blagochinie of the Salsk Okrug [37, sht. 51]. There are no records on the *Beglopovtsy* in Taganrog Okrug and Koper Okrug, where there traditionally was the smallest amount of the Old Believers.

In the 1860s the Austrian (Belaya Krinitza) Diocese has become widespread in the Don Region, what is seen from Table 2. The "schism" that began in 1862 with the issue of the Epistle by the hierarchs of the Austrian (Belaya Krinitza)

concord also affected the Old Believers in the Don Region. The data from the clergy records revealed only an insignificant amount of the Encyclical followers and adversaries. The data is incomplete either due to the unawareness of the priests and clergymen of the parish churches of the Don and Novocherkassk Dioceses, or reluctance to register the number of followers of different movements within one concord. Nevertheless, the data shows that in the DCHR there were more *okruzhniki*, i.e. supporters of the Epistle, than *neokruzhniki*, i.e. those who were against it. Thus, according to the sources, the majority of *Okruzhniki* (5,892 [26, sht. 28 rev., 54 rev., 56, 202–202 rev., 217 rev.]) lived in Nizhniy Chir Blagochinie of the Second Don Okrug. There were 691 people in Salsk Blagochinie of the Salsk Okrug [37, sht. 167]. In the Cherkassk Okrug there were 137 representatives of the *Okruzhniki* [7, sht. 75 rev., 106 rev., 120 rev.]. All of them located in Aksayskaya Blagochinie. 39 supporters of the Epistle were registered in Novonikolaevskaya Blagochinie in the Taganrog Okrug [27, sht. 257]. There are no records concerning the *Okruzhniki* in the Donetsk, First Don, Ust-Medveditsk, and Khoper okrugs. They were most likely to be registered as either representatives of the Austrian Diocese, or “the Old Believers” or “Raskolniki”. Nevertheless, there were 6,759 representatives of the *Okruzhniki* mentioned in the clergy records.

There were significantly fewer *Neokruzhniki* (904). The adversaries of the Epistle located in the Cherkassk Okrug; 26 of them lived in Aksayskaya Blagochinie [8, sht. 170 rev.] and 4 in Aleksandrovsk-Grushevskiy Blagochinie [9, sht. 170 rev.]. 843 *Neokruzhniks* lived in the Second Don Okrug in Nizhniy Chir Blagochinie [26, sht. 55, 202–202 rev., 217 rev.] and 31 of them lived in Salsk Blagochinie of the Salsk Okrug [37, sht. 167]. There are no records on the *Neokruzhniki* in the Taganrog, Donetsk, First Don, Ust-Medveditsk, and Khoper okrugs. Despite the approximate data most likely caused by the characteristic features of the record-keeping, one can assume with great probability that there were more Epistle followers in the Don Region than its adversaries.

The *Bespopovtsy*, who did not recognize the hierarchy, were a significant in number group of the Old Believers in the DCHR. Their abundance is indicated in Table 3.

As one can see, there were 15,798 representatives of the *Bespopovtsy* registered in the DCHR in 1908–1916. The majority of them (10,299) lived in the Second Don Okrug. They mainly occupied the hamlets (*khutor*) of Verkhne-Chirskaya [26, sht. 20 rev.], Yesaulovskaya [26, sht. 54 rev., 175 rev.], Kobylyanskaya [26, sht. 11 rev.] and Pyatiizbyanskaya stanitsas [26, sht. 167 rev.]. The First Don Okrug was the second most populated with the *Bespopovtsy*, where lived 3,399 representatives of the *Bespopovtsy*. They were mostly located in hamlets of Bolshe-Mechetnoi [38, sht. 35 rev.] and Zadonsko-Kagalnitskiy [38, sht. 43 rev.] of Bogoyavlenskaya Stanitsa, Bolshoi of Mariinskaya Stanitsa [38, sht. 70 rev.] and Morozov of Nikolaevskaya Stanitsa [38, sht. 191 rev.]. In Manychkaya Stanitsa and its hamlets in the Cherkassk Okrug [7, sht. 61 rev.] there lived 896 representatives of the *Bespopovtsy*. In the Ust-Medveditsk Okrug, the main part of the *Bespopovtsy* (822) lived in the hamlets of Manoilin [41, sht. 140] and Krasnyi of Novoaleksandrovskaya Stanitsa [41, sht. 187], and near the Station of Rakovka of the South-Eastern Railway [15, sht. 320]. An insignificant amount of the *Bespopovtsy* lived in the Taganrog Okrug (66 people) and Salsk Okrug (28 people). In the Khoper Okrug there were no the *Bespopovtsy* as well as any other Old Belief concords and persuasions.

The *Pomortsy* and the *Pomortsy-Brachniki* concords were the most prominent among the *Bespopovtsy* in the DCHR. The *Pomortsy* (1,726 people) lived in small communities in the Donetsk Okrug and the First Don Okrug. In the Donetsk Okrug the *Pomortsy* occupied Karpovo-Obryvskaya Sloboda [16, sht. 91 rev.]. In the First Don Okrug they lived in small groups in Tsymlyanskaya Blagochinie in Nagavskaya Stanitsa [43, sht. 147 rev.], Chertkovskaya Stanitsa [43, sht. 240 rev.], in the hamlets of Lozniy of Kargalskaya Stanitsa [43, sht. 224 rev.] and Velikanov and Sevastianov of Chertkovskaya Stanitsa [43, sht. 240 rev.]. The *Pomortsy-Brachniki* (666 people) lived in Skasyrskaya Sloboda [16, sht. 40 rev.] in the Donetsk Okrug. The total number of the *Pomortsy* and *Pomortsy-Brachniki* was 2 392 people.

The *Sredniki* were the most insignificant in number of followers among the *Bespopovtsy* in

the DCHR. There were only 37 of them. 23 representatives of the *Sredniki* lived in the hamlet of Nizhne-Kibiryovskiy and 10 people lived in the hamlet of Gadichev of Kobylanskaya Stanitsa, 4 lived in the hamlet of Sevastianov of Chertkovskaya Stanitsa [43, sht. 240 rev.].

The analysis provided an approximate number of the Old Believers in the DCHR in 1908–1916, that is 122,022 people. 64,193 of them recognized the hierarchy (the *Popovtsy*) and 18,227 did not (the *Bespopovtsy*).

Though the number of the Old Believers was significant, they were not evenly distributed in the DCHR. Thus, there were few Old Believers in large church and administrative districts such as in Degtevsкая Blagochinie (the Donetsk Okrug), Razdorskaya Blagochinie (the First Don Okrug), and in all blagochinies of the Khoper Okrug (Pravotorovskaya, Preobrazhenskaya, Uryupinskaya, and Filonovskaya). This information was reflected in the clergy records of the Don and Novocherkassk Diocese.

One of the characteristic features of the Old Believers location was their reluctance to live in stanitsas due to the attitude of the DCHR and stanitsas' authorities up to 1905. Thus, there were no Old Believers in Alexandrovskaya, Vladimirskaya, Grushevskaya, Yegorlykская, Krivyanskaya, and Zaplavskaya stanitsas in the Cherkassk Okrug. The exceptions were Manychskaya Stanitsa [7, sht. 61 rev.] where the Old Believers had lived since the 18th century and Yelizavetinskaya Stanitsa [8, sht. 219 rev.]; in the Donetsk Okrug they lived in Vyoshenskaya, Gundorovskaya, Kazanskaya, Kalitvenskaya, Kremenskaya, Migulinskaya, Ust-Belokalitvenskaya, Kamenskaya, Luganskaya stanitsas. In the First Don Okrug which was traditionally highly populated with the Old Believers, there were none of them in Kostantinovskaya, Zolotovskaya, Kochetovskaya, Mariinskaya, Nikolaevskaya, Romanovskaya, Semikarakorskaya, Ternovskaya, Filippovskaya, Tsymlyanskaya, and Chertkovskaya stanitsas. Though in the Second Don Okrug there were the majority of the Old Believers of all concords and persuasions registered in the Don Region, there were no Old Believers in Novogrigoryevskaya, Sirotinskaya, Starogrigoryevskaya, Tryokh-Ostrovnyanskaya stanitsas. In Ust-Medvedetskiy Okrug none of them lived in Berezovskaya,

Kepinskaya, Kremenskaya, Perekopskaya, Razdorskaya-na-Medveditse and in Ust-Medveditskaya stanitsas. There were no Old Believers in stanitsas of the Khoper and Salsk okrugs as the latter was founded only in 1884.

Besides the Cossacks stanitsas, there were no Old Believers in the coal mines areas in the Don Cossack Host Region. There are no records on the Old Believers' presence in the city of Aleksandrovsk-Grushevskiy, in the areas of Ivan Koshkin and Markov mines, Rykov Mines of the Catherine Society, Berestovo-Bogodukhovskie Mines and in the mine of the Catherine Mining Society.

The conflict-free coexistence both with the Orthodox Christians and members of the *Yedinoverie* and with representatives of other concords and persuasions was the specific feature that distinguished the Old Believers of the DCHR from those living in the other regions of the Russian Empire. There are some facts to prove the statement: 20 representatives of the *Beglopopovtsy*, 89 of the Austrian (Belaya Krinitsa) concord, and 73 of the *Bespopovtsy* lived conflict-free in the Peter and Paul Church Parish in Starocherkasskaya Stanitsa, where the orthodox population dominated [7, sht. 29 rev.]. 142 representatives of the *Beglopopovtsy*, 1,199 of the Austrian concord, and 106 of the *Bespopovtsy* lived in the hamlet of Zimnyatskiy of Glazunovskaya Stanitsa on a conflict-free basis as well [15, sht. 112]. There lived 5 150 Old Believers of the Austrian concord and 303 representatives of the *Bespopovtsy* in the St. Nicholas Church Parish in Golubinskaya Stanitsa, where the orthodox population dominated. In the Pokrovskaya (Intercession of the Theotokos) Church Parish in Verkhne-Chirskaya Stanitsa there lived 4,735 representatives of the *Beglopopovtsy*, 3,331 of the Austrian concord, and 472 of the *Bespopovtsy* [26, sht. 20 rev.]. The Osievskaya *Yedinoverie* Church Parish in the hamlet of Shebalin was particularly diverse and rich in the "raskolniks"; there lived 78 representatives of the *Beglopopovtsy*, 1,838 of the *Okruzhniki* from the Austrian concord, 71 of the *Neokruzhniki* from the Austrian concord, 937 of the *Bespopovtsy*, and 33 *Sredniks* [26, sht. 202 rev.]. The given examples were not isolated cases. The conflict-free coexistence of representatives of different Old Belief concords and Russian

Orthodox Christians within the same settlement can be explained primarily by the specific features of the region, where military discipline was crucial for the majority of the population. Besides, the absence of leaders in the Old Belief community to lead protests or express demands was an important factor as well.

Results. Thus, compared to the data of the First General Census of 1897, the Old Believers' strength in the DCHR reduced in 1908–1916. While in 1897 there were 130 450 people in the Don Region (according to the Census data), only 122,022 people were recorded in 1908–1916. There were few concords (persuasions) presented in the DCHR. The most common concords recognizing hierarchy were the *Beglopovtsy* and the Austrian (Belaya Krinita) concord, which split into the *Okruzhniki* and *Neokruzhniki*. *Bespopovtsy*, *Pomortsy*, *Pomortsy-Brachniki*, and *Sredniki* constituted the persuasions of the Don Region that did not recognize hierarchy.

The Austrian (Belaya Krinita) concord prevailed in the DCHR in 1908–1916. The second-largest were the *Beglopovtsy*. The Don Cossacks preference for the hierarchy-recognizing concords was explained by their affiliation with the Don Host. This was a military organization, where the procedures included the idea that the Cossacks needed to have a priest to

administer the most common Sacraments, such as the Sacrament of Baptism, the Sacrament of Marriage, and perform funeral church services. The number of the *Pomortsy* and *Pomortsy-Brachniki* was relatively small, compared to the more populated ones. The *Sredniki* constituted a small local group, which did not affect the DCHR population.

The Old Belief centers were the First and the Second Don okrugs. The absence of overt organization and centralization within the concords was the main feature of the location of the Old Believers.

Despite its abundance, the Old Believers were considered part of the Host, which did not have conflicts with the rest of the population. The distinctive feature of the Old Believers in the Don Region was the absence of an extensive proselytic activity. This was explained by the control by the Host authorities and the Russian Orthodox clergy of the Don and Novocherkassk Diocese, which were involved in the process as far back as the 1830s.

NOTE

¹ The reported study was carried out within the State Task of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Project Number 01201354248.

APPENDIX

Table 1. The strength of the Old Believers of an unspecified concord in the DCHR in 1908–1916

Okrug (District)	Blagochinie (a group of parishes)	Number of People
Cherkassk Okrug	Aksaiaya Blagochinie	1681 [7, sht. 18 rev., 61 rev., 209 rev.]
	Aleksandrovsk-Grushevskiy Blagochinie	825 [9, sht. 20 rev. 21, 31 rev., 83 rev., 94 rev., 108 rev., 115 rev., 181 rev., 187 rev., 195 rev., 202 rev., 209 rev., 223 rev.; 11, sht. 16 rev.; 10, sht. 122 rev.]
	Kagalnitskaya Blagochinie	636 [18, sht. 43, 71, 124, 139, 204]
	Novocherkassk Blagochinie	86 [29, sht. 25 rev., 80 rev., 130 rev.]
Total:		3228
Taganrog Okrug	Amvrosievskaya Blagochinie	95 [10, sht. 16, 115, 213; 28, sht. 16 rev., 27 rev., 51 rev., 71 rev., 91 rev., 97 rev., 105 rev., 109 rev.; 36, sht. 68]
	Kirsanovskaya Blagochinie	9 [21, sht. 81 rev., 100 rev.]
	Novonikolaevskaya Blagochinie	37 [27, sht. 110, 163, 400]
	Rovenetskaya Blagochinie	26 [36, sht. 80, 280]
	Makeevka Blagochinie	71 [23, sht. 101 rev., 124 rev., 134 rev., 144 rev., 156 rev.]
Total:		238
Donetsk Okrug	Bogdano-Kievskaya Blagochinie	56 [14, sht. 104 rev.]
	Degtevskaia Blagochinie	1538 [16, sht. 6 rev., 18 rev., 74 rev., 113 rev., 137 rev., 205 rev.]
	Kazanskaya Blagochinie	232 [19, sht. 142 rev., 180–181]
	Kamienskaya Blagochinie	7215 [20, sht. 21, 91 rev., 249 rev., 255 rev., 261 rev., 269 rev.]
	Milyutinskaya Blagochinie	1324 [24, sht. 68, 156, 238]
	Mityakinskaya Blagochinie	17 [25, sht. 21, 61]
	Tarasovskaya Blagochinie	54 [39, sht. 10 rev., 25 rev., 100 rev.]
Total:		10 436
First Don Okrug	Konstantinovskaya Blagochinie	4938 [22, sht. 86 rev., 136 rev., 152 rev., 170 rev., 190 rev., 198 rev., 207 rev., 214 rev.]
	Razdorskaya Blagochinie	zero [35, sht. 13–203]
	Semikarakorskaya Blagochinie	583 [38, sht. 123 rev.]
	Tsimlyanskaya Blagochinie	all agreements taken into account
Total:		5521
Salsk Okrug	Salsk Blagochinie	4410 [37, sht. 110, 144, 151]
Total:		4410
Second Don Okrug	Kachalinskaya Blagochinie	82 [21, sht. 44, 263]
	Nizhniy Chir Blagochinie	10 140 [26, sht. rev.–79, 93 rev., 140 rev.–141, 150 rev., 151, 157 rev., 167 rev., 175 rev., 185 rev., 209 rev.]
	Oblivskaya Blagochinie	1023 [31, sht. 25, 67, 109, 177]
	Potemkinskaya Blagochinie	578 [32, sht. 19, 43, 57]
	Chernyshevskaya Blagochinie	679 [44, sht. 65, 101, 272]
Total:		12 502
Koper Okrug	Pravotorovskaya Blagochinie	zero [33]
	Preobrazhenskaya Blagochinie	zero [34, sht. 15–237]
	Uryupinskaya Blagochinie	zero [40, sht. 23–241]
	Filonovskaya Blagochinie	zero [42, sht. 24–215]
	Zotovskaya Blagochinie	31 [17, sht. 78 rev., 128 rev., 198 rev.]
Total:		31
Ust-Medveditsk Okrug	Berezovskaya Blagochinie	3233 [13, sht. 5 rev., 57 rev., 63 rev., 101 rev.; 12, sht. 6 rev., 16 rev.]
	Glazunovskaya Blagochinie	all agreements taken into account
	Ust-Medveditskaya Blagochinie	3 [41, sht. 101]
Total:		3236
In Total:		39 602

Table 2. The strength of the Old Believers of the Austrian (Belaya Krinitsa) concord in the DCHR in 1908–1916

Okrug	Blagochinie (a group of parishes)	Number of People
Cherkassk Okrug	Aksaiaya Blagochinie	1434 [7, sht. 29 rev., 75 rev., 95 rev., 106 rev., 120 rev.; 8, sht. 170 rev., 197 rev., 219 rev., 234 rev., 243 rev., 249 rev., 265 rev., 274 rev.]
	Aleksandrovsk-Grushevskiy Blagochinie	24 [9, sht. 43 rev., 51 rev., 170 rev.]
	Kagalnitskaya Blagochinie	968 [18, sht. 11, 105, 174]
	Novocherkassk	12 [30, sht. 61]
	Novocherkassk Blagochinie	zero
Total:		2438
Taganrog Okrug	Amvrosievskaya Blagochinie	28
	Kirsanovskaya Blagochinie	zero
	Novonikolaevskaya Blagochinie	155 [27, sht. 98, 163, 257, 314, 333]
	Rovenetskaya Blagochinie	4 [36, sht. 46]
	Makeevka Blagochinie	zero
Total:		178
Donetsk Okrug	Bogdano-Kievskaya Blagochinie	59 [14, sht. 104 rev., 128 rev.]
	Degtevskaaya Blagochinie	zero
	Kazanskaya Blagochinie	zero
	Kamienskaya Blagochinie	4 [19, sht. 283 rev.]
	Milyutinskaya Blagochinie	587 [24, sht. 39]
	Mityakinskaya Blagochinie	25 [25, sht. 92]
	Tarasovskaya Blagochinie	zero
Total:		675
First Don Okrug	Konstantinovskaya Blagochinie	587 [22, sht.39]
	Razdorskaya Blagochinie	zero [35, sht. 13–203]
	Semikarakorskaya Blagochinie	2120 [38, sht. 18 rev., 28 rev., 35 rev., 43 rev., 131 rev.]
	Tsimlyanskaya Blagochinie	3913 [43, sht. 14 rev., 147 rev., 159 rev., 233 rev., 240 rev.]
Total:		6620
Salsk Okrug	Salsk Blagochinie	603 [37, sht. 82, 167, 224, 237, 254, 278]
Total:		603
Second Don Okrug	Kachalinskaya Blagochinie	5308 [21, sht. 26, 315]
	Nizhniy Chir Blagochinie	8228 [26, sht. 6 rev., 20 rev., 28 rev., 54 rev., 55, 56, 175 rev., 201 rev., 202–202 rev., 217 rev., 227 rev., 240 rev.]
	Oblivskaya Blagochinie	2383 [31, sht. 37, 89, 131, 141, 153]
	Potemkinskaya Blagochinie	2351 [32, sht. 89, 106, 165, 196]
	Chernyshevskaya Blagochinie	1161 [44, sht. 55 rev., 175, 187, 197, 249, 251]
Total:		19 431
Hoper Okrug	Pravotorovskaya Blagochinie	zero [33]
	Preobrazhenskaya Blagochinie	zero [34, sht. 15–237]
	Uryupinskaya Blagochinie	zero [40, sht. 23–241]
	Filonovskaya Blagochinie	zero
	Zotovskaya Blagochinie	zero [42, sht. 24–215]
Total:		zero
Ust-Medveditsk Okrug	Berezovskaya Blagochinie	zero
	Glazunovskaya Blagochinie	3450 [15, sht. 22, 49 rev., 99, 112, 200, 233, 296, 320, 335]
	Ust-Medveditskaya Blagochinie	1382 [41, sht. 56, 74, 77, 101, 116, 140, 167, 187]
Total:		4832
In Total:		34 777

Таблица 3. Численность старообрядцев беспоповцев Области войска. 1908–1916 гг.

Table 3. The strength of the *Bespopovtsy* in the DCHR in 1908–1916

Okrug	Diocese	Number of People
Cherkassk Okrug	Aksaiaya Blagochinie	868 [7, sht. 29 rev., 61 rev., 75 rev., 95 rev, 8, sht. 156 rev.]
	Aleksandrovsk-Grushevskiy Blagochinie	10 [9, sht. 63 rev.]
	Kagalnitskaya Blagochinie	18 [18, sht. 105]
	Novocherkassk	zero
	Novocherkassk Blagochinie	868 [7, sht. 29 rev., 61 rev., 75 rev., 95 rev.; 8, sht. 156 rev.]
Total:		896
Taganrog Okrug	Amvrosievskaya Blagochinie	5 [10, sht. 41a]
	Kirsanovskaya Blagochinie	zero
	Novonikolaevskaya Blagochinie	45 [27, sht. 227 rev., 344, 369; 28, sht. 34 rev.]
	Rovenetskaya Blagochinie	16 [36, sht. 22, 148]
	Makeevka Blagochinie	zero
Total:		66
Donetsk Okrug	Bogdano-Kievskaya Blagochinie	69 [14, sht. 128 rev.]
	Degtevsckaya Blagochinie	zero
	Kazanskaya Blagochinie	zero
	Kamienskaya Blagochinie	zero
	Milyutinskaya Blagochinie	219 [24, sht. 39]
	Mityakinskaya Blagochinie	zero
	Tarasovskaya Blagochinie	zero
Total:		288
First Don Okrug	Konstantinovskaya Blagochinie	zero
	Razdorskaya Blagochinie	zero
	Semikarakorskaya Blagochinie	2887 [38, sht. 35 rev., 43 rev., 70 rev., 78 rev., 191 rev., 206 rev.]
	Tsimlyanskaya Blagochinie	512 [43, sht. 159 rev., 147 rev., 233 rev.]
Total:		3399
Salsk Okrug	Salsk Blagochinie	28 [37, sht. 167, 254]
Total:		28
Second Don Okrug	Kachalinskaya Blagochinie	331 [21, sht. 9, 315]
	Nizhniy Chir Blagochinie	4141 [26, sht. 20 rev., 28 rev., 54 rev., 55, 56, 194, 201 rev., 202–202 rev., 217 rev.]
	Oblivskaya Blagochinie	755 [31, sht. 37, 89, 131, 141, 153, 167]
	Potemkinskaya Blagochinie	390 [32, sht. 106, 165, 196, 197]
	Chernyshevskaya Blagochinie	4682 [44, sht. 251]
Total:		10 299
Khooper Okrug	Pravotorovskaya Blagochinie	zero
	Preobrazhenskaya Blagochinie	zero
	Uryupinskaya Blagochinie	zero
	Filonovskaya Blagochinie	zero
	Zotovskaya Blagochinie	zero
Total:		zero
Ust-Medveditsk Okrug	Berezovskaya Blagochinie	zero
	Glazunovskaya Blagochinie	368 [15, sht. 22, 99, 112, 158, 233, 320]
	Ust-Medveditskaya Blagochinie	454 [41, sht. 77, 140, 187]
Total:		822
In Total:		15 798

REFERENCES

1. Barsov T.V. *Sborniki deistvuiushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po Vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia* [Collections of Current and Leading Church and Church-Civil Decrees on the Department of Orthodox Confession]. Saint Petersburg, 1885, iss. 1. XX, 663, CLXXVIII p.
2. Druzhinin V.G. *Raskol na Donu v kontse XVII veka* [The Split on the Don at the End of the 17th Century]. Rostov-on-Don, Antei Publ., 2015. 344 p. Reprint Edition.
3. Ershova O.P. *Staroobriadchestvo i vlast'* [Old Belief and Power]. Moscow, Unikum-tsentr Publ., 1999. 203 p.
4. Zenkovskii S.A. *Russkoe staroobriadchestvo* [Russian Old Believers]. Moscow, Institut DI-DIK, 2016, iss. 2. 712 p.
5. Ivanovskii N.I. *Rukovodstvo po istorii i oblicheniiu russkogo raskola s prisovokupleniem svedenii o sektakh ratsionalisticheskikh i misticheskikh* [A Guide to the History and Exposure of the Russian Schism with the Addition of Information About the Rationalist and Mystical Sects]. Kazan', Tip. Imperat. un-ta, 1892. 520 p.
6. *Kazachestvo iuga Rossii v Krymskoi voine 1853–1856 gg.* [Cossacks of the Russia South in the Crimean War of 1853–1856]. Rostov-on-Don, YuNTS RAN, 2017. 408 p.
7. Klirovye vedomosti Aksaiskogo blagochiniia za 1910 g. [The Clerical Records of the Aksay Deanery for 1910]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11752, iss. 1. 146 l.
8. Klirovye vedomosti Aksaiskogo blagochiniia za 1910 g. [The Clerical Records of the Aksay Deanery for 1910]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11752, iss. 2. 144 l.
9. Klirovye vedomosti Aleksandrovs-Grushevskogo blagochiniia za 1900 g. [The Clerical Records of the Aleksandrovs-Grushevsky Deanery for 1900]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 10544. 223 l.
10. Klirovye vedomosti Amvrosievskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of the Amvrosievka Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11901. 215 l.
11. Klirovye vedomosti Bagaevskogo blagochiniia za 1909 g. [The Clerical Records of the Bagaevskaya Deanery for 1909]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11672. 150 l.
12. Klirovye vedomosti Berezovskogo blagochiniia za 1910 g. [The Clerical Records of the Berezovskaya Deanery for 1910]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11745. 165 l.
13. Klirovye vedomosti Berezovskogo blagochiniia za 1911 g. [The Clerical Records of the Berezovskaya Deanery for 1911]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11882. 68 l.
14. Klirovye vedomosti Bogdano-Kievskogo blagochiniia za 1915 g. [The Clerical Records of the Bogdano-Kievsky Deanery for 1915]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 12167. 175 l.
15. Klirovye vedomosti Glazunovskogo blagochiniia za 1913 g. [The Clerical Records of the Glazunovskaya Deanery for 1913]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11972. 344 l.
16. Klirovye vedomosti Ermakovskogo blagochiniia za 1909 g. [The Clerical Records of the Ermakovskaya Deanery for 1909]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11663. 209 l.
17. Klirovye vedomosti Zotovskogo blagochiniia za 1910 g. [The Clerical Records of the Zotovskaya Deanery for 1910]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11744. 234 l.
18. Klirovye vedomosti Kagalnitskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of the Kagalnitskaya Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 452. 318 l.
19. Klirovye vedomosti Kazanskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of the Kazanskaya Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11898. 255 l.
20. Klirovye vedomosti Kamenskogo blagochiniia za 1909 g. [The Clerical Records of the Kamenskaya Deanery for 1909]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11665. 283 l.
21. Klirovye vedomosti Kachalinskogo blagochiniia za 1914 g. [The Clerical Records of the Kachalinskaya Deanery for 1914]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 12080. 336 l.
22. Klirovye vedomosti Konstantinovskogo blagochiniia za 1908 g. [The Clerical Records of the Konstantinovskaya Deanery for 1908]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11568. 231 l.
23. Klirovye vedomosti Makeevskogo blagochiniia za 1911 g. [The Clerical Records of the Makeevka Deanery for 1911]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11826. 157 l.
24. Klirovye vedomosti Miliutinskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of

the Miliutinskaya Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11892. 256 l.

25. Klirovye vedomosti Mityakinskogo blagochiniia za 1915 g. [The Clerical Records of the Mityakinskaya Deanery for 1915]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 12169. 177 l.

26. Klirovye vedomosti Nizhne-Chirskogo blagochiniia za 1908 g. [The Clerical Records of the Nizhne-Chirskaya Deanery for 1908]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11612. 257 l.

27. Klirovye vedomosti Novonikolaevskogo blagochiniia za 1914 g. [The Clerical Records of the Novonikolaevskaya Deanery for 1914]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 12081. 411 l.

28. Klirovye vedomosti Novopavlovskogo blagochiniia za 1898 g. [The Clerical Records of the Novopavlovskaya Deanery for 1898]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11602. 155 l.

29. Klirovye vedomosti Novocherkasskogo blagochiniia za 1910 g. [The Clerical Records of the Novocherkassk Deanery for 1910]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11732. 240 l.

30. Klirovye vedomosti Novocherkasskogo kafedralnogo Voznesenskogo sobora za 1916 g. [The Clerical Records of the Novocherkassk Ascension Cathedral Deanery for 1916]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 12340. 61 l.

31. Klirovye vedomosti Oblivskogo blagochiniia za 1915 g. [The Clerical Records of the Oblivsky Deanery for 1915]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 12168. 213 l.

32. Klirovye vedomosti Potemkinskogo blagochiniia za 1915 g. [The Clerical Records of the Potemkinskaya Deanery for 1915]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 12166. 214 l.

33. Klirovye vedomosti Pravotorovskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of the Pravotorovskaya Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11888. 236 l.

34. Klirovye vedomosti Preobrazhenskogo blagochiniia za 1913 g. [The Clerical Records of the Preobrazhenskaya Deanery for 1913]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11969. 236 l.

35. Klirovye vedomosti Razdorskogo blagochiniia za 1916 g. [The Clerical Records of the Razdorskaya Deanery for 1916]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 12338. 203 l.

36. Klirovye vedomosti Rovenetskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of the Rovenky Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11900. 280 l.

37. Klirovye vedomosti Salskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of the Salsk Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11891. 278 l.

38. Klirovye vedomosti Semikarakorskogo blagochiniia za 1909 g. [The Clerical Records of the Semikarakorskaya Deanery for 1909]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11680. 206 l.

39. Klirovye vedomosti Tarasovskogo blagochiniia za 1911 g. [The Clerical Records of the Tarasov Deanery for 1911]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11828. 120 l.

40. Klirovye vedomosti Uriupinskogo blagochiniia za 1911 g. [The Clerical Records of the Uriupinskaya Deanery for 1911]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11819. 242 l.

41. Klirovye vedomosti Ust-Medveditskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of the Ust-Medveditskaya Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 9609. 220 l.

42. Klirovye vedomosti Filonovskogo blagochiniia za 1913 g. [The Clerical Records of the Filonovskaya Deanery for 1913]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11970. 215 l.

43. Klirovye vedomosti Tsymlianskogo blagochiniia za 1910 g. [The Clerical Records of the Tsymlianskaya Deanery for 1910]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11747. 254 l.

44. Klirovye vedomosti Chernyshevskogo blagochiniia za 1912 g. [The Clerical Records of the Chernyshevskaya Deanery for 1912]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 226, inv. 3, d. 11895. 293 l.

45. Kliukina-Borovik Iu.V. Perepisi i materialy statisticheskogo ucheta chislennosti staroobriadtsev Ekaterinburga v 1860–1890kh gg. [Censuses and Statistical Records of the Number of Old Believers in Yekaterinburg in the 1860s–1890s]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary], 2015, no. 4 (12), pp. 124–130.

46. Konstantinova M.K. *Raboty po staro-obriadchestvu* [Works on Old Believers]. Tula, Tulskaa poligrafist Publ., 2009. 325 p.

47. Krakhmalnikov A.P., Pankratov A.V. Belokrinitskaia ierarkhiia [Belokrinitskaya Hierarchy]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox

Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2002, iss. 4, pp. 542-556.

48. Krotov O.S. Geografiia rasprostraneniia i otsenka chislennosti staroobriadtsev na Donu v XVIII v. [Geography of Distribution and Assessment of the Number of Old Believers on the Don in the 18th Century]. *Aktualnye problemy sotsialnoi istorii, filosofii i sotsialnoi raboty: tez. dokl. i soobshchenii* [Actual Problems of Social History, Philosophy and Social Work. Abstracts]. Novocherkassk, Novocherkasskii inzhenerno-meliorativnyi in-t im. A.K. Kortunova, 2016, pp. 34-36.

49. Krotov O.S. Povsednevnyi mir donskikh staroobriadtsev vo vtoroi polovine XVIII veka [The Everyday World of the Don Old Believers in the Second Half of the 18th Century]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of Higher Educational Institutions. North Caucasian Region. Social Sciences], 2017, no. 4 (196), pp. 56-60.

50. Kuzoro K.A. *Tserkovnaia istoriografiia staroobriadchestva: vznikovenie i evoliutsiia (vtoraia polovina XVII – nachalo XX v.)* [Church Historiography of the Old Believers: Origin and Evolution (Second Half of the 17th – early 20th Centuries)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2011. 180 p.

51. Lunochkin D.M. Problemy staroobriadchestva kazakov Dona v kontekste istoriografii staroobriadchestva v Rossii [Problems of the Old Believers of the Don Cossacks in the Context of the Historiography of the Old Believers in Russia]. Tiumentsev I.O., ed. *Istochnikovedcheskie problemy v issledovaniikh po istorii kazachestva XX veka: vseros. nauch.-prakt. konf.* [Source Study Problems in Research on the History of the Cossacks of the 20th Century. The All-Russian Scientific and Practical Conference]. Vologda, 2013, pp. 90-96.

52. Mashkovtseva V.V. Normativnoe regulirovanie konfessional'noi politiki gosudarstva po otnosheniiu k staroobriadtsam v XIX – nachale XX v. [Normative Regulation of the Confessional Policy of the State in Relation to the Old Believers in the 19th – Early 20th Centuries]. *Russkii mir: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. «Russkoe staroobriadchestvo v istorii i kulture: proshloe i nastoiashchee», 16 nojab., 2010* [Russian World. Collection of Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Old Believers in History and Culture: Past and Present”, November 16, 2010]. Perm, 2010, pp. 151-163.

53. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ia (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the late Middle Ages (Before 1671)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta Press, 1998. 510 p.

54. Nikolaev K.N. *Ocherk istorii popovshchiny s 1846 goda* [Essay on the History of Priesthood Since 1846]. Moscow, Universitetskaia tip., 1865. II, 137 p.

55. Ovsiannikov E., sviashch. Prichiny shirokogo rasprostraneniia staroobriadcheskogo raskola na Donu [Reasons for the Wide Spread of the Old Believer Schism in the Don]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti* [Don Diocesan Gazette], 1902, no. 29, pp. 652-657; no. 30, pp. 666-671; no. 31, pp. 697-700; no. 32, pp. 714-717, 779-783; no. 33, pp. 735-741; no. 35, pp. 794-800; no. 36, pp. 831-837.

56. *Pervaia vseobshchaia perepis Rossiiskoi imperii 1897 g. Oblast voiska Donskogo* [The First General Census of the Russian Empire in 1897. The Region of the Don Army]. Saint Petersburg, 1905. 255 p.

57. Pokrovskii N.N., Ageeva E.A. Beglopovttsy [Runners]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2002, iss. 4, pp. 416-424.

58. Pomorskoe soglasie [Pomorian Consent]. *Khristianstvo: Entsiklopedicheskii slovar: v 3 t.* [Christianity. Encyclopedic Dictionary in 3 volumes]. Moscow, Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1995, vol. 2, pp. 365-366.

59. Prugavin A.S. *Staroobriadchestvo vo vtoroi polovine XIX veka. Ocherki iz noveishei istorii raskola* [Old Believers in the Second Half of the 19th Century. Essays on the Recent History of the Schism]. Moscow, Otd. tip. t-va I.D. Sytina, 1904. 281 p.

60. Redkina O.Iu. Starovery Nizhnei Volgi i Dona v kontse XIX – XX veke [Old Believers of the Lower Volga and Don in the Late 19th – Early 20th]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian History], 2012, no. 4, pp. 15-27.

61. Redkina O.Iu. Staroe russkoe sektantstvo na Nizhnei Volge i Donu v XVIII–XX vv. [Old Russian Sectarianism on the Lower Volga and Don in the 18th – 20th Centuries]. *Geoekonomicheskie i etnokul'turnye osobennosti khoziaistvennogo razvitiia Priaspia i Priazovia v XVIII–XX vv.* [Goeconomic and Ethnocultural Features of the Economic Development of the Caspian and Azov Regions in the 18th – 20th Centuries]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1999, pp. 117-131.

62. Sen D.V. Staroobriadchestvo na Donu v kontse XVII veka. K 325-letiiu kazni liderov donskikh staroobriadtsev v Moskve [Old Believers on the Don at the End of the 17th Century. To the 325th Anniversary of the Execution of the Leaders of the Don Old Believers in Moscow]. *Donskoi vremennik*. Rostov-on-Don, 2012, iss. 21, pp. 111-114.

63. Snesev N. *Donskaia eparkhiia i desiatiletnee upravlenie eiu arkhiepiskopa Platona* [Don Diocese and Ten-Year Administration of it by Archbishop Platon]. Odessa, Tipografiia Shtaba Odesskogo Voennogo Okruga, 1880, iss. 2. 238 p.

64. Snesev N.P. Svedeniia o zhizni i deiatelnosti Vysokopreosviashchennogo Platona [Information About the Life and Work of His Eminence Platon]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti* [Don Diocesan Gazette], 1877, iss. 13, pp. 401-407.

65. *Sobranie postanovlenii po chasti raskola. Postanovleniia Ministerstva vnutrennikh del* [Collection of Resolutions on the Part of the Split. Ministries of the Interior]. London, Trübner & Co, 1863, iss. 1, VI, 264. 16 p.

66. Staroobriadchestvo [Old Believers]. *Khristianstvo: Entsiklopedicheskii slovar: v 3 t.* [Christianity. Encyclopedic Dictionary in 3 volumes]. Moscow, Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1995, vol. 2, p. 629.

67. Subbotin N.I. *Istoriia tak nazyvaemogo Avstriiskogo ili Belokrinit'skogo sviashchenstva* [The History of the So-Called Austrian or Billa Krynytsia Priesthood]. Moscow, Tip. G. Lissnera i A. Geshelia, 1899, iss. 2. 388 p.

68. Subbotin N.I. *O sushchnosti i znachenii raskola v Rossii* [On the Essence and Significance of the Split in Russia]. Saint Petersburg, Sinod. tip., 1892. 47 p.

69. Chizhevskii I., prot. *Tserkovnoe pis'movodstvo. Sobranie pravil, postanovlenii i form k pravil'nomu vedeniiu onago* [Church Writing. A Collection of Rules, Regulations and Forms for Its Correct Administration]. Khar'kov, Tipolitografiia Okruzhnogo shtaba, 1881. 391 p.

70. Iukhimenko E.M., Maltsev A.I., Ageeva E.A. *Bespopovtsy. Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2002, iss. 4, pp. 702-724.

Information About the Author

Alla V. Shadrina, Candidate of Sciences (History), Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, bergson@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1925-0216>

Информация об авторе

Алла Валерьевна Шадрина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, bergson@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1925-0216>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.10>

UDC 281.9(470.43)
LBC 63.3(2)64-22

Submitted: 20.08.2020
Accepted: 30.01.2022

RELIGIOUS SITUATION IN TOGLIATTI ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (1988–1997)

Vadim N. Yakunin

Moscow Institute of Art and Industry, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the religious situation and activities of Orthodox religious organizations, as well as changes in state-church relations in 1988–1997 on the example of Togliatti. The correlation between official religious policy and its concrete implementation on the ground is analyzed. The purpose of the article is to study the nature and assess the results of state-church relations in Togliatti after the adoption of the new Statute of the Russian Orthodox Church in 1988, the USSR Law “On freedom of conscience and religious organizations” since October 1, 1990. The chronological framework of the study covers the years 1988–1997, since during this period it is possible to analyze how the church policy was carried out in this area after the adoption of the new Statute of the Russian Orthodox Church, the USSR Law “On Freedom of Conscience” conscience and religious organizations” dated October 1, 1990. *Methods and materials.* The purpose of the article was achieved using archival documents and materials from periodicals. The research methodology includes the method of document analysis, and when working with periodic materials, the method of synchronous comparison with documentary material was used. *Analysis.* In 1988, there was only 1 registered religious community in Togliatti in the name of the Kazan Icon of the Mother of God. In 1989–1997, it was possible to organize 7 Orthodox parishes in different districts of the city, 1 monastery, and 3 house churches. Despite the difficult times of crisis, their material base grew stronger. Since the beginning of the 90s of the 20th century, many Orthodox parishes have received serious assistance from the state and government bodies, representatives of industry, banking capital and business. *Results.* The article states that, despite the formal separation of religious organizations from the state, the ROC got preferences in the form of direct budgetary financing of church construction, attracting sponsorship funds through state institutions for the same temple construction, and creating charitable foundations in the center and locally.

Key words: bishops, charity, religious communities, temple building, church revenues, Sunday schools, pilgrimages, Togliatti.

Citation. Yakunin V.N. Religious Situation in Togliatti on the Example of the Russian Orthodox Church (1988–1997). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 136-148. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.10>

УДК 281.9(470.43)
ББК 63.3(2)64-22

Дата поступления статьи: 20.08.2020
Дата принятия статьи: 30.01.2022

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ТОЛЬЯТТИ НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1988–1997 гг.)

Вадим Николаевич Якунин

Московский художественно-промышленный институт,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется религиозная ситуация и деятельность православных религиозных организаций, а также изменение государственно-церковных отношений в 1988–1997 гг. в г. Тольятти. Проанализировано соотношение официальной религиозной политики с конкретным ее воплощением на местах. Цель статьи – исследовать характер и оценить результаты государственно-церковных отношений в Тольятти

после принятия в 1988 г. нового Устава РПЦ, а в 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях». В работе использованы материалы центрального государственного архива Самарской области, муниципального казенного учреждения «Тольяттинский архив», текущего архива Самарского епархиального управления, периодическая печать рассматриваемого периода, материалы личного архива автора: переписка духовенства с должностными лицами Тольятти и Самарской области, отчеты чиновников как светских, так и церковных о религиозной обстановке в Самарской области и г. Тольятти, протоколы собраний Ставропольского благочиния, проекты документов и сами документы, другие официальные и неофициальные материалы, которые в силу своей специфики не попадают ни в церковные, ни в светские архивы. Методология исследования включает метод анализа документов, в работе с материалами периодической печати был применен метод синхронного сопоставления с документальным материалом. В статье утверждается, что несмотря на формальное отделение от государства религиозных организаций, РПЦ, были предоставлены преференции в виде прямого бюджетного финансирования церковного храмостроительства, привлечения с помощью государственных институтов средств спонсоров на то же храмостроительство, создание с участием государственных и муниципальных структур совместно с РПЦ благотворительных фондов в центре и на местах.

Ключевые слова: духовенство, благотворительность, религиозные общины, храмостроительство, церковные доходы, воскресные школы, паломничества, Тольятти.

Цитирование. Якунин В. Н. Религиозная ситуация в Тольятти на примере Русской православной церкви (1988–1997 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 136–148. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.10>

Введение. Исследование охватывает 1988–1997 гг., так как за этот период можно проанализировать, как воплощалась в жизнь церковная политика на местах после принятия нового Устава РПЦ и Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» 1 октября 1990 г. и до принятия нового Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» 26 сентября 1997 года.

Выбор г. Тольятти объясняется спецификой этого города в общественной и религиозной жизни в СССР, а затем и в Российской Федерации. В дореволюционном Ставрополе имелось 2 большие каменные церкви и 2 часовни, все они были закрыты или переоборудованы в 20–30-е гг. XX века. Начиная с 1919 г. практически все священнослужители были репрессированы. В конце 1944 г. стало возможно открытие Никольского храма в Ставрополе (в здании колокольни при Троицком соборе) [17–19; 20]. Однако затем из-за строительства Волжской ГЭС Ставропольна-Волге был перенесен на новое место, а оставшиеся в зоне затопления храмы разрушены. Перед затоплением Ставрополя местные власти, уступая просьбам церковной общины Троицкого собора, 22 сентября 1954 г. выделили участок земли под строительство молитвенного дома, который собрали из 2 обычных срубных домов, перенесенных из затопляемой зоны.

На строительство, а затем работу на Волжском автозаводе приезжали в качестве зарубежных специалистов итальянцы, а вместе с ними итальянские священники, посещавшие православный приход во имя Казанской иконы Божией Матери. Власти не могли игнорировать этот факт, поэтому в 1968 г. разрешили пристроить к деревянному молитвенному дому колокольню, а в 70-е гг. XX в. настоятелю прихода, протоиерею Евгению Зубовичу, посетить с паломничеством святые места Италии. В конце 70-х гг. XX в. епархиальный архиерей поставил задачу перестройки молитвенного дома в Тольятти, которую удалось осуществить в 1985 г., но вместо реконструкции был построен новый храм, что было нетипично для того времени, церковное храмостроительство началось в СССР только через 2 года. Таким образом, мы видим, что местные власти г. Тольятти в религиозных вопросах действовали независимо от контролирующих религиозные организации ведомств, что вызывало порой их недовольство.

Тенденции к смене курса в религиозной политике государства на уровне г. Тольятти проявились уже в 1985 г., когда власти позволили на месте деревянного православного молитвенного дома построить кирпичный храм прихода во имя Казанской иконы Божией Матери.

К концу 80-х гг. XX в. в Тольятти были незарегистрированные группы старообрядцев, принадлежащие к Древлеправославной Поморской церкви и Русской православной старообрядческой церкви, вторая группа организационно оформилась в конце 90-х гг. XX века.

Методы и материалы. Реализация исследования была достигнута на основе использования материалов муниципального казенного учреждения (МКУ) «Тольяттинский архив» (распоряжения и постановления мэра г. Тольятти), данных периодической печати, воспоминаний современников, материалов закрытого для общественности текущего архива Самарского епархиального управления (отчеты правящего архиерея Самарской епархии в Московскую Патриархию), материалов личного архива автора: отчеты чиновников о религиозной обстановке в Самарской области и г. Тольятти, другие официальные и неофициальные материалы, многие из которых в силу своей специфики не попадают ни в церковные, ни в светские архивы (переписка руководителей религиозных организаций с чиновниками различного уровня г. Тольятти и администрации Самарской области; протоколы совещаний в религиозных организациях).

Решая вопрос о достоверности и репрезентативности вводимых в оборот источников, была изучена история происхождения и судьба этих источников, используя содержательный и корреляционный анализ, а также проанализировали их на предмет выявления закономерностей в происходивших изменениях в религиозной жизни и тенденций в ее формировании.

Новейшая историография проблемы охватывает историю православного церковного храмостроительства в Тольятти в тот либо более поздний периоды [44; 45].

Анализ. Изменение государственно-церковных отношений как в центре, так и на местах началось с Русской православной церкви.

29 апреля 1988 г. генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев принял в Кремле патриарха Московского и всея Руси Пимена и заявил, что государство обеспечило необходимые условия для проведения в стране празднования 1000-летия введения христианства на Руси.

В связи с юбилейными торжествами впервые после 1917 г. стала возможной внебогослужебная деятельность церкви на местах. Хор прихода во имя Казанской иконы Божией Матери в 1988 г. выступал с концертами церковной музыки в ДК «Юбилейный» [13]. В том же 1988 г. в Тольятти встречу священника с журналистами Агентства печати «Новости» организовывал Тольяттинский горком КПСС и горисполком в лице секретаря по идеологии К.М. Гордеевой и секретаря горисполкома М.А. Попова [4].

С введением нового Устава РПЦ в 1988 г. власть вернулась от церковных советов и старост к настоятелям, которые воспользовались ситуацией для реконструкции и строительства церковей [25]. С принятием 1 октября 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» религиозные общества получили самостоятельность в решении внутрцерковных вопросов [26].

Тольятти и Ставропольский район составили единое благочиние, которое в 1989 г. возглавил протоиерей Николай Манихин. Благочинный должен был давать предложения по открытию новых церковей и назначению в них настоятелей, но были и исключения из правил. Так, в обход благочинного, получил место настоятеля Преображенского собора в 1990 г. протоиерей Валерий Марченко – он напрямую обратился за содействием в этом вопросе к правящему архиерею. Формально он имел на это право, так как в функции благочинного не входит назначение духовенства на приходы, он лишь может дать рекомендацию архиерею. Скорее, был нарушен этический момент субординации, установление персональных контактов с правящим архиереем.

Протоиерей Николай Манихин как благочинный лоббировал вопросы выделения земли для православных приходов, был активным сторонником расширения внебогослужебной деятельности РПЦ, выступал против миссионерской деятельности новых религиозных организаций, появившихся в Тольятти с начала 90-х гг. XX в., вносил предложения епархиальному архиерею по кадровому составу духовенства и руководству приходской жизнью. Все назначения и перемещения производились архиерейскими указами.

Должность благочинного осуществлялась на общественных началах, никаких материальных преференций не давала, но в то же самое время она усиливала роль ее получателя в церковной среде, позволяла ему быть ближе к правящему архиерею, рекомендовать на те или иные приходы своих кандидатов. Именно благочинные стали проводниками на местах новой модели государственно-церковных отношений. Взаимодействуя с властью, многие из них старались позаботиться, прежде всего, о своем приходе.

Благодаря перестройке и новой государственно-церковной политике стало возможным церковные средства расходовать на церковные же цели, а не в Фонд мира, например, куда религиозные организации побуждало перечислять средства государство. В него перечислялось до 25 % всех церковных доходов. Перечисления в Фонд мира тяжким бременем ложились на приходские общины, вынужденные откладывать ремонтные работы и мероприятия по благоустройству церквей, чтобы вовремя внести «добровольные» взносы [24]. Первоначально, получив свободу действий, духовенство начало реконструировать православные храмы по своему усмотрению, не согласуя с органами архитектуры, из-за чего, впоследствии, некоторые из них приходилось переделывать, как келейный корпус прихода во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в Федоровке. Оттого не все вновь возводимые и реконструируемые в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. церкви можно признать украшением города. Не на пользу эстетике была и спешка, в которой реконструировали и строили новые церковные здания – духовенство опасалось смены курса по отношению к религии и церкви, недолговечности в изменении государственно-церковных отношений.

Новым для города явлением стала Знаменская богадельня при приходе во имя Казанской иконы Божией Матери, рассчитанная на 15 мест и действовавшая с 1991 г. до середины 2000-х годов. Идею об ее устройстве высказал бывший уполномоченный Совета по делам религий Владимир Сергеевич Власов, ставший в 1991 г. заведующим отделом по связям с религиозными организациями в администрации губернатора Самарской области [11; 14].

Характерно, что даже в этом, казалось бы, глубоко церковном вопросе инициативу проявил государственный служащий, что может свидетельствовать только о том, что за 70 лет советской власти у служителей церкви способность к самостоятельным активным действиям была практически атрофирована. В 1989 г. при приходе во имя Казанской иконы Божией Матери открылась воскресная школа. Многие из ее воспитанников стали впоследствии певчими, псаломщиками, священниками, поступили в духовные учебные заведения. Начали организовываться поездки по святым местам. Такие поездки были и ранее, но форму организованных паломничеств они приобрели только с конца 80-х гг. XX века.

Уполномоченный Совета по делам религий в своих отчетах разделил всех священников области на 3 категории, наиболее активных, выделявшихся среди остальной части духовенства, и среди них тольяттинского священника Вячеслава Тарасова, которые, по его мнению, активнее, чем другие влияли на верующих. «Другие священники, на наш взгляд, большинство, исполняют то, что положено им исполнять, не проявляя при этом особой активности. И, наконец, есть и третья категория лиц, которые вряд ли во что-либо верят, а духовное поприще избрали, чтобы жить беззаботно и быть материально обеспеченными», – писал уполномоченный [23]. Надо отметить, что такая характеристика священнослужителей применима и для описываемого периода.

После Поместного собора 1988 г. православные верующие Тольятти подняли вопросы о регистрации новых приходов и передаче им недействующих церковных зданий. За ходом рассмотрения этих вопросов правящий архиерей следил лично, несмотря на то что уполномоченный делал ему замечания за «излишнюю его в этом активность, что эти вопросы должны быть делом самих верующих» [24].

После полутора лет ходатайств верующих, в 1989 г., был открыт приход во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в поселке Федоровка г. Тольятти [21]. После революции 1917 г. храм – памятник архитектуры середины XIX в. был закрыт, в 70–80-е гг. XX в. в храме располагался магазин «Хоз-

товары» [26]. Настоятель храма Владимир Новичков открыл воскресную школу и взял под опеку пациентов наркологического центра «Воскресение»: навещал больных, проводил беседы, раздавал духовную литературу и иконы.

В 1989 г. было получено согласие епархиального архиерея и городских властей на строительство церкви в Автозаводском районе Тольятти. 13 декабря 1990 г. Преображенскому приходу городские власти предоставили квартиру на первом этаже 16-этажного дома как временный вариант, до строительства стационарного храма. Церковь заручилась в вопросе строительства собора поддержкой генерального директора ОАО «АвтоВАЗ» В.В. Каданникова. Спроектировал храмовый комплекс московский архитектор Дмитрий Сергеевич Соколов, один из значительнейших фигур в современной православной архитектуре России. Храмовый комплекс был построен в два этапа: крестильный храма св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна с административным корпусом (1994 г.), а затем уже Спасо-Преображенский собор (2002 г.) [1; 12]. В административном корпусе при храме разместились воскресная школа, библиотека с читальным залом, трапезная. По воскресным дням там проводили лекторий для прихожан [30].

В конце 80-х гг. XX в. верующие поставили вопрос о необходимости строительства церкви в Комсомольском районе. В 1990 г. архиепископ Самарский и Сызранский Евсевий одобрил их инициативу и предложил назвать приход в честь святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси. Под приход городские власти выделили деревянный барак (бывшее здание музыкальной школы № 1), на тот момент уже пустовавший. Верующие отремонтировали и обустроили его, и 31 мая 1991 г. там была совершена первая служба.

Приход во имя святого Архистратига Божия Михаила в поселке Поволжский был образован в 1991 г. и первоначально располагался в помещении на втором этаже ДК «Истоки».

Православный приход церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тольятти был создан в 1995 г., зарегистрирован в 1996 году. Располагался он в квартире на первом этаже шест-

надцатипятиэтажного дома, выделенной городскими властями.

Как видим, при открытии церкви первоначально организовывался приход, затем ему передавали либо заброшенное пустующее помещение, как в случае с приходом в честь патриарха Тихона, либо трехкомнатную квартиру в многоэтажных домах, как было с приходом в честь Покрова Пресвятой Богородицы и Преображения Господня, либо помещение в домах культуры, но с отдельным входом, как это было с приходом в честь святого Архистратига Божия Михаила.

Свято-Воскресенский мужской монастырь в Портпоселке начал свое существование с прихода во имя Успения пресвятой Богородицы. Для характеристики государственно-церковных отношений на уровне города важно обратиться к истории возникновения и становления этого монастыря. В 1995 г. город выделил в Портпоселке землю под строительство Успенского храма, для работы по его строительству нужны были временные помещения, которые нашли на заброшенной территории бывшей земской больницы. В ноябре 1995 г. городским управлением культуры был заключен договор аренды на 5 лет с Успенским приходом на 4 здания, одно из которых решили переоборудовать под домовый храм в честь Святого Христова Воскресения [8]. В октябре 1996 г. в Тольятти был зарегистрирован фонд по строительству духовно-культурного центра «Воскресение» (впоследствии слово «центр» заменили на «кремль», и уже в письме епископа Сергия губернатору Самарской области К.А. Титову 2 апреля 1997 г. фигурирует именно кремль), призванного помочь в решении вопросов по восстановлению зданий бывшей земской больницы [33]. В него вошли политики, чиновники, бизнесмены, директора строительных и промышленных предприятий Тольятти [34]. О масштабе работ свидетельствовало то, что мэр Тольятти Николай Уткин в июле 1996 г. сам утвердил ответственных за строительство как Успенского храма, так и центра «Воскресение» [38]. По мысли создателей проекта этот центр должен был стать местом отдыха горожан, изюминкой города, привлекающей туристов и выгодно выделяющей Тольятти. В местной прессе выходили статьи,

освещающие строительство центра и позиционирующие его благотворителей. В едином комплексе предполагалось строительство домово́й церкви, крепости с музеем русской истории, открытие юношеской школы «Русский богатырь», учебных классов, дома милосердия, центра народных промыслов с золотшвейной мастерской [27; 37; 39]. Предполагалось, что воссоздание национальных русских традиций, старинных ремесел – это то направление, с помощью которого будет происходить воспитание юных тольяттинцев. Практически все из задуманного, кроме дома милосердия и музея русской истории, в течение года было воплощено в жизнь. Решением Комитета по управлению имуществом Самарской области № 402 от 23.07.1997 г. православному приходу церкви в честь Святого Христо́ва Воскресения был передан комплекс зданий ИКП «Земская больница» в аренду на 25 лет с постановкой на баланс [28]. Вместе с тем церковное руководство предложило наряду с духовно-культурным центром создать на территории бывшей земской больницы мужской монастырь. Помимо спонсоров проекта нашлись энтузиасты среди горожан, готовые работать на строительстве бесплатно. 25 декабря 1997 г. решением Священного Синода и патриарха Московского и всея Руси Алексе́я II Воскресенскому храму был присвоен статус монастыря [16]. Его возглавил Александр Петров, который принял монашеский постриг с именем Феоктист. Так возник Свято-Воскресенский мужской монастырь.

Фактически на одной территории функционировало две организации: церковная (монастырь, созданный по решению церковных властей) и светская (благотворительный фонд «Воскресение», созданный в 1996 г. при поддержке и непосредственном участии городских властей и состоящий из чиновников и предпринимателей [34]), но раздельного учета по поступлению и расходованию денежных средств по монастырю и фонду не велось, при этом фонд никак не подчинялся церковным властям (возглавила его бывший руководитель управления культуры мэрии Тольятти Наталья Чумак, оставившая ради этого работу в мэрии). Городские власти и предприниматели финансировали монастырь через этот фонд, а церковные власти проконтролировать деятель-

ность фонда не могли, да и сам отец Феоктист не отчитывался перед епархией о состоянии финансовых дел в своем монастыре. Фактическое слияние церковной организации (монастыря) и светской (фонд «Воскресение») стало главной причиной отстранения Феоктиста (Петрова) от руководства монастырем церковными властями. Кроме того, благочинный Ставропольского округа протоиерей Николай Манихин считал, что отец Феоктист не советуется с ним по основным вопросам жизнедеятельности обители и мало служит, не проявляет заботы о быте братии монастыря и школы «Русский богатырь». Результатом стал рапорт протоиерея Николая на имя архиепископа Самарского и Сызранского Сергия, в котором отец Николай просил освободить его от попечения за Воскресенским монастырем. Добавилось и то обстоятельство, что иеромонах Феоктист открыл на территории монастыря школу для детей – НОУ «Русский богатырь», где изучались традиции русского рукопашного боя, а соответствующих условий для их проживания создано не было. Поэтому принято решение наместника монастыря заменить. Отстранение игумена Феоктиста послужило к дебатам и разделению в тольяттинском сообществе, у священника было много покровителей во властных и бизнес-структурах, которые отрицательно восприняли отстранение от руководства монастырем молодого и перспективного священника. Появились публикации в тольяттинской прессе [3; 7–9; 40], что не способствовало укреплению авторитета православной церкви. В поддержку иеромонаха Феоктиста было проведено собрание тольяттинской общественности в мэрии Тольятти, мэр Тольятти С.Ф. Жилкин и председатель думы Тольятти А.Н. Дроботов ездили к архиепископу Сергию на прием с просьбой пересмотреть свое решение, депутаты тольяттинской городской думы обратились к патриарху Московскому и всея Руси Алексе́ю II с аналогичной просьбой [9]. Таким образом, на примере благотворительного фонда «Воскресение» показано вхождение церковных и светских лидеров, предпринимателей в общую структуру для финансирования конкретного объекта, православного монастыря, что привело позже к конфликту интересов церковной и светской власти. В результате этого конф-

ликта городские власти были вынуждены уступить, фонд «Воскресение» прекратил свою деятельность, восстановить в должности иеромонаха Феоктиста не удалось.

С 1995 г. в Тольятти началось строительство и благоустройство домовых церквей при различных организациях, предприятиях, медицинских учреждениях. В городской клинической больнице № 5 в 1997 г. открыли приход в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона [41]. Основой его деятельности стало социальное служение. Приходом были подписаны соглашения о сотрудничестве с департаментом здравоохранения мэрии г. Тольятти, городской клинической больницей № 5, детской многопрофильной больницей № 1, городской больницей № 2, городским психоневрологическим диспансером, детским медико-реабилитационным центром «Ариадна». В соответствии с соглашениями, в этих больницах стало возможным совершать молебны, а также крещения и причащения больных, вести беседы с медицинским персоналом и верующими. Приходом проводились воскресные лектории по изучению Нового Завета и церковно-славянского языка, был организован православный телефон доверия [29].

Инициаторами строительства домовых храмов были руководители предприятий города. Так, идея строительства домового храма-часовни АО «АвтоВАЗ» в честь Архистратига Божия Михаила принадлежала руководителю АО «АвтоВАЗ» В.В. Каданникову, решение о строительстве было принято советом директоров ОАО «АвтоВАЗ» в марте 1997 г., а уже 21 ноября храм был освящен [31]. С середины 90-х гг. XX в. в Тольятти по инициативе руководства АО «АвтоВАЗ» стали привозить православные святыни: чтимые иконы и мощи святых [2; 6; 10; 42].

Спасо-Преображенский собор и домовый храм-часовня в честь Архистратига Божия Михаила преобразили архитектуру молодого индустриального города.

Что касается кадрового состава духовенства, то в Тольятти, как и во всей стране, наблюдался приток новых кадров, ведь открывающимся церквям нужны были священно- и церковнослужители. Кадры духовенства формировались в спешке, надо было заполнять вакантные должности в храмах. В условиях

отсутствия в Самарской области духовных учебных заведений в начале 1990-х гг. по рекомендации протоиерея Николая Манихина в священники рукополагались в первую очередь воцерковленные люди: дети священнослужителей и ревностные прихожане (статистики о числе священников по г. Тольятти нет, только по Самарской области). Они проходили практику в Богородично-Казанском храме, рукополагались в сан, затем поступали на заочное отделение семинарий. Когда в 1994 г. открылось Самарское духовное училище, позже преобразованное в семинарию, то кандидаты из Тольятти стали поступать туда [15]. В конце 90-х гг. XX в. среди учащихся семинарии было 10 тольяттинцев [43].

1–2 раза в год в Ставропольском благочинии проходили собрания духовенства. В июне 1997 г. на одном из таких собраний в благочинии было учреждено 10 отделов, курирующих различные направления деятельности: религиозное образование и катехизацию, медицину и наркологию, правоохранные органы, казачество, армию, исправительные учреждения, радио и телевидение, издательскую деятельность, молодежную деятельность, миссионерскую деятельность [36]. Таким образом, РПЦ стремилась глубже проникнуть в государственные и общественные структуры, утвердить там свое влияние. Но, как отмечал на собрании священнослужителей Ставропольского благочиния благочинный протоиерей Николай Манихин, за исключением отделов по религиозному образованию и катехизации и по медицине и наркологии, остальные практически не работали или работали формально [35].

С появлением новых приходов в Тольятти началось их расслоение по имущественному признаку, так как настоятель имел право распоряжаться церковной кассой, куда входили доходы от пожертвований прихожан, продажи свечей и икон, духовной литературы, платы за церковные требы, молебны (приходские доходы). Православные религиозные организации активно продавали религиозную продукцию как в храмах, так и в церковных лавках в крупных торговых центрах. Такая деятельность позволяла некоторым приходам (во имя Казанской иконы Божией Матери, во имя Благовещения Пресвятой Богородицы)

осуществить строительство своих храмов и церковных сооружений при храмах за собственный счет. В свою очередь каждый приход был обязан делать отчисления как в Епархиальное управление, так и на содержание Самарской духовной семинарии. В то время он составлял 10 % от оборота. Проконтролировать этот оборот было очень сложно, если не сказать невозможно, даже для церковных властей. Конкретных цифр нет, церковные документы, в том числе бухгалтерии, предназначены для служебного пользования. Надо учитывать и то обстоятельство, что в 90-е гг. XX в. спонсоры несли в храм в том числе и наличные средства. Приходовать эти средства было делом совести каждого настоятеля.

Каждый православный священник имел как твердый денежный оклад из средств прихода, так и доходы от совершения молебнов и треб, что составляло заработную плату священнослужителей. Поэтому чем богаче был приход, тем больше были и его доходы, подчас в городских храмах на порядок больше, чем в сельских. В самарских и тольяттинском храмах церковные доходы были одними из самых высоких в стране еще в доперестроечное время, в первую очередь благодаря высокому уровню жизни населения, близости промышленных гигантов и дисбалансу, когда на Тольятти приходился всего 1 храм, на Куйбышев 2 храма. В 60–80-е гг. XX в. совокупный годовой доход 2 куйбышевских храмов превышал 8 млн руб., а в Куйбышеве был самый высокий средний доход на 1 церковь в СССР [22]. Тольятти мало чем отличался в этом плане. К сожалению, высокие доходы привлекали в церковный штат не только верующих людей, но и карьеристов, стяжателей, и, хотя их было меньшинство, однако они своим поведением дискредитировали Церковь, а «духовное поприще избрали, чтобы жить беззаботно и быть материально обеспеченными» [23]. Афишировать свое благосостояние до конца 90-х гг. XX в. в священнической среде было не принято.

Православная жизнь Тольятти с середины 1990-х гг. стала выходить за пределы церковных стен, становиться частью общественной жизни. С 1994 г. в Тольятти ежегодно отмечается День славянской письменности и культуры. В 1994 г. впервые в нем приняли

участие ученики школы № 80 с литературной духовной композицией, подготовленной завучем Н.П. Кутыревой [5]. На Центральной площади прошел первый концерт, посвященный этому празднику. С тех пор ежегодно 24 мая, в день памяти Кирилла и Мефодия, первоучителей словенских, по центральным улицам города проходит крестный ход.

В 1995 г. в Тольятти были открыты православная классическая гимназия и кафедра православной педагогики в Тольяттинском филиале Самарского государственного педагогического университета, что также укрепило позиции РПЦ не только в религиозной, но и общественной жизни города [32].

Результаты. Конец 80-х гг. XX в. – это время значительных перемен в общественной жизни страны, изменения идеологических парадигм, что неизбежно затронуло и религиозные организации, и сферу государственно-церковных отношений. Перемены в общественной жизни не могли обойти религиозные организации, в том числе и Русскую православную церковь (РПЦ), отмечавшую в 1988 г. 1000-летие крещения Руси. Кроме того, в 1988 г. был принят новый Устав РПЦ, по которому настоятелю храма возвращались полномочия по ведению финансово-хозяйственной деятельности. Торжества по случаю 1000-летия Крещения Руси дали мощный импульс религиозному возрождению, продолжающемуся и в наши дни. Поместный собор РПЦ 1988 г. вернул настоятелям полномочия в руководстве финансово-хозяйственной деятельностью приходов. Власть перестала вмешиваться во внутрицерковные отношения, с сентября 1989 г. приходы епархии всю отчетную документацию, в том числе и финансовую, направляли только в епархиальное управление. Религиозные организации получили возможность открытия воскресных школ, богаделен, осуществления благотворительной, просветительской и миссионерской деятельности. В 1989–1997 гг. стало возможным организовать и зарегистрировать 7 православных приходов в разных районах города и 1 монастырь. Православным верующим была возвращена 1 церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. 2 церкви, в честь св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и домовый храм-часовня во имя Святого Архистратига

Божия Михаила, были построены заново. Приходам во имя святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, во имя святого Архистратига Божия Михаила (пос. Поволжский) властями Тольятти были переданы временные помещения для совершения служб, одновременно эти приходы строили постоянные храмы. Свято-Воскресенский храм был переоборудован из одного из зданий бывшей земской больницы. Была оборудована молельная комната в помещении детского корпуса медгородка с отдельным входом, вскоре получившая статус домового церкви, было положено начало устройству таких комнат практически во всех больницах Тольятти. Характерно, что если в 1994 г. воскресные школы действовали только при двух тольяттинских храмах: Богородично-Казанском и Благовещенском [22], то придя к управлению Самарской епархией в 1993 г. епископ Сергей (Полеткин) обязал всех настоятелей открывать их. Воскресные школы способствовали приобщению к традициям русской культуры и православной вере, в них дети изучали Священное Писание, Закон Божий, церковно-славянский язык, церковное пение, историю и основы православной культуры, изобразительное искусство. При храмах стали функционировать библиотеки духовной литературы. Священнослужители Тольятти стали принимать участие в теле- и радиопередачах. На ТВ ВАЗа стала регулярно выходить передача «Преображение».

Вместе с тем в церковной среде усиливается расслоение по имущественному принципу. Рядовые служители приходов (диаконы и церковнослужители), особенно попавшие в трудную жизненную ситуацию, были вынуждены подрабатывать на стороне, вне церковной ограды, чтобы прокормить свои семьи, а в ряде случаев оставлять священнослужение и переходить на работу в светские организации. Какого-то содействия в своей беде работники церкви не получали, не говоря уже о рядовых прихожанах. В те годы в церковной среде не было принято организовывать взаимопомощь, даже для своих работников, и это вызывало вопросы у верующих. Не способствовало консолидации духовенства и перемещения без указания причин из одного прихода в другой.

Возрождение православных традиций, появление новых храмов в Тольятти было бы не таким интенсивным, если бы не помощь АО «АвтоВАЗ». Если раньше автозавод строил объекты соцкультбыта, то теперь стал возводить либо спонсировать объекты религиозного культа.

С начала 90-х гг. XX в. серьезную помощь многим православным приходам стали оказывать органы власти и управления, представители промышленности, банковского капитала, бизнеса. В свою очередь, РПЦ стала награждать таких меценатов и руководителей своими знаками отличия, что давало представителям органов власти шансы на получение голосов православных верующих. В этом отношении произошел некоторый диссонанс с законом «О свободе совести и религиозных организациях», провозглашавший отделение церкви от государства. Формально религиозные организации были отделены от государства, но фактически те преференции, которые были представлены РПЦ в виде прямого бюджетного финансирования церковного храмостроительства, привлечения с помощью государственных институтов средств спонсоров на то же храмостроительство, создание с участием государственных и муниципальных структур совместно с РПЦ благотворительных фондов в центре и на местах – все это говорило о первенствующем положении РПЦ в Российской Федерации по сравнению с другими религиозными организациями. И хотя государство с конца 80-х гг. XX в. перестало вмешиваться в кадровую политику религиозных организаций, влияние РПЦ на политиков, которые стремились заручиться ее поддержкой, было очень сильным, в том числе и в Тольятти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бездетный, Ю. Устремленный в небо / Ю. Бездетный // Площадь свободы. – 1995. – 15 сент. – С. 3.
2. Благовест. – 1997. – № 15. – С. 1.
3. Березий, О. Вокруг кремля / О. Березий // Площадь свободы. – 1999. – 12 марта. – С. 3.
4. Воспоминания М. А. Попова. Записано 05.11.2010 г. // Архив В. Н. Якунина. – Л. 3.
5. Воспоминания Н. П. Кутыровой. Записано 03.02.2019 г. // Архив В. Н. Якунина. – Л. 2.

6. Гуенко, Л. «Радуйся Николае, великий чудотворче» / Л. Гуенко // Презент. – 1997. – 19 мая. – С. 1.
7. Гуенко, Л. Скандал в обители / Л. Гуенко // Тольяттинское обозрение. – 1999. – 17 мая. – С. 8–9.
8. Гуенко, Л. Скандал в обители / Л. Гуенко // Тольяттинское обозрение. – 1999. – 24 мая. – С. 7–8.
9. Гуенко, Л. Скандал в обители / Л. Гуенко // Тольяттинское обозрение. – 1999. – 7 июня. – С. 7–9.
10. Зараконская, Н. «Мы далеко, но в молитвах мы рядом с вами» / Н. Зараконская // Миллион вечерний. – 1997. – № 28 (196). – С. 2.
11. Зобнина, Т. У богадельни – праздник / Т. Зобнина // Площадь свободы. – 1993. – 18 дек. – С. 4.
12. Наша душа христианка // Презент. – 1994. – 19 нояб. – С. 2.
13. Отчет правящего архиерея Куйбышевской епархии в Московскую Патриархию по Куйбышевской епархии за 1989 год // Текущий архив Самарского епархиального управления. – Л. 5.
14. Отчет правящего архиерея Самарской епархии в Московскую Патриархию по Самарской епархии за 1991 год // Текущий архив Самарского епархиального управления. – Л. 4.
15. Отчет правящего архиерея Самарской епархии в Московскую Патриархию по Самарской епархии за 1994 год // Текущий архив Самарского епархиального управления. – Л. 7.
16. Отчет правящего архиерея Самарской епархии в Московскую Патриархию по Самарской епархии за 1998 год // Текущий архив Самарского епархиального управления. – Л. 9.
17. Отчет уполномоченного Совета по делам РПЦ в Куйбышевской области за 1945 г. // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). – Ф. 4187. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 22.
18. Отчет уполномоченного Совета по делам РПЦ в Куйбышевской области за 1946 г. // ЦГАСО. – Ф. 4187. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 35.
19. Отчет уполномоченного Совета по делам РПЦ в Куйбышевской области за 1947 г. // ЦГАСО. – Ф. 4187. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 19.
20. Отчет уполномоченного Совета по делам РПЦ в Куйбышевской области за 1948 г. // ЦГАСО. – Ф. 4187. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 32.
21. Отчет уполномоченного Совета по делам религий в Куйбышевской области за 1989 г. // ЦГАСО. – Ф. 32. – Оп. 16. – Д. 3. – Л. 96, 325.
22. Отчет уполномоченного Совета по делам религий в Куйбышевской области за 1978 г. // ЦГАСО. – Ф. 3219. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 67.
23. Отчет уполномоченного Совета по делам религий в Куйбышевской области за 1979 г. // ЦГАСО. – Ф. 3219. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 23–28.
24. Отчет уполномоченного Совета по делам религий в Куйбышевской области за 1988 г. // ЦГАСО. – Ф. 3219. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 15–16.
25. Отчет уполномоченного Совета по делам религий в Куйбышевской области за 1990 г. // ЦГАСО. – Ф. 3219. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 22.
26. Отчет уполномоченного Совета по делам религий в Куйбышевской области за 1987 г. // ЦГАСО. – Ф. 3219. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 4.
27. Письмо управляющего Самарской епархией епископа Самарского и Сызранского Сергия губернатору Самарской области К. А. Титову № 77 от 2 апреля 1997 г. // Архив В. Н. Якунина. – Л. 1.
28. Письмо управляющего Самарской епархией епископа Самарского и Сызранского Сергия председателю комитета по управлению имуществом Самарской области В. Г. Мамигонову № 367 от 25 сентября 1997 г. // Архив В. Н. Якунина. – Л. 1.
29. Письмо протоиерея Андрея Гриева В. Н. Якунину 01.05.2008 // Архив В. Н. Якунина. – Л. 1.
30. Площадь свободы. – 1995. – 15 сент. – С. 2.
31. Площадь свободы. – 1997. – 22 нояб. – С. 4.
32. Постановление главы администрации г. Тольятти № 1264 от 30.08.1995 г. // Муниципальное казенное учреждение «Тольяттинский архив». – Ф. Р-410. – Оп. 1. – Д. 214. – Л. 188–192.
33. Постановление главы администрации г. Тольятти № 1747 от 18.10.1996 г. // Архив В. Н. Якунина. – Л. 1–2.
34. Протокол совещания по реставрации земской больницы г. Ставрополя и созданию духовного центра «Воскресение» от 15 июля 1996 г. // Архив В. Н. Якунина. – Л. 1.
35. Протокол № 7 собрания Ставропольского благочиния от 22 декабря 1999 г. // Архив В. Н. Якунина. – Л. 1–3.
36. Протокол собрания Ставропольского благочиния от 12.06.1997 г. // Архив В. Н. Якунина. – Л. 1–4.
37. Тарасова, О. Воскресение Успенской церкви / О. Тарасова // Площадь свободы. – 1996. – 10 июля. – С. 3.
38. Тарасова, О. Богатырские бои, богатырские решения / О. Тарасова // Площадь свободы. – 1996. – 25 июля. – С. 3.
39. Тарасова, О. Ступени духовной лестницы / О. Тарасова // Площадь свободы. – 1998. – 8 окт. – С. 2.
40. Тарасова, О. Вокруг кремля / О. Тарасова // Площадь свободы. – 1999. – 25 марта. – С. 3.
41. Тарасова, О. Душа и плоть неразделимы... / О. Тарасова // Площадь свободы. – 1999. – 26 янв. – С. 3.
42. Тарасова, О. Тольяттинцы поклонились святым мощам преподобного Максима / О. Тарасова // Площадь свободы. – 1997. – 23 июля. – С. 1.
43. Церковный вестник Ставропольского благочиния. – 1999. – № 6. – С. 1.
44. Якунин, В. Н. История православного церковного храмостроительства в Тольятти в 1985–

2000 г. / В. Н. Якунин // Поволжский вестник науки. – 2020. – № 2 (16). – С. 21–26.

45. Якунин, В. Н. Государственно-церковные отношения и религиозная ситуация в провинциальном городе в 1997–2003 гг. (на примере города Тольятти) / В. Н. Якунин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 54–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.5>

REFERENCES

1. Bezdetny Yu. Ustremlyonnyj v nebo [Striving to the Sky]. *Ploshchad svobody*, 1995, 15 Sept., p. 3.
2. *Blagovest*, 1997, no. 15, p. 1.
3. Bereziy O. Vokrug kremlya [Around the Kremlin]. *Ploshchad svobody*, 1999, 12 Mar., p. 3.
4. Vospominaniya M.A. Popova. Zapisano 05.11.2010 g. [Memories of M.A Popov. Recorded 05/11/2010]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 3.
5. Vospominaniya N.P. Kutyrevoj. Zapisano 03.02.2019 g. [Memories of N.P. Kutyreva. Recorded 03/02/2019]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 2.
6. Guenko L. «Radujsyja Nikolae, velikij chudotvorche» [“Rejoice Nicholas, the Great Wonderworker”]. *Present*, 1997, 19 May, p. 1.
7. Guyenko L. Skandal v obiteli [Scandal in the Monastery]. *Tolyattinskoye obozreniye*, 1999, 17 May, pp. 8-9.
8. Guyenko L. Skandal v obiteli [Scandal in the Monastery]. *Tolyattinskoye obozreniye*, 1999, 24 May, pp. 7-8.
9. Guyenko L. Skandal v obiteli [Scandal in the Monastery]. *Tolyattinskoye obozreniye*, 1999, 7 June, pp. 7-9.
10. Zarakovskaya N. «My daleko, no v molitvah my ryadom s vami» [“We are Far Away, but in Prayers We are Next to You”]. *Million vechernij*, 1997, no. 28 (196), p. 2.
11. Zobnina T. U bogadelni – prazdnik [At the Almshouse – A Holiday]. *Ploshchad svobody*, 1993, 18 Dec., p. 4.
12. Nasha dusha khristianka [Our Soul is a Christian]. *Prezent*, 1994, 19 Nov., p. 2.
13. Otchyot pravyashchego arhiereya Kujbyshevskoj eparhii v Moskovskuyu Patriarhiyu po Kujbyshevskoj eparhii za 1989 god [Report of the Ruling Bishop of the Kuibyshev Diocese to the Moscow Patriarchate for the Kuibyshev Diocese for 1989]. *Tekushchiy arkhiv Samarskogo eparkhialnogo upravleniya* [Current Archive of the Samara Diocesan Administration], l. 5.
14. Otchyot pravyashchego arhiereya Samarskoy eparhii v Moskovskuyu Patriarhiyu po Samarskoy eparhii za 1991 god [Report of the Ruling Bishop of the Samara Diocese to the Moscow Patriarchate for the Samara Diocese for 1991]. *Tekushchiy arkhiv Samarskogo eparkhialnogo upravleniya* [Current Archive of the Samara Diocesan Administration], l. 4.
15. Otchyot pravyashchego arhiereya Samarskoy eparhii v Moskovskuyu Patriarhiyu po Samarskoy eparhii za 1994 god [Report of the Ruling Bishop of the Samara Diocese to the Moscow Patriarchate for the Samara Diocese for 1994]. *Tekushchiy arkhiv Samarskogo eparkhialnogo upravleniya* [Current Archive of the Samara Diocesan Administration], l. 7.
16. Otchyot pravyashchego arhiereya Samarskoy eparhii v Moskovskuyu Patriarhiyu po Samarskoy eparhii za 1998 god [Report of the Ruling Bishop of the Samara Diocese to the Moscow Patriarchate for the Samara Diocese for 1998]. *Tekushchiy arkhiv Samarskogo eparkhialnogo upravleniya* [Current Archive of the Samara Diocesan Administration], l. 9.
17. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam RPTs v Kuybyshevskoy oblasti za 1945 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1945]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TsGASO)* [Central State Archive of the Samara Region (CSASR)], f. 4187, inv. 1, d. 1, l. 22.
18. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam RPTs v Kuybyshevskoy oblasti za 1946 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1946]. *TsGASO* [CSASR], f. 4187, inv. 1, d. 2, l. 35.
19. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam RPTs v Kuybyshevskoy oblasti za 1947 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1947]. *TsGASO* [CSASR], f. 4187, inv. 1, d. 3, l. 19.
20. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam RPTs v Kuybyshevskoy oblasti za 1948 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1948]. *TsGASO* [CSASR], f. 4187, inv. 1, d. 6, l. 32.
21. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam religiy v Kuybyshevskoy oblasti za 1989 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1989]. *TsGASO* [CSASR], f. 32, inv. 16, d. 3, l. 96, 325.

22. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam religiy v Kuybyshevskoy oblasti za 1978 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1978]. *TsGASO* [CSASR], f. 3219, inv. 1, d. 6, l. 67.

23. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam religiy v Kuybyshevskoy oblasti za 1979 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1979]. *TsGASO* [CSASR], f. 3219, inv. 1, d. 29, l. 23-28.

24. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam religiy v Kuybyshevskoy oblasti za 1988 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1988]. *TsGASO* [CSASR], f. 3219, inv. 1, d. 66, l. 15-16.

25. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam religiy v Kuybyshevskoy oblasti za 1990 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1990]. *TsGASO* [CSASR], f. 3219, inv. 1, d. 72, l. 22.

26. Otchet upolnomochennogo Soveta po delam religiy v Kuybyshevskoy oblasti za 1987 g. [Report of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kuibyshev Region for 1987]. *CSASR*, f. 3219, inv. 1, d. 79, l. 4.

27. Pismo upravlyayushchego Samarskoy yeparkhiyey yepiskopa Samarskogo i Syzranskogo Sergiya gubernatoru Samarskoy oblasti K.A. Titovu № 77 ot 2 aprelya 1997 g. [Letter of the Administrator of the Samara Diocese, Bishop Sergius of Samara and Syzran, to the Governor of the Samara Region K.A. Titov No. 77 dated April 2, 1997]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

28. Pismo upravlyayushchego Samarskoy yeparkhiyey yepiskopa Samarskogo i Syzranskogo Sergiya predsedatelyu komiteta po upravleniyu imushchestvom Samarskoy oblasti V.G. Mamigonovu № 367 ot 25 sentyabrya 1997 g. [Letter of the Administrator of the Samara Diocese, Bishop Sergius of Samara and Syzran, to the Chairman of the Committee for Property Management of the Samara Region V.G. Mamigonov No. 367 dated September 25, 1997]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

29. Pismo protoiyereya Andreye Griyeva V. N. Yakuninu 01.05.2008 [Letter from Archpriest Andrei Griev to V.N. Yakunin]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

30. *Ploshchad svobody*, 1995, 15 Sept., p. 2.

31. *Ploshchad svobody*, 1997, 22 Nov., p. 4.

32. Postanovlenie glavy administracii g. Tolyatti № 1264 ot 30.08.1995 g. [Resolution of the Head of

the Administration of Togliatti No. 1264 dated 30.08.1995]. *Municipalnoe kazennoe uchrezhdenie «Tolyattinskij arhiv»* [Municipal Government Institution “Togliatti Archive”], f. R-410, inv. 1, d. 214, l. 188-192.

33. Postanovlenie glavy administracii g. Tolyatti № 1747 ot 18.10.1996 g. [Resolution of the Head of the Administration of Togliatti No. 1747 dated 18.10.1996]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1-2.

34. Protokol soveshchaniya po restavratsii zemskoy bolnitsy g. Stavropolya i sozdaniyu dukhovnogo tsentra «Voskreseniye» ot 15 iyulya 1996 g. [Minutes of the Meeting on the Restoration of the District Hospital in Stavropol and the Creation of the Spiritual Center “Resurrection” dated July 15, 1996]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

35. Protokol № 7 sobraniya Stavropolskogo blagochiniya ot 22 dekabrya 1999 g. [Protocol No. 7 of the Meeting of the Stavropol Deanery dated December 16, 1999]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1-3.

36. Protokol sobraniya Stavropolskogo blagochiniya ot 12.06.1999 g. [Protocol of the Meeting of the Stavropol Deanery dated June 12, 1999]. *Arkhiv V. N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1-4.

37. Tarasova O. Voskreseniye Uspenskoy tserkvi [Resurrection of the Assumption Church]. *Ploshchad svobody*, 1996, 10 Jul., p. 3.

38. Tarasova O. Bogatyrskiye boi, bogatyrskiye resheniya [Heroic Battles, Heroic Decisions]. *Ploshchad svobody*, 1996, 25 Jul., p. 3.

39. Tarasova O. Stupeni dukhovnoy lestnitsy [The Steps of the Spiritual Ladder]. *Ploshchad svobody*, 1998, 8 Oct., p. 2.

40. Tarasova O. Vokrug kremlya [Around the Kremlin]. *Ploshchad svobody*, 1999, 25 Mar., p. 3.

41. Tarasova O. Dusha i plot nerazdelimy... [Soul and Flesh are Inseparable...]. *Ploshchad svobody*, 1999, 26 Jan., p. 3.

42. Tarasova O. Tolyattincy poklonilis svyatym moshcham prepodobnogo Maksima [Togliatti Residents Bowed to the Holy Relics of the Monk Maxim]. *Ploshchad svobody*, 1997, 23 Jul., p. 1.

43. *Cerkovnyj vestnik Stavropolskogo blagochiniya*, 1999, June, no. 6, p. 1.

44. Yakunin V.N. Istoriya pravoslavnogo tserkovnogo khramostroitelstva v Toliatti v 1985–2000 gg. [The History of Orthodox Church Building in Togliatti in 1985–2000]. *Povolzhskiy vestnik nauki* [Volga Bulletin of Science], 2020, no. 2 (16), pp. 21-26.

45. Yakunin V.N. Gosudarstvenno-tserkovnyye otnosheniya i religioznaya situatsiya v provintsialnom gorode v 1997–2003 gg. (na primere goroda Tolyatti)

[State-Church Relations and the Religious Situation in a Provincial Town in 1997–2003 (on the Example of Tolyatti)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie.*

Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 54–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.5>

Information About the Author

Vadim N. Yakunin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Moscow Institute of Art and Industry, 2-ya Baumanskaya St, 9/23, Bld. 3, 105005 Moscow, Russian Federation, vadyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0464-2938>

Информация об авторе

Вадим Николаевич Якунин, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт, ул. 2-я Бауманская, 9/23, стр. 3, 105005 г. Москва, Российская Федерация, vadyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0464-2938>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.11>

UDC 322:327:2
LBC 66.65

Submitted: 24.04.2022
Accepted: 31.08.2022

POLITICAL STABILITY OF THE LATIN AMERICAN REGION IN THE CONTEXT OF THE POLITICIZATION OF RELIGIOUS INSTITUTION

Elena V. Efanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Elena M. Drinova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Nikolay Yu. Veremeev

Belarus State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. *Introduction.* The research topicality is determined by the necessity of interior political proving of regions stable development in the conditions of religion institute politicization in 20th – 21st centuries. *The purpose of the work* is to analyze the influence of the confessional factor on the domestic political process in the Latin American region in the context of global trends of our time. *Methods.* The work uses methods of theoretical and applied political science analysis, methods of forecasting and modeling. The methodological basis of the work was the principles of systemic and constructivist approaches. *Analysis.* In the result of political science analysis of stable social and political issues development questions the explicative model of religion institute politicization processes influence to the sustainability of the Latin American region was offered. The theoretical importance of the research is in the reasons and tendencies revealing of religion institute politicization in the Latin American region. The practical importance of research is determined by the possibility of recommendation output of interior political support of the Latin American region in the conditions of social and cultural uncertainty. *Authors' contribution.* E.V. Efanova – the concept of the study, collection and processing of materials; E.M. Drinova – research methodology, writing of the main text; N. Yu. Veremeev – analysis and translation of foreign sources.

Key words: stability, political stability, Latin American region, religion politicization, religion politicization topos.

Citation. Efanova E.V., Drinova E.M., Veremeev N. Yu. Political Stability of the Latin American Region in the Context of the Politicization of Religious Institution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 149-159. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.11>

УДК 322:327:2
ББК 66.65

Дата поступления статьи: 24.04.2022
Дата принятия статьи: 31.08.2022

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЗАЦИИ ИНСТИТУТА РЕЛИГИИ

Елена Владимировна Ефанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Елена Михайловна Дринова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Николай Юрьевич Веремеев

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* Актуальность исследования определяется необходимостью обеспечения внутривнутриполитического стабильного развития регионов в условиях политизации института религии в XX–XXI веках. *Целью работы* является анализ влияния конфессионального фактора на внутривнутриполитический процесс в Латиноамериканском регионе в условиях глобальных трендов современности. *Методы.* В работе применяются методы теоретического и прикладного политологического анализа, методы прогноза и моделирования. Методологической основой работы выступили принципы системного и конструктивистского подходов. *Анализ.* В результате политологического анализа вопросов стабильного общественно-политического развития предложена объясняющая модель влияния процессов политизации института религии на устойчивость политической системы Латиноамериканского региона. Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении причин и тенденций политизации института религии в Латиноамериканском регионе. Практическая значимость исследования определяется возможностью выработки рекомендаций по поддержанию внутривнутриполитического баланса Латиноамериканского региона в условиях социокультурной неопределенности. *Вклад авторов.* Е.В. Ефанова – концепция исследования, сбор и обработка материалов; Е.М. Дринова – методология исследования, написание основного текста; Н.Ю. Веремеев – анализ и перевод зарубежных источников.

Ключевые слова: стабильность, политическая стабильность, Латиноамериканский регион, политизация религии, топос политизации религии.

Цитирование. Ефанова Е. В., Дринова Е. М., Веремеев Н. Ю. Политическая стабильность Латиноамериканского региона в условиях политизации института религии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 149–159. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.11>

Introduction. At the turn of the century discussions are covering topical issues of the internal political development of the world's regions. Ensuring political stability and sustainability of regional systems is a key topic. Generally, any internal political transformations are conflicting because they often lead to destabilization of the political system. In the light of modern realities, the confessional factor in the regional systems' development is intensifying, which can simultaneously act as an integration principle and an imbalance factor. In this regard, it is important to determine the reasons for politicization of religious institution in the Latin American region and to assess the influence of the church on the internal political process in the region.

As noted by P. Berger, in the modern world politicization of religion is mostly due to the activities of politicized movements that use religion as a convenient means of legitimizing political movements based on “religious interests” [3, p. 7]. According to S. Huntington, there is a certain correlation between the political process, the waves of democratization and the religious institution. The first wave of democratization occurred in 1828–1926. At this time, most countries pursuing democratic transformation were Protestant. The second wave of democratization occurred in 1943–1962, when the

Latin American region, Brazil, Costa Rica, Argentina, Colombia, Peru, Venezuela, countries, where most of the population professed Catholicism, came to “democracy”. The third wave of democratization begins in 1974 after the fall of the Portuguese dictatorship. Democratic regimes replaced the authoritarian one in almost thirty countries of Europe, Asia and Latin America [24, p. 6].

In political and social sciences society is seen as a system in unstable equilibrium. This situation generates processes of detection and striking a balance. Depending on the specific correlation of these processes, a system may be dynamically stable or unstable; nevertheless, it always seeks stability, order and consensus [38]. Stability is a necessary property of a political system [14] and its retrospective analysis can be conducted from strategic concepts of the military sphere in the 19th century, during the Cold War, to a conceptual basis for creating a new world order in the 21st century [34]. The political system stability depends on the level of political culture development, legitimacy and power effectiveness in society. The political system of the region is in a constant change process, and at a certain development stage system-changing processes can prevail over the system-forming processes, that is they upset the fragile balance and lead the system to instability [30].

The theoretical foundations of political stability are presented in the works of international and domestic Russian scientists. In the context of globalization and uncertainty of the political process, sovereign states play an increasing role in the political stability of the Latin American region. The stability and sustainability dominants of the state are: protecting citizens from possible disasters, quality education, high standard of living, social security, living by accepted standards in society, cultural values [19]. But the growth of social, economic, and environmental threats dictates new requirements for the national security concept of the Latin American States. Nation-states can strike a balance between preventative security measures, sustainable needs and the values of modern society. Hugo Chavez played a decisive role in the integration of the Latin American region and the formation of political stability [9].

The governments of the Latin American States are actively developing interstate relations, consider their region as a zone of peace. At the beginning of the 21st century, it became the world's only region free from active conflicts. Latin American countries introduced competitive elections and guaranteed fundamental political and civil rights [26]. The Latin American region demonstrates positive integration dynamics through creation of public goods, regional programs in the social, economic, and agricultural sectors [8].

Modern states are interested in ensuring the stability and security of their existence: the religious policy pursued by the state influences the national security policy; political decision-makers consider the opinions of religious groups that ensure their legitimacy [2].

According to the researchers, the religious institution is an effective mechanism for solving the complex tasks of social development [23]. Some of them believe that the religious institution in the public sphere not only provides support to state structures, gives legitimacy to values and practices dominating in society but is also a private resource for conducting political and social criticism [33]. According to others, the foundation of the modern international order is based on the religious institution. Globalization produces deep existential problems for modern states that initially have different religious traditions [44]. Religious

organizations have played a significant role in global poverty reduction [42; 43]. However, addressing complex political and economic problems the religious views of the political elite lead to the fact that it is less inclined to compromise [29]. In a post-secular society of politics, religious leaders assume that religious actions acquire political significance.

Methods and materials. The principles of a systematic approach [38] considering the political system of the region as political stability object and interpreting political stability as dynamic equilibrium state of the social-political system act as a theoretical and methodological foundation. The process and topos of religious politicization are analyzed in the framework of the constructivist approach. The world is a social reality modelled by the subject through social institutions [31]. Accordingly, religion is understood as the religious model of the world created by the subject, determining the reality in which he/she exists. Specifically, our research methodology is based on the idea that politicization of religion is a dynamic process characterized by rational / irrational actions of religious and secular, institutional and non-institutional actors aimed at its reforming and stabilizing or organizing a new political system. In any of the indicated cases, many elements and functions of religion as a social institution change into political ones. We note that the multivariate nature of the interaction between religious and political institutions is due to objective and subjective reasons. The first one includes the economic development level of the region, its socio-demographic and ethnic-confessional structure, political stratification. Subjective factors include consolidation of elite groups, their willingness to carry out transformations, and interfaith tolerance, which dominate in specific regions.

Analysis. As a result of systematic and constructivist approaches, we propose a model for the sustainable development of the Latin American region, which includes the constructive potential of politicizing religion. We proceed from the fact that the character of regional political stability includes the following provisions:

– stability in the region is possible for a limited period since there is a constant combination of stabilizing (unity of goals and means of achievement; consolidating role of a political

leader; common cultural space) and destabilizing factors (contradictions between the interests of various social groups; conflicts in the system of state power; contradictions between the centre and the region, etc.);

– interdependence of system stability at the national and regional levels;

– isolation of regional stability. Isolation reproduces both the completeness and integrity of the social system, as well as its conservatism and limited internal social reserves;

– stability in the region will be achieved when the structure of the social interests of the population is adequately reflected in political processes, in the activities of government bodies and local self-government.

It should be noted that the model of political stability presented above is not always achievable in the real world. At the beginning of the 21st century regional political processes of Latin America are characterized by turbulence, which is reflected in the multivariate democratic development of states, in the vector of political strategies from liberalism to authoritarianism. The confessional sphere may have unpredictable consequences in the context of secularization / desecularization of the society. Accordingly, it is advisable to consider the politicization of religion, its inclusion in the political process as a factor of stabilization / destabilization of the political system, not only in the temporal and institutional aspects but also in the spatial and territorial aspects. In this case, we use the concept of “topos of the religious politicization”. In political science, topos is also considered as a specific localization “in the social space of public policy agents”; “Structural units of public policy that condition the practices of their agents” [45]. In our understanding, topos is both a spatial-territorial characteristic and a conceived model, the features of which include the struggle for power, territory, space; the influence of political-religious actors on large religious, ethnic, national, migration groups, their use of information, psychological technologies to achieve their goals. Accordingly, the topos of politicizing religion at the regional level represents the region or state housing a relatively separate and self-sufficient ethnic-confessional community. It is dynamic, subject to changes and is characterized by the “transition” of one structure to another [13, p. 58].

Main prerequisites for the politicization topos formation in the Latin American region in the 1970s included the religious socio-political factors: ineffective functioning of established political institutions; changes in the political system and rapid changes in socio-political development priorities. Among the religious factors, we include the political claims of the clergy to determine the constitutional and civil law foundations of the region; his active participation in political modernization. In some Latin American States, The Catholic Church has joined the political modernization. Priests educated in Western Europe laid the foundations for a new political and religious direction “Theology of Liberation” based on a synthesis of the ideology of Marxism and the system of Christian values. In the work “Theology of liberation: history, politics and salvation” G. Gutierrez substantiates the model of Latin American modernization, which was understood very broadly, got a comprehensive character and included political, social, and religious modernization. “Liberation” has different interpretations. First, it is understood as the political and social liberation of oppressed peoples, elimination of poverty and injustice. Secondly, “liberation” is understood as vindication of public liberty, creation of a new society. Thirdly, “liberation” has a theological aspect and is understood as the man’s freedom from sin and selfishness, restoration of relations with God. In the Bible, Christ is the one who brings liberation to people. Changes were to happen in the Church itself. The clergy began to play a new role as political actors [22]. According to L. Boff, the goal of the Theology of Liberation movement is to free the countries of the Latin American region from hunger and poverty: at the social level, collective oppression must be eliminated; at the individual one - injustice; and at the religious one – social sin must be defeated [4]. It should be noted that the involvement of clergy in the political struggle led to a partial destabilization of the political system at this stage. The invasion of the religious institution in the political life of society caused the relativization of religious values.

Subsequently, F. Castro committed to the Theology of Liberation. In his opinion, revolutionary changes in Cuba are possible if there is a close union of Marxists and Christians. Venezuelan President W. Chavez was a follower

of the Theology of Liberation ideas, and his political project to modernize Venezuela was partly inspired by the Theology of Liberation and a social doctrine of the Roman Catholic Church [46]. In Ecuador, R. Correa spoke of his convergence to the ideology of “Theology of Liberation.”

In one of his speeches, he notes that his social and economic principles are based on the social doctrine of the Catholic Church. Subsequently, there were changes in the ideological concept of “Liberation Theology”: “The church in recent years has moved from the church that was so committed to Liberation Theology to the church that focused on morality” [39]. Political leaders believed that an alliance between politicians and progressive clergy is possible, the result of which will be the economic and social development of the Latin American region.

At the beginning of the 21st century, the ideology of “Theology of Liberation” continues to influence the political process in the Latin American region. Thus, in Paraguay in 2008 the former bishop Pedro F. Lugo, who was called the “bishop of the poor”, won the presidential election. In Brazil, during the 2010 election campaign, L. Boff’s political concept became the trend of the Partido dos Trabalhadores and helped her win the election. It should be noted that the victory of the party is not a direct result of the Theology of Liberation, but it has strengthened the Brazilian political consciousness with a sense of hope for change, the democratization of society, stability, and stability of the social system. In 2013, during protests in Brazil, politicians used the ideology of “Theology of Liberation” to justify modernization transformations in the country.

In the modern world, the Theology of Liberation continues to influence the heads vision of international relations principles in the Latin American States. At the World Social Forum in 2009, Brazilian President L I. Lula da Silva stated that the new world order should be stable, multilateral, free from hegemony and endowed with democratic institutions; Venezuelan President W. Chavez called to unite all Latin American countries against the policy of neoliberalism. The Presidents of Bolivia E. Morales and Ecuador R. Correa also favoured the implementation of a new model of economic development, “Socialism of the 21st Century”. The bishop of Paraguay, F. Lugo, spoke about the need for the Church to

be included in the contemporary regional political process [1].

After 10 years, the states of the Latin American region had significant changes: a coup in Uruguay, the death of W. Chavez in Venezuela, the left-wing suffered defeats in the elections in Argentina and Ecuador. The unstable political system of some Latin American countries produces conflicts in the region. It is logical to assume that at a certain development stage, system-changing processes can prevail over system-forming processes, that is, upset the unstable equilibrium and cause the system instability. The instability of the political system is expressed, in particular, exceeding the limit values of its main parameters. Thus, political instability indeed represents the inability of the political system to manage the changes occurring in the state by political changes.

It should be noted that in the Latin American region under the intensively undergoing social transformations, the stability of the political system largely determines the effectiveness of the planned changes in all other spheres of public life. According to the Russian researcher V.N. Ameline, the stabilization process is rigidly determined by the factor of the authority is legitimacy. Any authority does not function in an isolated way; it must deal with various tasks urgent for society. An internal incentive for the authorities is the desire to maintain the established order, to protect society from wars, conflicts and revolutions. Currently, these trends are occurring in a number of countries in the Latin American region. In July 2019 the 25th São Paulo Social Forum was held in Caracas and attended by representatives of 190 progressive organizations of the Latin American region, the purpose of the Forum was to strengthen the unity of the Latin American region, to develop strategies for its sustainable development [47].

In 2020, in 18 Latin American countries, 57% were Catholics, 20% were Evangelicals, and 16.6% did not profess any religion. The importance of religion in the life of society and a person was mentioned in Guatemala – by 94% of respondents, in Honduras – by 94%, in Costa Rica – by 88%, in Colombia – by 80%, in Ecuador – by 80%, in Brazil – by 77%, in Peru by 74%, in Bolivia – by 73%, in Chile – by 48% [41]. The first quarter of the 21st century in

Latin America was marked by the second wave of politicization of Christianity. The growth of political evangelism has become a global trend, which led to the loss of popularity of the Catholic Church, and the weakening of the positions of Catholic parties. According to M. del Campo, the growth of evangelical parties was due to the institutional crisis of the Catholic parties, the development of new political strategies and practices by evangelical parties, the union of evangelicals with right-wing parties, which allowed them to act as a united front in defense of conservative values [7].

As a result, there was a turn from the Liberation Theology of the Catholics to the Prosperity Theology of the Evangelicals. The latter focused on ensuring stability, socio-economic development, and the rooting of conservative values in society. In this regard, we focus on the characteristics of the politicization of evangelism, the involvement of the religious elite in the electoral process, and its ability to achieve goals. Let's consider both typical and atypical political practices of evangelicals on the example of the following cases.

Guatemala. In October 2015, presidential elections were held in the country, which were won by J. Morales, comedian, businessman, evangelical theologian. He scored 67.44% of the votes and beat his opponent, the former first lady of Guatemala, Sandra Torres. In the country at the time of the elections, more than 40% of the population professed Protestantism, which undoubtedly had an impact on the electoral process. Representatives of the evangelists were included in all election commissions, whose work began with prayers and sermons. According to the Constitution, Guatemala is a secular state, but despite this fact, the Guatemalan Bible Society launched the "Government Like God" election campaign, calling on citizens to participate in elections guided by the "Bible as Counselor" and the Constitution. All candidates for the post of president answered the questions of the commission, which concerned their moral and religious qualities. S. Torres, answering the commission's questions, admitted that the biggest mistake in her life was "rejection of God". However, thanks to her friends who "saved her," she gave her heart completely to God, Jesus. To the question – the statement that Guatemala is a

country with Judeo-Christian roots, in which believers live, who recognize only the traditional family, all candidates answered positively [16].

J. Morales received a religious education, graduated from a Protestant seminary and an Evangelical Institute; got a secular education at the University of San Carlos with a degree in business administration. He adheres to the positions of conservative nationalism, stands for traditional values, the prohibition of abortion. His views were close to military circles and the faithful of Guatemala, who supported him in the elections [15]. During the presidency of J. Morales, the Viva party put forward Initiative 52/72, which became known as the Law on the Protection of Life. The bill provided for an increase in the prison term for women who had an abortion. In 2017–2018, Initiative 52/72 was discussed in Congress, but was not adopted [35].

It should be noted that the legislation of Guatemala prohibits the election of the president for a second term. In the presidential elections that took place in 2019, S. Torres once again lost to A. Giammattei, a conservative politician.

The politician was supported by radical conservatives who led him to victory in the 2019 elections. A. Giammattei declared Guatemala "a country where love and faith in God" are the fundamental principles of the state. On March 9, 2022 Guatemala was declared by the President the Ibero-American capital, the highest value of which was life. As part of this campaign, the state actively promotes the values of the traditional family, initiates programs to prevent unplanned pregnancy. In 2022 deputies of seven religious parties once again voted for the adoption of a bill on the protection of life and family, according to which abortions were prohibited in the country, in case of violation, a prison term of 5 to 25 years in prison was provided. Sex change in adolescents and same-sex marriages were prohibited. The law was approved by the Congress of Guatemala, which caused mass protests in the country [11].

The President of the country unexpectedly reacted to the adoption of the bill. A. Giammattei said that he would veto the law, since it violates the Constitution [20]. After a public discussion, the law was frozen [12]. It is quite possible that after the victory of the next conservative President, the Congress of Guatemala will return to the revision of Initiative 52/72, which may be adopted not in

such a radical form. In the economic sphere, A. Giammattei pursues a policy aimed at improving the living standards of citizens. In 2020, drastic measures were taken to mitigate the economic crisis caused by the COVID-19 pandemic. In 2021, the country had the highest economic growth in the Latin American region. According to analytical forecasts, a similar scenario persists for 2022 [21].

Colombia. At the initiative of Pastor Maria Luisa Piraquive from the Church of God, the Independent Movement for Absolute Renewal (hereinafter – MIRA) was created, which proclaimed its goal to spread democracy in the country. For two decades, MIRA has initiated legislative initiatives aimed at improving the well-being of Colombians. In 2018, the evangelical party Justa Libres joined MIRA. The united electorate of the coalition supported the presidential candidate Ivan Duque, who won a convincing victory in the presidential elections in 2018. In March 2022, congressional elections were held in Colombia. 578,195 thousand voters voted for the MIRA-Colombia Justa Libres coalition, as a result, the coalition won 4 seats. The goal of the united MIRA-Colombia Justa Libres coalition is political, economic, social and environmental reforms based on moral principles [18].

The electorate of Christian churches in Colombia supported the presidential campaign of I. Duque. Among them were representatives of the radical religious organization Orden de la Legitimidad Proscrita (Order of Forbidden Legitimacy). The Order conducts mass actions to burn books that contradict religious dogmas, opposes the rights of women, sexual minorities. I. Duque was supported by the party of ultraconservative pastors Justa Libres, which unites about 70% of the Christian churches of Colombia. I. Duque was supported by 500,000 members of the moderate Christian Peace Party. The party, in addition to religious topics, actively raises corruption issues. The above-mentioned religious parties have common goals: the legislative consolidation of the family as a union of a man and a woman, the prohibition of abortion, oppose the rights of sexual minorities, lobby for interests in education, advocate for compulsory teaching of religion in school [27].

The President of Colombia pays a significant place to religious themes in his speeches. In his opinion, the true purpose of politics is to take care

of society which loses a lot when it stops talking about traditional values [37]. On Twitter, he wrote the following: “Today we celebrate 101 years of recognition of our Virgin of Chiquincira as the patron saint of Colombia. Every day I pray and ask her to protect our country.” I. Duque’s speeches led to a debate about the right of political leaders to express their personal religious views. Colombia is a secular state, and the President, like any citizen, has the right to freedom of religion. However, the President expresses the interests of the whole people, based on this, he does not have the right to express his personal religious views, which lead to discrimination against the views of other citizens different from his. According to the court order, I. Duque had to delete the tweet with a link to the statement about the Virgin Mary. It should be noted that the case of I. Duque split Colombian society: some supported the president, since his position was expressed through his personal Twitter account, and not through the official account of the President of the Republic. Others opposed it, as since taking office, President I. Duque has used his profile for both personal and official announcements [40].

I. Duque’s moral views correlate with his economic policy aimed at improving living standards and reducing poverty in the country. In 2020 The President presented the “New Commitment” Strategy to the Colombian Congress. The country’s economic growth through job creation, investment, agricultural development, and support of socially vulnerable members of society was declared among the priorities. In 2022, the country’s economy grew by 1.5%, from 5% to 6.5%. In 2023, the government of I. Duque plans the transition of the country’s economy from a period of rapid recovery, which took place before 2022, to a period of macroeconomic and budgetary consolidation of the economy [10].

Brazil. In 2018, the country held presidential elections, which were won by J. Bolsonaro, a former military man, then he was a deputy from the Christian Democratic Party, then a deputy from the Progressive Party. In 2018 he became a member of the Social Liberal Party. In the elections, J. Bolsonaro was supported by a united coalition, which included representatives of the Catholic and Evangelical churches. Thanks to the

confessional electorate, J. Bolsonaro won 55% of the vote in the second round. The policy led by the president was supported by the electorate. So, during the COVID-19 epidemic, many believers supported the position of the president, according to whom God could solve the problem of the pandemic and opposed the coronavirus restrictions. On April 5, 2020, J. Bolsonaro announced a national religious fast on social networks, which was supposed to help the country overcome the crisis caused by the pandemic. After more than 600,000 people died in Brazil as a result of the pandemic, the Senate accused the president of violating sanitary measures, an epidemic that led to numerous deaths, a crime against humanity. The next presidential election in Brazil will take place in 2022. According to opinion polls, no more than 20% of the country's population is ready to vote for J. Bolsonaro [32].

In the summer of 2022, J. Bolsonaro changed the tactics of his presidential election campaign. The President allocated 7.5 billion dollars from the country's budget for social spending: subsidies were provided to 20 million Brazilians, social payments were increased from 400 to 600 reals (\$110) until the end of 2022 [5].

In July 2022, J. Bolsonaro held a meeting with 40 foreign ambassadors at his residence. At the meeting, he announced the unreliability of Brazil's electronic voting system, the possibility of falsification of election results. According to analysts, in this way J. Bolsonaro is preparing the ground for challenging the election results in case of his defeat [28]. According to the latest opinion polls, 37% of voters were ready to vote for J. Bolsonaro on June 3, 2022; 36% were ready to vote on July 3, 2022 [6]. Possible election of J. Bolsonaro's for a second term is part of the promotion of the ideology of ultra-radical conservatism in the Latin American region. J. Bolsonaro proposes a new model for the development of Latin American countries based on a system of market values and traditional conservative family and religious [17].

Costa Rica. Evangelical singer and pastor Fabrizio Alvarado Mucoz nominated his candidacy in the presidential elections in 2018, for whom 39.41% of voters voted. The rapid popularity of the pastor, who was not previously known in politics, was due to harsh criticism of same-sex marriages, sexual education of teenagers in the

framework of the school course. As a result, he defeated 13 candidates, but took only second place. In the parliamentary elections, the political party of F. Alvarado "Restauraciyn Nacional" won 14 seats out of 57. Bishops of the country traditionally took an active part in the presidential elections. In a statement released on January 26, 2022, in the midst of another presidential pre-election campaign, they thanked God for allowing Costa Ricans to live in a successful democratic country and encouraged citizens to vote [36].

In the 21st century, Evangelicals act not only as guardians of conservative values, but as active propagandists. They view the traditional family as the union of a man and a woman who are equal in their rights and responsibilities. The political conservatism of the evangelicals is based on the methodology of political realism, putting national and economic practices at the forefront. They stand up for and put in practice the Christian values of democracy (freedom of opinion, political pluralism, freedom of religion). Thus, the growth of political evangelism in the countries of Latin America is the result of ideological and political differentiation and the struggle of religious elites. It is the evangelical political parties that form the worldview foundations and the new doctrinal order in the Latin American region in the 21st century, which ensures its sustainable development.

Results. The politicization of religion in the Latin American region has had an ambivalent impact on the political and economic state of the region. In the 20th century Liberation theology as a form of Catholic radicalism manifested itself in the participation of priests in the political struggle, who considered it necessary to conduct subversive activities regarding the existing social order. Radical activity has outlawed some priests [22, pp. 55-60]. At the same time, the Liberation Theology movement advocated the modernization of the economy, supported the socialist transformations taking place in the region. It should be noted the polarization of political systems, socialist and capitalist, characteristic of this period, which to a certain extent contributed to the political destabilization of the region. Thus, created at the initiative of Venezuelan President Hugo Chavez, the Bolivarian Alliance of America – ALBA aimed to support radical revolutionary processes in Latin America, "the creation of a new world order", the collapse of the United States as a global

superpower [25]. In the 21st century, the Catholic Church has moved away from the radical position of Liberation Theology, the division into friends and foes, friends and enemies has become a thing of the past; more attention has been paid to moral issues.

In the 21st century, the result of religious globalization in Latin America was the politicization of the evangelical movement. Among its characteristic features, the electoral activity of evangelicals should be highlighted. The main requirements were the prohibition of abortion, sex change, same-sex marriage. Evangelicals united with right-wing political parties, unlike Liberation Theology, which at one time united with left-wing political parties.

On the wave of the politicization of the evangelical Church and with the direct support of its electorate, political leaders in Brazil, Colombia, Guatemala, and Costa Rica came to power. The presidents of these countries advocate the adoption of ultraconservative religious laws. It should be noted that the highest officials of the state do not position themselves as evangelicals, but declare their commitment to religion. Currently, for the evangelical church, the political elite which forms the domestic and foreign policy of the country, as well as orientation towards the middle class are important. The poorest people, whose number is gradually decreasing, remain significant for the church. The Evangelical Church is very popular in the Latin American region, becoming politically and economically in demand.

The new model proposed by the President of Brazil for the development of the Latin American region is based on a system of conservative religious values, liberalization of the market economy, international openness, and foreign investment. In other words, the so-called conservative moral problem is the basis of the political and economic stability of the Latin American region. The political activity of evangelicals as a mechanism for achieving political and economic consensus in the Latin American region is in demand by Conservative governments of a number of Latin American countries.

REFERENCES

1. Almeyra G. *Foro Social Mundial: "Otro mundo es posible" y necesario*. URL: <https://www.tiwy.com/read.phtml?id=1312> (accessed 20 October 2020).
2. Bar-Maoz M. On Religion and the Politics of Security: How Religion's Involvement in Domestic Politics Affects National Securitymaking. *Review of Faith and International Affairs*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 36-49.
3. Berger P.L. *The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics*. Washington, DC, Ethics and Public Policy Center and Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 1999. 135 p.
4. Boff L., Boff Cl. *Introducing Liberation Theology*. New York, Orbis Books, 1987. 99 p.
5. *Brasil: Bolsonaro lanzará un "paquete de bondades" para sumar votos*. URL: <https://www.perfil.com/noticias/internacional/brasil-jair-bolsonaro-lanzara-paquete-de-bondades-para-sumar-votos.phtml> (accessed 16 July 2022).
6. *Brasil: intención de voto en las elecciones presidenciales de primera vuelta 2022*. URL: <https://es.statista.com/estadisticas/1304020/intencion-de-voto-de-las-elecciones-de-presidenciales-de-primera-vuelta-en-brasil/> (accessed 20 July 2022).
7. Campo M.E. *¿De movimientos religiosos a organizaciones políticas? La relevancia política del evangelismo en América Latina*. URL: https://www.fundacioncarolina.es/wpcontent/uploads/2020/06/DT_FC_35.pdf (accessed 3 March 2021).
8. Carrillo F.S., Portillo L.A.F. Las políticas de la integración regional latinoamericana. Aprendizajes a partir del caso de la Estrategia Centroamericana de Desarrollo Rural Territorial. *Journal of Iberian and Latin American Research*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 55-76.
9. Chodor T., McCarthy-Jones A. Post-Liberal Regionalism in Latin America and the Influence of Hugo Chávez. *Journal of Iberian and Latin American Research*, 2013, vol. 19, no. 2, pp. 211-223.
10. *Colombia eleva proyección de crecimiento económico del 5 al 6,5 % en el 2022 Este contenido fue publicado el 14 junio 2022*. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/colombia-econom%C3%ADa_colombia-eleva-proyecci%C3%B3n-de-crecimiento-econ%C3%B3mico-del-5-al-6-5-en-el-2022/47674642 (accessed 18 July 2022).
11. *Congreso aprueba ley que penaliza el aborto, regula la educación sexual y rechaza la diversidad de género*. URL: https://www.prensalibre.com/guatemala/politica/congreso-aprueba-ley-que-penaliza-el-aborto-regula-la-educacion-sexual-y-rechaza-la-diversidad-de-generobreaking/?utm_source=modulosPL&utm_medium=linkinterno&utm_campaign=ux (accessed 15 July 2022).
12. *Congreso archiva polémica Ley para la Protección de la Vida y la Familia que generó críticas de sectores sociales*. URL: <https://www.prensalibre.com/guatemala/politica/congreso-archiva-polemica-ley-para>

la-proteccion-de-la-vida-y-la-familia-que-genero-criticas-de-sectores-sociales-breaking/ (accessed 22 July 2022).

13. Drinova E.M. Nacionalnaya model politicheskoy modernizacii Rossii i toposy politicizacii religii [National Model of Political Modernization of Russia and Topos of Politicization of Religion]. *Vlast [Power]*, 2014, vol. 12, pp. 56-61.

14. Efanova E.V. Ensuring Political Stability Russian Nationwide Trend. *European Journal of Science and Theology*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 95-104.

15. *El cómico Jimmy Morales, elegido presidente de Guatemala*. URL: https://elpais.com/internacional/2015/10/26/actualidad/1445824124_082191 (accessed 11 July 2022).

16. *El discurso religioso en la campaña electoral de Guatemala* <https://dialogopolitico.org/debates/el-discurso-religioso-en-la-campana-electoral-de-guatemala/> (accessed 18 March 2021).

17. *El mundo según Bolsonaro La nueva política exterior de Brasil*. URL: <https://www.nuso.org/articulo/el-mundo-segun-bolsonaro/> (accessed 17 July 2022).

18. *Elecciones legislativas de Colombia de 2022*. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Elecciones_legislativas_de_Colombia_de_2022 (accessed 16 April 2022).

19. Fjäder C. The Nation-State, National Security and Resilience in the Age of Globalisation. *Resilience*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 114-129.

20. *Guatemala endurece su legislación contra el aborto y declara a la comunidad LGBTI "incongruente con la moral cristiana"*. URL: <https://elpais.com/internacional/2022-03-10/guatemala-endurece-su-legislacion-contra-el-aborto-y-declara-a-la-comunidad-lgbti-incongruente-con-la-moral-cristiana.html> (accessed 20 July 2022).

21. *Guatemala registra un crecimiento económico histórico de 7.5%*. URL: <https://minfin.gob.gt/comunicados/comunicados-2021/7624-223-guatemala-registra-un-crecimiento-economico-historico-de-7-5> (accessed 17 July 2022).

22. Gutierrez G.A. *Theology of Liberation: History, Politics and Salvation*. New York, Orbis Books, 1973. 230 p.

23. Hu J., Zhang Q.-M., Zhou T. Segregation in Religion Networks. *EPJ*, 2019, vol. 8, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-019-0184-x>

24. Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, London, University of Oklahoma Press, 1993. 366 p.

25. Joel D. *Hirst What is the Bolivarian Alternative to the Americas and What Does It Do?* URL: <https://www.americasquarterly.org/a-guide-to-alba/> (accessed 17 July 2022).

26. Kurtenbach S. The Limits of Peace in Latin America. *Peacebuilding*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 283-296. DOI: <https://doi.org/10.1080/21647259.2019.1618518>

27. *La caverna de Iván Duque*. URL: https://elpais.com/internacional/2018/05/15/colombia/1526401037_967975.html (accessed 15 July 2022).

28. *La Justicia electoral de Brasil exige que Bolsonaro explique la reunión con embajadores*. URL: <https://www.lapatilla.com/2022/07/21/la-justicia-electoral-de-brasil-exige-que-bolsonaro-explique-la-reunion-con-embajadores/> (accessed 18 July 2022).

29. Layman G.C., Weaver C.L. Religion and Secularism Among American Party Activists. *Politics and Religion*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 271-295.

30. Loginov A.V. Politicheskaya stabilnost i perspektivy evolyucii rossijskoj sistemy vlasti [Political Stability and Prospects for the Evolution of the Russian System of Power]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region* [University News. Volga Region], 2009, vol. 1, pp. 59-68.

31. Luckmann T. The Theories of Religion and Social Change. *The Annual Review of the Social Sciences of Religion*, 1977, pp. 1-28.

32. *Lula's Lead Shrinks to Narrowest This Year in Latest Brazil Poll*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-13/lula-s-lead-shrinks-to-narrowest-this-year-in-latest-brazil-poll> (accessed 15 April 2022).

33. May S. The Religious as Political and the Political as Religious: Globalisation, Post-Secularism and the Shifting Boundaries of the Sacred. *Politics, Religion & Ideology*, 2014, vol. 15, no. 3, pp. 331-346.

34. Mizin V.I., Sergeev V.N. Sovremennye koncepcii strategicheskoy stabilnosti [Modern Concepts of Strategic Stability]. *Politicheskie issledovaniya* [Policy Research], 2018, no. 5, pp. 150-166. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.1

35. *Numero de registro 52/72*. URL: <https://latfem.org/wp-content/uploads/2018/09/Registro5272.pdf> (accessed 12 July 2022).

36. *Obispos Llamam A La Responsabilidad De Cara Elecciones Generales*. URL: <https://www.exaudi.org/es/costa-rica-los-obispos-llaman-a-la-responsabilidad/> (accessed 10 April 2022).

37. *Palabras del Presidente Iván Duque en la cuarta celebración del Día Nacional de Libertad Religiosa y de Cultos*. URL: <https://id.presidencia.gov.co/Paginas/prensa/2019/190704-Palabras-del-Presidente-Ivan-Duque-en-la-cuarta-celebracion-del-Dia-Nacional-de-Libertad-Religiosa-y-de-Cultos.aspx> (accessed 12 July 2022).

38. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshhestv* [Systems of Modern Societies]. Moscow, Aspekt Press, 1998. 270 p.

39. *Presidente Correa: el Papa estará siempre con los pobres*. URL: <https://www.elnuevosiglo.com.co/articulos/7-2015-presidente-correa-el-papa-estara-siempre-con-los-pobres> (accessed 12 July 2022).

40. *Pueden los líderes de Estados laicos promover abiertamente su religión?* URL: <https://www.france24.com/es/20200803-revista-digital-lideres-promocion-religion-amlo-duque-bolsonaro> (accessed 15 July 2022).

41. *Religion affiliation in Latin America as of 2020, by type*. URL: <https://www.statista.com/statistics/996386/latin-america-religion-affiliation-share-type/> (accessed 20 October 2021).

42. Schweiger G. Religion and Poverty. *Palgrave Communications*, 2019, vol. 5, no. 59. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0272-3>

43. Sedmak K. Evidence Based Dialogue: The Relation Between Religion and Poverty through the Prism of Randomized Controlled Trials. *Palgrave Communications*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 1-7.

44. Shani G. Religion as Security: An Introduction. *Critical Studies on Security*, 2016, vol. 4, no. 3, pp. 307-311.

45. Shmatko N.A. Fenomen publichnoy politiki [Public Policy Phenomenon]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, vol. 7, pp. 106-112.

46. Tamayo J.J. *Hugo Chavez y la teología de la liberación*. URL: <http://www.redescristianas.net/hugo-chavez-y-la-teologia-de-la-liberacion-juan-jose-tamayo/> (accessed 14 October 2021).

47. Teruggi M. *El foro de Sao Paulo desafía a la derecha continental*. URL: <http://www.resumenlatinoamericano.org/2019/07/28/el-foro-de-sao-paulo-desafia-a-la-derecha-continental/> (accessed 20 October 2021).

Information About the Authors

Elena V. Efanova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, efanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2019-1273>

Elena M. Drinova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, drinova_em@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6927-0242>

Nikolay Yu. Veremeev, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Belarus State Economic University, Prosp. Partizansky, 26, 220070 Minsk, Republic of Belarus, mr.veremeev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3526-5549>

Информация об авторах

Елена Владимировна Ефанова, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, efanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2019-1273>

Елена Михайловна Дринова, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, drinova_em@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6927-0242>

Николай Юрьевич Веремеев, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии, Белорусский государственный экономический университет, просп. Партизанский, 26, 220070 г. Минск, Республика Беларусь, mr.veremeev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3526-5549>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.12>

UDC 94(47+57)“186/191”
LBC 63.3(2)522-53

Submitted: 09.04.2021
Accepted: 20.03.2022

TWO TENDENCIES OF UNDERSTANDING THE “THREE WORLDS” IN THE EARLY EURASIAN DISCOURSE: V.I. LAMANSKY AND I. GASPRINSKY (SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY)

Sergey V. Seliverstov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The study is carried out in the genre of intellectual history and focuses on the contrasting views of the leading representatives of Slavic and Turkic social thought in Russia. Purpose: starting from Vladimir Lamansky’s ideas, to reconstruct and interpret Ismail Gasprinsky’s concept of “three worlds”. This is the first time such a task has been posed. *Methods and materials.* Methods are applied: intellectual reconstruction and historical-comparative. Main sources: “Three worlds of the Asian-European continent” by Lamansky and works of the Gasprinsky period of the 1880s – 1900s. (“Russian-Eastern agreement”, “China and Russia”, “Great Eastern question”, etc.). *Analysis.* The peculiarities of Lamansky’s interpretation of the “three worlds” (“European”, “Asian”, “Middle”), where the “Greco-Slavic world” constituted the basis of the “middle world”, were revealed. Reconstruction and comparison showed that Gasprinsky had his own understanding of the “three worlds”: “Western”, “Central”, “Eastern”. He proceeded from a combination of interests of the Turks and the Slavs and interpreted the “central” world as “Russian-Muslim”. Both thinkers recognized the consolidating role of Russia. However, Gasprinsky saw the prospects for Islam and was convinced of the need for cooperation with the Muslim world. *Results.* Two tendencies in the interpretation of the “three worlds” complemented each other, argued the Slavic-Turkic space of the Old World. Gasprinsky’s innovation was the concept of the “Russian-Muslim world”. He took into account the Muslim factor, so his version is more realistic. As a result, the concepts of both thinkers (taking into account the priorities) had the character of a pro-Eurasian counterpoint and became central in early Eurasian discourse.

Key words: intellectual history, middle world, Slavs, Turks, Russian-Muslim world, early Eurasian discourse.

Citation. Seliverstov S.V. Two Tendencies of Understanding the “Three Worlds” in the Early Eurasian Discourse: V.I. Lamansky and I. Gasprinsky (Second Half of the 19th – Early 20th Century). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 160-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.12>

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОНИМАНИЯ «ТРЕХ МИРОВ» В РАННЕЕВРАЗИЙСКОМ ДИСКУРСЕ: В.И. ЛАМАНСКИЙ И И. ГАСПРИНСКИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Сергей Васильевич Селиверстов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Исследование относится к области интеллектуальной истории и сфокусировано на контрастных взглядах ведущих представителей славянской и тюркской общественной мысли России. Цель: оттолкнувшись от идей В.И. Ламанского, реконструировать и интерпретировать концепт И. Гаспринского о «трех мирах». Подобная задача ставится впервые. Применяются методы интеллектуальной реконструкции и историко-сравнительный. Основные источники: «Три мира Азийско-Европейского материка» В.И. Ламанского и произведения И. Гаспринского 1880–1900-х годов. Выявлены особенности интерпретации Ламанским «трех миров» («европейский», «азиатский», «средний»), где основу «среднего мира» составлял «греко-славянский мир». Реконструкция и сопоставление показали, что Гаспринский имел собственное понимание «трех миров»: «западного», «центрального», «восточного». Он исходил из сочетания интересов тюрков и славян и интерпретировал «центральный» мир как «русско-мусульманский». Оба мыслителя признавали консолидирующую роль России. Однако Гаспринский видел глобальные перспективы ислама и был убежден в необходимости сотрудничества России с мусульманским миром. Две тенденции в интерпретации «трех миров» дополняли друг друга, аргументировали славяно-тюркское пространство Старого Света. Новацией Гаспринского стал концепт «русско-мусульманского мира». Он учел мусульманский фактор, поэтому его версия более реалистичная. Концепции обоих мыслителей (с учетом приоритетов) имели характер проевразийского контрапункта и стали центральными в раннеевразийском дискурсе.

Ключевые слова: интеллектуальная история, средний мир, славяне, тюрки, русско-мусульманский мир, раннеевразийский дискурс.

Цитирование. Селиверстов С. В. Две тенденции понимания «трех миров» в раннеевразийском дискурсе: В.И. Ламанский и И. Гаспринский (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 160–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.12>

Введение. Интеллектуальное пространство России второй половины XIX – начала XX в. содержит различные дискурсы и тенденции. Познание данного многообразия ведется, как правило, дифференцированно. Такой подход практикуется, например, при анализе славянского и тюркского сегментов общественной мысли – как в тематическом, так и персональном разрезе. Однако интеллектуальное пространство России, культурно интегрированное общей проблематикой и языком русской публицистики, являлось консолидирующим историко-культурным пространством, в контексте которого происходили множественные взаимовлияния. Поэтому, учитывая открытость отечественного интеллектуального пространства, есть основания выявлять не только отличия историко-культурных тенденций, но параллели и пересечения.

Одной из тенденций интеллектуальной истории второй половины XIX – начала XX в. стал многообразный дискурс, который привел к оформлению евразийского направления общественной мысли. К данному дискурсу, проявившемуся в эпоху, предшествующую классическому евразийству (эпоху, которую В.Л. Цымбурский, тем не менее, обозначил как эпоху «евразийскую» [26, с. 223, 279]), применимо, на наш взгляд, определение «ранний», то есть раннеевразийский. Еще в 1995 г. Н.И. Цимбаев, поставивший вопрос об идейных истоках евразийства, подчеркивал, что «прямым и непосредственным предшественником» данного направления был Ламанский, чья идея о «трех мирах» – «чистое евразийство» [14, с. 16–17]. Возвращение интереса научного сообщества к главному труду Ламан-

ского произошло в известной работе М.А. Робинсона (1996), раскрывшего трактат в контексте славянофильской историософии [22]. В последующем идея «трех миров» затрагивалась в различных ракурсах (см., например: [17; 20; 21; 23]). Если обобщить, то в литературе о Ламанском его взгляды рассматриваются, как правило, в рамках русско-славянской мысли. Однако в последней четверти XIX – начале XX в. активно творил мыслитель, по-своему глубоко интерпретировавший «трехмирную» проблематику – это И. Гаспринский (1851–1914), наиболее значимая персона в тюркском мире России. Его труды, как и труды В.И. Ламанского, возвращаются в научный оборот, что подтверждает начатое в 2016 г. издание собрания сочинений тюркского деятеля. Появляются новые публикации [15], но и в тех, которые посвящены международным аспектам взглядов И. Гаспринского [25], тематика «трех миров» не раскрывается. Исходя из сказанного, цель статьи – оттолкнувшись от взглядов Ламанского, реконструировать и интерпретировать представления Гаспринского о «трех мирах».

Методы и материалы. В отличие от Ламанского, консолидировавшего свои идеи в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), взгляды Гаспринского на «три мира» не имеют единого авторского обобщения и разбросаны по различным публикациям, а конкретная задача по их выявлению и анализу не была сформулирована исследователями. Поэтому, инструмент данного исследования – метод интеллектуальной реконструкции, позволяющий раскрыть содержание авторского концепта «трех миров» за определенный период. В аналитическом плане используется историко-сравнительный метод, который дает возможность сопоставить и интерпретировать концепты Гаспринского и Ламанского (как генерированные в тюркском и славянском сегментах общественной мысли) и, тем самым, выявить особенности раннеевразийского дискурса.

В качестве источников привлекаются указанный труд Ламанского и публикации Гаспринского в газете «Переводчик-Терджиман»: «О русских мусульманах» (1885), «Член английского парламента Дж. Керзон <...>» (1889), «Китай и Россия» (1890), «Важное вре-

мя» (1905), «Велико-Восточный вопрос» (1908) и др., а также трактаты «Русское мусульманство» (1881) и «Русско-восточное соглашение» (1896), изданные в крымском Бахчисарае, но глобальные по обзору.

Анализ. Ламанский, как ученый, был склонен к историческому синтезу, поэтому локальные вопросы являлись для него «средством и путем к дальнейшим историко-культурным изысканиям и выводам» [13, с. 18–19]. В полной мере это относится к работе «Три мира Азийско-Европейского материка», ставшей, как отмечали его ученики, «заключительным аккордом» [13, с. 12–13], плодом «почти сорокалетней ученой деятельности периодов его молодости и зрелости» [24, с. 12]. Следовательно, интеллектуальный путь В.И. Ламанского к концепции «трех миров» охватывает период с конца 1850-х годов.

В «Трех мирах» (согласимся с Г.М. Князевым) важны не частности, а именно «руководящая идея», которая «открывает новые горизонты для мысли» [16, с. XX]. Ламанский видит Старый Свет пространством «крайнего разнообразия, этнографического и культурного», но группирует данное пространство и приходит к пониманию, что на Азийско-Европейском материке (подчеркнем новационность наименования) имеются «три крупные части, три великие отдела или мира», а именно – «собственная Европа», «собственная Азия» и «средний мир» [18, с. 3]. Исходя изначально, как и европейски образованные современники, из дуалистичной парадигмы «Запад – Восток», он в ходе разработки собственной концепции конкретизирует, детализирует историко-культурную структуру Старого Света, выделяя третий макрорегион – «средний мир». Представления Ламанского о «трех мирах» известны (хотя не в полной мере изучены, особенно в плане генезиса) как из его сводного труда, так и благодаря вышеотмеченным исследованиям, поэтому акцентируем внимание на интерпретации Ламанским «среднего» и «азийского» миров.

По отношению к собственно Европе и собственно Азии «средний мир», – замечает Ламанский, – это «не настоящая Европа и не настоящая Азия» [18, с. 3]. И если двигаться из Европы на восток, либо из собственно Азии на запад и север, то «по мере удаления <...>

от центров чисто-европейской или чисто-азиатской жизни», мы соприкасаемся с теми странами, которые, «включая в себя много элементов чисто-европейских и чисто-азиатских, имеют, однако, в общем, свой особый тип» [18, с. 3]. То есть срединный историко-культурный тип, с одной стороны, неизбежно содержит европейские и азиатские элементы, а с другой – является, в сумме, иным явлением, не сводимым к европейскому или азиатскому миру. Ядро среднего мира составляют славянские народы, однако в его пределах имеется «множество и разнообразие» этнических элементов [18, с. 75]. Особо Ламанский отмечает тюрко-монгольские и финно-угорские народы [18, с. 46, 55] и в целом видит, что в среднем мире присутствуют «многозначительные представители господствующих в Азии <...> религий, языков, нравов и обычаев» [18, с. 4]. Следовательно, хотя он начал осмысление срединного пространства как «греко-славянского мира», но в итоге реалистично скорректировал его обозначение и понимание.

Учитывая, что далее анализируются взгляды Гаспринского, отметим представления Ламанского на «азиатский» мир. Еще в 1871 г. он отмечал, что наряду с греко-православным Востоком в истории присутствует Восток мусульманский, конфуцианский, буддийский, шаманистский, который представляет собой «особые, самостоятельные миры» [19, с. 32–33]. В его восприятии восточный мир «древних и средневековых цивилизаций» был более многообразен, нежели Европа [17, с. 3, 46–47]. И в этом разнообразии Востока одно из самых заметных мест занимало мировое мусульманство. С историко-культурной точки зрения Ламанский был хорошо осведомлен о мусульманских народах Старого Света, но, тем не менее, малоазийскую Турцию, в отличие от Балкан, относил не к среднему миру, а к собственно азиатскому [18, с. 28]. Наблюдая за успехами ислама в Азии, Ламанский, надо признать, настороженно относился к внешнему росту мусульманства. Хотя (как заметил Семенов-Тянь-Шанский), в отличие от европейцев, и не находил непосредственной «мусульманской опасности» [24, с. 13]. Признавая роль Азии в прошлом, Ламанский недооценил возможнос-

ти ее народов. В середине и второй половине XIX в. (когда формировались его взгляды) азиатский Восток не давал примеров конкурентоспособного развития, за исключением островной Японии, поэтому представления об «истощении и упадке» азиатских народов были скорее правилом, нежели исключением. Не отрицая элементов европеизации Азии, Ламанский полагал, что понадобятся десятки лет для достижения результатов. Он скептически смотрел на будущность собственно азиатского мира, полагая, что это мир «необновимого прошедшего» [18, с. 14–16].

Гаспринский, также как и Ламанский, рассматривал панораму Старого Света трехкомпонентно, но раскрывал по-своему. Если для Ламанского точкой отсчета был славянский мир, то для Гаспринского – тюркский, с которого и началось выстраивание его «триптиха». Существенно, однако, что он не противопоставил тюркский мир российскому государству. В его понимании (1881) именно пребывание «массы мусульман с богатейшими землями» в орбите России делает ее «естественной посредницей между Европой и Азией» [11, с. 25]. С другой стороны, он не смешивает тюркский мир с пространством Китая и Ирана (тюрки располагаются в естественном, «резко очерченном районе Азии» [11, с. 22–23]). Не случайно в 1885 г., когда под российскую власть перешли Мерв и Кушка, Гаспринский напомнил свое раннее предположение из трактата «Русское мусульманство» о естественности пребывания тюркских народов в составе российского государства и заметил, что теперь граница в Туркмении дошла до этнографически «правильной черты» [7, с. 287], то есть охватила тюркский регион Азии, Туркестан. Позиция Гаспринского, по сути, подкрепляла понимание пределов среднего мира Ламанским, в видении которого средний мир – это пространство к северу от горных систем Ирана, Афганистана, Китая [18, с. 4]. В частности, Гаспринский разделял мнение (1889), что границе империи следует продвинуться до афганского Гиндукуша, так как население обоих берегов Аму-Дарьи «слилось в общий тип» [12, с. 233].

Таким образом, естественные очертания российско-тюркского пространства Гаспринский видит в пределах между Китаем на вос-

токе, Ираном на юге и Европой на западе. Дуалистичная картина, где мир разделяется на Запад и Восток, Европу и Азию, не устраивает Гаспринского (как и Ламанского). Масштабность и историко-культурное своеобразие славяно-тюркского пространства таковы, что оно не вмещается однозначно ни в «Европу», ни в «Азию». Поэтому у Гаспринского нет попыток односторонне позиционировать тюркский (и шире – русско-тюркский) мир исключительно в азиатских или европейских рамках. На рубеже 1880–1890-х гг. (когда Ламанский обобщал концепцию «трех миров») он ясно видит, что этот срединный, взаимосвязанный мир занимает собственное место на континенте. Как тюрко-мусульманский мыслитель и российский государственный деятель, движимый «общерусским патриотизмом» и интересами «мусульманских сородичей» [6, с. 351], он с неизбежностью (и самостоятельно) приходит к пониманию реальности «третьего мира» в Старом Свете.

В 1889 г. Гаспринский, как он пишет, выказал «вторую часть нашей мысли», не доказанную в 1881 году. В близком будущем «богатая, великая Азия» станет объектом воздействия трех «культурно-политических сил» – «русской, английской, китайской», – замечает он. И как только они войдут в контакт, начнется «вторая глава новоазиатской истории» [12, с. 233]. В данной перспективе «немыслимо предполагать, что славянин, англосакс и монгол мирно уснут, соприкасаясь головами; немыслимо, чтобы православие, буддизм и протестантизм с крупной дозой английских меркантильных стремлений взаимно не отталкивались, а раз отталкиваются, то весьма естественно могут и сталкиваться» [12, с. 233–234]. Как видим, в 1889 г. в образе «трех сил» Гаспринским обозначены, по сути, три мира Старого Света: англосакский (западноевропейский), славяно-русский (средний) и монголо-китайский (восточноазиатский). До публикации трактата Ламанского оставалось три года. При этом Гаспринский держит в уме мусульманский фактор, так как «в будущих судьбах Азии мусульманство будет призвано играть весьма важную роль». Его уверенность основана на том, что при соперничестве «трех сил» большое значение будет иметь «симпатия, доверие и содействие» му-

сульман Азии, и «велик будет тот государственный муж, который привлечет их к той стороне, которую он представляет» [12, с. 234]. Зная совокупность убеждений Гаспринского, не остается сомнений – он желал, чтобы силой, которая привлечет мировое мусульманство, стал мир России.

В 1890-е гг. его представления продолжали развиваться. В трактате «Русско-восточное соглашение» (1896), ставшем существенным шагом тюркской мысли и написанном после работы Ламанского о «трех мирах», он вводит понятие «русско-мусульманский мир», рассматривая его глобально. «Бросив взгляд на карту восточного полушария, – пишет Гаспринский, – мы увидим, что мусульманские страны и Россия пограничны на громадных протяжениях и имеют общие моря: Каспийское и Черное». Этот «русско-мусульманский мир, позвольте мне так выразиться», раскинулся с севера на юг от Северного Ледовитого океана до Африки, а с запада на восток «от границ Балтики и Адриатики до китайской стены и морей Индо-Китая» [10, с. 52]. К Востоку от него, указывает Гаспринский, находится «монголоязычный мир» в 500–600 млн, а на Западе кипит «могучая жизнь» 250 млн европейцев. Следовательно, если в 1889 г. он трактовал глобальный баланс Старого Света через понятие «трех сил», то теперь, в 1896 г. – через понятие трех «миров» (как и Ламанский в 1892 г.). Такова эволюция концептуальной терминологии Гаспринского. Однако следует обратить внимание не только на терминологию. Существенно то, как он в региональном плане позиционировал «русско-мусульманский мир», в чем видел его особенности. Характеризуя русско-мусульманский мир, расположенный между европейским и монголо-китайским пространствами, Гаспринский по-своему отмечает свойство срединности – данный мир находится «в центральных частях полушария, на перекрестках всех дорог и сношений торговых, культурных, политических и боевых» [10, с. 52]. Тем самым Гаспринский подчеркнул именно периферийность русско-мусульманского мира – по отношению к собственно Европе или Азии (по сути, аналогично «срединности» Ламанского). Более того, понимание многоаспектной глобальной «центральности» («на перекрестках всех дорог и

сношений») открывало перед русско-мусульманским миром в канун XX в. существенные перспективы. Но для этого, как минимум, позиция Гаспринского должна была быть «услышана» в столице России.

Концептуальный взгляд, публично развернутый Гаспринским в 1896 г., свидетельствует, что он был в курсе не только международной обстановки, но и тенденций русской общественной мысли, включая воззрения Ламанского, и со своей стороны, как «русский мусульманин» и общественный деятель, углубил, дополнил глобальную картину мира. Гаспринский концептуально соединил российский (славянский в основе) компонент срединного пространства с тюрко-мусульманским компонентом – в сводное понятие «русско-мусульманского мира» – как пространства двух историко-культурных платформ. Так, в середине 1890-х гг. Гаспринский сформулировал собственное представление о «трех мирах» (европейском, русско-мусульманском, монголо-китайском), которое осмысливалось им с начала 1880-х гг. – одновременно с Ламанским.

Для более точной интерпретации взглядов Гаспринского немаловажное значение имеет восточная часть триптиха. В отличие от Ламанского он не считал, что история Китая в прошлом: «Блаженны верующие, – отмечал он в 1889 г., – но мы не верим», что Китай «политический нуль», а потому через 20–30 лет он станет «грозной военной силой» [12, с. 234]. И быстрый военный рост Японии показывает – «то же самое может повториться и с Китаем» [10, с. 53]. Весьма внимательно, даже с опасением, Гаспринский относится к перспективам Китайской империи, предполагая, что «эмиграция, а затем и политические виды» ее «обратятся на запад, угрожая русско-мусульманскому миру» [10, с. 52–53]. В статье «Россия, Китай и мусульмане» (1888) он воспринимает Китай как иной мир, на который надо обратить «бдительное внимание» и при том «вполне серьезно, без боязни, но и без сомнительных надежд» [9, с. 178]. Гаспринский полагал, что когда Китай «вкусит западного древа познания», обуздается «устроенной армией», железными дорогами, то станет «важным фактором международной силы и политики». И России, как

ближайшему соседу, «придется прежде всех считаться с этой новой силой и не забывать ее при тех или других политических комбинациях» [6, с. 351]. В региональной ситуации многое, – считал он, – будет зависеть от того, на чьей стороне окажутся симпатии мусульман, проживающих «по обе стороны» российско-китайской границы [9, с. 178]. Сам автор полагал желательным (как выше отмечалось), чтобы симпатии эти относились к России. То есть в 1880–1890-е гг. он позиционировал мусульманский мир Центральной Азии, не противопоставляя его России. В 1900-е гг. Гаспринский остался в целом на прежней позиции. В его понимании неудача в японско-русской войне «есть грозное предостережение русскому и мусульманскому миру» [3]. Предвидит он и экономическое продвижение Запада и Востока на срединное пространство славян и тюрков («ни Атлантический, ни Великий океан пахать нельзя») [3]. Следовательно, в 1900-е гг. Гаспринский как и прежде воспринимал восточноазиатский мир через призму безопасности и консолидированных интересов срединного мира.

В начале XX в., в изменившихся мировых условиях, он продолжает размышлять о перспективах срединного мира и отмечает (1903), – «наше время – время соединения огромных капиталов и великих народов», когда «общность становится историческим законом» [8]. Или в 1905 г.: «Мы видим и чувствуем ход истории человечества. Времена мелких экономических и политических единиц миновали. Могучий, кипучий Запад с его миллиардами и широкими знаниями; пробуждающийся языческий Восток с его неисчислимым населением могут сдавить нас как тиски, если мы не поторопимся как следует сплотиться, просветиться и развить во всю ширь нашу работоспособность и производительность» [1]. Утверждая, что времена «мелких единиц миновали», И. Гаспринский предвидит, по сути, одну из главных тенденций «хода истории» – тенденцию к региональной консолидации, в том числе на евразийском пространстве. Примечательно, что он акцентирует особенности русско-мусульманского мира, способствующие консолидации. К «мирному сожителству» тюрков и русских «свела в одно общая великая равнина – родина, простирающаяся от подножий

Алтая и Памира до болот Балтийского моря». Именно на этом срединном пространстве воля Провидения соединила «Московию и Татарию» [1].

В апреле 1908 г., в связи с обострением на Балканах и необходимостью налаживания российско-османских отношений, Гаспринский публикует обширную статью «Велико-Восточный вопрос», где дальше развивает взгляд на «три мира». Если оставить частности, – отмечает он, – можно увидеть, что «народы старого света образуют три главных группы», связанные расовыми, религиозными и экономическими интересами. «Первую группу составляет белая раса или европейцы. Вторую – желтая». И если на Западе говорят о «желтой опасности», то на Востоке – о «белой» [2]. Среди двух групп находится третья – мусульманский мир, – обозначаемая как «зеленая группа», которая начинает «естественно подумывать об “опасностях” и справа, и слева» – как политических, так и экономических [2]. Однако это не значит, что Гаспринский теперь идентифицирует срединный мир с мусульманством. Во второй части статьи, вновь констатируя, что «мусульманский мир стиснут с двух сторон белой и желтой расами», он задает принципиальный вопрос: «Не находится ли Россия в том же положении?» [3]. Для автора ответ с 1880-х гг. был ясен, но для русского образованного класса и в начале XX в. – не очевиден. Поэтому Гаспринский настойчиво повторяет ключевую мысль о центральном положении «русско-мусульманского мира» между европейским и восточноазиатским мирами [3]. Как видим, и в 1900-х гг., когда былая стабильность была поколеблена, а национальные вопросы обострились, он не отказался от концепта «русско-мусульманского мира». Что касается собственно мусульманского, «зеленого» мира, который все более пробуждался и сам по себе мог стать «третьим миром», то Гаспринский позиционировал его параллельно русско-мусульманскому миру. Он реалистично предвидел – конкуренция миров Старого Света (в том числе между русским и мусульманским обществами) станет вызовом для России, поэтому, будучи сторонником сотрудничества, обозначил проблему корректно, но заостренно: не придется ли России в новых условиях

«считаться со всеми тремя группами?» [3]. То есть не только с Европой и Азией (как полагал Ламанский), но и с поднимающимся и желающим обрести субъектность миром ислама. С позиции Гаспринского такой расклад был бы для России наиболее сложным.

Долгосрочная проблема в его понимании в том, что «концентрация сил белой и желтой рас» может вести мусульманские народы к необходимости «сделать выбор между той или другой стороной», и тогда их присоединение будет иметь «важное, если не решающее значение» [4]. При таком исходе срединный мир, как русско-мусульманское пространство, ожидало, по сути, переформатирование, а Россия могла лишиться позитивного соседства. Так, Гаспринский указал на возможность изменения баланса «трех миров», вероятного в случае противостояния мусульманства и России. Однако, оставаясь верным своим убеждениям, он в заключение высказал пожелание: «Было бы не дурно, если бы в этом грядущем русский и хоть ближайшие мусульманские народы стояли бы рядом, как ближайшие и добрые соседи» [4]. Через два года (1910) Гаспринский выскажет аналогичные мысли более прямо: необходимо стать «в искренние отношения к мусульманскому востоку, чтобы не иметь его против себя, чтобы не толкнуть его с сферу влияния возможных врагов России» [5]. В отношениях с миром ислама он желал не конфронтации, а «доброе соседства» и «искренних отношений».

Результаты. Рассмотрение воззрений Ламанского и Гаспринского позволяет сделать определенные выводы. Обосновав в концепции «трех миров» историко-культурное бытие среднего мира, как сложного евро-азиатского макро-региона (наряду с собственно Европой и собственно Азией), Ламанский конкретизировал дуалистичную, западно-восточную картину Старого Света, существенно приблизил ее к реальности. Главная особенность интерпретации среднего мира Ламанским в 1860–1890-х гг. – в акцентировании славянства и российского государства как его основы. При том он признает многообразие среднего мира, включающего спектр народов и культур. Не в последнюю очередь – тюркских. Само понятие «средний мир» (вместо прежнего – «греко-славянский») свидетельствует о реализме мыслителя.

Владимир Иванович Ламанский и Исмаил Гаспринский скончались в один год (1914), но Гаспринский, человек следующего поколения, смог осмыслить ситуацию и начала XX века. В 1880–1890-е гг. он также вышел за рамки бинарного миропонимания и параллельно Ламанскому аргументировал собственный взгляд на «три силы», «три мира» Старого Света, делая акцент на тюркский мир. Фактически он по-своему продолжил тенденцию на конкретизацию континентального пространства, начатую Ламанским. Также как в 1860-е гг. акцентирование греко-славянского мира стало шагом вперед, так и в 1880–1890-е гг. обозначение тюрко-мусульманского фактора способствовало более адекватному пониманию Старого Света. Оба мыслителя, каждый со своей стороны, способствовали усложнению, а не упрощению глобальной картины мира. Притом у обоих имелся общий аспект – признание консолидирующей роли российской государственности.

В результате новацией тюркского деятеля стал концепт «русско-мусульманского мира» (как реального славяно-тюркского пространства) – содержательного аналога «среднего мира» Ламанского. Констатирует Гаспринский и свойство срединности русско-мусульманского мира, указывая на его центральное положение в Восточном полушарии. Особенно важную для срединного пространства задачу он подчеркнул в начале XX в. – это необходимость макрорегиональной консолидации («времена мелких единиц миновали»). Данной перспективе способствовало то, что славян и тюрков сплотила «великая равнина – родина». Следовательно, оба мыслителя, указывая по-своему на срединность, центральность «третьего» (русско-мусульманского, греко-славянского) мира, обнаружили его качественную историко-культурную и международную особенность – евразийское положение. По сути, они, каждый со своей стороны, обосновали понимание соединенного славяно-тюркского пространства Старого Света.

Гаспринский сохранил видение русско-мусульманского мира и в усложнившихся обстоятельствах начала XX века. Но, в отличие от Ламанского, недооценивавшего перспективы мусульманского мира, как и вообще мира

азиатского, указал на растущий в условиях конкуренции «миров» мусульманский фактор. Понимая, что данная тенденция могла осложнить глобальное положение России, он настойчиво аргументировал региональное российско-мусульманское сближение и взаимодействие. Что касается западноевропейского и восточноазиатского миров, то позиционное восприятие Гаспринским данных миров в целом соответствует общей картине мира в концепции Ламанского. Однако в плане понимания восточноазиатского («монголо-китайского») мира также имеется немаловажное отличие. Если Ламанский рассматривал его как мир «прошедшего», то Гаспринский видел в нем силу, способную к росту, обновлению и несущую определенные вызовы срединному миру.

Взгляды Ламанского на средний мир (в контексте Азийско-Европейского континента) имели в конечном счете, объективно, несмотря на недооценку азиатского мира, не одностороннее славяно-русское, а консолидированное – евразийское содержание. Также не были односторонними взгляды Гаспринского, учитывавшего как тюркский, так и славянский факторы. Будучи убежденным в необходимости конструктивных взаимоотношений в русско-мусульманском мире, вплоть до союзнических, он отчетливо видел последствия тюрко-славянской конфликтности. Понимая связи исторических процессов, он не желал ни того, чтобы был раскол тюркский мир, ни того, чтобы Россия осталась в Восточном полушарии в одиночестве, противопоставленной не только Западу, но и мусульманскому миру. На протяжении 1880–1900-х гг. он без колебаний работал для укрепления русско-мусульманского / тюрко-славянского мира. Такое миропонимание имело (концептуально, качественно) проевразийский характер. То, что Гаспринский был тюркским деятелем – не должно ограждать рассмотрение его идей от раннеевразийской отечественной тенденции. Следует интенсивнее исследовать его наследие в общероссийском плане.

Два мыслителя концептуально смотрели на Старый Свет, на российский и сопредельный мир с двух сторон – со славянской и тюркской. Данное сочетание подходов не было конфликтным, а явилось своего рода интел-

лектуальным контрапунктом, в котором «звучали» параллельно разрабатываемые темы. Объективно две историко-культурные тенденции в понимании «трех миров» дополняли друг друга. Тем более, что оба мыслителя и субъективно не противопоставляли славяно- и тюркоориентированные подходы. Именно благодаря таким усилиям в отечественной общественной мысли формировалась более объемная и детальная картина славяно-тюркского исторического пространства.

Итак, сопоставительный анализ общего и особенного в концепциях «трех миров» Ламанского и Гаспринского показал, что евразийская / раннеевразийская интеллектуальная тенденция проявлялась в отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. как в славянском контексте, так тюркском. Рассмотренные концепции, в совокупности составляющие объемную интерпретацию срединного мира, по содержанию, по ориентации на славяно-тюркское пространство являются центральными в раннеевразийском дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспринский, И. Важное время / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1905. – № 29. – С. 1.
2. Гаспринский, И. Велико-Восточный вопрос / И. Гаспринский // Терджиман. – 1908. – № 30. – С. 1.
3. Гаспринский, И. Велико-Восточный вопрос / И. Гаспринский // Терджиман. – 1908. – № 31. – С. 1.
4. Гаспринский, И. Велико-Восточный вопрос / И. Гаспринский // Терджиман. – 1908. – № 32. – С. 1.
5. Гаспринский, И. Для новых подписчиков / И. Гаспринский // Терджиман. – 1910. – № 1. – С. 1.
6. Гаспринский, И. Китай и Россия / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений. – Казань ; Симферополь : Ин-т истории АН РТ, 2019. – Т. 3. – С. 350–353.
7. Гаспринский, И. О русских мусульманах / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений. – Казань ; Симферополь : Ин-т истории АН РТ, 2017. – Т. 2. – С. 287–290.
8. Гаспринский, И. О чем говорит народ / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1903. – № 19. – С. 1.
9. Гаспринский, И. Россия, Китай и мусульмане / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений. – Казань ; Симферополь : Ин-т истории АН РТ, 2019. – Т. 3. – С. 177–179.
10. Гаспринский, И. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания / И. Гаспринский // Из наследия. – Симферополь : Таврия, 1991. – С. 51–65.
11. Гаспринский, И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / И. Гаспринский // Из наследия. – Симферополь : Таврия, 1991. – С. 22–50.
12. Гаспринский, И. Член английского парламента Дж. Керзон <...> / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений. – Казань ; Симферополь : Ин-т истории АН РТ, 2019. – Т. 3. – С. 232–234.
13. Грот, К. Я. Владимир Иванович Ламанский (19 ноября 1914 г.) / К. Я. Грот. – Пг. : Тип. А.С. Суворина, 1915. – 25 с.
14. Евразийство: за и против, вчера и сегодня: материалы круглого стола // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 3–48.
15. Зайцев, И. В. Письма Исмаил-бея Гаспринского А.С. Суворину и П.П. Вяземскому / И. В. Зайцев // Крымское историческое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 175–179.
16. Князев, Г. М. Предисловие / Г. М. Князев // Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. – Пг. : Тип. А.С. Суворина, 1916. – С. III–XX.
17. Куприянов, В. А. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности / В. А. Куприянов, А. В. Малинов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. – 560 с.
18. Ламанский, В. И. Три мира Азийско-Европейского материка / В. И. Ламанский. – Пг. : Тип. А.С. Суворина, 1916. – 152 с.
19. Ламанский, В. И. Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе / В. И. Ламанский. – СПб. : Тип. Майкова, 1871. – 316 с.
20. Малинов, А. В. Евразийские аспекты цивилизационной концепции В.И. Ламанского / А. В. Малинов // Русская философия: исследования, история, историография. – СПб. : Изд-во СПбПУ, 2013. – С. 3–16.
21. Прокудин, Б. А. Историческое и геополитические идеи В.И. Ламанского / Б. А. Прокудин // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2013. – № 2. – С. 117–127.
22. Робинсон, М. А. В.И. Ламанский и его историческое сочинение «Три мира Азийско-Европейского материка» / М. А. Робинсон // Славянский альманах: 1996. – М. : Индрик, 1997. – С. 90–106.
23. Саприкина, О. В. Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность : дис. ... канд. ист. наук / Саприкина Ольга Вячеславовна. – М., 2004. – 292 с.

24. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф / В. П. Семенов-Тянь-Шанский // Живая старина. – 1915. – Вып. I–II. – С. 9–20.

25. Тихонова, Н. Е. Идеи российско-турецкого сближения во взглядах и переписке И. Гаспринского и М.О. Меньшикова / Н. Е. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18, вып. 3. – С. 295–298.

26. Цымбурский, В. Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков / В. Л. Цымбурский. – М. : Кн. мир, 2016. – 496 с.

REFERENCES

1. Gasprinskii I. Vazhnoe vremia [Important Time]. *Perevodchik-Terdzhiman*, 1905, no. 29, p. 1.
2. Gasprinskii I. Veliko-Vostochnyi vopros [Great Eastern Question]. *Terdzhiman*, 1908, no. 30, p. 1.
3. Gasprinskii I. Veliko-Vostochnyi vopros [Great Eastern Question]. *Terdzhiman*, 1908, no. 31, p. 1.
4. Gasprinskii I. Veliko-Vostochnyi vopros [Great Eastern Question]. *Terdzhiman*, 1908, no. 32, p. 1.
5. Gasprinskii I. Dlia novykh podpischikov [For New Subscribers]. *Terdzhiman*, 1910, no. 1, p. 1.
6. Gasprinskii I. Kitai i Rossiia [China and Russia]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Kazan, Simferopol, In-t Istorii AN RT, 2019, vol. 3, pp. 350-353.
7. Gasprinskii I. O russkikh musulmanakh [About Russian Muslims]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Kazan; Simferopol, In-t Istorii AN RT, 2017, vol. 2, pp. 287-290.
8. Gasprinskii I. O chem govorit narod [What the People are Talking About]. *Perevodchik-Terdzhiman*, 1903, no. 19, p. 1.
9. Gasprinskii I. Rossiia, Kitai i musulmane [Russia, China and Muslims]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Kazan; Simferopol, In-t Istorii AN RT, 2019, vol. 3, pp. 177-179.
10. Gasprinskii I. Russko-vostochnoe soglashenie. Mysli, zametki i pozhelaniia [Russian-Eastern Agreement. Thoughts, Notes and Wishes]. *Iz naslediia* [From the Heritage]. Simferopol, Tavriia Publ., 1991, pp. 51-65.
11. Gasprinskii I. Russkoe musulmanstvo. Mysli, zametki i nabliudeniia musulmanina [Russian Islam. Thoughts, Notes and Observations of a Muslim]. *Iz naslediia* [From the Heritage]. Simferopol, Tavriia Publ., 1991, pp. 22-50.
12. Gasprinskii I. Chlen angliiskogo parlamenta Dzh. Kerzon <...> [Member of British Parliament J. Curzon <...>]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Kazan, Simferopol, In-t Istorii AN RT, 2019, vol. 3, pp. 232-234.
13. Grot K.Ia. *Vladimir Ivanovich Lamanskii (19 Noiabria 1914 g.)* [Vladimir Ivanovich Lamansky (November 19, 1914)]. Petrograd, Tip. A.S. Suvorina, 1915. 25 p.
14. Evraziistvo: za i protiv, vchera i segodnia: materialy kruglogo stola [Eurasianism: Pros and Cons, Eesterday and Today: Materials of the Round Table]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions], 1995, no. 6, pp. 3-48.
15. Zaitsev I.V. Pisma Ismail-beia Gasprinskogo A.S. Suvorinu i P.P. Viazemskomu [Ismail Gasprali's Letters to Alexey Suvorin and Pavel Vyazemsky]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2019, no. 1, pp. 175-179.
16. Kniazev G.M. Predislovie [Foreword]. Lamanskii V.I. *Tri mira Aziisko-Evropetskogo materika* [Three Worlds of the Asian-European Continent]. Petrograd, Tip. A.S. Suvorina, 1916, pp. III-XX.
17. Kupriianov V.A., Malinov A.V. *Akademik V.I. Lamanskii. Materialy k biografii i nauchnoi deiatelnosti* [Academician V.I. Lamansky. Materials for Biography and Scientific Activity]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2020. 560 p.
18. Lamanskii V.I. *Tri mira Aziisko-Evropetskogo materika* [Three Worlds of the Asian-European Continent]. Petrograd, Tip. A.S. Suvorina, 1916. 152 p.
19. Lamanskii V.I. *Ob istoricheskoi izuchenii Greko-Slavianskogo mira v Evrope* [On the Historical Study of the Greco-Slavic World in Europe]. Saint Petersburg, Tip. Maikova, 1871. 316 p.
20. Malinov A.V. Evraziiskie aspekty tsivilizatsionnoi kontseptsii V.I. Lamanskogo [Eurasian Aspects of the Civilizational Concept of V.I. Lamansky]. *Russkaia filosofii: issledovaniia, istoriia, istoriografiia* [Russian Philosophy: Research, History, Historiography]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbPU, 2013, pp. 3-16.
21. Prokudin B.A. Istoriosofskie i geopoliticheskie idei V.I. Lamanskogo [Historiosophical and Geopolitical Ideas of V.I. Lamansky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [The Moscow University Herald, Series 12, Political Sciences], 2013, no. 2, pp. 117-127.
22. Robinson M.A. V.I. Lamanskii i ego istoriosofskii traktat «Tri mira Aziisko-Evropetskogo materika» [V.I. Lamansky and his Historiosophical Treatise “Three Worlds of the Asian-European Continent”]. *Slavianskii almanakh: 1996* [Slavic Miscellany, 1996]. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 90-106.
23. Saprikina O.V., 2004. *Akademik V.I. Lamanskii (1833–1914): nauchnoe nasledie i obshchestvennaia*

deiatel'nost': dis. ... kand. ist. nauk [Academician V.I. Lamansky (1833–1914): Scientific Heritage and Social Activities. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 292 p.

24. Semenov-Tian-Shanskii V.P. Vladimir Ivanovich Lamanskii kak antropogeograf i politikogeograf [Vladimir Ivanovich Lamansky as an Anthropogeographer and Political Geographer]. *Zhivaia starina* [Living Antiquity], 1915, no. 1-2, pp. 9-20.

25. Tikhonova N.E. Idei rossiisko-turetskogo sbliuzheniia vo vzgliadakh i perepiske I. Gasprinskogo i M.O. Menshikova [The Ideas of Russian-Turkish

Rapprochement in the Views and Correspondence of I. Gasprinsky and M.O. Menshikov]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestiya of Saratov university. New series. Series: History. International Relations], 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 295-298.

26. Tsymburskii V.L. *Morfologiia rossiiskoi geopolitiki i dinamika mezhdunarodnykh sistem XVIII–XX vekov* [Morphology of Russian Geopolitics and Dynamics of International Systems of the 18th – 20th Centuries]. Moscow, Kn. mir Publ., 2016. 496 p.

Information About the Author

Sergey V. Seliverstov, Candidate of Sciences (History), Chief Researcher, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev St, 2, Z01A3D7 Astana, Republic of Kazakhstan, seliverst.sv@googlemail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

Информация об авторе

Сергей Васильевич Селиверстов, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, Z01A3D7 г. Астана, Республика Казахстан, seliverst.sv@googlemail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

ЕВРОПА И АЗИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.13>

UDC 94(410)
LBC 63.3(4)6

Submitted: 13.03.2021
Accepted: 22.09.2021

EVOLUTION OF BRITISH EUROSCEPTICISM IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

Evgenii A. Atapin

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The United Kingdom is the most prominent example of a Eurosceptic country in the EU. For many years the United Kingdom did not feel a part of Europe. Great Britain was geographically separated from continental Europe and psychologically distant from the European integration movement established by the 1957 Treaty of Rome. The British Eurosceptic tradition rested on these geographic and psychological characteristics. Eurosceptic traditions included political, economic, linguistic, cultural and historical aspects that made it difficult for the United Kingdom to accept European integration. *Methods and materials.* The research methodology is based on narrative and comparative methods. The materials of the study incorporate statements of certain British politicians about attitudes towards European integration, works devoted to the analysis of Euroscepticism in the United Kingdom and manifestos of some far-right political parties. *Analysis.* A study of the attitude to European integration of the two main political forces of Great Britain, namely the Conservative and the Labour Parties, in the second half of the 20th century is carried out. *Results.* The study results in the creation of a periodization of British Euroscepticism in the second half of the 20th century. Three stages of evolution of British Euroscepticism in the period under study are distinguished: 1) the stage preceding the entry of Great Britain into the European Communities, conventionally called “Labour”; 2) the stage of the United Kingdom’s participation in the “common market”, conventionally called “Conservative”; 3) the stage of Britain’s participation in the European Union, conventionally called “Right-wing populist”. Their chronological framework is established and their main characteristics are given.

Key words: United Kingdom, Europe, European Economic Community (EEC), European Union (EU), British euroscepticism, Labour Party, Conservative Party, right-wing populists.

Citation. Atapin E.A. Evolution of British Euroscepticism in the Second Half of the 20th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 171-183. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.13>

УДК 94(410)
ББК 63.3(4)6

Дата поступления статьи: 13.03.2021
Дата принятия статьи: 22.09.2021

ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКОГО ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Евгений Александрович Атапин

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

© Atapin E.A., 2022

Аннотация. Великобритания является наиболее ярким примером евроскептической страны в ЕС. На протяжении многих лет Соединенное Королевство не ощущало себя частью Европы. Великобритания

была географически отделена от континентальной Европы и психологически отдалена от европейского интеграционного движения, заложенного Римским договором 1957 года. Британская евроскептическая традиция была основана на этих географических и психологических особенностях. Евроскептические традиции включали в себя политические, экономические, языковые, культурные и исторические аспекты, которые затруднили принятие европейской интеграции Соединенным Королевством. Основу методологии исследования составляют нарративный и сравнительный методы. Материалами исследования послужили высказывания отдельных британских политиков об отношении к европейской интеграции, работы, посвященные анализу евроскептицизма в Соединенном Королевстве, а также манифесты ультраправых политических партий. Проводится исследование отношения к европейской интеграции двух основных политических сил Великобритании во второй половине XX в. – Консервативной и Лейбористской партий. Результатом исследования является создание периодизации британского евроскептицизма во второй половине XX века. Выделяется три этапа эволюции британского евроскептицизма в исследуемый период: 1) этап, предшествующий вступлению Великобритании в Европейские сообщества, условно названный «лейбористским»; 2) этап участия Соединенного Королевства в «общем рынке», условно названный «консервативным»; 3) этап участия Британии в Европейском союзе, условно названный «правопопулистским». Устанавливаются их хронологические рамки и приводятся основные характеристики.

Ключевые слова: Великобритания, Европа, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейский союз (ЕС), британский евроскептицизм, Лейбористская партия, Консервативная партия, правые популисты.

Цитирование. Атапин Е. А. Эволюция британского евроскептицизма во второй половине XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 171–183. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.13>

Introduction. Since the middle of the 20th century the meanings of the terms “Eurosceptic” and “anti-marketer” were equally subject to different interpretations and perceptions, especially in the popular media. The exact meaning of the term “Europe” was also questioned. Sometimes it was not clear which one of the many versions of “Europe” was criticized. From the outset of the debate over Britain’s relationship with the emerging European institutions after 1945 it became evident that there was no well-defined understanding of what Europe was and what it should be and therefore what Euroscepticism was. A simplistic Europhobic understanding in which Europe as a whole was condemned was rarely observed. Most of the criticism focused on specific aspects of Europe. This concept has absorbed different meanings. Likewise, European institutions have always been evolving, and European integration should be seen as an ongoing process, the trajectory of which can be multidirectional. Europe in the form of the EU in many respects has little resemblance to Europe of the European Coal and Steel Community and the EEC, the project of which was first announced in 1950, and Europe which is a part of the euro area and the Schengen area has not so much in common with “patriarchal” Europe defined by Charles de Gaulle and the

European Free Trade Association, the idea of which was put forward by the UK in the 1950s.

Methods and materials. The aim of this study is to systematize the features of the development of British Euroscepticism in the second half of the 20th century by highlighting the stages of its evolution. To achieve this goal the preconditions for Britain’s sceptical attitude towards Europe and European integration initiatives in the middle of the 20th century are studied, the views of the largest British Eurosceptics are analyzed, the features of the manifestation of Euroscepticism in the two main British political parties are investigated, and the influence of right-wing populist forces on the public attitudes to the EU membership is revealed.

Analysis. *Prerequisites of British Euroscepticism. Labour Euroscepticism.* The issue of British exceptionalism remains controversial. Is Britain really a European state? This is probably the most fundamental question that took the central place in the debate about Britain’s relationship with the rest of Europe throughout the second half of the 20th century. Many Eurosceptics either answered this question unequivocally negatively or stressed that the UK should not be a part of the EEC-EU integration space. Hence the ambiguity has always been inherent in the problem of Britain’s place and role

in European integration processes. Although the issue of British leadership in the EU was regularly raised in parliamentary discourse, the opposite view of the UK as an outsider and a state with an undefined role in the EU was constantly present throughout the entire period of the United Kingdom's membership in the integration association [20, p. 412].

Obviously, British Euroscepticism was based on a feeling of "awkwardness" or "dissimilarity" in relation to the continental European project of political and economic integration [12, p. 13]. At the same time the UK was not eager to be seen as just one of the ordinary European countries preferring instead to be associated with the EEC without losing its sovereignty [29, pp. 14, 32].

In many ways, the very inception of the British state left behind a heritage of Euroscepticism. English and then British nationalism like all other forms of nationalism was based on a sense of differentiation and alienation from the "other", from other neighboring and often competing nationalisms. For most of Anglo-British history it was continental Europe that played the role of this "other". This sense of dissimilarity was reinforced by Britain's long history of opposition to continental tyranny in the form of Philip II, Louis XIV, Napoleon, German Kaisers, etc.

The sense of distrust towards continental Europe for the generation of postwar British politicians was aggravated by the recent memories of the UK's resistance to the menaces of fascism and Nazism. Another aspect of Britain's apparent exclusivity that has often been pointed out is the British sense of pragmatism and empiricism and the contrast with the more ideologized and theorized approaches of many continental countries. The distinction between uncodified British common law with the unwritten UK constitution and the continental tradition of civil law has also been considered to be an explication for this principled divide [6, p. 3].

In 1951 the Labour Party brochure "European Unity" stated that "in all respects except for distance we in Britain are closer to our relatives in Australia and New Zealand who live at the opposite end of the world than to Europeans" [21, p. 179]. Later Harold Wilson argued: "If we have to make a choice, then we have no right to sell our friends and relatives in other parts of the world for the dubious advantage

of being able to sell washing machines in Dusseldorf" [28, p. 157].

Many Britons felt much more comfortable with the former dominions and the United States than they did with Europe. One opinion poll in 1966 found that when British residents were asked to name the countries they trusted most, Australia came out on top followed by Sweden, the United States and India with Germany and France placing the only slightly higher than the USSR [15, p. 259].

Certainly, much closer personal ties with the inhabitants of the Commonwealth countries in comparison with the Europeans played a role in the UK's reluctance to participate in European projects. However, it was the experience of World War II that had the greatest impact on British understanding of Europe after 1945. In many ways, it continued to have a significant influence on this debate in the early 21st century. For the British the history of the war preserved by the constant reminder through the media, television and film represents heroic resistance and an undeniable victory. While mainland Europe collapsed, Britain remained untouched. In this understanding Britain was innocent of fascism and Nazism, in the outbreak of war and the atrocities that accompanied it. Its war experience was entirely different from the practice of the continental allies which due to their weakness surrendered in the face of this test. The UK neither unleashed the war nor broke down under the onslaught of the Nazis. When the countries of the continent failed, Britain emerged victorious. That is why it was much easier for Europe to come to terms with the fact that the nation state as a model for organizing public life had failed, and a new system was needed. Britain which had not yet experienced such a shock to its political system was not willing to undertake such a fundamental rethinking. It remained committed to the existing political order and the idea which gradually became more and more illusory about its status of a world power [6, pp. 4-5].

Suspicious about Germany kept strong, and when by the end of the 1950s West Germany not only caught up with Britain but surpassed it in many areas, these sentiments only strengthened. In 1958 Prime Minister Harold Macmillan warned that "Western Europe is effectively dominated by Germany using the tools to restore its power by economic means. It is striving for that, for the

sake of preventing which we waged two wars” [21, p. 170]. Fears arose that the EEC would provide a means of re-establishing German hegemony [21, p. 181].

In the late 1960s Clement Attlee said in one of his interviews: “I don’t really like the Common Market. In the end, we defeated Germany and Italy and saved France, Belgium and Holland. I sincerely do not understand why now we should strive for them” [13, p. 355]. A little later he repeated the same thought: “We are being asked to join the “Six”. I seem to remember that we shed a lot of blood and spent a lot of resources during the war saving four of them from the other two” [6, p. 5].

Attlee explicated why his government rejected an invitation to take part in the ECSC project saying in a speech in the House of Commons that “we are not ready to accept the principle that the most important economic issues of the state should be transferred to the government that is undemocratic and not responsible to anyone” [3, p. 236].

In the 1950s the idea of Great Britain joining the “Six” within the framework of the ECSC or the EEC was inconceivable for the overwhelming majority of representatives of the country’s political establishment. The quickly shifting international environment and growing uncertainty about the domestic situation in Great Britain forced a rethinking of this previously distanced attitude towards European integration which led in 1961 to the decision to start open negotiations with the EEC founding countries on the terms of the UK membership in the EEC [6, p. 6].

The clearest expression of the Labour opposition to EEC membership was Hugh Gaitskell’s speech at the Labour Party conference in October 1962. Gaitskell made a number of different arguments against Britain’s EEC membership in that speech, many of which have since become central to the debate over Europe.

His first points contained a specific assessment of merits and demerits of being inside and outside the EEC for Britain, and asserting that the Commonwealth remained important for British trade. In particular, he emphasized the danger of rising food prices in case of Britain joining the EEC. Much of this clause was used in campaigns against the EEC throughout the 1960s and 1970s. The crucial Eurosceptic arguments,

though, did not concern the realm of economics. Gaitskell actually admitted that the difference between losses and gains after the UK joining the EEC would be negligible. The primary incentive of his arguments was political, and it is in this part of his speech that the main Eurosceptic argument against the UK membership in the EEC can be found. He acknowledged that Europe had a great and glorious civilization and could be proud of Goethe and Leonardo, Voltaire and Picasso, while noting that along with this, there were extremely negative figures in European history, such as Hitler and Mussolini. Gaitskell also stressed that he could not say what new Europe would be like, since, in his opinion, it had two faces, and it was not yet known which of them would be dominant. Europe’s future development was indefinite: Europe and the Europeans could still turn in one direction or the other.

Gaitskell also feared the EEC’s political ambitions to move towards the political union that went beyond the customs union. He highlighted the problem of the loss of sovereignty in integrated Europe. He warned that a political federation had been the clear target of those who had created the EEC. In particular, his answer to the rhetorical question of what a federation is manifested the profoundness of his hostility to this notion.

“Federation means that powers are taken from national governments and transferred to federal governments and federal parliaments. This means that if we enter it, then we will be nothing more than a state in the United States of Europe, like Texas and California in the United States of America. This will mark the end of Britain as an independent nation-state with a thousand-year history. And that will be the end of the Commonwealth. How can you seriously assume that after the metropolis which is the centre of the Commonwealth becomes a province of Europe, it will be able to continue to exist as a political and economic center for a number of independent states? It is impossible” [14, p. 1].

Gaitskell probably did not completely renounce the idea of Britain joining the EEC but only if a number of fundamental conditions were met including maintaining the position and advantages of Great Britain in the Commonwealth, protecting the interests of the countries of the newly originated European Free Trade Association, the right of Great Britain to manage

its economy, preserving a support system for British farmers and an independent foreign policy, and the denial to join supranational systems or a closer alliance. However, few doubted the Eurosceptic nature of his message.

Gaitskell expressed apprehension about the negative influence of the EEC policy on the Commonwealth countries. Here he borrowed the concerns raised by the Conservative government about the possible interference of the EEC in relations between Britain and its allies in the Commonwealth, as well as doubts about the veracity of European assurances, promises and guarantees. The trend to employ the European question to score more points than its political opponents became a characteristic feature of the Labour Party over the next 15 years.

In addition, Gaitskell raised another problem that became central to Eurosceptics in the following decade: popular sovereignty and the supreme power of the people in the issue of making the final decision on Britain's accession to the EEC [6, p. 8].

Numerous leading Conservative Eurosceptics such as Richard Austin Butler, Max Aitken, Harry Legge-Bourke and Peter Walker continued to express restraint and sometimes outright opposition to the EEC. The most outspoken Conservative Eurosceptic was Enoch Powell who clashed with his party leader Edward Heath over Europe in the late 1960s. At the party conference in 1971 he ardently called for a vote against Britain's accession to the EEC because of the loss of sovereignty it would entail. Nevertheless, the conference members opted for British accession to the EEC by 2,474 votes to 324 [6, p. 9].

By the time the third application was filed in 1971 which was subsequently approved, opposition to British EEC membership had become much more organized in both the Labour and the Conservative Parties. The difficulty in getting the necessary legislation through parliament was a testament to the growing strength and influence of anti-EEC groups. Within the ranks of the Conservative Party this became apparent during the 1970 election campaign.

Most importantly, the number of Conservative "anti-marketers" was greater than the number that guaranteed a majority in government, which gave them the potential

influence dictated by their numerical strength. Thus the final result depended on whether the government could receive the support of at least a minority of Members of Parliament from the opposition. The vote on Britain's EEC membership in the House of Commons in October 1971 was successful but 39 Conservatives voted against the government's line while two others abstained. But the positive outcome was provided by 69 Labor MPs who voted in favour. Nonetheless, later votes were much tenser, with sometimes the gap being less than 10 votes. This was the first symptom of what could later become an open gap in the Conservative Party. It is important to note that the Conservative "anti-marketers" were becoming an organized and clearly identifiable group that could and was ready to challenge Party unity on what they saw as a problem beyond Party discipline and solidarity. While the Eurosceptics failed to hinder the UK's entry into the EEC, they severely undermined the foundations on which British membership was held. Britain's accession to the EEC on its third attempt in 1973 by no means implied the completion of the Eurosceptic campaign.

In 1975 after two years of the UK membership in the EEC it was too early to draw conclusions about the advantages and disadvantages of Britain's new position in Europe. Nevertheless, there were many antagonists of the EEC who claimed that since the UK had joined Europe, the country's economic problems had only worsened. The simplest decision under this logic was to place the blame on Europe. Adaptation to the EEC was tough, and economic rivalry, especially from West Germany, was, as expected, fierce. For many, this seemed depressing compared to Britain's economic relations with the Commonwealth. These arguments were supported by the fact that at the moment the UK joined the EEC, the world economy entered a phase of recession. The approaching culmination of the crisis of the post-war international financial and monetary order led to unprecedented inflation and a steep decline in economic growth.

The profound disagreements in the Labour Party over the European question during the consideration of the first British applications to join the EEC in the 1960s were nothing compared to those that appeared in the next decade. It was the problem of the UK's participation in European

integration processes that became a serious dividing line in the ranks of the Labour. The defeat in the 1970 elections resulted in revived plea by many Labour Party members for their entire approach to be reassessed.

The European question and the left's persistence against the EEC became the key problems in the Labour Party space. The Euroscepticism of the left targeted not only the EEC accession procedure carried out by the Conservative government in 1971–1973 but also against the views of members of their own party who endorsed this political line. Thus the European problem was not only a part of the political game between the two parties but, equally important, a key element in the ideological battle for dominance inside the Labour Party [6, p. 10].

After the return of the Labour to power in 1974, the government of Harold Wilson embarked on a course of reforming the conditions for Britain's participation in the EEC. The Labour manifesto of February 1974 outlined the following seven conditions that must be met in order for the United Kingdom to continue to participate in the European Communities:

- 1) the common agricultural policy should not impede the supply of agricultural products from non-European countries to the British market;
- 2) the necessity of a transparent mechanism for the formation of the EEC budget;
- 3) preventing an increase in the maximum permissible level of unemployment in Great Britain under the pretext of its unification with European indicators;
- 4) the leading role in the management of the British economy should be played by the Parliament of the United Kingdom;
- 5) free movement of capital should not be carried out to the detriment of maintaining the balance of payments of the UK and pursuing public policy of full employment;
- 6) prevention of infringement of the economic interests of the states of the Commonwealth and developing countries;
- 7) value added tax should not apply to essential goods in the United Kingdom [17, pp. 12–17].

The Labour Party's October 1974 manifesto contained an intention to hold a referendum which should lead to one of the two outcomes: either Great Britain remains a member of the EEC on

the new terms, or the United Kingdom leaves the "common market".

The revision of the conditions for the participation of the United Kingdom in the EEC took place at the Paris summit in December 1974 and at the meeting of the European Council in March 1975. In April 1975, the "deal" on the new terms was approved by the British House of Commons. The referendum took place on the 5th of June 1975. With a turnout of 64%, by the majority of votes (67.2%) it was decided to continue Britain's participation in the Community on the basis of the updated conditions [17, p. 4].

The referendum revealed some regional differences in the European question. While at the beginning of the 21st century the EU was seen by the majority of the supporters of the National Party of Scotland and the Party of Wales as an opportunity to advance their interests, in the 1970s their attitude to Europe was far from the same. The EEC was perceived as a hostile force ominous to the special economic interests of Scotland and Wales in a number of spheres of economy such as agriculture and fisheries as well as an undemocratic and centralized association. Scotland was the most Eurosceptic part of Great Britain. According to the survey conducted in 1971 81% of Scots stood against the EEC membership. The Labour and the Conservative Parties were blamed by the National Party of Scotland for trying to force the Scots to join the European Community against their will. In the 1975 referendum the negative vote throughout the UK was 32.8%. In England the share of opponents was 31.3%, while in Scotland it was 41.6% [6, p. 11].

Thus, Euroscepticism of the Labour at the early stage of Great Britain's participation in the EEC manifested itself in reforming the conditions for the state's membership in the integration association previously adopted by the Conservatives, with the aim of changing them in favour of the interests of the United Kingdom.

The Conservative Position: From Europeanism to Euroscepticism. The Conservatives who since the late 1970s have become the principal representatives of Euroscepticism had been rightfully considered the most pro-European of Britain's among the two main political parties until the mid-1970s. While the EEC was viewed primarily from an economic

and commercial point of view as predominantly a trade zone, most Conservatives did not find anything reprehensible in this association. The Conservatives under Macmillan and Heath were the motive power behind the turn in British policy to a more loyal attitude towards Europe. Unlike the Labour, they did not aspire to earn political points by criticizing the approach of their opponents to the European question supporting Wilson's bid to join the EEC in 1967 [6, p. 11].

The argument that Great Britain was eager to join the EEC in order to direct it along a completely different path from the one that had been originally laid by the "Six" gained great popularity. Claims that Britain sought to play the role of a Trojan horse trying to enter the EEC in order to demolish European construction from the inside, to undermine its foundations or to hamper its development sounded compelling. Thus Macmillan speaking to the Cabinet of Ministers in 1961 said that the creation of the EEC constituted "a threat to the political position of the United Kingdom as a world power" and that this "forces us to adhere to our traditional policy of preventing the concentration of excessive power in the hands of one political unit on the European continent" [11, p. 7].

What is clear is that the vision that the British aspired to join the EEC was often very different from the prevailing point of view among most of the continental elites.

One of the substantial achievements of those who had promoted Euroscepticism since the 1960s was their capacity to increasingly shape the content and course of European debates in the United Kingdom. This success was accompanied by a trend most notable in the approach of the leadership of the Labour Party from the 1950s to 1970s which was to use the European debate as a political instrument and a source of scoring short-term electoral support by criticizing their political rivals.

Incredulity towards Europe and the omnifarious organs that since the end of World War II had fostered the ever greater integration of Europe developed and assumed many different forms, and its influence on British politics changed over time. For a wide range of Eurosceptic adherents Europe was a challenge they had to face, not a chance to benefit from.

Britain approached European integration as a state that exercised a pragmatic and utilitarian foreign policy devoid of a prescriptive partisanship to the European ambition of a close union. James Callaghan who as Foreign Secretary was responsible for the revision of the UK's membership conditions in 1974–1975 eloquently appreciated the EEC as a "business deal" [27, p. 516].

On the eve of the 1975 referendum both statesmen and authoritative opposition leaders could be found on both sides of the political debate. However, the anti-European camp was basically presented by charismatic but scattered politicians such as Tony Benn and Enoch Powell. On the contrary, the pro-European movement was closely associated with the political and business establishment. As a result, the campaign called "Britain in Europe" collected 15 times more private donations than its competitor [10, p. 15].

In the UK in general and in the Conservative Party in particular the controversy over Europe in the 1970s can be characterized as interplay of four traditions. Firstly, the general discourse portrayed the British as a distinctly global, not European, community. This type of Britain's non-European identity was grounded in some traditional topics: several politicians emphasized the importance of either the Commonwealth or transatlantic ties with the United States addressing various themes of realistic or international thinking.

Secondly, the British traditionally viewed their government as built on the rule of parliamentary sovereignty which overrode federal or shared power. In the absence of a written constitution the principle of sovereignty enshrined in the parliament regarded as one of the most important rules of British politics. Due to the fact that parliamentary sovereignty ascribes legitimacy only to procedural decisions, solely what comes from parliament is considered lawful. Therefore, it was difficult for the supporters of integration to argue that the supranational European power was in line with British political traditions.

Thirdly, the British, and especially the Conservatives, traditionally portrayed themselves as pragmatic rather than utopian. In this sense, the stability and prosperity of the UK since the 17th century were founded on gradual reforms, not radical changes, based on experience and practical compromise.

Finally, the British have long considered their society to be liberal. Any educated Briton knew that the Magna Carta, the Civil War and the Glorious Revolution had reinforced in their society the value of the idea of defending personal rights against state domination which was absent in the states of continental Europe [8, p. 91].

There were two periods of manifestation of these traditions in relations with Europe between 1945 and 1975. In the 1950s all four traditions served as reasons for refusing to join the European Communities: 1) relations with the countries of the Commonwealth and the United States were of greater value than relations with the states of continental Europe; 2) Great Britain survived the war that began in Europe; 3) utopian projects were perceived as perilous; 4) liberal thinking fostered global trade not limited by the European framework.

However, by the early 1960s circumstances changed. First, decolonization, disagreements with the United States during the Suez crisis and the continental economic leap turned the pragmatic tradition into a strong foundation for reasons in favour of joining the EEC. The relative economic downturn in the UK made it evident to realize that it was highly impractical to insist on a dogmatic separation from continental Europe. The arguments in favour of abstaining from the EEC sounded more and more ideological, either as populist and nationalist, or as socialist. Second, the changing economic situation channeled the liberal arguments in favour of EEC membership. It was hard to deny that trade with the fast-growing continent would boost economic growth [8, p. 92].

During Margaret Thatcher's premiership, the Conservative Party played a significant part in the formulation of neoliberal doctrines of openness, flexibility and competition, and Thatcher herself once again highlighted the significance of national sovereignty and the inviolability of the nation state which were the oldest Conservative traditions [25, p. 53].

Thatcher came to power as an exponent of liberal values. The forces that brought Thatcher to power encouraged a new perspective on British traditions. In particular, the economic downturn in Britain gave Thatcher the opportunity to use the pragmatism of her predecessors to advance revolutionary liberalism. Many of her neoliberal

accomplices, such as Jeffrey Howe, associated technocratic neoliberalism with a multinational pragmatism that played down the value of sovereignty and blended well with the EEC. They approved British membership in Europe on the condition that European institutions should prioritize market freedom and respect British economic interests. For Thatcher, on the contrary, the EEC ran counter to the liberal shift. She believed that free trade meant the absence of European institutional pressure and interference. She felt more and more clearly that British sovereignty needed to be defended against the European institutional authority, even, notably, when Europe promoted liberalization becoming increasingly neoliberal. Eventually her stance became an expression of non-pragmatic and populist nationalism that surpassed her neoliberalism [8, p. 93].

Thatcher spoke from populist nationalist positions considering power outside the national state to be preposterous and hazardous, and that contained an implicit call for pragmatism [8, p. 95]. Thatcher believed in a common market, but not in a common European state [16, p. 358]. Thatcher's position was that democratic traditions in Britain were deeper than those on the continent, which contributed to a certain rift between the United Kingdom and Europe.

Since the 1970s the scientific literature has increasingly dealt with the nature of the social and economic shift introduced by Thatcherism, with scholars generally recognizing the significance of the scale and depth of the transformations it has brought about. Since then two facets of Thatcher's legacy have most often been postulated: on the one hand, the extent to which Thatcher formed the neoliberal economic model that was retained and developed by her successors; on the other hand, the influence of her proposition of a liberal and intergovernmental European association of independent sovereign states on the British Eurosceptic debate.

Euroscepticism has become an explicit attitude to European integration, and Margaret Thatcher widely impersonates this ideology. It ceased to be a kind of an obscure sense of resistance to European integration and turned into a mature position that had enough resources to develop into an independent movement. It can even be argued that Euroscepticism being

institutionalized has become a constituent element of the pluralism within the Conservative Party.

The paradox in the political agenda of Margaret Thatcher was that, although her position towards Europe can hardly be judged as Eurosceptic as such, she initiated the further radicalization of Euroscepticism not only as a narrative, but also as a set of current political practices in relation to the EU, right up to the change in the dynamics of the structure of the Conservative Party.

In addition to institutional, constitutional and ideological reasons, usually presented as influencing the Conservative understanding of European integration, more reasonable explanations can be discovered in the organizational changes of the Party [1, p. 117].

The problem of Thatcher's European agenda is multifaceted, incorporating two levels of interpretation: the first one is a symbolic or rhetorical level that can be distinguished when her vision of Europe is mentioned in rather non-representational terms; the second one is the political level when her deeds and political actions are investigated. The intricacy of Thatcher's European politics can be interpreted by the profound divergence between the two levels, to the point that even there was an opinion about the "schizophrenic attitude towards the European project" [4, p. 217], or, in other words, the dichotomy between theory and practice because of which Thatcher's European vision is very complicated to analyze and understand.

It can be argued that her European project set out in the Bruges Speech in 1988 was a perfectly articulated vision of a liberal intergovernmental Europe where the UK could preserve its values and sovereignty. In addition, Chris Gifford clarified that this vision was built on a series of contrasts between Britain and Europe: "European bureaucracy and political formalism versus British pragmatism and democracy; British free trade liberalism versus European protectionism; British globalism against narrow Europeanism and British political stability against European instability" [9, p. 97].

It is worth mentioning that the more pronounced Eurosceptic sentiments among those who identified themselves as English compared to those who considered themselves British indicated that Thatcher's Eurosceptic version of

British-European history was an unconscious form of expression of English exceptionalism. The references in the Bruges Speech to 1688 (Glorious Revolution) and 1215 (Magna Carta) emphasized the priority of England rather than Britain or the history of the four parts of the United Kingdom drawing a parallel with a political agreement between crown and parliament which became a distinctive feature of the English and then the British system of government [5, p. 16].

Meanwhile, the essence of Thatcher's actions and policies was completely different as evidenced by a number of examples. In 1986 the signing of the Single European Act took place which had been prepared by the European Commissioner Lord Cockfield, a former Thatcher's minister. Thatcher later recorded in her memoirs that she had been satisfied with the achieved progress. "By 1992 we were on our way to the single market. I had to make relatively few compromises considering wording. I did not give up key interests. I had to correct only one aspect of social policy in the agreement" [22, p. 555]. Thatcher accused Cockfield of incoherence. She was unhappy with his neglect to important political issues such as constitutional sovereignty, national feelings and the desire for freedom. She described him as both a captive and a master of his craft who with no doubts could move from deregulation of the market to its overregulation under the pretext of harmonization [22, p. 547]. Thatcher sincerely believed, as suggested by Hugo Young, that the Single European Act was "Thatcherism on a European scale" [28, p. 333], and by concentrating on the economic side she ignored the institutional arrangements that would be needed to advance common policies across a wider range of areas.

In retrospect, it is clear that Thatcher's Eurosceptic heritage manifested itself in ideas rather than politics, and that her views of Europe gradually took shape from the moment of her resignation right up to the making of the political myth that she herself became. If Euroscepticism is defined not only as an unwillingness to keep up with European integration but also as a way of objection to the continental project, starting with temperate disagreement with some sides of European integration (a soft form) and ending with open animosity to the UK membership in the EEC (a hard form), this path can hardly be attributed

to Margaret Thatcher. If Euroscepticism is described as a euphemism for the opposition to the EU, which is by far the most approximate thing to what it really started to signify at the beginning of the 21st century, it turns out that it was only after Thatcher ceased to be Prime Minister that she became a Eurosceptic in the full sense, and Thatcherism started to be used as a synonym for Euroscepticism, the active development of which took place after her retirement. Ratification of the Maastricht Treaty in 1992–1993 became a turning point when Euroscepticism gradually transformed into an organized movement both in parliament and outside it as evidenced, for example, by the formation of the “Bruges Group” characterized as “one of the most important associations of custodians of Thatcher’s heritage” [1, p. 121]. Both during Thatcher’s premiership and later the term “Eurosceptic” began to denote not only a position but also a form of parliamentary behavior and, moreover, a movement itself.

The Conservative Party which dismissed Thatcher could well reorient towards technocratic liberalism and a somewhat more pragmatic European position but this did not occur. On the contrary, Thatcher’s defeat made her, or rather her ideas, stronger than her rivals could have imagined. In the early 1990s populist “Thatcher’s children” came into politics [8, p. 97].

The influence of right-wing populists on British Eurosceptic discourse. Euroscepticism became an important issue on the EU agenda in the 1990s. The event that was taken as the starting point was the signing of the Maastricht Treaty. The ratification of this treaty provoked objections because of its threat to national sovereignty. Its economic prescriptions and fear of erosion of national identity were compounded by the project of European citizenship. The ratification of the treaty shook the positive conviction of the “permissive consensus” in public opinion [26, p. 1].

The proliferation of the Eurosceptic ideas in the 1990s may be accounted for a number of structural modifications in Great Britain which should be characterized as constitutional, institutional and party-system. Constitutional and institutional transformations were embodied in the intense impact of European integration and devolution which should be seen as interconnected

processes on the principle of parliamentary sovereignty. This led to a broad debate about the integrity of Britain as a sovereign state. Furthermore, the multilevel governance resulting from European integration and devolution had a great influence on the subsequent weakening of Westminster in terms of decision-making and the necessity first asserted by the New Labour government to empower people and bring them closer to democratic power [1, p. 127].

From the mid-1990s to the end of the 2000s during the period when the New Labourists were in power who were generally more loyal to the European Union than the Conservatives, the ultra-right political forces became the main engine of Euroscepticism in Great Britain. In particular, the British National Party which emerged in 1982 and the United Kingdom Independence Party founded in 1993 began to shape the British Eurosceptic agenda at the turn of the century.

Thus, in 2005 Britain’s withdrawal from the European Union was the first topic in the election manifesto of the British National Party. Membership in the EU was recognized as meeting neither British democratic principles nor the national interests of the state, since the freedom of action of the United Kingdom government was severely limited by the “dictates of Brussels” [18, p. 5]. The manifesto also noted the opacity, corruption and non-accountability of European institutions in the use of funds from contributions from the member states. At the same time, it was pointed out that, despite the serious contributions of the United Kingdom to the EU, many member states had a more advanced transport system compared to the UK, and the provision of British pensioners remained one of the worst in Europe [18, p. 6]. Finally, the manifesto reflected fears that continued EU membership would lead to even greater migration flows that would have disastrous consequences for British identity and statehood.

The United Kingdom Independence Party made a big splash when it won the national elections to the European Parliament in 2014. Its representatives won 24 of the 73 seats allocated for the UK [19].

The 2015 manifesto argued that the United Kingdom Independence Party was not Europhobic, but it decisively opposed to the political integration with Europe. It was noted that in the

early 1970s instead of the promised “common market” Great Britain entered into a supranational political association that possessed all the attributes of state power and tightly controlled the policies of the member states in many areas including finance, agriculture, energy, trade, business, labour market and migration. In addition, the manifesto highlighted the inability of the British authorities to act in the interests of the United Kingdom in the context of the EU membership, as well as the incapability to resist the adoption of unpopular decisions at the Union level. The manifesto rejected the opportunity of solving the problem by simply reforming the relationship between the UK and the EU insisting on the need for Brexit to ensure the sustainable development of the United Kingdom [2, p. 70].

Thus, the main message of the right-wing populist parties regarding the European Union was the following: the EU is an alien political organization, often acting against the interests of Great Britain and forcing it to follow its rules and directives, therefore, in order to ensure the prosperity of the United Kingdom, it is necessary to leave this hostile integration association as soon as possible. By using a clear and simple language, the ultra-right parties were able to attract many supporters that allowed them to set the tone for the British Eurosceptic discourse.

As for the Conservative Party, anti-European sentiments in it were strengthened on the basis of Thatcherism in the early 1990s. They spread among most Conservative MPs in the late 1990s when public support for the EU plummeted. By the time the Party returned to power in 2010, the bulk of its electorate widely shared these views [8, pp. 99–100]. At that time there was a low level of trust in Europe and a rather negative attitude towards it among the citizens of the United Kingdom. So, in 2012 there were almost 80% of Britons who did not trust the EU [24, p. 5].

Euroscepticism fueled in British society by the influence of ultra-right forces influenced the results of the referendum on the 23rd of June 2016, when, with a turnout of 72.2%, the majority of votes (51.9% versus 48.1%) decided to leave the European Union [23, p. 17].

At the regional level, votes were distributed differently than in the 1975 referendum. In 2016 England (53.4%) and Wales (52.5%) voted to leave the EU, while 62% of Scots and 55.8% of

Northern Irish people voted to stay in the European Union [7].

Results. Making a conclusion, it is necessary to emphasize that British Euroscepticism in the second half of the 20th century went through three stages in its development.

The stage preceding the accession of the United Kingdom to the European integration processes (“Labour”) covers the time period from the beginning of the 1950s until the mid-1970s. At this stage both the Labour and the Conservatives acted as carriers of Eurosceptic ideas but it was the Labour Party that used Euroscepticism as a political tool in the fight against competitors and as a means of intraparty rivalry within the Party itself. Euroscepticism was associated with individuals; there were no organized movements of Eurosceptics. The ideological basis of Euroscepticism was multifactorial including distrust of Europe after World War II, the intention of the United Kingdom to retain its world power status and the pursuit to maintain strong ties with the countries of the British Commonwealth of Nations and the United States. Almost throughout this period Great Britain remained a Eurosceptic “from the outside” not joining the processes of European integration at its initial stages. Consequently, British Euroscepticism during this period should be understood as the unwillingness of the United Kingdom to join European integration associations, primarily the EEC.

The stage of Great Britain’s participation in the “common market” (“Conservative”) lasted from the end of the 1970s until the beginning of the 1990s. This stage is characterized by the dominance of the Conservative Party in Eurosceptic discourse. The central figure was Margaret Thatcher who was not a consistent Eurosceptic in the full sense of the word but who was an ideological inspirer of British Euroscepticism in the form in which it became inherent in the Conservative Party at the end of the 20th century and at the beginning of the 21st century. During this period Euroscepticism acquired an organizational form, Eurosceptic associations arose. The ideological basis of Euroscepticism was Thatcher’s neoliberalism which determined her vision of Europe and the attitude of Great Britain to European integration. At this stage Britain’s Euroscepticism manifested itself “from within” since in 1973 the UK entered the EEC. British Euroscepticism came to be

understood as the opposition of the United Kingdom to the projects of deepening European integration, primarily to plans to create a monetary, economic and political union.

Finally, the stage of Britain's participation in the European Union ("Right-wing populist") lasted from the mid-1990s until the mid-2010s. It is important to note that until the 1990s, when united Europe existed in the form of a "common market", Euroscepticism mainly served as a field of confrontation between the Conservative and Labour parties. However, after the signing and ratification of the Maastricht Treaty, which directed the European Union along the path of monetary and political integration, leadership in promoting Eurosceptic ideas began to be challenged by far-right political forces. After the return of the Conservatives to power in the second decade of the 21st century, they had to win the competition from the right-wing radical parties in such a fundamental issue for British politics as Euroscepticism. Therefore, they had to take the initiative into their own hands, holding a national referendum on the EU membership, which led to the UK's withdrawal from the integration association. In fact, Brexit implemented the plans of the far-right British parties by the hands of the Conservatives, since the former, unlike the latter, had requirements for the termination of the United Kingdom's membership enshrined in manifestos and party programs.

Thus, since the creation of the ECSC and the EEC, Euroscepticism has been an important subject, first in the intra-party and then inter-party games in the United Kingdom. At the same time, British Euroscepticism should be understood as a negative attitude towards deepening integration in the European Union which goes beyond the free trade zone, and an unwillingness to be a part of the single European economic and political space.

REFERENCES

- Alexandre-Collier A. Euroscepticism Under Margaret Thatcher and David Cameron: From Theory to Practice. *Observatoire de la société britannique*, 2015, no. 17, pp. 115-133. DOI: <https://doi.org/10.4000/osb.1778>
- Believe in Britain. *UKIP Manifesto 2015*. Newton Abbot, UK Independence Party, 2015. 76 p.
- Black J. *Convergence or Divergence? Britain and the Continent*. London, Palgrave Macmillan Publ., 1994. 316 p.
- Daddow O. Margaret Thatcher, Tony Blair and the Eurosceptic Tradition in Britain. *The British Journal of Politics and International Relations*, 2013, vol. 15, no. 2, pp. 210-227. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-856X.2012.00534.x>
- Daddow O., Gifford C., Wellings B. The Battle of Bruges: Margaret Thatcher, the Foreign Office and the Unravelling of British European Policy. *Political Research Exchange*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 1-24. DOI: <https://doi.org/10.1080/2474736X.2019.1643681>
- Davis R. Euroscepticism and Opposition to British Entry into the EEC, 1955-75. *Revue Française de Civilisation Britannique*, 2017, vol. 22, no. 2. 15 p. DOI: <https://doi.org/10.4000/rfcb.1364>.
- EU Referendum Results. *BBC News*. 2016. URL: https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results
- Fontana C., Parsons C. 'One Woman's Prejudice': Did Margaret Thatcher Cause Britain's Anti-Europeanism? *Journal of Common Market Studies*, 2015, vol. 53, no. 1, pp. 89-105. DOI: <https://doi.org/10.1111/jems.12205>
- Gifford C. *The Making of Eurosceptic Britain*. Farnham, Ashgate, 2014. 208 p.
- Glencross A. British Euroscepticism as British Exceptionalism: The Forty-Year "Neverendum" on the Relationship with Europe. *Studia Diplomatica*, 2014, vol. 67, no. 4, pp. 7-20.
- Griffiths R. T., Ward S. Courting the Common Market. *The First Attempt to Enlarge the European Community 1961-1963*. London, Lothian Foundation Press, 1996. 327 p.
- Harmsen R., Spiering M. *Euroscepticism: Party Politics, National Identity and European Integration*. Amsterdam, New York, Editions Rodopi, 2005. 290 p.
- Heath E. *The Course of My Life*. London, Hodder & Stoughton, 1998. 782 p.
- Holmes M. *The Eurosceptical Reader*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 1996. 410 p.
- Lieber R. *British Politics and European Union: Parties, Elites and Pressure Groups*. Berkeley, University of California Press, 1970. 317 p.
- Millar R. *A View from the Wings: West End, West Coast, Westminster*. London, Weidenfeld and Nicolson, 1993. 386 p.
- Miller V. *The 1974-1975 Renegotiation of EEC Membership and Referendum*. London, House of Commons Library, 2015. 28 p.
- Rebuilding British Democracy. *General Election Manifesto 2005*. Welshpool, British National Party, 2005. 54 p.
- Results of the 2014 European Parliament Elections in the UK. *European Parliament*. 2014. URL: https://www.europarl.europa.eu/unitedkingdom/en/eucitizenscorner/european_elections/results.html

20. Riihimäki J. At the Heart and in the Margins: Discursive Construction of British National Identity in Relation to the EU in British Parliamentary Debates from 1973 to 2015. *Discourse and Society*, 2019, vol. 30, no. 4, pp. 412-431. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926519837394>
21. Simms B. *Britain's Europe*. London, Penguin Books, 2016. 352 p.
22. Thatcher M. *The Downing Street Years*. London, HarperCollins Publishers, 1993. 914 p.
23. The 2016 UK Referendum. *Report on the 23 June 2016 Referendum on the UK's Membership of the European Union*. London, The Electoral Commission, 2016. 131 p.
24. Torreblanca J.I., Leonard M. The Continentwide Rise of Euroscepticism. *European Council on Foreign Relations*, 2013, no. 79, pp. 1-10.
25. Ultan M.O., Ornek S. Euroscepticism in the European Union. *International Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 49-57. DOI: <https://doi.org/10.20472/SS2015.4.2.006>
26. Verney S. Euroscepticism in Southern Europe: A Diachronic Perspective. *South European Society and Politics*, 2011, vol. 16, no. 1, pp. 1-29. DOI: <https://doi.org/10.1080/13608746.2010.570124>
27. Wall S. *The Official History of Britain and the European Community, Volume II: From Rejection to Referendum, 1963–1975*. Routledge, Abingdon Press, 2013. 688 p.
28. Young H. *This Blessed Plot*. New York, Overlook Press, 1998. 543 p.
29. Young J.W. *Britain and European Unity, 1945–1992*. Hampshire, London, The Macmillan Press, 1993. 217 p.

Information About the Author

Evgenii A. Atapin, Postgraduate Student, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Voronezh State University, Universitetskaya Sq., 1, 394018 Voronezh, Russian Federation, atapinvrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1818-7235>

Информация об авторе

Евгений Александрович Атапин, аспирант кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет, пл. Университетская, 1, 394018 г. Воронеж, Российская Федерация, atapinvrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1818-7235>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.14>

UDC 323.213
LBC 66.3(4/8)

Submitted: 14.07.2021
Accepted: 04.04.2022

WOMEN'S PARTICIPATION IN THE STATE AUTHORITIES OF MODERN VIETNAM: PROBLEMS AND PROSPECTS

Tatyana V. Karadzhe

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Chan Thi Mi Ngoc

Quang Binh University, Dong Hoi, Vietnam

Abstract. *Introduction.* The purpose of this work is to study the gender aspect of Vietnam's public policy, to identify the real picture of women's political participation in the public administration system of modern Vietnam. *The methodological basis* is an interdisciplinary approach that allowed us to consider the evolution of Vietnam's gender policy, the peculiarities of gender stereotypes of Vietnamese culture, to analyze the documentary base, which included the decisions of the Communist Party of Vietnam on gender equality and the advancement of women (No. 178 / Decision-TTg), the scientific project "Women in public administration today – 2020"; statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Vietnam, the National Action Plan for Sustainable Development for the period up to 2030 (No. 622 / QD-TTg). *Analysis.* The historical and religious causes of gender inequality in Vietnamese society, including the importance of gender stereotypes in the perception of female leaders by the public consciousness, are investigated. Based on statistical data, the ratio of men and women in the leadership pool of state power in Vietnam, as well as the reasons preventing an increase in the number of women in the leadership of state and political power, are considered. Results. The results obtained indicate the fundamental nature of the legal framework of Vietnam on gender equality, the active formation of various mechanisms for the implementation of the National Strategy for Gender Equality. However, it is noted that its implementation is still formal due to the incompleteness of the institutionalization of the legal framework on this issue, the presence of various forms of hidden discrimination, socio-psychological, religious attitudes, as well as gender stereotypes. The results of the analysis indicate the need to create a system of monitoring and control over the implementation of gender programs, more active use of international experience, integration into regional personnel policy plans, the task of increasing the female leadership. *The contribution of the authors.* The concept of the article, its theoretical and methodological analysis, general editing belongs to T.V. Karadzhe. The collection and systematization of the regulatory framework, the resolutions of the Communist Party and the Government of Vietnam, the analysis of statistical data on the participation of women in state and political structures was carried out by Chan Thi Mi Ngoc.

Key words: gender equality, women's political participation, the institution of state power, female leaders, Vietnam.

Citation. Karadzhe T.V., Chan Thi Mi Ngoc. Women's Participation in the State Authorities of Modern Vietnam: Problems and Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 184-193. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.14>

УДК 323.213
ББК 66.3(4/8)

Дата поступления статьи: 14.07.2021
Дата принятия статьи: 04.04.2022

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Татьяна Васильевна Карадже

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Чан Тхи Ми Нгок

Университет Куангбинь, Донгхой, Вьетнам

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть гендерный аспект государственной политики современного Вьетнама на примере участия женщин в системе государственного управления. Методологическим основанием является междисциплинарный подход, позволивший рассмотреть эволюцию гендерной политики Вьетнама; особенности гендерных стереотипов национальной культуры; провести анализ документальной базы, куда вошли решения КП Вьетнама по вопросам гендерного равенства; научный проект «Женщины в государственном управлении сегодня – 2020»; статистические данные Министерства внутренних дел Вьетнама, а также «Национальный план действий в области устойчивого развития на период до 2030 года». Исследованы исторические и религиозные причины гендерного неравенства во вьетнамском обществе, значение гендерных стереотипов в восприятии общественным сознанием женщин-руководителей. На основании статистических данных рассмотрены соотношение мужчин и женщин в руководящем пуле государственной власти Вьетнама, а также причины, препятствующие увеличению численности женщин в руководстве государственной и политической власти. Полученные результаты свидетельствуют об активном формировании разнообразных механизмов реализации Национальной стратегии гендерного равенства. Однако отмечается, что ее реализация все еще носит формальный характер в силу незавершенности институционализации правовой базы по данному вопросу, наличия различных форм скрытой дискриминации, социально-психологических, религиозных установок и гендерных стереотипов. Результаты анализа свидетельствуют о необходимости создания системы мониторинга и контроля за реализацией гендерных программ, более активного использования международного опыта, интеграции в региональные планы кадровой политики задачу увеличения женского руководящего состава. *Вклад авторов.* Концепция статьи, ее теоретико-методологический анализ, общее редактирование принадлежит Т.В. Карадже. Сбор, систематизацию нормативно-правовой базы, анализ статистических данных участия женщин в государственных и политических структурах осуществила Чан Тхи Ми Нгок.

Ключевые слова: гендерное равенство, женское политическое участие, институт государственной власти, женщины-руководители, Вьетнам.

Цитирование. Карадже Т. В., Чан Тхи Ми Нгок. Участие женщин в органах государственной власти современного Вьетнама: проблемы и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 184–193. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.14>

Введение. Проблема исследования гендерного аспекта участия в системе государственного управления важна как в теоретическом, так и прикладном значении. В большинстве современных стран действующие политики в основном мужчины, и Вьетнам не является исключением. В стране, которая сегодня активно развивается и включена в процессы международной интеграции, доля участия женщин в органах государственного управления все еще незначительна.

Женщины Вьетнама всегда играли важную роль в политической истории страны и внесли большой вклад в развитие национального государства. В то же время гендерные предрассудки, проявляясь во многих аспектах общественной жизни, препятствовали активному вовлечению женщин в управленческие структуры. Но менялась историческая ситуация, и уже в социалистическом Вьетнаме появилось значительно больше возможностей для управленческой деятельности женщин.

Несмотря на то что сегодня все больше женщин занимают важные административные

позиции, во Вьетнаме по-прежнему существует гендерное неравенство в руководстве государственных институтов на всех уровнях политической системы, что препятствует эффективному развитию современного общества.

Методология. Теоретическими предпосылками исследования участия женщин в государственной системе управления является гендерная теория, цель которой не просто исследовать различие в социальных статусах, социальных ролях мужчин и женщин, но рассматривать сложившуюся систему властных отношений через призму гендерных различий [1; 4; 5]. Так, Д. Камерон рассматривает понятие «гендер» во взаимосвязи с другими понятиями властных отношений [22]. Дж. Батлер в своих работах ставит вопрос о том, что же предшествует формированию определенных социальных ролей мужчин и женщин – биологический пол или сложившаяся иерархия по гендерному признаку: «Не является ли подчинение процессом, с помощью которого регуляторы (социальные нормы) производят гендер?» [2, с. 24].

Значительный вклад в изучение гендерной проблематики внес международный проект «Повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах» Регионального Бюро ПРООН по странам Европы и Содружества Независимых Государств, предложивший рекомендации в области законодательства, «регулирующего политическое участие женщин с целью преодоления барьеров, препятствующих занятию женщинами руководящих должностей» [17, с. 38].

Проблема политического участия женщин и поиска эффективных форм представительства женщин актуальна и для российской политической науки, и для политической практики. Как отмечает Н.А. Шведова: «В интересах партийного развития должна проявляться забота о выращивании молодых женских кадров, чему могли бы способствовать различные программы подготовки женщин-лидеров» [21, с. 26]. Г.Ф. Беляева также акцентирует внимание на том, что «дискуссии по поводу механизмов включения женщин во властную пирамиду подтверждают потребность решить назревшую проблему» [3, с. 158]. Проблема ментального восприятия власти является предметом пристального научного интереса [7], в том числе и проблема восприятия общественным сознанием женщин-руководителей. По мнению Т.Б. Рябовой, значение гендерных стереотипов трудно переоценить, так как они «могут оказать весьма негативное влияние на интерпретацию мотивов поведения и результатов деятельности человека на основании его гендерной принадлежности» [19, с. 9], что особенно ярко проявляется в политической сфере. «Если политик-мужчина пересматривает свое решение, то это скорее трактуется как мудрость, как политическая хитрость; если отступает политик-женщина, то это намного чаще трактуется как женская слабость и женская неразумность» [19, с. 9].

Научный проект под руководством М. Сюннерберга «Женщины во Вьетнаме: роль и место в истории и в современной общественно-политической жизни», исследующий «эволюцию роли и места женщин в традиционном и современном вьетнамском обществе, семье и общественно-политической жизни» [20, с. 78], внес значительный вклад в изучение проблемы восприятия общественным со-

знанием женского лидерства. Во вьетнамской политической науке эта проблематика нашла свое отражение в исследованиях До Тхи Тхач Тхат, Чань Тхи Ван Ань, Фан Тханх Тхань Кхой [9; 26; 27].

Работы Нгуен Тхи Туйет Нга и Жэан Муру стали основанием для анализа влияния традиционных конфуцианских ценностей на представления о роли и значении женщин в управлении государством [23; 24].

В статье были использованы статистические данные как эмпирическая база исследования политического участия женщин в системе государственного управления Вьетнама [10; 14].

Выводы статьи опирались на анализ нормативно-правовых документов, определяющих стратегию гендерной политики во Вьетнаме [13; 15; 18].

Анализ. Гендерный анализ, как составляющая государственной политики, обеспечивает практическую основу для формирования управленческих стратегий. На основании результатов этих исследований разрабатываются рекомендации для стратегических и тактических целей государственной политики, учитывающие гендерные различия [15; 18].

В политической науке понятие «гендер» акцентирует внимание на том, что у мужчин и женщин есть не только определенные общие черты, но и гендерные различия, и во многом эти различия очень существенны. Это не только различия в биологических функциях организма и поведении, но и в представлениях о роли и месте мужчин и женщин в социально-политической практике. По мнению Р. Коннелла, «гендер – это организованная вокруг репродуктивной сферы структура социальных отношений, а также обусловливаемый ею набор практик, которые помещают репродуктивные различия между телами в социальные процессы» [11, с. 273].

Гендерный анализ в политической науке представляет собой информацию о статусе, гендерных стереотипах, интересах и потребностях мужчин и женщин в области политики. Исторически сложилось так, что в каждом обществе вырабатывались свои представления о социальных ролях мужчин и женщин. «Гендерные стереотипы, совершенно очевидно, включают оценочные суждения с разными

знаками – и негативными, и позитивными. Важно изучить культурную специфику гендерных стереотипов и понять, как коррелируются гендерные стереотипы с разными статусными позициями – национальностью, классовыми различиями, возрастом; разделяются ли они в равной мере мужчинами и женщинами в разных социальных слоях; оценить роль, которую они играют в существовании гендерной асимметрии в политической и экономической сфере, и влияние, которое они оказывают на статусные характеристики женщины и ее социальные роли» [19, с. 12].

В современном Вьетнаме гендерная проблематика становится важной составляющей государственной политики. В стране уделяется особое внимание расширению прав и возможностей женщин во всех сферах общественной и политической жизни и устранению гендерной дискриминации, что нашло свое отражение в постоянно развивающейся законодательной базе. Так, Конституция Вьетнама 1959 г. была дополнена рядом новых прав граждан, среди которых право женщин на равную заработную плату с мужчиной, на отдых до и после родов с сохранением заработной платы. Конституция 1992 г. установила право независимо от пола избирать и быть избранным в Национальное Собрание, Народные Советы. Права вьетнамских женщин регулируются множеством поправок и дополнений к Конституции 2013 г., которые в большей степени соответствуют не только политическим, экономическим и культурным условиям страны, но и международным конвенциям, а также дополняются в соответствии с конституционными тенденциями других стран [12].

Исходя из международных обязательств, вьетнамское законодательство также закрепило все политические права женщин, изложенные в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В этом документе международного права достаточно полный набор юридических положений по защите политических прав женщин и правовых санкций за их нарушение [16]. Там же в ст. 7 уделяется внимание праву женщин «избираться во все публично избираемые органы; участвовать в формулировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные посты, а также осуществлять

все государственные функции на всех уровнях государственного управления» [16].

Участие женщин в системе государственного управления является не только фактором установления равного правового положения женщин с мужчинами, но и рассматривается как проявление социальной справедливости. По формальным признакам женщины имеют равные политические права с мужчинами, но для реального равенства женщинам необходимо предоставить реальную возможность участия в государственном управлении, что и будет гарантией реализации их политических прав и гендерного равенства. Однако каждое государство принимает самостоятельное решение о формах и видах реализации прав женщины не только в соответствии с законодательством, но и с учетом социокультурных и экономических реалий.

Как отмечает вьетнамский исследователь Ву Тхи Ку, у женщин и мужчин разные потребности, интересы, жизненный опыт и способы видения проблем, что определяет различие в принятии управленческих решений. Усиление женского кадрового состава государственной власти будет способствовать более сбалансированной и устойчивой социальной политике, реализации интересов и прав женщин в общественно-политической практике [8, с. 58].

Женщина-руководитель – это феномен, анализируемый с различных теоретических позиций. С организационно-кадровой, женское лидерство – это эффективность работы женщин в системе государственного управления, которое определяется такими критериями, как образование и профессиональная квалификация; возраст и здоровье; место работы; позиция в структуре чинов и должностей; классификация результатов аттестации в системе государственного управления.

С точки зрения личностной психологии управленческие качества женщины проявляются в умении получать и обрабатывать информацию; планировать стратегии развития; решать кадровые вопросы; организовывать производственный процесс; мобилизовывать подчиненных для реализации цели; решать споры и конфликты как внутри организации, так и между организацией и внешним миром; контролировать работу персонала; знать информационные технологии и иностранный язык; быть стрессоустойчивой [23; 25].

Практика свидетельствует, что в процессе своей деятельности женщины-руководители прикладывают больше усилий, чем мужчины, что обусловлено исторически сложившимися гендерными стереотипами. В традиционном общественном сознании вьетнамского общества сформировался образ женщины, который коррелируется с такими чертами, как мягкость, эмпатия, доброта, терпимость, умение прощать, ориентация на семейные ценности. Однако в политической практике сложился другой образ лидера, наделенный такими психологическими чертами, как решительность, смелость, настойчивость, жесткость и непримиримость в отстаивании своей позиции.

На восприятие женщины-руководителя также сильное влияние оказывает конфуцианская традиция «уважения мужчин и неуважения женщин» (вьет. – *trọng nam khinh nữ*), создавая сложные психологические коллизии, связанные, с одной стороны, с восприятием руководителя как женщины, а с другой – восприятием ее как руководителя. Различие в ожиданиях предполагает, что женщины-руководители должны демонстрировать и «мужские», и «женские» качества и сочетать управленческие навыки с мягкостью, добротой, уступчивостью [24, tr. 46]. В то же время мягкость руководителя воспринимается общественным сознанием как недостаточность зрелости и напористости. Поэтому, чтобы женщина могла занять руководящую должность, ее поведение должно не только соответствовать «мужским» качествам и правилам поведения, но и должно превосходить по эмоциональному накалу и решительности занять эту лидирующую позицию. Зачастую женщина-руководитель вынуждена проявлять более жесткую волю, чем мужчина в отстаивании своих позиций и интересов. Эти сложности и стереотипы в восприятии женщины руководителя далеко не всегда находят поддержку не только среди мужской, но и женской части населения вьетнамского общества [9, с. 54].

Согласно результатам исследований Нгуен Туйет Нга, на нежелание женщин заниматься управленческой деятельностью оказывает влияние и такой фактор, как загруженность и ненормированность рабочего дня, что негативно сказывается на сохранении

гармоничных отношений в семье. В современном вьетнамском обществе до сих пор именно конфуцианские семейные ценности являются мерилем достоинства женщины, а не ее профессиональные достижения. Теория «трех послушаний и четырех добродетелей» и сегодня определяет отношения женщин с их семьями, мужьями и детьми [23, tr. 34].

Необходимо отметить, что ситуация постепенно изменяется и бизнес становится стартовой площадкой формирования у женщин навыков руководителя. По мнению В. Баркуччи, эксперта Международной организации труда (МОТ) по вопросам экономики и труда, «хорошая новость заключается в том, что вьетнамские женщины лучше подготовлены к тому, чтобы занять руководящие должности в бизнесе. Среди женщин, выходящих на рынок труда, 10 % обладали высшим образованием, в то время как этот показатель среди мужчин составляет всего 5 %» [6]. Тем не менее и в бизнесе существует сходная с политической практикой ситуация – «результаты исследований показывают, что определенные предрассудки существуют. ...женщинам труднее продвигаться по службе или получить высокую позицию. Гендерные стереотипы являются препятствием для женщин, когда они стремятся к руководящим должностям в бизнесе» [6].

Статистика свидетельствует, что процентное соотношение мужчин и женщин в руководящем пуле государственной власти различно в зависимости от уровней государственной власти, министерств и ведомств, а также территориального фактора. Процент женщин, возглавляющих министерства и государственные учреждения составляет менее 25 % [10, с. 45]. Если рассматривать число женщин-руководителей во Вьетнамском информационном агентстве – 41,76 %; Министерстве юстиции – 31,17 %; Радио Вьетнама – 25,25 %; Государственном банке Вьетнама – 24,03 % [14, с. 18].

Этот показатель низок в таких агентствах, как Министерство общественной безопасности – 1,89 %; Государственная инспекция – 6,90 %; Министерство сельского хозяйства и развития села – 8,90 %; Вьетнамская академия наук и технологий – 9,23 %; Министерство транспорта – 9,36 % [14, с. 18]. В основном

женщины занимают должность заместителя руководителя структуры.

В провинциях сложилась следующая ситуация: председатель Народного комитета – 0,14 %; заместитель председателя Народного комитета – 2,17 %; директор департамента – 18,21 %; заместитель директора департамента – 79,48 %. Так, статистика свидетельствует, что только 11,9 % от общего руководящего состава провинций составляют женщины, и также в основном на должности заместителя руководителя [10, с. 8].

На уездном уровне общее количество женщин, занимающих руководящие должности, – 9,98 %. Среди них должность председателя Народного комитета – 10,44 %; заместителя председателя Народного комитета – 10,44 % [10, с. 8]. Вновь видим картину, что должность руководителя района занимают в основном мужчины, а женщины – должность заместителя руководителя. На уровне коммун-общин на должность председателя Народного комитета приходится 18,88 % женщин, на должность заместителя председателя Народного комитета – 81,12 % [10, с. 12].

Различны показатели женщин-руководителей и по территориям. Город Хошимин – это населенный пункт с самым высоким процентом женщин-руководителей – 32,18 %, далее следуют города Дананг – 25,79 %, провинции Лангшон – 25,76 %, Туенкуанг – 24,39 %, Лаокай – 19,05 %, Хайфон – 18,31 % и Канто – 18 % [14, с. 4]. Между тем в городе Ханой, провинциях Куангнгай и Бакльеу доля женщин-руководителей ниже 5 % [14, с. 6].

Наиболее низкий показатель женщин-руководителей в регионах, где более сильны конфуцианские обычаи и гендерные предрасудки.

Результаты. Несмотря на то что Вьетнам подписал ряд международных конвенций, ратифицировал ключевые международные документы, в том числе Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), ситуация в этой области остается нерешенной.

Совершенствование законодательства с целью увеличения кадрового состава в руководстве органов государственного управления должно коррелировать с совершенствованием механизма реализации закона. Это два нераз-

делимых этапы, которые в действительности должны быть одним целым и взаимно поддерживать друг друга. Однако в реальной жизни не всегда принятые законы и постановления поддерживаются системой практических мер по их реализации. Реальная картина кадрового состава партийных, государственных и общественных структур свидетельствует о продолжающейся дискриминации по гендерному признаку, основные показатели роста приходится на должность заместителей руководителя.

В этой связи правительством СРВ были приняты Национальные стратегии и программы в области гендерного равенства и установлены показатели женского представительства и участия женщин на различных уровнях в области партийного строительства и государственного руководства. Задача Национальной стратегии гендерного равенства на период 2021–2030 гг. заключается в том, чтобы в партийных учреждениях, в органах государственной власти, в общественно-политических организациях женщины-руководители составляли не менее 30 % [13].

На практике существует множество ограничений и препятствий для участия женщин в системе государственной власти, и среди них – отсутствие системы контроля за реализацией государственной программы в провинциях [28]. Особенно на «низовом уровне» наблюдается гендерный дисбаланс – в подавляющем большинстве населенных пунктов руководители администрации, включая партийный комитет, местные органы власти – мужчины.

В этой связи Главное статистическое управление (GSO) в 2011 г. приняло систему мер для контроля за реализацией Национальной программы, инициировало увеличение численности женщин-руководителей в отдаленных и изолированных районах, а также были ужесточены меры по отношению к государственным служащим, не выполняющим государственную программу гендерного равенства.

Другой важной мерой, влияющей на успешность реализации Национальной программы, является институционализация правовых документов, положений международных конвенций, имплементация их во вьетнамское

законодательство, что представляется проявлением законодательной ответственности перед собственным народом и международной общественностью.

Препятствующим фактором является отсутствие координационных связей внутри государства между общественными и политическими структурами. Так, «между Союзом женщин Вьетнама и Национальным комитетом по улучшению положения женщин, а также министерствами, ведомствами и агентствами отсутствует тесная и синхронная координация в реализации права женщин на участие в политической жизни» [23, tr. 13].

Как отмечает Жэан Мурро, правительству также необходимо обратить внимание на важность укрепления взаимосвязей с международными женскими организациями в регионе, особенно в странах с политической системой, подобной Вьетнаму, чтобы женщины могли более активно участвовать в международной деятельности по реализации политики гендерного равенства [24, tr. 45].

По мнению исследователя Phạm Ngọc Tiển, существует также множество форм скрытой дискриминации, среди которых и правовая база, создающая барьер на пути карьерного продвижения женщин. Из-за разницы возраста выхода на пенсию мужчин и женщин органы власти на всех уровнях не считают важным создание женского кадрового резерва. Сложившаяся практика во Вьетнаме показывает, что с точки зрения экономической эффективности обучение женского персонала менее выгодно, чем мужского. И не только потому, что продолжительность рабочего времени у женщин на 5 лет меньше, но и потому, что женщин-руководителей старше 50 лет не рекомендуют для дальнейшего продвижения по службе.

Существуют также препятствия со стороны чиновников, чьи гендерные стереотипы в отношении женщин-руководителей ограничивают их продвижение в верхние эшелоны государственной власти. Результатом чего стала весьма распространенная ситуация – чем выше руководящая должность, тем меньше квалифицированных кандидатов-женщин, претендующих на эту должность [23, tr. 16].

Проблема подготовки женского руководящего состава остается в стране актуальной и еще требует своего решения. Однако, чтобы

составить реальную дорожную карту подготовки управленческих кадров, необходимо не только ориентироваться на цели государства интегрироваться в мировое сообщество, но и исходить из реальности социокультурных традиций, учитывать особенности психологических установок общественного сознания и гендерных стереотипов вьетнамского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазова, С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека / С. Г. Айвазова. – М., 2001. – 80 с.
2. Батлер, Дж. Гендерное регулирование / Дж. Батлер. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://magazines.gorky.media/nz/2011/2/gendernoe-regulirovanie.html>. – Загл. с экрана.
3. Беляева, Г. Ф. Политическая активность женщин в России / Г. Ф. Беляева // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. – № 1. – С. 143–164.
4. Бем, С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 336 с.
5. Брайсон, В. Политическая теория феминизма / В. Брайсон; пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 304 с.
6. Вьетнамские женщины лучше подготовлены к занятию решающих постов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ru.vietnamplus.vn/vietnamskie-zhenschiny-luchshe-podgotovleny-k-zanyatiyu-reshayuschih-postov-11428.vnp>. – Загл. с экрана.
7. Вилков, А. А. Ментальное восприятие региональной власти / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2010. – Т. 10, вып. 4. – С. 208–220.
8. Ву Тхи Ку. Гендерные проблемы в исследованиях семьи / Ву Тхи Ку // Журнал семейных и гендерных исследований. – Ханой, 2009. – Т. 19, вып. 3. – С. 55–63. (Vũ Thị Kỳ. Các vấn đề giới trong nghiên cứu gia đình và giới // Tạp chí nghiên cứu gia đình và giới. – Hà Nội, 2009. – Т. 19, Số 3. – tr. 55–63).
9. До Тхи Тхач. Продвижение ресурсов вьетнамских женщин-интеллектуалов в деле индустриализации и модернизации / Тхач До Тхи. – Ханой: Нац. полит. изд-во, 2005. – 170 с. (Đỗ Thị Thạch. Phát huy nguồn lực của nữ trí thức Việt Nam trong sự nghiệp công nghiệp hóa, hiện đại hóa / Đỗ Thị Thạch. – Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia, 2005. – tr. 170).
10. Информация о гендерной статистике во Вьетнаме. – Ханой: Стат. изд-во, 2018. – С. 288.

(Thông tin thống kê về giới ở Việt Nam. Nhà xuất bản thống kê. – Hà Nội. Năm, 2018. – tr. 288).

11. Коннелл, Р. Современные подходы / Р. Коннелл // Хрестоматия феминистских текстов / пер. под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб. : Д. Буланин, 2000. – С. 251–279.

12. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2013 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/26>. – Загл. с экрана.

13. Национальная стратегия гендерного равенства на 2021–2030 гг. (Chiến lược quốc gia về bình đẳng giới 2016–2030. – Hà Nội). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vksndtc.gov.vn/KND/TT/Lists/TinTuc/Attachments/8986/nghi-quyet-28-nq-cp-chien-luoc-quoc-gia-ve-binh-dang-gioi-giai-doan-2021-2030.pdf>. – Загл. с экрана.

14. Министерство внутренних дел. Отчет о данных женщин-руководителей и государственных служащих на конец срока 2011–2020 гг. – Ханой, 2020. (Bộ Nội vụ. Báo cáo số liệu nữ cán bộ lãnh đạo, công chức cuối năm 2011–2020. – Hà Nội, 2020).

15. Национальный план действий в области устойчивого развития на период до 2030 г. – Ханой, 2018. – 600 с. (Kế hoạch hành động quốc gia về phát triển bền vững đến năm 2030. – Hà Nội, 2018. – tr. 600).

16. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv2010.shtml. – Загл. с экрана.

17. Повышение роли и расширения участия женщин в политических процессах. Аналитический обзор и рекомендации для стран Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств. – Братислава : Братиславский региональный центр, 2009. – 85 с.

18. Проект по реализации мер по обеспечению гендерного равенства женских кадров, государственных служащих и государственных служащих на период 2016–2020 гг. – Ханой, 2016. – 154 с.

19. Рябова, Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т. Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – Вып. 15–16. – 2003. – С. 3–12.

20. Сюннерберг, М. А. О научном проекте «Женщины во Вьетнаме: роль и место в истории и в современной общественно-политической жизни» / М. А. Сюннерберг // Вьетнамские исследования. Серия 2. – 2018. – № 2. – С. 78–85.

21. Шведова, Н. А. Политические партии и гендерное равенство / Н. А. Шведова // Женщина в российском обществе. – 2016. – № 4 (81). – С. 21–31.

22. Cameron, D. Feminism and Linguistic Theory / D. Cameron. – London : Macmillan Press Ltd., 2002. – 247 p.

23. Nguyễn Tuyết Nga, Ảnh hưởng của yếu tố văn hóa đến sự tham gia lãnh đạo quản lý của phụ nữ cấp phường, xã ở tỉnh Hà Giang, Đề tài do UNDP tài trợ. 2012. – tr. 188.

24. Jean Munro, Hướng dẫn/diêu dặt ở Việt Nam – Một cách xây dựng năng lực hiệu quả dành cho lãnh đạo nữ, Báo cáo UN Women. – 2012. – tr. 34.

25. Phạm Ngọc Tiến. “Chương trình quốc gia về bình đẳng giới giai đoạn 2011–2015 và mục tiêu tăng tỷ lệ lãnh đạo nữ”, Hội thảo quốc tế “Nhu cầu về nguồn nhân lực – tăng cán bộ quản lý nữ ở Việt Nam”. 2011. – tr. 196.

26. Phan Thanh Khôi – Đỗ Thị Thạch “Những vấn đề về giới – Từ lịch sử đến nay, NXB Lý luận Chính trị”. – Hà Nội, 2007. – tr. 208.

27. Trần Thị Vân Anh, Nguyễn Hữu Minh (chủ biên), Bình đẳng giới ở Việt Nam: Phân tích số liệu điều tra, Nxb Khoa học xã hội, Hà Nội. 2008. – tr. 245.

28. Hồ Chí Minh Đúng như vậy., Nxb. Chính sách quốc gia. – Hà Nội, 2011. – XII, 700 tr.

REFERENCES

1. Aivazova S.G. *Gendernoe ravenstvo v kontekste prav cheloveka* [Gender Equality in the Context of Human Rights]. Moscow, 2001. 80 p.

2. Batler Dzh. *Gendernoe regulirovanie* [Gender Regulation]. URL: <http://magazines.gorky.media/nz/2011/2/gendernoe-regulirovanie.html>

3. Belyaeva G.F. *Politicheskaya aktivnost' zhenshchin v Rossii* [Political Activity of Women in Russia]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Issues of State and Municipal Administration], 2008, no. 1, pp. 143-164.

4. Bem S. *Linzy genera: Transformacija vzgljadov na problemu neravenstva polov* [Gender Lenses: The Transformation of Views on the Problem of Gender Inequality]. Moscow, Ros. polit. jencikl., 2004. 336 p.

5. Bryson V. *Politicheskaja teorija feminizma* [The Political Theory of Feminism]. Moscow, Idea-Press, 2000. 304 p.

6. *V'etnamskie zhenshchiny luchshe podgotovleny k zanyatiyu reshayushchih postov* [Vietnamese Women are Better Prepared to Occupy Crucial Positions]. URL: <https://ru.vietnamplus.vn/vetnamskie-zhenshchiny-luchshe-podgotovleny-k-zanyatiyu-reshayuschih-postov-11428.vnp>

7. Vilkov A.A. *Mental'noe vospriyatie regional'noj vlasti* [Mental Perception of Regional Power]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Sociologija. Politologija* [Izvestia of the Saratov University. The Sociology Series. Political Science], 2010, vol. 10, iss. 4, pp. 208-220.

8. Wu Thi Ku. *Gendernye voprosy po semejnym i gendernym issledovanijam* [Gender Issues in Family

Studies]. *Zhurnal semeinykh i gendernykh issledovaniy* [Gender Issues on Family and Gender Studies], 2009, vol. 19, no. 3, pp. 55-63.

9. Do Thi Thao. *Prodvizhenie resursov v'etnamskih zhenshhin-intellektualov v dele industrializacii i modernizacii* [Promoting the Resources of Vietnamese Women Intellectuals in the Field of Industrialization and Modernization]. Hanoi, Nats. polit. izd-vo, 2005. 170 p.

10. *Informacija o gendernoj statistike vo V'etname* [Information on Gender Statistics in Vietnam]. Hanoi, Stat. izd-vo, 2018, p. 288.

11. Connell R. *Sovremennye podhody* [Modern Approaches]. Zdravomyslova E., Temkina A., eds. *Hrestomatija feministских текстов* [Anthology of Feminist Texts]. Saint Petersburg, D. Bulanin, 2000, pp. 251-279.

12. *Konstitucija Socialisticheskoj Respubliki V'etnam 2013 g.* [The Constitution of the Socialist Republic of Vietnam 2013]. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/26>

13. *Nacional'naja strategija gendernogo ravenstva na 2016–2030 gg.* [National Strategy for Gender Equality for 2016–2030]. URL: <https://vksndtc.gov.vn/KND/TT/Lists/TinTuc/Attachments/8986/nghe-quyet-28-nq-cp-chien-luoc-quoc-gia-ve-binh-dang-gioi-giai-doan-2021-2030.pdf>.

14. *Ministerstvo vnutrennih del. Otchet o dannyh zhenshhin-rukovoditelej i gosudarstvennyh sluzhashhih na konec sroka 2011–2020 gg.* [Ministry of Internal Affairs, Report on the Data of Women Managers and Civil Servants at the End of the Term 2011–2020]. Hanoi, 2020.

15. *Nacional'nyj plan dejstvij v oblasti ustojchivogo razvitija na period do 2030 g.* [National Action Plan for Sustainable Development for the period up to 2030]. Hanoi, 2018. 600 p.

16. *Konventsija o likvidatsii Komissii Organizacii Obyedinennyh Nacij po likvidacii vseh form diskriminacii zhenshhin* [Plan of the United Nations Commission on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv2010.shtml

17. *Povyshenie roli i rasshireniya uchastiya zhenshhin v politicheskikh processah. Analiticheskij obzor i rekomendacii dlya stran Cengtral'noj i Vostochnoj Evrops i Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv* [Increasing the Role and Participation of Women in Political Processes. Analytical review and Recommendations for the Countries of Central and Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States]. Bratislava, 2009. 85 p.

18. *Proekt po realizacii mer po obespecheniju gendernogo ravenstva zhenskih kadrov, gosudarstvennyh sluzhashhih i gosudarstvennyh sluzhashhih na period 2016–2020 gg.* [Project on the Implementation of Measures to Ensure Gender Equality of Female Personnel, Civil Servants and Civil Servants for the Period 2016–2020]. Hanoi, 2016. 154 p.

19. Ryabova T.B. *Stereotypy i stereotipizacija kak problema gendernykh issledovaniy* [Stereotypes and Stereotyping as a Problem of Gender Studies]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo* [Personality. Culture. Society], 2003, iss. 15-16, pp. 3-12.

20. Sjunnerberg M.A. *O nauchnom proekte «Zhenshhiny vo V'etname: rol' i mesto v istorii i v sovremennoj obshhestvenno-politicheskoj zhizni»* [About the Scientific Project “Women in Vietnam: Role and Place in History and in Modern Socio-Political Life”]. *V'etnamskie issledovaniya. Serya 2* [Vietnamese Studies. Series 2], 2018, no. 2, pp. 78-85.

21. Shvedova N.A. *Politicheskie partii i gendernoe ravenstvo* [Political Parties and Gender Equality]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [A Woman in Russian Society], 2016, no. 4 (81), pp. 21-31.

22. Cameron D. *Feminism and Linguistic Theory*. London, Macmillan Press Ltd., 2002. 247 p.

23. Nguyen Tuyet Nga. *Anh huong cua yeu to van hoa den su tham gia lanhdao quan li cua phu nu cap phuong, xa o tinh Ha Giang* [The Influence of Cultural Factors to the Participation Lanhdao Management Women's Ward Level, Commune in the Province of Ha Giang]. Hanoi, Publishing House Hanoi, 2012. 188 p.

24. Jean Munro. *Huong dan/diu dat o Viet Nam – Mot cach xay dung nang luc hieu qua danh cho lanh dao nu* [Mentoring in Vietnam. A Capacity Building Approach Effective for Women Leaders]. Hanoi, Hanoi Publishing House, 2012. 34 p.

25. Pham Ngoc Tien. *Chuong trinh quoc gia ve binh dang gioi giai doan 2011–2015 Viet Nam* [National Gender Equality Program for the Period 2011–2015 in Vietnam]. Hanoi, Publishing House of Political Theory, 2011. 196 p.

26. Phan Thanh Hoi – Do Thi Tach. *Nhung van de ve gioi – Tu lich sir den nay* [The Problem of the World – From History to Modernity]. Hanoi, Publishing House of Political Theory, 2007. 208 p.

27. Tran Thi Van Anh, Nguyen Huu Minh. *Binh dang gioi o Viet Nam: Phan tich so lieu dieu tra* [Gender Equality in Vietnam: Analysis of Survey Data, Social]. Hanoi, Science Publishers, 2008. 245 p.

28. Hồ Chí Minh Đúng như vậy [Ho Chi Minh is Absolutely Right]. Hanoi, Publishing house National Policy, 2011. XII, 700 tr.

Information About the Authors

Tatyana V. Karadzhe, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University, Prosp. Vernadskogo, 88, 119571 Moscow, Russian Federation, karadzhe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4297-7744>

Chan Thi Mi Ngoc, Lecturer, Department of Law, Quang Binh University, Dong Hoi, 312, Vietnam, ngocdhqb1982@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8897-3004>

Информация об авторах

Татьяна Васильевна Карадже, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политологии, Московский педагогический государственный университет, просп. Вернадского, 88, 119571 г. Москва, Российская Федерация, karadzhe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4297-7744>

Чан Тхи Ми Нгок, преподаватель кафедры права, Университет Куангбинь, г. Донгхой, 312, Вьетнам, ngocdhqb1982@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8897-3004>

www.volsu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.15>

UDC 327.5(5):625

LBC 66.4(5),302

Submitted: 20.10.2021

Accepted: 11.02.2022

ETHNIC CONFLICTS OR ECONOMIC BENEFITS? A MEDIA CONTENT ANALYSIS ABOUT THE BAKU-TBILISI-KARS RAILWAY AS A PART OF THE TRANS-CASPIAN TRANSPORT CORRIDOR

Ahmet Nazmi Uste

Dokuz Eylul University, Izmir, Turkey

Ulviyye Sanili Aydin

Manisa Celal Bayar University, Manisa, Turkey

Abstract. *Introduction.* The study analyses the reflection of the infrastructure projects on the Trans-Caspian transport corridor in the media. By combining the roles of transport corridor as a means of regional cooperation and overcoming ethnic issues between the countries, it is aimed at addressing two main questions. The first question would be on the reflection of infrastructure projects on the Trans-Caspian transport corridor in the media in the context of promoting regional cooperation, the second on whether news about infrastructure projects contains any ethnic based messages of discrimination or hostility to exclude any country from such projects. The BTK railway project is used as a case in this paper in this respect. *Methods and materials.* A conceptual content analysis methodology is applied in this study, which is limited to online media news of three major news agencies of Azerbaijan, Georgia and Turkey within a specific time period beginning from the official inauguration of the BTK until the date of conducting this research – 30 October 2017 – 15 May 2020. *Analysis and results.* The findings reveal that the news investigated within the context of this research involves positive messages supporting regional cooperation, mutual benefits and common interests that may have an incentive impact on public perceptions. It was also discovered that the news about the BTK railway project does not contain any content otherizing or excludes any country, which may help societies to focus on regional cooperation rather than vulnerable ethnic issues. Considering the difficulty of control of social media, it has been recommended that official news may avoid publishing messages with provocative content. *Authors' contribution.* A.N. Uste developed the content of the article and carried out its general scientific editing. U. Sanili Aydin proposed a scheme for research analysis. The authors jointly analyzed the results.

Key words: ethnic conflicts, Baku-Tbilisi-Kars railway, transport corridor, regional trade, cooperation.

Citation. Uste A.N., Sanili Aydin U. Ethnic Conflicts or Economic Benefits? A Media Content Analysis About the Baku-Tbilisi-Kars Railway as a Part of the Trans-Caspian Transport Corridor. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 194-205. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.15>

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА? КОНТЕНТ-АНАЛИЗ СООБЩЕНИЙ СМИ О ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ПУТИ БАКУ – ТБИЛИСИ – КАРС КАК ЧАСТИ ТРАНСКАСПИЙСКОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА

Ахмет Назми Усте

Университет Докуз Эйлюль, г. Измир, Турция

Ульвия Санлы Айдын

Университет Маниса Джелал Баяр, г. Маниса, Турция

Аннотация. *Введение.* В исследовании анализируется репрезентация инфраструктурных проектов Транскаспийского транспортного коридора в СМИ. Авторы рассматривают роль транспортного коридора как средства регионального сотрудничества и преодоления этнических проблем между странами. Первый исследовательский вопрос касается репрезентации инфраструктурных проектов Транскаспийского транспортного коридора в СМИ в контексте продвижения регионального сотрудничества, а второй вопрос направлен на выявление информационных сообщений о дискриминации или враждебности по этническому признаку с целью исключения какой-либо страны из таких проектов. Железнодорожный проект «Баку – Тбилиси – Карс» (БТК) выступает в данной статье в качестве примера. *Методы и материалы.* В этом исследовании применяется методология концептуального контент-анализа, которая ограничивается онлайн-новостями трех крупных информационных агентств Азербайджана, Грузии и Турции за период, начиная с официального открытия БТК до даты проведения этого исследования – 30 октября 2017 г. – 15 мая 2020 года. *Анализ и результаты.* Сделан вывод, что новости, изученные в контексте данного исследования, содержат позитивные сообщения, поддерживающие региональное сотрудничество, взаимную выгоду и общие интересы, которые могут оказывать стимулирующее воздействие на общественное мнение. В новостях о железнодорожном проекте «БТК» не обнаружено содержания, изолирующего или исключаящего какую-либо из трех стран, что позволяет обществу сосредоточиться на региональном сотрудничестве, а не на острых этнических проблемах. Учитывая сложность контроля над социальными сетями, официальным новостям рекомендуется избегать публикации сообщений провокационного содержания. *Вклад авторов.* А.Н. Усте разработал содержание статьи и осуществил ее общую научную редакцию. У. Санлы Айдын предложила схему исследовательского анализа. Результаты исследования совместно проанализированы авторами.

Ключевые слова: этнические конфликты, железнодорожный проект «Баку – Тбилиси – Карс», региональная торговля, транспортный коридор, сотрудничество.

Цитирование. Усте А. Н., Санлы Айдын У. Этнические конфликты или экономические преимущества? Контент-анализ сообщений СМИ о железнодорожном пути Баку – Тбилиси – Карс как части Транскаспийского транспортного коридора // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 194–205. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.15>

Introduction

The transportation is a significant component of international trade due to its ability to ensure a movement of the manufactured goods from any point to another one. According to the Central Product Classification (CPC Version 1.1) of 2002 issued by the United Nations (UN) in order to set a standard in which product details are determined,

the transportation sector has been defined as a service sector [7]. The Caspian basin is an important component on the West-East transportation axis with its geostrategic bridge position, linking another two significant regions – the Black Sea and the Central Asia.

While recent mutually interdependent feature of the global market economy and world trade increases the importance of the Trans-

Caspian transport corridors, the ethnic conflicts in the South Caucasian region are the serious barriers for them as well as regional stability.

This study aims to examine the reflection of media news about the infrastructure projects on the Trans-Caspian transportation corridor. It aims to answer the following questions: How are the infrastructure projects on the Trans-Caspian transportation corridor reflected in the media in the context of promoting regional cooperation? Does the media news on infrastructure projects contain any ethnic based messages of discrimination or hostility to exclude any country from such projects? The Baku-Tbilisi-Kars railway project has been selected as a case study.

The paper is structured as follows:

- Introduction (section 1);
- Review of the prominent concepts of this study, exactly regional cooperation, the Trans-Caspian transportation corridors and ethnic conflicts as a barrier to regional cooperation (section 2);
- Description of the nature of Azerbaijan-Georgia-Turkey trilateral regional cooperation and the significance of the Baku-Tbilisi-Kars railway project (section 3);
- Information about the methodology used for conducting this research and provides results and discussions about the case study (section 4).

Prominent concepts of the study

Regional cooperation. Regional cooperation can be considered as an interaction between neighboring countries emerging as a result of evolution of the nature of international political economy. The regional cooperation was accepted as an essential element of political stability and economic welfare among the states of particular region as well as a tool to deal with common challenges in issues of infrastructure, investment, transportation, crime, energy, climate change, environment, etc.

Sometimes states are reluctant for collaboration due to their national vanity, political influences, a lack of confidence each other [17]. If there is a lack of trust between bordering states due to the past problems, they cannot be successful in achieving constructive solutions and cooperating [17].

Transportation corridor. Transport is a key to sustainable development and regional integration. Transportation corridor is vital for effective international movement of goods in the world, primarily providing economic profits, but also having social and cultural effects. The increase in international trade and the movement of goods between markets play an important role in determining international economic relations between states and regions as well. Transportation expenditures compose a significant part of public expenditures of the governments on one hand. On the other hand, transportation activities are the important income items contributing to the national economies. Various transportation corridors in the world facilitate and increase an international trade between regions and countries. Transportation corridors positively affect economic growth of the states in the long run.

The Trans-Caspian transportation corridor. An access to open seas is vital the landlocked countries of the South Caucasus and the Central Asia. Both regions are a crucial transit part of the West-East trade route. These two factors determine the necessity of the Trans-Caspian transportation corridor as it can be the most suitable line between the developed European and emerging Asian economies.

In spite of advantages of the corridor, a need for a huge amount of investment to improve the infrastructure as well as to harmonize the technical standards and procedures to easy access is a serious issue on the discussion table that must be solved. Such type of projects requires the close contacts of politicians with continuous political will, promising mutual benefits all sides in case of cooperation among the neighboring countries.

Overcoming ethnic conflicts as a barrier to regional cooperation. Ethnic groups' memories about what had happened in the past make it difficult to be aware of advantages of regional collaborations. It is the communities themselves that primarily suffer from such conflicts in terms of economic, political and social issues.

The will and decisiveness of political elites and leaders is another important motivation for resolution of ethnic conflicts. According to Hadley Bull, cooperation is also possible among the states that do not feel they belong to a common civilization. A triggering pragmatic need

which enforces different societies to interact and cooperate with each other is required. This necessity will be sufficient for the production of what Bull refers as “diplomatic culture” (see: [14, p. 176; 180]).

In order to overcome the ethnic obstacles and create a cooperation environment, a pragmatic need / obligation must arise, as Bull has said. Global threats such as the COVID-19 pandemic require regional cooperation, and despite all ethnic problems, it should be considered as an opportunity to initiate diplomatic and economic interaction.

Stylized facts

Azerbaijan-Georgia-Turkey trilateral regional cooperation. It is observed that the cooperation between Azerbaijan, Georgia and Turkey is developing despite the differences and conflict issues. Common grounds and communication channels are open for multidimensional cooperation.

None of these countries focused on land and border issues with the collapse of the Soviet Union; on the contrary, a new comprehensive cooperation-centered era has started between them. Following a more logic path, these countries have preferred to leave back the historical conflicts and to benefit the opportunities emerging with the collapse of the Soviet Union.

Turkey is the first country recognizing the independence of its neighbors – Azerbaijan and Georgia. In spite of the fact that there are clear differences between economic structures and foreign policy priorities of these three countries, they were able to establish cooperation based on national interests in triple format in the post-Soviet era. Besides the South Caucasus, mentioned trilateral collaboration covers the strategic area that unites the Caspian-Black Sea-Mediterranean basins. At first glance it seems that the basis of the formation of this triangle rests on the historical and cultural relations and geographic neighborhood between sides. However, examining deeply, it has been determined that favorable conditions for common economic cooperation, strong political will, and mutual benefits predominate in Azerbaijan-Georgia-Turkey trilateral regional cooperation more than other factors. Initially, Azerbaijan-Georgia-Turkey trilateral regional cooperation

has been introduced as the Western-directed policy among these countries. However, serious efforts exerted by all three sides to protect the synergy of the trilateral cooperation even in the problematical periods of relations of each of them with the West have significantly changed these perceptions [2]. Considering the fact that efforts for the collaboration in the post-Soviet area on the regional level often end in frustration, Azerbaijan- Georgia-Turkey trio seems to have found a winning formula based on multidimensional pragmatism [10] in accordance with each one’s priorities. In this regard, Georgia plays a vital role for both Azerbaijan and Turkey. Primarily, this country provides a land connection between these two. It is also an exit to the open seas and to the world for Azerbaijan as well as an alternative access to the Caspian basin and Central Asia for Turkey. Besides geopolitical interests, the geographical accesses enabled by Georgia serve the economic benefits of both Turkey and Azerbaijan. Only in 2019 Turkey’s trade volume with the Central Asian countries has been 8.5 billion dollars, where over 4 thousand Turkish companies are operating in the region [16]. A significant amount of mentioned trade has been made using Georgia-Azerbaijan-Caspian Sea route. Similarly, with its transit location, Georgia benefits from mentioned trilateral cooperation to improve its economy.

Within the context of this study, Azerbaijan-Georgia-Turkey trilateral regional cooperation can be evaluated in three headings completing each other: economic relations, energy partnership and transportation corridors.

Azerbaijan’s GDP was 48,048 billion dollars in 2019. Georgia’s GDP has been accounted 17,477 billion dollars in 2019 [9]. Turkey is one of the G20 countries. Georgia is a transit country between the wider Black Sea-Caspian Sea basins with attractive business environment, signing a Deep and Comprehensive Free Trade Area preferential trade regime with the EU. These facts shape the nature of the economic dimension of Azerbaijan-Georgia-Turkey trilateral relations.

Azerbaijan is one of the main investors in Georgia [18]. In 1995–2018, Azerbaijan invested 3 billion dollars in the neighboring country; on the other hand, total Georgian investment in Azerbaijan has been accounted 93.8 million dollars for the same period. The number of Georgian

companies registered in Azerbaijan is more than 300. About 650 Azerbaijani companies operate in Georgia. In 2018 the total trade volume between sides has been accounted 1.1 billion dollars [12].

The trade turnover between Turkey and Azerbaijan in 2019 has been accounted 2 billion dollars. Azerbaijan is the largest foreign investor of Turkey with 11.2 billion dollars between 2002 and 2018. Similarly, Turkey has invested 11 billion dollars in Azerbaijan in the same period [3].

Turkey remains Georgia's largest trade partner since Free Trade Agreement was signed in 2007. In 2019 the trade volume between two countries has been 1.8 billion dollars [11].

Energy cooperation between three countries constitutes the backbone of the trade volumes and investment amounts mentioned above. Azerbaijan has an opportunity to deliver its energy resources to the international markets via Georgia and Turkey that makes enable the European countries to diversify their oil and natural gas supply also. As transit countries, both Georgia and Turkey benefit from this cooperation as well as they access cheaper energy resources. Baku-Tbilisi-Ceyhan petroleum pipeline (BTC), Baku-Tbilisi-Erzurum natural gas pipeline (BTE) – soon the South Caucasus natural gas pipeline (SCP), Trans Anatolian natural gas pipeline and its connection to Europe – Trans Adriatic pipeline (TAP) form the basis of trilateral energy partnership [19, p. 10]. In fact, a considerable amount of Azerbaijan's investments in Georgia has been made in the pipeline infrastructures. Similarly, a great part of Azerbaijan's investments in Turkey's energy sector has been made by State Oil Company of Azerbaijan Republic (SOCAR). Besides of above mentioned energy transportation projects, three countries create together an important ring of the West-East, North-South transportation chain via TRACECA, BRI, North-South Projects. With their transit role in the modern Silk Road three countries not only serve international trade, but also strengthen own service sectors, integrating with best practices of developed economies. The BTK railway project is a result of common attempts of sides to improve the infrastructure in this regard.

The Nagorno-Karabakh conflict has precluded the regional integration and cooperation in the South Caucasus in the post-Soviet period. Armenia has been excluded from the BTC,

TANAP and BTK projects in the East-West, North-South axis. It sure is that a war is not the preferred method of constructing a peace. However, the Second Karabakh War enabled Azerbaijan to regain its territorial integrity; in other words, it removed one of the biggest obstacles to cooperation in the region. Azerbaijan's conditioning to establish a direct connection with Nakhchivan against Armenia should actually be addressed within this framework. The opening of such a corridor should be considered as one of the most important factors of permanent peace and cooperation in the region rather than a connection between Azerbaijan and its exclave region Nakhchivan. Because Zangezur corridor has the potential to gain an effective momentum for trade and logistics activities between three regional actors – Russia, Iran and Turkey – and three regional countries – Azerbaijan, Armenia and Georgia.

The Baku-Tbilisi-Kars railway project.

The idea of the railway was on the agenda in parallel with the discussions on the revival of the Silk Road. Immediately after the collapse of the Soviet Union, Turkey looked for the alternatives to strengthen its ties with the South Caucasian and Central Asian countries [13, p. 43].

However, geopolitical conditions in the region were not suitable for realizing this idea in that year. On the other hand, the same geopolitical conditions in the region enforced Azerbaijan and Turkey to find a new route connecting them with each other as well as to the other countries. Therefore, the BTK railway project, known also as “the Iron Silk Road”, emerged in the early 2000s with the developments in world trade and Georgia's desire to take advantage of its transit location. Azerbaijan, Georgia and Turkey pragmatically evaluated the historical opportunity for their mutual interests and completed the project with trial, regional, international and global significance.

In the first stage, it is planned to transport 1 million passengers and 6.5 million tons of cargo by the BTK railway. The capacity is aimed to be increased to 3 million passengers and 17 million tons of freight by 2034. It is proposed annually 50 tons of international transportation potential with the BTK railway connection between Turkey, Asia, the Caucasus and the European countries.

Currently the BTK railway is used for cargo transportation to Turkey, Russia, China, Georgia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Tajikistan and Uzbekistan. For instance, the transportation between Turkey and Kazakhstan with 4,700-kilometer distance via the BTK railway can be completed in 180 hours depending on the situation of the Caspian Sea. Three trains in a week operate mutually between Turkey, Azerbaijan and Kazakhstan. A container agency agreement has been signed between Turkey's state railway organization – TCDD Tasimacilik AS and Kazakhstan's KTZ Express JSC in order to increase the export transportations to this country by the BTK railway. The completion time of customs procedures of the goods transported by the BTK railway is reduced to 10–15 minutes from 24 hours with the “Weighted Simplified Method”.

On the other hand, one block container train operates per week between China and Turkey. The most important fact in this context is that in 2019 the first China-Europe train consisting of 42 wagon-containers used the BTK railway. This was the first train from China to Europe to pass through the Middle Corridor via the “Iron Silk Road”, as well as the first international freight train to pass through the Marmaray Tunnel [4].

In May 2019 the authorities of railway administrations of Turkey, Azerbaijan and Russia agreed on a Memorandum of Understanding on Cooperation on BTK Railway Route. According to mentioned document, it is aimed to transport 1 million tons of coal, grain and metal in the short term, and 3–5 million tons in the medium term between Russia and Turkey [4].

Until May 2020, 240 thousand tons of Turkish export cargo were transported with 5,250 containers by the BTK railway, which started to operate in October 2017 already. Additionally, 280 thousand tons of cargo imported by Turkey and the European countries were transported with 5,300 containers via the BTK railway [5].

In order to provide the uninterrupted flow of freights from Russia, Kazakhstan, Azerbaijan via the BTK railway to the Europe, operations have completed to eliminate the differences in rail distances in the Kars Logistics Center by the Turkish government. As it is known, the post-Soviet countries like Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Georgia use the railway systems with

a track gauge of 1,520 mm. However, Turkey and the European countries use the standard-gauge railways with a track gauge of 1,435 mm. Turkey aimed to solve the problem and to accelerate the cargo transportation by laying double railway gauge between Kars Logistics Center and Georgia's Akhalkalaki region and integrating the railway systems. This is a transfer point of cargo carrying by both railway systems [6].

Due to the increased demand for the BTK railway within the framework of the COVID-19 measures as the railway is a transport mode with high level security, the Turkish government raised the load capacity of 3,500 tons per day additionally to the existing capacity [5].

During the Turkey-Azerbaijan-Georgia-Iran Quadrilateral Meeting of Foreign Ministers which was held in Baku in March 2018, the sides discussed the connection of the Rasht-Astara railway to the BTK railway [1].

In fact, the BTK railway is a project that most states can benefit from because it is not a project that emerged to make any counter attack against any similar initiative. These kinds of projects generally serve the countries of the region and establish cooperation in the region instead of competition.

Methodology, findings and discussion

Methodology. This article aims to investigate the reflection of infrastructure projects on the Trans-Caspian transportation corridor in the media news. How are the infrastructure projects on the Trans-Caspian transportation corridor reflected in the media in the context of promoting regional cooperation? Does the media news on infrastructure projects contain any ethnic based messages of discrimination or hostility to exclude any country from such projects? May such news change perceptions towards cooperation and common interest rather than ethnic issues? This article focuses on the perspective of the BTK railway project as a regional cooperation tool for mutual economic interests and increasing welfare countries, leaving ethnic issues behind.

A conceptual content analysis is used in this research, demonstrating the focus of group or institutional attention as well as revealing trends in a communication content through counting

words or/and phrases and grouping them under categories. Counting provides an opportunity for the researchers to compare the contents more definitely, particularly if the objective of the research is to understand how much are some issues stressed more or less than others.

The research was limited with online media news of three major news agencies of Azerbaijan, Georgia and Turkey within a specific time period beginning from official inauguration of the BTK until the date of conducting of this research due to the reliability, availability and easy accessibility of them. The BTK railway project is the universe of the research. Only official state news agencies from each country have been selected. It was aimed to introduce different perspectives at the similar equivalence on the research topic as much as possible. The names of news agencies are: Anadolu Ajansi (AA) (Turkey), Azertac (Azerbaijan), Gruzinfo (Georgia). Anadolu Ajansi is a state news agency of the Republic of Turkey. Similarly, Azertac is a state news agency of the Republic of Azerbaijan and Gruzinfo is a state news agency of the Republic of Georgia. All three news agencies are popular in their countries and leading information service providers in their countries. Both Anadolu Ajansi and Azertac have a website in English besides of native and some other commonly used languages. In the initial stage of research it was determined that all news published by these agencies is translated into English simultaneously. Gruzinfo publishes online news only in Georgian and Russian. For these reasons, news about the BTK railway has been scanned in English on websites of the Anadolu Ajansi and Azertac, however, in Russian on the website of the Gruzinfo.

As it is noted above, the BTK railway was officially inaugurated on 30 October 2017. Therefore, the news has been reviewed within a specific time period of 30 October 2017 – 15 May 2020. Identifying the key concept in study topic, “Baku-Tbilisi-Kars railway” has been used for

search of news. Analyzing results in order to assess and modify this study’s search terms, relevant news was captured and saved to the files.

At the second stage of the research a conceptual content approach has been used to analyze the news found. Conceptual content analysis is a research method that aims to determine the number of times a word or a phrase exists in reviewed documents. This is a type of content analysis – “a tool that is used to determine the presence of certain words or concepts within texts or sets of texts” [8, p. 176]. In the context of this study, the codes were developed that closely relate to the aims and goals of the BTK railway such as “regional cooperation”, “mutual benefit”, “strategic cooperation”, “global trade”, “welfare”, “ethnic conflict”, “occupied lands”, “enemy nation”, “separatist powers”. It was tried to determine how the BTK railway is structured in scanned news and to measure the focus of news using both positive and negative phrases. A number of news fit more than one code. The relevance of the news was established and 100 percent of reviewed news was relevant to our study ($n = 368$). Kappa statistic has been used for calculation of intercoder reliability on all study dimensions. Considering that Kappa values are usually preferred to be at least 0.6 and often higher than 0.7 [15, pp. 107–109], the achievement of an intercoder reliability of 0.8 has been accepted as satisfying for this study.

Analysis. While all 368 news found on websites of news agencies involve information about the BTK railway project, these news include the declarations of state authorities, namely, presidents, prime ministers, ministers of several ministries, ambassadors, spokesmen, as well as press releases about the bilateral, trilateral, quadrilateral, multilateral meetings.

As it is shown in Table 1, totally 368 news were found on the websites of three news agencies for the time period of 30 October 2017 – 15 May 2020.

Table 1. Media review for the BTK railway project

News Agencies	2017	2018	2019	2020	Total	Percent
Anadolu Ajansi	11	16	4	2	33	8,97%
Azertac	83	130	66	15	294	79,89%
Gruzinfo	7	9	20	5	41	11,14%
Total	101	155	90	22	368	100%

Note. Compiled by the authors.

Interestingly, Azerbaijan's state news agency Azertac made more news than other two agencies – 294 news. This amount is 79.89 percent of total news. 83 of these news have been made in 2017 (30 October – 31 December), 130 news have been made in 2018, 66 news have been made in 2019 and 15 news have been made in 2020 (1 January – 15 May).

While the majority of news has been published by Azerbaijan's agency, Turkey's news agency – Anadolu Ajansi – published 33 news, which compose 8.97 percent of the total. 11 news made after the opening the BTK railway in 2017. 16 news have been made in 2018, 4 news made in 2019 and 2 news have been made from 1 January 2020 until 15 May 2020.

Similarly, Gruzinfo provided 41 news about the BTK railway during the mentioned period. It composes 11.14 percent of the total. 7 news have been made from 30 October 2017-31 December 2017. 9 news have been made in 2018, 20 news have been made in 2019 and 5 news have been made from 1 January 2020 until 15 May 2020 by Gruzinfo.

What do these data mean? The difference between the numbers of news indicate that the BTK railway has a more place in Azerbaijani

press, publishing the relevant news in the most common language, such as English.

27.44 percent of all news have been published in 2017. While this rate is 42.12 percent for 2018, 24.45 percent of them have been published in 2019 and 5.99 percent in 2020 (Table 2). The data show that the BTK railway covered a wide place in the press in the early days of its opening.

It was determined that there are several topics on the websites of news agencies like politics, official news, economy, world, actual, sport, astrology and etc. The published news is existed on the web page of agencies under the relevant topic in accordance with their content.

According to Table 3, which shows the distribution of the subject categories of the news, 42.12 percent ($n = 155$) of the 368 news have been published under the category of "politics" on the websites of agencies in the sample group. 28.81 percent ($n = 106$) have been published under the category of "official news", 17.66 percent ($n = 65$) have been published under the category of "economy", 5.71 percent ($n = 21$) have been published under the category of "world", 3.53 percent ($n = 13$) have been published under the category of "actual", 0.82 percent ($n = 3$) have been published under the category of "publication",

Table 2. Frequency of news by years

Years	Number of news	Percent
2017	101	27,44%
2018	155	42,12%
2019	90	24,45%
2020	22	5,99%
Total	368	100%

Note. Compiled by the authors.

Table 3. Distribution of news by categories

Categories	Number of news (n)	Percent
Politics	155	42,12%
Official News	106	28,81%
Economy	65	17,66%
World	21	5,71%
Actual	13	3,53%
Publication	3	0,82%
Society	2	0,54%
Foreign Policy	1	0,27%
Health	1	0,27%
Law	1	0,27%
Total	368	100%

Note. Compiled by the authors.

0.54 percent ($n = 2$) have been published under the category of “society”, 0.27 percent ($n = 1$) has been published under the category of “foreign policy”, 0.27 percent ($n = 1$) has been published under the category of “health” and 0.27 percent ($n=1$) has been published under the category of “law”.

Interestingly, the news about the BTK railway project have been published under the category of “politics” more than the “economy”, although it is more relevant to the economic activities. On the other hand, one news item has been found under the category of “health” that was published in May 2020.

It is not a coincidence that the project was reported in this category at a time when the effect of COVID-19 pandemic increased. Closed borders and limited number of road transit licenses during the pandemic period have increased the demand for railway transportation. It may be thought that the BTK project will gain a new identity in this sense in the near future.

It was found that “regional cooperation” is the most used statement in this news. “Regional cooperation” has been used 133 times totally in 368 news. The second most used statement is “mutual benefit” in all news, which was used 71 times in total. While “strategic cooperation” is used 26 times, the phrase “global trade” is mentioned 10 times in scanned news. The word of “welfare” is emphasized 5 times. The level of mentioning such statements and words by the politicians mainly directs the perceptions about the BTK railway project’s in positively (Table 4).

Moreover, when the contents of all news have been analyzed, it was determined that none of declarations, speeches, statements, announcements, press releases, public information, explanations and expressions include any word or mention about the hate on ethnic or identity base, otherization or provocative discourse

against any state, government, nation, group, society, organization and project.

Words and expressions such as “ethnic conflict”, “occupied lands”, “enemy nation”, “separatist powers” have been scanned in the news contents. Such negative words have not been found in any news content.

On the contrary, in most news the openness of the BTK railway project for all sides ready to cooperation has been underlined. It was found that almost all news about the BTK railway focus on regional cooperation, economic benefits, development of the project and widening its borders as well as to attract more and more partners.

As it is pointed, almost all of this news include the explanations and declarations of the state heads and senior officials of three countries. These explanations are important because first of all, state heads and senior officials are the main agenda setters in their countries. Secondly, as it was practiced in the history, a will and support of political elites and leaders plays a great role in establishment of regional cooperation and economic integrations. While strong political will is needed for the realization of such projects, continuous political support is vital for the sustainable and beneficial operations of them. News about the speeches, statements and explained attitudes of politicians to public about the BTK railway is remarkable in this regard. Moreover, the publication of this news by official agencies is also important in terms of reliability and impartiality. On the other side, the influence of public authorities on media, especially in Azerbaijan and Turkey, is often criticized by the EU officials. In this sense, the impartiality of the news published is open for discussion. However, in general, it is important that the news that is the subject of our study do not serve a purpose that goes beyond the fundamental values of the EU, such as promoting peace, stability and cooperation between countries and regions.

Table 4. Relative frequencies of coded words

Codes	Frequency, %	<i>n</i>
Regional cooperation	36,14	133
Mutual benefit	19,29	71
Strategic cooperation	7,06	26
Global trade	2,72	10
Welfare	1,36	5

Note. Compiled by the authors.

Next significant finding is that the BTK railway and expectations from this project in terms of mutual benefits and common interests were not expressed only during bilateral meetings of Turkish-Azerbaijani, Turkish-Georgian or Azerbaijani-Georgian authorities or on the several platforms of Azerbaijan-Turkey-Georgia trilateral cooperation. According to the news, it was determined that the BTK railway project is intensively involved in the agenda of discussions in different formats, such as bilateral and multilateral negotiations of each party countries with the government officials of the EU, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, Iran, Russia, China and Ukraine. Moreover, the prospects of the BTK railway project are among the active discussion issues of the intergovernmental, regional and international organizations and initiatives, such as the Turkish Council, Black Sea Economic Cooperation, Baku Global Forum, Davos Summit, TRACECA, BRI, the Organization of Islamic Cooperation and NATO.

As it is known, the world experiences a new period due to unpredictable effects of COVID-19 in all countries. The news about the suggestion by the members of the Turkish Council on the establishment of “green corridor” via the BTK railway for the transportation of urgent materials such as food products, medicines and medical devices increases the popularity of the line. Because of the life-threatening effect of the pandemic, it is obvious that there is a need for non-contact or/and less contact methods in foreign trade preventing the spread of the virus. Considering Turkey’s close relations with the developed economies of the EU as a candidate state for a long time, the experiences of this country to facilitate border transit, digital foreign trade implementations, and harmonization of online technical infrastructures and customs procedures can be useful practices for the South Caucasian and Central Asian countries as well as Iran. In this regards, news about the role of the BTK railway may have incentive effect on perceptions of the public authorities and private sector of several countries to use it, thus, to contribute to regional cooperation.

Finally and most importantly, it was determined that promoting regional cooperation and partnerships, the news about the BTK railway project are far from the goals such as threatening any country, state or society.

Results. In the light of above mentioned facts, the conceptual content analysis is used for conducting this research in the sample of the BTK railway project. It was aimed to investigate the reflection of the BTK railway project on official news of three party sides. It was determined that the news contained the declarations, speeches, statements, announcements, press releases, public information, explanations and expressions. All information, involved in the news, has been scanned using both negative and positive words and expressions. It was determined that none the contents of all scanned news include any word or mention about the hate on ethnic or identity base, otherization or provocative discourse against any state, government, nation, group, society, organization and project, aiming to exclude particular nation or state from the BTK project. On the contrary, in most news it has been emphasized that the project is open to the participation of all parties. Almost all news about the BTK railway focus on regional cooperation, economic benefits, development of the project and widening its borders as well as to attract more and more partners. Most of news includes the explanations and declarations of the state heads and senior officials of three countries. Considering that state heads and senior officials are the main agenda setters and the political will and support of them plays a great role in establishment of regional cooperation and economic integrations, news about the attitudes of politicians to the public is remarkable in this regard. Finally and most importantly, the news about the BTK railway project is far from the goals such as threatening any country, state or society.

We argue that media news about the infrastructure projects on the Trans-Caspian transportation corridor may promote the regional cooperation and may have a positive effect on public perceptions about strengthening the regional cooperation between countries and may help to focus on mutual benefits rather than conflicts on ethnic base.

Considering the difficulty of control of social media, we recommend that official news may avoid to publishing messages with provocative contents about ethnic issues.

On the other side, the world is witnessing the extreme change. Information age influences everything: preferences, perceptions, habits, life

styles, behaviors that strongly affects the social, economic and political priorities of states. Moreover, the world faced with a new and non-traditional threat – COVID-19. The movement of goods, services, capitals and people in the world has almost stopped in the first months of 2020. Regardless of their development level and economic powers, all countries have been exposed by the pandemic. There is an initial perception that countries turned in on oneself due to COVID-19. However, considering that the survival of humans, populations, societies and finally, states depends on health, now countries need each other more than before. The cooperation, sharing of best practices is more essential to deal with the effects and results of the pandemic. Because COVID-19 showed that such types of threats pose a danger for all states regardless of ethnicity, identity, language, religion, race. Only collaborations and mutual measures can be effective to minimize the threats.

REFERENCES

1. Anadolu Ajansi. *Iran, Baku-Tiflis-Kars Demiryolu'na Baglanmak Istiyor*, 2018, March 15. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/iran-baku-tiflis-kars-demiryoluna-baglanmak-istiyor/1089594> (accessed 15 April 2020).
2. Anadolu Ajansi. *Turkiye-Azerbaycan-Gurcistan Is Birliги Bolgede Istikrar Uretiyor*, 2019, July 30. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/turkiye-azerbaycan-gurcistan-is-birliги-bolgede-istikrar-uretiyor/1544913> (accessed 20 May 2020).
3. Azerbaycan'in Ekonomisi. *Ministry of Foreign Affairs of Republic of Turkey*, 2020. URL: <http://www.mfa.gov.tr/azerbaycan-ekonomisi.tr.mfa> (accessed 30 April 2020).
4. Baku-Tiflis-Kars Demiryolu Hatti'nda İki Yilda 275 Bin Ton Yuk Tasindi. *Haberturk*, 2019, October 27. URL: <https://www.haberturk.com/baku-tiflis-kars-demiryolu-hatti-nda-iki-yilda-275-bin-ton-yuk-tasindi-2534819-ekonomi> (accessed 21 April 2020).
5. Baku-Tiflis-Kars Demiryolu Hatti'nin Kapasitesi Arttirildi. *CNN Turk*, 2020, May 13. URL: <https://www.cnnturk.com/turkiye/baku-tiflis-kars-demiryolu-hattinin-kapasitesi-arttirildi> (accessed 15 May 2020).
6. Baku-Tiflis-Kars Demiryolu Hem Kitalari Hem Raylari Birlestirdi. *Milliyet*, 2019, October 30. URL: <https://www.milliyet.com.tr/ekonomi/baku-tiflis-kars-demir-yolu-hem-kitalari-hem-raylari-birlestirdi-6069015> (accessed 21 May 2020).
7. *Central Product Classification (CPC) Version 1.1*, 2002. Statistical Papers. Series M, No.77, Ver. 1.1. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_77ver1_1E.pdf (accessed 19 May 2020).
8. Christie C., Baumeister R., Vohs K., eds. Content Analysis. *Encyclopedia of Social Psychology*. Thousand Oaks, CA, SAGE Publ., 2007, p. 176.
9. Data for Armenia, Azerbaijan, Georgia. *The World Bank*, 2021. URL: <https://data.worldbank.org/?locations=AM-AZ-GE> (accessed 27 April 2021).
10. Georgia-Turkey-Azerbaijan Cooperation: Pragmatism Proves Durable Formula. *Eurasianet*, 2017, June 1. URL: <https://eurasianet.org/georgia-turkey-azerbaijan-cooperation-pragmatism-proves-durable-formula> (accessed 17 May 2020).
11. Gurcistan'in Ekonomisi. *Ministry of Foreign Affairs of Republic of Turkey*, 2020. URL: <http://www.mfa.gov.tr/gurcistan-ekonomisi.tr.mfa> (accessed 10 April 2020).
12. How Much Azerbaijan Invested in Georgian Economy. *Azernews*, 2019, June 12. URL: <https://www.azernews.az/business/151967.html> (accessed 20 May 2020).
13. Ismail T. Baku-Tiflis-Kars Demiryolu – “Kardesligin Demir Baglari!”. *Avrasya Dunyasi*, 2018, no. 2, pp. 42-48.
14. Linklater A. *Ingiliz Okulu Uluslararası İlişkiler Teorileri*. Istanbul, Kure Yayınları Publ., 2012. 495 p.
15. Munoz S.R., Bangdiwala S.I. Interpretation of Kappa and B Statistics Measures of Agreement. *Journal of Applied Statistics*, 1997, no. 24, pp. 105-112.
16. Orta Asya Ulkeleri Ile İlişkiler. *Ministry of Foreign Affairs of Republic of Turkey*, 2020. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ulkeleri-iliskileri.tr.mfa> (accessed 2 May 2020).
17. Schiff M., Winters L.A. *Regional Cooperation, and the Role of International Organizations, and Regional Integration*, 2002. Policy Research Working Paper, no. 2872. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/19263> (accessed 9 May 2020).
18. Statistical Yearbook of Georgia. *National Statistics Office of Georgia*, 2020. URL: https://www.geostat.ge/media/35685/Yearbook_2020.pdf (accessed 27 April 2021).
19. Veliyev C. *Azerbaycan-Turkiye Stratejik Ortakligi: Tarihi ve Guncel Boyutlar*. Istanbul, Otukun Publ., 2020. 390 p.

Information About the Authors

Ahmet Nazmi Uste, PhD (Public Administration), Associate Professor, Department of Public Administration, Dokuz Eylul University, Dokuzcesmeler Kampusu, 24 Sokak no. 2 Buca, 35160 Izmir, Turkey, nazmiuste@windowslive.com, <https://orcid.org/0000-0002-4638-6629>

Ulviye Sanili Aydin, PhD (European Studies), Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Manisa Celal Bayar University, Sehit Prof. Dr. Ilhan Varank Yerleskesi, Yunusemre, 45140 Manisa, Turkey, ulaydin91@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6713-5917>

Информация об авторах

Ахмет Назми Усте, PhD (государственное управление), доцент кафедры государственной службы, Университет Докуз Эйлюль, Докузчешмеляр Кампусу, 24 Сокак № 2 Буджа, 35160 г. Измир, Турция, nazmiuste@windowslive.com, <https://orcid.org/0000-0002-4638-6629>

Ульвия Санлы Айдын, PhD (европеистика), доцент кафедры политологии и международных отношений, Университет Маниса Джелал Баяр, Шехит Проф. Др. Илхан Варанк Ерлешкеси, Юнусэвре, 45140 г. Маниса, Турция, ulaydin91@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6713-5917>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.16>

UDC 327(470:100):665.612.2
LBC 66.4(2Рос),3

Submitted: 24.05.2022
Accepted: 01.09.2022

INTERNATIONAL NETWORKS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THE WORLD BANK AND RUSSIAN FLARING LEGISLATION

Anne Crowley-Vigneau

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Baykov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Yelena Kalyuzhnova

University of Reading, Reading, United Kingdom

Abstract. *Introduction.* This paper deals with the international environmental norms on combatting the flaring of Associated Petroleum Gas (APG) and its adoption by Russia (decrees no. 7 and 1148). Flaring, or the systematic burning of associated gas during oil production, leads to the release of carbon dioxide and other harmful substances, endangering the surrounding and global environment. *Methods.* The authors use qualitative methods resting upon the analysis of primary and secondary documents, including articles from the media, legal texts, official communications and scholarly literature, to trace back the conditions that brought about the emergence of a distinct international norms condemning flaring. *Analysis.* The analysis of the norm through its life cycle reveals that the multi-faceted framing strategies employed by the Transnational Advocacy Network allowed the issue of flaring to gain salience in a relatively short timeframe. The flexible, durable, technical and apolitical approach adopted by the World Bank's Global Gas Flaring Reduction Private Public partnership explains the Russian Government's willingness to address the issue of flaring and to legislate on APG utilization. *Results.* The findings suggest that international campaigning for environmental protection need not be confrontational and that transnational advocacy networks may gain in efficiency if they adopt targeted strategies and systematically recode their message for each group of actors they plan to sensitize. *Authors contribution.* This article is based on research carried out by one of the authors, Anne Crowley-Vigneau for her dual doctoral thesis on international norms and Local Content policies completed at MGIMO University and the University of Reading. As the coordinating author she gathered the primary data through expert interviews. Andrey Baykov participated in coding, triangulating the data and studying legal documents. Prof. Yelena Kalyuzhnova, the supervisor of this research, provided guidance and created the research methodology. The writing of the paper was a joint effort of all three authors.

Key words: international relations, Russia, World Bank, flaring, norms, constructivism, transnational advocacy networks.

Citation. Crowley-Vigneau A., Baykov A.A., Kalyuzhnova Ye. International Networks for Sustainable Development: The World Bank and Russian Flaring Legislation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 206-218. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.16>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЕТИ НА СЛУЖБЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ВСЕМИРНЫЙ БАНК И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ СЖИГАНИЯ ПОПУТНОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА

Анн Виньо

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ,
г. Москва, Российская Федерация

Андрей Анатольевич Байков

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ,
г. Москва, Российская Федерация

Елена Калюжнова

Редингский университет, г. Рединг, Соединенное Королевство

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматриваются международные экологические нормы по борьбе с сжиганием попутного нефтяного газа (ПНГ) и их применение в России (указы Президента № 7 и 1148). Факельное сжигание, или систематическое сжигание, попутного газа во время добычи нефти приводит к выбросу углекислого газа и других вредных веществ, создавая опасность для местной и мировой экологии. *Методы и материалы.* Через призму конструктивистской нормативной теории авторы рассматривают механизмы, ведущие к появлению и распространению международных норм, осуждающих факельное сжигание ПНГ, а также международные сети, участвующие в продвижении такого способа сжигания ПНГ. *Анализ.* Исследуя эволюцию данной нормы на протяжении всего ее жизненного цикла, авторы показывают, что многоаспектные рамочные стратегии, используемые транснациональной (международной) сетью защиты интересов, позволили проблеме факельного сжигания ПНГ стать заметной в относительно короткие сроки. Гибкий, долговременный, технический и аполитичный подход, принятый частно-государственным партнерством Всемирного банка по сокращению факельного сжигания ПНГ, объясняет готовность Правительства России решить проблему сжигания попутного газа и принять законы об утилизации ПНГ. *Результаты.* Полученные авторами данные показывают, что кампании по защите окружающей среды на международном уровне не обязательно должны носить конфронтационный характер и что транснациональные (международные) сети по защите интересов могут повысить их эффективность, если они примут целевые стратегии и правильно сформулируют свои послания для каждой группы субъектов, которых они планируют привлечь в такие кампании. *Вклад авторов.* Статья основана на исследовании, проведенном одним из авторов – Анн Виньо для ее двойной докторской диссертации по международным нормам и политике местного содержания, выполненной в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД РФ и Университете Рединга. Как координирующий автор, она собрала первичные данные посредством интервью с экспертами. Андрей Байков участвовал в кодировании, триангуляции данных и изучении юридических документов. Профессор Елена Калюжнова, руководитель этого исследования, создала его методологию. Написание статьи осуществлялось авторами совместно.

Ключевые слова: международные отношения, Россия, Всемирный банк, факельное сжигание, нормы, конструктивизм, транснациональные сети защиты интересов.

Цитирование. Виньо А., Байков А. А., Калюжнова Е. Международные сети на службе устойчивого развития: Всемирный банк и российское законодательство в области сжигания попутного природного газа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 206–218. – (На англ. яз.). –DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.16>

Introduction. Gas flaring went from being a rarely spoken topic and an industry specific phenomenon in the 1990s to a subject of

international concern in the 2010s as illustrated by the following quote by World Bank President Jim Yong Kim “Gas flaring is a visual reminder

that we are wastefully sending CO₂ into the atmosphere”.

While it was for decades seen as a necessary part of the oil production process, flaring or the deliberate and controlled burning of the Associated Petroleum Gas (APG) that naturally emerges when oil is extracted, is now considered a global and local environmental challenge, a waste of natural resources and a lost opportunity cost for oil companies. This change of perception has led multiple national governments to legislate on (APG) flaring and the O&G business and accompanying sectors to develop solutions to increase utilization rates. This paper attempts to uncover the actors and strategies that lie behind this rapid change in public consciousness.

The authors apply the theoretical framework of constructivist norm theory to reveal how a limited group of states concerned about flaring set up a platform to promote their message at the World Bank and gradually became an organized transnational network with leverage on the international community. The need to bring on board oil producing countries responsible for the majority of the flaring, including Russia, resulted in an original strategy based on compromise seeking rather than confrontation through ‘naming and shaming’. This paper follows the norm’s life cycle from its emergence to its diffusion and maturation in the international stage with the adoption of the Zero Routine Flaring by 2030 Initiative by which a number of states and oil companies committed to a complete discontinuation of flaring. The case of Russia’s adoption of the international norm with the national governmental decrees 7 and 1148, which limit flaring to 5% of APG, also considers. An analysis of the situation in Russia and the growing environmental awareness that resulted in the creation of the legislation reveals how the World Bank’s Global Gas Flaring Reduction Public Private Partnership’s multifaceted strategy attained its goals [31]. By representing flaring as a painless way for a state to meet its Kyoto protocol commitments on carbon dioxide reduction, framing it as a double lost opportunity cost and avoiding public criticism of flaring countries while providing technical support, the GGFR succeeded after some persistence in its communication campaign with Russia. By grafting flaring onto

the mature norm on climate change, the issue was removed from the national context of oil production and put into the international arena of shared environmental challenges. The findings of the case study suggest that international campaigning for environmental protection need not be confrontational and that Transnational Advocacy Networks may gain in efficiency if they adopt targeted strategies and systematically recode their message for each group of actors they plan to sensitize.

After presenting the research methods employed to carry out the case-study this paper is based on, the authors consider the context of the emergence and diffusion of international norms, putting them in their theoretical frame of the academic literature. The analysis of the emergence of an international norm to combat flaring and its adoption by the Russian government is followed by a review of the actors involved and the strategies adopted. The last part presents the authors’ findings, based on the Russian case-study, on the best strategies that allow transnational networks to successfully ensure the diffusion of international norms.

Methods and materials. A qualitative research design was employed to conduct this study, that is guided by “what” and “why” research questions: ‘What factors led to the emergence of the international norm on combatting flaring?’ and ‘Why did Russia adopt the international norm through decrees 7 and 1148?’. A constructivist and interpersonal approach was used to better understand the realities on the ground and the changes that brought about the adoption of the novel legislation but also its implementation. A qualitative approach helps not only to identify the different processes under way but also to understand the causal mechanisms that guide how they unfold. The study investigates the reasons behind norm adoption by means of a case study. The research was conducted with different data collection techniques, including a thorough review of official and legal documents, existing reports on the creation of the flaring legislation, media coverage and expert interviews. One of the authors conducted between February 2019 and March 2020 fourteen semi-structured interviews with international and Russian environmental experts working in spheres related to the fossil fuel industry

Table 1. List of respondents

Interview number	Gender	Place of work	Previous place of work	Position	Nationality	Interview Language
II-1	M	University	Oil company	Deputy Director	Russian	Russian
II-2	F	University	/	Director	Russian	Russian
II-3	F	Oil company	/	Director	UK	English
II-4	M	Oil company	/	Special Advisor	US	English
II-5	M	Private consultant	World Bank	Consultant	UK	English
II-6	F	Oil company	/	Director	Australian	English
II-7	M	Oil company	/	Project manager	Italian	English
II-8	F	Oil company	/	Environmental Specialist	Italian	English
II-9	M	World Bank	/	GGFR Program Manager	US	English
II-10	M	Russian Gas Society	Oil company	Executive Director	Russian	Russian
II-11	F	University	/	Associate Professor	Russian	Russian
II-12	M	Oil company	/	Director	Russian	Russian
II-13	F	Oil company	/	Environmental Specialist	Russian	Russian
II-14	M	University	/	Professor	Russian	Russian

Note. Compiled by one of the authors.

and in the World Bank (detailed list of interviews is given in Table 1). The interview process was set up to meet ethical best practices and to allow participants to remain anonymous. Respondents were debriefed on the objectives of the research and were told how the data would be processed and stored. Information sheets were given to all interviewees as well as consent forms to read and sign. The authors informed participants that their contribution could be retracted at any point until the final processing of the data. The reliability of the data provided and the final findings was checked by using different methods among which triangulation. Peer debriefing allowed the authors to make sure the codes created based on interview data truly reflected the information provided by the participants. First level thematic codes were processed to provide insights helping to respond to the research question. Through the analysis of primary and secondary documents, the authors trace back the conditions that brought about the emergence of a distinct international norm condemning flaring and its adoption by the Russian Federation.

Analysis. This section first considers the scholarly research on international norms and transnational actors, before describing the context of the case-study by defining flaring and qualifying

its place in the environmental agenda. It then traces back the emergence of the international norm and offers an original analysis of why it was adopted by the Russian government.

The interest of IR scholars in international norms increased sharply in the 1990s as constructivist scholars developed a new understanding of their emergence and functions. The analysis of international regimes from the 1980s onwards and the increased attention paid to international actors justified this new focus on international norms, which were no longer perceived as statecraft instruments [18] or a basis for international interaction [13], but as shared understandings of right and wrong [9]. In this light, international norms came to be interpreted not as the outcome of negotiations between states, but as intersubjective constructs arising through collective identities and beliefs [22]. In this novel line of thinking, states were viewed as exercising limited control over the emergence of norms. Conversely, the constructivist scholarship was asserting that norms were powerful enough to create new collective identities for states altering their motives, behavioral modes and outcomes [28]. The next generation of constructivist researchers focused on how international norms influence how state and social governance, domestically and

internationally, was thought of and organized in practice [8]. According to this strand of literature, norms in International Relations need not be codified and can develop regardless of their being formally recognized. Whereas international norms may not be universally respected, the infringement of mature norms typically leads to criticism and reputational damage. Indeed, breaking an international norm amounts to behaving in a way that is unacceptable to the international community. Furthermore, norms that are internalized may not even be recognized as being prescriptive norms [8]. While the acceptance of new international norms may at first result from a “logic of consequences” linked to fear of different forms of punishment, states rapidly embrace the “logic of appropriateness” and the desire to meet expectations of good conduct outweighs fear of reprisal as a motivation for their conduct [16]. Habit may also explain why states continue to respect international norms, which may not play to their material advantage [10].

A number of studies have concentrated on the life cycles of norms, including their emergence, codification, diffusion, maturation, but also their possible contestation and death. Some of the most popular models are the evolutionary pattern developed by (1990), the norm life cycle described by Sikkink and Finnemore (1998) and the spiral model by Risse, Ropp and Sikkink (1999) [21; 23]. New norms either gain international acceptance carried by international actors involved in their promotion and get grafted onto existing norms [12] or are subject to popular contestation [29], which leads in extreme cases to norm reversibility or death [26]. The effectiveness of mature norms in bringing about social change has also been a subject for academic discussion. Even though Young pointed out that the best way to determine if a norm performs well is to assess whether it has resolved the issues it set out to correct [32] the dynamics of time and changes of context mean two situations are never perfectly comparable, leading to disagreements regarding how effective norms are. Research on international norms is closely linked to the notion of norm entrepreneurship, as transnational actors have been found to have a significant impact of normative outcomes.

While transnational actors have been operating since the 19th century, globalization has given them a new impetus, turning them into highly influential political agents. The empowerment of different types of actors alongside states has contributed to the emergence of multiple decision-making levels, spanning from the local to the international level. Constructivist research on transnational networks highlights an exponential increase in their number, size, professionalism and the speed at which they have been operating since the 1960s [12].

Transnational Advocacy Networks (TANs) as one example of such actors are aimed at defending a cause and have been associated with the promotion of international norms. They may comprise actors “such as but not limited to NGOs, local social movements, foundations, the media, churches, trade unions, consumer organizations, intellectuals, parts of intergovernmental organizations, parts of governments” [12, p. 68]. Networks draw their strength from their flexible, non-hierarchical structure and typically deal with issues neglected or deliberately set aside by national governments. TANs raise awareness regarding these issues, rally support, disseminate information, set agendas for international discussions, frame problems to increase their visibility as well as encourage governments to take a stance. Thus, by providing information about issues to governments and the general public, by pushing topics to the top of the international agenda, by making governments commit to change, they can incite states to develop a legal framework that meets the interests of a given cause.

Framing plays a key part in the strategies adopted by Transnational Advocacy Networks, and can be defined as an attempt made by a group to diffuse a particular vision of a situation [17]. TANs may pressure governments to modify their stances on key problems and even act against their own interest by threatening to have them ostracized by the international community, according to the boomerang effect [12]. Nevertheless, TANs may act in a non-confrontational manner, making use of public and network diplomacy [20], to promote in cooperation with national governments new legislation as illustrated by the findings of this article.

The case-study explored in this paper considers the environmental problem of flaring, defined as “the process by which natural gas is burned off in a controlled manner when extracting oil” [5]. Upon extracting oil, gas naturally comes out and it is burnt if there is no opportunity or infrastructure to productively use it. While several decades ago, flaring was measured based on vague estimates, satellite data is not widely available on the international arena. As the interest in flaring increased globally, the Global Gas Flaring Reduction Partnership (a World Bank initiative dedicated to raising awareness) was created and it focused among other things on producing flaring estimates as part of a partnership with the Colorado School of Mines. A major leap forward took place from 2012 onwards, as the international community gained access to objective information on the volumes flared by region and country.

Flaring became the object of international attention as awareness grew concerning the risks and lost opportunities associated with this practice. “Flaring has an underestimated economic cost, as it is a waste of natural gas, a non-renewable natural resource which could otherwise be used in positive economic activities to increase the well-being of society. Flaring is a negative externality resulting from the extraction and production of petroleum. As stocks of petroleum become depleted, the preservation of this gas (which can be re-injected, for example) may become essential” [5, p. 141].

The impact of flaring is also considerable, although it depends for a large part on how efficient the combustion is, the properties of the gas and the location of the flaring. Fuel components which are ejected into the atmosphere without being processed have dire consequences and can be associated with thermal pollution [19; 25]. CO₂ and methane when released into the atmosphere have serious effects on the global atmosphere. These greenhouse gases have been associated with rapid global warming and concerns regarding this problem have grown over the last few decades, prompting binding commitments by states to reduce emissions in the framework of the United Nations (Kyoto Protocol) as part of an international initiative to combat climate change. The consequences of gas flaring are the most obvious around sites where the flaring takes place. Acid rain can result from the evaporation of

dangerous substances, particularly in humid areas such as offshore platforms [25].

The risks of flaring for human health are still being investigated, but a number of negative effects have been identified, including breathing problems that result from toxins released in the atmosphere. The US Environmental Protection Agency has established firm links between flaring and leukemia, thyroid cancer, intestinal and stomach illnesses due to inhalation of harmful substances or drinking contaminated water [11].

As the environmental and health consequences of flaring became public knowledge, different actors mobilised to increase awareness regarding dirty emissions and flaring, with significant changes starting in the 1990s. Transnational actors and international organizations (United Nations, World Bank) started to raise public knowledge about global warming and explored the causal relation between flaring and changes in the climate [6, p. 198]. New measures to address environmental protection emerged at all levels of cooperation, from local and national legislating to bilateral and international agreements [3]. The UN and the WB joined efforts with motivated states and norm promoters to launch the first international project designed to address the problems presented by flaring: the World Bank’s Global Initiative on Gas Flaring Reduction [30].

The United Nations’ Framework Convention on Climate Change adopted in 1992 clearly states the anthropological causes of climate change and presents a strategy to curb greenhouse gas emissions in an attempt to stabilize atmospheric temperatures before humanity reaches the point of non-return. Although the Convention on Climate Change offered no enforceable commitments to reduce greenhouse gases, the 1997 Kyoto protocol changed strategy by seeking binding objectives and ensuring states follow up on their progress. The 2010 United Nations Climate Change conference added to the Kyoto Protocol by creating several policing mechanisms to ensure states met their commitments. These different initiatives embraced by the UN guided the international community in starting the fight against climate change and led to the general acceptance of the idea that combatting global warming and inequality should be done simultaneously as part of a united plan

financially supported by the wealthier countries of the world.

The Prototype Carbon Fund was created by the World Bank in 1999 and “aimed at catalyzing the market for project-based greenhouse gas emission reductions within the framework of the Kyoto Protocol, while contributing to sustainable development” [30]. The project was aimed at incentivising states to create an international market to trade carbon emissions by using pricing and exchanges to ultimately curb global emissions. This program was not designed to deal with flaring, but, as states were considering the ways in which to reduce emissions, they quickly turned to flaring as a means of cheaply improving their environmental performance. Indeed, countries producing fossil fuels become conscious of the fact that reducing flaring could help them meet their targets to decrease carbon dioxide emissions. A number of states, in particular Norway, banned routine flaring as early as in 1971. Norway also introduced a CO₂ tax in 1991, which further discouraged flaring [7].

Another state with forward thinking on flaring issues was Canada. The Alberta Energy Regulator in Canada started early on to regulate flaring and by the 1980s was ready to share its experience. A number of directives adopted by the government were successful in making gas producers stop routine flaring by requiring that they define their flaring reduction goals in function of their capacities, thus launching a competition between companies to be the best performer. The regulator then only intervenes in cases where companies are not fulfilling their commitments or are experiencing other types of difficulties [2].

These highly motivated states moved in the 1990s from an uncoordinated reduction of flaring to a more organised and collective approach. The World Bank became a platform to coordinate efforts to fight flaring and bring new actors aboard. Two dedicated programs were designed: the Global Initiative on Gas Flaring Reduction (2000) and the Global Gas Flaring Reduction Public-Private Partnership (2002). The government of Norway and the WB created a public forum to review the issue of flaring and discovered that a number of countries and organizations had been working on the problem. They decided to set up a workshop and the government of Norway later

created a trust fund to finance environmental initiatives in this direction. A meeting on flaring ensued with a large number of governments and firms invited, including international representatives of the fossil fuel industry. The project was created to last for 3 years, at the end of which the major players were expected to meet their goals of stopping flaring. The optimistic deadline has since then been pushed back multiple times. The Global Initiative on Gas Flaring Reduction became operational in 2000, with 17 companies and 6 governments as members. The main tasks of the program were awareness raising, capacity building and knowledge transfer.

The Voluntary Standard for Global Gas Flaring and Venting Reduction, a guide for states looking to significantly reduce their gas flaring and improve their environmental performance was created by the partners of the organisation. The target of the program became progressively more defined and as the notion of sustainable development was being globally diffused, the carbon reduction program was put together. Putting a price on flaring was a way to make all actors conscious of the environmental impact of their activities and it rapidly became a key instrument to limit flaring. The participants were also committed to extending and deepening their partnership by bringing new members aboard and setting up high-level events to highlight the risks and solutions to APG flaring.

The Global Gas Flaring Reduction Public-Private Partnership (GGFR) was officially created in 2002 as a Public-Private partnership that has different levels and types of local, regional and international actors as members. Different players reacted to the suggestion to join the initiative at various times, with the government of Nigeria and some global companies from the fossil industry coming aboard immediately such as BP, Chevron and Shell.

Initially funded by a handful of determined states, the GGFR slowly developed a network of partners in the private sector willing to help pay for its activities. Corporations typically gave 150,000 dollars a year, but Norway remained for a long time the main actor supporting the GGFR. The fossil fuel industry also contributed the work of their employees by sending them on fully-paid secondments to the GGFR and governments sent civil servants according to a similar scheme. Some

countries joined the initiative later and never financially contributed to the program, however as major flarers, their participation was essential for the program to reach its announced goals.

The GGFR initiative began its activities in the WB with half a dozen of employees forming a stand-alone team dedicated to the initiative. The GGFR has for stated goal “to increase the use of natural gas associated with oil production by helping remove technical and regulatory barriers to flaring reduction, conducting research, disseminating best practices, and developing country-specific gas flaring reduction programs” [31]. The GGFR offers help to governments and local authorities by diffusing information on the best ways to develop legislation targeting flaring and set up infrastructure to utilise associated petroleum gas. The GGFR is also a place where private and public actors can share their ideas and technical solutions, keep track of their progress and seek assistance with challenges they encounter along the way. The WB also allocates funding to the GGFR as its goal to reduce flaring is in line with the targets of the international organization that aims to reduce poverty globally and support the development of underprivileged populations. Flaring has been associated with poverty as local populations not only suffer from the damaging health effects of the flares but are frequently deprived of energy. Utilizing APG can allow for a double win as these communities can gain access to electricity. “Natural gas is an instrument, which helps put countries on the path of sustainable development as it has low carbon emissions” [9]. Gas that is not flared can be used to create electricity for flexible grids.

The creation of the GGFR is a watershed moment for the global norm against flaring as it significantly increased its visibility. Transnational networks were successful in framing the issue of flaring in different ways in order to appeal to different audiences. Flaring was deliberately portrayed as an economic issue when conducting discussion with businesses, as a development and human rights issue when dealing with civil society and an environmental issue when in talks with actors sensitised to climate change issues [6, p. 199].

From an economic standpoint, the argument against flaring underlines the lost opportunity costs of wasting a valuable and non-renewable natural resource. Fossil fuel producers can appreciate the

bottom line argument that consists in saying that utilising associated petroleum gas could lead to an increase in income and possibly in profits if reliable and effective utilisation methods are adopted. Corporations can also make it their business to design and help the oil and gas industry implement APG utilization projects which can be extremely lucrative [11]. National governments with large fossil fuel reserves may also be sensitive to this type of framing, particularly if local communities do not have access to readily-available energy. The example of Nigeria that released in 2013 17.2 billion cubic meters of flared natural gas in the Niger Delta, shows that the country’s APG that year, had it been utilized, could have covered 25% of the energy demand of the whole of Africa [1]. Governments are also becoming aware of the waste that flaring represents and the real possibility that the world may experience a shortage of gas in upcoming decades. The idea of burning precious non-renewable resources is becoming increasingly unacceptable. The GGFR and its members use the economic argument to conduct talks with the oil industry and national governments and encourage them to reduce flaring. Other arguments may however be more powerful, such as the ones presented beneath.

Flaring can also be successfully framed as a human rights problem, as the communities affected by flaring tend to be living on the brink of poverty and often do not have access to energy themselves. Flaring in the developed world is usually restricted to remote and unpopulated areas. In developing countries, however, people often live near flaring sites and, while they are inconvenienced by the flares, they are unaware of the damage it causes to their health and readily use the areas around the flames to dry their washing, their fish etc. The GGFR, in the message it conveys to the global public, deliberately entwines the problem of flaring with developmental challenges and the need to support vulnerable communities. Reducing flaring globally becomes a way of promoting development. The key message of this framing strategy is to show that putting an end to flaring allows counties to improve the wellness and quality of life of their population. A review of the projects launched by the GGFR in Africa reveals that while the goal is unquestionably to reduce the flaring, there is another objective which is to ensure that local people have access to energy. While the developmental

approach can be highly attractive, the most prominent message currently put out by the World Bank is that flaring is primarily an environmental catastrophe which needs to be dealt with urgently.

Flaring is indeed most efficiently portrayed as an environmental issue as the problem of climate change is becoming increasingly accepted as the main challenge of the 21st century. When entering into discussions with governments of Western countries, the GGFR puts an emphasis in the unnecessary pollution generated by flares. The oil and gas representatives are pressured to make their energy production greener and combatting flaring is an efficient way of improving the environmental performance of their businesses. The population of developed countries is highly aware of environmental concerns and this has a direct impact on their electoral choices (rise of green parties in European politics) and their energy consumption (with citizens taking an interest in the environmental performance of their providers and the amount of renewable energy in their energy mix). The choice made by the GGFR to keep all players involved and not stigmatise the oil and gas producers for the environmental impact of their activities had the benefit of keeping a direct line of communication with the main sources of flaring but created some opposition among non-governmental organisations eager to hear the GGFR adopt a stricter stance. The cooperative nature of the organisation and the lack of constraining mechanisms largely explain the nature of the choice. Accountability is however growing as voluntary commitments taken by states and oil companies are leading to incremental changes in practices. The norm on flaring has successfully attached to the norm on climate change, which helped both with its global diffusion and its acceptance (Table 2).

The international norm against flaring, established and codified by the GGFR, offers the international community a common belief and

commitment that APG flaring is environmentally damaging and must be curbed.

The GGFR continued its activities and the Zero Routine Flaring by 2030 initiative appeared in 2015. While previously, members of the organization made commitments based on their general assessment of their economic situation, in 2015 a number of partners decided to work towards banning flaring altogether. The Zero-flaring document committed countries to making provisions that any new oil development sites should have a solution to flaring before starting their activities and to ensure that all flaring stop on their territories by 2030. While the commitment appears as highly symbolic for a number of countries as their capacity to develop utilization technologies is limited at the present time, the initiative led to a wider promotion of the GGFR as it was launched by two prominent figures: the UN Secretary General and the President of the World Bank. 80 national governments and corporations have joined the initiative as of today, but the abstention of some major flarers is a thorn in the side of the program. The unwillingness or inability of some countries and companies to commit to a concrete end date to flaring is indeed a major challenge for the GGFR.

The campaign against flaring evolved from being a grassroots movement and the concern of a few forward-looking countries in the 1970s to being a widely accepted problem in the 2010s. Flaring became an international norm with an institutional actor, the GGFR, to promote it globally. The Zero Routine Flaring initiative reveals the desire of some actors for ongoing commitments to ban flaring altogether. As the norm was being widely diffused, a number of countries previously not involved in the program started to take an interest in the benefits of utilising APG. Russia, while it was not originally part of the global movement against flaring, started to reconsider its flaring practices in the 2010s, leading to the

Table 2. World Bank flaring framing strategies

Costs of flaring	Framing strategies	Targeted audience
Economic	Loss of income	O&G industry
Environmental	Climate change	Global society, national governments
Health	Social injustice	National population

Note. Compiled by the authors.

adoption of legislation. In this section we consider how Russia came to adopt, under the influence of the international norm, its own anti-flaring legal framework.

The policies of the Russian Federation can only be understood in the context of its history and geography. The type of industries developed in the Soviet Union and the organisational principles surrounding them still impact the perception of productivity and pollution today in Russia. Flaring was a natural part of the oil production process in the USSR, before there was any awareness of its environmental risks. According to official World Bank data based on satellite sources, Russia was in 2021 the first flaring country globally. Russia flared the largest volumes of APG between 2014 and 2020, with Iraq, the US, Iran and Venezuela coming in following. Russia experienced a yearly progression in its flared volumes from 2014 to 2019, going from 18.3 to 23.2 billion cubic meters over the five years [31]. Flaring increased over this period because of the rise in oil production which naturally led to higher flaring volumes.

Flaring was viewed for many years as a safety practice and as a cleaner way of dealing with gas than the natural alternative which is to vent APG (release it as-is in the atmosphere). APG was perceived in the USSR and all around the world as a waste product for decades. The split between the oil industry and the gas industry, which appeared in the USSR and is still maintained today, explains the trouble utilising APG: the oil producers do not naturally have access to infrastructure to utilise the gas resulting from their activities or to gas transportation facilities. Geographic factors are also important as the further the oil extraction sites are from inhabited areas or processing plants, the further the APG needs to be taken for its utilisation. The financial implications of the additional distance often make it not cost-effective to utilise APG.

Flaring has both global and local impacts, both of which are perceptible in Russia. As temperatures change rapidly all over the country, different prognosis point to an increased likelihood of dangerous and unpredictable weather patterns in upcoming years such as the 2010 wildfires. Oil producing sites, while usually located far from densely populated areas, are affected by severe changes linked to heat pollution entailing damage to vegetation and animal habitats [19]. Black

carbon is particularly damaging in cold areas where it accumulates on the snow, makes it dark and leads to accelerated melting [27].

When considering Russia's policies on flaring, it is to be noted that the country's government was not immediately involved in efforts to utilise APG. Global discussions on the toxicity of flaring in the 1990s were a secondary concern for Russia which was undergoing at that time a severe economic crisis and political turmoil. The diffusion of the global norm on combatting flaring did not extend to Russia where the population was not highly concerned about environmental issues in the midst of the turmoil. When the GGFR put together the programs against flaring, there was no involvement of the Russian government or the fossil fuel industry. There was however an understanding that flaring should be measured as illustrated by official documents dating back to the turn of the century including the Energy Strategy of Russia [4]. Towards the end of the 1990s the country adopted environmental legislation with references to efforts needed as regards flaring. Assessment of real flaring volumes were however regarded with a certain secrecy and not revealed publicly. International networks attempting to engage with Russia were largely unsuccessful at that time and little was done internally to combat flaring.

The situation turned around rapidly in the 2000s with the government soon making it a priority to improve APG utilisation. The reasons for this change are related to a change of economic context, to Russia's financial recovery, and to several external factors. The appearance of satellite data on flaring ended the secrecy about APG flaring and Russia was found out to be the first flarer globally in terms of volumes [6]. The pictures of flaring in Russia on websites such as Skytruth become widely available and awareness grew in Russia on this problem.

The development of the norm on combatting flaring abroad led to a change in the Russian attitude and oil producers struggled to meet the environmental standards requested by their customers from Western countries. The lost income linked to flaring also became a cause of concern to oil producers who sought ways to monetise their APG.

The incredible cooperation in the 2000s between the GGFR and one Russian region (Khanty-Mansiysk) acting autonomously from the

national government started to yield positive results a few years later and made other regions ponder the opportunities of utilising their APG. The region developed technological solutions to stop flaring, received international financing and showed the way to the rest of the Russian regions.

Another factor which influenced the government's choice to crack down on flaring in the country was its commitments in the framework of the Kyoto Protocol. In 2012 Russia took on the international obligation of keeping its CO₂ levels at the level of 1990. The obligation to cut out different emissions led to a thought-process of how to do it in the least painful way. Reducing flaring was found to be a productive way to become environmentally cleaner at a minimal cost for society.

In a nutshell, the decision to legislate on the problem of flaring was guided in Russia by several factors including the international norm of combatting flaring, one region's success in developing utilization projects with the international support of the GGFR, the new imagery that made it impossible to conceal flaring, the Kyoto protocol, the influence of customers abroad and the desire to financially benefit from APG. As flaring was becoming a topic of governmental interest at the start of the 21st century, a number of Russian politicians delivered key note speeches on combatting flaring including President Putin's 2007 Address to the Federal Assembly which revealed to the entire country that Russia had flared 20bcm the previous year. An address by President Medvedev in 2009 further focused public attention in flaring, as he emphasised the waste represented by this practice and called oil companies to take on the new challenge of combatting flaring [15].

In 2009 the decree number 7 of the government "On the measures stimulating reduction of atmospheric pollution by products of associated gas flaring", initially put together by 'Rostekhnadzor', was adopted [24]. The document requires oil companies to utilise ninety five percent of the APG they produce and introduces fines for pollution linked to flaring starting from 2012, thus giving the industry three years to get in line with the new requirements [14].

Decree 7 was followed by Decree 1148 in November 2012 that kept the main new rules introduced by the previous decree but made a number of modifications: while fines were

increased, allowances were made for the opening of new oil platforms. An incentivisation system allowing to deduct fines from amounts invested in developing utilisation solutions was also adopted.

Results. This paper shows how the international environmental norm on combatting the flaring of Association Petroleum Gas influenced Russia's adoption of decrees 7 and 1148 on the compulsory utilization of 95% of APG. Constructivist norm theory has been employed as a framework to analyze the impact of transnational networks on the creation of a new issue of concern on the international stage. By retracing the norm through its life cycle, the study reveals that the multi-faceted framing strategies employed by the Transnational Advocacy Network helped the issue of flaring to gain salience. The flexible, durable, technical and apolitical approach of the World Bank's Global Gas Flaring Reduction Private Public partnership may convincingly account for the Russian government's willingness to address the issue of flaring and to legislate on APG utilization. The GGFR's strategy to involve any willing country or region in the process, to make payments to the organization voluntary, to avoid judgment and shaming techniques and to highlight the benefits for countries of increasing their APG utilization rates proved highly productive as regards Russia. The country's federal and regional governments came to appreciate the benefits of reducing flaring, in terms both of economic opportunity-cost and in being able to meet their greenhouse gas reduction targets without having to crack down on oil and gas consumption. The authors **contribute** to the study of International Relations by founding the novel idea that Transnational Advocacy Networks need not be confrontational as they are frequently represented in Constructivist literature and in some cases may be more effective when they avoid over-politicizing the issues they aim to solve.

REFERENCES

1. Ajugwo A.O. Negative Effects of Gas Flaring: The Nigerian Experience. *Journal of Environmental Pollution and Human Health*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 6-8.
2. *Alberta Energy Regulator. Directive 060 on Upstream Petroleum Industry Flaring, Incinerating,*

and Venting. URL: https://www.aer.ca/documents/directives/Directive060_2020.pdf (accessed 23 September 2020).

3. Bazanov V. A. Vozможности sotrudnichestva rossii i indii v oblasti obespecheniya e'kologicheskoy bezopasnosti [The Opportunities of Russia-India Cooperation in the Sphere of Environmental Safety]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2015, vol. 4, no. 1, pp. 65-81. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.1.7>

4. Bushuev V.V., Troitskii A.A. Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2020 goda i real'naya zhizn'. Chto dal'she? [The Energy Strategy of Russia Until 2020 and Real Life. What is Next?]. *Teploenergetika* [Thermal Engineering], 2007, vol. 54, no. 1, pp. 1-7. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0040601507010016>

5. Crowley-Vigneau A. The Global Norm on Combatting Flaring and Russian Decrees 7 and 1148. *The National Implementation of International Norms*. Cham, Palgrave Macmillan, 2022, pp. 141-196.

6. Crowley-Vigneau A. Transnational Expertise and Experience Networks and Local Content Policy: A Perfect Storm. *The National Implementation of International Norms*. Cham, Palgrave Macmillan, 2022, pp. 197-219.

7. Donev J. *Energy Education – Flaring*. University of Calgary, 2018. URL: <https://energyeducation.ca/encyclopedia/Flaring> (accessed 23 September 2020).

8. Finnemore M. *National Interests in International Society*. Ithaca, London, Cornell University Press, 1996. 154 p.

9. Heim I., Crowley Vigneau A., Kalyuzhnova Y. Environmental and Socio-Economic Policies in Oil and Gas Regions: Triple Bottom Line Approach. *Regional Studies*, 2022. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2056589>

10. Hopf T. The Logic of Habit in International Relations. *European Journal of International Relations*, 2010, vol. 16, no. 4, pp. 539-561. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066110363502>

11. Ismail O.S., Umukoro G.E. Global Impact of Gas Flaring. *Energy and Power Engineering*, 2012, vol. 4, no. 4, pp. 290-302. DOI: <https://doi.org/10.4236/epe.2012.44039>

12. Keck M.E., Sikkink K. *Activists Beyond Borders, Advocacy Networks in International Politics*. New York, Cornell University Press, 1998. 228 p.

13. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. S.I., Princeton University Press, 1984. 320 p.

14. Kutepova E.A., Knizhnikov A.Y., Kochi K.V. *Associated Gas Utilization in Russia: Issues and Prospects*, 2011. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/c16/as_gas_kpmg_eng.pdf (accessed 23 September 2020).

15. Loe J.S.P., Ladehaug O. Reducing Gas Flaring in Russia: Gloomy Outlook in Times of Economic Insecurity. *Energy Policy*, 2012, no. 50, pp. 507-517. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.07.049>

16. March J.G., Olsen J.P. The Logic of Appropriateness. *The Oxford Handbook of Public Policy*. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 478-497.

17. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 442 p.

18. Mearsheimer J. The False Promise of International Institutions. *International Security*, 1994, vol. 19, no. 3, pp. 5-49.

19. Mohammadi A., Soltanieh M., Abbaspour M., Atabi F. What is Energy Efficiency and Emission Reduction Potential in the Iranian Petrochemical Industry? *International Journal of Greenhouse Gas Control*, 2013, no. 12, pp. 460-471.

20. Morozov V.M. Network Diplomacy: Approaches to the Israeli-Palestinian Conflict. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 145-156. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.13>

21. Nadelmann E.A. Global Prohibition Regimes: The Evolution of Norms in International Society. *International Organization*, 1990, vol. 44, no. 4, pp. 479-526. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300035384>

22. Onuf N.G. *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia, University of South Carolina Press, 1989. 341 p.

23. Risse T., Ropp S. C., Sikkink K. *The Persistent Power of Human Rights: From Commitment to Compliance*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 360 p.

24. Roland T.H. *Associated Petroleum Gas in Russia: Reasons for Non-utilization*, 2010. URL: <http://www.fni.no/doc&pdf/FNI-R1310.pdf> (accessed 24 September).

25. Soltanieh M., Zohrabian A., Gholipour M.J., Kalnay E. A Review of Global Gas Flaring and Venting and Impact on the Environment: Case Study of Iran. *International Journal of Greenhouse Gas Control*, 2016, no. 49, pp. 488-509.

26. Stimmer A. Beyond Internalization: Alternate Endings of the Norm Life Cycle. *International Studies Quarterly*, 2019, vol. 63, no. 2, pp. 270-280.

27. Vinogradova A.A., Vasileva A.V. Chernyj uglevod v vozduxe severnykh rajonov Rossii: istochniki, prostranstvennye i vremennye variacii [Black Carbon in Air over Northern Regions of Russia: Sources and Spatiotemporal Variations]. *Optika atmosfery i okeana* [Atmospheric and Oceanic Optics], 2017, vol. 30, no. 6, pp. 533-541.

28. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 2, pp. 391-425.

29. Wolff J., Zimmermann L. Between Banyans and Battle Scenes: Liberal Norms, Contestation, and

the Limits of Critique. *Review of International Studies*, 2016, vol. 42, no. 3, pp. 513-534.

30. *World Bank. Report 35543 on Implementation of Global Carbon Funds*. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/pt/762261468165543614/pdf/355430rev0pdf.pdf> (accessed 24 September 2020).

31. *World Bank. Global Gas Flaring Tracker Report*. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/503141595343850009/WB-GGFR-Report-July2020.pdf> (accessed 24 September 2020).

32. Young O. *Governance in World Affairs*. Ithaca, London, Cornell University Press, 1999. 216 p.

Information About the Authors

Anne Crowley-Vigneau, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of English No. 1, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, acrowleyvigneau@yahoo.fr, <https://orcid.org/0000-0001-7466-2451>

Andrey A. Baykov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Vice Rector for Scientific Work, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, a.baykov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0432-4603>

Yelena Kalyuzhnova, Professor, Deputy Dean, Henley Business School, Head of the Department of Leadership, Organisations and Behaviour, University of Reading, Whiteknights Rd, RG6 6UD Reading, United Kingdom, y.kalyuzhnova@henley.ac.uk, <https://orcid.org/0000-0002-5781-8837>

Информация об авторах

Анн Виньо, кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, acrowleyvigneau@yahoo.fr, <https://orcid.org/0000-0001-7466-2451>

Андрей Анатольевич Байков, кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, a.baykov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0432-4603>

Елена Калюжнова, профессор, заместитель декана Бизнес-школы Хенли, заведующая кафедрой лидерства и организационного поведения, Редингский университет, Вайтнайтс роуд, RG6 6UD, г. Рединг, Соединенное Королевство, y.kalyuzhnova@henley.ac.uk, <https://orcid.org/0000-0002-5781-8837>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.17>

UDC 930.2

LBC 63.3(2)6:63.3(2)614(235.7)

Submitted: 13.12.2021

Accepted: 18.02.2022

COSSACKS OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE SOVIET ERA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENTIFIC RESEARCH¹

Alexander P. Skorik

Platov South-Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation

Vitaly A. Bondarev

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Gennady G. Matishov

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. In modern Russian historiography, an unacceptable situation has developed since the Soviet period in the history of the Cossacks has not yet become the subject of sufficient research attention; therefore, a common vision of the reference points of scientific research has not taken shape. The article is aimed at studying the methodological and historiographic plots of the Soviet history of the Cossacks of the South of Russia in order to clarify unexplored plots and aspects, to determine further directions of scientific research. **Methods and materials.** We have at our disposal a number of significant historiographic facts that allow us to identify current historiographic trends in the study of the Soviet history of the Cossacks of the South of Russia. To do this, the article uses the method of system analysis and expert evaluation of historiographic facts, which provides the final argumentative logos. In a number of cases, the authors draw on archival materials to clarify and reinforce their positions. **Analysis.** The Soviet period in the history of the Cossacks of the South of Russia has been studied extremely unevenly, and this leads to distortions in the interpretation of individual problems. Excessive fascination of many modern authors with stories of decossackization creates a historical background of the tragic existence of the Cossacks in the Soviet era. As a result, the mass heroism of the Cossacks during the Great Patriotic War is involuntarily obscured by the difficult historical past and the plots of Cossack collaborationism. Decades of life of many generations of Cossacks are voluntarily or involuntarily deleted from the general history of the Cossacks. Therefore, it is important to identify the whole range of topical issues in the study of the Soviet period in the history of the Cossacks of the South of Russia, where there is also a positive historical experience. **Results.** The article outlines the established stages in the historiography of the Cossacks of the Soviet era and provides examples of specific studies on certain issues of Cossack history. The main directions of further research are determined with brief characteristics of the named plots. **Contribution of authors.** The creation of the concept of the article, the development and description of the research methodology, the conceptual apparatus, and the analysis of the involved content belongs to A.P. Skorik. The selection of archival materials and historiographic facts, as well as their primary analysis, was carried out by V.A. Bondarev. Conceptual editing, identification of a number of historiographical trends and addition of source materials with historiographic facts were carried out by G.G. Matishov. The final scientific and literary editing of the text of the article was carried out by A.P. Skorik and V.A. Bondarev.

Key words: archetypes, historiographic fact, historical experience, Cossacks, methodology, politicization, decossackization, repressive cycles.

Citation. Skorik A.P., Bondarev V.A., Matishov G.G. Cossacks of the South of Russia in the Soviet Era: Problems and Prospects of Scientific Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 219-236. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.17>

УДК 930.2
ББК 63.3(2)6:63.3(2)614(235.7)

Дата поступления статьи: 13.12.2021
Дата принятия статьи: 18.02.2022

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Александр Павлович Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Российская Федерация

Виталий Александрович Бондарев

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Геннадий Григорьевич Матишов

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В современной российской историографии сложилась неприемлемая ситуация, когда советский период истории казачества еще не стал предметом достаточного исследовательского внимания, поэтому не оформилось общее видение реперных точек научных изысканий. Статья нацелена на изучение методологических и историографических сюжетов советской истории казачества Юга России для выяснения неисследованных сюжетов и аспектов, определения дальнейших направлений научного поиска. В нашем распоряжении имеется ряд знаковых историографических фактов, позволяющих выявить актуальные историографические тенденции в изучении советской истории казачества Юга России. Для этого в статье применяется метод системного анализа и экспертной оценки историографических фактов, что обеспечивает итоговый аргументативный логос. В ряде случаев авторы привлекают архивные материалы для уточнения и подкрепления своих позиций. Советский период в истории казачества Юга России изучен крайне неравномерно, и это приводит к перекосам в интерпретации отдельных проблем. Чрезмерное увлечение многих современных авторов сюжетами рассказывания создает исторический фон трагедийности существования казачества в советскую эпоху. В результате массовый героизм казаков в годы Великой Отечественной войны невольно затеняется трудным историческим прошлым и сюжетами казачьего коллаборационизма. Десятилетия жизни многих поколений казаков вольно или невольно вычеркиваются из общей истории казачества. Поэтому важно обозначить весь круг актуальных вопросов в изучении советского периода в истории казачества Юга России, где имеется и позитивный исторический опыт. В статье обозначаются сложившиеся этапы в историографии казачества советской эпохи и приводятся примеры конкретных исследований по тем или иным вопросам казачьей истории. Определяются основные направления дальнейших исследований с краткими характеристиками поименованных сюжетов. *Вклад авторов.* Создание концепции статьи, разработка и описание методологии исследования, понятийного аппарата, анализ привлеченного контента принадлежит А.П. Скорик. Подбор архивных материалов и историографических фактов, а также их первичный анализ выполнен В.А. Бондаревым. Концептуальная правка, выявление ряда историографических тенденций и дополнение исходных материалов историографическими фактами выполнено Г.Г. Матишовым. Окончательное научное и литературное редактирование текста статьи осуществлено А.П. Скориком и В.А. Бондаревым.

Ключевые слова: архетипы, историографический факт, исторический опыт, казачество, методология, политизация, рассказывание, репрессальные циклы.

Цитирование. Скорик А. П., Бондарев В. А., Матишов Г. Г. Казачество Юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 219–236. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.17>

Введение. В истории российского казачества советский период выступает одним из наиболее сложных и драматичных, антропогенных отрезков времени. Происходившие в этот период события дают все основания для утверждений, что в XX в. казахи сообщества оказались на грани исчезновения, ибо «поколения потомков казаков, рожденные и воспитанные в советские годы, не унаследовали образ жизни предшествующих поколений» [22, с. 366]. Трагизм советской эпохи закономерно повлиял на историографию, поскольку характерные для исторической науки в СССР политико-идеологические запреты препятствовали научному поиску. Многие вопросы казачьей истории XX в. были табуированы и находились вне зоны внимания исследователей, индивидуальная траектория познания казачьего феномена вызывала когнитивный диссонанс.

Только с конца 1980-х гг., когда в распадающемся СССР совпали стремительно развернувшиеся процессы казачьего возрождения и декоммунизации (в научной сфере выразившиеся в крушении теоретико-методологического диктата марксизма, снятии идеологических запретов и предоставлении ученым-историкам свободы научного творчества), исследователи занялись анализом вопросов советской истории казачества. Публикационная активность остается достаточно высокой и в наши дни, а наибольший интерес исследователей по-прежнему привлекают казачьи войска Юга России и Украины как сыгравшие наиболее значительную роль в истории Отечества [53, с. 76].

И все же, несмотря на достигнутые на протяжении последних тридцати лет существенные результаты в исследовании советского этапа казачьей истории, данная проблематика не может считаться исчерпанной. Советское прошлое казачества по-прежнему остается в определенной мере *terra incognita*. Целый ряд серьезных вопросов нуждается в дальнейшем изучении, поскольку освещен отнюдь не в должной мере. Как следствие, множество аспектов казачьей истории остаются дискуссионными и трактуются совершенно по-разному даже специалистами, не говоря уже о публицистах или широкой публике. Все это актуализирует задачу дальнейшего тщательного осмысления такого этапа истории ка-

зачества, как 1920–1980-е годы. Совершенно справедливо констатации участников круглого стола, состоявшегося 30 декабря 2020 г. на базе Института истории и международных отношений ЮФУ, «об актуальности дальнейших исследований исторического и культурного феномена казачества, растущем интересе к нему среди специалистов в России и других странах» [54, с. 312].

В современных условиях всестороннее и объективное изучение казачьей истории (в особенности, недавней, советской) приобретает не только теоретическую, но и выраженную практическую актуальность. Ныне казахи играют заметную роль в насущной повестке дня российского государства и общества. В этой ситуации важной задачей становится разработка оптимальной стратегии взаимодействия государства и казачества и позитивного вовлечения казачьих организаций в общественно-политическую жизнь страны. Одним из первостепенных условий реализации отмеченной задачи является обращение к богатому историческому опыту взаимоотношений российского государства и казачества. Во-первых, экскурс в прошлое позволяет выявить исторически апробированные, заслуживающие применения методики выстраивания диалога между властью и казачеством, когда толерантность становится моральным императивом. Во-вторых, знание о трудном прошлом предостерегает от повторения конфронтационных и репрессивных сценариев, которыми так богата советская история казачества. Известный российский историк В.О. Ключевский справедливо высказывался о том, что «люди так любят изучать свое прошлое, свою историю» по той же самой причине, по которой «человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения» [14, с. 33]. Задача историков состоит в выяснении причин кризисных явлений в жизни казачьих сообществ и предметном указывании на пути их предотвращения.

Не менее важно избежать политизации исторического прошлого казачества, особенно его трагических страниц. Такая конъюнктура прямо противоречит объективному осмыслению минувших событий. Политизация прошлого, часто сопровождающаяся пря-

мыми фальсификациями, когда, например, говорится о миллионах репрессированных казаков, способна усложнить отношения между казаками, российским государством и обществом, превратить казачьи организации в фактор дестабилизации социальной ситуации в стране. Нужно с осторожностью относиться в публицистике и ненаучной литературе к трактовкам советского этапа казачьей истории как времени перманентного насилия коммунистического режима над казачеством, времени целенаправленной ликвидации казачьих сообществ, о чем более 25 лет назад правомерно говорил ростовский историк П.Г. Чернопицкий [52, с. 277]. Репрессальный образ советской власти и проводимых ею мероприятий в отношении казачества, широко распространенный в представлениях самих казаков, провоцирует ненужные конфликты в современном обществе и может стать основой для претензий к Российской Федерации как правопреемнице СССР за «геноцид казаков».

Так, в изданной в 2017 г. монографии Н.Н. Лысенко безапелляционно провозглашается тезис о необходимости созыва Международного трибунала по расследованию геноцида казаков, якобы осуществлявшегося в СССР [21, с. 17]. А поскольку автор книги прямо пишет о Российской Федерации как правопреемнице СССР [21, с. 100], «логика должна подсказать читателю, что в Новочеркасске Международный трибунал будет судить Российскую Федерацию» [5, с. 278]. Подобные политиканские заявления в духе борьбы за власть между Президентом России Б.Н. Ельциным и Верховным Советом РФ начала 1990-х гг. (именно тогда и появился нормативно-правовой тезис о «геноциде казаков») продолжают делить казаков на «красных» и «белых», нарушая мир и единение в обществе, когда требуется перевернуть (но никоим образом не забыть!) трагические страницы истории казачества и смотреть, прежде всего, в будущее.

В условиях новой холодной войны, стремительно разворачивающейся между Западом и Россией, безответственные заявления о «геноциде казаков» могут послужить призывом к вмешательству иностранных держав во внутренние дела Российской Федерации. При-

нятый в США в 1959 г. закон о порабощенных нациях, где говорится о «Казаккии» как национальном государстве («порабощенном» «русским коммунизмом»), сохраняет свою юридическую силу и поныне; он вполне может быть направлен против Российской Федерации как правопреемницы СССР [53, с. 75]. Причем идея Казаккии оказалась исторически устойчива и уже прошла определенные трансформации [42].

В общественно-политических реалиях современной России задача ученых-историков заключается в осуществлении дальнейших научных изысканий, способных сформировать эмпирическую базу для опровержения политизированных и мифологизированных измышлений о советском прошлом казачества (скажем, о запрете на службу в Красной армии). Подчеркнем, формировать новый комплекс исторических источников, не ретушируя трагические страницы истории казачества, но и не впадая в крайности критиканства и очернительства. Представителям же власти во избежание гражданских конфликтов следует оказывать всемерную поддержку научному сообществу историков-казаковедов.

Методы и материалы. Потребность в продолжении исследований советского этапа истории казачества, – как научно-теоретическая, так и прикладная, – на сегодняшний день достаточно велика. Результативность подобных исследований зависит от многих факторов и методов познания: тщательности историографического анализа, позволяющего определить наиболее перспективные направления научного поиска; доступности, обширности источниковой базы; разнообразия теоретико-методологического инструментария в изучении истории казачества советского периода. Однако методология исследования включает пять элементов: концептуальные основания, принципы познания, категориально-понятийный аппарат, методы исследования и методики обработки эмпирического материала. Как показывает наш историографический анализ, далеко не все казаковеды готовы учитывать такое структурное понимание методологии. Еще реже можно столкнуться с попытками разработки авторской частно-исторической теории в отношении изучаемого периода истории казачества.

Задача дальнейшего изучения советского этапа казачьей истории, подчеркнем, настоятельно требует существенного расширения концептуальных подходов. Но вопреки модным ныне веяниям, нет оснований отказываться от традиционных подходов, – прежде всего, формационного, – позволяющих эффективно анализировать социально-экономическую динамику казачьих сообществ советской эпохи, что вытекает из историографического анализа научной литературы последних десятилетий. Наряду с этим, весьма актуальны сравнительно новые методологические подходы, такие как историческая антропология, микроистория, локальная история (в том числе ее южно-российский инвариант «новая локальная история»), история повседневности. В особенности вышеперечисленные подходы актуальны применительно к послевоенной истории казачества, поскольку со второй половины 1940-х – 1950-х гг. казаки «исчезают» из «большой истории», но сохраняют свой образ жизни и ментальность, и празднуют, например, с казачьим размахом в 1976 г. столетие донской станицы Милютинской [44, с. 1109–1110]. История повседневности, акцентирующая внимание на жизни «простых людей, но не как “массы” или класса, а на уровне индивидов и семей» [19, с. 13], дает возможность выявить и проанализировать особенности положения казаков, которые в результате коллективизации исчезли как социальная группа, но сохранились в качестве этнографической общности, что дало им шанс сегодня вернуться в «большую историю» в качестве субэтнической группы русского народа. Методологический инструментарий истории повседневности предоставляет возможности установить доминанты и динамику настроений и менталитета казачества во второй половине XX в., а это, в свою очередь, позволяет с большим пониманием судить о последовавшем со второй половины 1980-х гг. процессе казачьего возрождения.

Анализ. Одним из чрезвычайно важных условий дальнейшего углубленного изучения советского этапа истории казачества служит историографический анализ. Отсюда цель нашей статьи заключается в теоретико-методологической интерпретации современной историографической ситуации, ограничившись тре-

мя наиболее крупными и известными казачьими войсками, исторически сложившимися на Юге России – Донским, Кубанским, Терским. В результате проведенного анализа мы рассчитываем определить узловые проблемы и нуждающиеся в дальнейшем изучении аспекты казачьей истории XX в. (советской эпохи), обозначить перспективы и направления дальнейших исследований.

Первым шагом в деле историографического анализа должна стать разработка определения такого социального явления, как «советское казачество». Очевидно, что на протяжении столетий социальная сущность казачьих сообществ существенно видоизменялась. В первую очередь это прослеживается на примере донского казачества как обладающего наиболее древней историей, в сравнении с другими казачьими войсками России. На ранних этапах своей истории, когда донские казаки были независимы от Московского (Российского) государства, они представляли собой самоуправлявшееся сообщество вольных людей (квазигосударство), основными занятиями которых являлись война и охрана южных границ России. С XVIII в. донские казаки, равно как и другие казачьи сообщества, либо существовавшие ранее (гребенские, терские, яицкие казаки), либо созданные по распоряжению российских монархов (в частности, линейцы и черноморцы, объединенные в Кубанское казачье войско), превращаются в военно-служилое сословие Российской империи, важнейшей обязанностью которого закреплялась военная служба в обмен на ряд сословных привилегий, в первую очередь – льготное пользование землей. В сословных границах те или иные казачьи войска (Азовское, Донское, Кубанское, Терское и др.) отличались специфическими диалектами и особенностями культуры и быта, иногда «мятежниками» и др. В таком статусе казаки пребывали вплоть до 1917 года.

В советский период социальный статус казачества изменился в связи с проведенной большевиками десословизацией. По нашему мнению, с 1930-х гг. казаки выступали в качестве этнокультурной общности в составе колхозного крестьянства, отличавшейся особенностями языка, материальной и духовной культуры. Кампания «за советское казачество»,

развернутая в середине 1930-х гг. и сопровождавшаяся деятельностью клубов «ворошиловских кавалеристов» и формированием казачьих кавалерийских дивизий, ничего здесь не изменила, поскольку не восстановила военно-служилый сословный статус казаков.

Следующий шаг – разработка сквозной периодизации советского этапа казачьей истории. Эту задачу необходимо выполнить не только в силу отсутствия соответствующей периодизации в специальных работах, хотя сам факт деления советской истории казачества на качественно различные временные отрезки прекрасно известен исследователям. Периодизация нужна для удобства осмысления существующего массива научной литературы, поскольку в хронологическом плане те или иные научные работы охватывают отдельные этапы исторического пути казаков в советскую эпоху – период нэпа, 1930-е гг., Великая Отечественная война, и т. д. Историко-географический анализ, в том числе наш, авторский, по выделенным этапам позволит исследователям лучше увидеть и оценить достижения и недочеты в изучении отдельных исторических сюжетов.

Первоочередным критерием такой периодизации выступает политика коммунистического руководства в отношении казачества, поскольку в советский период казаки превратились в объект государственной деятельности большевиков, в перспективный социально-политический проект «советское казачество». Немаловажны и такие критерии, как характер взаимоотношений между советским государством и казачеством (что являлось производным от политики компартии) и положение казаков в советском обществе. Следует учесть и степень выраженности культурных традиций казачества, цементирующих их сообщества и выделявших казаков в общей массе граждан СССР.

Если не принимать во внимание период революционных потрясений и Гражданской войны, то первым этапом советской истории казачества стали времена нэпа (1921–1929 гг.). Данный этап логично подразделяется на два субэтапа – первую и вторую половину указанного десятилетия, рубежом между которыми стала развернутая лидерами компартии в середине 1920-х гг. политика

«лицом к деревне», в казачьих районах трансформировавшаяся в политическую кампанию «лицом к казачеству». Если в первой половине 1920-х гг. взаимоотношения партийно-советских структур и большинства казаков оставались настороженно-недоверчивыми, то после проказачьих инициатив большевиков в середине десятилетия эти отношения заметно улучшились, а сами казаки активно «пошли во власть». Показательно, что до 1925 г. казаки апатично относились к выборам в местные советы, ибо полагали: «Это не их дело, их победила иногородняя коммунистическая Советская власть» [48, л. 3]. В рамках же реализации проказачьих инициатив большевиков казаки начали активно участвовать в формировании местных советов, не исключая и казаков старшего возраста, ранее отчужденно взиравших на советскую действительность. Казаки увидели в местных советах реальные рычаги власти, и рост электоральной активности казаков повлек за собой увеличение их представительства в органах местного самоуправления. В частности, как утверждал секретарь Ейского райкома РКП(б) П.М. Горюнов, в его северо-кубанском районе «все активное казачество... попало целиком в советы», так что удельный вес казаков в этих органах власти вырос до 60–70 % [9, с. 18–19]. Если в 1924 г. в сельских и станичных советах Донской области удельный вес казаков достигал 27,75–29,7 % (крестьян же насчитывалось 63–70,3 %), то в 1925 г. представительство казаков возросло до 32,1–37,6 % при одновременном снижении численности крестьян до 62,4 % [31, л. 61а]. Свободные выборы в местные советы 1925 г. проявили политический потенциал казачества на Юге России и породили среди казаков общественные настроения о «скорой кончине советской власти», о долгожданном приходе к власти «наших», о восстановлении прежней «кадетской власти». Поэтому к концу 1926 г. политика большевиков «лицом к казачеству» практически оказалась свернута, но о контрреволюционности казачества, кулацком саботаже в казачьих регионах широкомасштабно заговорили лишь в 1932 году.

Второй этап советской истории казачества – 1930-е годы. Историческая динамика в нем тоже делится на два субэтапа, разгра-

ниченных серединой десятилетия. Провозглашенный И.В. Сталиным на рубеже 1920–1930-х гг. «великий перелом» стал тяжелым ударом для многих казаков, подвергнутых раскулачиванию или бездоказательно репрессированных, когда только сама принадлежность к казачеству для преследуемых лиц являлась отягощающим обстоятельством. В условиях предельного ужесточения внутриполитического курса в первой половине 1930-х гг. среди низовых партийно-советских работников вновь распространилось огульно-негативное отношение к казакам, характерное для времен Гражданской войны и начальных лет нэпа. Подчеркнем, что высокопоставленные партийные функционеры (Е.Г. Евдокимов, Б.П. Шеболдаев и др.) пытались с этим бороться (хотя их порой однозначно причисляют к «врагам казачества»), часто напоминая своим подчиненным о необходимости соблюдения классовых принципов в отношении казачества. Тем не менее в середине 1930-х гг. стартовала одобренная И.В. Сталиным политическая кампания «за советское казачество», в ходе которой казаков провозгласили полноправными членами советского общества, преданными идеям строительства социализма, и они получили возможность хранить и пропагандировать свою самобытную культуру, хотя и в рамках колхозной системы, появились характерные неологизмы «советское колхозное казачество» и «казаки-колхозники».

Следующим этапом истории казачества в XX в. выступают годы Великой Отечественной войны. В это суровое время некоторая часть представителей казачьих сообществ предпочли поддержать гитлеровцев (по разным данным, от 70 тыс. [12, с. 523] до 94,5 тыс. [2]). Но подавляющее большинство казаков остались верны заветам предков и, выступив на защиту Родины, внесли свой вклад в разгром нацистской Германии. Общеизвестным является факт формирования на Дону, Кубани, Тереке и Ставрополье до конца 1941 г. около 30 новых кавалерийских дивизий. В первые же дни войны в жестокую схватку с врагом вступили донские казаки 210-й моторизованной дивизии, сформированной в марте 1941 г. на базе 4-й Донской казачьей кавалерийской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Красной Звезды дивизии имени К.Е. Во-

рошилова. Героически сражались с превосходящими силами противника части и подразделения 4-го и 5-го кавалерийских корпусов, прошедших славный боевой путь, в которых было очень много потомственных казаков [50, с. 428].

Вторая половина 1940-х – 1950-е гг. представляют собой новый этап советской истории казачества. В данное время правящие круги СССР постепенно отказались от политического курса «за советское казачество» и выделения казаков из общей массы населения колхозной деревни. Вместе с тем в рамках указанного этапа казачьи сообщества все еще отличались заметными культурно-бытовыми особенностями. Активно раскручивалась тема счастливой жизни казаков в условиях советской действительности, в связи с торжествами по поводу открытия Волго-Донского канала в 1952 году [39, с. 65–67]. В активном жизненном тоне тогда находились старшие поколения казаков, на памяти которых происходило становление советской власти, и в станицах хорошо помнили, кто и на какой стороне воевал в Гражданскую и Великую Отечественную войны, чем отличился в трудные времена. Свежо оставалось в памяти и расформирование гвардейских казачьих корпусов после победного мая 1945 г., которому не мешало бы посвятить сегодня отдельную монографию. Нуждается в освещении сохранение кавалерии во второй половине XX в., включая примечательную историю 11-го отдельного кавалерийского полка и службы в нем казаков.

Наконец, 1960–1980-е гг. – это этап интенсивного растворения казачьих сообществ в массе населения Советского Союза, обусловленного высокой социальной мобильностью населения, продолжающейся урбанизацией, существенным сближением материально-бытовых условий горожан и селян. Однако процесс ассимиляции казаков так и не был завершен, поскольку в станицах все еще сохранялась преемственность поколений (и, тем самым, оставалось осознание казаками своей личности), а фольклорные коллективы, краеведы и деятели культуры пропагандировали культуру и историю казачества. В станицах Дона, Кубани и Терека народная память сохранила образы и душу казачьей культуры,

так что казаки никуда не делись. Во второй же половине 1980-х гг. стартовал процесс казачьего возрождения, и казаки вернулись на сцену истории, прежде всего, в лице послевоенных поколений [37, с. 128–147].

К настоящему времени издано существенное количество разнообразных исследований о положении и жизнедеятельности донских, кубанских, терских казаков в советский период их исторического пути. Проблематика развития казачьих сообществ в годы нэпа относится к числу наиболее освещенных в научной литературе. Еще в советской историографии подобные вопросы находили свое отражение в трудах ученых-историков. В постсоветский период внимание специалистов к обозначенной проблематике возросло, свидетельством чего является значительное количество научных работ и публицистики.

Приоритетным направлением в постсоветской историографии казачества периода нэпа являлось исследование общественно-политических и социальных процессов в станицах Дона, Кубани и Терека, в особенности – взаимоотношений казаков и большевиков, а также политики последних в отношении казачьих сообществ. Этому посвящены работы А.В. Аверьянова [1], А.В. Баранова [3], С.А. Кислицына [13], Т.В. Панковой-Козочкиной [26], Я.А. Перехова [29], А.П. Скорика [46], других авторов [10; 28]. Уделялось внимание специфике военной службы казаков в Красной армии [40]. Экономические процессы в станицах и особенности хозяйствования казаков в период нэпа в меньшей мере, но все же основательно, осмысливались в научной литературе [4; 15; 55].

Историографический анализ позволяет отнести к числу недостаточно освещенных вопросов следующие: степень сохранения в сознании казачества идей об автономном статусе их территорий в составе государства (степень устойчивости казачьего автономизма); специфика прохождения казаками службы в РККА в 1920-х гг., характер и особенности налагаемых на них ограничений в области военной службы; практика допризывной военной подготовки в станицах, сочетание в данной сфере досоветских традиций и советских новаций; трансформации материально-бытового уклада, культуры и менталитета казачества под влиянием советских иннова-

ций. Нуждается в дальнейшем освещении и социально-экономическое развитие казачьих станиц в период нэпа. Необходим анализ взаимоотношений казаков и иногородних, значительную часть которых на Юге России составляли выходцы с территорий малороссийских губерний Российской империи. Хорошо известно, что после Гражданской войны казаки и крестьяне поменялись местами: иногородние нередко третировали казаков, вымещая на них свои обиды за прошлое сословное неравенство и притеснения. Как фиксируют архивные источники, «вся обстановка станицы напоминает прежнюю “вольную казачью жизнь” и подчеркивает победу “мужика”, чумазо-иногороднего» [38, с. 115]. Но, по признанию сотрудников Кубанского оперсектора ОГПУ, целый Каневской район в 1924 г. считался антисоветским, равно как и некоторые другие районы Кубани.

Сегодня ощущается потребность в продолжении работы по выявлению конфликтных факторов в станицах, динамики взаимоотношений казаков и иногородних. Как показывают последние исследования, кампания «лицом к казачеству» подтолкнула казаков к ответному наступлению на иногородних, когда, например, казаки донской станицы Кочетовской в 1926 г. потребовали с местных иногородних арендную плату за землю начиная с 1919 года. Также надо разобраться в результативности классовой политики большевиков, нацеленной на расслоение казачьих сообществ и установление дружественных социальных отношений между бедняцко-средняцкими слоями казачества и крестьянства.

В отличие от периода нэпа, жизнедеятельность и положение южно-российского казачества в 1930-х гг. в советской историографии практически не рассматривались, особенно если говорить о сложных и неоднозначных временах коллективизации и раскулачивания. Ситуация изменилась в постсоветский период, причем исследователи акцентировали внимание на ранее табуированных проблемах, таких как репрессивно-карательные меры сталинского режима в отношении казаков и сопротивление последних государственному насилию в период «колхозного строительства». В частности, Е.Н. Осколков впервые проанализировал трагедию «чернодосочных» станиц

Дона и Кубани [25], а А.И. Козлов на основе архивных материалов ФСБ подробно описал процесс формирования и ликвидации тайной антибольшевистской казачьей организации А.С. Сенина – прототипа есаула Половцева из шолоховской «Поднятой целины» [16, с. 350–428]. Проводившиеся в 1930-х гг. репрессивные акции в отношении казачества освещались в монографии Г.Г. Матишова [23, с. 135–156]. В работах А.П. Скорика впервые в новейшей российской историографии представлена развернутая картина положения донских, кубанских, терских казаков в 1930-х гг., их взаимоотношений с коммунистическим режимом, жизнедеятельности и многообразных трансформаций сознания, культуры и быта в условиях колхозной системы [43; 45]. Противоречивое взаимодействие компартии и донского казачества в 1930-х гг. стало предметом исследования О.В. Рвачевой [32]. Обусловленные социалистической модернизацией изменения в быту, культуре, сознании казачества анализируются Т.С. Рудиченко и М.А. Рыбловой [34].

Хотя в научном осмыслении этапа казачьей истории 1930-х гг. уже достигнуты существенные результаты, историографический анализ свидетельствует о необходимости дальнейших изысканий. Недостаточно изучен ряд важных вопросов, среди которых – специфика, масштабы и удельный вес казачьих протестных акций во время коллективизации и раскулачивания (в частности, надо выяснить, насколько верна информация о так называемом антисоветском Тихорецком восстании кубанских казаков в 1932 г., распространенная в эмигрантской прессе, а ныне тиражируемая в Интернете); мотивы и начальные этапы кампании «за советское казачество»; особенности военной службы донских, кубанских, терских казаков в 1930-х гг. (здесь наименее изучен вопрос об административно-правовых ограничениях по службе, которые, по свидетельствам современников, были установлены большевиками и существовали в отношении казаков в 1920-х – первой половине 1930-х гг.). Нуждаются в приращении наши знания о хозяйственной деятельности казаков в условиях становления и укрепления колхозной системы, о методиках адаптации казачьих сообществ к этой системе. Требуется и далее ис-

следовать менталитет, культуру и повседневную жизнь казаков в условиях социалистической модернизации 1930-х годов.

В постсоветский период историографии всестороннее освещение получила тематика участия казаков в Великой Отечественной войне, основательно изучены вопросы участия казаков в боевых действиях в составе кавалерийских частей Красной армии [7; 8; 18]. Но трагическая судьба в начале войны постигла 6-й казачий кавалерийский корпус имени И.В. Сталина, а его полномасштабная история пока еще не исследована в должной мере. И здесь, отталкиваясь от обобщающих работ [20], надо идти глубже в осмыслении отдельных сюжетов. В постсоветский период стало возможным тщательно изучить проблему казачьего коллаборационизма, которой посвящен ряд исследований [11; 12; 17]. Тем самым, аргументированно можно говорить о наиболее полном освещении проблематики участия казачества в Великой Отечественной войне в научной литературе по сравнению с другими этапами советской истории казачества.

Напротив, исследователи практически не обращались к послевоенным десятилетиям истории казачьих сообществ Дона, Кубани, Терека, поскольку ошибочно полагали, что с 1950-х гг. казачество растворилось в массе колхозного крестьянства и исчезло как субэтническая (этнокультурная) группа и что в источниках послевоенного времени уже нельзя отыскать сколь-нибудь подробной информации о казаках. Лишь на протяжении ряда последних лет исследователи приступили к разработке указанной темы. В публикациях А.П. Скорика [39], М.А. Рыбловой [35; 36], В.А. Бондарева и Р.Г. Тикиджьяна [49], а также в монографии Г.Г. Матишова, О.С. Савельевой, Е.Ю. Слюниной [24] рассматриваются многообразные трансформации культуры, быта и сознания казаков на протяжении послевоенных десятилетий. Перечисленные новаторские работы продемонстрировали, что источники отнюдь не молчат о послевоенном казачестве и что задача научной реконструкции такого этапа истории казачества Юга России, как вторая половина 1940-х – 1980-е гг., вполне решаема, но ей нужно уделить дополнительное внимание. Многие еще предстоит сделать для выяснения глубины трансформаций религиозных

верований казаков в течение XX в., хотя здесь уже появились интересные наработки [30; 33].

В целом анализ историографии позволяет говорить о наличии ряда узловых вопросов советского этапа казачьей истории, неполно или фрагментарно освещенных в научной литературе:

- динамика взаимоотношений казаков и коммунистического режима, в том числе проблема рассказывания и показывания;

- социально-экономические процессы в казачьих станицах в советскую эпоху, специфика казачьего хозяйствования в до- и колхозный периоды;

- взаимоотношения казаков с неказачьим, многонациональным населением (в первую очередь с самой внушительной по численности и оказываемому влиянию группой малороссов) в условиях советской действительности;

- особенности военной службы казаков в Красной (Советской) армии;

- трансформация культуры и быта в казачьих станицах под влиянием советской модернизации и глобальных общецивилизационных сдвигов;

- проблема преемственности поколений в станицах, вопросы сохранения архетипов казачьей культуры и ментальности в течение советского периода;

- повседневная жизнь и многогранная деятельность казаков в послевоенном СССР второй половины 1940–1980-х годов.

Результаты. После обозначения наименее освещенных вопросов, аспектов и областей казачьей истории в советский период полагаем архиважным определить наиболее перспективные и актуальные направления научных изысканий.

Первое направление – выявление социальной сущности казачества с ключевыми проблемами соотношения свободы и порядка, консолидации и этничности. В настоящее время данный вопрос сильно мифологизирован, особенно некоторыми представителями казачества, уверенно проводящими этническую границу казаков с русским народом. Необходимо разрабатывать и отстаивать концепт, уже обозначенный в научной литературе, согласно которому казачество выступает как субэтническая группа русского народа [47,

с. 10–62], или часть русского народа, отличающаяся определенной культурной спецификой.

Второе направление – детальный анализ болезненной проблемы и трагической страницы в истории, очерчиваемой понятием «расказачивание». Историографический обзор свидетельствует о сохранении значительной поляризации оценок положения казачества в условиях советской действительности в изданиях советской эпохи, да и в публикациях постсоветского периода. Если советские ученые констатировали осуществление советской властью позитивных изменений в казачьих станицах, то с конца 1980-х гг. возобладали уже прямо противоположная тенденция.

Исторические реалии подтверждают процесс сложных взаимоотношений советского государства и казачества, но противоречат заявлениям о «геноциде». Такие заявления распространяют кратковременную (хотя, вне всякого сомнения, жестокую) практику репрессивного «расказачивания», осуществлявшегося красными на Дону (остальные казачьи регионы в основном занимали белые), в соответствии с циркулярным письмом ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. (почему-то упорно называемым «директивой»), на весь советский период. Или, скажем, депортацию терских казаков обозначают в течение трех лет, 1918–1921 гг., но фактически она проводилась летом – осенью 1918 г., и была сорвана восстанием терцев. Депортация повторилась в 1920 г.: опять выселения и восстания. Масса исторических нюансов и личных трагедий терских казаков, но к результатам расказачивания отнесли даже три станицы, население которых самостоятельно покинуло свои жилища. Тем самым, акцент делается на расказачивании, и при этом умалчивается об известных фактах масштабных проказачьих кампаний, которые проводились по распоряжению руководства компартии в середине 1920-х гг. и второй половине 1930-х годов. А терские казаки станицы Горячеводской в знак благодарности приняли И.В. Сталина в августе 1925 г., когда о культе личности речи еще не шло, в почетные казаки [41, с. 114]. И здесь надо отметить, что воплощению «теории геноцида» (поголовного расказачивания) противоречат в том числе данные оккупационной германской администрации. Так, в

1942 г. оккупанты провели перепись населения Тарасовского района Ростовской области и выяснили, что из 40 тыс. жителей свыше 24,2 тыс. являются казаками. Безусловно, фашистские идеологи в противовес широко известной политике расказачивания пытались противопоставить идею казачьего сопротивления большевистскому режиму и использовать протестный потенциал казачества, но казаки отчетливо понимали: одно дело выказывать недовольство властью, а совершенно другое – перейти в стан врага [43, с. 275].

Принципиально важно противостоять гипертрофизированным представлениям о масштабах репрессивного расказачивания. Не менее важно внимательно изучать периоды потепления отношений между властью и казачеством, парадигму показывания иногородней части населения казачьих регионов в советский период. В период 1920–1930-х гг. можно аргументированно фиксировать циклы репрессивной активности советского государства в отношении казачества [46, с. 109], которая, однако, не являлась геноцидом и не нацеливалась против всех казаков вообще, а лишь против «классово-чуждой» большевикам казачьей верхушки и «контрреволюционеров»; собственно, подобная же политическая практика существовала и в отношении всего российского крестьянства. Но репрессивная активность чередовалась с периодами мирного сосуществования казаков и большевиков, когда последние инициировали проказачьи политические акции. В особенности, необходимо дальнейшее изучение кампании «за советское казачество» второй половины 1930-х гг., чтобы подробнее установить причины, социальный инструментарий и результаты проказачьих мероприятий, равно как и отношение самих казаков к этим мероприятиям.

Третье направление – исследование военной службы казаков в раннесоветский период. Здесь необходимо концентрировать усилия на специфике прохождения казаками службы в РККА, характере и особенностях налагаемых на них административных ограничений в области военной службы (до середины 1930-х гг.), практике допризывной подготовки в станицах. Следует обратить внимание на стремление казаков к службе в кавалерийских частях. Важно проследить личностные

судьбы командиров РККА из числа казаков, которые становились кумирами казачьей молодежи в 1920–1930-х гг., как, например, генерал-лейтенант Тимофей Тимофеевич Шапкин, родом из донских казаков станицы Верхнекудрюченской. Из сибирских казаков происходил генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев. Полковник Сергей Ильич Горшков родился в верхнедонском хуторе Ольшанка станицы Урюпинской. Из казаков, защищавших свою Родину в советский период истории, вполне может быть сформирована когорта героев, которыми следует гордиться и в наши дни.

Четвертое направление – углубленный анализ социально-экономических процессов в казачьих станицах и хозяйственной деятельности казаков в советскую эпоху, в условиях господства колхозной системы. Специалисты правомерно констатируют «общее падение интереса к экономической истории» казачества в постсоветской историографии [53, с. 88]. Между тем исследование казачьего хозяйства в условиях советских трансформаций выходит за пределы экономической истории, ведь устойчивость хозяйственных практик казачества означала сохранение традиционного уклада жизни, а это, в свою очередь, способствовало прочности ментальности казачества и преемственности поколений. Обозначенный концепт доказывает в своей докторской диссертации Т.В. Панкова-Козочкина [27, с. 143–300], но таких исследований пока не достаточно.

Пятое направление – выявление преемственности поколений в казачьих станицах. Важно понять, как и в какой мере сохранялось у молодых казаков, выросших в условиях советской действительности, осознание принадлежности к казачьим сообществам? Каковы были взаимоотношения между казаками и неказаками при советской власти, в какой мере заявлял о себе казачий автономизм? Вопреки осуществленной большевиками десловизации, казачество сбереглось как этнокультурная общность, и в послевоенные десятилетия, несмотря на смену поколений в казачьих районах Юга России, казачья молодежь помнила о своем происхождении и прежнем особом статусе казачества, знала свою родословную до 4–5 колена, так что зачастую в разговоре прорывалось деление: «Этот –

наш, а этот – русский» [6, с. 132]. О сохранении особенного, станичного духа в начале 1950-х гг. писал в своем романе «Память земли» русский советский писатель В.Д. Фоменко, в сюжете об управленцах-выдвиженцах из числа казаков [51, с. 21]. Архетипы казачьей этнокультуры в конце 1980-х – начале 1990-х гг. собственно и стали основой казачьего возрождения, когда родовые казаки включились в процесс казачьей самоорганизации и выборов атаманов [37, с. 11, 14–15]. Поэтому надо внимательно изучать факторы и особенности преемственности поколений в станицах, социальной экспликации, эмоциональной выразительности, культуристорических конструктов казачества.

Шестое направление – гендерные исследования советского этапа казачьей истории, выявление динамики статуса полов в станицах. И хотя такие вопросы освещались в упомянутых работах Т.С. Рудиченко и М.А. Рыбловой, тематика казачьего гендера на Дону, Кубани и Тереке по-прежнему остается актуальной.

Итак, несмотря на достигнутые с конца 1980-х гг. заметные результаты в научном осмыслении советского этапа истории казачества, дальнейшие исследования остаются актуальными. И нас не могут не радовать возрождающиеся историографические традиции, например, возобновление издания «Терского сборника» (в 2021 г. вышел 6-й выпуск), хотя его приверженцы во главе с атаманом Минераловодского городского казачьего общества О.В. Губенко только подступают к советскому периоду в истории казачества. К настоящему времени важность изучения советского этапа истории казачества еще более возросла в связи с сохраняющейся мифологизацией и политизацией казачьего трудного прошлого. Поэтому нельзя не согласиться с известным историком-казаковедом А.В. Венковым, который подчеркивает: «Трагические страницы истории казачества необходимо исследовать и помнить о них, а если писать об этих трагических страницах, то делать это с большим тактом, не превращать исследование в полигон для антирусского глумления» [5, с. 289]. Всестороннее, тщательное и объективное освещение советского этапа казачьей истории позволит повысить результативность

борьбы с мифологизацией истории казачества и пресечь попытки превратить казаков в расходный материал для всяких манипуляторов, маргиналов и нечистоплотных дельцов от политики. Казачьей молодежи нужно помочь осмыслить трудное прошлое и, опираясь на архетипы казачьей этнокультуры, смело смотреть в будущее.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 21-09-43097 «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР). Донские казаки в СССР» (Г.Г. Матишов) и в рамках программы исследований НИИ ИКиРКР ЮРГПУ(НПИ) имени М.И. Платова на 2020–2025 годы (А.П. Скорик).

The publication was prepared within the framework of the RFBR grant no. 21-09-43097 “Soviet era: history and heritage (to the 100th anniversary of the formation of the USSR). Don Cossacks in the USSR” (G.G. Matishov) and as part of the research program of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of the Cossack Regions of the South Russian State Polytechnic University (Novocherkassk Polytechnic Institute) named after M.I. Platov for 2020–2025 (A.P. Skorik).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, А. В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. / А. В. Аверьянов. – Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2020. – 308 с.
2. Андреев, В. Восточные добровольцы / В. Андреев // Новая газета. – 1994 (6 дек.).
3. Баранов, А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.) / А. В. Баранов. – СПб. : Нестор, 1996. – 354 с.
4. Бондарев, В. А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России / В. А. Бондарев, Т. В. Панкова-Козочкина. – Новочеркасск : Лик, 2012. – 265 с.
5. Венков, А. В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» / А. В. Венков // Новое прошлое. – 2018. – № 1. – С. 275–290. – DOI: 10.23683/2500-3224-2018-1-275-290
6. Венков, А. В. Потомственные казаки и современное казачье движение на Юге России / А. В. Венков // Юг России: проблемы, прогнозы,

решения. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 128–142.

7. Воскобойников, Г. Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Г. Л. Воскобойников. – М. : Изд-во Российской киноvideокомпании, 1993. – 311 с.

8. Воскобойников, Г. Л. Советская конница в Великой Отечественной / Г. Л. Воскобойников. – М. : Вече, 2008. – 313 с.

9. Горюнов, П. М. О казачьем вопросе : (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа) / П. М. Горюнов. – Новочеркасск : ДОДН, 1925. – 32 с.

10. Демидова, А. Н. Рассказывание в Хоперском округе в 1918–1931 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Демидова Анна Николаевна. – Волгоград, 2002. – 148 с.

11. Дробязко, С. И. Восточные легионы и казачьи части в вермахте / С. И. Дробязко, А. Карашук. – М. : АСТ, 2000. – 55 с.

12. Дробязко, С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. / С. И. Дробязко. – М. : Эксмо, 2004. – 608 с.

13. Кислицын, С. А. Казаки и нэп / С. А. Кислицын // История донского казачества : коллектив. моногр. : в 3 т. Т. III. Донское казачество на переломе эпох (XX – начало XXI в.). – Ростов н/Д : Омега Паблицер, 2020. – С. 153–158.

14. Ключевский, В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1993. – 415 с.

15. Кожанов, А. П. Донское казачество в 20-х годах XX века / А. П. Кожанов. – Ростов н/Д : Донской издательский дом, 2005. – 292 с.

16. Козлов, А. И. М.А. Шолохов : Времена и Творчество. По архивам ФСБ / А. И. Козлов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 480 с.

17. Крикунов, П. Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным / П. Н. Крикунов. – М. : Яуза : Эксмо, 2005. – 608 с.

18. Кринко, Е. Ф. Создание кавалерийских соединений Красной армии на юге России и их судьба в годы Великой Отечественной войны / Е. Ф. Кринко // Русская старина. – 2014. – № 1. – С. 26–39.

19. Кром, М. М. Повседневность как предмет исторического исследования / М. М. Кром // История повседневности : сб. науч. работ. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2003. – С. 7–14.

20. Курков, Г. М. Кубанские и донские казачьи кавалерийские формирования в 1936–1945 гг. : историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук / Курков Геннадий Михайлович. – М., 2006. – 257 с.

21. Лысенко, Н. Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитичес-

кого исследования / Н. Н. Лысенко. – Ростов н/Д : Альтаир, 2017. – 633 с.

22. Масалов, А. Г. Движение за возрождение казачества: предпосылки и факторы возникновения, развития и институционализации / А. Г. Масалов // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. – С. 365–381.

23. Матишов, Г. Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории / Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 272 с.

24. Матишов, Г. Г. Цимлянская плотина: последний аккорд рассказывания на Дону / Г. Г. Матишов, О. С. Савельева, Е. Ю. Слюнина. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 216 с.

25. Осколков, Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты / Е. Н. Осколков // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1993. – № 1–2. – С. 3–23.

26. Панкова-Козочкина, Т. В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы / Т. В. Панкова-Козочкина. – Новочеркасск : Лик, 2014. – 308 с.

27. Панкова-Козочкина, Т. В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность : дис. ... д-ра ист. наук / Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна. – Волгоград, 2016. – 617 с.

28. Пантелеев, Е. В. Верхнедонские округа: проблемы социально-политического и экономического развития (1918–1927 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Пантелеев Евгений Васильевич. – Волгоград, 2005. – 24 с.

29. Перехов, Я. А. Власть и казачество: поиск согласия / Я. А. Перехов. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1997. – 178 с.

30. Пискунов, Н. В. Донецко-Донская и Кавказская епархия Древлеправославной церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию, в документах архивов Российской Федерации / Н. В. Пискунов, О. Ю. Редькина // Русский архив. – 2016. – № 2 (12). – С. 169–187.

31. План работы организационно-распределительного отдела ВКП(б). Т. I (1927 г.) // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 141. – 213 л.

32. Рвачева, О. В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. / О. В. Рвачева. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та управления – фил. РАНХиГС, 2017. – 232 с.

33. Ревин, И. А. Православный храм в исторической событийности донской станицы Каменской

/ И. А. Ревин, А. П. Скорик // История в подробностях. – 2011. – № 6 (12) (июнь). – С. 76–81.

34. Рудиченко, Т. С. Трансформации культуры казачества Юга России в XX в. / Т. С. Рудиченко, М. А. Рыблова // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. – С. 516–536.

35. Рыблова, М. А. Актуальные проблемы исследования традиционной культуры донских казаков в условиях социалистической модернизации: постановка проблемы / М. А. Рыблова // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технического развития южных регионов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – С. 287–289.

36. Рыблова, М. А. Традиционная культура донских казаков в период социалистической модернизации / М. А. Рыблова // Стрежень : науч. ежегод. Вып. 11 / под ред. М. М. Загорюлько. – Волгоград : Издатель, 2013. – С. 165–177.

37. Скорик, А. П. Атаманы и казаки Константиновского юрта в постсоветской России / А. П. Скорик. – М. : Древлехранилище, 2019. – 224 с.

38. Скорик, А. П. Верхне-донские округа и казачье землепользование по архивным документальным источникам в середине 1920-х гг. / А. П. Скорик // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : материалы одиннадцатой Междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. / под ред. С. Н. Лукаша, А. А. Цыбульниковой. – Армавир : ИП Шурыгин В.Е., 2018. – С. 111–115.

39. Скорик, А. П. Донское казачество в начале 1950-х гг. / А. П. Скорик // Вопросы истории. – 2013. – № 1. – С. 64–72.

40. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.

41. Скорик, А. П. Казак станицы Горячеводской: механизмы сталинской мифологии / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян // Родина. – 2010. – № 3. – С. 113–115.

42. Скорик, А. П. Казакия: постулаты, власть, практика / А. П. Скорик // История государства и права. – 2015. – № 6. – С. 58–64.

43. Скорик, А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности / А. П. Скорик. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 508 с.

44. Скорик, А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции / А. П. Скорик. – Новочеркасск : Лик, 2015. – 1184 с.

45. Скорик, А. П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы : Очерки истории / А. П. Скорик. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 344 с.

46. Скорик, А. П. Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы / А. П. Скорик // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Между-

народные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 102–115. – DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.9

47. Скорик, А. П. Этносоциальный адрес донцов. Научно-полемический дискурс / А. П. Скорик, А. А. Озеров. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 232 с.

48. Тезисы о работе прокурорского надзора в деревне (1925 г.) // ЦДНИРО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 33. – 188 л.

49. Тикиджьян, Р. Г. Этапы и тенденции социокультурной трансформации донского казачества (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.) / Р. Г. Тикиджьян, В. А. Бондарев // Научная мысль Кавказа. – 2019. – № 3. – С. 68–74. – DOI: 10.18522/2072-0181-2019-99-3-68-74

50. Трут, В. П. Об участии донского казачества в Великой Отечественной войне в 1941 году / В. П. Трут, А. И. Нарезный // Былые годы. – 2015. – № 36 (2). – С. 421–429.

51. Фоменко, В. Д. Память земли : Роман / В. Д. Фоменко. – М. : Худож. лит., 1966. – 311 с.

52. Чернопицкий, П. Г. Об одном историческом мифе / П. Г. Чернопицкий // Кубанское казачество: три века исторического пути : материалы Междунар. науч.-практ. конф., станица Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. / науч. ред.: В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев. – Краснодар : [б. и.], 1996. – С. 277–281.

53. Юрченко, И. Ю. Изучение казачества в новейшей отечественной историографии 1981–2012 гг. (библиометрия и статистический анализ) : Историография казачества. Книга вторая / И. Ю. Юрченко. – М. : МГУП, 2013. – 474 с.

54. Юрченко, И. Ю. Казачество в истории и историографии: новые сюжеты, подходы и методы изучения казаков на круглом столе в ЮФУ / И. Ю. Юрченко, Р. Арнольд // Новое прошлое. – 2020. – № 4. – С. 308–313.

55. Яхугль, Ю. А. Нэп и крестьянско-казачье хозяйство Советской России (на материалах Дона и Кубани) / Ю. А. Яхугль. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2020. – 234 с.

REFERENCES

1. Averyanov A.V. *Nacionalnaya politika na Donu, Kubani i Stavropolye v 1920–1930-e gg.* [National Politics in the Don, Kuban and Stavropol Regions in the 1920s–1930s]. Rostov-on-Don, Taganrog, Izd-vo YuFU, 2020. 308 p.

2. Andreev V. *Vostochnye dobrovolcy* [Eastern Volunteers]. *Novaja gazeta* [New Newspaper], 1994 (Dec. 6).

3. Baranov A.V. *Socialnoe i politicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza v usloviyah novoj*

ekonomicheskoy politiki (1921–1929 gg.) [Social and Political Development of the North Caucasus in the Context of the New Economic Policy (1921–1929)]. Saint Petersburg, Nestor Publ., 1996. 354 p.

4. Bondarev V.A., Pankova-Kozochkina T.V. *Kazachye-krestyanskoe hozyajstvo epohi nepa: problemy modernizacii agrarnyh odnoshenij na Yuge Rossii* [Cossack-Peasant Economy of the NEP Era: Problems of Modernization of Agrarian Relations in the South of Russia]. Novocherkassk, Lik Publ., 2012. 265 p.

5. Venkov A.V. Genocid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazackogo naroda» [Genocide, Holodomor and Other Horrors in the History of the “Cossack People”]. *Novoye proshloye* [New Past], 2018, no. 1, pp. 275–290. DOI: 10.23683/2500-3224-2018-1-275-290

6. Venkov A.V. Potomstvennye kazaki i sovremennoe kazachye dvizhenie na Yuge Rossii [Hereditary Cossacks and the Modern Cossack Movement in the South of Russia]. *Yug Rossii: problemy, prognozy, resheniya* [South of Russia: Problems, Forecasts, Solutions]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2010, pp. 128–142.

7. Voskobojnikov G.L. *Kazachestvo i kavaleriya v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg.* [Cossacks and Cavalry During the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Izd-vo Rossiyskoy kinovideokompanii, 1993. 311 p.

8. Voskobojnikov G.L. *Sovetskaja konnica v Velikoy Otechestvennoj* [Soviet Cavalry in the Great Patriotic War]. Moscow, Veche Publ., 2008. 313 p.

9. Gorjunov P.M. *O kazachyem voprose: (Iz nabljudenij i opyta raboty po Ejskomu rajonu Donskogo okruga)* [About the Cossack Question (From Observations and Work Experience in the Yeisk District of the Don Circuit)]. Novocherkassk, DODN Publ., 1925. 32 p.

10. Demidova A.N. *Raskazachivanie v Hoperskom okruge v 1918–1931 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [De-Cossackization in the Khopersky Circuit in 1918–1931. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2002. 148 p.

11. Drobjazko S.I., Karashchuk A. *Vostochnye legiony i kazachyi chasti v vermahte* [Eastern Legions and Cossack Units in the Wehrmacht]. Moscow, AST Publ., 2000. 55 p.

12. Drobjazko S.I. *Pod znamenami vraga. Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskih vooruzhennyh sil. 1941–1945 gg.* [Under the Banners of the Enemy. Anti-Soviet Formations in the German Armed Forces. 1941–1945]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 608 p.

13. Kislicyn S.A. Kazaki i nep [Cossacks and NEP]. *Istoriya donskogo kazachestva: kollektiv. monogr.: v 3 t. T. III. Donskoe kazachestvo na perelome epoh (XX – nachalo XXI v.)* [The History of the Don

Cossacks. Collective Monograph in 3 Vols. Vol. 3. Don Cossacks at the Turning Point of Epochs (20th– Early 21st Century)]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2020, pp. 153–158.

14. Klyuchevskiy V.O. *Aforizmy. Istoricheskiye portrety i etyudy. Dnevniky* [Aphorisms. Historical Portraits and Studies. Diaries]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 415 p.

15. Kozhanov A.P. *Donskoe kazachestvo v 20-h godah XX veka* [Don Cossacks in the 20s of the 20th Century]. Rostov-on-Don, Donskoj izdatelskij dom, 2005. 292 p.

16. Kozlov A.I. *M.A. Sholohov: Vremena i Tvorchestvo. Po arhivam FSB* [M.A. Sholokhov: Times and Creativity. According to the FSB Archives]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 2005. 480 p.

17. Krikunov P.N. *Kazaki. Mezhdru Gitlerom i Stalinym* [Cossacks. Between Hitler and Stalin]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 608 p.

18. Krinko E.F. Sozdanie kavalerijskih soedinenij Krasnoj armii na juge Rossii i ih sudba v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Creation of Cavalry Formations of the Red Army in the South of Russia and Their Fate During the Great Patriotic War]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 2014, no. 1, pp. 26–39.

19. Krom M.M. Povsednevnost kak predmet istoricheskogo issledovaniya [Everyday Life as a Subject of Historical Research]. *Istoriya povsednevnosti: sb. nauch. rabot* [The History of Everyday Life. Collection of Scientific Papers]. Saint Petersburg, Izd-vo Yevrop. un-ta v Sankt-Peterburge, Aleteyya, 2003, pp. 7–14.

20. Kurkov G.M. *Kubanskiye i donskiye kazachyi kavaleriyskiye formirovaniya v 1936–1945 gg.: istoricheskoye issledovaniye: dis. ... kand. ist. nauk* [Kuban and Don Cossack Cavalry Formations in 1936–1945: A Historical Study. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2006. 257 p.

21. Lysenko N.N. *Genocid kazakov v Sovetskoj Rossii i SSSR: 1918–1933 gg. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya* [The Genocide of the Cossacks in Soviet Russia and the USSR: 1918–1933. Experience of Ethnopolitical Research]. Rostov-on-Don, Altair LLC Publ., 2017. 633 p.

22. Masalov A.G., Matishov G.G., Tyumentsev I.O., eds. *Dvizhenie za vozrozhdenie kazachestva: predposylki i faktory vzniknoveniya, razvitiya i institucionalizacii* [The Movement for the Revival of the Cossacks: Prerequisites and Factors of Emergence, Development and Institutionalization]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. RANKhiGS, 2014, pp. 365–381.

23. Matishov G.G. *Donskie kazaki: ot opory samoderzhavija do zhertv bolshevizma (XVIII–XX vv.)*

Zametki na poljah istorii [Don Cossacks: From the Support of Autocracy to the Victims of Bolshevism (18th–20th Centuries). Notes on the Margins of History]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2013. 272 p.

24. Matishov G.G., Savelyeva O.S., Slyunina E.Yu. *Cimljanskaja plotina: poslednij akkord raskazachivaniya na Donu* [The Tsymlyanskaya Dam: The Final Chord of Decossackization in the Don Region]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2019. 216 p.

25. Oskolkov Ye.N. Tragediya «chernodosochnykh» stanits: dokumenty i fakty [The Tragedy of the “Chernodosochny” Cossack Villages: Documents and Facts]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series], 1993, no. 1-2, pp. 3-23.

26. Pankova-Kozochkina T.V. *Kazachye-krestyanskoye samoupravleniye epokhi nepa: problemy modernizatsii vlastnykh otnosheniy na Yuge Rossii v 1920-ye gody* [Cossack-Peasant Self-Government of the NEP Era: Problems of Modernization of Power Relations in the South of Russia in the 1920s]. Novocherkassk, Lik Publ., 2014. 308 p.

27. Pankova-Kozochkina T.V. *Kazaki i krestyane Yuga Rossii v 1920-kh godakh: sotsialno-politicheskaya zhizn i khozyaystvenno-ekonomicheskaya deyatelnost: dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossacks and Peasants of the South of Russia in the 1920s: Socio-Political Life and Economic Activity. Dr. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2016. 617 p.

28. Panteleev E.V. *Verkhnedonskie okruga: problemy socialno-politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya (1918–1927 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Verkhnedonsky Districts: Problems of Socio-Political and Economic Development (1918–1927). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2005. 24 p.

29. Perekhov Ya.A. *Vlast i kazachestvo: poisk soglasiya* [Power and Cossacks: The Search for Consent]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1997. 178 p.

30. Piskunov N.V., Redkina O.Yu. Donetsko-Donskaya i Kavkazskaya yeparkhiya Drevlepravoslavnoy tserkvi, priyemlyushchey Belokrinitskuyu iyerarkhiyu, v dokumentakh arkhivov Rossiyskoy Federatsii [Donetsk-Don and Caucasian Eparchy of the Old Orthodox Church, Accepting the Belokrinitsky Hierarchy. In the Documents of the Archives of the Russian Federation]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive], 2016, no. 2 (12), pp. 169-187.

31. Plan raboty organizacionno-raspredelitel'nogo otdela VKP(b). T. I (1927 g.) [Work Plan of the Organizational and Distribution Department of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Vol. 1 (1927)]. *Centr dokumentatsii novejshey istorii Rostovskoy oblasti (CDNIRO)* [Center for

Documentation of the Modern History of the Rostov Region], col. 5, inv. 1, no. 141. 213 l.

32. Rvacheva O.V. *Politika partijno-sovetskih organov i socialno-politicheskie nastroyeniya donskogo kazachestva v period socialisticheskoy modernizatsii 1920–1940 gg.* [The Policy of the Party-Soviet Bodies and the Socio-Political Sentiments of the Don Cossacks during the Period of Socialist Modernization of 1920–1940]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. in-ta upravleniya – fil. RANKhiGS, 2017. 232 p.

33. Revin I. A., Skorik A.P. Pravoslavnyy khram v istoricheskoy sobytiynosti donskoy stanitsy Kamenskoy [Orthodox Church in the Historical Eventfulness of the Don Village of Kamenskaya]. *Istoriya v podrobnostyakh* [History in Detail], 2011, no. 6 (12), pp. 76-81.

34. Rudichenko T.S., Ryblova M.A. Transformatsii kultury kazachestva Juga Rossii v XX v. [Transformations of the Culture of the Cossacks of the South of Russia in the 20th Century]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. RANKhiGS, 2014, pp. 516-536.

35. Ryblova M.A. Aktualnye problemy issledovaniya tradicionnoy kultury donskikh kazakov v usloviyakh socialisticheskoy modernizatsii: postanovka problemy [Actual Problems of the Study of the Traditional Culture of the Don Cossacks in the Conditions of Socialist Modernization: Statement of the Problem]. *Problemy i perspektivy socialno-ekonomicheskogo i nauchno-tekhnicheskogo razvitiya yuzhnykh regionov* [Problems and Prospects of Socio-Economic, Scientific and Technical Development of the Southern Regions]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2009, pp. 287-289.

36. Ryblova M.A. Traditsionnaya kultura donskikh kazakov v period sotsialisticheskoy modernizatsii [Traditional Culture of the Don Cossacks During the Period of Socialist Modernization]. Zagorulko M.M., ed. *Strezhen: nauch. yezhegod. lyp. 11* [Strezhen: Scientific Yearbook. Iss. 11]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013, pp. 165-177.

37. Skorik A.P. *Atamany i kazaki Konstantinovskogo yurta v postsovetskoy Rossii* [Atamans and Cossacks of the Konstantinovskiy Yurt in Post-Soviet Russia]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2019. 224 p.

38. Skorik A.P. Verkhne-donskiye okruga i kazachye zemlepolzovaniye po arkhivnym dokumentalnym istochnikam v seredine 1920-kh gg. [Upper-Don Curcuits and Cossack Land Use According to Archival Documentary Sources in the Mid-1920s]. *Iz istorii i kultury lineynogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy odinnadtsatoy Mezhdunar. Kubansko-Terskoy nauch.-prakt. konf.*

[From the History and Culture of the Linear Cossacks of the North Caucasus: Proceedings of the Eleventh International Kuban-Terek Scientific and Practical Conference]. Armavir, IP Shurygin V.Ye. Publ., 2018, pp. 111-115.

39. Skorik A.P. Donskoe kazachestvo v nachale 1950-h gg. [The Don Cossacks in the Early 1950s]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2013, no. 1, pp. 64-72.

40. Skorik A.P., Tikidzhyan R.G. *Doncy v 1920-h godah: ocherki istorii* [Donets in the 1920s: Essays on History]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2010. 244 p.

41. Skorik A.P., Tikidzhyan R.G. Kazak stanitsy Goryachevodskoy: mekhanizmy stalinskoj mifologii [Cossack of the Village of Goryachevodskaya: Mechanisms of Stalinist Mythology]. *Rodina* [Motherland], 2010, no. 3, pp. 113-115.

42. Skorik A.P. Kazakija: postulaty, vlast, praktika [Cossacks: Postulates, Power, Practice]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2015, no. 6, pp. 58-64.

43. Skorik A.P. *Kazachiy Yug Rossii v 1930-ye gody: grani istoricheskikh sudeb sotsialnoy obshchnosti* [Cossack South of Russia in the 1930s: Facets of the Historical Destinies of a Social Community]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2009. 508 p.

44. Skorik A.P. *Milyutinskiy kazachiy yurt: opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Milyutinsky Cossack Yurt: Experience of Historical Reconstruction]. Novocherkassk, Lik Publ., 2015. 1184 p.

45. Skorik A.P. *Mnogolikost kazachestva Yuga Rossii v 1930-ye gody: Ocherki istorii* [The Diversity of the Cossacks of the Russian South in the 1930s. Essays on History]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2008. 344 p.

46. Skorik A.P. Raskazachivanie kak politika i socialnyj process na Donu v 1920-e gody [Raskazachivanie as a Policy and Social Process in the Don Region in the 1920s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 102-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.9>

47. Skorik A.P., Ozerov A.A. *Etnosotsialnyy adres dontsov. Nauchno-polemicheskiy diskurs* [Ethnosocial Address of the Don People. Scientific and Polemical Discourse]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh, 2005. 232 p.

48. Tezisy o rabote prokurorskogo nadzora v derevne (1925 g.) [Theses on the Work of the

Prosecutor's Supervision in the Village (1925)]. *Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (CDNIRO)* [Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region], col. 5, op. 1, no. 33. 188 l.

49. Tikidzhjan R.G., Bondarev V.A. Etapy i tendencii sociokulturnoj transformacii donskogo kazachestva (vtoraja polovina 1940-h – seredina 1980-h gg.) [Stages and Trends of Socio-Cultural Transformation of the Don Cossacks (Second Half of the 1940s – Mid-1980s)]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2019, no. 3, pp. 68-74. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-99-3-68-74

50. Trut V.P., Narezhnyj A.I. Ob uchastii donskogo kazachestva v Velikoj Otechestvennoj vojne v 1941 godu [About the Participation of the Don Cossacks in the Great Patriotic War in 1941]. *Bylyye gody* [Bygone Years], 2015, no. 36 (2), pp. 421-429.

51. Fomenko V.D. *Pamyat zemli: Roman* [Memory of the Earth. Novel]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1966. 311 p.

52. Chernopitsky P.G., Ratushnyak V.N., Shchetnev V.Ye., eds. Ob odnom istoricheskom mife [About one Historical Myth]. *Kubanskoye kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., stanitsa Poltavskaya Krasnodarskogo kraja, 23–27 sentyabrya 1996 g.* [Kuban Cossacks: Three Centuries of Historical Path. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, the Village of Poltavskaya, Krasnodar Territory, September 23–27, 1996]. Krasnodar, 1996. pp. 277-281.

53. Jurchenko I.Ju. *Izuchenie kazachestva v novejshej otechestvennoj istoriografii 1981–2012 gg. (bibliometrija i statisticheskij analiz): Istoriografiya kazachestva. Kniga vtoraya* [The Study of the Cossacks in the Latest Russian Historiography Between 1981–2012. (Bibliometry and Statistical Analysis): Historiography of the Cossacks. The Second Book]. Moscow, MGUP Publ., 2013. 474 p.

54. Yurchenko I.Yu., Arnold R. Kazachestvo v istorii i istoriografii: novyye syuzhety, podkhody i metody izucheniya kazakov na kruglom stole v YuFU [Cossacks in History and Historiography: New Plots, Approaches and Methods for Studying the Cossacks at the Round Table in SFU]. *Novoye proshloye* [New Past], 2020, no. 4, pp. 308-313.

55. Yakhutl Yu.A. *Nep i krestyansko-kazachye hozyajstvo Sovetskoj Rossii (na materialah Dona i Kubani)* [NEP and Peasant-Cossack Economy of Soviet Russia (Based on the Materials of the Don and Kuban Regions)]. Krasnodar, Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 2020. 234 p.

Information About the Authors

Alexander P. Skorik, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor, Department of Social and Human Sciences, Platov South-Russian State Polytechnic University, Prosveshcheniya St, 132, 345428 Novocherkassk, Russian Federation, s_a_p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Vitaly A. Bondarev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University, Gagarin Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, vitalijj-bondarev27@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4558-3564>

Gennady G. Matishov, Doctor of Sciences (Geography), Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Adviser, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4430-5220>

Информация об авторах

Александр Павлович Скорик, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 345428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, s_a_p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Виталий Александрович Бондарев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии, Донской государственный технический университет, пл. Гагарина 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vitalijj-bondarev27@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4558-3564>

Геннадий Григорьевич Матишов, доктор географических наук, академик РАН, научный руководитель, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4430-5220>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.18>

UDC 94(470.45)«1942»:355.4
LBC 63.3(2Poc-4Bor)622,11

Submitted: 01.07.2022
Accepted: 05.09.2022

RECONSTRUCTION OF THE FIRST BATTLES FOR THE CENTRAL RAILWAY STATION OF STALINGRAD ON SEPTEMBER 14–15, 1942 ¹

Alexandra K. Elokhina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. Traditionally the notion of fighting for the central station is based on the memories (in different variations) of Senior Lieutenant A.K. Dragan, who is considered commander of the 1st Company of the 1st Battalion of Z. Chervyakov (sometimes A.K. Dragan is described as commander of the machine-gun company). The problem is that most likely the company commander was Filin, not A.K. Dragan. A.K. Dragan as one of the few survivors of the hardest battles left very important, but extremely subjective memories, which in addition are available to us in someone else's interpretation (V.I. Chuikov or M.G. Vainrub). These memories have become the dominant narrative. Our task is to try to reconstruct the events surrounding the station on the basis of the maximum number of sources, though not reliable, but the only ones. *Methods and materials.* The article is written in the context of microhistorical methodology, understanding this term in the Italian rather than German research sense. We will be interested in a limited number of people in a limited territory at a specific time. We will pay special attention to the place in which the events took place; in this sense microhistory should connect with topography. *Analysis.* The very location of the station made it a key object in this part of the city. Located at the intersection of the city tracks from north to south (Kommunisticheskaya St.) and from west to east (Kubanskaya St.) the station has never been empty; it always housed some of the Red Army troops. *Results.* An analysis of the fighting of the 1st Battalion of the 42nd Guards Regiment from the evening of 14 to 15 September allows us to answer a number of important questions. The reinforced battalion of Z.P. Chervyakov, as the advance unit of the division, was able to take advantage of the effect of surprise and immediately break through to the "Zapolotnovsky" district and seize the station building. However, subsequent events showed that Z.P. Chervyakov's battalion had broken through too far. The 1st Battalion of Z.P. Chervyakov, which captured the central station in the morning of 15 September, was cut off from the main forces of the 42nd Guards Regiment, which had entrenched in the "too distant" station. Due to the large volume of archival materials, the authors performed the following tasks: A.K. Elokhina processed the German sources, and E.V. Stelnik – data from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The concept of the article emerged in the course of joint discussions.

Key words: Stalingrad, station, Department Store, 13th Guards Rifle Division, 71st Infantry Division, 1st Battalion, F.G. Fedoseyev.

Citation. Elokhina A.K., Stelnik E.V. Reconstruction of the First Battles for the Central Railway Station of Stalingrad on September 14–15, 1942. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 237-253. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.18>

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРВЫХ БОЕВ ЗА ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ ГОРОДА СТАЛИНГРАДА 14–15 СЕНТЯБРЯ 1942 ГОДА¹

Александра Константиновна Елохина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Современные представления о событиях вокруг сталинградского центрального вокзала основываются преимущественно на послевоенных воспоминаниях участников (как правило, высших командиров) и их литературных редакторов. Проблему сталинградских воспоминаний усугубляют документы 13-й гвардейской дивизии и 42-го гвардейского полка. Журналы боевых действий дивизии и полка носят явный литературный характер и составлены постфактум (скорее всего, зимой 1943 г.), и скорее умалчивают, чем рассказывают о боевых действиях в центре города. Данные фрагментарны. То же касается немецкой стороны. Документы 71-й пехотной дивизии сгорели в огне бомбежек союзников, нам доступны лишь отрывочные данные воспоминаний ветеранов дивизии и журнал боевых действий 6-й полевой армии. Поэтому история боев за вокзал является важной, но до сих пор остается неизвестной. Традиционно представление о боях за вокзал базируется на воспоминаниях (в разных вариациях) старшего лейтенанта А.К. Драгана, которого считают командиром 1-й роты 1-го батальона 3. Червякова (иногда А.К. Драган описывается как командир роты автоматчиков). Проблема заключается в том, что скорее всего командиром роты был Филин, а не А.К. Драган. А.К. Драган как один из немногих выживших в тяжелейших боях оставил очень важные, но крайне субъективные воспоминания, которые к тому же нам доступны в чужой интерпретации (В.И. Чуйкова или М.Г. Вайнруба). Эти воспоминания стали господствующим нарративом. Нашей задачей является попытка реконструкции событий вокруг вокзала на основе максимального количества источников, хоть и не надежных, но единственных. В связи с большим объемом архивных материалов авторы выполняли следующие задачи: А.К. Елохина обрабатывала немецкие источники, а Е.В. Стельник – данные Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Концепция статьи возникла в ходе совместных обсуждений.

Ключевые слова: Сталинград, вокзал, Универмаг, 13-я гвардейская дивизия, 71-я пехотная дивизия, 1-й батальон, Ф.Г. Федосеев.

Цитирование. Елохина А. К., Стельник Е. В. Реконструкция первых боев за центральный железнодорожный вокзал города Сталинграда 14–15 сентября 1942 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 237–253. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.18>

Введение. Топография города превратила здание центрального (пассажирского) вокзала Сталинграда в ключевой объект в центральной части города. Железнодорожные пути (эти пути соединяли Грязе-Царицынскую железную дорогу (1871 г.) и Владикавказскую железную дорогу (1899 г.) в единую сеть) [48, с. 163], постепенно переходящие в насыпь, делили город на две примерно равные части: центр – Ерманский район, располагающийся на берегу реки Волги, и «заполотновскую» часть (Дзержинский район), находящуюся се-

веро-западнее, за полотном железной дороги. Последним поездом, прошедшим по этим путям, был 73-й отдельный бронепоезд войск НКВД, который утром 12 сентября вел огонь по противнику недалеко от вокзала, а после обнаружения его авиацией ушел на станцию Банная в район Мамаева кургана [18, с. 155].

Важно обратить внимание, что «заполотновская» часть города находится значительно выше центра (советский архитектор А.Е. Пожарский писал о террасно-ярусной организации Сталинграда) [40, с. 15]. В райо-

не вокзала северо-западная часть города заканчивалась обрывистым склоном (перепад высот 10 м и больше), а улицы, ведущие в центральную часть, имели значительный уклон к реке Волге (улицы Двинская, Волховская, Невская, Чапаевская, Кубанская)². Самые высокие точки «заполотновской» части города находились в районе «нового» кладбища (высота 112) и Авиагородка (аэродром «Школьный»). Чтобы добраться от этого района до вокзала нужно было «спускаться» по нескольким прямым улицам (улицы Двинская, Историческая, Невская) чуть более трех километров.

При этом «заполотновская» часть преимущественно состояла из одноэтажных деревянных домов частного сектора. Капитальных, крепких кирпичных зданий было совсем не много. Это кирпичные дома в Авиагородке, училище связи на улице Исторической, Красные казармы на улице Днепростроевской, школа на Карской улице, школа железнодорожников в парке на Чапаевской, бывший Свято-Духов (Илиодоров) монастырь, 3-й дом Советов на Ладожской улице, храм Сергия Радонежского и Винный завод на ул. Пархоменко.

Еще одной важной особенностью этой части Сталинграда были овраги. Сам район с северо-востока ограничен оврагом Долгий у склонов Мамаева кургана, а с юга-запада — широкой поймой реки Царица (Пионерка). Несколько оврагов (Крутой, «Раздвоенный» овраг и др.) пересекали «заполотновский» район в разных направлениях, что серьезно влияло на направления передвижения, и позже превратило улицу Кубанскую в главную артерию по снабжению немецкой 71-й пехотной дивизии в городе.

Здание железнодорожного вокзала (Сталинград I) находилось на «границе» центральной и «заполотновской» части города. Центральная часть вокзала была построена из красного кирпича в 1871 г., но после этого достраивалась в 1931 году. К 1942 г. вокзал представлял собой массивное, крепкое [30, с. 12], двух-трехэтажное здание, состоящее из трех частей: центральная часть, южный флигель и северный флигель. У здания был большой подвал, что станет очень важным преимуществом при массированных ударах немецкой авиации.

Немаловажную роль сыграла железнодорожная насыпь, идущая от вокзала до железнодорожного моста через реку Царицу. Она существенно возвышалась на местности и через нее, в центре города, было всего два прохода: путепровод на улице Кубанской (левее вокзала) и путепровод на улице Краснознаменной (ближе к р. Царице) (в документах и литературе эти путепроводы туннельного типа часто называют акведуками, это не верно, хотя и звучит красиво: акведуком скорее был железнодорожный мост через р. Царицу). Контроль над этими проходами гарантированно блокировал пути для бронетехники в центр. Нужно обратить внимание, что еще в конце августа решением городского комитета обороны железнодорожные пути были заблокированы составами. После 30 августа в Ерманском районе стали спешно возводить баррикады, которые перекрыли большую часть улиц, ведущих от вокзала к Волге. Всего было возведено 28 баррикад в центре. Баррикада на улице Островского закончена 12 сентября, строили ее бойцы местной противовоздушной обороны (МПВО) [9, с. 45–46].

За вокзалом находилась привокзальная площадь с фонтаном «Бармалей» и небольшим садом. За площадью располагались кварталы центральной части города с большими и крепкими домами (дом Коммунальщиков, жилой дом Просвещения, завод «Красная застава» (проволочный завод братьев Серебряковых) в боевых приказах и сводках сентября получит название «Гвоздильный завод»). Вокзал и эти здания представляли собой единый комплекс, который блокирует любое продвижение в глубь центральной части города, к Универмагу и площади Павших борцов и далее к центральной переправе Сталинграда.

Само расположение вокзала превращало его в ключевой объект в этой части города. Находясь на пересечении городских путей с севера на юг (ул. Коммунистическая) и с запада на восток (ул. Кубанская), вокзал никогда не пустовал, в нем всегда располагались какие-нибудь войска РККА. Так, вечером 12 сентября только что назначенный командующий 62-й армии В.И. Чуйков в поисках своего штаба проезжал по привокзальной площади, где встретил комиссара саперной части (скорее всего, комиссар был из 84-го стро-

ительно-путевого батальона, который еще сыграет свою важную роль в обороне вокзала), который и показал дорогу до Мамаева кургана [50, с. 126]. 14 сентября на привокзальной площади окажутся поврежденные танки 13-го танкового корпуса (64-й армии), которые тащили через весь город на ремонт на Тракторный завод [29, л. 81–82].

Если говорить о самом центре Сталинграда (район партийных зданий, как его в сентябре будут называть немцы), то он отличался бессистемностью и бесплановостью застройки [40, с. 14; 30, с. 93]. Строительный бум 30-х гг. смешал старые царицынские здания с новыми советскими. Новые большие крепкие здания, старые промышленные предприятия были расположены случайно. Яркий пример – завод «Красная застава» («Гвоздильный завод») – находился на центральной улице города (улице Гоголя [30, с. 92]). Трудности будет представлять путанная сеть улиц кварталов, находящихся за вокзалом в треугольнике улиц Коммунистическая – Островского – Курская. Эти ломанные улицы – наследие Преображенской слободы старого Царицына [30, с. 10]. В этом смысле хаотичный бой, о котором пишет Дэвид Гланц [52, р. 139], в центре города во многом объясняется хаотичной застройкой Ерманского района.

Рано утром 24 августа 1942 г. вокзал впервые бомбила немецкая авиация. Это были Хенкели 111 (He-111H) первой боевой группы 100-й бомбардировочной эскадры «Викинг» (I/KG 100) майора Вернера Хоффнера, которые сбросили на вокзал и железнодорожные пути 500- и 1000-килограммовые бомбы [13, с. 136]. Здание вокзала получило серьезные повреждения, лишилось крыши и загорелось. Выгорели все станционные сооружения, склады, депо и железнодорожные составы [38, с. 34]. Пожар охватил всю улицу Гоголя, здание Интуриста и шестиэтажное здание «Кафетерия».

В 17:24–18:30 Хенкили майора Вернера Хоффнера еще раз бомбили район вокзала [13, с. 136]. Утром следующего дня боевая группа повторила налеты на вокзал. По немецким самолетам над городом, как вспоминал гауптман Ханс Бёхтер, активно вела огонь зенитная артиллерия [13, с. 136].

Несмотря на массированные бомбежки 24, 25, 30 августа и 2 сентября вокзал устоял,

хотя и серьезно пострадал от тяжелых авиабомб и огня. Массивное здание вокзала превратилось в сожженном городе в одну из самых ценных построек. Прикрытый от «заполотновской» части железнодорожными составами, с очень крепкими стенами и безопасным большим подвалом, вокзал приобрел исключительно важное оперативное значение для противобойствующих сторон. Уже 14 сентября за здание вокзала развернулось упорное и жестокое сражение.

Методы и материалы. Статья написана в контексте микроисторической методологии, понимая этот термин скорее в итальянском [12], чем немецком [28] исследовательском смысле. Нас будет интересовать ограниченное количество людей на ограниченной территории в конкретное время. Особое внимание мы будем уделять месту, на котором происходили события, в этом смысле микроистория должна соединиться с топографией.

Действия частей РККА реконструируются на основе документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, которые стали легкодоступными благодаря проекту «Память Народа». Это источники различного оперативного уровня. На уровне армии – документы, обобщающие сведения о ведущихся боевых действиях, на уровне дивизии / корпуса – это сведения о конкретных боевых эпизодах. Действия частей Вермахта описываются на основе трофейных немецких документов фонда 500 Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Попытки реконструкции боев за центральный вокзал Сталинграда уже предпринимались в отечественной историографии. Удачную и продуктивную попытку представляет собой глава книги Е. Кобякова под названием «Центральный вокзал» [25, с. 95–131]. Наша статья – это в какой-то степени попытка продолжить работу в этом направлении. Неудачную и непродуктивную попытку представляет собой статья Н.А. Болотова «Уличные бои в Сталинграде в конце августа – сентябре 1942 года» [7, с. 173–181], в которой присутствуют фактические ошибки (к примеру, на вокзал у автора наступала «76-я дивизия (командир генерал-лейтенант А. Максимилиан)», усиленная 200 танками [7, с. 176]).

Анализ. Потеряв к концу 13 сентября Авиагородок и южную часть кладбища (высота 112.2), 62-я армия оказалась в трагическом положении. 12 сентября погибли в полном составе батальон 91-го стрелкового полка 244-й дивизии и батальон 10-й стрелковой бригады. Внимание командования РККА было направлено на этот участок [22, л. 44–45]. 38-я мотострелковая бригада полковника И.Д. Бурмакова после тяжелого боя за аэродром «Школьный» была вынуждена отойти в рошу северо-западнее отметки 98.8, и направление на центр города прикрывали всего 3 танка Т-34 6-й танковой бригады подполковника С.А. Хопко. Танковая бригада весь день вела кровопролитный бой и за 13 сентября потеряла 13 танков и 120 бойцов убитыми и ранеными [35, л. 22], но к 18:00 все еще удерживала несколько кирпичных строений в южной части Авиагородка. Вечером на угрожающее направление командование 62-й армии перебросило свой последний резерв – сводный 1345-й стрелковый полк 399-й стрелковой дивизии, который сходу вступил в бой за здания на окраине города [35, л. 22]. До этого с 12 сентября сводный полк выполнял роль «подвижного резерва» армии, хотя и не был моторизован. Полк был собран из остатков разбитых частей и тыловых подразделений и должен был иметь численность до 600 человек [27, л. 351; 21, л. 41] и выполнял роль своеобразной «пожарной команды». Так, рано утром 12 сентября полк под управлением майора Жукова в составе 500 человек контратаковал район кожевенного завода навстречу полку 422-й сд с целью удержать за собой шоссе [22, л. 43], а вечером уже отбивал атаки противника на западных окраинах района Баррикад [15, л. 36].

Ситуацию в районе городского кладбища (отметка 112.2) удалось временно стабилизировать вводом в бой 3-го батальона 270-го стрелкового полка НКВД, который опирался на организованную оборону среди оврагов. Это обстоятельство помогло приостановить продвижение 191-го пехотного полка 71-й пехотной дивизии А. фон Гартманна.

Войск катастрофически не хватало. От оврага Долгий на севере до «Раздваивающегося» оврага на юге оборону занимали немногочисленные и ослабленные части (6-й танковой бригады, 1345-го стрелкового полка,

батальоны 269-го и 270-го стрелковых полков 10-й дивизии НКВД), которые не были в силах сдержать неизбежное наступление 71-й пехотной дивизии Вермахта.

В.И. Чуйкову, который вступил в должность командующего армией только вечером 12 сентября, а разобраться в обстановке смог примерно к 2 часам ночи 13 сентября [50, с. 130], нужно было срочно найти какое-то решение. Фронт обороны в центре разваливался, срочно укрепить его было невозможно. В этой обстановке командарм принял нетривиальное решение наступать. Логика В.И. Чуйкова понятна: утром 194-й пехотный полк 71-й пехотной дивизии и 518-й пехотный полк 295-й пехотной дивизии готовятся продолжить наступление при поддержке авиации и артиллерии и останавливать их нечем. Если упредить их в наступлении, заставить врасплох, то при определенной удаче возможно связать боем, и если не остановить, то хотя бы затормозить их продвижение в центр Сталинграда³. Немаловажным фактором принятия такого смелого решения являлась еще и недооценка противника. Считалось, что 71-я пехотная дивизия понесла серьезные потери, и решительный удар по ней может переломить ситуацию. В.И. Чуйков искал хоть какие-то шансы.

В 22:30 13 сентября штаб 62-й армии подготовил приказ № 145. Это был первый приказ, подписанный (местами, видимо, и написанный) В.И. Чуйковым, и это был приказ наступать. К удару подключался 272-й стрелковый полк НКВД (1 505 человек под командованием майора Савчука) [46, л. 3], который должен был наступать в центре, вдоль Исторического шоссе, последние танки 6 танковой бригады подчинялись командиру 1345-го стрелкового полка. Наступление должны были поддерживать серьезные силы артиллерии: 3 истребительно-противотанковых полка (иптап), 3 полка артиллерии резерва главного командования (РГК) и 3 полка гвардейских минометов (ГМ) [6, л. 56–57], а в наступающих частях должны были быть артиллерийские корректировщики. В приказе отдельно оговаривалась решительность, скорее даже отчаянность, действий, части должны были наступать несмотря ни на что. Отход и неудача в принципе не рассматривались. Стимулировать войска должен был приказ № 227. Ответствен-

ным за наступление назначен заместитель командующего артиллерией 62-й армии генерал-майор Н.М. Пожарский.

Атака должна была начаться в 3:30, но организовать бой к этому времени не удалось. Артиллерия поддержку оказала только в полосе 38-й мотострелковой бригады. 1345-й стрелковый полк (300 человек) не успел к началу атаки сосредоточиться на южной окраине Авиагородка [6, л. 56–57], пойти в атаку вместе с 272-м полком НКВД не смог. Только в 4:00 начал наступление левее 272-го полка [33, л. 7]. Около 5 часов утра 1345-й полк, наступая от кладбища [32, л. 80], попал под плотный артиллерийско-минометный огонь, остановился и начал отходить назад [45, с. 144], оставляя открытым фланг.

Более успешно наступал 272-й полк НКВД, без поддержки артиллерии и танков [4, л. 8]. 2-му батальону удалось, двигаясь по оврагу, проскочить заградительный огонь и закрепиться в крайних зданиях Авиагородка, вскоре к нему подошел 3-й батальон (1-й батальон вел бой в районе отметки 112.2). Немцы подтянули резервы, бой начал принимать все более ожесточенный характер, в ходе боя погибли командир 2-го стрелкового батальона старший лейтенант Д.П. Ступин и заменивший его старший политрук В.М. Партугимов. У Е. Кобякова это одна из причин провала наступления [25, с. 12]. В 6:30 над Авиагородком повисла немецкая авиация, в воздухе находилось одновременно до 60 самолетов. Ю-87 из I/Stg 2 и III/Stg77 стали наносить удары по полку НКВД, который перешел к обороне и наступать не мог. Помощь наступлению должна была оказать штурмовая авиация 16-й Воздушной армии, но мессершмитты из JG 3, JG 52 и JG 53 надежно удерживали господство в небе Сталинграда [51, р. 79].

В 10:50 I батальон доктора Добберкау, усиленный самоходками 245 дивизиона (245. Sturmgeschütz-Abteilung) майора Ганса Цильша, воспользовавшись отходом 1345-го полка, захватил Школу Связи и прилегающие дома на левом фланге 272-го полка НКВД. С правого фланга полк начали охватывать части 295-й пехотной дивизии. Ситуация стала развиваться по катастрофическому сценарию.

В 13:30 со стороны Школы Связи (Училища связистов) последовал сильный удар в

тыл и фланг 272-го полка НКВД. Первыми под удар попали остатки 1345-го стрелкового полка, в этой тяжелой ситуации командование полка морально «сломалось». Командир полка и комиссар бросили свою часть и ушли в тыл [41, л. 351]. Без управления полк, понесший серьезные потери, начал отходить в частный сектор вокруг «Раздваивающегося» оврага, где еще удерживал оборону 1-й батальон 272-го полка НКВД. 2-й и 3-й батальоны этого полка, потерявшие за утро 80 % личного состава [3, л. 4], начали откатываться в частный сектор «заполотновского» района. Командир полка майор Савчук в этот момент ввел свой последний резерв – роту автоматчиков, которая смогла лишь замедлить отступление, пытаясь удержать отдельные здания и баррикады, блокирующие путь к вокзалу (к примеру, – Красные казармы). Только в этот момент подключилась артиллерия, которая стала наносить удары по улицам, ведущим от Авиагородка к центру Сталинграда (ул. Двинская, шоссе Историческое). Последние танки 6-й танковой бригады отходили по Историческому шоссе, прикрывая огнем отступающие части. Видимо, один из последних боев бригада провела у двухэтажной школы на улице Карской, где потеряла 2 танка.

К центру Сталинграда двигались I пехотный батальон Добберкау и III пехотный батальон Г. Мюнха, при активной поддержке авиации (I/Stg2 и III/Stg77, в то время как II/Stg1 – наносила удары по переправе) и немногочисленных самоходок 245-го дивизиона.

Важно обратить внимание, что 194-й пехотный полк оберста Ф. Роске, расформировав II батальон, формально стал слабее 191-го и 211-го полков, поэтому получил узкую полосу наступления [10, с. 107]. Его поддерживала III батарея штурмовых орудий Stug III гауптмана В. Лутца.

После 15:00 немецкие роты достигли стадиона «Динамо» и улицы Пархоменко, возвышавшейся над обрывом перед железной дорогой и центром города. В церкви Сергия Радонежского на Совнаркомовской улице расположился штаб Ф. Роске. Этот храм, построенный в 1908 г. (после 1924 г. – рабочий клуб завода Красный Октябрь), был самым значительным зданием «заполотновской» части Царицына. Высоко возвышаясь над частным

сектором, храм был главным ориентиром этой части города. Такое положение определило судьбу храма. Летом 1942 г. на колокольне храма располагался пост войск воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), личный состав которого состоял исключительно из девушек. 14 сентября в хаосе боев в частной застройке именно эта церковь стала главным ориентиром для всех. Наступающие немецкие полки и отступающие части РККА двигались именно к храму, который приобрел большое тактическое значение. Именно поэтому, захватив храм, немецким военным журналистам было важно заснять поднятие флага именно над этим зданием.

На какое-то время продвижение 194-го полка было остановлено огнем танков из центра города. Немцам нужно было время перегруппироваться и подтянуть минометы. Немецкие наблюдатели стали выявлять огневые точки и позиции РККА в центре Сталинграда. Их было немного.

В этот момент в районе вокзала и площади Павших борцов находилась лишь 3-я рота капитана Ф.В. Приходько из 84-го отдельного строительного-путевого железнодорожного батальона майора П.М. Шеина [16, с. 164] и последний танк 6-й танковой бригады (лейтенант М.В. Власенко), застрявший где-то рядом с вокзалом на железнодорожном переезде. На помощь роте срочно был брошен заградотряд 62-й армии [14, с. 209]. Боем за вокзал начал непосредственно управлять сам командующий армии В.И. Чуйков.

Около 16:00 батальон Добберкау и батальон Г. Мюнха под прикрытием огня штурмовых орудий и приданных зениток от Винного завода начали продвигаться «вниз», в центр Сталинграда. III батальон Г. Мюнха сразу вступил в «хаотичный» бой среди вагонов за здание вокзала. Первую атаку защитники отбили. Так как штурмовые орудия не могли помочь своим огнем, то на помощь Г. Мюнху была вызвана авиация [24]. В назначенное время юнкерсы не появились и батальон пошел в повторную атаку на вокзал без поддержки. Во время этого боя немецкие самолеты все же появились и не разобравшись в ситуации атаковали немецкую пехоту у вокзала. От этого удара погибла большая часть одной из рот – 20 пехотинцев [24]. Тем не менее не-

мецкий батальон вокзал захватил, взяв в плен оглушенных после авианалета красноармейцев. Оставив небольшой заслон на вокзале, батальон стал продвигаться дальше в город, в котором уже практически не было войск Красной армии. В части центра города осталась лишь истребительная рота, собранная из работников милиции (1-е и 3-е отделения милиции) и управления НКВД под командованием И.Т. Петракова [39, с. 589–590].

В бой начали вступать штабы. Так, командир 10-й дивизии НКВД полковник А.А. Сараев собрал группу бойцов из роты обслуживания во главе со старшим инструктором политотдела дивизии И.С. Матусовым, которая выдвинулась к Универмагу и вступила в бой с немцами на улице Республиканской [45, с. 146]. Другая группа во главе со старшим лейтенантом Г.К. Склярком отправилась на поиски остатков 272-й полка НКВД, который вместе с 30 бойцами 1345-го полка еще вел бой среди горящих домов в частном секторе «заполотновского» района.

В 17:15 батальоны Добберкау и Г. Мюнха, не встречая особенного сопротивления, вышли по прямым улицам к домам Спецалистов, дальше была только река Волга. Немцам тоже не хватало пехоты, захватить весь центр Сталинграда они не могли физически, поэтому укреплялись лишь в отдельных, тактически важных зданиях (Госбанк, пивзавод, Г-образное здание). Интересно, что здание вокзала, оказавшегося на фланге немецкого прорыва, таковым в этот момент не считали. Там был оставлен лишь небольшой заслон, который в перспективе должны были заменить подходящие батальоны 191-го пехотного полка. Но они вели бой в районе оврагов и пока не могли подойти. Тем не менее ситуация в штабе Роске оценивалась очень оптимистично. Части РККА были разгромлены и дезорганизованы (около 22:00 на Медведицкой улице сдалась в плен целая комендантская рота) [14, с. 209], полк прорвался в самый центр Сталинграда и одержал убедительную победу, нужно было всего лишь дождаться утра и провести зачистку центра. Единственным разочарованием в этот момент был адъютант полка Г. Гинденланг, который не принес в штаб Ф. Роске, где уже находились командующий LI армейским корпусом В. фон Зейдлиц-Курц-

бах и сам командующий 6-й полевой армией Ф. Паулус, бутылку с волжской водой [23]. Эта не контролируемая 194-м полком узкая, за крутым обрывом, полоса берега Волги через несколько часов резко изменит благодушное настроение штабов полка Ф. Роске и А. фон Гартманна. Во второй половине дня, ближе к вечеру, над городом начались ливневые дожди, немецкая авиация прекратила полеты, части 71-й пехотной дивизии остановились, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок.

В.И. Чуйков, наоборот, в этой тяжелейшей ситуации развернул бурную деятельность. В центр от Элеватора срочно перебрасывался 1-й батальон 133-й танковой бригады, который за два часа добрался до Астраханского моста (из 10 КВ прибыло 9, один сломался по дороге). Из офицеров штаба были организованы две группы: одну возглавил начальник оперативного отдела И. Зализнюк, а другую – заместитель начальника автобронетанкового отдела 62-й армии подполковник М.Г. Вайнруб. Группа М.Г. Вайнруба, состоящая из трех танков Т-34 и 30 стрелков, атаковала дома специалистов и, вероятно, на какое-то время отбила один из них, а группа И. Зализнюка, в которой было шесть танков и рота охраны штаба армии, перекрыли улицы, ведущие от вокзала к Волге. Этой группе удалось также отбить несколько зданий.

Перед сумерками в штаб 62-й армии явился командир 6-й танковой бригады майор С.Н. Хопко. Оказывается, у вокзала на железнодорожном переезде все еще вел бой неходовой, последний танк этой бригады. В самой бригаде осталось около ста танкистов, вооруженных пистолетами и автоматами. Майор С.Н. Хопко получил задачу удерживать железнодорожную линию от вокзала (включительно) до моста через Царицу несмотря ни на что [49, л. 174г]. Часть танкистов остались охранять штаб армии.

В.И. Чуйков ждал переданную ему из резерва 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Согласно Боевому распоряжению № 146 [5, л. 348] А.И. Родимцев должен был явиться в штаб 62-й армии уже к 14:00 14 сентября и получить боевую задачу! Но А.И. Родимцев доберется только к 17:00 15 сентября [47, с. 425]. Свежие силы должны были в

корне переломить ситуацию в центре города. Дивизия А.И. Родимцева должна была спасти Сталинград, для этого нужно было отбить вокзал обратно.

Около 21:00 передовой отряд 13-й гвардейской дивизии начал переправу на бронекатерах Волжской флотилии через Волгу. Плохая погода помогла сделать это практически без потерь (в паром, на котором переправлялась рота противотанковых ружей (ПТР), попала мина, были убитые и раненые) [26, с. 38].

Отряд состоял из 1-го батальона, которым командовал старший лейтенант З.П. Червяков, из приданной роты автоматчиков лейтенанта Дергачева (Дергач [19, л. 9]), батареи противотанковых орудий (3 45-мм пушки) Трофимова, роты противотанковых ружей старшего лейтенанта Ф. Бурлакова (у И.П. Елина он капитан) [17, с. 183] и взвода саперов. Установление офицеров батальона является проблемой. Воспоминания В.И. Чуйкова и М.Г. Вайнруба создали традицию описывать 1-й батальон через действия 1-й роты под управлением старшего лейтенанта А.К. Драгана. Но у И.П. Елина командиром 1-й роты является Филин [17, с. 183], который погибнет 25 сентября, о чем напишет донесение старший лейтенант Ф.Г. Федосеев [17, с. 185]. А.К. Драган у И.П. Елина не упоминается вообще. У Л. Кореня командир 1-й роты – лейтенант П.И. Филимонов [26, с. 44]. Скорее всего, И.П. Елин и Л. Корень вспоминают с неточностями, но одного человека. Филин-Филимонов – настоящий командир 1-й роты. Видимо, А.К. Драган возглавил роту после его гибели (25.09?). Более того, некоторые авторы называют А.К. Драгана почему-то командиром роты автоматчиков, что тоже неверно и еще больше запутывает ситуацию. Насчет 2-й роты сомнений нет – ей командовал лейтенант Кравцов. 3-я рота опять вызывает сложности. У Л. Кореня младший лейтенант Колеганов 15 сентября еще командир взвода третьей роты, который «позже» заменит бывшего командира роты [26, с. 47]. И наконец, командиром пулеметной роты был Ефимов, а минометной роты – Заводун.

Командовал передовым отрядом непосредственно генерал-майор А.И. Родимцев, который в этот момент связи со штабом В.И. Чуйкова не имел и обстановки в центре города не знал [47, с. 424], но по инер-

ции приказа Еременко (но в своих собственных воспоминаниях – это уже заместить командующего фронта Ф.И. Голиков) [42, с. 30–31] должен был переправить дивизию в город. Предполагалось, что лишь небольшие силы немцев проникли в город, но берег Волги свободен. 1-й батальон вступил в бой еще находясь на бронекатерах, а переправа сразу превратилась в высадку десанта.

Появление на берегу батальона старшего лейтенанта З.П. Червякова стало полной неожиданностью для закрепившихся в домах Специалистов, уставших батальонов Добберкау и Г. Мюнха, которые не смогли сразу оказать противодействие. Действия войск Красной армии казались уже одержавшим победу в центре Сталинграда немцам просто нелогичными. Сначала, теперь уже немцы недооценили силы, внезапно оказавшиеся на берегу, и согласно «Боевому дневнику 71-й пехотной дивизии 1942 г.» даже сорвали высадку 1-го батальона [10, с. 314]. Потом внезапно выяснилось, что у батальонов нет связи со своей артиллерией (171-й артиллерийский полк оберст-лейтенанта К-Л. фон Штумпфа) и нужно ждать утра, когда сможет подключиться штурмовая авиация. Пока немцы справлялись с недоумением, передовому отряду удалось в ходе ожесточенного боя среди железнодорожных вагонов закрепиться на берегу и достаточно быстро отбить крепкое здание царицынской Водокачки (центральное водоподъемное здание).

Место высадки первого батальона в районе улицы Халтурина, левее зданий Специалистов и правее горящего речпорта, оказалось очень удачным. От Водокачки в город вел крутой взвоз на улицу Республиканскую, прямо в центр, обходя дома Специалистов.

Еще в ночной темноте первым в центр города, вероятно, устремился отряд (взвод?) старшего лейтенанта А.К. Драгана, вместе с которым пошел батальонный комиссар А. Крючков. Повели их через развалины сожженного города участковый уполномоченный 1-го отделения милиции Пронин и помощник уполномоченного Ремнев [1, с. 336].

Интересно, что в послевоенных воспоминаниях А.И. Родимцев указывал, что 1-й батальон начал свое продвижение в город абсолютно неожиданно для него, хотя он сам

был его командиром [42, с. 33–34]. А на вокзал батальон направил сам В.И. Чуйков [42, с. 44]. В воспоминаниях И.П. Елина, командира 42-го гвардейского стрелкового полка, офицеры штаба 62-й армии передали ему на берегу приказ захватить и удержать высоту 102 [17, с. 182]. Про вокзал речь не идет. В книге Л. Савельева задачу командиру 42-го гвардейского полка захватить вокзал поставил еще до переправы начальник штаба дивизии Т.В. Бельский [43, с. 12]. Он же и определил примерный маршрут движения батальона (Госбанк, Универмаг, Театр, Гвоздильный завод) [43, с. 13]. Л. Корень вспоминал, что при погрузке на бронекатера боеприпасов разговаривал с комиссаром 42-го гвардейского полка О.И. Кокушкиным о том, что конечной задачей является захват вокзала [26, с. 36]. А уже когда катера стали отчаливать от берега, Л. Корень обменялся часами и договорился встретиться на вокзале со своим хорошим другом, с командиром роты противотанковых ружей старшим лейтенантом Ф. Бурлаковым [26, с. 37]. И.А. Самчук писал, что приказ немедленно захватить вокзал полковник И.П. Елин получил именно от генерал-майора Родимцева [44, с. 111]. В интервью комиссии Минца А.И. Родимцев говорил, что имел задачу выйти к железнодорожной линии и отрезать «немногочисленные» немецкие силы (а на самом деле – 194-й полк Ф. Роске) в центре. То есть прорыв на вокзал был осознанным решением командира дивизии, а не результатом переподчинения батальона командующим.

Представляется, что история с переподчинением батальона является послевоенной попыткой А.И. Родимцева снять с себя ответственность за гибель батальона. Не случайно Н.И. Крылов, начальник штаба 62-й армии, вспоминал, что трагическая ситуация 1-го батальона долго мучала А.И. Родимцева.

Удивительно, но В.И. Чуйков активно поддерживал в своих воспоминаниях 1975 и 1985 гг. версию своего переподчинения батальона. Более того, якобы он лично приказал вечером 15 сентября командиру 1-й роты А.К. Драгану захватить вокзал [50, с. 158]. Сцена эта, конечно, очень кинематографическая, но в воспоминаниях 1965 г. этого сюжета нет, а сам Драган упоминается лишь раз, да и то в другом контексте. В этой красивой истории вызывает сомнение время события – вечер 15 сентября.

Эта группа 1-го батальона прорвалась сквозь слабые немецкие заслоны на улицах Краснопитерской и Советской и добралась до городского рынка (легкое продвижение обеспечили «пешие» танкисты 6 танковой бригады, незадолго до этого атаковали городской рынок и выбили небольшую группу немецких «автоматчиков») [49, л. 174 г.], а потом и Универмага. После чего стала обходить улицу Гоголя (баррикада была под контролем немцев?), левее, через Комсомольский сад. Только в саду группа старшего лейтенанта А.К. Драгана наткнулась на немецкое сопротивление, разгорелся бой, в котором был ранен комиссар А. Крючков, поднимавший бойцов в атаку [43, с. 19].

Двигаясь не по улицам, а внутри разрушенных кварталов, взвод вышел к Гвоздильному заводу и обнаружил на улице рядом поврежденный Т-34 и около десяти танкистов [8, с. 72]. Это был последний танк 6-й танковой бригады, которым командовал лейтенант М.В. Власенко (мехвод И.М. Лященко, стрелок-радист Норкин). Эта встреча с танкистами 6-й танковой бригады позволяет нам четко датировать рассказ А.К. Драгана. А.К. Драган не мог встретить танкистов вечером 15 сентября (как это следует из воспоминаний В.И. Чуйкова и М.Г. Вайнруба), так как по приказу командира бригады С.Н. Хопко выжившие танкисты в это время сооружали причал в районе памятника Хользунову и переправлялись на другой берег Волги [49, л. 177]. Эта встреча могла состояться только в ночь на 15 сентября.

Танк лейтенанта М.В. Власенко был один из трех танков бригады, которые начали бой еще рано утром 14 сентября у Авиагородка. С боем экипажу лейтенанта М.В. Власенко удалось отойти к вокзалу, где он в течение всего вечера поддерживал огнем защитников вокзала в их обороне и контратаках. В течение вечера и ночи на 15 сентября остатки 3-й роты 84-го отдельного строительного-путевого железнодорожного батальона, заградотряд 62-й армии и «пешие» танкисты 6-й танковой бригады несколько раз теряли и отбивали назад здание вокзала [49, л. 174 Г–174 г.].

В воспоминаниях М.Г. Вайнруба взвод А.К. Драгана, включив в свой состав танки-

стов, атаковал вокзал прямо через привокзальную площадь [8, с. 73]. У В.И. Чуйкова А.К. Драган обошел вокзал с левого фланга, пересекая железнодорожное полотно (за полотном находят и танк, что сомнительно) [50, с. 166]. Так или иначе, атака оказалась для небольшого немецкого гарнизона неожиданной. Красноармейцы забрасывали врага гранатами, удалось сразу подавить пулемет на втором этаже, и уже в ходе короткой рукопашной схватки отряд захватил здание вокзала. Отряд сразу стал закрепляться в здании: завалили оставшейся мебелью двери и окна [8, с. 73]. Нашли позицию для трофейного пулемета. Танкисты заняли оборону в левом крыле вокзала у разрушенной стены [8, с. 73]. Вскоре последовали немецкие контратаки.

К утру отряд, видимо, из вокзала был все же выбит. Показательно, что у Л. Савельева А.К. Драган всего лишь проводил разведку у вокзала, пробрался на перрон и вместе с тремя бойцами смог только заглянуть внутрь вокзала через окно [43, с. 19–20].

С рассветом над местом высадки 1-го батальона появились Ju-87, которые начали наносить удары по ротам 1-го батальона, все еще ведущего бой за расширение плацдарма на берегу. После 6:30 роты начали медленно, с боем продвигаться в центр Сталинграда. Впереди шла рота автоматчиков лейтенанта Дергачева, которой удалось прорваться на улицу Республиканскую [26, с. 42]. Рота действовала правее основных сил 1-го батальона и обеспечивала высадку 3-го батальона 42-го полка.

В районе площади Павших борцов тяжелую контузию получил командир батальона З.П. Червяков, командование принял его заместитель старший лейтенант Ф.Г. Федосеев [26, с. 43]⁴. Здесь же, на площади, роты попали под огонь пулеметов из Универмага. Два взвода 1-й роты лейтенанта Филина-Филимонова штурмом захватили Универмаг и стоящую рядом гостиницу Интурист [26, с. 44]. По наступающим ротам 1-го батальона активно работала немецкая артиллерия.

Первыми на привокзальную площадь пробрались автоматчики Никитенко и Ажгирей, которых Ф.Г. Федосеев направил на разведку вокзала [26, с. 44]. За ними подошла 1-я рота и сам командир батальона старший лейтенант Ф.Г. Федосеев, взявший под коман-

дование 2-ю роту. Последовала решительная атака, начался хаотичный бой, в ходе которого 1-я и 2-я роты батальона захватили вокзал. Небольшой немецкий отряд отошел, видимо, потеряв на привокзальной площади одно штурмовое орудие [26, с. 46]. Показательно, что Л. Савельев находившихся на вокзале немцев называет мародерами [43, с. 19–20], здание не оборонялось, скорее всего, постоянного гарнизона там не было.

Батальон стал закрепляться в большом здании. Немцы атаковали с севера, и поэтому северный флигель пострадал от обстрелов больше всего. Сначала там закрепилась 1-я рота Филина-Филимонова, но после немецкой атаки отошла в более безопасное здание Гвоздильного завода [26, с. 46]. В южном флигеле закрепилась третья рота, которой вскоре будет командовать младший лейтенант Колеганов [26, с. 47]. Вторая рота, видимо, закреплялась в центральной части вокзала. Такая концентрация батальона намекает, что в это время у него еще была наступательная задача.

Вечером в здание вокзала прибыл помощник начальника штаба 42-го гвардейского стрелкового полка по разведке старший лейтенант И.В. Лосев, с ним пришли связисты и протянули телефонный кабель от штаба полка.

Судя по Схеме № 2 из «Журнала боевых действий 13-й гвардейской стрелковой дивизии» на 16.09.1942 г. [19, л. 11], части батальона закрепились не только в здании вокзала, но и в близлежащих домах. Станковые пулеметы были установлены в многоэтажном доме Просвещенцев, а расчеты противотанковых ружей в Железнодорожной поликлинике, перекрывая огнем путепровод на улице Кубанской. Важное значение сразу приобрел Гвоздильный завод, прикрывающий вокзал с юго-востока. Такое расположение огневых средств наводит на мысль, что, отбив несколько атак «в лоб» от улицы Невской, Ф.Г. Федосеев тревожился за левый фланг, за путепровод, через который могли прорваться немецкие штурмовые орудия. Это не удивительно, батальон находился в районе вокзала с открытыми флангами. 272-й полк НКВД только 16 сентября выйдет в Комсомольский сад [34, л. 14], а пока это ничейная территория.

16 сентября помог закрыть это угрожаемое направление 1-й батальон 133-й танко-

вой бригады (подполковник Н.М. Бубнов). Утром 15 сентября штаб 62-й армии получил информацию, что в районе вокзала находятся немецкие танки. На вокзал были срочно брошены 9 танков КВ 1-го батальона бригады капитана Ф.А. Голикова, прикрывавшие до этого момента штаб армии на улице Пушкинской. На улице Володарского, ведущей к путепроводу, КВ столкнулись с выходящими из путепровода штурмовыми орудиями 245-го дивизиона. Бой начался внезапно, КВ и Stug стреляли друг в друга практически в упор. Советским танкистам удалось поджечь одну самоходку и две подбить [37, л. 112]. Танкисты попытались развить успех и двинулись через путепровод в «заполотновскую» часть города. Но теперь ситуация повторилась в точности наоборот. КВ на той стороне попали под огонь немецких штурмовых орудий, один КВ загорелся, еще один был подбит. КВ отошли к сгоревшим зданиям на Коммунистической улице. У путепровода установилось равновесие, стороны заблокировали друг друга, а 7 танков КВ временно стали левым флангом 1-го батальона Ф.Г. Федосеева. Скоро танковый батальон уйдет поддерживать атаки 2-го батальона и район путепровода снова станет опасным направлением.

К концу дня возникла еще одна проблема. 2-й батальон капитана Андрианова продвигался медленно, хотя ему и удалось обойти дома специалистов. Между ним и активно продвигнувшимся к вокзалу 1-м батальоном все больше и больше образовывался разрыв. 15 сентября этот разрыв прикроют части 1-го батальона 34-го гвардейского полка, охраняющие штаб армии [2, л. 4]. Но дальше эта проблема будет только усугубляться. Батальон Ф.Г. Федосеева прорвался слишком далеко.

О захвате вокзала штаб Юго-Восточного фронта доложил Г.К. Жукову, а потом и в Москву [26, с. 54]. Интересно, что согласно «Оперативному ориентированию штаба ЮВФ» вокзал был захвачен в 8:00 [31, л. 99]. Но «Журнал боевых действий 42-го гвардейского стрелкового полка» указывает, что вокзал был захвачен 1-й ротой автоматчиков и 1-м батальоном на «рассвете» [20, л. 42]. В «боевом донесении № 1 штаба 13-й гвардейской стрелковой дивизии ВПУ ЮВФ», описывающем обстановку, на 12:50 район станции и сам

вокзал уже очищен от противника [2, л. 4]. А в «Журнале боевых действий 13-й гвардейской стрелковой дивизии» вокзал был захвачен, наоборот, к концу дня 15 сентября [19, л. 7; 36, л. 1]. «Журнал боевых действий 62-й армии» дает самую обтекаемую формулировку – 13-я гвардейская стрелковая дивизия ведет бои в районе вокзала [21, л. 132]. Скорее всего, здание вокзала в течение 15 сентября несколько раз переходило из рук в руки, но к вечеру все же осталось за 1-м батальоном.

Потеряв вокзал, Ф. Роске в течение всего 15 сентября предпринимал попытки вернуть его обратно. Здание обрабатывала немецкая авиация. Первоначально, видимо, Ф. Роске не представлял силы РККА, вышедшие на вокзал, поэтому атаки проводились прома в лоб, через железнодорожные пути. Поддерживаемые огнем с высокой «заполотновской» стороны немцы проникали в разрушенный северный флигель вокзала, но отбрасывались обратно [8, с. 74]. Днем вокзал еще раз загорелся [50, с. 166] и стал переходить из рук в руки (как минимум 4 раза) [50, с. 142; 42, с. 20].

Захватить вокзал оказалось легче, чем удержать его. Стороны обладали ограниченными силами, успех определяли подкрепления, которые выбивали не успевшего закрепиться противника из здания, но и сами не успевали как следует закрепиться. Подкрепления, которые можно бросать на вокзал, у Ф.Г. Федосеева еще были.

Ближе к вечеру немцы меняли тактику и пытались обойти вокзал с правого фланга, со стороны фабрики 8-го марта. Бой распространился на привокзальную площадь вокруг фонтана. Тем не менее к ночи вокзал еще был в руках 1-го батальона [47, с. 425].

В 17:00 Родимцев все-таки добрался до штаба Чуйкова и получил наступательные задачи. Батальон Ф.Г. Федосеева вернулся в полк, под командование И.П. Елина, который должен был наступать, и в течение 1–2 суток выйти на линию железной дороги и встать в одну линию с 1-м батальоном. Успехи первого дня внушали оптимизм, оставленных в тылу дома Специалистов предполагалось захватить позже.

Заключение. Анализ боев 1-го батальона 42-го гвардейского полка с вечера 14 по вечер 15 сентября позволяет ответить на ряд существенных вопросов.

Во-первых, приходится признать, что ввод 13-й гвардейской дивизии в сражение в городе опоздал. Очевидно, что если бы дивизия оказалась в Сталинграде на сутки раньше, сражение в центре города могло сложиться совершенно иначе. Нужно обратить внимание, что приказ на переброску в город А.И. Родимцев получил еще 10 сентября, но советская оборона на центральном участке разваливалась непредсказуемо быстро. Дивизия успела в город в самый последний момент и ее ввод оказался неожиданным для немецкого командования, уже праздновавшего победу. Усиленный батальон З.П. Червякова, как передовой отряд дивизии, смог воспользоваться эффектом неожиданности и сразу прорваться к «заполотновскому» району и захватить здание вокзала. Но последующие события показали, что батальон З.П. Червякова прорвался слишком далеко.

Во-вторых, 13-я гвардейская дивизия в городе получила слишком много сложных задач, потому что командование армии и фронта не представляло силы противника, уже закрепившегося в центре Сталинграда. Так, 42-й гвардейский полк должен был захватить не только вокзал, но и Мамаев курган. Силы противника оценивались как незначительные и дивизия первоначально должна была выйти к Авиагородку. Постепенно задачи уточнялись и уменьшались. Эта постепенность возвращения к жестокой реальности стоила времени и потерь. 1-й батальон З.П. Червякова, захвативший утром 15 сентября центральный вокзал, оказался в отрыве от основных сил 42-го гвардейского полка, который вел бои за Госбанк, дома Специалистов, дом Железнодорожников и другие здания в центре Сталинграда, и которому просто не хватало сил поддержать свой первый батальон, закрепившийся в «слишком далеком» вокзале.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методологии виртуальной 3D реконструкции исторических объектов».

This work was funded by the Russian Ministry of Education and Science as part of Project No. 0633-2020-0004 'Development of a Methodology for Virtual 3D Reconstruction of Historic Sites'.

² Мы пишем о улицах г. Сталинграда, названия которых частично совпадают с современными волгоградскими улицами.

³ Пример подобной неожиданной логики можно обнаружить в истории сражения на реке Марна. Так, начальник штаба 1-й германской армии генерал Г. фон Кюль 9 сентября 1914 г. на совещании с подполковником Р. Хенчем утверждал, что его армия «может держаться только наступая» [11, с. 355].

⁴ У И.П. Елина З.П. Червяков ранен после взятия водоканчки [17, с. 182]. У Л. Савельева ранен после 16.09 [42, с. 21]. В рассказе А.К. Драгана, в изложении Чуйкова, З.П. Червяков ранен 19–20 сентября в разгар боев за гвоздильный завод [49, с. 167]. В рассказе А.К. Драгана в изложении Вайнруба командир батальона вообще не упоминается (ни Червяков, ни Федосеев), а А.К. Драган ведет бой самостоятельно, в итоге сам возглавляет остатки батальона [7, с. 62]. Родимцев о ранении З.П. Червякова узнал вечером 15 сентября.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, Н. В. На боевом посту / Н. В. Бирюков // Битва за Волгу. Воспоминания участников Сталинградского сражения. – Волгоград : Волгогр. кн. изд-во, 1962. – С. 332–338.
2. Боевое донесение № 1 штаба 13 гв. сд ВПУ ЮВФ // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 9.
3. Боевое донесение № 3 командиру 10 сд НКВД // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 8.
4. Боевое донесение штаба 272 сп 14.9.42 // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 8.
5. Боевое распоряжение № 146 штаба 62 А // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 5.
6. Боевой приказ № 145 штаба 62 А // ЦАМО. – Ф. 3343. – Оп. 0000001. – Д. 0005.
7. Болотов, Н. А. Уличные бои в Сталинграде в конце августа – сентябре 1942 года / Н. А. Болотов // Актуальные проблемы отечественной истории : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. Ю. Болотова, А. В. Липатов, Т. Н. Орешкина. – М. : Планета, 2017. – 304 с.
8. Вайнруб, М. Г. Эти стальные парни. Повесть о пережитом / М. Г. Вайнруб. – Киев : Молодь, 1972. – 280 с.
9. Водолагин, М. А. На защите Сталинграда / М. А. Водолагин. – Сталинград : Областное книгоиздательство, 1948. – 79 с.
10. Вюстер, В. В аду Сталинграда. Кровавый кошмар Вермахта / В. Вюстер. – М. : Яуза-Пресс, 2010. – 316 с.
11. Галактионов, М. Париж, 1914 : (Темпы операций) / М. Галактионов. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2001. – 704 с.
12. Гинзбург, К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / К. Гинзбург // Современные методы преподавания новейшей истории : Материалы из цикла семинаров при поддержке TACIS. – М. : ИВИ РАН, 1996. – С. 343–353.
13. Дегтев, Д. М. Воздушная битва за Сталинград. Операции Люфтваффе по поддержке армии Паулюса. 1942–1943 / Д. М. Дегтев. – М. : Центрполиграф, 2021. – 447 с.
14. Донесение ОО НКВД СТФ в НКВД СССР о ходе боев в Сталинграде 16 сентября 1942 г. // Сталинградская эпопея. Документы, рассекреченные ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса; Дневники и письма солдат; РККА и вермахта; Агентурные донесения; Протоколы допросов; Докладные записки особых отделов, фронтов и армий / сост. А. Т. Жадобин [и др.]. – М. : Издательский дом «Звонница-МГ», 2012. – 495 с.
15. Донесение штаба 1345 сп // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 27.
16. Евдокимова, В. М. 84-й отдельный строительно-путевой железнодорожный батальон в Сталинградской битве / В. М. Евдокимова // Вопросы краеведения. Вып. 6 : Материалы Краевед. чтений, посвящ. 75-летию Областного общества краеведов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 159–165.
17. Елин, И. П. В центре города / И. П. Елин // Битва за Сталинград. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1973. – С. 181–187.
18. Ефимьев, А. В. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941–1945 / А. В. Ефимьев, А. Н. Манжосов, П. Ф. Сидоров. – М. : Транспорт, 1992. – 256 с.
19. Журнал боевых действий 13 гв. сд // ЦАМО. – Ф. 1075. – Оп. 1. – Д. 4.
20. Журнал боевых действий 42 гв. сп // ЦАМО. – Ф. 6223. – Оп. 671790. – Д. 1.
21. Журнал боевых действий 62 армии (Сталинградский фронт). За период с 11 июля по 31 декабря 1942 г. // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 48.
22. Журнал боевых действий войск ЮВФ : (Сталинградское сражение) // ЦАМО. – Ф. 230. – Оп. 568. – Д. 34.
23. Интервью 2009 года Г. Гинденланга Й. Хелльбеку. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://facingstalingrad.com/interviews/gerhard-hindenlang/> (дата обращения: 09.11.2022). – Загл. с экрана.
24. Интервью 2009 года Г. Мюнха Й. Хелльбеку. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://facingstalingrad.com/interviews/gerhard-munch/> (дата обращения: 09.11.2022). – Загл. с экрана.
25. Кобяков, Е. Неизвестный Сталинград / Е. Кобяков. – М. : Яуза-Каталог, 2020. – 318 с.
26. Корень, Л. Есть на Волге утес... Записки фронтового политработника / Л. Корень. – М. : Воениздат, 1969. – 213 с.

27. Краткий боевой путь 399 стрелковой Новозыбковской ордена Суворова дивизии // ЦАМО. – Ф. 237. – Оп. 0002410. – Д. 004.

28. Медик, Х. Микроистория / Х. Медик // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – Т. II, вып. 4. – С. 193–202.

29. О действиях танковых войск 62 армии и в гор. Сталинграде за сентябрь месяц 1942 года // ЦАМО. – Ф. 38. – Оп. 1136. – Д. 77.

30. Олейников, П. П. Архитектурное наследие Сталинграда / П. П. Олейников. – Волгоград : Издатель, 2012. – 560 с.

31. Оперативная информация штаба ЮЗФ // ЦАМО. – Ф. 48. – Оп. 451. – Д. 57.

32. Оперативная сводка № 152 штаба 62 А 14.09.1942 // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 39.

33. Оперативная сводка № 23 штаба 10 сд ВВ НКВД 14.9.42. к 24.00 // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 8.

34. Оперативная сводка № 25 штаба 10 сд ВВ НКВД 16.9.42. к 24.00 // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 8.

35. Оперсводка № 44 штаба 23 тк 13.9.42 // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 6.

36. Оперсводка № 153 штаба 62 армии // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 39.

37. Отчет о боевых действиях 133 тбр за период боев 25.8.1942–25.9.1942 года // ЦАМО. – Ф. 38. – Оп. 1136. – Д. 77.

38. Панченко, Ю. Н. 163 дня на улицах Сталинграда / Ю. Н. Панченко. – Волгоград : ПринТерра, 2006. – 322 с.

39. Петраков, И. Т. Вместе с гвардейцами Родимцева / И. Т. Петраков // Битва за Сталинград. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1973. – С. 589–592.

40. Пожарский, А. Е. Сталинград / А. Е. Пожарский // Архитектура городов СССР. – М. : Изд-во Академии Архитектуры СССР, 1948. – 66 с.

41. Приказ войскам № 148 62 А 15.09.1942 // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 5.

42. Родимцев, А. И. Гвардейцы стояли насмерть / А. И. Родимцев. – М. : ДОСААФ, 1969. – 192 с.

43. Савельев, Л. И. Дом Павлова. Повесть-быль о солдатской славе / Л. И. Савельев. – М. : Советская Россия, 1970. – 208 с.

44. Самчук, И. А. Тринадцатая гвардейская. Боевой путь Тринадцатой гвардейской Полтавской ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии (1941–1945) / И. А. Самчук. – М. : Военное издательство министерства обороны СССР, 1971. – 280 с.

45. Сараев, А. А. Стояли насмерть / А. А. Сараев. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1976. – 192 с.

46. Справка о численном и боевом составе частей 10 сд ВВ НКВД 13.9.42 // ЦАМО. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 8.

47. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / пер. с нем. К. Левинсона ; отв. ред. Й. Хелльбек ; послесл. И. Калинина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 672 с.

48. Фурман, Е. Л. Сталинград в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: население, жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство города / Е. Л. Фурман, А. В. Луночкин, Т. В. Юдина // Экономическая история. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 156–166.

49. Целуйко, Л. И. Из рукописи, хранящейся в фондах музея-панорамы Сталинградская битва / Л. И. Целуйко // Музей-заповедник «Сталинградская битва». – Инв. № 2802. – П. 561.

50. Чуйков, В. И. От Сталинграда до Берлина / В. И. Чуйков. – М. : Советская Россия, 1985. – 704 с.

51. Bergstrom, C. Stalingrad – bitva ve vzduchu: leden 1942-leden 1943 / C. Bergstrom. – Praha : DEUS, 2009. – 144 p.

52. Glantz, D. M. The Stalingrad Trilogy / D. M. Glantz. – Lawrence : University Press of Kansas, 2009–2014. – Vol. 2 : Armageddon in Stalingrad, September – November 1942. – 920 p.

REFERENCES

1. Biryukov N.V. Na boyevom postu [At the Battle Post]. *Bitva za Volgu. Vospominaniya uchastnikov Stalingradskogo srazheniya*. Volgograd, Volgogr. kn. izd-vo, 1962, pp. 332-338.

2. Boyevoye doneseniye № 1 shtaba 13 gv.sd VPU YuVF [Combat Report No. 1 of the Headquarters of the 13th Guards Division. Operations Center of the Southeastern Front]. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 9.

3. Boyevoye doneseniye № 3 komandiru 10 sd NKVD [Combat Report No. 3 to the Commander of the 10th Division of the NKVD]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 8.

4. Boyevoye doneseniye shtaba 272 sp 14.9.42 [Combat Report of the Headquarters of the 272nd Rifle Regiment, 14/9/42]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 8.

5. Boyevoye rasporyazheniye № 146 shtaba 62 А [Combat Order No. 146 of the 62nd Army Headquarters]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 5.

6. Boyevoy prikaz № 145 shtaba 62 А [Combat Order No. 145 of the 62nd Army Headquarters]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 3343, inv. 0000001, d. 0005.

7. Bolotov N.A. Ulichnyye boi v Stalingrade v kontse avgusta – sentyabre 1942 goda [Street Fighting

in Stalingrad in Late August – September 1942]. *Aktualnyye problemy otechestvennoy istorii: sb. nauch. tr.* [Actual Problems of National History. Collection of Scientific Works]. Moscow, Planeta Publ., 2017. 304 p.

8. Vaynrub M.G. *Eti stalnyye parni. Povest o perezhitom* [These Steel Guys. The Story of the Experience]. Kiyev, Molod Publ., 1972. 280 p.

9. Vodolagin M.A. *Na zashchite Stalingrada* [On the Defense of Stalingrad]. Stalingrad, Oblastnoye knigoizdatelstvo, 1948. 79 p.

10. Vyuster V. *V adu Stalingrada. Krovavyy koshmar Vermakhta* [In the Hell of Stalingrad. Wehrmacht's Bloody Nightmare]. Moscow, Yauza-Press, 2010. 316 p.

11. Galaktionov M. *Parizh, 1914 (Tempy operatsiy)* [Paris, 1914 (The Pace of Operations)]. Moscow, AST Publ.; Saint Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2001. 704 p.

12. Ginzburg K. Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotoryye ya o ney znayu [Microhistory: Two or Three Things I Know About It]. *Sovremennyye metody prepodovaniya noveyshey istorii: Materialy iz tsikla seminarov pri podderzhke TACIS* [Modern Methods of Teaching the Contemporary history. Proceedings from a Series of Seminars under the Auspices of TACIS]. Moscow, IVI RAN Publ., 1996, pp. 343-353.

13. Degtev D.M. *Vozdushnaya bitva za Stalingrad. Operatsii Lyuftvaffe po podderzhke armii Paulyusa. 1942–1943* [The Air Battle for Stalingrad. Luftwaffe Operations to Support Paulus's Army. 1942–1943]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2021. 447 p.

14. Doneseniye OO NKVD STF v NKVD SSSR o khode boyev v Stalingrade 16 sentyabrya 1942 g. [Report of the Special Department of the NKVD of the Stalingrad Front to the NKVD of the USSR on the Course of the Fighting in Stalingrad on September 16, 1942]. *Stalingradskaya epopeya. Dokumenty, rassekrechennyye FSB RF: Vospominaniya feldmarshala Paulyusa; Dnevnik i pisma soldat; RKKA i vermakhta; Agenturnyye doneseniya; Protokoly doprosov; Dokladnyye zapiski osobykh otdelov; frontov i armiy* [Stalingrad Epic. Documents Declassified by the FSB of the Russian Federation: Memoirs of Field Marshal Paulus; Diaries and Letters of Soldiers; Red Army and Wehrmacht; Undercover Reports; Interrogation Protocols; Reports of Special Departments, Fronts and Armies]. Moscow, Izdatelskiy dom «Zvonnitsa-MG», 2012. 495 p.

15. Doneseniye shtaba 1345 sp [Report of the Headquarters of the 1345th Regiment]. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 27.

16. Yevdokimova V.M. 84-y otdelnyy stroitelno-putevoy zheleznodorozhnyy batalyon v Stalingradskoy bitve [84th Separate Building and Tracking Railway Battalion in the Battle of Stalingrad].

Voprosy krayevedeniya. Vyp. 6: Materialy Krayevedcheskikh chteniy, posvyashchennykh 75-letiyu Oblastnogo obshchestva krayevedov [Local History Issues. Iss. 6. Proceedings of Local History Readings Dedicated to the 75th Anniversary of the Regional Society of Local History Scientists]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2000, pp. 159-165.

17. Yelin I.P. V tsentre goroda [In the Center of the City]. *Bitva za Stalingrad* [Battle of Stalingrad]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1973, pp. 181-187.

18. Yefimiyev A.V., Manzhosov A.N., Sidorov P.F. *Bronepoyezda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945* [Armoured Trains in the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Transport Publ., 1992. 256 p.

19. Zhurnal boyevykh deystviy 13 gv. sd [Journal of Combat Operations of the 13th Guards Division]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 1075, inv. 1, d. 4.

20. Zhurnal boyevykh deystviy 42 gv. sp [Journal of Combat Operations of the 42nd Guards Rifle Regiment]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 6223, inv. 671790, d. 1.

21. Zhurnal boyevykh deystviy 62 armii (Stalingradskiy front). Za period s 11 iyulya po 31 dekabrya 1942 g. [Journal of Combat Operations of the 62nd Army (Stalingrad Front). For the Period from July 11 to December 31, 1942]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 48.

22. Zhurnal boyevykh deystviy voysk YuVF: (Stalingradskoye srazheniye) [Journal of Combat Operations of the Southeastern Front Troops. (Stalingrad Battle)]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 230, inv. 568, d. 34.

23. *Intervyu 2009 goda G. Gindenlanga Y. Khellbeku* [J. Hellbeck's Interview with G. Gindenlang, 2009]. URL: <https://facingstalingrad.com/interviews/gerhard-hindenlang/> (accessed 9 November 2022).

24. *Intervyu 2009 goda G. Myunkha Y. Khellbeku* [The J. Hellbeck's Interview with G. Münch]. URL: <https://facingstalingrad.com/interviews/gerhard-munch/> (accessed 9 November 2022).

25. Kobayakov Ye. *Neizvestnyy Stalingrad* [Unknown Stalingrad]. Moscow, Yauza-Katalog Publ., 2020. 318 p.

26. Koren L. *Yest na Volge utes... Zapiski frontovogo politrabotnika* [There is a Cliff on the Volga... Notes of the Front-Line Political Officer]. Moscow, Voenizdat Publ., 1969. 213 p.

27. Kratkiy boyevoy put 399 strelkovoy Novozybkovskoy ordena Suvorova divizii [A Short Combat Path of the 399th Rifle Division]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 237, inv. 0002410, d. 004.

28. Medik Kh. Mikroistoriya [Microhistory]. *THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i*

sotsialnykh institutov i sistem [THESIS. Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems], 1994, vol. 2, iss. 4, pp. 193-202.

29. O deystviyakh tankovykh voysk 62 armii v gor. Stalingrada za sentyabr mesyats 1942 goda [On the Actions of Tank Troops of the 62nd Army and in the City of Stalingrad for the Month of September 1942]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 38, inv. 1136, d. 77.

30. Oleynikov P.P. *Arkhitekturnoye naslediyе Stalingrada* [Architectural Heritage of Stalingrad]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 560 p.

31. Operativnaya informatsiya shtaba YuZF [Operational Information of the South-West Front Headquarters]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 48, inv. 451, d. 57.

32. Operativnaya svodka № 152 shtaba 62 A 14.09.1942 [Operational Report No. 152 of the 62nd Army Headquarters, 09/14/1942]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 39.

33. Operativnaya svodka № 23 shtaba 10 sd VV NKVD 14.9.42. k 24.00 [Operational Report No. 23 of the Headquarters of the 10th Division of the NKVD, 14/9/42. By 24:00]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 8.

34. Operativnaya svodka № 25 shtaba 10 sd VV NKVD 16.9.42. k 24.00 [Operational Report No. 25 of the Headquarters of the 10th Division of the NKVD, 16/9/42. By 24:00]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 8.

35. Opersvodka № 44 shtaba 23 tk 13.9.42 [Operational Report No. 44 of the 23rd Tank Corps Headquarters, 13/9/42]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 6.

36. Opersvodka № 153 shtaba 62 armii [Operational Report No. 153 of the 62nd Army Headquarters]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 39.

37. Otchet o boyevykh deystviyakh 133 tbr za period boyev 25.8.1942–25.9.1942 goda [Report on the Combat Operations of the 133rd Brigade for the Fighting Between 25/8/1942–25/9/1942]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 38, inv. 1136, d. 77.

38. Panchenko Yu.N. *163 dnya na ulitsakh Stalingrada* [163 Days on the Streets of Stalingrad]. Volgograd, PrinTerra Publ., 2006. 322 p.

39. Petrakov I.T. *Vmeste s gvardeytsami Rodimtseva* [Together with the Guards of Rodimtsev]. *Bitva za Stalingrad*. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1973, pp. 589-592.

40. Pozharskiy A.Ye. *Stalingrad* [Stalingrad]. *Arkhitektura gorodov SSSR* [Architecture of the USSR Cities]. Moscow, Izd-vo Akademii Arkhitektury SSSR, 1948. 66 p.

41. Prikaz voyskam № 148 62A 15.09.1942 [Order to the Troops No. 148 of the 62nd Army of 15.09.1942].

TsAMO [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 5.

42. Rodimtsev A.I. *Gvardeytsy stoyali nasmert* [Guardsmen Fought to the Death]. Moscow, DOSAAF Publ., 1969. 192 p.

43. Savelyev L.I. *Dom Pavlova. Povest-byly o soldatskoy slave* [Pavlov's House. The True Story About the Glory of Soldiers]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1970. 208 p.

44. Samchuk I.A. *Trinadtsataya gvardeyskaya. Boyevoy put Trinadtsatoy gvardeyskoy Poltavskoy ordena Lenina dvazhdy Krasnoznamennoy ordenov Suvorova i Kutuzova strelkovoy divizii (1941–1945)* [The Thirteenth Guards. Combat Way of the Thirteenth Guards Poltava Order of Lenin Twice Red Banner Order of Suvorov and Kutuzov Rifle Division (1941–1945)]. Moscow, Voennoye izdatelstvo ministerstva oborony SSSR, 1971. 280 p.

45. Sarayev A.A. *Stoyali nasmert* [They Stood to Death]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1976. 192 p.

46. Spravka o chislennom i boyevom sostave chastey 10 sd VV NKVD 13.9.42 [Information About the Strength and Combat Composition of the Units of the 10th Division of the NKVD of 13.9.42]. *TsAMO* [Central Archives of the Russian Defence Ministry], f. 345, inv. 5487, d. 8.

47. *Stalingradskaya bitva: svidetelstva uchastnikov i ochevidtsev (po materialam Komissii po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny)* [Battle of Stalingrad: Testimonies of Participants and Eyewitnesses (Based on the Materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War)]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2015. 672 p.

48. Furman Ye.L., Lunochkin A.V., Yudina T.V. *Stalingrad v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg.: naseleniye, zhilishchno-kommunalnoye khozyaystvo, blagoustroystvo goroda* [Stalingrad in the Late 1920s – Early 1930s: Population, Housing and Communal Services, Urban Improvement]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2020, vol. 16, no. 2, pp. 156-166.

49. Tseluyko L.I. Iz rukopisi, khanyashcheysya v fondakh muzeya-panoramy Stalingradskaya bitva [From the Manuscript Kept in the Funds of the Panorama Museum “Battle of Stalingrad”]. *Muzey-zapovednik «Stalingradskaya bitva»* [Museum-Reserve “Battle of Stalingrad”], inv. no. 2802, p. 561.

50. Chuykov V.I. *Ot Stalingrada do Berlina* [From Stalingrad to Berlin]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985. 704 p.

51. Bergstrom S. *Stalingrad – bitva ve vzduchu: leden 1942-leden 1943*. Praha, DEUS, 2009. 144 s.

52. Glantz D.M. *The Stalingrad Trilogy*. Lawrence, University Press of Kansas, 2009–2014, vol. 2: *Armageddon in Stalingrad, September – November 1942*. 920 p.

Information About the Authors

Alexandra K. Elokhina, Assistant, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, alexelokhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3475-384X>

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторах

Александра Константиновна Елохина, ассистент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, alexelokhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3475-384X>

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.19>

UDC 930.1:069.1
LBC 63.012

Submitted: 14.08.2022
Accepted: 05.09.2022

**ON THE ISSUE OF METHODOLOGY
FOR EVALUATING RESOURCE POTENTIAL OF ARCHAEOLOGICAL SITES
IN THE SYSTEM OF MEANS AIMED AT TO POPULARIZE
HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA'S REGIONS¹**

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Pavel I. Lysikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The task of the study is to identify and characterize the means of popularization of the regional historical and cultural heritage on the example of archaeological monuments of Volgograd Oblast. Taking into account the need to diversify regional cultural and educational tourism, to actualize new practices in heritage tourism we consider it necessary to focus on the archaeological heritage unique for most regions. Due to its interactivity and the possibility of combining several forms of recreational and cultural and cognitive activities, archaeological tourism can also become one of the most promising forms of promotion of cultural and historical heritage. Developing a methodology for assessing the archaeological potential of the region in the field of tourism will allow us to understand the principle of formation of a unique geo-cultural image of the region as the basis of cultural and historical framework. *Methods.* Assessment of the archaeotourism potential of Volgograd Oblast is possible with a combination of the Analytic Hierarchy Process (AHP) and Weighted Linear Combination (WLC), and applied methods, such as the questionnaire and Geographic Information System (GIS). *Analysis.* We identified the criteria for assessing the archaeotourism potential of the region the number of which can be limited to 1 quantitative and 7 qualitative indicators ranked on an assessment scale with 4 rating points – 0, 2, 4 and 5. Since the selected evaluation criteria play an unequal role in the formation of the tourist potential of the territory, it was necessary to determine the weighted coefficients for each of them. *Results.* The development of archaeological tourism acting as the most accessible and most popular forms of popularization of cultural heritage will be provided by the development of the territory's historical and cultural framework based on a comprehensive assessment of the tourist potential of the region. The methodology was proposed in the framework of this study. *Authors' contribution.* V.A. Zolotovskiy prepared the part devoted to the actualization and identification of the research topic. P.I. Lysikov developed an adequate methodology for assessing the archaeotourism potential of the Volgograd Oblast.

Key words: popularization of historical and cultural heritage, museumification, historical and cultural framework, archaeological monuments, archaeological tourism, assessment of archaeotourism potential, Volgograd Oblast.

Citation. Zolotovskiy V.A., Lysikov P.I. On the Issue of Methodology for Evaluating Resource Potential of Archaeological Sites in the System of Means Aimed at to Popularize Historical and Cultural Heritage of Russia's Regions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 254-264. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.19>

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНОВ РФ¹

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Павел Иванович Лысиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Задачей изыскания является выявление средств популяризации регионального историко-культурного наследия на примере памятников археологии Волгоградской области. С учетом необходимости диверсификации предложений в сфере регионального культурно-познавательного туризма, актуализации новой практики в туризме наследия, мы считаем необходимым остановиться на уникальном для большинства регионов археологическом наследии. В силу своей интерактивности и возможности комбинирования нескольких форм рекреационной и культурно-познавательной деятельности одной из наиболее перспективных форм популяризации культурно-исторического наследия может стать археологический туризм. Выработка методологии оценки археологического потенциала региона в сфере туризма позволит понять принцип формирования уникального геокультурного образа региона как основы культурно-исторического каркаса. Оценка археологического потенциала территории представляется возможной на основе сочетания следующих *методов*: анализа иерархий, взвешенной линейной комбинации, а также таких прикладных методов, как анкетирование и ГИС. *Анализ.* Мы выделили критерии оценки археологического потенциала региона, которые можно ограничить 1 количественным и 7 качественными показателями, ранжируемыми по шкале оценки с 4 рейтинговыми баллами – 0, 2, 4 и 5. Поскольку выбранные критерии оценки играют неодинаковую роль в формировании туристского потенциала территории, были определены весовые коэффициенты для каждого из них. *Результаты.* Развитие археотуризма, выступающего в качестве наиболее доступных и максимально востребованных форм популяризации культурного наследия, будет обеспечено разработкой историко-культурного каркаса территории, основанной на проведении комплексной оценки туристского потенциала региона, методика которой была предложена в рамках настоящего изыскания. *Вклад авторов.* В.А. Золотовский подготовил часть, посвященную актуализации и выявлению проблематики темы исследования. П.И. Лысиков разработал адекватную методику оценки археологического потенциала Волгоградской области.

Ключевые слова: популяризация историко-культурного наследия, музеефикация, историко-культурный каркас, памятники археологии, археологический туризм, оценка археологического потенциала, Волгоградская область.

Цитирование. Золотовский В. А., Лысиков П. И. К вопросу о методике оценки ресурсного потенциала археологических объектов в системе средств популяризации историко-культурного наследия регионов РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 254–264. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.19>

Introduction. *Relevance of the research topic.* The destructive impact of globalism in the form of the comprehensive spread of mass culture and the “abolition” of national and regional cultural values, has led to disastrous consequences in the form of oblivion of cultural heritage. Given the specifics of the openness of modern information society, the specifics of political systems and directions of constitutional law development, one

of the most effective forms of preservation of national and cultural identity is the actualization and use of cultural monuments in the enlightenment and educational spheres of tourism. At the same time, being a product of globalism, which is undergoing the deepest essential and institutional crisis in the post-pandemic period, it is mass tourism that preserves its fundamental cultural and cognitive function.

“Travelling man” as a reflection of a certain social environment is influenced by specific ideological and value orientations and life attitudes. Highlighting the special status of cultural heritage in the system of social relations, as well as assigning it a priority place in public policy of different levels and directions can be clearly defined as a sign of sustainability of socio-cultural development. Tangible and intangible cultural monuments, first of all, should be considered as a particularly valuable and not subject to essential deformations ideological foundation of the process of formation of a spiritually healthy society. Satisfaction of people’s cultural needs, realization of humanistic constitutional rights, including through acquaintance with the heritage sites, is part of the modern socio-cultural environment. At the same time, cultural monuments as objects of cultural and cognitive practice act as a resource for expanding historical knowledge.

The purpose of the study is to identify and characterize means aimed at to popularize regional historical and cultural heritage. The study includes the following tasks: to determine forms of popularizing historical and cultural heritage; to identify factors that affect the development of promising directions in popularization practice at the regional level, as well as to identify methodological foundations that determine its effectiveness.

Problem statement. In the conditions of globalization the monuments of culture and history are given a special role of value factors determining the specificity of the development of socio-cultural processes. Globalized transnational culture is a direct threat to the preservation of national identity, distinctive cultural tradition, and cultural heritage [19, pp. 85-86; 11, p. 73].

The problem of cultural heritage preservation, including through its actualization in the implementation of museumification tasks, has a direct connection with the environmental understanding of culture, with the concept of cultural landscape, historical memory and other components of culture as an integral system [1, p. 96]. Cultural and historical environment is the most effective mechanism of formation and preservation of historical memory. Historical memory as a result of the successive social accumulation of socio-cultural experience provides not only preservation of cultural values

and traditions transmission, but also spiritual health of society. The very process of formation of historical memory is most effectively provided through widely available relevant forms and types of cultural practices of popularization of cultural and historical heritage, in which objects of cultural heritage act as basic sources of activities to preserve the diversity of national, ethnic and religious culture [18, pp. 14-16; 8, pp. 221-223].

The protection of cultural and historical heritage sites is ensured by an appropriate political and legal culture, moral guidelines and the will to pass it on to future generations. The preservation of cultural heritage is aimed not only at the formation and development of appropriate current forms of culture-bearers’ self-identification, but also at the development of intercultural and inter-civilizational relations. Destruction and oblivion of cultural heritage sites threaten a spiritual crisis, destruction of social and historical memory. Modern practices for the protection of cultural heritage are aimed not only at its preservation in its primary form, but also at achieving its maximum accessibility and popularization.

Since museumification remains the main form of cultural heritage preservation, museums are the main subjects of its popularization [5] (for details on the content, types, and methods of museumification, see: [9]). Museums as the main socio-cultural institution specializing in the study, identification and preservation of regional heritage should become a link between heritage and tourism, ensuring the preservation of historically and culturally significant monuments. The implementation of preservation and popularization functions of museums has led to their special place in the system of teaching and educational practices, including enlightenment, education and tourism. Using a combination of means and forms of popularization, museums not only ensure the cultural heritage preservation of the regions, but also develop relevant approaches to its actualization by expanding the directions of participation in society, organizing innovative interactive and project activities [7, pp. 151-153; 16].

As part of the subject of the study, we should note that the most common forms of popularization of archaeological heritage are the creation of specialized exhibitions and archaeological

museums, archaeological museum-preserves, including open-air museums.

Filling with objects and types of presentation / representation in such sites has no typical solution and depends on many factors: the specificity of the archaeological sites themselves (in terms of form and type); infrastructure; the level of technological support; the existence of traditions in the field of museumification and archaeological practice. The following sites can be recognized as examples of an effective approach to the choice of the form of presentation of archaeological heritage. On the one hand, it is the reconstructed museum-preserve “Kostenki” (Voronezh Oblast), representing the Paleolithic dwelling made of mammoth bones. On the other hand, it is the archaeological museum-preserve “Tanais”, acting as an interactive living museum, containing the traditional exhibition museum halls, a collection room, a scientific department and restoration studios.

Transmission of cultural values, their perception within the framework of intercultural dialogue and preservation in the process of spiritual development of society in the form of cultural and historical memory is provided by tourism as the most accessible socio-cultural practice. The main condition for the preservation of cultural and historical heritage is continuity, achieved through repeatable social practices. One of the most effective and most accessible forms of popularization and preservation of cultural and historical heritage is tourism. Actualization of cultural heritage sites, including memorialization sites, in the framework of their use in the excursion practice of heritage tourism allows solving multiple tasks in the field of spiritual and patriotic education [2, pp. 99-101].

Cultural and historical heritage determines the content of the cultural potential of a particular territory, and also affects the choice of forms of cultural heritage sites actualization in the framework of ensuring effective promotion through their use in tourism. One of the main humanistic goals of heritage tourism is to preserve monuments, encourage the construction of museums and preserve the cultural landscape of territories. Currently, one of the main obstacles to the development and organization of heritage tourism is the problem of preservation of cultural heritage sites. Despite the special role of tourism

as a form of promotion, it is necessary to recognize the problem of maintaining the integrity and pristine nature of cultural heritage, since cultural and historical monuments are the ultimate resource.

Tourism is an interdisciplinary knowledge, combining almost all branches of scientific knowledge, including those concerning the preservation of cultural heritage through various forms of its presentation. Tourism itself is represented by an extremely heterogeneous activity, formalized by the purposes of tourist travel in various forms.

In the context of cultural heritage preservation policy, heritage tourism as a subspecies of cultural and cognitive tourism acquires particular importance among the types of tourism. Heritage tourism has no formal definition in the domestic law and doctrine. However, in the foreign literature, it has not only received an established understanding, but also took an independent place in the understanding of the problem of museumification of cultural heritage sites in modern society. When it comes to understanding heritage tourism, it is generally accepted that its fundamental quality is the orientation of the tourist to get acquainted with objects of cultural heritage [37, pp. 239-243; 33; 36; 25; 41, pp. 3-4].

The critical feature of heritage tourism as a special type of socio-cultural practice is manifested in the highest degree of public involvement in cultural and cognitive activities. Heritage tourism and its subtypes significantly expand the range of subjects of knowledge, as well as cognitive tools, together with the channels of dissemination of knowledge, making it accessible.

Due to its interactivity and the possibility of combining several forms of recreational, cultural and cognitive activities, one of the most promising forms of promotion of cultural and historical heritage is archaeological tourism. Archaeological tourism (sometimes archaeotourism) is a special kind of tourism which is a subspecies of heritage tourism. In general, most experts agree that archaeological tourism is a journey to visit historical sites, museums and sites that constitute the archaeological heritage of an area (i.e. archaeological monuments) [39, p. 32; 32, p. 162]. In addition, archaeological tourism may also

include visits to archaeological laboratories, ongoing field research and even travelers' direct participation [30, p. 66; 34, p. 165]. The latter form of the organization of archaeotourism in the western literature was called "volunteer archaeological tourism" (see, for example: [31; 35]). Thus, archaeological tourism carries out many functions: cognitive, educational, communicative, promotes preservation and popularization of cultural and historical heritage sites. It is closely connected with scientific, rural, ecological and other types of tourism. Its main goal is to reveal the specificity of certain periods of development of human society in the process of acquaintance with archaeological monuments as objects of display. Archaeological monuments include archaeological finds, tangible assets of the past which are very diverse and, accordingly, their classification can be different. In the general totality of cultural heritage sites, it is archaeological objects that constitute their essential part.

The attractiveness and high socio-cultural significance of archaeological tourism are determined not only by the uniqueness of the archaeological sites themselves, but also by the possibility of involving citizens in rescue archaeological work, as well as various forms of their interactive representation (from reconstruction of the organization of ancient people's household to modelling ancient and medieval rituals, as well as acquaintance with archaeology as a science). Archaeological tourism is widespread abroad and is systematically fixed in the Russian tourist practice. Underdevelopment of the domestic archaeological tourism is primarily based on the lack of understanding of its resource base.

The preservation of cultural heritage in some form of presentation / representation is aimed not only at the transmission of historical memory, but also at the transfer of a complex of knowledge to the next generations. By determining cultural heritage as a subject of scientific research, we expand the opportunities of historical knowledge in the field of religious, ethnocultural, social and political history. The specificity of the content of cultural policy should be focused on achieving the most effective and preserving results of cultural and historical heritage actualization through various socio-cultural practices of popularization [20, p. 198; 10, p. 66].

Determination of actual forms of popularization of cultural heritage through its representation and presentation in the framework of tourist projects implementation is limited by the condition of cultural heritage sites and possibilities of their use/updating. In the latter case, the factor of territorial distribution of the cultural heritage sites and their existing spatial organization should be highlighted as a determining one.

In such circumstances, the most effective mechanism for the inclusion of cultural heritage in tourism as the most accessible popularization of socio-cultural practice is the cultural framework of the territory. As a form of spatial organization of cultural heritage sites, it is a system of micro-territories with historical and cultural content, providing infrastructural accessibility of cultural monuments, various types of museum objects and aimed at creating conditions of maximum accessibility of cultural and historical display objects. Effectively formed cultural framework unites all the territorial tangible and intangible cultural heritage sites into a systemic totality, allowing for the widest development of research, scientific-cognitive and cultural-educational activities [13, pp. 131–132; 20, pp. 199–200].

Volograd Oblast has a large number of archaeological monuments belonging to various cultures. The revealed archaeological material is museumified and placed in local history museums of the region. The use of the region's archaeological potential in local history activities of cultural, cognitive and educational orientation within the framework of heritage and archaeological tourism is a priority goal in the sphere of popularization of the region's cultural heritage. Its achievement is limited by the weak study of archaeological heritage sites as a factor in the popularization of the cultural heritage of the region in the form of tourism. The reasons for this are: insufficient attention to the organization of profile cultural and educational activities within the framework of educational work of historical and local history orientation, undeveloped promising forms of actualization of cultural heritage sites on the basis of museumification means. The primary task on the way to overcoming the existing limitations is the assessment of the cultural potential and the formation of the cultural framework of the region on its basis.

Given the specificity of tourism heritage and the quality of cultural and historical heritage of Volgograd Oblast, reflecting the millennial cultural, political and religious history of the Great Steppe that unites several civilizations at once, it seems appropriate to develop an archaeological historical and cultural framework of Volgograd Oblast. Developing a methodology for assessing the archaeological potential of Volgograd Oblast in the field of tourism will allow us to understand the principle of formation of a unique geo-cultural image of the region as the basis of cultural and historical framework.

Methods and materials. The choice of appropriate methods for assessing the tourist potential of a territory depends on a number of pre-established indicators, among which are the object, subject, purpose, as well as the assessment criteria. Since the purpose of evaluation is the development of archaeotourism in Volgograd Oblast, the object of evaluation is, respectively, the archaeological tourism potential of the region which we will consider as a set of archaeotourism potential of municipalities within it, while the subject of the evaluation is the representatives of governments interested in tourism development within their assigned territory. An adequate approach to achievement of this goal could be offered by a combination of the following methods widely used to assess the tourist industry:

Analytic Hierarchy Process (AHP) [26, p. 427sq.; 29, p. 8sq.] (it is also worth noting the so called Fuzzy-AHP Approach developed by a group of Chinese researchers which is a combination of classic AHP and Fuzzy Comprehensive Evaluation Method (FCEM) [28]) is a mathematical method which is used to make informed decisions by decomposing the problem under study and presenting the latter as a hierarchical structure consisting of three levels, including the final goal (the upper level), criteria (sub-criteria) and alternatives (the lower level). As part of the assessment of the archaeotourism potential of the territory, this method can be used to determine the weights of the selected evaluation criteria by their pairwise comparison by the decision maker (expert) on a scale of 1 to 9.

Weighted Linear Combination (WLC) [22, p. 1; 29, p. 8] is another mathematical method

that is used for expert ranking of selected criteria according to a set rating scale.

Furthermore, to assess the archaeotourism potential of municipalities in the region, it is necessary to involve applied methods of assessment: the questionnaire and Geographic Information System (GIS). The questionnaire should be carried out with the help of purposive (non-probability) sampling method [27, p. 26sq.; 40, p. 17sq.; 23, p. 101] which will determine the expert group of representatives of public authorities, scientific-pedagogical workers and employees of cultural and leisure institutions. Relative archaeotourism potential of municipal formations of Volgograd Oblast should be reflected by means of the corresponding cartogram with application of the elementary spatial analysis method [21; 24; 38; 29, pp. 3-7].

In general, we can summarize that the relevant methodology for assessing the archaeotourism potential of the territory should meet, above all, the requirement of comprehensiveness, i.e. to take into account quantitative and qualitative parameters, to provide a component-by-part, multi-criteria analysis, to calculate particular and integral indicators.

Analysis. There are 1,227 monuments of archaeology in Volgograd Oblast [14]. According to our calculations using the data of the National Cultural Heritage Register of Russia, 1,192 archaeological monuments have the status of objects of federal significance [17]. Another 306 objects of archaeological heritage are on the list of identified objects of cultural heritage of Volgograd Oblast [15]. Nevertheless, the region's potential for the development of archaeological tourism, as far as we know, has not yet become the subject of a special study. There are several articles devoted to the assessment of the tourism potential of the region as a whole [3; 6; 4]. They have mostly theoretical and descriptive character. As for archaeological tourism in Volgograd Oblast, we could not find any serious research on this topic.

So, first of all, we should identify the criteria for assessing the archaeotourism potential of the region, the number of which, we believe, can be limited to 1 quantitative and 7 qualitative indicators. Each qualitative criterion is ranked according to the evaluation scale with 4 rating points – 0, 2, 4 and 5 (Table 1) (see: [12, pp. 491-493]).

Table 1. Qualitative criteria for assessing the archaeotourism potential of municipalities of Volgograd Oblast

Criterion	Definition	Rating scale	Rating points
Uniqueness (U_i)	Typicality or uniqueness of the archaeological heritage sites in the territory of the municipality, average score ¹	>1.05 >1.025–1.05 1–1.025 1	5 points 4 points 2 points 0 points
Attractiveness (V_i)	Visual attractiveness, informativeness, accessibility of perception of the archaeological heritage sites in the territory of the municipality, average score ²	>1.2 >1.1–1.2 1–1.1 1	5 points 4 points 2 points 0 points
Transportation accessibility (A_i)	Distance from each site to the administrative center of the municipality, average score ³	>3 >1–3 0.5–1 <0.5	5 points 4 points 2 points 0 points
Distance to the regional center (D_i)	Distance of the administrative center of the municipality from the point of entry into the region	<50 km >50–150 km >150–300 km >300 km	5 points 4 points 2 points 0 points
Density (P_i)	Density of archaeological heritage sites on the territory of the municipality ⁴	>0.012 site/km ² >0.005–0.012 site/km ² 0.002–0.005 site/km ² <0.002 site/km ²	5 points 4 points 2 points 0 points
Capacity of collective accommodation facilities (C_i)	Number of beds in collective accommodation facilities on the territory of the municipality	>250 pcs. >150–250 pcs. 50–150 pcs. <50 pcs.	5 points 4 points 2 points 0 points
Seating capacity (F_i)	The number of seats in public catering establishments in the territory of the municipality	>300 u. >200–300 u. 100–200 u. <100 u.	5 points 4 points 2 points 0 points

Note. ¹ – the average index of uniqueness U of the objects of archaeological heritage in the territory of municipality i is derived as follows. Each archaeological monument is ranked on an assessment scale from 1 to 3 points where 3 points mean a site which is unique for the country, 2 points are given to a site unique for the region, but typical for the country, and 1 point – to a site which is typical for the region. Then the arithmetic mean is calculated by the formula $U_{icp} = \frac{\sum U_i}{n_i}$, where n_i is the total number of archaeological heritage sites on the territory of the municipality. ² – the average index of attractiveness V of archaeological heritage sites of municipality i is calculated as follows. All archaeological monuments in the territory of the municipality are ranked on a scale of assessment from 1 to 5 points, based on their belonging to a particular type, among which in the territory of Volgograd Oblast, according to the data from the National Cultural Heritage Register of Russia, there are burial monuments (solitary mounds, mound groups / burial grounds), settlement monuments (dwelling site, site of ancient town), ramparts (regardless of purpose). Points are distributed by type of archaeological monuments in the course of expert evaluation. Then the arithmetic mean is calculated using the formula $V_{icp} = \frac{\sum V_i}{n_i}$. ³ – the average indicator of distance A from each archaeological heritage site on the territory of municipality i to its administrative center is calculated by the formula $A_{icp} = d_{icp}c$, where d_{icp} is the average distance (km) from archaeological monuments located on the territory of the municipality to its administrative center by road, and c is correction factor of transport accessibility. The distance from each archaeological monument to the administrative center of the region is ranked on a scoring scale from 0 to 3 points where 3 points are assigned to an object located less than 10 km from Volgograd, 2 points to those more than 10 to 50 km, 1 point to those more than 50 to 100 km, 0 points to those more than 100 km. Then the arithmetic mean is calculated using the formula $A_{icp} = \frac{\sum A_i}{n_i}$. To obtain the correction factor c , the transport accessibility of archaeological heritage sites on the territory of the municipality should be evaluated by roads from the administrative center of the municipality using an assessment scale from 1 to 3 points where 3 points are assigned to roads of federal importance, 2 points to those of regional importance, 1 point to those of local importance. Then the arithmetic mean is calculated using the formula $C_{icp} = \frac{\sum c_i}{n_i}$ which is divided by the maximum score ($c_{max} = 3$). If transport accessibility to the archaeological site is provided by roads of different importance, the category of roads should be selected that covers most of the way to the site from the administrative center of the municipality. ⁴ – density P of archaeological heritage sites on the territory of municipality i is calculated by the formula $P_i = \frac{n_i}{S_i}$, where n_i is the number of archaeological heritage sites on the territory of the municipality (units), and S_i is the area of the municipality (km²).

Weighting of qualitative evaluation criteria. Since the selected criteria for assessing the archaeotourism potential of municipalities in Volgograd Oblast play an unequal role in the formation of the tourist potential of the territory, it is necessary to determine the weighting coefficients (w) for each of them. This task can be solved by the above-mentioned method of hierarchy analysis. Thus, all the criteria are subject to a pairwise expert evaluation according to the following “superiority scale”, where 1 – equal value, 3 – insignificant superiority, 5 – strong superiority, 7 – very strong superiority, 9 – extreme superiority.

All of our selected criteria are summarized in the following table (Table 2).

Evaluation formula. The final formula for assessing the archaeotourism potential of a municipality (T_i) will look like this:

$$T_i = n_i \times (U_i w_1 + V_i w_2 + A_i w_3 + D_i w_4 + P_i w_5 + C_i w_6 + F_i w_7).$$

The archaeotourism potential of the region as a whole is the sum of the archaeotourism potentials of the municipal formations within it ($T = \Sigma T_i$). The relative archaeotourism potential (T_0) of a municipality in relation to the entire territory of the region is calculated by the formula $T_0 = \frac{T_i}{T_{\max}}$, where T_{\max} is the maximum archaeotourism potential among all municipalities of the region.

Results. The traditionally high role of tourism in cultural and cognitive activities is reflected in international and national standard-setting practice. At the same time, the development of heritage tourism provides protection and maintenance of cultural objects. Popularization aspect of archaeological tourism

as a variety of cultural and cognitive activities is reflected not only in the UNESCO Convention on Cultural Tourism, but also more narrowly / substantively defined in national and international acts governing the protection and preservation of cultural heritage. Ensuring the preservation and protection of cultural monuments as part of popularization activities in the form of heritage tourism and archaeological tourism is directly related to the issue of presentation and representation of cultural heritage, as well as the problem of relevant directions and means of museumification of cultural monuments.

The rich archaeological heritage of Volgograd Oblast is of special tourist interest. The introduction of archaeological sites into tourism practice not only through visits to museums, but also within the framework of visits to archaeological monuments, will expand the channels of popularization of the cultural heritage of the region. We proposed a methodology for a comprehensive, component-by-part evaluation of the resource potential of Volgograd Oblast in the field of archaeological tourism enabling us to bring a huge layer of historical and cultural heritage up to date.

The results of the study lead to the conclusion that the development of archaeological tourism, as well as heritage tourism in general, acting as the most accessible and most popular forms of popularization of cultural heritage, will be provided by the development of the historical and cultural framework of the territory, based on the assessment of the potential of a particular type of objects included in the system set of cultural heritage. Given the specifics of the research format and the special place of archaeological sites in the cultural heritage of Volgograd Oblast, we proposed a methodology for assessing the potential of archaeological sites in the tourist show

Table 2. Matrix of paired comparisons of qualitative evaluation criteria of archaeotourism potential of municipalities of Volgograd Oblast

Criteria	U_i	V_i	A_i	D_i	P_i	C_i	F_i	Total	Weight coefficients
U_i	1.00								
V_i		1.00							
A_i			1.00						
D_i				1.00					
P_i					1.00				
C_i						1.00			
F_i							1.00		
							Total		

industry which is the most accessible and promising form of popularization of the cultural heritage of the region.

NOTE

¹ The study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as research project no. 0633-2020-0004 “Development of methods of virtual 3D reconstruction of historical objects”.

REFERENCES

1. Astafyeva O.N. Istoricheskaya pamyat kak resurs kulturnoy politiki i formirovanie kollektivnoy identichnosti [Historical Memory as a Resource of Cultural Policy and the Formation of Collective Identity]. *Kulturnaya pamyat v kontekste formirovaniya natsionalnoy identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural Memory in the Context of the Formation of the National Identity of Russia in the 21st Century]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2015, pp. 95-115.
2. Aphonina I.E. Kulturno-poznavatelnyy turizm v kontekste patrioticheskogo vospitaniya v novykh usloviyakh planirovaniya i ekonomicheskogo stimulirovaniya [Cultural and Educational Tourism in the Context of Patriotic Education in the New Conditions of Planning and Economic Stimulation]. *Aktualnye voprosy razvitiya nauki na sovremennom etape* [Topical Issues of the Development of Science at the Present Stage]. Moscow, MPGI Publ., 2019, pp. 99-104.
3. Belikova E.V., Syrbu A.N. Kompleksnaya otsenka faktorov formirovaniya resursov Volgogradskoy oblasti [Comprehensive Assessment of the Volgograd Region Resources Formation]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law], 2014, no. 2 (27), pp. 131-134.
4. Belikova E.V., Nozdrenkova O.V. Issledovanie turistskogo potentsiala Volgogradskoy oblasti, a takzhe otsenka perspektiv territorii [Investigation of Tourist Potential of Volgograd Region and Assessment of Territory Perspectives]. *Vzaimodeistvie biznesa s sotsialno-ekonomicheskoy sferoy v usloviyakh modernizatsii ekonomiki i obrazovaniya* [Interaction of Business with the Socio-Economic Sphere in the Context of Modernization of the Economy and Education]. Volgograd, s.n., 2018, pp. 90-94.
5. Vetrova N.V., Fedorov O.A. Rol muzeev v sokhranении i aktualizatsii kulturnogo naslediya [The Role of Museums in the Preservation and Actualization of Cultural Heritage]. *Formirovanie regionalnoy kulturnoy politiki v kontekste modernizatsii obrazovaniya* [Formation of Regional Cultural Policy in the Context of Modernization of Education]. Orel, OGIK Publ., 2014, pp. 274-278.
6. Volkov S.K. Analiz turisticheskogo potentsiala Volgogradskoy oblasti [Analysis of Tourist Potential of the Volgograd Region]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 2015, no. 3 (9), pp. 25-35.
7. Gan O.N. Proektnaya deyatelnost muzeya kak sposob aktualizatsii istoriko-kulturnogo naslediya [Project Activity of a Museum as a Way of Actualization of Historical and Cultural Heritage]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture], 2014, no. 3 (20), pp. 151-154.
8. Dandamaeva Z.E. Ob aktualnykh problemakh sokhraneniya i ispolzovaniya istoriko-kulturnogo naslediya Rossii [About Actual Problems of Preservation and Use of Historical and Cultural Heritage of Russia]. *Dukhovnye osnovy otnosheniy chelovek – priroda* [The Spiritual Foundations of the Human – Nature Relationship]. Cheboksary, ChGSKhA Publ., 2020, pp. 221-225.
9. Zolotovskiy V.A. Digital Museumification as a Promising Mechanism for the Preservation and Presentation (Representation) of Historical and Cultural Heritage: Towards the Formulation of the Question. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 256-271. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.21>
10. Imankulov D.D., Bektemirova Z.A., Moldaliev I.T. Kulturnoe nasledie – kak faktor ustoychivogo razvitiya [Cultural Heritage as a Factor of Sustainable Development]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta* [Vestnik of Kyrgyz-Russian Slavic University], 2020, vol. 20, no. 8, pp. 65-69.
11. Kozhokar V.A. Sovremennye formy populyarizatsii istoriko-kulturnogo naslediya Priirtyshya muzeem Ertis v Pavlodarskoy oblasti [Modern Forms of Popularization of the Historical and Cultural Heritage of the Irtysh Region by the Ertis Museum in the Pavlodar Region]. *Fundamentalnye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh projektov RFFI* [Fundamental Problems of the Humanities: Experience and Prospects for the Development of RFFI Research Projects]. Moscow, AltGPU Publ., 2020, pp. 73-75.
12. Lysikov P.I. Otsenka potentsiala regionov RF dlya razvitiya spetsialnykh vidov turizma: k postanovke problemy (na primere arkhologicheskogo turizma v Volgogradskoy oblasti) [Evaluating Potential of Russian Regions for Developing Special Types of Tourism: The

Problem Statement (On the Example of Archaeological Tourism in the Volgograd Region)]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2021, vol. 15, no. 7, pp. 488-494.

13. Muravyeva M.V. Kulturno-istoricheskiy karkas kak osnova territorialnoy organizatsii turistskoy deyatel'nosti na territorii Ryazanskoy oblasti [Cultural and Historical Framework as the Basis of the Territorial Organization of Tourist Activity in the Territory of the Ryazan Region]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin], 2008, no. 2 (19), pp. 131-138.

14. Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Volgogradskoy oblasti «Razvitie kultury v Volgogradskoy oblasti»: postanovlenie Administratsii Volgogradskoy oblasti ot 8 maya 2015 g. № 217-p [On Approval of the State Program of the Volgograd Region "Development of Culture in the Volgograd Region": Decree of the Administration of the Volgograd Region of May 8, 2015 № 217-p]. *Volgogradskaya pravda*, 2015, May, 20 (no. 88).

15. Perechen vyyavlennykh obektov kulturnogo naslediya [List of Identified Cultural Heritage Sites]. *Komitete gosudarstvennoy okhrany obektov kulturnogo naslediya Volgogradskoy oblasti* [The Committee for the State Protection of Cultural Heritage Objects of the Volgograd Region]. URL: <https://nasledie.volgograd.ru/objects/vyyavlennye-obekty-kulturnogo-naslediya/perechen-vyyavlennykh-obektov-kulturnogo-naslediya>

16. Gogunskaya T.A., Karmazina N.V., eds. *Sbornik metodicheskikh materialov po sotsialnomu proektirovaniyu i metodik aktivizatsii professionalnogo samoopredeleniya v sfere sokhraneniya kulturnogo naslediya* [Collection of Methodological Materials on Social Design and Methods of Activating Professional Self-Determination in the Field of Cultural Heritage Preservation]. Simferopol, IT "Arial" Publ., 2020. 152 p.

17. Svedeniya iz Edinogo gosudarstvennogo reestra obektov kulturnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kultury) narodov Rossiyskoy Federatsii [Information from the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation]. *Ministerstvo kultury Rossiyskoy Federatsii* [Ministry of Culture of the Russian Federation]. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>

18. Sivolap T.E. Aktualnye problemy sokhraneniya kulturnogo naslediya Rossii [Actual Problems of Preserving the Cultural Heritage of Russia]. *Obrazovanie i nauka bez granits: fundamentalnye i prikladnye issledovaniya* [Education and Science Without Borders: Fundamental and Applied Research], 2016, no. 1, pp. 14-18.

19. Frolenkova I.Yu. Sokhranenie kulturnogo naslediya sredstvami kulturnogo i dukhovno-poznavatel'nogo turizma [Preservation of Cultural Heritage by Means of Cultural and Spiritual-Educational Tourism]. *Missiya konfessiy* [Mission of Confessions], 2018, vol. 7, no. 1 (28), pp. 84-90.

20. Shulgin P.M., Shtelev O.E. Kulturnyy karkas kak forma ispolzovaniya kulturnogo naslediya i osnova territorialnoy organizatsii turizma v rossiyskikh regionakh [Cultural Framework as a Form of Using Cultural Heritage and the Basis of Territorial Organization of Tourism in Russian Regions]. *Turizm: nauka i obrazovanie* [Tourism: Science and Education]. Khimki, Universitetskaya kniga Publ., 2021, vol. 2, pp. 197-206.

21. Aldakhil M.D.A. *Classification of Tourism Potential in Al-Qaseem, Saudi Arabia Using GIS: Doct. Thesis*. Leicester, 2007. XIII, 296 p.

22. Ashouri P., Faryadi Sh. Potential Assessment of Nature-Based Tourism Destinations Using MCA Techniques (Case Study: Lavasan-e Koochak). *Journal of Environmental Studies*, 2010, vol. 36, no. 55, pp. 1-3.

23. Asmelash A. An Assessment of Potential Resources of Tourism Development in Ethiopia: The Case of Dejen Wereda. *African Journal of History and Culture*, 2015, vol. 7 (4), pp. 100-108.

24. Baskerville B.G. *Building a GIS Model to Assess Agritourism Potential: A Master Thesis*. Lincoln, NE, 2013. vii, 98 p.

25. Chapagain N.K., Joshi J. Heritage Tourism and Sustainable Development. *Tourism and Development in the Himalaya*. Oxon, New York, Routledge Publ., 2022, pp. 286-307.

26. Deng J. et al. Evaluating Natural Attractions for Tourism. *Annals of Tourism Research*, 2002, vol. 29, no. 2, pp. 422-438.

27. Edward M., George B.P. Tourism Development in the State of Kerala, India: A Study of Destination Attractiveness. *European Journal of Tourism Research*, 2008, vol. 1, no. 1, pp. 16-38.

28. Gu X. et al. Evaluating Nature-Based Tourism Destination Attractiveness with a Fuzzy-AHP Approach. *Sustainability*, 2022, vol. 14, pp. 1-23.

29. Hoang H.T.T. et al. Multicriteria Evaluation of Tourism Potential in the Central Highlands of Vietnam: Combining Geographic Information System (GIS), Analytic Hierarchy Process (AHP) and Principal Component Analysis (PCA). *Sustainability*, 2018, vol. 10, pp. 1-20.

30. Hughes K. et al. Integrating Education and Entertainment in Archaeological Tourism: Complementary Concepts or Opposite Ends of the Spectrum? Walker C., Carr N., eds. *Tourism and Archaeology: Sustainable Meeting Ground*. Walnut Creek, Left Coast Pr., 2013, pp. 65-90.

31. Kaminski J. et al. Volunteer Archaeological Tourism: An Overview. *Volunteer Tourism: Theoretical*

Frameworks and Practical Applications. London; New York, Routledge Publ., 2011, pp. 157-174.

32. Khan S. Archaeological Tourism and Heritage Management: A Case Study of Taxila Valley. *Journal of Asian Civilizations*, 2020, vol. 43, no. 1, pp. 159-173.

33. Light D. Heritage Tourism. *Tourism Planning and Development*, 2014, vol. 11 (4), pp. 472-473.

34. Melgarejo A.M., López I.S. Relationship between Tourism and Archaeology: Archaeological Tourism, an Independent Tourism Typology. *Pasos. Revista de Turismo y Patrimonio Cultural*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 163-180.

35. Möller K. Archaeologist for a Week: Voluntourism in Archaeology. *Feasible Management of Archaeological Heritage Sites Open to Tourism*. Cham, Springer Publ., 2019, pp. 105-114.

36. Neef A. Cultural Heritage Tourism. *Tourism, Land Grabs and Displacement*. Oxon, New York, Routledge Publ., 2021, pp. 144-164.

37. Poria Y., Butler R., Airey D. The Core of Heritage Tourism. *Annals of Tourism Research*, 2003, vol. 30 (1), pp. 238-254.

38. Rahayuningsih T., Harini Muntasib E.K.S., Prasetyo L.B. Nature Based Tourism Resources Assessment Using Geographic Information System (GIS): Case Study in Bogor. *Procedia Environmental Sciences*, 2016, vol. 33, pp. 365-375.

39. Srivastava S. Archaeotourism: An Approach to Heritage Conservation and Area Development. *Global Journal of Engineering, Science & Social Science Studies*, 2015, vol. 1, iss. 2, pp. 31-42.

40. Taylor T.K., Banda-Thole Ch. Tourism Development Potential of the Northern Province of Zambia. *American Journal of Tourism Management*, 2013, vol. 2 (1A), pp. 10-25.

41. Zhu Y. *Heritage Tourism: From Problems to Possibilities*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. 79 p.

Information About the Authors

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Pavel I. Lysikov, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, lysikov@volsu.ru, blademaster18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

Информация об авторах

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Павел Иванович Лысиков, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, lysikov@volsu.ru, blademaster18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.20>

UDC 930.1(091)
LBC 63.1

Submitted: 22.07.2022
Accepted: 31.08.2022

TO THE 80th ANNIVERSARY OF PROFESSOR V.A. KITAEV

Oleg V. Kuznetsov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article was prepared for the 80th anniversary of the doctor of historical sciences, professor Vladimir Anatolyevich Kitaev. Student of the outstanding soviet historian P.A. Zaionchkovsky, graduate of Gorky State University V.A. Kitaev is an authoritative expert in the field of social movement and public thought in Russia of the 19th century. V.A. Kitaev revealed and convincingly proved that the Russian thought of the 19th century sought answers to topical political and socio-economic issues on the path of ideological synthesis. Conservatism contained elements of liberalism (slavophiles); Russian liberals have not escaped the influence of conservative ideas (K.D. Kavelin, B.N. Chicherin); the journal “Bulletin of Europe” became the ancestor of social liberalism in Russia; one of the leaders of the decembrists, P.I. Pestel, in his constitutional draft attempted to combine liberalism, conservatism, and socialism. The article suggests that such an ideological synthesis could be a reflection of the ideas of the Russian people, which contained the age-old dreams of freedom and the pursuit of it, commitment to traditional national and state values, thirst for social justice. In 1983–1999 V.A. Kitaev worked at Volgograd State University. He was the first dean of the Faculty of History and permanent head of the Department of Russian History. Under his leadership the traditions of the Faculty of History (now the Institute of History, international relations and social technologies) were laid. Now V.A. Kitaev is a professor at Nizhny Novgorod State University.

Key words: social movement, public thought, liberalism, conservatism, westerners, slavophiles, Volgograd State University, Gorky (Nizhny Novgorod) State University.

Citation. Kuznetsov O.V. To the 80th Anniversary of Professor V.A. Kitaev. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 265-269. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.20>

УДК 930.1(091)
ББК 63.1

Дата поступления статьи: 22.07.2022
Дата принятия статьи: 31.08.2022

К 80-летию ПРОФЕССОРА В.А. КИТАЕВА

Олег Викторович Кузнецов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья подготовлена к 80-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Владимира Анатолевича Китаева. Ученик выдающегося советского историка П.А. Зайончковского, выпускник Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского В.А. Китаев является авторитетнейшим специалистом в области общественного движения и общественной мысли России XIX века. Ученый показал и убедительно доказал, что ответы на злободневные политические и социально-экономические вопросы русская мысль XIX в. искала на путях идеологического синтеза: в консерватизме содержались элементы

либерализма (славянофилы); российские либералы не избежали влияния консервативных идей (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин); журнал «Вестник Европы» стал родоначальником социального либерализма в России; один из лидеров декабристов П.И. Пестель в своем конституционном проекте предпринял попытку соединить либерализм, консерватизм, социализм. В статье проводится мысль, что такой идеологический синтез мог быть отражением представлений русского народа, в которых заключались вековые мечты о свободе и стремление к ней, приверженность традиционным национально-государственным ценностям, жажда социальной справедливости. В 1983–1999 гг. В.А. Китаев работал в Волгоградском государственном университете. Он был первым деканом исторического факультета и бессменным заведующим кафедрой истории России. При нем закладывались традиции исторического факультета (ныне – Института истории, международных отношений и социальных технологий) ВолГУ. Сегодня В.А. Китаев является профессором Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Ключевые слова: общественное движение, общественная мысль, либерализм, консерватизм, западники, славянофилы, Волгоградский государственный университет, Горьковский (Нижегородский) государственный университет.

Цитирование. Кузнецов О. В. К 80-летию профессора В.А. Китаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 265–269. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.20>

В этом году свой 80-летний юбилей отмечает доктор исторических наук, профессор Владимир Анатольевич Китаев. Выпускник Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского В.А. Китаев проработал в ВолГУ с 1983 по 1999 год. Он был первым деканом исторического факультета и бессменным заведующим кафедрой истории России. Все эти годы Владимир Анатольевич руководствовался принципом-девизом, которому сам никогда не изменял: «Профессионализм в работе – порядочность в отношениях».

В.А. Китаев закладывал на факультете традиции, которые сохранялись и в последующие годы, когда он уже не был деканом, а полностью сосредоточился на руководстве кафедрой и преподавательской деятельности. Среди этих традиций: ежегодные факультетские Дни историка, в которых самое активное участие принимали и студенты, и преподаватели, раскрывая подчас в себе таланты, о которых, быть может, и сами до этого не подозревали; объединенные тематические спецсеминары студентов разных курсов, специализирующихся у разных преподавателей; методологические семинары преподавателей факультета; приглашение видных ученых для чтения лекционных курсов.

Благодаря во многом В.А. Китаеву в нашем вузе появился диссертационный совет по историческим наукам. Его председателем Владимир Анатольевич был до своего ухода из университета и отъезда из Волгограда. Ученый внес немалый вклад в развитие на-

учных связей с Кельнским университетом, в котором проводились серьезные исследования в области русской истории.

Время работы В.А. Китаева в Волгоградском государственном университете – период его активной научной деятельности.

Владимир Анатольевич приехал в Волгоград и поступил на работу в ВолГУ, как принято говорить в таких случаях, уже сложившимся ученым. За плечами блестящие защиты кандидатской и докторской диссертаций, посвященных истории общественного движения и общественной мысли России в XIX веке. Его учителем был выдающийся советский историк, профессор Московского государственного университета П.А. Зайончковский. Научная «родословная» П.А. Зайончковского восходит к В.О. Ключевскому. Эту связь постоянно ощущал и Владимир Анатольевич. Не случайно на кафедре, в его рабочем кабинете висел портрет В.О. Ключевского.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. – время вступления В.А. Китаева в большую науку – в истории общественного движения и общественной мысли приоритет в исследованиях отдавался одному направлению: история революционного движения и история социалистической мысли. И надо было обладать определенной научной смелостью, чтобы взяться за разработку проблемы истории либерализма в России.

В кандидатской диссертации «Из истории общественной мысли России второй половины 50-х – начала 60-х годов XIX века (политическая программа журнала «Русский ве-

стник» в 1856–1862 годах)» (Москва, МГУ, 1970) и изданной на ее основе монографии «От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века)» (Москва, 1972) В.А. Китаев вскрыл природу и сущность дворянского либерализма середины XIX в., показав, что он если не идеологически, то политически тяготел к самодержавию, его оппозиционность носила условный характер и почти сразу же исчезала, как только возникала опасность с левого фланга, со стороны революционно-демократических сил. В то же время было очень точно показано, при каких обстоятельствах и каким образом происходит переход отдельных представителей либерализма на консервативно-охранительные позиции, как это случилось, например, с редактором и видным общественным деятелем М.Н. Катковым.

В докторской диссертации «Славянофилы и западники на рубеже 1850–1860-х годов (к характеристике либерализма эпохи первой революционной ситуации в России)», защищенной в 1980 г. в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, учебном пособии «Славянофилы накануне отмены крепостного права» (Горький, 1981) В.А. Китаев вносит существенные коррективы в представления о характере славянофильства как общественно-политического и идеологического феномена. По мнению ученого, распространенная в литературе монистически-либеральная трактовка славянофильства, в соответствии с которой это течение рассматривалось как разновидность раннего русского либерализма, явно недостаточна. Сам В.А. Китаев выступал сторонником так называемого дуалистического подхода в понимании славянофильства, полагая, что либеральная политическая программа славянофилов на рубеже 1850–1860-х гг. сочеталась у них с консервативной по своей сути философией истории (речь идет в первую очередь об историософском обосновании особого, отличного от Запада, пути исторического развития России). И последнее на чаше теоретико-идеологических весов, похоже, перевешивало.

В «волгоградский» период научные интересы В.А. Китаева не изменились, но их круг расширился. Были продолжены исследования по истории русского либерализма. В условиях начинающегося кризиса социалисти-

ческой идеологии и практики уместным было осмыслить идейное наследие этого направления общественного движения и общественной мысли. Результатом стал спецкурс по истории утопической социалистической мысли в России и серьезные размышления (на примере такой яркой фигуры в социалистическом движении, как А.И. Герцен) по проблеме революционного насилия: его целесообразности, пределах, последствиях. (Статья «Проблема революционного насилия в идейном наследии А.И. Герцена» была опубликована в журнале «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität» в 1990 году.) Но основной акцент был сделан на изучении истории русского консерватизма XVIII–XIX веков. Подготовлен авторский спецкурс по истории консерватизма в России. В рамках консервативных штудий завершено монографическое исследование «Славянофилы на рубеже 1850–1860-х годов» (Волгоград, 1994).

В 1996–1998 гг. В.А. Китаев руководил исследовательским проектом «Национальный вопрос в русской либеральной и консервативной публицистике второй половины XIX века», поддержанным грантом РГНФ. В рамках этого исследования были выявлены и проанализированы подходы к пониманию и решению национального вопроса всеми видными представителями русской либеральной и консервативной мысли названного периода.

Летом 1999 г. В.А. Китаев переехал в Нижний Новгород и вернулся в родную alma mater. Последующие годы стали, я бы так определил, временем серьезного научного синтеза. Выходят книги, отличающиеся широким охватом фактического материала – идейного наследия видных представителей русской общественной мысли и исторической науки – и глубоким содержанием: «Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.)» (Саратов, 2004), «XIX век: пути русской мысли» (Нижний Новгород, 2008), «Общественная мысль и историческая наука в России XVIII–XX вв.: проблемы историографии» (Нижний Новгород, 2016).

В.А. Китаев поставил, думается, свою окончательную точку в давнем споре с приверженцами монистически-либеральной трактовки славянофильства. Выступая первоначально сторонником дуалистического подхода в понимании содержания и существа сла-

вянофильской доктрины, при каждом возвращении к проблеме ученый наращивал аргументацию в пользу того взгляда, что классическое славянофильство – антилиберальная, антикапиталистическая, консервативная утопия. И в конечном счете, по-прежнему не отрицая в славянофильстве элементы либеральной политической программы, В.А. Китаев утвердил монистически-консервативный подход в его оценке: «Славянофильство зарождалось как консервативная утопия и закончило свое существование в публицистике И.С. Аксакова первой половины 80-х гг. как одно из течений пореформенного консерватизма. Об относительной либеральности практической программы славянофилов можно говорить только применительно к рубежу 50–60-х гг., когда под давлением исторических обстоятельств они вынуждены были согласиться на те преобразования в экономике страны, которые неизбежно вели к установлению капитализма, и осторожно поддерживать последовавшие за отменой крепостного права реформы. Этот явный конформизм был, конечно, укутан в требования не отступать от “русских начал”, защитить рождающиеся земские и судебные учреждения от чужеродного западного формализма» [1, с. 337–338]. Добавим: славянофильство не только было одним из течений пореформенного консерватизма, оно являлось его главной (а в некоторых случаях и единственной) теоретической основой.

Одна из книг В.А. Китаева имеет символическое название: «XIX век: пути русской мысли». Какими путями шла русская мысль? Формально – тремя: либеральным, консервативным, социалистическим. И на этой же развилке трех исторических дорог, как сказочный русский богатырь, Россия стояла в XIX в. (и, кстати, вновь оказалась на рубеже XX–XXI столетий). Куда влекли и вели эти исторические пути-дороги? Ответ историка кажется парадоксальным: «...XIX век звал в Утопию. Это правда. Но правда и то, что он же устами выдающихся русских мыслителей предупреждал о ее невозможности» [1, с. 3].

Поиск русской мыслью ответов на злободневные политические и социально-экономические вопросы был, как это ни пафосно прозвучит, мучительно-трудным. В.А. Китаев приходит к заключению, и вполне убедительному,

что поиск этот шел на путях идеологического синтеза. Так, в русском консерватизме начиная с его истоков (с М.М. Щербатова) без труда прослеживаются либеральные элементы. Классический русский либерализм в большей (К.Д. Кавелин) или меньшей (Б.Н. Чичерин) степени тяготел к консерватизму, даже к социализму (социальный либерализм журнала «Вестник Европы»). В отдельных случаях можно, видимо, без какой-либо натяжки говорить о попытке полного синтеза всех трех идеологий нового времени: либерализма, консерватизма, социализма (П.И. Пестель). Как нам видится, основу такого синтеза составляют извечные чаяния народа, в которых отразились и народные мечты о свободе, и неистребимое стремление к ней, и приверженность к традиционным национально-государственным ценностям, и тяга к социальной справедливости (подробнее см. об этом: [2, с. 179]).

Выводы В.А. Китаева представляются нам тем более значимыми, что путем такого же мучительного поиска исторического, политического, идеологического синтеза на протяжении долгих десятилетий XIX – начала XX в. шла и Россия, неся при этом огромные и невосполнимые, к сожалению, потери. Как уже говорилось, в начале нынешнего столетия Россия вновь оказалась на исторической развилке тех же исторических путей. То, что это снова будет синтез и что он будет непростым, сомнений не вызывает. Но есть надежда, что наши исторические уроки хоть в какой-то степени усвоены, поэтому нам удастся избежать больших жертв.

Поздравляя Владимира Анатольевича Китаева с юбилеем, хочется поблагодарить его за все уже сделанное им в исторической науке, пожелать здоровья, долголетия и новых трудов. Убежден: на путях русской мысли нас ждет еще много интересного и, главное, поучительного!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Китаев, В. А. XIX век: пути русской мысли / В. А. Китаев. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. – 355 с.
2. Кузнецов, О. В. «Пути русской мысли» В.А. Китаева: к юбилею ученого / О. В. Кузнецов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 6. –

C. 178–181. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.18>

REFERENCES

1. Kitaev V.A. *XIX vek: puti russkoy mysli* [The 19th Century: Ways of Russian Thought]. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegor. gos. un-ta, 2008. 355 p.

2. Kuznetsov O.V. «Puti russkoy mysli» V.A. Kitaeva: k yubileyu uchenogo [Ways of Russian Thought by V.A. Kitaev: To Scholar's Jubilee]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 6, pp. 178-181. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.18>

Information About the Author

Oleg V. Kuznetsov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, oleg.kuznetsov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2075-6003>

Информация об авторе

Олег Викторович Кузнецов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, oleg.kuznetsov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2075-6003>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2023 года 3132 руб. 60 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 3132.60 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

